

ВЕКА

65.015
В 26 5

НЕРАВНОЙ БОРЬБЫ



Предлагаемая читателю работа — первая из серии книг по истории национально-освободительной борьбы в странах Азии и Африки. В ней рассказывается о сопротивлении народов Азии и Африки порабощению в период образования колониальной системы и до начала общего кризиса капитализма (с XVI в. до 1917 г.).

Вторая книга — «Пробуждение угнетенных» — охватывает период возникновения и развития кризиса колониальной системы империализма, многообразного влияния Октябрьской революции в России на борьбу порабощенных народов Востока (1917—1945 гг.).

В третьей книге — «На новом пути» — освещается распад колониальной системы и проблемы развития освобождающихся стран.

768

ВЕКА

НЕРАВНОЙ

БОРЬБЫ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР



ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ



ИНСТИТУТ АФРИКИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

6

НАЦИОНАЛЬНО— ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АЗИИ И АФРИКЕ



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Б. Г. ГАФУРОВ, Г. Ф. КИМ,
С. Н. РОСТОВСКИЙ, В. Г. СОЛОДОВНИКОВ
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ

36

ИНТЕРНЕТ

ВЕКА НЕРАВНОЙ БОРЬБЫ



ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
центральная городская
БИБЛИОТЕКА

12

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ответственный редактор
В. Н. НИКИФОРОВ

В книге показано возникновение и развитие колониальной системы капитализма и борьба народов Азии и Африки против колониального порабощения (XVI — начало XX в.).

1-6-3
17-67

Распад колониальной системы империализма породил острую необходимость всестороннего изучения социально-экономических и политических процессов, происходящих в странах Азии и Африки. Необычайный размах, глубина и своеобразие этих процессов могут быть поняты лишь на основе марксистско-ленинского анализа современного развития стран Азии и Африки, а также их исторического прошлого.

В связи с этим возникла идея издания, состоящего из трех книг, которое призвано отразить работу советских востоковедов над проблемами национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки.

Ядро авторского коллектива составляли следующие научные сотрудники Института народов Азии: В. Н. Никифоров — ответственный редактор книги «Века неравной борьбы», Г. И. Левинсон и Л. Р. Полонская — ответственные редакторы книги «Пробуждение угнетенных», В. И. Павлов и И. Б. Редько — ответственные редакторы книги «На новом пути». Руководство авторским коллективом и всей работой осуществлено С. Н. Ростовским.

В состав основного авторского коллектива вошли научные сотрудники Института народов Азии Р. Г. Ланда, П. М. Шаститко, К. В. Кукушкин, А. Б. Резников, а также научные сотрудники Института Африки: М. И. Брагинский, А. Б. Летнев и В. А. Субботин. Этот коллектив наряду с редакционной коллегией несет общую ответственность за высказанные в работе положения и выводы. Карты составлены К. В. Кукушкиным и П. М. Шаститко.

Тема первой книги «Века неравной борьбы» — сопротивление народов порабощению в период образования колониальной системы и до начала общего кризиса капитализма (с XVI в. до Великой Октябрьской социалистической революции).

Вторая книга — «Пробуждение угнетенных» — посвящена возникновению и развитию кризиса колониальной системы империализма, многообразному влиянию Великой Октябрьской социалистической революции на борьбу порабощенных народов Востока.

Распад колониальной системы и проблемы развития освобождающихся стран освещаются в третьей книге — «На новом пути». Здесь рассматриваются разнообразные формы сотрудничества СССР и других социалистических стран с народами Азии и Африки, а также характерная для современной эпохи борьба мировой социалистической системы с империализмом за пути развития освободившихся стран.

Авторский коллектив ставит перед собой задачу дать связное изложение главных закономерностей и узловых моментов истории национально-освободительной борьбы основных стран Азии и Африки, по понятным причинам не претендуя на исчерпывающий показ всех этапов развития всех стран этих континентов.

Хронологически ранние этапы национально-освободительной борьбы рассмотрены более сжато, близкие к нашему времени — подробнее. История стран Латинской Америки, а также азиатских народов России и СССР специально не рассматривается.

В работе над книгой авторы использовали все основные имеющиеся труды, а по некоторым конкретным проблемам вели самостоятельное исследование.

Авторский коллектив надеется, что издание будет полезно не только востоковедам, но и более широкому кругу читателей, интересующихся проблемами Азии и Африки.

* * *

Книга «Века неравной борьбы» написана авторским коллективом в следующем составе.

Основные авторы глав: гл. 1 — В. Н. Никифоров, В. А. Тюрин; гл. 2 — В. Н. Никифоров, Н. А. Халфин; гл. 3 — Г. Д. Тягай; гл. 4 — В. А. Субботин; гл. 5 — В. Н. Никифоров.

Члены авторского коллектива, являющиеся авторами ведущих разделов: Ф. Б. Белелюбский (гл. 2 и 5, разделы об отношении прогрессивной мировой общественности к колониальной проблеме и о I Интернационале); Л. Р. Полонская

(гл. 1, 2, 3, разделы по истории общественной мысли); В. И. Павлов (гл. 2 и 5, разделы по экономике); С. Н. Ростовский (гл. 2 и 5, разделы по экономике); С. Н. Ростовский (гл. 2, раздел о взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса по национальному и колониальному вопросам и гл. 5, раздел «В. И. Ленин о национально-колониальном вопросе»).

Авторы разделов по странам: Л. Б. Алаев (Индия в гл. 1); И. Д. Бакшт (Вьетнам в гл. 3); Ф. Б. Белелюбский (Китай в гл. 2); Н. К. Белова (Иран в гл. 1, иранская революция 1905—1911 гг. и помощь иранской революции со стороны революционных сил России в гл. 5); Х. И. Кильберг (Египет в гл. 3); М. Г. Козлова (Бирма в гл. 3); Н. А. Кузнецова (Иран в гл. 2 и Иран в годы первой мировой войны в гл. 5); М. С. Лазарев (часть раздела о Турции в гл. 5); Ю. О. Левтонова (Филиппины в гл. 1 и 3); В. Н. Никифоров (Китай в гл. 3); А. М. Осипов (Индия в гл. 2); Ю. А. Петросян (Турция в гл. 3); В. А. Субботин (Тропическая и Южная Африка в гл. 1 и 5); Ф. А. Тодер (Япония в гл. 1 и 3); В. А. Тюрин (Индонезия и Сиам в гл. 2, восстание в Сингапуре в гл. 5); Г. Д. Тягай (Корея в гл. 1).

При работе над книгой авторы пользовались также материалами и консультациями А. Б. Беленького, А. А. Бокщанина, Н. М. Калужной, Р. Г. Ланды, Г. И. Левинсона, С. А. Мхитаряна, Л. А. Семеновой, А. С. Тверитиновой, И. М. Фильштинского, А. И. Чичерова, П. М. Шаститко, Т. Л. Шаумян.

Научно-техническая подготовка рукописи осуществлена О. С. Ларионовой.

БОРЬБА НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ ПРОТИВ КОЛОНИЗАТОРОВ (XVI—XVIII вв.)

Конец средних веков был кануном капиталистической эры и началом нового периода всемирной истории.

До того как становление новых общественных отношений в передовых странах возвестило о себе первыми буржуазными революциями: Нидерландской (вторая половина XVI в.) и Английской (40-е годы XVII в.), в важнейших странах Европы и Азии господствовал феодализм.

В самом центре Европы существовала «Священная Римская империя германской нации» — конгломерат в той или иной форме зависимых друг от друга феодальных государств. В Польше лишь завершалось складывание шляхетской королевской «республики». Во Франции в этот период развивался королевский абсолютизм. Англия только что вышла из кровавой феодальной войны Алой и Белой розы. На востоке Европы — в Российском государстве, на юго-западе — в Испании заканчивалось формирование централизованных феодальных государств.

Для Западной Европы XIV—XV века были временем широкого распространения товарно-денежных отношений, возникновения первых капиталистических мануфактур — сначала в отдельных городах Италии и Нидерландов. Крестьянские войны сотрясали феодальное общество. В то же время **конец XIV в. знает уже первое восстание наемных рабочих, предшественников пролетариата, — «чомпи» во Флоренции. Расцветают торговые города Италии, растет морская торговля испанских, португальских, нидерландских, северогерманских городов. Занимается заря капитализма.**

В странах Азии, слухи о сказочных богатствах которых доходили в средние века до западных феодалов и купцов, господство феодализма казалось незыблемым. Феодалные отношения преобладали у большинства оседлых земледельческих народов — от Японии и Индонезии до Египта и Магриба. У многих кочевых народностей, населявших степи Маньчжурии, Монголии, Средней Азии, Азербайджана, кочевавших на обширных нагорьях Ирана, Афганистана, Малой Азии, Северной Африки, классовое общество сложилось сравнительно недавно, были сильны пережитки родо-племенных отношений. Как нередко бывало в истории разных народностей на стадиях раннеклассового общества, растущая знать стремилась использовать силы соплеменников для нападений на соседние народы. Оседлые народы не раз становились добычей кочевников.

Одни народы Тропической и Южной Африки находились на стадии первобытнообщинного строя, другие — на стадии раннеклассового общества. В Америке, отделенной океанами от остального мира, изолированно развивались два очага цивилизации — ацтеков (Мексика) и инков (Перу). Сложившиеся там общественные отношения следует, по-видимому, рассматривать как один из ранних этапов рабовладельческого строя. На обширных просторах Северной Америки свободно жили племена индейцев, находившиеся на стадии родо-племенного общества.

Конец XV — начало XVI в. можно охарактеризовать как такой период всемирной истории, когда в разных частях земного шара одновременно существовали первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодальный и новорожденный капиталистический. При этом в первые десятилетия XVI в. трудно было предположить, что в течение последующих трех-четырёх столетий младенец-капитализм так вырастет и окрепнет, что сотрет с лица земли племена и целые народы, подчинит нескольким пердовым странам Западной Европы большую часть земного шара, обречет на рабство и медленное вымирание миллионы африканцев, живших вольной жизнью первобытных общин, пожрет цивилизации Центральной и Южной Америки, приспособит к потребностям европейского капитала феодальные отношения в великих империях Азии.

В XVI—XVII вв. феодальные страны Азии казались более могущественными и несравненно более богатыми, чем западноевропейские.

Страны Азии и Африки внесли большой вклад в культуру человечества. Жители великих исторических очагов культуры — долин рек Нил, Инд, Ганг, Тигр и Евфрат, Хуанхэ и Янцзы, Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи — создали высокоразвитую культуру поливного земледелия. Они стали первыми строите-

лями плотин, создателями первых письменностей, первых систем календаря. Специалисты-ботаники единодушно признают, что основные окультуренные растения (рис, пшеница, ячмень, овес, просо) имеют афро-азиатское происхождение.

В Индии были впервые выведены хлопчатник, сахарный тростник, многие пряности, домашние куры. Индийские ткани изумляли своей великолепной выделкой весь мир. В Индии были высоко развиты науки (математика, астрономия). Индийская философия, индийское искусство — нередко в средневековой религиозной оболочке — оказали влияние на Китай, Монголию, Бирму, Индокитай, Индонезию.

В Китае давно были известны порох, компас, книгопечатание, фарфор, бумажные деньги. Высокого развития там достигли шелководство и чаеводство, а из наук — история, философия, математика, медицина. Китайская цивилизация оказала влияние на Японию, Корею, Вьетнам.

Высокую культуру создали народы Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, многие из которых входили до X в. в состав арабской империи — халифата: Иран, Ирак, Сирия, средневековый Египет, страны Магриба. Написанные учеными этих стран сочинения по истории, философии, алгебре, медицине, химии послужили отправным пунктом для западноевропейской науки периода расцвета средневековья. Всемирную известность приобрели представители культуры народов Средней Азии Ибн Сина, Рудаки, Улугбек и другие. Еще с 15 марта 1079 г. в странах арабской культуры был введен исправленный известным поэтом и ученым Омаром Хаййемом новый, более точный календарь. Аналогичная система измерения времени введена была в Европе папой Григорием XIII только в 1582 г.

В Европе пользовались спросом производившиеся на Востоке шелка, ситцы, парча и бархат, ковры, знаменитая дамасская сталь. Кроме товаров ремесленного производства из стран Ближнего Востока в Европу вывозились пряности, тростниковый сахар, парфюмерные изделия.

Купцы, владевшие большими, иногда в несколько миллионов динаров состояниями и занимавшиеся оптовой международной морской и сухопутной торговлей, совершали сделки от Магриба до Ирана и Средней Азии при помощи чеков*.

Восток выдвинул замечательных ученых-историков, которые писали многотомные истории, сначала халифата и всех мусульманских стран (IX в.), а затем и всех народов от Западной Европы до Китая. Такую попытку сделал иранский историк Рашид ад-Дин в XIV в., когда европейские историки

* Слово «чек» персидского происхождения.

не мыслили еще в подобных масштабах. В конце того же века в Тунисе Ибн Халдун выработал собственную теорию исторического процесса, в основу которой положил влияние географической среды на развитие общества.

Социально-экономический уровень стран Востока накануне прихода европейских колонизаторов

Рассматривая положение стран Азии и Северной Африки накануне прибытия в крупнейшие азиатские страны — Индию, Индонезию, Китай, Японию — на рубеже XV и XVI вв. первых западноевропейских кораблей, мы пойдем последовательно с запада на восток, так как наиболее резкие изменения в существовавшей около тысячелетия системе государств произошли к XV—XVI вв. в западной части восточного мира.

Эти резкие изменения связаны с тем, что сначала к XIII в. окончательно распалась великая арабская империя — халифат, а затем, в XIV—XV вв., на месте греческой Византийской империи возникла турецкая — Османская с центром в Малой Азии.

Волны тюркских кочевников, вытекая из степей Центральной и Средней Азии, катились в течение сотен лет через Иран и Ирак в Малую Азию, население которой им постепенно удалось полностью ассимилировать.

Тюркские племена, в течение веков заселявшие опустошенную войнами Малую Азию, объединились под главенством турок-османов, добились Византию (XV в.) и создали военно-феодальную Османскую империю, под иго которой попали страны от границ Ирана на востоке до Магриба на западе. Османская империя, раскинувшись на стыке трех континентов — Азии, Африки и Европы, принесла покоренным народам экономический и социальный застой и упадок. Турецкое иго задержало на несколько веков развитие арабских государств, стран Балканского полуострова. До турецкого нашествия в этих странах происходил рост городов, в какой-то мере напоминающий аналогичный процесс в Западной Европе периода развитого феодализма.

В Египте, к XIII в. успешно отразившем нашествие крестоносцев с запада и монголов с востока, было высоко развито ремесленное (главным образом ткацкое) производство, процветала торговля, государство уделяло большое внимание строительству ирригационных сооружений. К этому периоду относится подъем городской культуры, выразившийся, в частности, в развитии литературы, появлении новелл, в которых героем выступает хитрый, предприимчивый горожанин, одер-

живающий верх над тупыми и порочными придворными. Нет данных, которые позволили бы с достаточным основанием говорить о возникновении и развитии в египетском ремесле форм, переходных к капиталистическим, но можно проследить в этот период рост частной феодальной собственности на землю, что в конечном счете могло бы облегчить условия возникновения капиталистического производства.

В западной части Индийского океана велась оживленная торговля, находившаяся в руках иранских, индийских и арабских (оманских) купцов. На побережье Аравийского моря и Индийского океана существовали цветущие торговые колонии. Отсюда вывозились золото, жемчуг, слоновая кость, черные рабы. Португальцы, когда увидели в конце XV — начале XVI в. этот новый для себя мир, назвали арабский Аден «одним из четырех великих торговых городов Вселенной», что, конечно, было в их устах немалой похвалой. Во время первой экспедиции Васко да Гамы португальцы, ощупью идя вдоль побережья Африки, добрались до небольшого порта Мелинда (под 3° ю. ш.), где им посчастливилось нанять выдающегося лоцмана — Ибн Маджида, араба, уроженца Омана, из семьи моряков-лоцманов, автора многих географических сочинений. Ибн Маджид провел эскадру Васко да Гамы в крупнейший индийский порт Каликут. В XVI в. вследствие турецкого завоевания арабские страны были отброшены назад в своем развитии; вторжение португальцев усугубило упадок арабских городов.

Для Ирана конец XVI — первая половина XVII в. были периодом временного прекращения господства кочевников, подъема феодальной экономики. Реформы шаха Аббаса I содействовали постепенному превращению условного феодального землевладения в частную феодальную собственность на землю (полностью этот процесс завершился только к середине XIX в.).

Тенденция к распространению частной феодальной собственности (мульк) связана с развитием товарно-денежных отношений, с общим ростом производительных сил, оживлением торговли и хозяйственным подъемом. В руках представителей новых привилегированных прослоек, среди которых было купечество, сосредоточивались значительные капиталы, не только вкладывавшиеся в торговлю и ростовщичество, но и использовавшиеся для покупки земельных участков или освоения неводеланной земли с помощью орошения. Большую роль в экономике страны играло шиитское духовенство, владевшее вакфами (землями духовных учреждений), а также караван-сараями, лавками, банями и пр. Доходы с вакф-

ных владений, шедшие в пользу духовенства, иногда превышали доходы самого шаха.

Из отраслей ремесленного производства в Иране XVI—XVII вв. особенно славилось ткачество. Производство тканей на заказ и на рынок достигло таких размеров, что стало вытеснять в ряде областей домашнее производство (1460 местечек и селений в районе Исфахана производили ткани для продажи). Появились крупные ткацкие мастерские в городах Исфахане, Кашане, Йезде, Кермане, Ширазе, Тебризе и Мешхеде. Иранские ткачи производили на внешний и внутренний рынки большой ассортимент шелковых тканей, бархат, двустороннюю парчу (французский путешественник Шарден писал о ста сортах парчи). По качеству такие ткани превосходили ткани западноевропейского производства и высоко ценились на внешнем рынке.

Широко было распространено производство разнообразных хлопчатобумажных тканей, тонких и легких войлоков и ковров, тюбетеек и поясов из шелка и золотых нитей. Больших успехов иранские мастера достигли в обработке металла. Они изготавливали холодное оружие, стволы мушкетов, астрономические инструменты, металлическую посуду и др. Изделия иранских оружейников того времени вывозились в Россию и Западную Европу. Было развито изготовление растительных красок, изделий из кожи, бумаги, стекла, мыла и прочих товаров массового потребления. До сих пор вызывают восхищение образцы художественного ремесла сефевидского Ирана — ковры, керамика, изделия из бронзы, лака, перегородчатой эмали.

Быстро начинают расти города, особенно на северо-западе и в центральных районах. По численности и по уровню ремесленного производства они превосходят города домонгольского времени. Население Исфахана составляло около 500—600 тыс. человек. Не случайно многолюдность Исфахана породила народную пословицу «Исфахан — половина мира». Но внешний вид городов мало изменился. Как и ранее, они имели полуаграрный характер. Некоторые еще хранили отпечаток разрухи, оставленной монгольскими завоевателями в XIII в. и Тимуром в XIV в.

Ремесленное производство основывалось на ручном труде. В крупных мастерских объединялись различные отрасли ремесла. К золототкачеству, например, имело непосредственное отношение изготовление золотых и серебряных нитей из тончайшей проволоки. Французский путешественник Рафаэль дю Ман свидетельствовал, что одни ремесленники волочили проволоку через специальные устройства, другие расплющивали ее молотками, третьи (как правило, жены ремесленников) сматывали готовые нити в мотки. Дю Ман утверждал, что последняя операция выделилась в отдельную профессию.

Большинство городских ремесленников объединялись в цеховые союзы. Ремесленный цех представлял собой податную единицу. Общее собрание мастеров обсуждало цены на изделия, производило раскладку общей суммы налога между членами цеха. Фактически распределением налогов внутри цеха ведали главы цеха, старшины.

Ремесленники также привлекались к отбыванию целого ряда повинностей — по постройке дорог, мостов, укреплений, ирригационных сооружений — в пользу государства. Ремесленники были обязаны производить для шахского двора разные работы, при этом они получали материал, но работа производилась бесплатно. Городское население, как и сельское, платило поземельную подать с садов и огородов, сборы натурой или деньгами в пользу шаха и для вознаграждения разных лиц, занимавших административные должности. На ремесленников ложились расходы по содержанию прибывавших иностранных послов. Полунищенские доходы большинства ремесленников, длительный рабочий день, мрачный фанатизм шиитского духовенства, ополчавшегося против всякого инакомыслия и жестоко расправлявшегося с приверженцами крайних шиитских сект, распространенных в ремесленной среде, делали жизнь ремесленного населения весьма тяжелой.

Из имеющихся данных о ремесленном производстве Ирана XVI—XVII вв. следует, что оно не достигло раннекапиталистического, т. е. мануфактурного, уровня, хотя развивалось в этом направлении.

В Персидском заливе бесплодный, почти целиком состоящий из соли остров Ормуз с его замечательной гаванью служил с XIV в. складочным пунктом и центром транзитной сухопутно-морской торговли, проходившей через Иран и Среднюю Азию, между Индией, Китаем, Аравией и странами Европы. В XV в. Афанасий Никитин, прожив в Ормузе месяц, написал: «Ормуз — великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете рождается, то в Ормузе есть». Из сухопутных центров торговли и ремесла в XV—XVI вв. на Ближнем Востоке выделялся армянский город Джульфа, входивший в состав Иранского государства. Здесь выросла экономически сильная торгово-ростовщическая прослойка. Шах Аббас, решивший перевести центр торговых операций в район своей столицы — Исфахана, предпринял насильственное переселение населения Джульфы в основанное им торгово-ремесленное предместье Исфахана, Новую Джульфу. Из 15 тыс. армянских семей до Новой Джульфы дошли 3 тыс., остальные погибли в пути. Важным торговым пунктом на северо-западе Ирана был г. Тебриз.

Однако со второй половины XVII в. наступает упадок городов Ирана, причины которого еще слабо изучены.

В Индии XVI—XVII века были временем расширения государства Великих Моголов — последней крупной империи на территории Индии в доколониальный период. К концу XVII в. она охватила почти весь полуостров. Падишах Аурангзеб (1658—1707) прилагал огромные усилия, чтобы укрепить свою громадную империю, но постоянные восстания маратхов в Декане, джатов в центральных районах Индии, роушанитов в Афганистане, сикхов в Пенджабе подрывали его власть и в конце концов привели к крушению государства Моголов. В XVIII в. империя фактически распалась на ряд государств с более или менее единым этническим составом, но имевших прежний характер военно-феодальных объединений.

В Могольской империи и в сменивших ее государствах большое развитие получила частная феодальная собственность на землю, но государственная собственность продолжала играть важную роль. Если в Бенгалии откупщики-заминдари фактически захватили в XVIII в. землю в собственность, а на Малабаре государственные земли никогда не преобладали, то в Махараштре при первом маратхском государе Шиваджи вообще не было категории частных земель, а в Майсуре во второй половине XVIII в. произошло резкое расширение государственных земель за счет частных.

На частных и государственных землях в одинаковой степени в этот период росла феодальная эксплуатация. Обычный поземельный налог часто превышал стоимость половины валового урожая, иногда доходя до двух третей и даже трех четвертей. Кроме того, взимались другие поборы. К XVI в. в большинстве областей рента была денежной, но в Кашмире, Синде, а также на поливных землях под рисом в других районах она оставалась натуральной. В этот период со всех сторон раздаются жалобы на разорение крестьян, на их бегство от непосильных налогов, на накопление недоимок. Получили распространение наемный труд в сельском хозяйстве и различные виды издольщины, но основной фигурой деревни оставался наследственный держатель земли, который лишался ее лишь в том случае, если переставал платить подати. Наемные работники и кабальные арендаторы имели тенденцию превращаться тоже в наследственных держателей, ибо некоторые права на землю служили лучшей гарантией против бегства крестьян от их господ. В ряде районов (Майсур и др.) крестьяне были прикреплены к земле законодательно.

Общинная организация продолжала сохраняться, но получила ряд новых черт. Она не только регулировала отношения нетоварного разделения труда в деревне между земледельцами и ремесленниками и обеспечивала сбор податей, но и стала в качестве низшей ячейки податного аппарата вмешиваться в землепользование своих членов. Если раньше, в средние

века, характерным и наиболее распространенным было подворно-наследственное землепользование при общинном землевладении, то в XVII—XVIII вв. в Андхре, Майсуре, ряде районов Тамилнада, Гуджарата, Ассама, Бунделькханда развивается передел земли по принципу хозяйственных возможностей крестьянских семей. Кто имел больше волов и плугов, тот получал большую долю земли и должен был платить большую долю податей. Имущественная дифференциация все больше проникала в общину и разлагала ее.

Существовало несколько форм ремесленного производства в Индии. При всем их разнообразии главной формой ремесла было ручное прядение и ткачество в рамках большой семьи или в рамках индивидуального крестьянского двора. Оно составляло основу натурального крестьянского хозяйства, в котором соседская деревенская община сохраняла ко времени колониальных захватов преобладающее значение. Вместе с тем в деревнях жили ремесленники, получавшие за свой труд натуральное содержание от общины земледельцев. Система содержания общинных слуг и ремесленников сохранялась до английского завоевания по всей Индии, за исключением Малабара и, возможно, Бенгалии. Имелись также ремесленники, работавшие по индивидуальным заказам и на местный рынок. Эти ремесленники жили в городе или в деревне. Некоторые из ремесленных производств, например ткачество и операции, связанные с ним, уже стали более или менее товарными. В эти отрасли проникал и подчинял их себе торговый капитал, авансируя производителей деньгами и товарами. Наконец, в столицах Могольской империи (Дели, Агра) и в ряде провинциальных центров имелись государственные мастерские (карханэ) с принудительной организацией труда.

В XVI—XVII вв. особенно быстро росло товарное производство тканей, а вместе с ним подчинение ткачей торговому капиталу. В Масулипатаме в 20-х годах XVII в. было 7 тыс. ткачей, в Харихарпуре (Орисса) — 3 тыс. ткачей — самостоятельных производителей, кроме других, работавших по найму. Мадрас, небольшая деревушка в 1640 г., вырос к концу XVII в. в крупнейший торговый и ремесленный центр Южной Индии прежде всего благодаря поселению в нем больших групп ткачей.

Вокруг городских центров ремесла образовалась обширная ремесленная периферия. Ряд мелких городов с тяготеющими к ним поселениями объединялся вокруг крупного города, образуя своего рода экономический район. Так, в Патну поступали шелковые ткани из соседнего города Баикантхпура, а хлопчатобумажные — из Лакхавара, Бихара и др. В Баласоре продавались ткани из окружающих городов Харихарпура, Джелассора и др. Подобные связи были характерны и

для других крупных городов Бенгалии, Махараштры, Гуджарата, Майсура.

Связи существовали и между районами и между крупными городами. Закладывались, таким образом, предпосылки для создания внутреннего рынка в пределах государств или крупных административных областей.

Однако процесс разделения труда и роста внутреннего рынка шел в Индии неравномерно. Сказанное выше относится в основном к прибрежным районам, экономика которых получала дополнительный внешнеторговый импульс. В это же время ремесленное производство в центральных районах Могольской империи не развивалось, а во второй половине XVII в. даже сократилось. Такому упадку способствовал, в частности, переезд двора на Декан — в 1679 г. Аурангзеб обосновался в Доулатабаде, переименованном в Аурангабад.

43715
187768

Развитие товарно-денежных отношений при господстве мелкого производства неизбежно вызывало появление скупщика, подчинявшего себе ремесленника. Через скупщиков поступали на рынок прежде всего ткани, а также пряжа, сахар, шелк, опиум, рис, пшеница, масло, пенька, мешковина, селитра, индиго. Во второй половине XVII в. во многих районах индийские торговцы монополизировали рынок тканей и других товаров. Один из крупнейших торговцев того периода Кази Виранна контролировал ткацкое производство на территории от Мадраса до Амаргаона. Он разбил территорию на 18 районов и поставил во главе каждого из них по 5 агентов, которые объезжали район и устраняли всяческие помехи для работы ткачей. Ткани, поставлявшиеся Кази Виранной, были высокого качества.

На основании развития товарного ремесленного производства в XVII—XVIII вв. в недрах феодальной экономики появляются новые экономические формы организации труда, которые в литературе получили название «зачатков капиталистических отношений». Например, характер капиталистической работы на дому принимало производство ремесленника, если он работал исключительно по заказам скупщика и имел связь с рынком только через его посредство. Такого рода отношения отмечаются в ткачестве и набойке тканей, добыче селитры и соли, в плотничном деле. Мастерские с разделением труда мануфактурного типа появляются в кораблестроении, горном промысле, шелкомотальном производстве, сахароварении, маслоделии, добыче индиго. На железоделательных мануфактурах начинают производить орудия труда для сельского хозяйства и ремесла.

Эти явления отмечаются во всех развитых районах Индии и во всех основных видах производства. Однако ни в одной отрасли они не стали преобладающими. Роль новых эле-

ментов в экономике страны в целом еще неясна. Несомненно их развитие встречало весьма серьезные препятствия. Отсутствие сословного строя способствовало тесному сращению верхушки торговцев с классом феодалов. Наиболее яркий тому пример — карьера Мир Джумлы, некогда торговца, а затем одного из самых видных вельмож Голконды и Могольской державы. Это сращение происходило на феодальной основе. Феодалы нередко использовали торговлю для повышения своих доходов, а купцы с готовностью применяли методы феодальной эксплуатации для повышения торговых прибылей.

Диктатура феодального класса, система налогов, всесилие чиновников — все это оказывало отрицательное влияние на ремесленное производство и торговлю. Особенно болезненно на экономике страны сказалась политика Аурангзеба — гонения на «неверных» — индусов, знаменовавшая наступление периода мусульманской феодальной реакции.

Народности и племена Индонезии и Малайи в XV—XVII вв. находились на различных ступенях общественного развития: от первобытнообщинного строя (племена внутренних районов) до развитого феодализма (Ява, Мадуре, прибрежные районы Суматры, Сулавеси, Восточной Индонезии, Малайи).

В этой области сложились два основных типа феодальных государственных образований. Первый, распространенный в Центральной и Восточной Яве, а также на Мадуре и Бали, характеризовался развитым поливным земледелием, отчетливо выраженной государственной собственностью на землю, наличием централизованного бюрократического аппарата, посредством которого осуществлялась феодальная эксплуатация крестьянства, сохранившего традиционную общинную организацию. Второй тип — прибрежные государства, зависевшие от внешней торговли. В этих государствах местная феодальная аристократия пользовалась значительной независимостью от правителя, принимала непосредственное участие в торговле, в судоходстве, снаряжая торговые суда, финансируя местное и иноземное купечество.

В прибрежных государствах (в меньшей степени во внутренних районах Индонезии и Малайи) росло товарное производство, развивалось ремесло и денежное обращение. Ясно прослеживается тенденция к расширению экономических межостровных и межрайонных связей, к созданию крупных централизованных государств. Та же тенденция характерна, как мы видели, и для других стран на стадии развитого феодализма. в Индонезии это выразилось в первую очередь в ро-

сте купеческого и ростовщического капитала, в более широком вовлечении населения во внешнюю и межостровную торговлю.

В начале XV в. экспедиция Чжэн Хэ, посетив Малакку, нашла здесь маленький рыбацкий поселок. А через столетие — в начале XVI в. — португальцы считали Малакку крупнейшим портом известного им мира: по их словам, здесь было 30 тыс. домов, в порту стояло полтораста кораблей, прибывших из разных стран, на улицах можно было слышать говор на 84 языках. Здесь встречались индийцы, малайцы, китайцы, бирманцы, цейлонцы, иранцы, сирийцы, армяне, греки, египтяне, венецианцы. Иногда в Малакке жило «до десяти тысяч» чужеземных торговых гостей. В городе были два индийских квартала, один яванский, один китайский. Здесь продавались ткани Сирии, опиум и ароматные смолы Аравии, слоновая кость Африки, хлопчатобумажные ткани Гуджарата и Бенгалии, персидские ковры, китайские шелк и фарфор, гвоздика, перец, мускатный орех с Молуккских о-вов. Индонезийские и малайские корабли поддерживали связь с Китаем, Индией, доплывали до Африки. Португальский завоеватель Малакки — д'Албукерки докладывал в 1512 г. королю Португалии о найденной у яванского кормчего карте, на которой были обозначены все пути, которыми «народы здешние плавали и плавают». «И сдается мне, государь, — писал д'Албукерки, — что карта эта — лучшее из всего, что я видел на свете... А имена на этой карте даны яванскими буквами, и их перевел яванец, который знает грамоту».

Перед приходом в Индонезию португальцев яванские и малайские моряки держали в руках торговые пути восточной части Индийского океана, подобно тому как в западной части океана господствовали купцы арабские и индийские.

В Китае, к XV в. вполне оправившемся от потрясений XIII—XIV вв. (монгольское нашествие, антимонгольская борьба), вновь, как в домонгольское время, росло крупное частное землевладение. Сфера крестьянской собственности на землю, несколько расширившаяся после народных восстаний середины XIV в., резко сузилась. Земли части крестьян и мелких помещиков попадали в руки крупных феодалов (путем пожалований, перехода мелких землевладельцев под «покровительство» крупных, наконец, путем прямого захвата). Эта часть крестьян (так называемые арендаторы) работала на землях частных владельцев-помещиков, находясь в феодальной зависимости от них. Помимо уплаты высокой ренты крестьяне должны были нести тяжелые повинности в пользу феодального государства (строительные работы, перевозки

и т. д.). В связи с ростом товарно-денежных отношений налог, прежде взимавшийся с крестьян продуктами, стал взиматься деньгами.

Китайское государство долгие века развивалось в окружении сравнительно небольших стран, экономически менее развитых, чем Китай. Оно не имело тесной связи с другими высокоразвитыми цивилизациями, такими, как Индия, не говоря уж о Ближнем Востоке и Европе. Это выработало у китайских феодалов и феодальной интеллигенции представление о своей стране как о центре мира, о народах других стран как о варварах, обязанных Китаю данью. Правящие классы Китая считали своими вассалами не только монголов или маньчжуров (хотя те сами не раз брали с Китая дань и даже целиком завоевывали его), но и соседние государства с высокой земледельческой культурой — Корею, Вьетнам (Вьетнам, находившийся одно время в подчинении у Китая, в XV в. сбросил иноземный гнет и вернул себе независимость).

Период с XV до начала XVII в. был временем роста и расцвета китайских городов, особенно на юго-восточном побережье Китая и в нижнем течении р. Янцзы. Китайские торговцы постоянно посещали Индокитай, Индонезию. По следам частных купцов совершила свои плавания на запад армада кораблей знаменитого китайского мореплавателя Чжэн Хэ в первой половине XV в. Под командованием Чжэн Хэ находились 63 корабля, около 30 тыс. матросов и солдат. В 1414 г. он достиг порта Мелинда на восточноафриканском побережье, того самого, к которому спустя 80 лет подошли с юга португальские корабли Васко да Гамы, открывшие Европе путь в Индию и Китай. Целью экспедиции Чжэн Хэ было продемонстрировать мощь Китая народам бассейна Индийского океана («император решил показать этим странам, сколь велика его сила и сколь богата и могущественна его страна»). Считалось, что такая демонстрация поможет укрепить и расширить торговые связи. Но феодальный Китай не смог использовать достигнутые успехи. Плаваний, подобных экспедиции Чжэн Хэ, больше не предпринималось. Бумаги, оставшиеся от экспедиции, были уничтожены, чтобы исключить возможность повторения подобных предприятий. Чиновник, сжегший бумаги Чжэн Хэ, объяснял: «Экспедиции Чжэн Хэ в Западный океан стоили много денег, и на них израсходована была масса зерна, и народу умерло в них видимо-невидимо. И хотя они вернулись с разными диковинками, какая от этого выгода государству? То было дело, предпринятое дурными чиновниками, за что следует их сурово осудить». При всей ограниченности чиновника, уничтожившего драгоценное достояние науки, можно думать, что в одном отношении он был прав: экспедиции, организовывавшиеся казен-

по-бюрократическими методами, вводя казну в огромные расходы, не давали непосредственной выгоды.

В конце XVI — начале XVII в. в Китае приобретает большое значение деятельность полукупцов-полу пиратов юго-восточного побережья. Они имели свои войска, свой флот, свои базы на побережье. Примечательно, что именно юго-восточные города и их флот стали во время маньчжурского нашествия ядром китайских патриотических сил, длительное время защищавших от захватчиков побережье континентального Китая и о-в Тайвань.

С середины XVI в. в Китае наблюдается сильный подъем ремесленного производства, особенно ткачества, и торговли. Торговля тканями, фарфором, бумагой сосредоточивается в руках крупных компаний. Иногда купцы-посредники полностью подчиняли городских и сельских ремесленников, снабжая их сырьем. Эти новые формы организации ремесла существовали наряду с традиционными, казенными ремесленными мастерскими. Частный предприниматель и купец были задавлены налогами, мастеровые должны были нести трудовые повинности. Развитие было крайне неравномерным: на всей огромной территории Китая появились лишь отдельные островки новых отношений — в устье Янцзы и еще в нескольких районах. Поражение крестьянской войны XVII в. и завоевание Китая маньчжурами, основавшими там династию Цин, прервали нормальный ход развития, привели к гибели многих экономических центров, к укреплению феодальных отношений. Но уже с конца XVII в. наблюдается новое развитие товарно-денежных отношений и ремесла.

Возможности, какие таит в себе феодальный способ производства, очевидно, не были исчерпаны в конце XVI — начале XVII в., так как в конце XVII — первой половине XVIII в. Китай пережил на базе феодальных отношений еще один экономический подъем. Лишь в конце XVIII — начале XIX в. новая волна народных восстаний показывает, что для китайского феодализма началась пора упадка. Процессы, проходившие в недрах ремесленного производства, пока изучены недостаточно. Особое значение приобретает поэтому изучение некоторых явлений, возникших в конце XVI — начале XVII в. в политической и общественной жизни, являвшихся, очевидно, отражением новых экономических процессов. Имеется в виду оппозиционная группировка, сложившаяся вокруг академии Дунлинь в г. Уси, в которую входили ученые, некоторые чиновники и влиятельные представители городских кругов. Группа Дунлинь требовала политики поощрения ремесла и торговли, выступала за расширение применения наемного труда и частной инициативы, критиковала схоластическое конфуцианское образование. Группировка эта, не имевшая свя-

зей с народными массами, была в начале XVIII в. разгромлена феодальной реакцией (некоторые сторонники Дунлинь участвовали потом в крестьянской войне 1628—1645 гг.).

Корея по договору 1637 г., навязанному ей маньчжурами, признала себя вассалом цинской империи. Без ее ведома она не имела права вступать в сношения с иностранными державами и обязана была выплачивать дань. Фактически же корейское государство было суверенным, выплата дани приняла вскоре характер чисто символический — посылки даров маньчжурским императорам в Пекин. С этого же времени правительство Кореи стало проводить политику внешней изоляции страны, запрещая всякие сношения с иностранцами. Корейцам было запрещено селиться в пограничных районах. Дипломатические отношения поддерживались только с цинским Китаем.

По своему социальному устройству Корея представляла собой централизованное феодальное государство с развитой бюрократической системой. В рамках государственной собственности на землю фактически существовало частное помещичье землевладение. Новые крупные феодальные поместья возникли на землях, брошенных их владельцами в годы войн с японцами и маньчжурами (конец XVI — первая половина XVII в.). Крупные помещичьи владения освобождались от налогов, что вело к сильному сокращению поступлений в казну.

В XVII—XVIII вв. сельское хозяйство Кореи, оправившееся от ущерба, нанесенного экономике страны разорительными войнами, переживало подъем: расширилась пахотная площадь, велись ирригационные работы, выращивались новые технические культуры (табак, сладкий картофель), увеличились посадки искусственного женьшеня. Крестьянские хозяйства втягивались в товарно-денежные отношения. В сельском хозяйстве шире применялся наемный труд, оплачиваемый деньгами. Форму найма применяло и государство, привлекая за плату крестьян на различные общественные работы.

Корейская промышленность также переживала полосу освобождения от уз феодальной регламентации. Ремесленники, закрепленные за государственными учреждениями и работавшие по заказу феодального государства, освобождались от зависимости. Постепенно они превращались в лично свободных людей, работающих по найму. Рушилась монополия феодальных гильдий, получивших привилегии от правительства. Основу промышленности по-прежнему составляли промыслы, тесно связанные с земледелием. Корейские ремесленники славились своим искусством на всем Дальнем Востоке как ма-

стера по производству бумаги и бумажных изделий, керамики, фарфора. Бумага, изготовленная в Чхонджу, Нампхёне, Нёнбёне, Пхёнгаме, экспортировалась в Японию и Китай. Правительство одного из японских островов в 1703 г. направил в Корею посольство с просьбой помочь наладить в Японии производство фарфора.

В корейской промышленности до установления торговых сношений с иностранными государствами (1876 г.) усиливается процесс общественного разделения труда, выделения районов, специализировавшихся по производству определенного вида товаров. Из южных провинций поступала бумага, районы Курё и Кесон славились производством металлической посуды. Различные сорта шелка изготавливались в Ёнбёне, Сунчхоне, Начжу и т. д.

Экономическая организация корейского ремесла изучена недостаточно. Но источники говорят не только о казенных мастерских с приписанными к ним ремесленниками, но и о росте отношений найма. Особенно широко применялся наемный труд в горной промышленности. Там появлялось все больше частновладельческих приисков, несмотря на то что добыча золота и серебра считалась привилегией правительства. Детальное разделение труда стало обычным явлением в кораблестроении, типографском деле и т. п.

В XVII в. рушится монополия крупнейших торговых гильдий, пользовавшихся покровительством властей, в частности шести могущественных сеульских фирм, которые в XV в. получили исключительное право торговли. Частный торговый капитал вырастал в серьезную экономическую силу.

Кроме постоянной торговли с цинским Китаем в XVIII в. возобновилась торговля с Японией. Во внешней торговле также ослабла монополия государства, значительно возрос удельный вес частного капитала — купцы Сеула, Пхеньяна, Кесона стали главными ее участниками.

В недрах феодального общества вызревали предпосылки для зарождения капиталистических отношений. Развитие товарно-денежных отношений, сопровождавшееся усилением феодальной эксплуатации, вело к интенсивному процессу разорения и обезземеления крестьянства. Крестьяне с семьями бежали в горные районы, где поднимали целину, и за границу — в Маньчжурию. Сотни беглецов стекались в крупные города — Пхеньян, Хамхын, Сеул. Недовольство народных масс выражалось в крестьянских волнениях, арендных конфликтах, а иногда (особенно позже, с начала XIX в.) в вооруженных восстаниях.

В конце XVI в. в Корее появляются оппозиционные конфуцианству идеологические течения. Основоположниками передового направления были крупнейшие корейские ученые —

Ли Су Кван (1563—1628) и Хан Пэк Кём (1552—1615). На развитие их учения повлияли социально-экономические сдвиги, происходившие в стране, и непрекращавшиеся антифеодальные выступления. Развитие передовой идеологии в Корее было своеобразной реакцией интеллигенции на усиление диктатора конфуцианства. Во второй половине XVII в., после завоевания Китая маньчжурами, корейские феодалы объявили себя единственными хранителями учения китайских мыслителей Конфуция и Чжу Си. Господствующие круги усиленно насаждали преклонение перед Китаем, идеализировали древние китайские обычаи, язык, презирая все корейское.

Интеллигенция выступила против поправки родной культуры и обычаев предков. Талантливые ученые, писатели в середине XVII в. боролись за освобождение от пут конфуцианства и чжусианства корейской культуры и науки. Основоположником этого учения, получившего название «Сирхак» (за реальные знания), был крупнейший корейский ученый Лю Хён Вон (псевдоним Панге, 1622—1673), его учеником и последователем был Ли Ик (Сонхо, 1682—1763). Блестящую плеяду мыслителей школы «Сирхак» в XVIII — первой половине XIX в. составляли естествоиспытатель Хон Де Ён (Там Хон, 1731—1783), писатель, социолог Пак Чи Вон (Ён Ам), его ученик Пэк Че Га и Чон Да Сан, ученый и писатель. Они обладали энциклопедическими познаниями, писали экономические трактаты, художественные произведения.

Сирхакисты, выступая за «реальные знания», т. е. науки, основанные на опыте, — математику, астрономию, естествознание, физику, подвергали резкой критике конфуцианскую схоластику. Почти все передовые ученые того времени побывали в Пекине, где познакомились с какими-то элементами западной науки. Европейская научно-техническая литература с конца XVII в. попадала в Корею из Китая. Заимствовать все лучшее из культуры других стран призывали эти корейские просветители. Сирхакисты сильно отличались от их предшественников — конфуцианских ученых, стремившихся улучшить жизнь народа путем нравственного совершенствования правителей. Новые ученые представили королю обширную программу социально-экономических реформ, предлагая перестройку системы землевладения, меры по развитию торговли и промышленности и т. п.

Наряду с экономическими мерами придавалось огромное значение просвещению. Лозунгом «Сирхак» было: «Знания — широким массам». В области политической теории отдельные авторы (Чон Да Сан) дошли до идеи выборности монарха.

Несмотря на историческую ограниченность корейских мыслителей XVII—XVIII вв., их реформаторские идеи расчищали путь прогрессивному развитию Кореи.

В Японии рост товарно-денежных отношений и экономического влияния торговцев и ростовщиков был замечен еще в конце XII — начале XIII в., когда стали возникать цехи ремесленников и купеческие гильдии. К XVI в. Япония вела оживленную торговлю, связывавшую восточное побережье о-ва Хонсю с внешним миром. На юго-восточном берегу Хонсю вырос торговый порт Сакаи. Китайские купцы посещали японский порт Хаката на севере о-ва Кюсю. С XV в. и особенно в XVI в. в Японии стали возделываться новые сельскохозяйственные культуры, привезенные из Китая, Индии и других азиатских стран (хлопчатник, сахарный тростник, чай, табак, батат и др.). Появление этих культур способствовало возникновению новых отраслей промышленного производства. Усилилось общественное разделение труда, выросли города. К XVI в. относятся первые сведения о мануфактурах.

Города Сакаи, Хаката, Ямагути, Киото в XVI в. были известны как центры текстильного производства. Искусные ремесленники заимствовали у китайских ткачей умение вырабатывать такие сложные ткани, как китайский газ, шелковый креп, парчу и др. Натуральные домашние промыслы японской крестьянской семьи в ряде районов стали постепенно принимать черты мелкотоварного производства.

Торговцы Сакаи были агентами по продаже оружия, которое скупали у иностранных купцов, привозивших его на о-в Танегасима, и перепродавали по всей Японии. В Сакаи существовало и производство оружия. Все эти данные относятся к приморским, главным образом южным, городам, в подавляющем же большинстве районов Японии в XVI в. господствовало натуральное хозяйство.

Внешние связи феодальной Японии не могли в то время нормально развиваться: Китай и Корея в XVI в. закрыли порты для японских кораблей, в эти страны проникали теперь лишь японские контрабандисты. Прервались старые торговые пути, снизилось значение городов западного побережья — Сакаи и Хаката. Однако китайские купцы продолжали вести тайную торговлю с рядом южных японских портов. На этой торговле наживалось купечество г. Нагасаки, феодалы Сацума и других княжеств.

Свертывание Японией в XVII в. широкой морской торговли было одной из причин, замедливших развитие экономики. Японское купечество не получило той возможности накопления капиталов посредством внешней торговли и пиратства, какую имели в то время его собратья из растущих морских держав Запада — Англии и Голландии.

Земельная перепись конца XVI в. и прикрепление крестьян к земле одновременно с рядом указов, например об изъятии оружия у крестьян, обеспечив феодалам получение установ-

ленной нормы повинностей с крестьян, означали укрепление феодальных отношений, препятствовали зарождению буржуазных отношений в сельском хозяйстве.

Битвой при Секигахара в 1600 г. завершилось более или менее полное объединение Японии, последовавшее за периодом феодальных междоусобиц, длившихся с середины XV в. до начала XVII в. В битве победила коалиция феодалов во главе с Токугава Иэясу. Началось 2¹/₂-вековое владычество династии сёгунов (фактических правителей страны) Токугава — вплоть до буржуазной революции 1868 г. Императоры, жившие в Киото, фактически не обладали никакой властью. Настоящей столицей Японии была тогда ставка сёгуна — город Эдо.

В начале правления Токугава деревни были разделены на пятидворки с круговой ответственностью за уплату налогов и выполнение повинностей; запрещена купля-продажа земли (указ 1643 г.), регламентировано дробление участков (указ 1673 г.). Все это затрудняло рост товарных отношений, вело к консервации феодального общественного строя. В то же время централизованное государство, уничтожив, хоть и не до конца, политическую раздробленность, прекратив феодальные распри, объективно содействовало росту производительных сил.

В японском обществе к началу нового периода всемирной истории обнаруживаются некоторые черты, отличающие его от общества в других странах Азии. Это несколько больший удельный вес торговых, бюргерских элементов, выделяющихся из других сословий, в том числе из значительного слоя служилого дворянства — самурайства, наличие городской автономии (Сакаи). Но все это не дает еще оснований считать развитие Японии того периода качественно отличным от развития других феодальных стран Азии — ни по уровню, ни по темпам.

Общественная мысль в странах Востока накануне колониального завоевания

В государствах Азии XVII — начала XVIII в. в развитии общественной мысли отразилось прежде всего противоречие между двумя основными классами доколониального феодального общества — феодалами и крестьянством. Прогрессивные идеологические течения того времени были порождены ростом общественной активности антифеодально настроенного купечества и торгово-ремесленного люда городов. Идеологи этих социальных слоев выступили предвестниками разложения старого феодального строя и рождения в его недрах новых производственных отношений.

Поскольку, по выражению Энгельса, «мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим», религии Востока (буддизм в Юго-Восточной Азии, ислам в арабских странах, Иране, Афганистане, в Индии наряду с индуизмом), а также конфуцианство в Китае играли важную роль в развитии общественной мысли. Религиозность составляла неотъемлемую часть социальной психологии крестьянства. Поэтому в XVII в., так же как в период раннего средневековья, основной идеологической формой антифеодального народного протеста были сектантские религиозные учения.

Не отличаясь по форме, антифеодальные учения XVII—XVIII вв. отразили в своем содержании те изменения, которые происходили в феодальном обществе Востока накануне колониального завоевания.

В условиях господства феодальных отношений всякие социальные антифеодальные идеалы лучшего будущего могли быть только фантастичными, утопичными. Попытки обосновать эти идеалы принимали форму возврата к старому и неизбежно ограничивали прогрессивные идеи узкими религиозными сектантскими рамками.

Протест против незыблемости феодальных порядков и феодальной сословной, а в Индии сословно-кастовой системы выразился в идеях, подвергавших сомнению истинность и справедливость ортодоксальных религиозных догм, освящавших эти порядки. С подобными идеями в XVII в. выступали не только сектанты, часто связанные с народными массами, но и многие представители феодальной интеллигенции, не порвавшие формально с ортодоксальной верой. Стали высказываться мысли о том, что всякое учение порождено конкретными историческими условиями, что толкование религиозных догм должно меняться в зависимости от изменения этих условий, иными словами начало складываться представление о необходимости реформировать религию в духе времени. Не случайно на высказывания в таком роде крупнейшего мусульманского идеолога Индии начала XVIII в. Шаха-Валиуллы ссылались потом многие крупные буржуазные реформаторы ислама XIX—XX вв.

Наиболее распространенной формой выражения стремления народных масс к социальной справедливости были по-прежнему идеи равенства людей перед богом и восстановления чистоты веры, с которой народные массы связывали демократические традиции прошлого (призывы к возрождению раннего буддизма, раннего ислама и т. п.).

Всем формам антифеодального протеста народных масс в той или иной степени присущи аскетические тенденции, свойственные идеологическим течениям раннего средневековья. Для того чтобы осознать свое враждебное отношение к существ-

вующим феодальным порядкам, низшим слоям общества, необходимо было внутренне отказаться от того, что мирило их с этими порядками. Поэтому проповедь аскетической строгости нравов и абсолютного равнодушия к мирским радостям все еще находила широкий отклик в массах.

Для распространенных в этот период идеологических течений характерен в то же время значительно более широкий, чем в период раннего средневековья, подход к решению важнейших социальных и философских проблем, основанный на соединении гуманных для своего времени идей и принципов различных религиозно-философских систем.

Общественная мысль XVII — начала XVIII в. отразила начавшееся соединение антифеодальной борьбы крестьян с выступлениями торгово-ремесленного люда городов, выразившееся в более расширительном истолковании крестьянской в основе идеи равенства людей перед богом, которое находило свое выражение в том, что, поскольку земля божья, то и владеть ею нужно поровну, нельзя допускать сосредоточения богатств в одних руках, следует развивать торговлю и ремесла и всем предоставить равные права.

Накануне колониального завоевания сложились идеологические религиозные формы торгово-ремесленной оппозиции феодальному строю, превратившиеся позднее в форму буржуазной религиозной реформации. В них проявилось стремление покончить не только с несправедливыми порядками, но и с созданным этими порядками, освящающим их мировоззрением.

В Индии антифеодальная идеология выступала в XVII—XVIII вв. преимущественно в форме учений, объединявших идеи индуских и мусульманских ересей и непосредственно направленных против феодальной сословности и феодальных привилегий: бхакти, ранний сикхизм и т. п. Сравнительно широкое распространение в Индии и за ее пределами получили различные мессианские идеи. Довольно большой популярностью пользовалось, в частности, учение индийского идеолога махдизма Сайид Мухаммада из Джайпура (XV в.). В основе махдистских учений лежала идея явления нового пророка, который установит на земле царство справедливости и даст новое толкование религиозным законам.

В сефевидском Иране крестьянская идеология, выступавшая ранее под знаменем шиизма, становится все более враждебной ему, поскольку он освящает господство иранских феодалов. Широкое распространение получают учения крайних шиитских сект.

В Османской империи, где официальной феодальной идеологией был ортодоксальный суннизм, шиизм остался идеологическим знаменем восстававших против гнета турецких пра-

мыслителей крестьян и торгово-ремесленного люда городов Малой Азии.

Антифеодальные настроения армянского и азербайджанского крестьянства, находившегося под властью сефевидских правителей, отразились в учении монаха Мехлувардапета, в котором соединились идеи христианских ересей с отдельными положениями раннего ислама и которое распространилось как среди мусульман, так и среди христиан.

В Китае антифеодальные настроения крестьянства нашли отражение в учении буддийской секты «Белый лотос», возглавившей в XVIII в. крестьянские движения в ряде провинций и подвергшей сомнению правомерность положений официального конфуцианства. Во многих районах Юго-Восточной Азии также были распространены учения, обосновывавшие антифеодальные лозунги ссылками на принципы раннего буддизма.

Во многих из упомянутых выше антифеодальных идеологических течений, облеченных в религиозную форму, нашла отражение растущая этническая консолидация некоторых народов Востока. Распространились идеи необходимости единства людей, говорящих на одном языке, призывы отстаивать собственную государственную самостоятельность, освобождаться от власти правителей некогда могущественных империй, зачастую иноземцев и иноверцев по отношению к значительной части своих подданных.

Так, освободительные идеи, вдохновлявшие борьбу многих неиранских народностей против Сефевидов, содержались в шиитских ересях. Под знаменем мусульманских и христианских ересей боролись против господства турецких феодалов арабы, народы Балкан, Средней Азии и Закавказья. Сектантские движения (буддистские, даосские) были одной из форм выражения патриотических чувств китайского народа в борьбе против маньчжурской династии.

Для большинства патриотически настроенных мыслителей того времени характерно стремление сделать свои проповеди, религиозно-философские трактаты и литературные произведения понятнее и доступнее народным массам. Они выступали за развитие национальных языков против монопольного положения языка, понятного и доступного только феодальной верхушке (такое монопольное положение имели языки правящих династий средневековых империй Востока, языки, на которых были написаны «святые книги», как то: санскрит в Индии, арабский и персидский языки в мусульманском мире и т. д.). Так, реформаторы бхакти в Индии говорили и писали на языке тех народов, к которым они принадлежали и среди которых протекала их деятельность. Естественно, однако, что в условиях господства феодальных отношений (с со-

хранением в ряде стран сильных пережитков родо-племенной организации) и преобладания религиозных форм мировоззрения идеи этнической общности не могли иметь определяющего значения.

Даже в тех случаях, когда патриотические и антифеодальные идеи не выступали в открыто религиозной форме, религиозная аргументация играла важную роль. Там, где феодальные правители, против которых шла борьба, были не только иноземцами, но и иноверцами, патриотические идеи выступали в форме призывов к укреплению религиозного единства; там, где правящие феодальные группировки принадлежали к той же вере, что и народные массы, освободительная борьба протекала под сектантскими лозунгами, направленными против господствующей религии.

Религиозная форма идеологии крестьянства и городских слоев тормозила развитие прогрессивных тенденций в общественной мысли Востока и затрудняла понимание народом истинных причин его тяжелого положения. Многие сектантские течения, возникнув как выражение народного протеста, превратились затем в орудие идеологической борьбы отдельных феодальных группировок. В результате народный протест в ряде случаев был исторически бесплоден.

Огромное влияние религиозной крестьянской психологии на общественную мысль не исключало возникновения в недрах народного сознания материалистических идей и представлений. Накануне колониального завоевания они нашли отражение в общественно-политических и философских взглядах многих мыслителей.

В Китае крупнейшие ученые XVII в. — Хуан Цзун-си (1610—1699) и Ван Чуань-шань (1619—1692) — выступали против официального конфуцианства и неоконфуцианской схоластики. Они создали своеобразную теорию «просвещенного абсолютизма», при котором правитель должен заботиться о подданных и ограничивать произвол богатей. Идеи необходимости переустройства общества и активной борьбы против иноземных маньчжурских поработителей содержались в трудах крупнейшего историка и социолога Гу Янь-у (1613—1682).

В Корее серьезное влияние на общественную мысль оказывала философия мыслителя XVI в. Со Кен Дока (Хвадама), рассматривавшего материю как первопричину по отношению к духу. Стихийным материализмом и утолическими представлениями о создании идеального государства без угнетателей проникнуты многие произведения народной корейской литературы первой половины XVII в. («Повесть о Хон Гильдоне» и др.).

В Индии XVII в. были мыслители, продолжавшие материалистические традиции древнеиндийской философской шко-

лы чарваков, ранней санххы, материалистические идеи Гаутамы и его последователей. Стихийно материалистические тенденции зачастую еще выступали в традиционной религиозной форме. Свидетельством этого были взгляды многих идеологов бхакти. Однако далеко не все поднимавшие голос в защиту бесправных и обездоленных народных масс апеллировали к религии. В этот период появились произведения поэтов, историков и философов, проникнутые симпатией к народным страданиям, призывавшие бороться против феодального гнета и высмеивавшие религиозные предрассудки и суеверия (Бедил и др.).

Подавляющее большинство мыслителей, выступавших со сколько-нибудь стройными религиозно-философскими и общественно-политическими концепциями, были представителями феодальных образованных кругов. При этом теоретически обоснованные ими общественно-политические и философские течения не были прямым и непосредственным механическим отражением экономических и политических позиций определенных общественных классов. Интересы различных общественных слоев отражались в общественной мысли опосредствованно, в результате сложных, зачастую весьма противоречивых процессов ее развития, отличавшегося, как и всюду, определенной самостоятельностью.

Учения и концепции несли на себе печать субъективных устремлений создавших их мыслителей и отражали общий уровень культурного и общественного развития той страны, где они возникли.

Новые течения в феодальной идеологии были порождены начавшимся накануне колониального завоевания упадком средневековых империй Востока (распад империи Великих Моголов в Индии в XVII в., империи Надир-шаха в Иране в начале XVIII в., борьба против маньчжурской династии в Китае в XVII—XVIII вв., кризис Османской империи в конце XVIII в.), рождением новых феодальных государств, зачастую обладавших более компактной территорией и этнически однородным населением.

Широкое распространение получили в XVII—начале XVIII в. концепции, обосновывающие необходимость сильной центральной власти. Сами по себе они не отражали ни прогрессивных, ни реакционных тенденций в развитии общественной мысли. Все зависело от того, в интересах какого общественного слоя они выдвигались и какое содержание в них вкладывалось. С концепциями сильной центральной власти выступали реакционные идеологи господствовавших феодальных группировок, стремившиеся укрепить позиции своего класса перед лицом растущего народного недовольства, помещать просвещению масс даже в рамках религиозной идеоло-

гии, закрепить власть догматического и косного духовенства над умами, сохранить нетронутой сословную систему и феодальные привилегии. В Китае к ним относились идеологи неоконфуцианства (чжусианства), ставшего официальной доктриной маньчжурской династии, в Корее — последователи чжусианских философов XVI в. Ли Хвана и Ли И, проповедовавшие вечный неизменный характер философии Чжу Си, необходимость ослабления борьбы между феодальными группировками, укрепления центральной власти, упорядочения военной администрации, налоговой системы и т. п. В Индии идеологом правящих феодальных группировок Могольской империи XVII в. был Ахмад Сирханди, мусульманский догматик, противник любых форм реформации и индуско-мусульманского единства, сторонник сильной центральной власти, жестокого подавления любых форм освободительной борьбы.

В то же время появились концепции, отразившие происходившие перемены: усиление купечества, рост антифеодальных движений, образование государств на новой этнической основе. При этом существенные различия в уровне развития отдельных народностей Азии неизбежно налагали на эти концепции свой отпечаток. В одних случаях они отражали тенденции преодоления сепаратизма кочевых племен (учение ваххабитов Неджда XVIII в., идеология основателей афганского государства), в других — стремление к отделению некоторых народностей от средневековых феодальных империй в связи с ростом этнической консолидации.

Ваххабизм, возникший в середине XVIII в. и названный по имени его основателя Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, содержал в религиозной форме призыв к государственному объединению Аравии для развития земледелия и торговли. Он основывался на идее возрождения раннего ислама, строгого соблюдения единобожия, сурового осуждения племенных культов — этого символа сепаратизма племен. В то же время ваххабизм был направлен против турецких завоевателей Аравии как отступников от истинного ислама. Требование возрождения веры выражало представление бедуинских масс о демократических традициях раннего ислама, их идеалы социального равенства, не выходившие за пределы представлений родового демократизма, элементы которого сохранялись в общественном строе бедуинов.

В учении ваххабитов на первый план выдвигался религиозный момент и необходимость передачи духовным главам светских функций. В противоположность раннему ваххабизму афганские мыслители обосновывали необходимость образования государства чисто светскими мотивами — преимуществами в борьбе с иноземными захватчиками, военными выгодами и т. п., отстаивая в то же время идею наделения светского

правителя функциями духовного главы. Для народов, сохранивших сильные пережитки племенной организации и полукочевой общественный уклад, призывы к созданию централизованного государства и ограничению племенного сепаратизма имели в тот период несомненно положительное значение.

Что касается тех мыслителей, которые выступали в защиту укрепления этнической общности и хозяйственных связей как основы укрепления существующих феодальных государств, то их идеи были порождены элементами предкапиталистических отношений в недрах старого феодального общества. На них наложили отпечаток интересы поднимающегося купечества, его стремление покончить с феодальными привилегиями, создать наиболее благоприятные условия для своей деятельности. Они были связаны и с теми феодальными группировками, которые в борьбе против правителей старых феодальных империй, нередко иноземцев и иноверцев, стремились опереться на этническую общность населения, на новые рождающиеся хозяйственные связи. Концепции сильной справедливой власти отразили также новые задачи, вставшие перед господствующим классом феодалов в связи с усилением купечества, ростом влияния бюргерских элементов в городах, отразили и ту кажущуюся независимость, которую в новых условиях приобретала центральная власть. Эти концепции были призваны противопоставить старой знати новую служилую феодальную прослойку. В Индии появились теории так называемого экономического равновесия, направленные против несправедливого распределения жизненных благ. Их авторы утверждали, что «единственным лекарством может быть справедливое и равномерное распределение богатств и хорошо уравновешенная структура общества, чтобы каждый, кто трудится, был обеспечен и обладал социальной свободой» (Шах-Валиулла). Хотя эти теории носили утопический характер, они подводили к идее необходимости изменения существующих порядков, и в этом заключалось их положительное значение для истории общественной мысли.

Передовыми для своего времени были выдвинутые представителями феодальной интеллигенции ряда стран Азии XVII — начала XVIII в. идеи общественного блага. Религиозным догмам наказания грешников и награждения праведников были противопоставлены идеи необходимости заботиться о благе общества в целом и каждого человека в отдельности, ответственности человека перед обществом.

Несмотря на всю противоречивость и ограниченность этих идей, их авторы ратовали уже объективно (хотя далеко еще не субъективно) за создание наиболее благоприятных условий для развития элементов новых, прогрессивных отношений, развития национального самосознания. Однако в до-

колониальном обществе XVII — первой половины XVIII в. эти идеи не могли еще получить широкого распространения. Антифеодальные идеалы крестьянства были обращены больше в прошлое, чем в будущее. К тому же хотя представители феодальных образованных слоев, выступавшие с этими идеями, испытывали непосредственное влияние антифеодальной идеологии крестьянства и городских низов и теоретически оформили многие стихийные устремления последних, они еще не порвали со своим классом. Поэтому, признавая необходимость изменения всей существующей системы, они еще верили в возможность достижения своих целей путем морального перевоспитания феодалов. Феодалам же идеи просветителей были чужды и, как правило, враждебны. В этом заключалось глубокое противоречие в учении философов и трагизм их исторических судеб. Шах-Валиулла умер в опале, непризнанный и гонимый; Гу Янь-у, Хуан Цзун-си и другие передовые люди Китая подвергались жестоким преследованиям.

Передовые идеи, выдвинутые отдельными идеологами XVII — начала XVIII в., созвучные буржуазным идеалам, получили развитие лишь значительно позже — в идеологии буржуазного просветительства XIX в.

Прогрессивные тенденции, наблюдавшиеся в общественной мысли стран Азии накануне колониального завоевания (XVII — начало XVIII в.), — борьба со средневековой схоластикой, гуманистические концепции общественного блага, социальной справедливости и т. п., ярко выраженные антифеодальные тенденции, стремление реформировать религию, наконец концепции относительной самостоятельности центральной власти — свидетельствовали о процессах, сходных с теми, которые пережила общественная мысль Запада в начале эпохи Возрождения. Однако передовые идеи, выдвинутые отдельными идеологами XVII — начала XVIII в., созвучные буржуазным идеалам, получили развитие лишь значительно позже — в идеологии буржуазного просветительства XIX в.

Рождение новых гуманистических идей происходило на Востоке преимущественно в религиозной форме, тем не менее идейные и культурные сдвиги, намечавшиеся в наиболее развитых странах Азии, не подлежат сомнению.

Колониальное завоевание приостановило этот процесс, оторвав почти на два столетия период начавшегося возрождения от периода буржуазного просветительства.

Характерно, что опасность проникновения на Восток европейских капиталистических держав прекрасно понимали наиболее дальновидные восточные просветители. Не случайно они первыми подняли голос протеста против колониальной экспансии.

Страны Тропической и Южной Африки на рубеже средних веков и нового времени

Изучение истории Тропической и Южной Африки сталкивается с рядом трудностей. История эта еще не написана самими африканцами. Знания же арабов и европейцев о странах, лежащих к югу от Сахары, к началу нового периода истории были ограниченными. Правда, в середине века арабские путешественники смогли собрать ценные (хотя и разрозненные) сведения о Судане и районах, прилегающих к побережью Индийского океана. Знания об Африке заметно расширились со времен великих географических открытий. Все же вплоть до XX в. обширные области материка были совершенно неизвестны иностранцам. Современные исследователи располагают подчас лишь общими представлениями о прошлом ряда африканских народов.

Накануне европейской колонизации народы Тропической и Южной Африки находились на различных этапах развития. У одних существовал первобытнообщинный строй, у других — классовое общество. При этом пережитки доклассовых отношений сохранялись даже у наиболее развитых народов.

В условиях первобытнообщинного строя жило большинство народов, населявших территории в районе экватора. В качестве примера можно привести народ фанг — ветвь банту, расселившийся в XVIII—XIX вв. в бассейнах рек Санага и Огове. Основной хозяйственной единицей у фанг была большая патриархальная семья (три-четыре поколения родственников по мужской линии). Жены считались членами той семьи, откуда были родом, но обязаны были работать в хозяйстве своих мужей. Семья коллективно обрабатывала поле, ее глава руководил распределением доходов и расходов. Группа подобных семей образовывала независимую соседскую общину.

У ряда народов, живших в условиях первобытнообщинного строя, наблюдался рост имущественного неравенства. Один из исследователей писал в XIX в. о семье нилотов, населявших бассейн верхнего Нила (сравнительно отсталая этническая группа), что число жен в семье «зависит от богатства мужа, и тот, кто небогат, довольствуется одной женой».

Разложение родо-племенных отношений проявлялось в эксплуатации главами больших патриархальных семей рядовых общинников, а также в концентрации земли и скота в руках родо-племенной верхушки.

В рамках разлагающегося первобытнообщинного общества, как правило, номинально сохранялось право на коллективное пользование землей. Собственность вождя рассматривалась, например, у южноафриканских банту как общественное до-

стояние, вождь был обязан из тех приношений, что получал от рядовых общинников, давать средства на вооружение племени, на общеплеменные праздники и т. д. Тем не менее значительная часть приношений шла на личное потребление вождя и его окружения. Крупный рогатый скот, лучшие пастбища захватывались родо-племенной знатью.

Английский исследователь XIX в. Д. Шутер писал, что у зулусов нуждающиеся люди ставят себя под покровительство зажиточных. Поскольку положение каждого человека тем прочнее, чем больше у него клиентов, нуждающиеся люди без большого труда находят себе патрона. Попад в зависимость, они прикрепляются к домам его жен и используются на «рабских работах».

Во многих районах Судана, Северо-Восточной и Экваториальной Африки государственные образования сложились за много веков до начала европейских колониальных захватов. Основную массу населения этих государств составляли лично свободные крестьяне-общинники, несшие повинности в пользу местной знати. Последняя, узурпировав право общины распоряжаться землей, создавала собственное частновладельческое хозяйство, в котором применялся труд рабов и частично свободных общинников.

В качестве примера можно привести одно из наиболее древних государств Западного Судана — Моси. Глава его считался верховным владельцем всей территории страны и раздавал общинные земли в «кормление» своим вассалам. Государство было разделено на девять больших округов. Правители округов собирали дань, которую направляли в столицу. Подчиненным им более мелким должностным лицам выделялись в «кормление» части округов с правом собирать дань и использовать труд местных крестьян.

Ранние государственные образования — Лунда, Луба, Каконго и др. — сложились в бассейне р. Конго. Миссионер Декувриер, посетивший Каконго в XVIII в., писал: «Правление этого государства монархическое... Когда король хочет назначить какое-либо должностное лицо или установить новый закон, он созывает совет знатных людей, живущих ближе всего к его резиденции. Король берет пошлины с иностранцев, прибывающих в его страну для торговли, но он вовсе не распоряжается налогами, собираемыми с населения страны».

Наиболее развитыми странами Тропической Африки были Эфиопия и государства Восточного Судана.

В Эфиопии земля номинально принадлежала главе государства, носившему титул *негус нагаст* — «царь царей». Фактически же у него было не больше, если не меньше, земель, чем у некоторых его крупных вассалов. Обширные владения принадлежали христианской церкви (амхара, тигре и неко-

торые другие народы Эфиопии — христиане монофизитского толка). Особенно много церковных земель было в северных районах Эфиопии. Крестьяне несли в пользу феодалов ряд повинностей, из которых наибольшее значение имела барщина, достигавшая обычно трети всех дней в году. Кроме того, крестьяне должны были предоставлять кров и пищу проезжим чиновникам, платить десятину церкви.

Помимо феодально зависимых крестьян в области Амхара и Тигре было немало рабов, ряды которых пополнялись за счет пленников, захваченных во время набегов на соседние страны, где жили негроидные народы. Рабы большей частью использовались как челядь в богатых домах, а иногда и на полевых работах во владениях знати.

На протяжении многих веков пески Сахары и обширные пространства океанов ограничивали общение стран Тропической и Южной Африки с центрами мировой цивилизации, сложившимися в бассейне Средиземного моря, на Ближнем Востоке, в Индии и Китае. Однако связи с внешним миром существовали еще в эпоху неолита, когда Сахара, орошаемая водами ныне высохших рек, была населена предками берберов, а также современных суданских народов. После того как Сахара стала пустыней, через нее пролегали караванные пути, по которым шла торговля между странами Северной и Тропической Африки.

В древности народы, жившие по верхнему и нижнему течению Нила, также были тесно связаны между собой. Отпечаток египетской цивилизации лежал на культуре нубийских племен. Оживленные сношения с Аравийским полуостровом поддерживало население Абиссинского нагорья. Наконец, в античный период жители Восточной Африки были связаны с Аравией, Грецией, а также Индией и Индонезией.

В Тропической и Южной Африке задолго до европейских колониальных захватов сложился ряд государств, образовались центры самобытной культуры. Еще до нашей эры возникли государства на территории Нубии (Напата и Мероэ). К I тысячелетию н. э. относится появление крупных государств на Абиссинском нагорье (Аксум) и в Западном Судане (Гана). Во II тысячелетии образуется ряд государств на Гвинейском побережье (Ифе, Бенин и др.), в бассейне Конго (Луба, Лунда, Конго), в Южной Африке (Мономотапа).

Изучение истории хозяйства, культуры и быта народов Африки позволяет опровергнуть измышления тех, кто приписывал значение культурного наследия местного населения, изображая аборигенов дикарями, способными в лучшем случае лишь воспринять «белую» цивилизацию.

Многочисленные данные, собранные современными исследователями, свидетельствуют, что народы Тропической и

Южной Африки веками накапливали опыт выращивания сельскохозяйственных культур, многие из которых затем распространились в Европе, Азии и Америке. Африка — родина таких растений, как кофе, сорго, кунжут, масличная пальма, арбуз, некоторые бобовые. Советский исследователь истории культуры Западного Судана Д. А. Ольдерогге писал: «Этнографические материалы показывают, что народы Судана, во всяком случае некоторые из них... имеют весьма совершенные земледельческие орудия, прекрасно приспособленные к местным условиям... Специальные ботанические словари, составленные по некоторым из африканских языков, показывают исключительное богатство словами, обозначающими ботанические понятия, что свидетельствует о тысячелетнем опыте возделывания культур».

Со времен древности многие народы Тропической и Южной Африки умели выплавлять и обрабатывать железо. Задолго до прихода европейцев широко употреблялись изделия из меди. Этот металл добывался в основном в Катанге, а также на территории современной Анголы. Раскопки в Южной Африке (в области, где находилось государство Мономотапа) показали, что местное население самостоятельно открыло способы плавки железа еще в I тысячелетии н. э. Но есть находки и более раннего периода. Английский археолог Фэгг, производивший раскопки на северо-востоке Нигерии, обнаружил изделия из железа, которые были изготовлены по крайней мере две тысячи лет назад.

Средневековые путешественники, посещавшие Тропическую Африку, отмечали, что там были развиты различные ремесла: ткачество, кузнечное дело и др. По словам одного из них — Льва Африканского (XVI в.), в г. Тимбукту, расположенном в среднем течении Нигера, было «много лавок торговцев, мастерских ремесленников, особенно ткачей, изготавливавших ткани из хлопка». В том же городе, писал Лев Африканский, сооружена каменная мечеть и большой дворец местного правителя.

Мореплаватели, которые в XVII в. побывали на гвинейском побережье, оставили описания г. Бенина. По рассказам голландца С. Бломерта, город пересекали прямые и широкие улицы. Дворцовый комплекс, показавшийся путешественнику равным по площади голландскому городу Гарлему, состоял из множества зданий и из галерей, крытых пальмовыми листьями. Галереи покоились на высоких деревянных столбах с бронзовыми рельефами, изображавшими батальные сцены.

Известный французский исследователь А. Лот, изучавший наскальную живопись в Сахаре, писал: «То, что мы нашли в лабиринте скал Тассили, превосходит всякое воображение... Мы очутились как бы в величайшем музее доисторического

искусства. Некоторые рисунки поражали своим мастерством. Особенно это относится к изображениям в натуральную величину женщин Джаббарена и Сефара. От таких росписей не отреклась бы ни одна когда-либо существовавшая художественная школа». Большое впечатление производят и наскальные рисунки бушменов в Южной Африке.

Особое место в африканском искусстве занимает замечательная скульптура Ифе и Бенина. Терракотовые и бронзовые изображения человеческих голов, найденные в Ифе, датируются XII—XIV вв. Они отличаются большим реализмом, мастерством в передаче индивидуальных особенностей и, по видимому, представляют собой портреты. Бронзовые рельефы и статуэтки Бенина изображают людей, животных, бытовые сцены. Разнообразие сюжетов, выразительность форм говорят о высоком художественном уровне бенинской скульптуры, расцвет которой приходится на XV—XVII вв.

Некоторые народы Тропической Африки еще в средние века имели письменность, основанную на арабском алфавите. Народы хауса и суахили создали обширную литературу. В XVIII—XIX вв. во всех крупных государствах хауса летописцы составляли исторические хроники. Свой алфавит был у жителей Аксума, первые надписи на нем относятся к IV в. От более поздних времен сохранились хроники средневековой Эфиопии (многие из них переведены на русский язык Б. А. Тураевым).

Значительную ценность представляет фольклор народов Африки южнее Сахары. Изучение его началось лишь во второй половине XIX в., когда было опубликовано много сборников африканских сказок, записаны легенды, песни, поговорки.

Проблема «отставания Востока»

На рубеже средних веков и нового времени началась экспансия западноевропейских государств на Востоке, приведшая постепенно, в следующие три столетия, к колониальному порабощению большинства стран Востока, в том числе тех, которые превосходили Европу по численности населения, природным богатствам, а примерно до XIII—XIV вв. шли впереди и во многих областях культуры.

Этот кажущийся неожиданным поворот в развитии всемирной истории по-разному объясняется философами и историками.

Буржуазными учеными написано множество трудов, призванных обосновать неизбежность и прогрессивность подчинения Востока Западу. Гегель считал народы Востока пассивными, неисторическими по своей природе. Причины

того, что Западная Европа к началу нового времени вырвалась вперед, искали в превосходстве динамического западного духа над созерцательной восточной натурой, в превосходстве «западной» религии — христианства над идеологиями Востока — буддизмом, конфуцианством, исламом.

В противоположность этому в работах некоторых историков стран Востока встречается стремление вовсе отрицать известное отставание Азии и Африки в начале нового времени от Западной Европы. В этом случае вторжение европейцев на Восток выглядит исторической случайностью, а современный уровень экономики азиатских и африканских стран — лишь позднейшим результатом подчинения этих стран колонизаторам. Но если сводить все к чисто военным успехам европейцев, то нельзя понять, почему в XV—XVI вв. не индийцы или арабы приплыли в Лондон, а португальцы и другие европейцы — в Индию; почему китайцы, доплыв в XV в. до Мелинды, не пошли дальше, а португальцы, быстро пройдя Мелинду, достигли Каликута, Малакки, Макао. Все это нельзя считать случайностью.

Внешне Китай, Индия, Иран в XVI в. выглядели богаче и прочнее, чем любая западноевропейская монархия. Но ни в одной из азиатских или африканских стран, несмотря на высокий уровень торговли и ремесла, не сложился еще к тому времени капиталистический уклад, который в отдельных странах Западной Европы уже был налицо: нигде на Востоке не было еще в тот период своей Флоренции.

Общая причина того, почему страны Востока на рубеже средних веков и нового времени стали объектом колониальной экспансии, в неравномерности исторического развития различных стран и регионов земного шара. В данном случае эта неравномерность проявилась в том, что некоторые страны Западной Европы вступили на путь капиталистического развития раньше, чем передовые в начале феодальной эры страны Азии и Северной Африки.

Такой ответ не оставляет места реакционным концепциям расового и духовного превосходства «людей Запада» — концепциям, призванным по существу оправдать порабощение Западом Востока.

Более частный вопрос, чем проблемы общей неравномерности развития стран мира и смены одной формации другой, состоит в следующем: какие конкретно особенности исторического развития в XIV—XV вв. облегчили несколько западноевропейским государствам ускоренное движение к капитализму?

Наука еще не ответила на этот вопрос. Несомненно, он может быть решен только на базе марксистско-ленинской методологии, открывающей путь к познанию реальных зако-

номерностей истории. До настоящего времени высказывались различные точки зрения.

В 50—60-х годах К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули гипотезу о существовании в странах Востока до прихода европейских колонизаторов особой общественно-экономической формации — азиатского способа производства, без частной собственности на основное средство производства — землю. В таком обществе непосредственные производители — общинники — эксплуатируются не классом частных собственников средств производства, а аппаратом деспотического государства. «Азиатский» строй, являясь более примитивным, чем рабовладельческий и феодальный, не был способен обеспечить собственное прогрессивное развитие к капитализму, отчего страны Востока и сделались добычей капиталистических колонизаторов. Впоследствии, когда новые исследования показали, с одной стороны, что общинное устройство деревни обнаруживается во всех феодальных странах мира, а с другой — что на Востоке рядом с общиной издревле существовали различные формы частной земельной собственности, Маркс и Энгельс перестали употреблять термин «азиатский способ производства».

В схеме смены общественных формаций, изложенной Энгельсом в 1884 г. и Лениным в 1919 г., «азиатской» формации не нашлось места. Однако дискуссии об азиатском способе производства продолжают до настоящего времени, что связано, в частности, с необходимостью понять конкретные причины, положившие начало тому разрыву в темпах развития между Западной Европой и Востоком, какой обнаружился в XV—XVI вв. В конечном счете «азиатская» формация выводится из географических особенностей Востока — особой роли искусственного орошения и т. д. Хотя нельзя отрицать известную роль искусственного орошения в складывании классовых отношений в странах Востока, тем не менее изучение источников не подтверждает существование когда-либо антагонистического общества без частного землевладения, с бюрократией, в которой воплотился бы весь господствующий класс.

В работах некоторых марксистских авторов (М. Н. Волина, С. П. Толстова) главной причиной отставания Востока считаются нашествия кочевников. Картина всемирной истории в XVI—XVII вв. в общем говорит в пользу этой точки зрения. Страны Западной Европы начали обгонять передовые до того страны Востока примерно с XIII в., т. е. как раз с того времени, когда немалая часть восточных цивилизаций жестоко пострадала от монголо-тюркского нашествия, отбросившего далеко назад Китай, Иран, Ирак, Среднюю Азию. Завоевания турок-османов в более поздний период принесли то же самое Западной Азии и Северной Африке. Китай подвергся

в XVII в. маньчжурскому нашествию, Япония не подверглась — и Япония по темпам развития своей экономики, в XV—XVI вв. мало отличавшимся от темпов Китая, начинает в XVII—XVIII вв. обгонять Китай. Завоевательные войны кочевых народностей, которые современными китайскими историками изображаются двигателем прогресса, играли несомненно роль тормоза.

Можно ли, однако, считать нашествия кочевников единственной или главной причиной наметившегося к началу новой истории отставания Востока от Западной Европы? Есть факты, противоречащие такой точке зрения. Россия пострадала от монгольского нашествия и была под игом Золотой орды свыше двухсот лет, однако она не стала после XV—XVI вв. колонией западноевропейцев. Наоборот, некоторые районы Азии — Южная Индия, Индонезия, Филиппины, Индокитай — не страдали от нашествий кочевников, а между тем именно они стали первыми жертвами экспансии европейских держав.

Кроме того, некоторые районы Европы обнаруживают более быстрые темпы развития по сравнению с Азией и Северной Африкой еще в последний период древней истории, накануне перехода к феодализму (сравним высокий уровень рабовладельческих отношений в Римской империи и их радикальную ломку в III—V вв. с гораздо более медленными, растянувшимися примерно между III в. до н. э. и VIII в. н. э. аналогичными сдвигами в Китае, Индии, Иране).

Следовательно, хотя нашествия кочевников безусловно сказались на относительном замедлении темпов развития многих стран Востока, все же первопричину этого замедления надо искать в чем-то ином.

В 50-х годах советский историк И. М. Рейснер выдвинул гипотезу отставания Востока, основываясь на целом комплексе причин. В частности, он отмечал сравнительно высокую производительность труда на поливных землях в странах с жарким климатом: «Соотношение необходимого продукта, шедшего на воспроизводство рабочей силы крестьянина, его семьи и хозяйства, и продукта прибавочного, отнимавшегося феодалами, было здесь более благоприятным для эксплуататоров, чем в естественно-географической среде умеренного климата. Нет никаких сомнений, что более высокая норма феодальной эксплуатации являлась дополнительным источником силы и власти феодалов над крестьянами (и нарождающимися буржуазными элементами), обстоятельством, способствовавшим сохранению феодальной эксплуатации и затруднившим переход к отношениям капиталистического порядка, обстоятельством, питавшим тенденцию к застою в феодальных обществах Востока». Эта идея — наиболее сильная часть

концепции Рейснера. Его тезис о роли общины как другого основного фактора, замедлявшего развитие стран Азии и Африки, с одной стороны, преувеличен, с другой — оставляет необъясненными механизм влияния общины на прогресс и причины ее устойчивости. Нельзя признать убедительным и то, что одной из причин отставания Востока Рейснер считал развитие ростовщичества: и наличие общины и развитие ростовщичества — явления, распространенные повсюду в эпоху феодализма, а не специфически «восточные».

Но, может быть, верно то, что рано достигнутый странами Востока высокий уровень феодальной экономики сам таил в себе опасность застоя. Плодородие почвы, густота населения обеспечивали господствующий класс прибавочным продуктом и рабочими руками в изобилии, не создавая у него стимула к дальнейшему совершенствованию хозяйства. В итоге произошло нечто подобное тому, что случилось в XVI—XVII вв. в Европе с феодальными Испанией и Португалией: огромные богатства, попавшие в руки господствующего класса этих стран, послужили причиной замедления темпов их развития, регресса и в конечном счете того, что другие небольшие и вначале бедные страны — Голландия, Англия — раньше вырвались на путь капиталистического развития.

Положение господствующего класса в странах Востока несколько отличалось от его положения в европейских феодальных странах. Термин «помещики» по отношению к восточным феодалам можно употреблять лишь в широком смысле, так как они, будучи крупными землевладельцами, не имели поместий, не вели собственного хозяйства. Арендная плата, взимаемая с крестьян, имела характер феодальной ренты. Как в Европе периода развитого феодализма, восточные феодалы составляли служилое сословие. В некоторых странах (Китай, Вьетнам, на определенной стадии — Корея) основное господствующее сословие формировалось из людей, связанных с властью, отвечающих определенному образовательному цензу, но не занимающих чиновных должностей (китайские шэньши). В Тибете, Монголии важную часть господствующего класса составляло ламаистское духовенство.

В странах Востока дольше, чем в Европе, сохранялись пережитки рабовладельческих и первобытнообщинных отношений. В этих странах играли особую роль централизованная государственная власть, бюрократия, наложившие отпечаток на всю общественную жизнь, отсутствовало «первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности»*.

* Ф. Энгельс, *Внешняя политика русского царизма*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 22, стр. 33.

В Индии некоторые ремесленные специальности были связаны обычаем с неперменной принадлежностью к непривилегированным кастам. В начале II тысячелетия н. э. значительные затруднения стала испытывать внешняя торговля, ибо общение с чужестранцами, использование иноземных вещей нарушало, по мнению богословов, ритуальную чистоту индусов. В Китае законодательство и официальная политическая теория провозглашали неполноценность ремесленников и купцов по сравнению с другими сословиями.

Идеологические системы, господствовавшие в странах Востока к началу нового времени, объединяло активное отрицательное отношение к идеям, исходящим от «неверных», «варваров», «нечистых». пренебрежение к естественнонаучным знаниям.

Руководители восточных деспотий культивировали элементы раннефеодальных и дофеодальных отношений, вели близорукую, эгоистическую политику, разрушая производительные силы своих стран, подавляя общественную мысль. Они были не способны понять исторические задачи эпохи, защитить своих подданных от колониальной агрессии. Многие из них закончили потом в XIX—XX вв. свое историческое существование в качестве марионеток иностранного капитала.

Конечно, теоретически каждое из развитых феодальных государств Азии и Африки, будь оно предоставлено самому себе, могло бы когда-нибудь прийти к более прогрессивному, капиталистическому строю. На практике же в разряд развитых капиталистических стран смогла перейти одна Япония, и то после мощного толчка извне, который дало ей вторжение колонизаторов. Для остальных стран Востока капиталистическая эра стала синонимом колониального рабства.

Колониальная экспансия феодальных стран Европы (Португалии и Испании).

Сопротивление народов Востока

Начало европейского вторжения в страны Азии и Африки совпадает с эпохой великих географических открытий — двухвековым периодом гигантского расширения мировых связей, в первую очередь торговых. В течение двух веков европейские мореплаватели, вначале португальские и испанские, затем голландские, английские и французские, проложили путь на Восток — в Африку, Индию, Юго-Восточную Азию и на Запад — в Южную и Северную Америку, на Антильские острова, открыли Австралию. Русские землепроходцы по суше продвинулись в глубь Сибири. Начиная с Магеллана, предпринимается ряд кругосветных путешествий.

Великие географические открытия, а вместе с ними колониальная экспансия были начаты Португалией и Испанией — странами, экономически и политически далеко не самыми развитыми и менее всего претендовавшими на роль проводников новой, капиталистической эпохи. Почему движение крестоносцев на Восток, движение, которое в Европе не затихало на протяжении всего средневековья, или морская экспансия арабов и Китая не вызвали таких бурных перемен в жизни мира, как испано-португальская, казалось бы такая же феодальная по своему характеру, экспансия?

Ответ на вопрос кроется в особенности развития Западной Европы к началу эпохи великих географических открытий. Процесс разложения феодализма и возникновения капиталистических отношений оказывал воздействие не только на те страны, в которых он непосредственно происходил, но и на весь западноевропейский мир, связанный разветвленной системой экономико-политических отношений.

Первые колониальные захваты производились дворянами Пиренейского полуострова, а финансировали экспедиции купцы Фландрии и Брабанта; конкистадоров толкала за моря и океаны жажда золота, но эта потребность в золоте возросла в Европе в гигантских масштабах именно благодаря развитию товарно-денежных отношений, требовавших все больших средств обмена.

Именно тем, что колониальная экспансия отвечала объективно потребностям развивающегося капитализма (в отличие от эпохи крестовых походов, морской экспансии арабов и китайцев), объясняется та особенность этого движения, что оно, развиваясь вместе с капитализмом, становилось всеохватывающим, неся все более глубокие последствия для народов поработаемых и поработавших.

Техническая оснащенность европейских экспедиций (каравеллы, огнестрельное оружие, компас) отвечала уровню эпохи нарождающегося капитализма. Нужно говорить именно об общем уровне, а не о тех или иных изобретениях, многие из которых (например, компас) были, как известно, сделаны в странах Азии раньше, чем в Европе.

Испания и Португалия начинали колониальные вторжения, исходя из побуждений, казалось бы имевших мало общего с капиталистической тенденцией. Те, кто планировал и осуществлял экспедиции в Америку и Индию, не предвидели последствий, которые в конечном счете оказались на руку их соперникам. С Испанией и Португалией исторический прогресс, орудием которого они стали, сыграл злую шутку, задержав впоследствии развитие этих стран на несколько веков.

По существу прогрессивный процесс открытия новых земель, установления связей между народами совершился (ина-

че в то время он и не мог совершиться) в форме захвата, истребления и ограбления одних народов другими, сопровождавшихся разрушением вековой культуры и уклада жизни стран Востока.

Ряд причин внешнего и внутреннего характера выдвинул Португалию и Испанию в пионеры колониальной экспансии. Эти страны в силу своего географического положения на крайнем западе Европы оказались непосредственно заинтересованными в поисках новых путей через Атлантический океан, к чему не стремились ни итальянские города, контролировавшие значительную часть средиземноморской торговли ни Ганза, монополизировавшая торговлю северо-западной Европы. В заморских походах были заинтересованы короли Португалии и Испании, боровшиеся за ликвидацию остатков феодальной раздробленности и нуждавшиеся в средствах. Рвалось в бой мелкое и среднее дворянство, которое осталось не у дел после завершения реконкисты — изгнания арабов с Пиренейского полуострова (в Португалии реконкиста закончилась в середине XIII в.) — и попало в долги к ростовщикам. Могущественная католическая церковь надеялась приобрести новую паству и новые доходы. Богатое купечество развившихся в XIV—XV вв. приморских городов Пиренейского полуострова желало занять место итальянских и ганзейских купцов в европейской торговле. Португальские и испанские конкистадоры нашли поддержку и в богатых городах северной Европы, прежде всего в Антверпене, заинтересованных в получении прибылей помимо венецианских посредников.

История португальской заморской экспансии начинается в 1415 г., когда крестоносцы овладели марокканским портом Сеутой. На первом этапе португальцы — вначале медленно, а затем более быстрыми темпами — «осваивали» западное побережье Африки, постепенно продвигаясь к югу. Движение на юг получило мощный стимул в 40-х годах XV в., когда португальские мореплаватели достигли Гвинейского побережья и в Португалию начали поступать золото, слоновая кость, невольники.

Второй этап, охватывающий собственно время образования португальской колониальной империи, открывается плаванием Васко да Гамы, проложившим морской путь в Индию.

Вначале португальцы пытались бороться со своими восточными, главным образом арабскими, конкурентами на Индийском океане путем морского пиратства, посылая против них ежегодные экспедиции из Европы. Но очень скоро наиболее дальновидные пионеры колониальной экспансии поняли, что для завоевания господства на море необходим не только сильный флот (такой флот у Португалии имелся, и морское господство португальцев в этом районе было неоспоримым), но

и опорные базы на всем протяжении морского пути от Лиссабона до Индии и Юго-Восточной Азии.

В начале XVI в. португальцы захватили о-в Сокотру у входа в Аденский залив. Под руководством Афонсу д'Албукерки была создана в 1509—1515 гг. цепь опорных баз от восточного берега Африки до Малайи: к Сокотре добавились Ормуз в Персидском заливе, Гоа, Даман, Диу, Бомбей на западном побережье Индии, Малакка на Малаккском полуострове. На протяжении XVI в. португальские крепости и фактории создавались на Малайском архипелаге (важнейшие на Молуккских о-вах), в Сиаме, Китае, Японии. Португальцы взяли в свои руки морскую торговлю Европы с Востоком.

С конца XVI в. начался третий этап существования португальской колониальной империи. Португалия, в 1580—1640 гг. сама оказавшаяся под игом Испании, ослабленная в то же время непрерывной борьбой с угнетаемыми ею народами, не смогла противостоять натиску передовых стран Европы, в которых развивались капиталистические отношения. Постепенно теряя одну позицию за другой, к середине XVII в. она утратила колониальную гегемонию, лишившись самых ценных колоний. На этом этапе Португалия в основном обороняется, практически не делая сколько-нибудь серьезных попыток расширить свою колониальную империю в Азии, перенеся свое главное внимание на освоение Бразилии и сохранение колоний вдоль африканского побережья.

Говоря о характере, значении и результатах деятельности португальских колонизаторов в странах Востока в XV—XVII вв., необходимо обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, колониальная экспансия осуществлялась феодальным государством с сильной королевской властью, принимавшей непосредственное участие в эксплуатации колоний и в управлении ими. Основную массу конкистадоров составляли небогатые дворяне, движимые духом не столько капиталистической, сколько феодальной экспансии. Внешне португальская колониальная экспансия, особенно ранняя, имела больше общего с крестовыми походами, чем с дальнейшими колониальными захватами других европейских держав. Само начало португальской колониальной экспансии (взятие Сеуты) было типичным крестовым походом. Идеи распространения христианства, борьбы с «маврами», т. е. мусульманами, занимали значительное место в обосновании португальской колониальной политики (в то же время португальцы часто смешивались с той частью местного населения, которая была ими добровольно или насильственно обращена в христианство). Конечно, нельзя представлять дело таким образом, будто португальцы двигались на Восток побуждаемые лишь

религиозным рвением. Религиозные мотивы освящали борьбу с «маврами», стоявшими на пути к пряностям и золоту.

Во-вторых, сфера португальской колониальной экспансии охватывала многие страны Азии и Африки, находившиеся, как правило, на стадии развитого феодализма. Из этих стран многие могли с успехом отразить (и отражали) атаки португальцев (Китай, Япония, большинство государств Юго-Восточной Азии и Индии). Португальцы смогли подчинить своей власти лишь отдельные пункты на побережье Индийского океана. Именно поэтому основными методами их колониальной экспансии стали борьба за морские пути и создание опорных баз. Колониальный грабеж осуществлялся в форме присвоения и вывоза пряностей, драгоценных металлов. В различных странах португальцы получали прибыль из различных источников: монополия на пряности на Молуккских о-вах, вытеснение арабских и индийских купцов на морском пути из Индии в Африку, работоторговля на Гвинейском побережье.

Господство Португалии основывалось на жесточайшем терроре, идеологическим «оправданием» которого был слепой средневековый фанатизм, животная ненависть к инаковедующим, позволявшая оправдывать массовое уничтожение населения, включая женщин и детей, пытки и костры инквизиции, беспощадное пиратство. Так, после штурма Малакки д'Албукерки приказал в течение недели истреблять всех мусульман независимо от пола и возраста, которые появлялись на улицах захваченного города. В Момбасе после захвата города португальцами, по словам одной из португальских хроник, не осталось «ни одного живого существа, ни мужчин, ни женщин, ни стариков, ни молодых, ни даже детей. Все, кому не удалось спастись, были убиты или сожжены».

Воздействие португальской колониальной экспансии на различные страны Азии и Африки было неодинаковым. Хозяйство Восточной Африки, Малабара, Малайи, Молуккских о-вов оказалось в значительной степени подорванным грабительской политикой португальцев (иезуит Франсуа-Ксавье после посещения в 1546 г. Молуккских о-вов писал, что знакомство местных жителей с португальским языком начинается и заканчивается глаголом *garrar* — грабить). В Бенгалии, Бихаре, Ориссе, Бантаме, Аче в этот период, напротив, в связи с перемещением торговых путей отмечается рост товарно-денежных отношений, ремесленного производства. Но в целом португальская экспансия нанесла ущерб экономике стран Востока, подорвала местную торговлю, способствовала усилению эксплуатации крестьянства (как непосредственно, так и вследствие вытеснения феодалов из сферы торговли, например в Малайе). Португальские колонизаторы положили начало са-

мому страшному злу в истории Африки — широкой работоргове.

Соппротивление населения португальским конкистадорам начинает историю антиколониальной борьбы народов Востока. Наибольшее сопротивление оказали сравнительно сильные государства, в которых большую роль играла торговая прослойка. Пример такого сопротивления — борьба Малаккского султаната. Султан Махмуд при решительной поддержке индийского купечества, составлявшего значительную силу в многонациональном городе Малакка, в 1509 г. разгромил эскадру будущего португальского вице-короля Индии ди Сикейры и захватил много пленных. Д'Албукерки, прибывший с войском в Малакку в июле 1511 г., встретил здесь упорное сопротивление, которое с трудом преодолел.

Дали отпор португальцам приморские города Индии, прежде всего Каликут. В 1501 г. возмущение наглыми действиями португальцев вылилось здесь в восстание, закончившееся изгнанием колонизаторов. Мстя за поражение, португальский командир Кабрал приказал бомбардировать Каликут, но его эскадра была отогнана от города индийскими кораблями. Прибывший в 1503 г. во главе мощного флота Васко да Гама встретился у Кочина с морскими силами Каликута. В этой битве умело маневрировавшие легкие корабли каликутского адмирала Касима нанесли значительный урон португальцам. В 1507 г. португальцы потерпели новое поражение под Чаулом, на этот раз от объединенного флота Каликута и Египта. Несмотря на уход в 1509 г. египетского флота, Каликут отстоял свою независимость: в 1509 г. каликутцы еще раз победили португальцев, пытавшихся захватить город; в бою был убит португальский главнокомандующий и ранен губернатор Индии д'Албукерки.

Борьба местного населения после утверждения португальцев на берегах Индийского океана не только не прекратилась, но принимала более ожесточенный характер, по мере того как население «знакомилось» с колониальным режимом, политикой торговой монополии и религиозной нетерпимостью пришельцев. Португальские крепости и фактории в Индии, Малайе, на Молукках были островками, вокруг которых бушевало море гнева и ненависти к колонизаторам, удерживавшим свои позиции лишь благодаря военному преимуществу и противоречиям в лагере противника. Ведущая роль в борьбе против колонизаторов принадлежала феодалам, связанным с торговлей, и местным торговцам (преимущественно мусульманам). В Малаккском проливе основными соперниками португальцев выступали индонезийское государство Аче, выдвигнувшееся после падения Малакки, и южномалайский султанат Джохор, где утвердились потомки султанов Малакки. Аче

и Джохор неоднократно осаждали португальскую Малакку, парализовали ее торговлю и успешно боролись с попытками португальцев установить торговую монополию в Малаккском проливе. В XVI в. для португальцев Малакки самыми критическими годами были: 1551, когда соединенный флот коалиции малайских княжеств, возглавляемых Джохором, в течение трех месяцев осаждал город; 1558, когда Малакку штурмовала большая ачехская армия, в составе которой находились турецкие артиллеристы; 1570—1575 — в эти годы Малакку от неминуемого падения под натиском Аче и яванского княжества Джапар спасли лишь подкрепления из Гоа.

Если Малакка для португальцев представляла ценность в качестве форпоста на важнейшем торговом пути, то Молуккские о-ва манили их как источник пряностей, ценившихся в средневековой Европе на вес золота. Стремление португальцев монополизировать торговлю пряностями, их хищническая торговая и нетерпимая религиозная политика вызвали отпор со стороны населения Молукк. Центром сопротивления стал о-в Тернате, правители которого, надеясь вначале на помощь португальцев в борьбе с соперниками — султанами Тидоре, вскоре поняли истинные намерения колонизаторов. Борьба особенно обострилась после того, как португальцы утвердились на о-ве Амбон, находившемся вне сферы влияния Тернате, построили здесь крепости и обратили в христианство значительную часть населения, используя новообращенных как свою опору против мусульманских правителей Тернате. Султан Тернате — Хайрун, стремясь создать сильное государство, которое держало бы под своим контролем торговлю пряностями, начал решительную борьбу с португальцами. К 1565 г. он покончил с португальским господством на Амбоне, но пришедший из Гоа португальский флот вынудил его пойти на переговоры, которые закончились вероломным убийством Хайруна (1570 г.). В ответ на Тернате вспыхнуло восстание, возглавленное сыном убитого Баабуллой, который осадил португальскую крепость на Тернате и в 1574 г. взял ее. Португальцы сохранили лишь форты на Амбоне и были вынуждены перенести свою главную базу на о-в Тидоре.

Португальцы не смогли закрепиться на крупных островах Индонезии. Во второй половине XVI в. на Яве возникли два новых феодальных государства — Бантам и Матарам, достаточно сильных, чтобы противостоять португальцам. Бантам, выдвинувшийся главным образом благодаря перемещению торговых путей после падения Малакки, наряду с Аче и Джохором успешно боролся с португальской торговой монополией. Португальцам не удалось построить укреплений ни на Яве, ни на Суматре, и они были вынуждены довольствоваться здесь торговыми факториями.

В странах Индокитайского полуострова португальцы и испанцы также столкнулись с решительным сопротивлением. Испано-португальская агрессия против Сиам в 1628—1636 гг. закончилась поражением колонизаторов. Провалом завершились попытки португальских и испанских авантюристов и наемников (в XVI—XVII вв. многие правители стран Юго-Восточной Азии принимали на службу вооруженных огнестрельным оружием европейцев) захватить территории в Бирме, Сиаме, Камбодже. В 1599 г. португальский авантюрист Филипп де Бриту, служивший в войсках княжества Аракан, захватил порт Танхлин (Сириам) в Нижней Бирме и провозгласил себя королем. Время хозяйничанья де Бриту в Сириаме сохранилось в памяти народа как одна из самых трагических страниц бирманской истории. Португальцы беспощадно грабили население, чинили всевозможные насилия, разоряли буддийские пагоды, силой обращали жителей в христианство. Когда в 1613 г. правитель Бирмы Анаупхелун двинулся на Сириам, против де Бриту выступили и бирманцы и моны, и Сириам был взят бирманскими войсками. Так бесславно завершилась португальская авантюра в Бирме. В XVII в. княжество Аракан и могольские наместники Бенгалии покончили с португальскими пиратами и работоторговцами, обосновавшимися в дельте Ганга.

Упорную борьбу против колонизаторов вело население и других районов Азии и Африки. В XVII в. восстало население Анголы, объединившееся под властью местной правительницы Анны Зинги Нголы; лишь в 70-х годах XVII в. португальцам удалось вернуть эту часть африканского побережья. В 1630 г. разразилось мощное восстание в Момбасе, где был перебит португальский гарнизон. Борьба местного населения и арабов Маската привела в начале XVIII в. к освобождению значительной части восточного побережья Африки от португальского гнета.

Такое крупное государство, как Китай, португальцам одолеть оказалось не под силу, и они после долгих стараний должны были удовлетвориться приобретением одной базы на китайском побережье — Макао.

Португальские корабли появились у берегов Китая в 1514—1515 гг. Действуя обычными методами, португальцы попытались создать себе опорную базу, избрав для этого устье р. Сицзян. Первые годы они держались тихо, вели переговоры с властями Южного Китая и направили посольство ко двору в Пекин. Однако, укрепившись, португальцы стали нападать на проходившие суда и грабить население китайского побережья. Тогда китайский флот блокировал и разгромил созданную португальцами базу Тамао, из блокады вырвались лишь три корабля (1521 г.). После этого порту-

гальские послы в Пекине были, по одним сведениям, брошены в тюрьму, по другим же — перебиты. Португальские эскадры, подходившие к берегам Китая в 1522 и 1523 гг., были атакованы китайским флотом. Лишь в 1553—1554 гг. одному из португальских капитанов удалось договориться с местными китайскими властями о вполне легальной португальской торговле в устье р. Сицзян, а в 1557 г. китайские власти, видимо за взятку, уступили португальцам г. Аомынь (Макао), тоже в дельте Сицзяна. Так или иначе, спустя сорок лет после открытия морского пути в Китай португальцам удалось захватить опорный пункт на его территории. Вплоть до 1887 г., когда китайское правительство официально признало Макао португальским владением, статус Макао оставался весьма сомнительным: португальцы имели право жить здесь и строить торговые склады, за что вносили арендную плату, сначала — местным китайским властям, затем — центральному правительству. В 1583 г. с помощью крупных взяток местным китайским властям португальцы получили право «самоуправления» в Макао (для проформы в Макао был учрежден пост китайского императорского управляющего, фактически же власть в городе осуществлялась португальским градоначальником, подчиненным вице-королю Индии, и городским сенатом). До сих пор китайский город Аомынь остается в руках португальских колонизаторов.

Поскольку путь на Восток вокруг Африки был захвачен с XV в. португальцами, корабли Испании, колониальная экспансия которой началась несколько позже португальской — с конца XV в., двинулись на запад, через Атлантический и Тихий океаны. Между Испанией и Португалией разгорелась острая борьба за колонии, урегулированная папскими буллами и Тордесильясским трактатом от 7 июня 1494 г. Окончательная линия разграничения испанских и португальских реальных и предполагаемых владений прошла по Атлантическому океану с севера на юг примерно в 600 км к западу от о-вов Зеленого Мыса. После путешествия Магеллана линия раздела была установлена и в Тихом океане (Сарагосский трактат 1529 г.), она прошла в 17° восточнее Молуккских о-вов. В результате страны Африки и большинство стран Азии попали в сферу влияния Португалии, тогда как Испании достался почти весь Американский континент и острова Тихого океана. Но в нарушение этого принципа побережье Бразилии отошло к португальцам, а Филиппины были захвачены испанцами. Очевидно, не столько сомнительный «раздел мира» папой римским, сколько реальная военная мощь Португалии, первой морской державы Западной Европы того времени, заставила Испанию считаться с демаркационной линией.

Становление испанской колониальной империи прошло три этапа. Начальный этап охватывает время четырех путешествий Колумба (1492—1503 гг.). В эти годы испанцы захватили значительную часть Антильских о-вов, некоторые районы побережья Центральной Америки и основали первое испанское поселение на о-ве Гаити (Эспаньола). Второй этап, продолжавшийся примерно до 50-х годов XVI в., был временем расцвета экспансионистской деятельности испанской монархии. Были захвачены наиболее важные районы Латинской Америки, в том числе Мексика (1519—1521 гг.) и Перу (1530—1533 гг.). К середине XVI в. испанцы прочно утвердились на громадной территории Центральной и Южной Америки от северных границ Мексики до Ла Платы на юге. Третий этап (середина XVI—начало XVII в.) связан с поисками западных путей к азиатским рынкам, прежде всего к Молуккам, которые служили источником острых разногласий между Португалией и Испанией. Плывя с востока к Молуккам, испанцы открыли и затем колонизовали Филиппинские о-ва (60—70-е годы XVI в.). Это единственное значительное владение испанцев в Азии стало практически последним прочным приобретением Испании. Открытия и территориальные захваты на рубеже XVI—XVII вв. в Полинезии и Австралии были незначительны и удерживались испанцами непродолжительное время. Замедление темпов и размеров экспансии связано с начавшимся во второй половине XVI в. общим экономическим и политическим упадком испанской монархии, превращением феодально-абсолютистской Испании во второстепенную державу, теснимую развивающимися капиталистическими странами. Испания была не в состоянии продолжать активную политику территориальных захватов.

Разбросанная на громадной территории испанская империя, как и португальская, была создана «огнем и мечом». На Филиппинах, открытых в 1521 г. экспедицией Магеллана, испанцы вначале обосновались на о-ве Себу, заключив «кровавый договор» с одним из влиятельных себуанских правителей и заставив население близлежащих, враждебных Себу островков платить дань своему «союзнику». Правитель о-ва Мактан — Лапулапу не пожелал подчиниться испанцам и выступил против поддерживаемого Магелланом правителя Себу. Это была первая в истории Филиппин вспышка борьбы против европейских колонизаторов*.

Воинов Лапулапу было в несколько раз больше испанцев, и, по свидетельству современников, они сражались бесстраш-

* На Филиппинах Лапулапу чтят как первого борца с колониализмом. В современной филиппинской исторической литературе эпизоду сопротивления мактанцев отводится большое место.

но. Европейское оружие не помогло испанцам. 27 апреля 1521 г. Магеллан был смертельно ранен. Победа Лапулапу повлекла за собой выступление против испанских захватчиков и на их базе — о-ве Себу. Сменивший Магеллана Барбоса и большинство испанских военачальников были приглашены на пир к правителю Себу и перебиты; испанцы должны были покинуть Филиппины, не закрепившись на них.

Новые испанские экспедиции, направлявшиеся на Молукки, побывали на Филиппинах в 1526 и 1542 гг.*. Захват Филиппин был начат позднее специальной военной экспедицией во главе с Мигелем Лопесом де Легаспи (1565—1569 гг.). При завоевании Филиппин испанские колонизаторы использовали богатый опыт грабительских походов на Американском континенте. Они обосновались на Висайских о-вах, в 1569—1570 гг. их господство распространилось на острова Панай, Миндоро, Северный Минданао, в 1570—1572 гг. был завоеван самый крупный и богатый остров — Лусон, чем процесс завоевания архипелага в основном закончился. Границы испанских владений на Филиппинах, включавшие Лусон, Висайские о-ва, о-в Палаван и северные районы о-ва Минданао, существовали более двух столетий — до 70—80-х годов XIX в. Южные районы архипелага, где уже в XIV—XV вв. существовали феодальные султанаты (Себу, Минданао), выстояли против европейской агрессии и сохранили независимость до середины XIX в.

Испанские колонизаторы встретились на Филиппинах с народами, находившимися на разных стадиях разложения родового строя и образования классового общества. Во внутренних, изолированных областях господствовал первобытно-общинный строй. В прибрежных районах шел довольно интенсивный процесс классовообразования. В южных районах Лусона, на Себу, Панае сложились раннефеодальные отношения. Ранним формам феодализма соответствовали сравнительно низкий уровень развития производительных сил, слабые экономические связи между отдельными островами и районами архипелага. Основными территориально-политическими организациями в прибрежных областях были соседские общины — барангаи (или балангаи), в них выделялась довольно многочисленная феодализирующаяся верхушка во главе с правителями (дато, раджа). Ко времени появления европейцев на Лусоне и Висайских о-вах не сложились сколько-нибудь крупные государственные объединения.

Филиппинцы оказывали сопротивление захватчикам. В апреле — июне 1565 г. против колонизаторов боролся г. Себу.

* Глава экспедиции 1542 г. Вильялобос назвал архипелаг Филиппинами в честь наследника испанского престола, будущего короля Филиппа II (Магеллан назвал открытый им архипелаг островами Святого Лазаря).

Когда сопротивление себуанцев было сломлено, город был сожжен, участники обороны убиты. Осенью 1565 г. восстало население островов Мактан и Тави. Вождь мактанцев Дагами объявил себя продолжателем героической борьбы Лапулапу. Испанцы сожгли селение Мактан, но в ответ Дагами предпринял ряд смелых нападений на их базу в Себу. Волнения на Мактане и Тави продолжались до 1566 г.

Кровавыми страницами в истории завоевания архипелага были захват Манилы и покорение Лусона. Для овладения Манилой понадобились две экспедиции: 1570 и 1571 гг. Манилой, самым богатым торговым городом архипелага, сравнительно хорошо укрепленным (12 артиллерийских орудий), управляли три правителя: Лакандула, Матанда и Солиман. С двумя первыми испанцам удалось заключить «кровный» договор, но Солиман отказался признать суверенитет Испании. Испанцы, воспользовавшись разногласиями среди правителей, напали на город, сожгли и разгромили более тысячи домов, убили несколько сот горожан, захватили артиллерию. Тем не менее Солиман сумел оказать стойкое сопротивление. Колонизаторы не смогли удержать город и вынуждены были уйти на о-в Панай. В апреле 1571 г. испанский отряд вновь появился у стен Манилы. На этот раз три правителя выступили сообща, но в ходе борьбы испанцы сумели расколоть их и заключить договор с Лакандулой и Матандой. Солиман остался единственным защитником города. Теснимые испанцами жители Манилы, уходя в горы, подожгли город и уничтожили запасы продовольствия.

Активное сопротивление конкистадорам оказывали жители Лусона. Главную роль при покорении острова сыграли отряды, сформированные испанцами из воинов с захваченных Висайских о-вов. Лусон был завоеван, в сущности, руками филиппинцев.

Филиппины интересовали испанскую корону исключительно с точки зрения их военно-стратегической ценности как крайнего восточного аванпоста империи, удобной базы вблизи от португальских владений на Молукках и от Китая. В качестве источника колониальных доходов архипелаг не представлял интереса — на островах было мало золота, не было пряностей и других колониальных товаров. В отличие от испанских владений в Америке, где королевская власть принимала непосредственное участие в управлении и эксплуатации колоний, Филиппины были отданы на откуп небольшой группе чиновников-испанцев и монахов-миссионеров.

Обособленность островов, малочисленность представителей испанской администрации заставляли колонизаторов искать более прочную социальную опору в местных имущих слоях. Образовалась довольно многочисленная относительно

привилегированная верхушка, так называемая принсипалия (или касики), освобожденная от повинностей в пользу короны, составлявшая низшие и средние звенья колониальной администрации. Барангай (обычно 40—50 семей) был превращен испанцами в основную налоговую единицу, старосты барангаев, представлявшие деревенскую принсипалию, стали и сборщиками налогов.

Их положение в начале XVII в. весьма красноречиво описано одним из испанских церковников: «Если старейшины дают не так много, как с них спрашивают, и не платят за то количество населения, которое будто бы насчитывается, испанцы оскорбляют старейшин и заключают их в тюрьму. Если не находят старейшин, хватают их жен и детей. Согласно донесениям, многие старейшины умерли от пыток». Не случайно принсипалес с XVI в., как правило, становились во главе антииспанских восстаний.

До середины XVII в. основной формой эксплуатации населения была энкомендарная система, введенная в 1570 г. по образцу той, которая существовала в американских колониях Испании. Местные жители и их имущество передавались в опеку или «под покровительство» (энкомьенда) якобы для того, чтобы испанцы защищали их и помогали избавиться от язычества, за что они обязаны были платить дань и работать на своих «покровителей» — энкомендеро. пожалование энкомьенды не означало наделения землей (считавшейся собственностью испанской короны), но на практике раздача энкомьенд и наделение землей обычно производились одновременно. Режим энкомьенд сопровождался произволом энкомендеро, вымиранием эксплуатируемого населения, хотя не в таких катастрофических масштабах, как, например, в Мексике.

Система энкомьенд не удовлетворяла католическую церковь, стремившуюся к полноте власти в колонии и заинтересованную в сохранении паствы. Упразднению энкомьенд способствовали стихийные народные восстания, происходившие в первые десятилетия после завоевания. В 1585 г. восстание вспыхнуло в провинции Пампанга (о-в Лусон) и на о-ве Самар, в 1588 г. — на о-ве Лейте, в 1589 г. восстало все население провинции Кагаян на Лусоне, затем волнения перекинулись в провинцию Илокос.

С начала XVII в. монашеские ордена стали подлинными хозяевами колонии. Потерпев неудачу в Китае, в Японии, духовные корпорации сделали главной ареной своей деятельности Филиппины, превратив их, по выражению испанского хроникера того времени, в «арсенал католической религии» на Востоке. Архипелаг был поделен между пятью монашескими орденами. На 10—15 тыс., иногда на 20 тыс. населения

единственным испанцем, представителем колониальной власти, был монах — приходский священник, выполнявший фактически функции светской администрации. Ни одно событие в жизни филиппинской деревни не проходило без его вмешательства. Стремясь к личному обогащению и процветанию орденов, священники беззастенчиво эксплуатировали прихожан-филиппинцев, выработав постепенно целую систему поборов. По отношению к светской администрации церковь на Филиппинах выступала как независимая политическая сила.

С ликвидацией энкомендарной системы основным типом феодального землевладения на Филиппинах стало поместье (асьенда). Основной категорией землевладельцев-асендеро были монастыри. Число испанских помещиков-немонахов было ничтожным. С середины XVII в. началось формирование и местной помещицкой прослойки из числа принципалес. Рост помещицкого землевладения происходил главным образом за счет крестьянских земель. Господствующей формой эксплуатации труда крестьян-филиппинцев в асьендах была издольщина. Юридически свободный крестьянин оказывался прикрепленным к помещику в результате системы долговой кабалы. Применение труда батраков-поденщиков в отличие от американских колоний не получило значительного развития до конца XVIII в. Институт пеонов, возникший в испанской Америке в XVI в., оформился на Филиппинах лишь в XIX в. Крестьяне, жившие на незанятых, так называемых коронных землях, составляли прослойку свободных мелких землевладельцев, они облагались подушным налогом в пользу короны и церкви. Непрочность общинных связей и наличие сравнительно обширных пустующих, пригодных для обработки земель способствовали значительному развитию мелкого крестьянского землевладения, характерного для испанских Филиппин XVII—XIX вв.

С ликвидацией режима энкомьенд вплоть до XIX в. единственной формой антииспанской борьбы на Филиппинах были стихийные крестьянские восстания в ответ на усиление колониальной эксплуатации. Из восстаний XVII в. можно назвать восстание 1621 г. на о-ве Бохол против монахов-иезуитов, возглавленное местным жрецом Тамблотом, который призывал вернуться к языческим верованиям. Восстание 1621 г. было поддержано населением соседнего острова Лейте во главе с местным касиком Банкао. В начале XVII в. христианизация была еще весьма поверхностной и призывы к отказу от новой религии характерны для многих движений. Со второй половины XVII в., когда христианство завоевывает прочные позиции, все чаще возникают движения в форме христианских ересей, ратующие за очищение христианской религии.

В 1649 г. сильные волнения прокатились по Висайским о-вам. Центром волнения стал о-в Самар, движение возглавил местный касик Понсе Сумурад. Причины восстания — незаконное увеличение государственных барщинных повинностей и произвол местного приходского священника. Несколько восстаний в провинциях Лусона (Пампанга, Пангасинан, Илокос) в 1660—1662 гг. связано с усилением налогового гнета.

Завоевание Филиппин испанцами все же способствовало развитию на островах более прогрессивного общественного строя — феодализма. Установление испанского колониального режима на Филиппинах не сопровождалось катастрофическим уничтожением людских и материальных ресурсов, как это происходило в Америке. Вместе с тем испанский колониальный режим чем дальше, тем больше способствовал экономическому застою, тормозил развитие производительных сил. До начала XIX в. между колонией и метрополией отсутствовали прямые торговые связи — всего дважды в год отправлялись в Америку испанские галионы с грузами азиатских товаров. Из колониальных владений европейских стран в Азию Филиппины были самыми отсталыми.

Еще в конце 70-х годов XVI в. испанский губернатор Филиппин выдвинул план завоевания Китая, не одобренный, однако, Филиппом II. Король считал более осторожным начать с захвата китайского острова Тайвань, но попытка захватить остров в 1598 г. не удалась. Правда, посланные для захвата Тайваня испанские корабли попали в порт Гуанчжоу, и там испанцы договорились с китайскими властями о торговле. Португальцы, однако, не собирались допускать своих конкурентов в Китай. В 1528 г., когда испанский корабль вошел в порт Макао, португальцы наложили на него арест и увели в Гоа.

К середине XVII в. испанцы закрепились в порту Цзилун на о-ве Тайвань. Официальных миссий для переговоров с центральным правительством Китая испанцы больше не направляли вплоть до 1847 г. Что касается отношения испанских властей на Филиппинах к прибывавшим сюда торговать и селившимся здесь китайцам, то они прибегли к самым варварским мерам — учинили кровавую резню в 1603 г., во время которой погибло около 25 тыс. китайцев, и повторили резню в 1639 г., уничтожив еще свыше 20 тыс. переселенцев.

Важными средствами колониальной экспансии португальцев и испанцев были насильственная христианизация и миссионерская деятельность. Правда, католическую религию удалось распространить лишь среди населения, стоявшего на сравнительно низкой ступени общественного развития, там, где раньше господствовал родовой строй или шло становление раннеклассового общества: на Филиппинах, в Восточной

Индонезии (острова Амбон, Тимор, Флорес, Сумба). Население таких опорных пунктов португальцев, как Гоа, Малакка и др., тоже вынуждено было принимать христианство. Ни в мусульманских, ни в буддийских странах проповедь христианской религии не имела успеха. Более того, по мере роста португальской и испанской экспансии на Малайском архипелаге ислам выступил в качестве идеологии сопротивления захватчикам. Португальская и испанская колонизация способствовала распространению ислама в Восточной Индонезии и на архипелаге Сулу, где местные правящие классы, тесно связанные с морской торговлей, брали на вооружение ислам против христианства, под знаменем которого наступали колонизаторы.

По мере упадка военной мощи Португалии и Испании усиливалась деятельность католических миссионеров. В 1534 г. в Гоа был создан епископат, юрисдикция которого распространялась на весь Дальний Восток и Юго-Восточную Азию. Начались беспощадные гонения на инаковерующих в португальских владениях в Индии. В 1561 г. в Гоа появилась инквизиция, в 1563 г. жители города познакомились с таким «достижением» христианской цивилизации, как аутодафе. Но и после этого значительная часть населения Гоа продолжала исповедовать индуизм и ислам.

Португальская и испанская экспансия ускорила процесс первоначального накопления в Европе, привела к «революции цен», способствовала развитию капиталистических отношений в ряде стран Западной Европы. «Пионеры» колониальной системы — Испания и Португалия, несмотря на обогащение своих правящих классов, а точнее, именно благодаря этому обогащению не смогли в конечном счете извлечь такие выгоды из создания колониальной системы, как пошедшие по их стопам Голландия, Англия, Франция. Европейский феодализм открыл дорогу капиталистической колониальной экспансии, но не смог вполне воспользоваться ее плодами, так как развитие ее означало вместе с тем отрицание самого феодализма.

Поскольку центр португальских колониальных владений лежал в бассейне Индийского и западной части Тихого океана, где вскоре стали действовать Нидерланды и Англия, Португалия потеряла свои важнейшие колонии и фактории раньше Испании, основу колониального могущества которой составляли американские владения. В последующие периоды Португалия и Испания сохраняли остатки своих колоний лишь благодаря противоречиям между ведущими государствами Запада. В Азии за Португалией остались отдельные опорные пункты (Гоа, Диу, Макао), утратившие бывшее значение, а также восточная часть о-ва Тимор. Португалия лишилась Молуккских о-вов, Малакки, Ормуза, факторий в Японии, Бир-

ме, Сиаме, Индонезии. В Африке она удержала Анголу и Мозамбик, ряд пунктов на Гвинейском побережье и острова близ западного берега Африки, утратив часть гвинейского и восточноафриканского побережья. Как и для Испании, основой колониальной империи Португалии стали после этого владения в Америке (Бразилия).

Сохранившиеся португальские и испанские колонии были самыми отсталыми из всех владений европейских держав.

Колониальная экспансия торгово-капиталистических стран — Голландии, Англии и феодальной Франции

С конца XVI — начала XVII в. ведущая роль в колониальной эксплуатации переходит к наиболее развитым странам Европы — Нидерландам, Англии, Франции. С выходом их на арену колониальной политики начинается собственно капиталистическая история колониальной экспансии.

Маркс писал о колониальной системе Голландии в XVII в.: «Колонии обеспечивали рынок сбыта для быстро возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал. Голландия, которая первой полностью развила колониальную систему, уже в 1648 г. достигла высшей точки своего торгового могущества» *.

Колониальная система, пришедшая на смену феодальной, была вначале колониальной системой торгового капитализма. Именно торговому капиталу принадлежала ведущая роль в колониальной экспансии Нидерландов и Англии в XVII—XVIII вв. Методы и формы колониальной экспансии и эксплуатации также были обусловлены в первую очередь той ведущей ролью, которую играл торговый капитал в колониальной политике XVII—XVIII вв. Основную ценность для голландских и английских купцов представляла торговля со странами Востока. Все, что совершали колонизаторы в тот период, было подчинено основной цели — монополизировать торговлю, извлечь максимальные барыши из торговых операций. Даже территориальные захваты на первых порах совершались не столько ради непосредственной эксплуатации местного населения, сколько для обеспечения монопольного положения торговых факторий и вытеснения конкурентов.

* К. Маркс, *Капитал*, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 763.

Показательно, что главным проводником колониальной политики в это время становятся монопольные торговые компании. Если в испано-португальской системе главную роль играла государственная феодально-бюрократическая машина, то теперь инициатива принадлежит купечеству, а государство поддерживает объединения пайщиков-монополистов и предоставляет им колониальный аппарат управления.

В XVII в. эксплуатация голландских колоний осуществлялась через две торговые компании — Ост-Индскую и Вест-Индскую. Особое место занимает Ост-Индская компания, по образцу которой строились подобные же компании в других странах. Возникшая в 1602 г. при прямом содействии правительства голландская Ост-Индская компания получила не только право монопольной торговли и мореходства в пределах от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива, но и право содержать свои войска, объявлять войну, заключать мир, строить крепости и фактории, чеканить монету. Голландская Ост-Индская компания гораздо эффективнее португальцев осуществляла свою торговую монополию в странах Азии, сочетая методы грубого насилия с активной торговой деятельностью.

Успехи английской колониальной экспансии в XVII в. были значительно более скромными. Начальный этап ее (вторая половина XVI — первая половина XVII в.) связан с деятельностью королевского двора и феодальной знати. Двор и знать вместе с купцами принимали участие в снаряжении пиратских экспедиций, которые нападали на испанские (а с 1580 г. и на португальские) суда, перевозившие драгоценные металлы и пряности в Европу. Английские пираты — адмиралы Ф. Дрейк, У. Рэли, Д. Хаукинс — совершали набеги на прибрежные владения Испании в Америке и занимались работорговлей, продавая захваченных жителей Гвинеи в Вест-Индию.

К Востоку Англия обратилась позже. Вначале английские колонизаторы действовали в Вест-Индии и Северной Америке, где в конце XVI в. возникли первые английские колонии (Ньюфаундленд, Виргиния, Бермуды, Британский Гондурас). Это объяснялось не только стремлением перерезать «золотую» артерию испанской монархии, но и желанием захватить новые территории в интересах английской земельной аристократии, активно участвовавшей в колониальной политике.

И английская Ост-Индская компания, возникшая в 1600 г., была вначале значительно слабее голландской. Она в отличие от последней получила от государства лишь торговые привилегии, ее капитал был намного меньше (30 тыс. ф. ст. против 540 тыс. ф. ст.), она постоянно испытывала сильные финансовые затруднения, была вынуждена непрерывно бо-

роться с конкуренцией других английских компаний и находилась в сильной зависимости от королевской власти. Лишь в начале XVIII в. английская Ост-Индская компания укрепила свои позиции в самой Англии.

Главной целью обеих компаний в Азии были первоначально Молуккские о-ва с их пряностями. Именно сюда устремляются первые голландские и английские экспедиции, здесь происходят наиболее ожесточенные схватки вначале с общими врагами — испанцами и португальцами, затем между самими голландцами и англичанами.

Вторжение голландцев в сферу влияния Португалии на Востоке было ускорено тем, что Португалия оказалась после 1580 г. на длительный срок под властью Испании, с которой Голландия находилась в состоянии непрерывной войны.

Основной ареной борьбы Голландии с Испанией и Португалией стала Юго-Восточная Азия. Создавая колониальную империю, Голландия опиралась на свое промышленное, торговое и морское превосходство, на помощь местного населения, ненавидевшего португальцев и испанцев и не сумевшего сразу разобраться в истинных планах новых колонизаторов.

В 1596 г. на Яву прибыла первая голландская экспедиция де Хаутмана, в 1600 г. голландцы заключили первый договор с правителем о-ва Амбон о постройке фактории и закупке пряностей, а к 1609 г. голландские торговцы окончательно вытеснили португальцев и испанцев с Молукк. В 1619 г. голландские колонизаторы захватывают на Яве Джакарту (Батавию), вскоре ставшую центром их колониальных владений. В 1641 г. хитростью и подкупом они овладевают цитаделью португальского владычества в Юго-Восточной Азии — Малаккой. В этом же году только что отделившаяся от Испании Португалия заключила с Голландией договор, по которому признала колониальные захваты последней. По Вестфальскому (Мюнстерскому) договору 1648 г. демаркационная линия, ранее делившая сферы влияния Испании и Португалии, разграничила теперь владения Испании и Голландии. Не довольствуясь созданием факторий и фортов, капиталистическая Голландия перешла к территориальной экспансии: в 1642 г. захватила Тайвань, в 1658 г. — Цейлон, в течение второй половины XVII — первой половины XVIII в. были подчинены государства Явы и Мадур. В Африке голландцы захватили ряд важных пунктов на западном побережье — Аргун, Гуре, Эльмину, Сьерра-Леоне. В 40—50-х годах XVII в. возникли голландские колонии на о-ве Маврикий и мысе Доброй Надежды (Капская земля). Третьим районом мира, где утвердились в XVII в. голландцы, стала Южная Америка. Здесь голландцы овладели Гвианой, некоторыми из Малых

Литильских о-вов, бразильским побережьем. Была основана голландская колония и в Северной Америке, в устье р. Гудзон (Новые Нидерланды).

Английская Ост-Индская компания долгое время довольствовалась созданием отдельных факторий на Молуккских о-вах, Сулавеси, Яве, Суматре, в Индии и Сиаме. Хотя англичане в начале XVII в. также довольно активно боролись с португальской торговой монополией (в 1615 г. они разбили близ Сурата португальский флот, а в 1622 г. помогли Ирану изгнать португальцев с Ормуза), как правило, они следовали за более сильными голландцами (Голландия в середине XVII в. имела на Востоке в 70 раз больше кораблей, чем Англия). Очень скоро конкуренция с более прочно обосновавшимися в Юго-Восточной Азии голландскими колонизаторами привела к войне между соперничающими компаниями. В ходе ее англичане изображали себя освободителями местного населения от гнета голландцев, привлекали его на свою сторону, беззастенчиво предавая в случае опасности или когда голландцы обнаруживали желание пойти на уступки.

В 1619 г. голландский флот в нескольких сражениях разгромил английский в Сиамском заливе и Зондском проливе, а в начале 20-х годов XVII в. голландцы вытеснили своих соперников с Молукк. Окончательный удар английским планам в Юго-Восточной Азии нанесла так называемая амбонская резня, когда в феврале 1623 г. служащие английской фактории о-ва Амбон были обвинены голландским губернатором в заговоре против него и казнены. В борьбе за пряности победила экономически более развитая в то время Голландия, англичанам пришлось искать другие районы для своей торговой деятельности. Вытесненные из Юго-Восточной Азии, англичане сосредоточили внимание на Индии. Им удалось получить ряд торговых привилегий в Могольской империи, и с 1615 г. начался быстрый рост числа английских факторий (Сурат, Масулипатам, Пуликат, Мадрас).

Основным голландским колониальным владением стала Индонезия, и именно здесь вырабатывались методы и формы колониальной эксплуатации голландской Ост-Индской компании. Свою деятельность на архипелаге компания начала с переговоров с местными правителями о продаже ей продуктов (главным образом пряностей) по ценам выше тех, которые предлагали португальцы и испанцы. По мере укрепления своего положения и вытеснения конкурентов компания стремилась установить монополию на покупку местных товаров по крайне низким ценам. Средства достижения монополии были различными, но все они основывались на грубом, неприкрытом насилии. Связи между островами архипелага могли под-

держиваться только голландскими судами или местными, имевшими голландские пропуска. На Молукки категорически был запрещен доступ всем, кроме голландцев. Регулярно сюда прибывали голландские экспедиции, чтобы покарать местных жителей за «контрабанду». Была введена система, названная «хонгитохт», сущность которой состояла в том, что разведение пряностей ограничивалось определенными островами. Посадки на остальных островах вырубались, чтобы сохранить монополию на торговлю пряностями и высокий уровень цен на них в Европе. Участки под пряностями раздавались или продавались служащим компании, которые были обязаны сдавать собранную продукцию по фиксированным ценам. Голландии принадлежит «заслуга» организации плантационного хозяйства, основанного на рабском и полурабском труде. Землю обрабатывало местное население или рабы, привезенные с соседних островов. Такая политика привела в конечном счете к разорению Молуккских о-вов — некогда одного из развитых районов Индонезии.

С конца XVII в. Ост-Индская компания превращается в территориальную державу в Индонезии, и основой колониальной системы служит уже не столько торговая монополия, сколько крепостническая эксплуатация крестьянства, вначале косвенная, а затем непосредственная. В княжествах и на территориях, попавших под их контроль, голландцы обеспечивали принудительные поставки интересовавших их продуктов (пряности, олово, золото), т. е. создали институт «леверенций». Голландская администрация не вмешивалась во внутренние дела индонезийских княжеств, пока соблюдались леверенции и не нарушалась торговая монополия компании. Приступив с последней четверти XVII в. к территориальным захватам на Яве — богатейшем острове архипелага, голландские колонизаторы ставили местных феодалов под свой прямой контроль, превращая их в агентов компании, оставляя им власть и доходы лишь при условии выполнения всех поставок и распоряжений властей.

С начала XVIII в. компания приступила к принудительному внедрению культуры кофе на Яве. Местные феодалы-регентy заставляли крестьян сокращать посевы продовольственных культур и заниматься исключительно разведением кофейных деревьев. Урожай кофе по низким ценам сдавался компании.

Методы голландской колониальной политики (косвенное управление, система неравноправных договоров) послужили образцом для буржуазии других стран Европы.

Характернейшей чертой колониальной политики эпохи торгового капитала были торговые войны, заполняющие всю историю колониализма XVII—XVIII вв. Причина того раз-

маха, который приняли тогда торговые войны, охватившие весь мир, и ожесточенности, с которой они велись, заключались в особом значении внешних, особенно колониальных, рынков в мануфактурный период развития капитализма. Маркс писал: «В собственно мануфактурный период торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание. Отсюда решающая роль, которую в то время играла колониальная система» *.

Несмотря на сохранение и даже расширение голландской колониальной империи на протяжении XVIII—XIX вв., с конца XVII в. Голландия теряет свою колониальную, морскую и торговую гегемонию. Основная причина этого заключалась в отставании Голландии от Англии в промышленном развитии. «История упадка Голландии как господствующей торговой нации, — отмечал Маркс, — есть история подчинения торгового капитала промышленному капиталу» **.

Усиленное накопление капиталов за счет колониальной эксплуатации, сыгравшее прогрессивную роль на первой стадии капиталистического развития Голландии, приобрело реакционный характер к концу того же мануфактурного периода. Накопленные капиталы сосредоточивались в руках торговой буржуазии, которая направляла их не на развитие промышленности, а главным образом в сферу посреднической торговли и ростовщичества. По мере развития капитализма в Англии последняя все больше теснила Голландию в колониях. В трех англо-голландских войнах второй половины XVII в. колониальное и морское могущество Голландии было сломлено. Голландия потеряла большую часть колоний в Америке и Африке и сумела сохранить владения в Азии лишь благодаря начавшемуся с конца XVII в. англо-французскому соперничеству.

После войн эпохи Французской революции и Наполеона Голландия, ставшая второстепенной державой, потеряла еще ряд колоний (Капская земля, Цейлон, захваченные Англией), а по Лондонскому договору 1824 г. отказалась в пользу Англии от владений в Индии и Малайе. Основной (практически единственной) колонией Голландии в Азии осталась Индонезия, которую слабая в военном отношении Голландия сумела сохранить, лишь допустив туда английский капитал (после англо-голландской войны 1780—1784 гг.). Одновременно с ослаблением колониальной мощи Голландии приходили в упадок ее торговые компании (Ост-Индская компания была ликвидирована в 1799 г.). Но торговая буржуазия, управлявшая

* Там же, стр. 764.

** К. Маркс, *Капитал*, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. I, стр. 366.

Голландией вместе с дворянством, вплоть до 70-х годов XIX в. не изменила сколько-нибудь серьезно методы колониальной эксплуатации, зародившиеся на мануфактурной стадии развития капитализма.

Со второй половины XVII в., когда на авансцену колониальной политики выдвигаются Англия и Франция, борьба между ними проходит красной нитью через всю историю колониализма XVIII в. и значительной части XIX в.

Англия стала на путь колониальной экспансии значительно раньше Франции, одновременно с Голландией, что объясняется быстрым развитием в Англии капиталистических отношений после буржуазной революции XVII в.

Франция начала широкую колониальную экспансию после Нидерландов и Англии — со второй половины XVII в., т. е. после окончания эпохи гражданских войн, с укреплением абсолютной монархии. При Людовике XIV была основана французская Ост-Индская компания, захвачены опорные пункты в Индии (Пондишери, Чандранагар), территории в Северной Америке (Луизиана), расширена колонизация Канады и Антильских о-вов.

Отсталость социально-экономического и политического строя феодально-абсолютистской Франции, засилье дворянства, бесправное положение буржуазии, деспотизм королевской власти, бюрократические методы руководства колониальной политикой предопределили конечное поражение Франции в борьбе с Англией за колонии. Французская Ост-Индская компания, возникшая в 1664 г., была поставлена под полный контроль правительства, от которого зависело ее финансирование; ставленники дворцовой камарильи управляли владениями компании, командовали ее армией и флотом. Компания оказалась слабее своего основного соперника — английской Ост-Индской компании, в 1708 г. реорганизованной по образцу голландской и опиравшейся не только на поддержку парламента и королевской власти, но и на могущественную верхушку Сити.

Главными районами англо-французских столкновений стали Северная Америка, Антильские о-ва, Индия.

В войне за Испанское наследство (1701—1714 гг.) Англия не допустила перехода к Франции испанских колоний, захватила Гибралтар, отняла у Испании право «асьенто» — поставки африканских рабов в испанские владения в Америке.

Основная борьба между Англией и Францией за преобладание в Индии, ставшей главным объектом англо-французского соперничества в Азии, развернулась с 40-х годов XVIII в.

В войне за Австрийское наследство (1740—1748 гг.) французы, опираясь на свою военно-морскую базу на о-ве Маври-

кий, захватили Мадрас — центр английских владений в Индии. В лице губернатора Пондишери — Дюплекса англичане встретились с умным противником, умело использовавшим противоречия между индийскими владельцами для укрепления позиций французской Ост-Индской компании и создавшим первые отряды сипайской (состоящей из индийцев) армии. Борьба между обеими компаниями в Индии продолжалась и после Аахенского мира, закончившего войну в Европе. В конце 40-х годов XVIII в. в Южной Индии преобладающим стало влияние Франции. Но в Семилетней войне (1756—1763) капиталистическая Англия, становящаяся на путь промышленного переворота, нанесла феодально-абсолютистской Франции тяжелое поражение и окончательно подорвала колониальную мощь союзницы последней — Испании.

Франция потеряла Канаду и ряд островов в Вест-Индии. Решающее поражение она потерпела в Индии: англичане разбили французскую армию под Вандеваем и захватили Пондишери. По Парижскому договору 1763 г. Франция отказалась от своих владений в Индии и обещала не возводить укреплений в возвращенных ей пяти городах (в том числе в Пондишери). Победа Англии открывала последней дорогу к утверждению владычества в Индии. Маркс писал: «События Семилетней войны превратили Ост-Индскую компанию из торговой державы в державу военную и территориальную. Именно тогда было заложено основание нынешней Британской империи на Востоке» *.

Англия приступила к завоеванию Индии: в 1757—1764 гг. была захвачена Бенгалия, в 1799 г. покорено самое сильное государство Южной Индии — Майсур, в 1818 г. англичане разгромили маратхов. С захватом Пенджаба в 1846 г. завоевание Индии было завершено. Опираясь на свои владения в Индии, английские колонизаторы активизировали свою деятельность в других странах Азии. В 1786 г. они захватили о-в Пинанг, положив начало экспансии в Малайе, в 1824 г. начали первую войну с Бирмой.

Соперничество Англии и Франции на колониальном поприще продолжалось и в новую историческую эпоху, наступившую после Французской буржуазной революции XVIII в. Французская буржуазия, ставшая на путь активной колониальной политики, неминуемо должна была столкнуться с Англией. Захват Бонапартом Египта, формально входившего в состав Османской империи (1799 г.), был попыткой Франции стать твердой ногой на Востоке. Но египетский поход закончился разгромом французов (1802 г.).

* К. Маркс, *Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 152.

Англия, опираясь на свое промышленное, торговое и морское могущество, не только сумела удержать свои позиции в колониях, но и значительно укрепила их. Помимо новых территориальных приобретений в Индии, в частности захвата всех французских владений в Бенгалии и на Коромандельском берегу; Англия под предлогом «защиты законных прав» штатгальтера Нидерландов, изгнанного в 1795 г. французскими войсками, захватила в 1795—1796 гг. Капскую колонию, Цейлон, Малакку, голландские форты и фактории на Суматре, а также Амбон и о-ва Банда в Индонезии. В 1811 г. англичане захватили Яву и о-ва Банка и Биллитон. Хотя по Лондонской конвенции 1814 г. и соглашениям на Венском конгрессе 1814—1815 гг. Англия вернула Голландии большинство колоний, она сохранила Капскую колонию, Цейлон и ряд островов Вест-Индии. Затягивая свой уход из Индонезии, английские колонизаторы рассчитывали закрепиться в тех районах, которые не были ранее захвачены голландцами. В 1824 г. в Лондоне был подписан англо-голландский договор о разграничении сфер влияния в Азии. Голландия передала своей сопернице все колонии в Индии и Малайе, признала захват Англией (в 1819 г.) Сингапура. Англия же отказалась от своих владений на Суматре, в обмен получив более широкий доступ к колониальной эксплуатации Индонезии.

Колониальная экспансия капиталистических держав вызвала ожесточенное сопротивление народов Востока, более упорное и массовое, чем борьба против португальского владычества. Объяснялось это в первую очередь тем, что новые колонизаторы не ограничивались сооружением фортов и созданием факторий, а начали захватывать обширные территории и поставили под серьезную угрозу независимость целых государств. Всеобщее сопротивление встречала и политика **торговой монополии**, осуществлявшаяся голландскими и английскими колонизаторами с не меньшей жестокостью, чем португальскими. Голландская агрессия в Юго-Восточной и Южной Азии порождала мощные антиколониальные выступления, не раз серьезно угрожавшие голландским владениям в Индонезии и на Цейлоне.

История XVII—XVIII вв. знает много примеров антиколониальных выступлений под руководством правителей государств, боровшихся за независимость: сопротивление на Тайване, на Цейлоне, три молуккские войны, война с княжеством Гова на юге Сулавеси. Голландцы появились у берегов Китая в самом конце XVI — начале XVII в., ведя войну с испанцами и португальцами. В 1642 г. они захватили порт Цзилун — опорный пункт испанцев на Тайване — и распространили свое господство на весь остров. Однако уже в 1661 г. они были изгнаны с Тайваня флотом и войсками Чжэн Чэн-

гуна — руководителя патриотических сил Китая, создавших в процессе борьбы с происходившим в то время маньчжурским нашествием собственное государство на юго-восточном побережье Китая.

Одним из ярких эпизодов борьбы за независимость были войны малайского султаната Джохор-Риау во второй половине XVIII в. Организаторами сопротивления стали бугийские правители* султаната, успешно боровшиеся с голландской торговой монополией. В 1783 г. талантливый полководец — правитель султаната Раджа Хаджи — разгромил голландский флот на архипелаге Риау, а в 1784 г. осадил голландскую Малакку. Прибытие эскадры из Голландии и смерть Раджа Хаджи заставили малайцев и бугов снять осаду. Война кончилась в 1787 г. поражением малайского султаната, но потребовала от Ост-Индской компании, переживавшей в то время серьезный кризис, большого напряжения сил.

Мощные движения против голландских колонизаторов, в которых заметна и антифеодалная струя, происходили в XVII—XVIII вв. на Восточной Яве, где существовало государство Матарам, правители которого постепенно превращались в марионеток голландских генерал-губернаторов. В 1674—1679 гг. вспыхнуло восстание под руководством мадурского князя Трунаджайя, к которому присоединились массы яванского и мадурского крестьянства. В конце XVII в. там началось восстание под руководством бывшего раба и солдата голландской Ост-Индской компании Сурапати. Восставшие создали свое государство и вплоть до 1719 г. успешно сопротивлялись голландским колонизаторам и выступавшим в союзе с ними феодалам Матарам. Последнее крупное народное движение на территории независимого Матарам происходило в 1750—1757 гг. под руководством принцев Мангкубуми и Мангкунегара.

Важной чертой антиколониальных движений в эпоху первоначального накопления становится участие в них торговых и ремесленных «предбуржуазных» слоев. Это объясняется тем пагубным воздействием, которое оказало колониальное проникновение мануфактурных держав Запада на самостоятельное развитие «предбуржуазных» элементов в странах Востока. Первые значительные выступления торгово-ремесленных слоев против колониального вторжения относятся к эпохе голландского преобладания.

Именно таким было восстание китайских торговцев и ремесленников на Яве, начавшееся в 1740 г. в ответ на пресле-

* В 1722 г. бугийские феодалы, выходцы с о-ва Сулавеси, захватили власть в султанате, которым формально продолжали править султаны прежней династии.

дования со стороны голландских колониальных властей. Восставшие объединились с яванскими крестьянами и в течение нескольких лет боролись против голландских войск.

Народы Азии оказали серьезное сопротивление также английским и французским колонизаторам. Характерной особенностью борьбы государств Юго-Восточной Азии (Сиам, Бирма) за свою национальную независимость в XVII—XVIII вв. было то, что борьба эта усиливала объединительные тенденции в этих государствах и способствовала относительной централизации. Сиамские и бирманские феодалы выступили руководителями отпора иностранной агрессии.

Одним из основных районов столкновений между колонизаторами во второй половине XVII в. стал Сиам, занимавший ведущее положение в торговле Юго-Восточной Азии. Английская Ост-Индская компания, первые фактории которой в Сиаме появились в начале XVII в., в 70-х годах активизировала свою деятельность, стремясь компенсировать себя за неудачи на Малайском архипелаге. Компания добилась ряда торговых привилегий у короля Нарая, заинтересованного в получении английской помощи против голландцев; на королевской службе появились агенты английской Ост-Индской компании.

В 80-х годах XVII в. президент компании Чайлд и Совет директоров разработали план военного нападения на Сиам. Предполагалось спровоцировать антисиамские выступления в малайских княжествах на юге Сиама, захватить важный сиамский порт Мергуи, напасть на Читтагонг, который наравне с Мергуи должен был стать основной базой для операций в Бенгальском заливе.

Эти планы, вскоре подкрепленные посылкой эскадры и сухопутных войск, показательны для захватнических устремлений английских колонизаторов в Азии уже в XVII в. вопреки бытующему в английской буржуазной литературе мнению об ограничении сферы действия Ост-Индской компании в тот период одной торговлей.

В 1686 г. в Индию прибыла эскадра адмирала Николсона, которая начала захват сиамских кораблей на морских путях и в индийских портах. Летом 1687 г. экспедиция под командованием капитана Вельтдена захватила порт Мергуи, губернатор которого — англичанин на сиамской службе Уайт — сдал город своим соотечественникам без боя. Англичане грабили и бесчинствовали в захваченном городе. Их бесчинства привели к народному восстанию, в котором приняли участие горожане и крестьяне близлежащих деревень во главе с патриотически настроенными чиновниками. 14 июля 1687 г. сиамцы напали на охрану Вельтдена и Уайта и уничтожили ее. Повстанцы открыли огонь по шлюпу «Джеймс» и заставили

команду капитулировать. На суше были перебиты все англичане, защищавшие дворец Уайта. 16 июля сиамцы выслали против оставшихся у англичан кораблей свою флотилию и заставили их спастись бегством.

Сиамское правительство в августе 1687 г. объявило войну английской Ост-Индской компании и направило свои корабли в Бенгальский залив, где они перехватили английские суда, шедшие в Китай. Английской Ост-Индской компании пришлось отказаться от экспансионистских планов в отношении Сиама.

Французской Ост-Индской компании удалось, опираясь на прямую поддержку французского правительства и помощь католических миссионеров, а также используя непрочное положение короля Нарая, напуганного к тому же угрозой голландской и английской экспансии, навязать в 1687 г. Сиаму договор, ставивший страну под контроль Франции. В Сиаме появились французские войска под командованием Дефаржа. Фаворит короля, грек по национальности, авантюрист Константин Фалькон, фактически правивший страной, открыто стоял за подчинение Сиама Франции. В мае 1688 г. командир гвардии Пет Рача сверг Нарая, казнил Фалькона и решительно выступил против иностранцев. Пет Рачу поддерживали самые широкие слои сиамского населения — крестьянство, горожане, буддийское духовенство, провинциальное чиновничество. После изгнания французов новое правительство закрыло страну для европейцев, причем это было сделано не путем издания каких-либо специальных указов (как в Японии), а сознательным отказом от активной внешнеторговой политики, что привело к падению значения столицы Сиама — Аютии как крупного международного рынка. При этом, конечно, замедлились темпы развития Сиама, искусственно изолированного от внешнего мира, но сиамцам вплоть до середины XIX в. удавалось сохранять целостность и независимость своей страны.

Бирма, где в середине XVII в. также появились фактории английской Ост-Индской компании, заняла видное место в планах европейской экспансии несколько позже — в первой половине XVIII в. В отличие от Сиама Бирма интересовала колонизаторов главным образом со стратегической точки зрения. Интерес этот возрос в начале XVIII в., когда в порту Сириам началось строительство и ремонт судов соперничающих держав — Англии и Франции. Пользуясь ослаблением Бирмы из-за внутренних усобиц и фактическим разделением страны на бирманское и монское государства, англичане и французы открыто вмешались в дела Бирмы. Английская Ост-Индская компания захватила в 1752 г. расположенный близ устья Иравади о-в Негрэ — важную стратегическую по-

зицию. Французы стремились использовать монов для установления своего влияния в Бирме, французская Ост-Индская компания направила в монское королевство своих агентов, продавая монам огнестрельное оружие и боеприпасы. Как и в Сиаме, вмешательство иностранцев во внутренние дела вызвало в Бирме всеобщее негодование. Вне всякого сомнения, реальная угроза порабощения способствовала консолидации бирманцев в их борьбе за воссоздание единого государства, принявшей характер антимонского и антииностранный движения. Основатель новой династии Конбаун, правитель Алаунпая, в 1757 г. взял Сириам, а затем захватил корабли французской экспедиции, шедшей из Индии на помощь осажденным в Сириаме монам. В 1757 г. бирманские войска разгромили английскую факторию на о-ве Негрэ и вернули себе остров.

Появление сильного, относительно централизованного государства в Бирме задержало иноземную экспансию и позволило Бирме в течение довольно длительного времени сохранять независимость.

Английское наступление на Индию, начавшееся во второй половине XVIII в., вызвало сопротивление населения.

В Бенгалии, где английская Ост-Индская компания к середине XVIII в. занимала прочное положение, сопротивление навабов (правителей) было сломлено довольно быстро. В битве при Плесси (1757 г.) англичане разгромили армию наваба Сирадж-уд-даула, который, пытаясь изгнать колонизаторов из своих владений, захватил в 1756 г. их фактории в Касимбазаре и Калькутте. В 1763 г. наваб Мир Касим предпринял новую попытку отстоять независимость Бенгалии. Нестройные, разнородные и плохо обученные войска Мир Касима, объединившегося с навабом Ауда и Великим Моголом, потерпели сокрушительное поражение при Буксаре (1764 г.), после чего завоевание Бенгалии англичанами было закончено.

Покорение Майсура в Южной Индии потребовало от английской Ост-Индской компании напряженнейшей борьбы в течение тридцати с лишним лет. Майсур при правителях Хайдаре Али (1760—1782) и его сыне Типу Султане (1782—1799) был оплотом антиколониальной борьбы в Южной Индии. Этому способствовали экономический подъем Майсура и относительная централизация, давшие правителям Майсура значительные средства. Они позволили Хайдару Али провести военные реформы, которые подняли боеспособность майсурской армии (создание обученной и вооруженной по-европейски пехоты).

В тот момент владельцы Южной Индии еще не видели в англичанах главного врага, рассматривая их просто как одного из участников борьбы за гегемонию в Южной Индии,

борьбы, в которой сталкивались индийские княжества Майсур и Карнатик, маратхи, Хайдарабад. Это ослабляло силу сопротивления индийских государств и позволяло колонизаторам расправляться с ними поодиночке.

Первая англо-майсурская война (1767—1769 гг.) началась вторжением англичан и их союзника Карнатика во владения Майсура. Уклоняясь от крупных сражений, быстро перебрасывая войска и нанося удары по отдельным отрядам и гарнизонам противника, Хайдар Али, несмотря на потерю значительной части территории, успешно сопротивлялся. Война закончилась мирным договором, по которому обе стороны заключали оборонительный союз. В последовавшей майсуромаратхской войне англичане не подумали оказать помощь своему союзнику, и тогда Хайдар Али и другие руководители Майсура поняли, что англичане — главный враг.

Вторая англо-майсурская война (1780—1784 гг.) носила иной характер. Майсурские феодалы, заключив союз с маратхами и Хайдарабадом, поставили целью изгнать англичан из Индии.

В 1780 г. войска Майсура вторглись в Карнатик и уничтожили в битве при Перамбакуме английский отряд. В 1781 г. англичане, получив подкрепления из Бенгалии, захватили французские и голландские фактории на Коромандельском берегу, от которых ждал помощи Хайдар Али, добились выхода Хайдарабада из антианглийской коалиции и нанесли Хайдару Али ряд поражений. Тем не менее Майсур продолжал борьбу, даже после того как маратхи заключили мир с англичанами. В 1782 г. Хайдар Али умер и правителем Майсура стал Типу Султан, способный военачальник, пользовавшийся большой популярностью в майсурской армии. Вернув захваченную англичанами важную крепость Беднур, Типу вышел на Малабарское побережье и почти полностью очистил его от английских войск.

В июле 1783 г. пришло известие о заключении Версальского мира между Англией и Францией, и французская армия, прибывшая в Индию на помощь Майсуру в марте 1783 г., отказалась поддерживать Типу Султана. Оставшись с англичанами один на один, Майсур вынужден был 11 марта 1784 г. подписать Мангалурский мирный договор, по которому войска Майсура покидали Карнатик, а англичане — Малабарское побережье, т. е. обе стороны сохраняли свои довоенные владения.

Мангалурским договором закончился первый этап борьбы Майсура с английскими колонизаторами, во время которого правители Майсура еще претендовали на гегемонию в Южной Индии. На следующем этапе главной задачей Майсура стало отстаивание собственной целостности и независимости.

В предвидении новой войны Типу лихорадочно искал союзников. Одержав победу над маратхами, он тем не менее уступил им пограничные княжества, стремясь заручиться их поддержкой. Он неоднократно посылал миссии во Францию и Турцию, ища помощи. Все же к началу третьей войны (1790—1792 гг.) Майсур был в состоянии изоляции: ни Франция, ни Турция помощи оказать не смогли, а маратхи и Хайдарабад выступили на стороне Ост-Индской компании. В марте 1792 г. осажденный в столице — Серингапатаме — Типу Султан подписал договор, согласно которому уступал половину территории Майсура победителям и уплачивал огромную контрибуцию.

После поражения 1792 г. Типу не оставил намерения бороться с англичанами. Этой цели служили военные, налоговые и другие реформы, которые были проведены в Майсуре в 90-х годах XVIII в. Как и раньше, Типу продолжал искать союзников, обращаясь к афганскому правителю Заман-шаху, к Франции. Обращение к французам послужило поводом для нападения англичан на Майсур, все еще остававшийся их главным противником в Индии. Генерал-губернатор Индии Р. Уэлсли во главе Мадрасской армии двинулся к Серингапатаму, с запада туда же подходила английская бомбейская армия. Положение Типу, вынужденного запереться в столице, осложнялось предательством ряда высших майсурских сановников, в том числе премьер-министра и главы налогового ведомства.

4 мая 1799 г. английские войска ворвались в Серингапатам через пробитую во внешней стене брешь. Типу с саблей в руке сражался у стены, воодушевляя воинов. Под натиском врага майсурцы были вынуждены отступить к внутренней стене, но ворота в крепость оказались заперты предателями. В резне, устроенной англичанами в городе, погиб Типу Султан, который предпочел смерть позору плена.

Героическая борьба Майсура задержала захват Южной Индии английскими колонизаторами. Майсур создал боеспособную армию, опиравшуюся на поддержку населения. Разумеется, феодальный Майсур, в котором отсутствовало единство различных частей государства, крестьянство которого подвергалось крепостнической эксплуатации, не мог в конечном счете выйти победителем из неравной борьбы с закончившей промышленный переворот Англией. Большую роль в поражении Майсура сыграли феодальные распри между индийскими государствами.

Поражение Майсура означало завоевание Индии, так как маратхи, которые сами помогли англичанам покончить с Майсуром, были потом разгромлены колонизаторами. Правда, несмотря на раздробленность маратхов и междоусобную борь-

бу между ними, маратхские княжества оказались серьезным противником англичан.

В 1802 г. пешва (номинальный глава маратхской конфедерации) Баджи Рао II подписал в Бассейне (на территории Ост-Индской компании) договор, по которому Махараштра фактически переходила под контроль англичан. Маратхские князья отказались признать этот договор. Тогда англичане двинули против них войска. Так началась англо-маратхская война (1803—1805 гг.). Англичане разбили войска княжеств Нагпур и Гвалиур. В декабре 1803 г. Нагпур и Гвалиур подписали договоры с Ост-Индской компанией, по которым теряли значительную часть своей территории. Выступившее позднее маратхское княжество Индур сопротивлялось более успешно. В горном проходе Мукунд-Дара индурский князь Яшвант Рао Холкар разбил отряд полковника Монсона. Несмотря на этот и последующие успехи, Холкар и его союзник раджа Бхаратпура были вынуждены просить мира, и Индур попал в зависимость от английской Ост-Индской компании.

Последняя попытка маратхов отстоять независимость относится к 1817—1818 гг., когда англичане начали войну с пиндари — наемниками на службе у маратхских князей. Когда английская армия была занята войной с пиндари, маратхи в ноябре 1817 г. восстали под руководством пешвы, на помощь которому пришел князь Нагпура. После сражения под Коригаоном 6 января 1818 г. силы маратхов были сломлены, в июне пешва сдался в плен. Территория Махараштры была присоединена к владениям Ост-Индской компании. К концу первой четверти XIX в. на территории Индии осталось одно независимое государство — Пенджаб.

После завоевания антиколониальные движения возникали на территориях, находившихся под властью английской Ост-Индской компании. Они были направлены против налогового гнета, политики торговой монополии, произвола колонизаторов. Такие движения носили антиколониальный характер, хотя в них не было ясно выраженного сознания необходимости бороться именно против английского господства, а не против отдельных злоупотреблений, порождаемых этим господством. Как правило, антианглийские выступления возглавлялись феодалами, ущемленными в своих правах и привилегиях. Выступления носили разрозненный, локальный характер. Эта особенность антианглийских выступлений того периода несомненно связана (в числе прочих причин) с тем, что между областями, находившимися под властью английской Ост-Индской компании, не существовало достаточно развитых связей и население разных областей не сознавало общности своих целей.

Результаты образования колониальной системы капитализма (к началу XIX в.)

Создание колониальной системы капитализма, основы которой были заложены в XVII—XVIII вв., связав воедино мир, одновременно положило начало глубочайшему разделению этого мира: на одной стороне находилась горстка капиталистических наций, на другой — великое множество поработанных и эксплуатируемых народов, за счет которых в значительной мере происходило развитие капитализма в метрополиях.

История человечества начала приобретать всемирный характер с эпохи великих географических открытий и времени создания колониальной системы. Но этот прогрессивный процесс совершался ценою неимоверных жертв и лишений, доставшихся на долю покоренных народов. По-другому исторический прогресс и не мог осуществляться при эксплуататорском строе. Капитализм, будучи в тех условиях прогрессивным, нес новую форму эксплуатации населению европейских стран и небывалое в истории человечества порабощение десяткам и сотням народов так называемого колониального мира.

Будучи порождением западноевропейского капитализма, колониальная система гигантски ускорила развитие капитализма в Европе и Северной Америке. В руках европейской буржуазии накапливались большие денежные средства, необходимые для организации крупного капиталистического производства, создавались рынки сбыта для развивающейся капиталистической промышленности. Усилились сношения Европы со странами Азии и Африки, были установлены связи с Америкой. Центр экономической жизни Европы переместился со Средиземного моря на берега Атлантического океана, что дало толчок развитию новых торговых городов, среди которых в XVI в. ведущее положение занял Антверпен, в XVII в. — Амстердам, в XVIII в. — Лондон.

Крупнейшим следствием начала колониальной экспансии была «революция цен», способствовавшая укреплению европейской буржуазии. Наплыв дешевого золота и серебра в Европу привел к повышению цен на все товары в течение XVI в., что вместе со всей совокупностью социальных погрязнений, связанных с процессом первоначального накопления, вызвало огромные изменения в положении различных слоев европейского общества. «Следствием увеличения средств обмена было, с одной стороны, обесценение заработной платы и земельной ренты, а с другой — рост промышленных прибылей. Иными словами: в той мере, в какой пришли в упадок класс земельных собственников и класс трудящихся, феодальные сеньоры

и народ, в такой же мере возвысился класс капиталистов, буржуазия»*.

По мере развития капитализма расширялась колониальная экспансия. Главная роль в колониальном грабеже переходила от Испании и Португалии к Голландии, Англии, Франции. Колонии, продолжая служить одним из средств первоначального накопления, приобретали все большее значение как источники сырья и рынки сбыта, но окончательно этот процесс завершился лишь в эпоху промышленного капитализма. На более ранней стадии характерен прямой грабеж и использование рабского труда.

В Индии, например, в начальный период английского завоевания основным был именно неприкрытый грабеж захваченных территорий. По подсчетам индийских экономистов, Англия лишь в 1757—1780 гг. вывезла из Индии в виде товаров и монеты 38 млн. ф. ст. Огромные доходы английская буржуазия получила от налоговой системы. Превращение Индии в рынок сбыта и источник сырья произошло позже, после завоевания страны и установления новых земельно-податных систем. Точно так же в Индонезии голландская Ост-Индская компания в XVIII в. основные доходы получала от непосредственного грабежа, военных контрибуций, налоговой эксплуатации покоренного ею населения, монопольной торговли пряностями.

Колониальная эксплуатация с ее методами, характерными для эпохи мануфактурной стадии капитализма, оказала двоякое воздействие на экономическое и политическое развитие метрополий. С одной стороны, деятельность торговых монопольных компаний создавала условия для развития капиталистического производства, с другой — способствовала возникновению реакционной олигархии, тесно связанной с верхушкой дворянства и становившейся тормозом на пути капиталистического развития. В странах, где негативные результаты этого процесса оказались превалирующими, темпы капиталистического развития замедлились. Характерный пример — Голландия, в чьей экономической и политической жизни Ост-Индская компания (500 пайщиков), интересы которой тесно переплетались с интересами правящего дома и патрициата городов, играла ведущую роль до начала XIX в. Формирование промышленной буржуазии в отличие от Англии было здесь настолько задержано засильем торгового капитала, осуществлявшего эксплуатацию колоний, что Голландия пришла к промышленному капитализму позже, чем ряд стран, некогда отстававших от нее.

* К. Маркс, *Нищета философии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 4, стр. 154.

Для стран Азии и Африки, ставших объектами колониального грабежа, экспансия европейских держав означала нарушение самостоятельного развития, насильственное вовлечение в сферу складывающегося мирового рынка. Колониальное вторжение сопровождалось эксплуатацией и грабежом, политическим закабалением. Для многих народов, а также для ряда государств Азии и Африки вторжение европейцев означало гибель цивилизации, массовое уничтожение населения.

Колониальное вторжение вызвало разрушение производительных сил в ряде районов Азии и Африки, сопровождалось расширением сферы применения рабского и крепостного труда. Работоторговля в тех масштабах, какие она приобрела в XVII—XVIII вв., была специфическим порождением складывающейся колониальной системы капитализма.

Работоторговля обеспечила быстрое развитие плантаций и рудников в Америке, но для Африки она означала варварское разрушение производительных сил: вывоз за пределы континента и гибель десятков миллионов людей, физическую и духовную деградацию жителей многих стран, отданных на поток и разграбление во имя обогащения купцов Ливерпуля и Бордо, владельцев серебряных рудников Перу, плантаторов Бразилии и североамериканских колоний.

Работоторговля привела к разжиганию войн между африканскими государствами. В XVIII—XIX вв. история ряда государств Западной Африки — Ашанти на Золотом Береге, Дагомеи на Невольничьем Береге и т. д. — представляла собой непрерывные войны, целью которых обычно было обращение в рабство соседей. Военнопленные, захваченные в глубинных областях, с колодкой на шее отправлялись к побережью, где были расположены европейские форты и фактории. На одного раба, проданного европейцам, приходилось несколько человек, погибших в результате войн, не выдержавших тяжести переходов. Наконец, среди тех, кто попадал на невольничьи корабли, тысячи гибли во время транспортировки через океан от голода, истязаний, скверных санитарных условий.

Фактически работоторговля прекратилась только в середине XIX в., хотя в небольших размерах она продолжалась до XX в. Людские потери, которые она причинила Африке, могут быть оценены лишь приблизительно. Некоторые исследователи говорили о потере 30 млн. человек, другие — 50—60 млн. По словам известного историка У. Дюбуа, вследствие вывоза рабов в Америку «африканский континент лишился по меньшей мере 60 млн. негров. Примерно столько же негров утратили родину в результате работоторговли, организованной мусульманами. Поэтому не будет преувеличением сказать, что она обошлась Африке в 100 млн. человеческих жизней».

Трагедия народов, подвергшихся колониальной эксплуа-

тации, состояла в том, что исторически прогрессивный процесс создания мирового хозяйства, разрушения замкнутых феодальных и первобытнообщинных систем происходил в насильственной форме, причем в значительной мере за счет этих народов.

Существовавшие в странах Азии и Африки общественные отношения приспособлялись к мировому капиталистическому развитию, пока очень слабо трансформируясь в направлении собственного капиталистического развития. Этот болезненный процесс, жертвой которого были целые народы и который гигантски увеличил неравномерность в развитии капиталистических стран Запада и порабощаемых стран Азии, Африки и Америки, все же подготавливал условия для последующего развития новых, капиталистических общественных отношений и в самих колониальных странах.

Особенностью сопротивления народов Азии и Африки в XVI—XVIII вв. было то, что оно носило характер борьбы за независимость феодальных и родо-племенных образований под знаменем феодального патриотизма, часто выступавшего в защиту традиционных религиозных институтов. Это было сопротивление уходящего прошлого. Понадобились новые классы, новые социальные силы и новые идеи, чтобы сопротивление колонизаторам стало национально-освободительным движением.

НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ (ФЕОДАЛЬНЫЙ ЭТАП)

Колониальная эксплуатация в эпоху промышленного капитализма

К началу XIX в. процесс первоначального накопления был в основном завершен в одной Англии, в остальных европейских странах он или вообще еще не развернулся, или протекал в недостаточно зрелых формах.

В странах Азии и Африки наблюдались существенные различия в интенсивности и методах колониальной эксплуатации. Многие страны и районы, расположенные в глубине этих великих континентов, еще не ощутили колониальной экспансии, в других она серьезно сказалась лишь на прибрежной периферии.

В XVII—XVIII вв. только английская и нидерландская колониальная политика была, да и то с некоторыми оговорками, буржуазной по субъективным целям и капиталистической по объективным последствиям. Лишь ее можно считать важным элементом первоначального накопления для капиталистического развития этих стран (хотя по размаху и глубине этого процесса Англия далеко опередила своего соперника). Уже для абсолютистской Франции последствия колониальной экспансии были весьма противоречивы в смысле воздействия на ее внутренние социальные и экономические процессы. В феодальных Испании и Португалии колониальная добыча хлынула в казну самодержцев, укрепила силы феодально-клерикальной реакции и ослабила буржуазно-плебейскую оппозицию. Механизм действия «революции цен» и антинациональная политика феодальных режимов привели к

утечке из Испании и Португалии награбленных за морем богатств, которые ускорили процесс первоначального накопления в других странах Европы.

Все же, хотя у ряда держав их колониальная политика не была элементом национального процесса первоначального накопления, колониализм XVI—XVIII вв. можно рассматривать как колониализм эпохи первоначального накопления. В конце концов главный исторический итог колониальной экспансии этого периода заключался в том, что материальные ценности, поступавшие в Европу из других частей света, направлялись прямо или косвенно в сферу капиталистического производства наиболее развитых стран (Нидерландов, потом главным образом Англии). Колониальная политика самой Англии, особенно по отношению к Индии, в конечном счете служила национальным потребностям первоначального накопления капитала.

Однако и этот вариант отношений не следует понимать упрощенно. Дело в том, что английская Ост-Индская компания представляла не промышленный, а купеческий капитал. Следствием этого были определенные трения между промышленной буржуазией и олигархией Ост-Индской компании, а также преобладание опосредствованных методов при переводе прибылей компании в капиталистическое производство. Среди материальных ценностей, поступавших из Индии в Англию благодаря торговым операциям компании, не было средств производства, а лишь одни предметы потребления. Следовательно, эти ценности невозможно было направить в капиталистическую промышленность непосредственно в качестве денежного или производительного капитала. Чтобы получить прибыль, компании необходимо было продать индийские товары (так же, понятно, обстояло дело и с импортом из Китая и других азиатских стран).

Если бы компания ограничивалась сбытом азиатских потребительских товаров в Англии, такая торговля означала бы только обогащение акционеров компании за счет азиатских ремесленников и крестьян и английского потребителя, а промышленность Англии лишь страдала бы от конкуренции восточных товаров. Действительно, такая конкуренция существовала, и в XVII—XVIII вв. множество петиций поступало в палату общин от английских промышленников с требованием положить конец ввозу индийских тканей и других изделий.

Протекционистские меры английских властей направили значительную часть азиатских товаров на континент Европы. Даже автор анонимного меркантилистского сочинения, неблагоприятного к компании, признает, что половина (по стоимости) индийских товаров реэкспортируется на конти-

нент. По утверждению английского вице-короля Индии У. Хэйстингса, монополия компании на торговлю товарами из Индии и стран к востоку от нее делает Англию «центром по поставке во все остальные страны Европы продуктов и изделий Индии». Монополия на торговлю с Индией и Китаем сама по себе давала немалые барыши: на каждые 100 ф. ст., затраченных на закупку индийских и китайских товаров, в Европе получали соответственно 22 ф. 8 шилл. и 37 ф. 14 шилл. прибыли.

Сбыт азиатских товаров в континентальной Европе лишь частично решал проблему платежного баланса с Азией и прежде всего с Индией, так как в целом торговля оставалась пассивной: Индия потребляла меньше европейских товаров, чем Европа ввозила индийских изделий и продуктов. Правда, европейские купцы, захватив контроль над морской торговлей Индии, пытались использовать для извлечения валюты активный баланс Индии в торговле со странами Ближнего и Дальнего Востока. Например, они обменивали индийские товары, включая опиум, на серебро Китая и золото Японии, затем закупали на эти драгоценные металлы товары в Индии для экспорта в Европу. Вот почему эта торговля как бы стимулировала европейскую экспансию в страны Ближнего и Дальнего Востока.

Битва при Плесси, отдавшая Ост-Индской компании Бенгалию, положила начало новому этапу колониальной эксплуатации: отныне налоговые средства, собранные колониальными властями, могли вывозиться в метрополию (за вычетом расходов на администрацию и армию) в товарной или денежной форме без какого-либо возмещения. В результате в 1766—1768 гг. в Бенгалию было ввезено товаров на 624 тыс. ф. ст., а вывезено на 6311 тыс. Была решена также проблема безвозмездной выкачки богатств Китая. Произведенный в Индии опиум, достававшийся компании почти бесплатно, сбывался в Китае, что давало возможность вывозить из этой страны серебро и товары. В этот период торговля в сущности играла подсобную роль в реализации колониальной дани, полученной внеэкономическим путем. По замечанию Маркса, «сокровища, притекавшие из Индии в Англию в течение всего XVIII в., приобретались не столько путем сравнительно незначительной торговли, сколько путем прямой эксплуатации страны и захвата огромных богатств, переправлявшихся затем в Англию»*.

Вот почему прямой налоговый грабеж Индии (к нему примыкает и военная добыча завоевателей) открыл завер-

* К. Маркс, *Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 157.

шающий этап в истории первоначального накопления английского капитала как в этой стране, так и во многих сопредельных районах. По английским оценкам, с 1757 по 1812 г. доходы, извлеченные Англией в Индии, составили огромную по тем временам сумму — 100 млн. ф. ст. Именно эти средства оплодотворили английский капитал, приступавший к промышленному перевороту. «Очень скоро после Плесси, — писал англичанин Брукс Адамс, — добыча, награбленная в Бенгалии, начала поступать в Лондон. Результат был почти мгновенный: все авторитеты согласны, что промышленная революция — событие, отделяющее XIX век от всего предшествующего периода, — началась именно в 1760 г.»

Именно в последующие десятилетия техническая реконструкция охватила многие отрасли английской промышленности и прежде всего хлопчатобумажное и металлургическое производство. Почти четверть века антиякобинских и наполеоновских войн, отмечает Энгельс, «дали английским промышленным товарам фактическую монополию на всех заатлантических и на некоторых европейских рынках. Когда в 1815 г. мир был восстановлен, Англия со своими фабриками, на которых применялся пар, была в состоянии снабжать весь мир, между тем как в других странах паровые машины были еще почти неизвестны. В фабричном производстве Англия оставила их далеко позади себя» *.

За эти же четверть века Англия добилась крупных успехов в борьбе со своими колониальными соперниками — Францией, Испанией и Нидерландами.

Расширение территориальных захватов вызвало необходимость уточнить курс колониальной политики Англии. Окрепшая промышленная буржуазия требовала свободного доступа к рынкам новых колоний, к их естественным, прежде всего сырьевым, богатствам. Привилегии торговых компаний все более стесняли ее. Важной мерой в устранении подобных привилегий была отмена в 1813 г. монополии Ост-Индской компании на торговлю с Индией и Китаем (кроме вывоза чая). Этот акт можно считать началом постепенного перехода к эксплуатации колоний методами промышленного капитала.

Обозначение периода колониализма от начала до 60—70-х годов XIX в. как периода промышленного капитализма нуждается в некоторых оговорках. Во-первых, если исключить Англию, то другие колониальные державы, да и то не все, вступили на эту стадию капитализма только к середине XIX в. Естественно, что в их владениях господствовали прежние колониальные методы «кровавой зари капитализма». Во-

* Ф. Энгельс, *Торговый договор с Францией*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 19, стр. 270.

вторых, и в английских колониях трансформация методов колониальной эксплуатации происходила весьма медленно и противоречиво.

Экономическим идеалом английских фабрикантов были процветающие колонии, которые бы обнаруживали платежеспособный спрос на английские товары и в изобилии снабжали метрополию дешевым высококачественным сырьем. На самом же деле промышленный капитализм и порожденная им разновидность колониализма ничего общего не имели ни с благосостоянием населения колоний — основой платежеспособного спроса, ни с подъемом производительных сил в них — основой производства сырья материально заинтересованными работниками. Как до него торговый капитал, промышленный капитал использовал внеэкономическое насилие для колониальной эксплуатации. Неизбежность насилия как фактора, способствовавшего преодолению натуральной замкнутости стран Азии и Африки при их включении в систему мирового капиталистического рынка, с большой силой подчеркнула Роза Люксембург, которая утверждала, что накопление капитала не может «ждать естественного медленного разрушения некапиталистических форм и их перехода к товарному хозяйству... Отсюда — постоянная военная оккупация колоний, восстания туземцев и колониальные экспедиции для их усмирения как перманентные явления колониального режима. Насилие является здесь прямым последствием столкновения капитализма с натурально-хозяйственными формациями, которые ставят предел его накоплению» *. В качестве примеров подобного насилия Люксембург приводит присвоение англичанами права верховной земельной собственности в Индии и сгон алжирских крестьян с земли французскими колонистами.

Расширение внеэкономического принуждения производителя сырья как следствие промышленного переворота в Англии и в других развитых странах было неизбежным явлением, так как переворот охватил прежде всего обрабатывающую промышленность и не внес существенных изменений в технологию производства сырья и сельскохозяйственных продуктов. Машинное производство стало предъявлять растущий спрос на те виды сырья, которые или вообще не производились в метрополии (хлопок, шелк-сырец, джут, индиго), или же производились, но в таком объеме и по такой цене, которые не обеспечивали крупному промышленному капиталу прибыли в достаточных размерах. Отсутствие или недостаточность собственного производства сырья заставляли обращаться за ним на обычных коммерческих условиях к государствам, имеющим

* Р. Люксембург, *Накопление капитала*, М., 1931, стр. 260.

излишки сырья (например, экспорт хлопка из США), или вывозить его из тех стран Азии, Африки, Латинской Америки, которым можно было навязать неравноправные условия торговли. Первые имели, как правило, более высокую производительность труда и более низкую цену производства, вторые могли «предложить» конкурентоспособные цены только при внеэкономическом принуждении производителя.

Развенчивая всяческие иллюзии на этот счет, Маркс еще в «Нищете философии» (1847 г.) установил связь такого вида внеэкономического насилия, как рабство, с потребностями крупной промышленности в сырье. «Подобно машинам, кредиту и т. д. прямое рабство является основой буржуазной промышленности. Без рабства не было бы хлопка; без хлопка немыслима современная промышленность. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, мировая торговля есть необходимое условие крупной промышленности» *.

В некоторых случаях феодально-колониальная система давала не меньший эффект в производстве сырья для фабричной промышленности, чем «прямое рабство». Это понимали члены английской палаты общин, представлявшие в этом высоком учреждении интересы Ланкашира. Один из них, отметив сокращение сборов хлопка в Вест-Индии и Бразилии (в начале 60-х годов XIX в.) после отмены там рабства, с облегчением добавил: «Только в Индии свободный труд может выдержать конкуренцию с трудом рабов».

Выражение «свободный труд» было весьма далеко от действительного положения вещей в Индии. В обстановке натурального хозяйствования крестьян обладание денежным капиталом само по себе еще не обеспечивало закупки сельскохозяйственной продукции. Поэтому колониальные власти широко практиковали принудительное выращивание нужных им культур в крестьянском хозяйстве (например, индиго). В Индонезии крестьянство было вынуждено возделывать так называемые принудительные культуры. В тех районах, где существовали подходящие условия, колонизаторы прибегали к эксплуатации законтрактованных кули на плантациях (например, на сахарных плантациях о-ва Маврикий).

Наконец, колониальная система поземельного налога была своего рода прессом по выжиманию сырья из крестьянского хозяйства. И денежная форма этого налога и его размеры, непосильные при возделывании обычных продовольственных культур, принуждали крестьянина переходить к «коммерческим культурам» (хлопчатник, джут, пряности, са-

* К. Маркс, *Нищета философии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 4, стр. 135.

харный тростник), которые давали относительно большую денежную выручку с единицы площади. Дополнительным гарантом сырьевой специализации крестьянского хозяйства становился торгово-ростовщический капитал, который, захватив сбыт сырья и снабжение продовольствием его производителей, связывал их долгами.

Превращение стран Азии и Африки в производителей сырья сопровождалось насилием не только над непосредственными производителями, но и над странами, в которых сырье производилось. Обычно ввоз европейских товаров, несмотря на все таможенные привилегии, не давал выручки, на которую можно было бы закупить необходимое сырье на коммерческой основе. Отсюда стремление к внеэкономическим, насильническим методам извлечения сырья из азиатских и африканских стран. В колониальных владениях значительная часть выкачиваемых из них материальных средств непосредственно обеспечивалась налогами, собираемыми по преимуществу с крестьян. Странам же, сохранявшим формальный суверенитет, была навязана система контрибуций, государственных долгов и всяких иных поборов (например, «право» Англии продавать опиум в Китае, что по сути означало введение тяжелого косвенного налога на местное население). Эта дань, вымогавшаяся путем военно-политического насилия, вывозилась, как правило, в виде сырья и других товаров.

Кроме выкачивания богатств из колоний промышленный капитал преследовал и другую цель — насильственное включение в сферу сбыта его продукции новых стран и районов. В дополнение к безвозмездной выкачке ценностей из колоний (или даже на смену ей) идет неэквивалентный обмен, который должен был осуществляться не через механизм насилия, хотя оно и пролагало путь для него, а через внешне равноправные товарно-денежные отношения продавца и покупателя.

Сущность неэквивалентного обмена раскрыта Марксом. «Капиталы, вложенные во внешнюю торговлю, могут давать более высокую норму прибыли, так как, во-первых, здесь имеет место конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, так что страна более развитая продает свои товары выше их стоимости, хотя и дешевле конкурирующих стран. Норма прибыли повышается, поскольку труд более развитой страны оценивается как труд более высокого удельного веса, поскольку этот труд, не оплачиваемый как труд более высокого качества, продается как таковой. Такое же отношение может сложиться и для той страны, в которую отправляются товары, и для той, из которой товары поступают; может, в

частности, оказаться, что такая страна отдает овеществленного труда *in natura* больше, чем получает, и что все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить»*.

Итак, суть неэквивалентного обмена заключается в разрыве между национальными уровнями производительности труда в передовых и отсталых странах. В результате первые на создание одной и той же меновой стоимости затрачивают меньше общественно необходимого труда, чем вторые. Поэтому, эксплуатируя своего рабочего, скажем, в течение часа, европейский фабрикант может, продав на мировом рынке произведенный за это время товар, купить продукт, в котором овеществлен многочасовой труд азиатского или африканского крестьянина.

Еще накануне промышленного переворота передовые страны Европы обогнали афро-азиатские страны по производительности труда, особенно в промышленности. Повсеместное распространение мануфактуры с ее детальным разделением труда, специализацией инструментов и других орудий труда, применением простейшей механизации и использованием энергии воды и ветра, достижения судоходства, наконец, в среднем бо́льшая физическая сила европейского работника в сравнении с силой ремесленника у многих народов Южной и Восточной Азии обеспечили Европе преимущество в производительности труда во многих важных отраслях. Однако в некоторых производствах (особенно, если взять качество товаров) непревзойденное индивидуальное мастерство индийских, китайских и других ремесленников во многом возмещало их отставание в технике.

Промышленный переворот закрепил за Англией первое место в мире по производительности труда, положив начало ее неэквивалентному обмену с другими странами в невиданных ранее масштабах.

В «Нищете философии» Маркс приводит следующие подсчеты: «В 1770 г. население Соединенного королевства Великобритании достигало 15 миллионов, производительная же часть населения составляла 3 миллиона. Производительная сила технических усовершенствований соответствовала приблизительно еще 12 миллионам человек; следовательно, общая сумма производительных сил равнялась 15 миллионам. Таким образом, производительные силы относились к населению, как 1 к 1, производительность же технических усовершенствований относилась к производительности ручного труда, как 4 к 1.

* К. Маркс, *Капитал* т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. 1, стр. 260.

В 1840 г. население не превышало 30 миллионов, его производительная часть равнялась 6 миллионам, тогда как производительность технических усовершенствований достигла 650 миллионов, т. е. относилась ко всему населению, как 21 к 1, к производительности же ручного труда — как 108 к 1.

Производительность рабочего дня в английском обществе увеличилась, следовательно, в течение семидесяти лет на 2700 процентов, т. е. в 1840 г. за день производилось в двадцать семь раз больше, чем в 1770 году» *.

В некоторых отраслях скачок в производительности труда был еще большим. Так, в хлопчатобумажной промышленности, продукция которой была главным предметом английского экспорта в Азию и Африку, прялка «дженни» (изобретена в 1764 г.) повысила производительность в 200 раз, а ткацкий станок Картрайта (изобретен в 1785 г., усовершенствован в начале XIX в.) — в 40 раз. На этом рост производительности не прекратился: с 1829—1831 по 1859—1861 гг. часовая выработка пряжи возросла в 2,7 раза, тканей — в 7 раз. Одновременно происходило снижение цен.

В то время как ряд стран Европы и Северная Америка осуществляли промышленный переворот (во Франции и в Германии он развернулся в 50—60-х годах XIX в.), в Азии и Африке наблюдался застой, а нередко и упадок производительных сил, вызванный колониальной эксплуатацией, войнами, нарушением давних экономических связей. Ранее намечившийся разрыв в уровнях производительности стал катастрофическим для афро-азиатских стран, усугубив их экономически неравноправное положение даже в случаях формально самостоятельных торговых сделок с иностранным капиталом.

Однако, чтобы реализовать свое технико-экономическое превосходство, западные державы должны были, как и при включении стран Востока в мировой рынок в качестве производителей сырья, насильственно пробить первые бреши в натуральной замкнутости азиатских и африканских стран и приступить к их превращению в рынки сбыта. Первым актом в этом направлении было нарушение или полная ликвидация таможенной независимости. В разных странах западные державы по-разному устранили эту важнейшую прерогативу суверенитета.

В странах, завоеванных и превращенных в колонии, таможенное ведомство бывало обычно первым экономическим звеном колониальной администрации. Его деятельность определялась тремя основными задачами: во-первых, стимулировать ввоз товаров из метрополии и оттеснить конкурентов;

* К. Маркс. *Нищета философии*, стр. 124—125.

во-вторых, расширить вывоз ценного сырья и монополизировать его сбыт на мировом рынке; в-третьих, преградить путь на этот рынок тем местным товарам, которые могли составить конкуренцию товарам из метрополии или из других колоний, где их производство было налажено колонизаторами раньше.

Те страны, которые сохраняли суверенитет, подвергались прямому давлению колониальных держав, включая военное насилие, с целью подорвать или уничтожить их таможенную независимость. Именно этой цели добивалась Англия в 1-й «опиумной» войне против Китая (1839—1842 гг.), когда был захвачен Гонконг и разрешено открыть пять китайских портов для иностранной торговли. В 1844 г. США, а затем Франция принудили китайское правительство предоставить им все права и привилегии, ранее вырванные у него Англией. Была сделана попытка распространить действие неравноправных договоров на Корею, но она оказалась безуспешной, несмотря на вторжение Франции в 1866 г. и США в 1871 г.

В 1833 г. Англия навязала Османской империи конвенцию, по которой турецкое правительство обязалось не вводить на территории империи торговой монополии и установить заниженные (пятипроцентные) пошлины на английские товары. Вскоре таких же условий добилась Франция, а затем и другие державы. Еще ранее, после Туркманчайского трактата 1828 г., Россия и Англия добились от иранского шаха снижения таможенного тарифа до 5% и наводнили города Ирана своими товарами. В 1858 г. США навязали Японии договор, по которому американцы лишили японское правительство таможенной самостоятельности (права без их согласия менять размер пошлин). Вслед за этим того же добились Англия, Франция, Россия и другие державы.

Однако, сломав таможенные барьеры, иностранный капитал столкнулся с новым препятствием для своей торговой экспансии — отсутствием или незначительностью спроса на импортные товары. Главная причина узости рыночного спроса заключалась в том, что огромное большинство местного населения Азии и Африки — крестьянство — продолжало жить в условиях замкнутого натурального хозяйства. Эта замкнутость в разных странах сложилась в разных формах. Но все они (соединение земледелия и ремесла в индийской общине, сочетание крестьянского хозяйства с домашними промыслами в Китае, самообеспечение африканской родоплеменной организации), покоясь на натуральной основе, полностью или почти не нуждались в покупных товарах.

Поэтому удары иностранной конкуренции первоначально обрушились на те отрасли национального ремесла, которые уже выделились из системы натуральных взаимоотношений

с сельским хозяйством. Другими словами, под ударом оказались наиболее развитые элементы национальной экономики. Соответственно наибольший ущерб иностранная конкуренция наносила странам с наиболее зрелыми производственными отношениями и общественным разделением труда. Пострадало прежде всего то городское ремесло, которое работало на складывающийся национальный рынок и переживало процессы генезиса капитализма.

Появление у берегов Азии кораблей английской и других ост-индских компаний первоначально не вызвало изменений в положении ни городских ремесленников, ни, тем более, их сельских собратьев. Более того, вывоз в Европу предметов роскоши и тканей даже расширил рынок для ремесла приморских городов. Но когда англичане и голландцы приступили к колониальным захватам, положение изменилось. Новые правители не только лишили городского ремесленника заказов традиционных внутренних потребителей — двора, администрации и армии, но и ввели систему принудительных контрактов на изготовление товаров для экспорта в заморские страны. Получая гроши за свой труд, лишенные права принимать заказы со стороны, ремесленники были в еще большей степени, чем раньше, ограничены в возможностях делать накопления, расширять производство.

Особенно тяжелым стало положение городских ремесленников в начале XIX в., когда вывоз ремесленных изделий из Индии сменился ввозом в нее фабричных товаров из Англии. К середине века в Индии исчезают последние независимые государства, городское ремесло, производившее предметы роскоши и оружия, теряет крупного заказчика, что приводит к почти полному разрушению художественных промыслов.

Несравненно большую силу сопротивляемости проявили деревенские и местные промыслы. Преимуществом **первых** оказалась их ориентация на производство традиционной сельскохозяйственной техники, которая в крестьянском хозяйстве афро-азиатских стран почти не менялась вплоть до наших дней. У местных промыслов, производивших предметы потребления, сильной стороной была традиционность вкусов и запросов местного населения. Дело в том, что члены каждой касты в Индии или сословия в Японии носили особую одежду, головные уборы, украшения, пользовались особой посудой. Употребление этих предметов стало традицией.

Естественно, что в течение многих веков местные ремесленники подчиняли свои трудовые навыки и приемы удовлетворению всех многообразных запросов потребителя. Значительно сложнее это было для европейской фабрики с ее стандартной и массовой продукцией. Лишь весьма медленно, отчасти приспособлявая товары ко вкусам азиатского или

африканского потребителя, отчасти стандартизируя последнее, европейская фабрика овладевала потребительским рынком Востока.

Конкуренция британских потребительских товаров при всей ее масштабности приводила лишь к сокращению продукции в некоторых, хотя и очень важных, отраслях промышленности Индии и других стран Востока, но не вносила глубоких изменений в процессы воспроизводства. Эта конкуренция угнетала местное промышленное предпринимательство, ограничивала для него накопление капитала, но еще не подчиняла его иностранному капиталу.

Первым серьезным вторжением европейского промышленного капитала в сферу воспроизводства был начавшийся в 20—30-х годах XIX в. ввоз сначала в Индию, затем в Китай и другие страны фабричной пряжи, потом металлов, красок и других фабричных материалов, которые стали использоваться в местных ремеслах. Это означало не только уничтожение ручного прядения, железоделательных и других промыслов, но и начало господства иностранной крупной промышленности над самим воспроизводством во многих обрабатывающих ремеслах.

Импорт иностранных товаров породил новый тип местного предпринимательства (иногда в литературе его называют компрадорством) — посредничество при сбыте. Оно оказало противоречивое воздействие на национальное промышленное предпринимательство. В той мере, в какой купец-посредник сбывал потребительские товары, он приносил прямой ущерб, а часто и разорение местным промыслам, но не подчинял их себе. Когда же купец сбывал промышленные материалы, то он, разоряя одни отрасли, способствовал снижению цен производства и улучшению качества в других, тем самым несколько повышая их конкурентоспособность по отношению к фабричной промышленности.

Купец, взяв в свои руки снабжение ремесла сырьем и материалами, устанавливал контроль над ремеслом, опутывал производителя долгами, отрезал от рынка, захватывал сбыт его продукции. Тем самым он изымал не только добавочный продукт, но и часть необходимого, еще более затрудняя производительное накопление ремесленником. Поскольку скупщики, за редчайшими исключениями (например, ввоз в Китай ножных ткацких станков из Японии), не вкладывали капиталы в устаревшую технику мелкого производства, извлеченная ими прибавочная стоимость уходила в сферу обращения, а воспроизводство в ремесле осуществлялось на крайне суженной, экстенсивной основе. Сохранение средневековой техники и соответствующей производительности труда вызывало в обстановке свободной конкуренции с фабричной продукцией

непрерывное падение оплаты рабочей силы и обнищание ремесленника.

Присущий феодальной Азии и Северной Африке разрыв между масштабами накопления капитала в сфере обращения и в сфере производства еще более углубился в эпоху промышленного капитализма. Если ранее фаворитами накопления были откупщики налогов, то затем ими стали верхи компрадорского купечества. Об их богатствах свидетельствуют не только оценки, может быть чрезмерно завистливых современников, но и данные британских налоговых органов, согласно которым состояния в несколько миллионов рупий (рупия в разное время равнялась $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{13}$ ф. ст.) были не редкостью среди купцов Бомбея и в меньшей степени других городов Индии. Даже в отдаленных районах, где британская конкуренция сказывалась меньше, капиталы купцов и банкиров в десятки раз превосходили стоимость ремесленного оборудования.

Включение стран Азии и Африки в мировой рынок принесло и иные тяжелые для их ремесла последствия. В основу мировых цен на промышленные товары легли рыночные цены на фабричную продукцию развитых стран. Даже с учетом сверхприбыли фабриканта и расходов на доставку и посредничество фабричные товары могли продаваться по ценам, значительно уступавшим рыночной цене на местные ремесленные изделия. Чтобы выстоять в конкуренции с фабричным импортом, местное ремесло было вынуждено предлагать свои товары по ценам ниже их цены производства. При этом скупщик перекладывал тяжесть потерь на плечи ремесленника, понижая оплату его труда или долю в прибылях (если речь шла о мелком предпринимателе) до уровня, при котором ремесленник едва сводил концы с концами.

Начавшийся вывоз хлопка, шелка-сырца, шерсти, растительного масла и других видов сырья не только удорожил его, но и придал его закупкам сезонный характер. Отныне ремесленник, чтобы обеспечить себя сырьем на весь год, должен был не только тратить большую сумму, но и делать это сразу, что еще более укрепляло власть купца над производителем, преграждая последнему путь к производительному накоплению.

Колониальная экспансия не только подорвала процесс накопления производительного капитала. Она нарушила ход расширенного воспроизводства в крестьянском и ремесленном хозяйстве Азии и Африки, лишенном возможности совершенствовать технику на основе национального производства орудий труда. Маркс завершает гл. XII первого тома «Капитала», посвященную разделению труда и мануфактуре, следующей характеристикой высших технических достижений:

мануфактурного периода: «Одним из наиболее совершенных созданий мануфактуры была мастерская для производства самих орудий труда, особенно сложных механических аппаратов, уже применявшихся в то время... Этот продукт мануфактурного разделения труда, в свою очередь, производил машины. Последние устраняют ремесленный тип труда как основной принцип общественного производства» *.

Одно из проявлений отставания афро-азиатских стран, наметившегося в доколониальный период, заключалось в том, что производство орудий труда не поднялось на стадию развитой мануфактуры. Только создание мастерских мануфактурного типа, способных производить механизмы и машины, могло бы в эпоху промышленного капитализма приостановить усиливающееся отставание этих стран. Однако в течение XIX в. ни в одной из стран Азии и Африки, исключая Японию, не произошло серьезных сдвигов в производстве орудий труда. В то же время накопления, сделанные в первой половине XIX в., позволили Англии завершить промышленный переворот и перейти от мануфактурного производства машин к заводскому.

Проследив исторический процесс создания соответствующего машинного базиса для расширенного воспроизводства, Маркс заключал: «Итак, крупная промышленность должна была овладеть характерным для нее средством производства, самой машиной, и производить машины с помощью машин. Только тогда она создала адекватный ей технический базис и стала на свои собственные ноги. С ростом в первые десятилетия XIX века машинного производства, машина на самом деле постепенно овладевала производством рабочих машин. Однако лишь в последнее десятилетие (т. е. в 50-х годах XIX в. — *Ред.*) колоссальное железнодорожное строительство и океанское пароходство вызвали к жизни те циклопические машины, которые применяются при постройке первичных двигателей» **.

Установившаяся к середине века промышленная монополия Англии прежде всего означала, что ее буржуазия располагалась основной массой машинного оборудования для промышленности и транспорта. Она получила возможность контролировать во всем мире процессы воспроизводства на современном техническом уровне. Для тех капиталистических стран, в которых в 50—70-х годах также произошли промышленные перевороты, монополия Англии на рынке оборудования скоро кончилась. По отношению же к остальному

* К. Маркс, *Капитал*, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 381.

** Там же, стр. 396.

миру капиталистические державы, в первую очередь Англия, выступали как монопольные обладатели современных орудий производства и средств транспорта. Тем самым они могли оказывать прямое активное воздействие на экономическое развитие колоний и зависимых стран посредством ввоза в них уже не только предметов потребления, но и орудий производства и средств транспорта. Так, к началу второй половины XIX в. были подготовлены условия для вывоза капитала в производственной форме.

Период между началом промышленного переворота в Англии и серединой XIX в. стал временем первых мощных освободительных восстаний в колониях. Освободительное движение нарастало в разных частях света неравномерно. Первыми добились политической независимости колонии Нового Света, заселенные выходцами из Европы. Североамериканские колонии Англии в результате национально-освободительной войны добились независимости, создали Соединенные Штаты Америки. Молодая республика, вступив на путь свободного капиталистического развития, в первой половине XIX в. сама стала активно проводить политику колониальных захватов в других странах Америки и в Азии.

В начале XIX в. восстали колонии Испании и Португалии на Американском континенте. Воспользовавшись наполеоновскими войнами в Европе и буржуазной революцией в Испании, Мексика, страны Южной и Центральной Америки завоевали политическую независимость, создали свои национальные государства. Во главе движения всюду стояли нарождающаяся национальная буржуазия и близкие к ней слои местных землевладельцев, офицерства, духовенства. В отличие от США латиноамериканские республики не смогли, однако, превратиться в XIX в. в развитые капиталистические государства, попав в экономическую зависимость от капиталистической Англии, царившей на мировом рынке.

В первой половине XIX в. государства, созданные переселенцами, появились и в Африке, но коренному африканскому населению они свободы не принесли. Так, буры (африкандеры), потомки голландцев, переселившихся в Южную Африку в XVII в., вытесненные в начале XIX в. из Капской земли англичанами, продвинулись севернее и основали свои республики — Трансвааль и Свободное Оранжевое государство — на землях негритянских народов. Бурские республики жили за счет жесточайшей эксплуатации рабов-aborигенов. На западном побережье Африки переселенцы — негры из США — основали республику Либерию (1847 г.), фактически ставшую опорным пунктом американского капитала в Афри

ке. Негры-переселенцы превратились здесь в господствующую прослойку, эксплуатирующую местное африканское население.

В Азии и Северной Африке первый подъем национально-освободительной борьбы приходится примерно на середину XIX в. (только на Яве восстание за независимость произошло на четверть века раньше).

По своим отношениям с капиталистическим миром страны Азии и Африки делились в этот период на две категории: уже превратившиеся (полностью или частично) в колониальные владения и сохранившие политическую самостоятельность, но фактически ставшие полуколониями государств Запада. К первой группе относятся Индия, Индонезия, Бирма, некоторые страны Северной Африки, ко второй — Османская империя, Иран, Китай.

С точки зрения социально-политической структуры страны Востока представляли большое разнообразие: в некоторых господствовали раннефеодальные отношения со значительными пережитками рабовладельческих и даже родо-племенных. В густонаселенных цивилизованных странах высокой древней культуры (Индия, Китай) феодальные отношения были высоко развиты.

В зависимости от уровня социально-экономического и политического развития народов Востока, степени развития их национального самосознания и методов капиталистического проникновения их борьба против колониального порабощения приобретала тот или иной характер. Во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки феодальная знать, которую иностранные захватчики лишили власти и привилегий, руководила борьбой против агрессоров. Из ее среды вышли известные вожди освободительных движений: Дипонегоро в Индонезии, Нана Сахиб и др. в Индии.

Буржуазная историография Запада считает эту справедливую борьбу реакционной. Между тем, несмотря на феодальное руководство и лозунги, антиколониальные движения носили несомненно прогрессивный характер, ибо колониальная политика вела к физическому истреблению производителей материальных благ, к безудержному разграблению материальных ценностей, задерживала тот неуклонный процесс развития, который шел даже в отсталых странах. Борьба во имя независимости объективно была направлена на то, чтобы обеспечить условия нормального прогрессивного развития восточных стран.

Но необходимо учитывать и другое. Выступая под флагом общенациональных интересов, феодалы в то же время преследовали и свои ограниченные классовые цели, боролись за сохранение для себя возможности единолично эксплуатировать

ровать «свою» страну. Они иногда проявляли неустойчивость в освободительном движении, в ряде случаев колонизаторам удавалось отколоть их от основной массы патриотов, привлечь на свою сторону, гарантировав определенные права и привилегии. Капиталистические захватчики искусно пользовались противоречиями между феодальными странами, межплеменными и межнациональными разногласиями, старались стравливать соперничавших феодалов и племенных вождей, выступать от их имени либо за их спиной.

Наиболее последовательной антиколониальной силой были народные массы. В завоеванных и завоевываемых странах Азии, Африки и Латинской Америки они — под руководством феодалов, а иногда вопреки этому руководству — активно боролись против агрессоров. В государствах, сохранивших политическую самостоятельность, разворачивались антифеодальные движения, которые объективно были направлены на укрепление независимости этих государств, а иногда и прямо сочетались с борьбой против колонизаторов.

Наиболее характерными примерами антиколониальных выступлений были народные восстания в Индонезии и Индии.

Народное восстание 1825—1830 гг. на Яве

Восстание Дипонегоро, или Яванская война 1825—1830 гг., занимает важнейшее место в истории национально-освободительной борьбы народов Индонезии. Оно было одним из самых мощных антиколониальных движений XVII—XIX вв. на архипелаге, безусловно наиболее сильным антиголландским выступлением на о-ве Ява, центре колониальных владений Нидерландов в Индонезии.

Во время наполеоновских войн Ява была захвачена англичанами. Возвратившись в 1816 г. по соглашению с Англией, голландские колонизаторы приступили к ликвидации порядков, введенных на Яве за период английского господства (1811—1816 гг.).

Мероприятия голландских властей вызвали увеличение налогового обложения крестьянства, ликвидацию и без того слабых ростков местного частного предпринимательства. Поземельный налог, введенный при англичанах, стал взиматься не только в деньгах, но и в натуре, что открывало дополнительные возможности для ограбления крестьян при пересчете стоимости натуральных продуктов. Были восстановлены некоторые старые натуральные повинности, расширена принудительная культура кофе.

Колониальные власти восстановили старую систему круговой поруки при взыскании налогов с сельской общины

(десы). Эта система открывала широкие возможности для различных злоупотреблений голландской администрации, местных чиновников и старост. Об ухудшении положения крестьян свидетельствовал рост налоговых недоимок на Яве: так, в резидентстве Джапара они увеличились в 2,5 раза с 1823 по 1824 г.

Очень тяжелым было положение населения так называемых самоуправляющихся княжеств Явы — Джокьякарты и Суракарты, где существовала косвенная система колониального управления. В некоторых районах этих княжеств существовало до 34 различных налогов — на содержание скота, на покупку земли, на двери в домах и др. Тяжелым бременем на населении княжеств лежала откупная система, особенно сдача на откуп таможенных сборов.

Положение населения резко ухудшилось после того, как на территориях, непосредственно управляемых голландцами, была запрещена аренда земли частными лицами и частные предприниматели (европейцы и китайцы) хлынули в Джокьякарту и Суракарту. Они заключали контракты с местными феодалами на выращивание экспортных культур (кофе, перца, чая), авансируя их деньгами.

Недовольны голландскими колонизаторами были и некоторые яванские феодалы, особенно в самоуправляющихся княжествах, где были живы воспоминания о былом величии Матарамы и феодалы не успели еще превратиться в чиновников на голландской службе. Недовольство феодалов Джокьякарты и Суракарты особенно возросло после декрета генерал-губернатора от 6 мая 1823 г., расторгавшего в целях защиты государственной монополии на землю все арендные договоры в княжествах. Феодалы, вынужденные возвращать авансы арендаторам, для возмещения убытков увеличили поборы с крестьян. Декрет вызвал недовольство всего населения княжеств. Он же послужил непосредственной причиной выступления феодалов Джокьякарты и Суракарты во главе народного движения на Яве. Большинство голландских историков считают декрет главной причиной восстания, не желая видеть, что в основе движения лежало недовольство самых широких слоев населения колониальной эксплуатацией, а декрет сыграл лишь роль искры для взрыва недовольства.

Восстание на Яве носило форму религиозной войны против неверных. Ислам стал идеологическим знаменем, вокруг которого сплотилось крестьянство, значительная часть феодалов и мусульманское духовенство.

Поводом к всеобщему восстанию на Центральной Яве послужило намерение голландских колонизаторов провести дорогу через фамильное кладбище князя Дипонегоро. Дипо-

негоро был правнуком основателя султаната Джокьякарта — Хаменгку Бувано I, который в 1749—1755 гг. поднял восстание против голландцев. Отстраненный колонизаторами от престола, Дипонегоро жил в деревне Тегалреджо. Слава противника голландцев и глубоко религиозного человека привлекала к Дипонегоро народные симпатии.

Первый этап восстания длился с июля 1825 г. по октябрь 1826 г. Это был подъем движения, которое, начавшись в Джокьякарте, перекинулось на северо-запад и запад острова — в резидентства Кеду, Пекалсиган и Багелен. Центр восстания находился в княжестве Джокьякарта, столица которого была блокирована повстанцами.

Голландские колонизаторы, застигнутые восстанием врасплох, пытались подавить его местными силами. Потерпев поражение в первых столкновениях с отрядами Дипонегоро, голландское командование направило в район восстания значительные силы из Батавии. Дипонегоро и его соратники — улама (богослов) Кьяи Моджо, принц Мангкубуми, сын казненного голландцами яванского феодала Сентот, — организовали сопротивление врагу.

Восставшие придерживались партизанской тактики, рассчитывая на изматывание голландских войск. Осенью 1825 г. и весной 1826 г. Дипонегоро нанес ряд серьезных поражений голландским войскам под Селоронгом и Пиретом. В июле 1826 г. Дипонегоро разгромил под Ленгконгом отряд лейтенанта Хюберта и занял Джокьякарту. Восставшие убивали голландских чиновников, сжигали склады сельскохозяйственной продукции и кофейные плантации. После захвата Джокьякарты народ расправился с ненавистными откупщиками.

В августе 1826 г. армия Дипонегоро начала наступление на Суракарту. К этому времени голландцы сумели перебросить на Яву крупные подкрепления из других районов Индонезии, включая артиллерию, которой у повстанцев не было.

В октябре 1826 г. под деревней Гавок близ Суракарты разгорелось сражение между восставшими во главе с Дипонегоро и голландской армией генерала де Кока. В этом сражении, которое Дипонегоро давал против своей воли, уступив своим соратникам, повстанцы были разбиты.

Второй этап (октябрь 1826 — март 1828 г.) характеризовался относительным равновесием сил противников. Голландцы ждали подкреплений из метрополии и предложили Дипонегоро начать переговоры. Хотя восставшие одержали и в 1827 г. ряд побед, в этот период часть присоединившихся к восстанию феодалов предает движение. В марте 1827 г. голландцам сдались два князя из Джокьякарты со своими отрядами. В такой обстановке повстанцы пошли на пере-

говоры. Состоявшиеся осенью 1827 г. переговоры не привели к соглашению: восставшие твердо стояли за создание независимого мусульманского государства на Яве во главе с Дипонегоро.

В конце 1827 г. восстание распространилось на север Явы — в район резидентства Рембанг, где сын регента Сосродилого оттеснил голландцев к Мадуну. После прибытия подкреплений голландцам удалось разбить войско Сосродилого, в штабе которого начались разногласия.

После поражения повстанцев в Рембанге начался третий, заключительный этап Яванской войны (март 1828—март 1830 г.), когда движение пошло на убыль. Сказалось военное преимущество голландцев, к которым непрерывно прибывали свежие подкрепления, особенно превосходство в артиллерии. Голландское командование, учтя уроки предшествующих лет, избрало тактику, получившую название «системы укреплений». На занятой территории голландцы строили форты, расположенные на расстоянии 20—30 км один от другого. Форты связывались хорошими дорогами, по которым патрулировали кавалерийские отряды. Постепенно голландцы сжимали кольцо укреплений вокруг основной территории повстанцев между реками Прого и Боновонто в Джокьякарте и Багелене.

Восставшие, несмотря на военное превосходство противника, наносили ему весьма чувствительные удары, то и дело прорывая окружение и неожиданно обрушиваясь на врага. Так, самый талантливый полководец восставших Сентот нанес поражение голландским войскам у деревни Края в резидентстве Багелен.

Голландцам удалось привлечь на свою сторону значительную часть феодалов, сначала выступавших с Дипонегоро. Усилились разногласия между Дипонегоро и уламами во главе с Кыи Моджо, который претендовал на роль вождя в священной войне. В такой обстановке Дипонегоро вынужден был пойти на переговоры с голландцами. Генерал де Кок во время переговоров вероломно арестовал Дипонегоро. Вождь восстания был сослан на о-в Сулавеси, где умер в 1855 г.

После пленения Дипонегоро в марте 1830 г. восстание было быстро подавлено. Голландцы, учтя уроки движения, в последующие годы пошли на более тесный союз с яванскими феодалами.

Национальное восстание в Индии (1857—1859 гг.)

Центральным событием антиколониальной борьбы середины XIX в. было национальное восстание в Индии.

Индия в первой половине XIX в. находилась под управлением английской Ост-Индской компании. На средства,

извлекавшиеся путем грабежа своих колониальных подданных, компания создала административный и судебный аппарат, большие полицейские силы и три армии (Бомбейскую, Мадрасскую и Бенгальскую) из индийских наемников — сипаев (главным образом силами этих трех сипайских армий Ост-Индская компания к середине XIX в. подчинила себе всю Индию). Две трети территории — так называемая Британская Индия — управлялись английскими губернаторами во главе с генерал-губернатором. Остальная территория оставалась в руках индийских князей, лишенных, однако, какой бы то ни было самостоятельности и находившихся под несусыпным наблюдением английских резидентов.

С того времени, когда Ост-Индская компания взяла в свои руки финансовое управление Бенгалией, Бихаром и Ориссой, взимание ею поземельного налога стало главной формой колониального грабежа. Продавая право сбора поземельного налога откупщикам на один-три года и всякий раз предъявляя им все большие требования, компания довела свой доход от поземельного налога в Бенгалии до 3,5 млн. ф. ст., суммы, в 4,5 раза превышавшей собранную бенгальским навабом накануне перехода финансового управления к англичанам.

С не меньшей основательностью и по той же системе колониальные власти грабили население на других захваченных территориях.

Откупщики, действовавшие по принципу «после нас хоть потоп», довели народ до полного разорения. Златоуст вигской партии Борк, человек далеко не прогрессивных взглядов, характеризуя результаты деятельности Ост-Индской компании, заявил: «Если нас сейчас выгонят из Индии, то в ней не останется ничего способного показать, что ее владелец был лучше орангутанга или тигра».

Такая система налогового грабежа довела Бенгалию, по свидетельству генерал-губернатора Корнуоллиса (1786—1793), до того, что в этой некогда богатейшей области не менее трети земель были брошены крестьянами и заросли джунглями. То здесь, то там вспыхивали восстания доведенных до отчаяния людей. Уже в 1769 г. восстание охватило значительный район к западу от Миднапура, в 1771 г. — ряд округов Бихара, в 1789 г. восстало население Бирбхума (Бенгалия). В конце 60—начале 70-х годов в крестьянское восстание к югу от Калькутты влилась и придавала ему более или менее организованный характер индусская секта саньяси, члены которой, по словам Уоррена Хэйстингса, были «безрассудно отважны и пользовались большим уважением в народе». Применяя массовые казни и обращая в рабство членов семей повстанцев, Хэйстингс сумел подавить это восстание.

Англичане восстановили против себя и прежнюю феодальную аристократию, лишив ее права собственности на землю и отдав ее владения на разграбление откупщикам. Некоторые феодалы брались за оружие, чтобы вернуть свои права и привилегии.

К началу 90-х годов англичане поняли, что та форма налогового ограбления, которой они пользовались в Бенгалии, стала не только невыгодной с точки зрения доходов компании, но и опасной в политическом смысле. В 1793 г. Корнуоллис издал закон о так называемой системе постоянного заминдари, по которому владение заминдара облагалось налогом, фиксированным навечно и равным примерно 90% той суммы налога, которую англичане брали с него в 1790 г. Заминдар становился наследственным собственником поместья, включая пустующие земли, с тем ограничением, что в случае недоимки налоговые власти могли продать с торгов целиком все поместье, невзирая на размер недоимки. Последствия этой оговорки были таковы, что вскоре многие поместья старинной заминдарской аристократии пошли с молотка. Уже в 1796 г. площадь проданных поместий составила треть провинций Бенгалия, Бихар и Орисса. Земли разорившейся аристократии скупали крупные купцы, ростовщики.

В отличие от прежних заминдаров, живших в своих поместьях, новый помещик жил в городе и нередко даже не видел своего поместья. Более того, он освобождал себя и от забот сбора ренты, сдавая заминдарство (все или по частям) в аренду другим лицам, которые в свою очередь часто передавали свою аренду более мелким охотникам до ренты. Вся эта орава паразитирующих рентополучателей стала прочной социальной опорой английских колонизаторов.

У крестьян были отняты все их освященные обычаями права на наследственное владение землей, а сами они превращены в бесправных держателей обрабатываемых ими участков земли. Помещик по законам 1797 и 1812 гг. мог согнать их с земли в любое время, потребовать уплаты высокой ренты и даже без обращения в суд отнять все имущество недоимщика, а его самого держать в тюрьме, пока тот не покроет свой долг. Так, по словам К. Маркса, *«Корнуоллис и Питт (глава лондонского кабинета министров.— Ред.) осуществили искусственную экспроприацию бенгальских земледельцев»* *.

Через десять лет после принятия закона о «постоянном заминдари», когда компания захватила земли, лежавшие к за-

* К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.)*, М., 1947, стр. 98.

паду от ее бенгальских владений вплоть до Пенджаба, она создала так называемые Северо-Западные провинции. Пообещав местным феодалам распространить и на них бенгальскую систему «постоянного заминдари», компания, однако, не торопилась выполнить свое обещание, будучи в полном неведении о максимальной сумме ренты, которую были бы способны платить крестьяне этих провинций и которую можно было бы взять за основу при установлении неизменной ставки поземельного налога. К тому же большинство присланных в Северо-Западные провинции налоговых чиновников были вообще принципиальными противниками фиксации поземельного налога, лишавшей англичан возможности в дальнейшем извлекать выгоду из роста общего объема ренты, поступающей в распоряжение помещика-заминдара. В результате в Северо-Западных провинциях вместо «постоянного заминдари» была введена система налоговых соглашений, пересматривавшихся сначала каждые три-четыре года, потом каждые пять лет, пока, наконец, в 1833 г. не был установлен 30-летний период таких налоговых соглашений в надежде, что стабильность налога побудит земледельцев к ведению более интенсивного хозяйства и к производству товарных культур, необходимых метрополии. Эту систему называли или «временным заминдари» в отличие от бенгальского «постоянного заминдари», или иначе «сельской системой обложения», поскольку английские налоговые власти, устанавливая ставку поземельного налога на очередной период, определяли платежеспособность каждой деревни с учетом возможности роста этой ставки в течение данного периода.

Ставка поземельного налога была определена англичанами в 80—85% ренты, причитающейся собственнику поместья, с правом присвоения дополнительного дохода от поместья вплоть до очередного пересмотра налога. Неуплата налога влекла за собой продажу поместья с аукциона. В качестве гарантии уплаты поземельного налога англичане ввели систему поручителей под залог поместья. Чаще всего такими поручителями были представители торгово-ростовщического капитала.

Проводя политику ограничения мощи крупной феодальной земельной аристократии, налоговые власти Северо-Западных провинций конфисковали у ряда феодалов значительную часть деревень и заставили распустить вооруженные отряды. Села, которые не были признаны находившимися в собственности того или иного феодала, сдавались на откуп или же налоговые власти заключали соглашение об уплате налога с сельской общиной через ее старосту — мукаддама. Община в порядке круговой поруки отвечала за уплату налога каждым членом общинного коллектива. За недоимку налоговый чиновник имел право продать земельный участок недоимщи-

ка, предоставляя, правда, преимущественное право покупки членам общины.

В Мадраасской и Бомбейской провинциях англичане ввели третью систему налогообложения, именовавшуюся «райатвари». Экспроприировав в свою пользу общинные выгоны и пустоши, Ост-Индская компания признала частными собственниками всех наследственных владельцев общинной земли, а также тех, кто до англичан платил поземельный налог непосредственно в государственную казну. Однако, по справедливой оценке Маркса, система райатвари была лишь карикатурой на крестьянскую собственность. За право обработки своего участка райят обязан был платить компании налог в размере 50—70% урожая. До 20-х годов XIX в. райята заставляли обрабатывать землю, но и после отмены этого порядка райят подвергался чиновничьему произволу. В 1856 г. журнал «Эдинбургское обозрение» писал: «Мадраасский райят целиком зависит от воли сборщика налога как в отношении размера земельного обложения, так и в отношении обработки земли и продления аренды. Коллектор имеет право не только облагать налогом все доходы от улучшений, которые сделаны райятом в своем хозяйстве, но и согнать райята с земли. Положение райята полностью соответствует положению бесправного арендатора в самом худшем смысле этого слова».

В тяжелом положении оказались и городские ремесленники. По мере роста английской фабричной промышленности, особенно после отмены в 1813 г. монополии Ост-Индской компании на торговлю с Индией, эта страна стала важным рынком сбыта английских товаров, и индийское ручное ремесло начало гибнуть, не будучи в состоянии конкурировать с ними. Особенно сильно пострадало городское ткачество. Города, некогда славившиеся производством тканей далеко за пределами Индии, хирели. Ткачи и прядильщики уходили в деревню и оседали там на положении мелких кабальных арендаторов или же превращались в люмпенов.

Налоговый грабёж и конфискация земель за недоимки, проведенная в 40—50-х годах кампания по ликвидации налоговых привилегий, которыми обладала многочисленная прослойка старого индийского общества, начиная от феодальных владельцев, кончая держателями мелких и мельчайших участков земли, проникновение скупщиков так называемой ничейной земли на территорию, населенную племенами, сохранявшими коллективную собственность на землю, и расхищение племенной земельной собственности — все это на протяжении первой половины XIX в. не раз порождало крупные выступления эксплуатируемых народных масс и обиженных англичанами представителей феодального класса.

Большинство этих выступлений не имело сознательной цели уничтожения английской власти, однако объективно они были антианглийскими, поскольку направлялись против тех порядков, которые установили английские колонизаторы. Такими были многочисленные стихийные восстания мелких народностей и племен в Ассаме, Бенгалии, Ориссе и Бомбейской провинции (из которых особенно мощным было восстание санталов в 1855—1856 гг. на юге Бихара), выступления крестьян основных народностей Индии, поднимавшихся на борьбу за уменьшение поземельного налога, и, наконец, бунты обиженных феодалов. Только немногие выступления ставили прямой задачей ликвидацию чужеземной власти. Такими были: выступление низложенного англичанами аудского вазира Али в начале XIX в., который в союзе с частью феодалов и с эмиром Афганистана пытался поднять восстание с целью изгнания англичан; борьба за независимость в Траванкуре под руководством Велу Тампы (министра раджи) в 1808—1809 гг.; восстание в Мадрасской провинции, поднятое Дхундием, бывшим командиром отряда Типу Султана. Наконец, ярко выраженным антианглийским освободительным движением была борьба последователей мусульманского проповедника начала XIX в. Абдул-Азиза (индийских ваххабитов), призывавшего к священной войне против англичан.

В начале 20-х годов во главе движения стал Сайид Ахмад. Его горячая проповедь борьбы за свержение «неверных» привлекла в организацию ваххабитов большое число людей, принадлежавших к самым различным социальным прослойкам мусульман Северной Индии: от недовольных английской властью помещиков, духовенства, мусульманской интеллигенции до торговцев, крестьян и ремесленников. Не ограничиваясь проповедью, Сайид Ахмад стал собирать в районе Ситана армию гази (борцов за веру), но ему не удалось повести гази против англичан. Сайид Ахмад был убит в стычке с войсками пенджабского правителя Ранджит Сингха. Его лагерь в Ситане сохранился и долгое время был центром, куда стекались ваххабиты, мечтавшие об изгнании англичан из Индии. Вооруженные выступления ваххабитов против английской власти произошли в Бенгалии. В 1831 г. последователь Сайид Ахмада, по имени Титу Мийян, поднял восстание бенгальских ваххабитов в районе г. Барасета, захватил его и, объявив об уничтожении английской власти, двинулся на Калькутту. Восставшие были разбиты правительственными войсками, в бою погиб Титу Мийян.

Под лозунгом антианглийской войны в 1838 г. произошло выступление фаразитов (бенгальских ваххабитов), последователей основателя этой секты Хаджи Шариатуллы. Возглавил восстание его сын Дуду Мийян, который дополнил ан-

тианглийские призывы антифеодальным лозунгом борьбы против помещичьей собственности. Восставшие были рассеяны английскими войсками, но их выступления еще не раз повторялись в 40-х годах.

Все это показывает, что недовольством была охвачена вся Индия, однако ни одно из выступлений начиная с конца XVIII в. было не способно хоть сколько-нибудь поколебать власть англичан. С помощью наемных сипаев колониальные власти подавляли любые бунты феодалов и выступления народных масс.

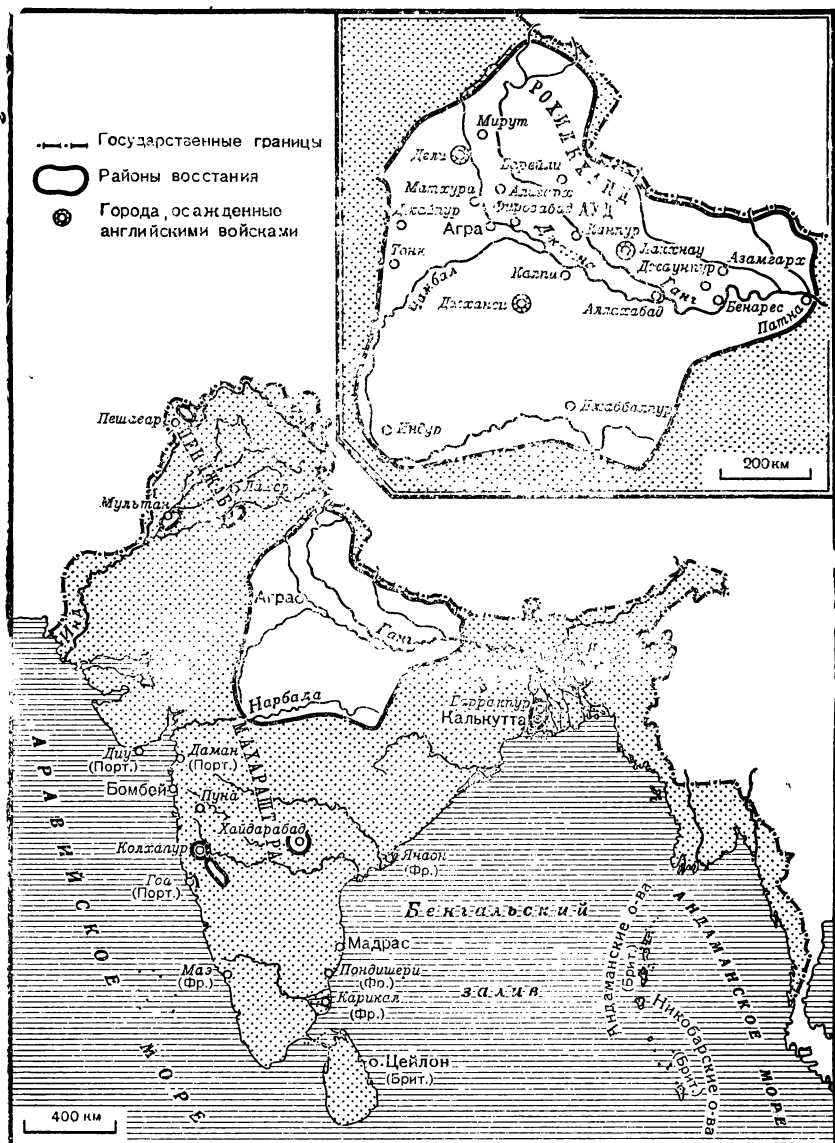
Но в 1857 г. в центре Северной Индии вспыхнуло народное восстание, которое потрясло все здание Британской империи в Индии и заставило ее мобилизовать на его подавление все военные ресурсы. Сила этого восстания, справедливо именуемого войной за независимость, объясняется тем, что против англичан выступили на этот раз не одни лишь отряды крестьян с луками и стрелами в руках, но хорошо вооруженная и обученная самими англичанами регулярная Бенгальская армия, насчитывавшая почти 140 тыс. сипаев. Армия была инициатором этого общенародного восстания и стала его главной боевой силой.

То, что восстала именно Бенгальская армия, а не Мадрасская и Бомбейская, которые не только не выступили против англичан, но были использованы ими в подавлении восстания, объясняется отличием социального состава Бенгальской армии от состава двух других. В Мадрасской и Бомбейской армиях основной состав вербовался из низших каст, сельской бедноты, разорившихся ремесленников и просто из люмпенов, для которых служба в армии была единственной возможностью прокормить себя и семью. Бенгальская армия вербовалась главным образом из двух высших индусских каст — брахманов и раджпутов, которые в Северо-Западных провинциях и Ауде (местах вербовки) принадлежали либо к владельческой верхушке сельских общин (так называемым паттидарам), либо к сельским заминдарам и мелким феодальным владельцам. К тем же социальным слоям принадлежали мусульмане, вербовавшиеся в основном в Рохилкхандском районе Северо-Западных провинций. Это были именно те слои сельского населения, которые особенно пострадали от земельных порядков, введенных англичанами. С первых лет английского налогового управления началась продажа земель за недоимки, причем главными скупщиками земли были служащие налогового аппарата, торговцы и ростовщики. Больше всего пострадали раджпуты, основная землевладельческая прослойка в Северо-Западных провинциях. Отмена прав привилегированного владения землей, проводившаяся с 40-х годов, чувствительно задела брахманскую касту.

Ненависть к английским порядкам, охватившая раджпутскую прослойку паттидаров, а в равной мере и пуштунскую общинную верхушку, мелких заминдаров и брахманов, отражалась на настроениях их сородичей, служивших в Бенгальской армии. Помимо этой основной причины недовольства бенгальских сипаев были и другие. В 40-х годах сипаям перестали выплачивать надбавку к жалованью за службу вне пределов своей провинции, стали требовать с них подписку нести службу не только в пределах Индии, но и за морем (чего не было раньше, поскольку выезд в заморские страны неминуемо влек за собой осквернение кастовой чистоты индусов), были отменены и другие льготы, которыми пользовались прежде сипаи и их семьи. Все большее негодование вызывало презрительное обращение с сипаями английских офицеров, их оскорбительное отношение к индусской религии и обычаям. Ходили слухи, что правительство поставило целью обратить в христианство население Индии, начав с сипаев.

Антианглийские настроения сипаев Бенгальской армии стали проявляться особенно сильно с 1856 г. Этому способствовали вести о потерях англичан в Крыму и о начавшейся войне Англии с Китаем, а также отправка в Иран части английских войск из Индии в связи с англо-иранской войной 1856 г. В Северной Индии усилили проповедь восстания против английской власти ваххабитская организация и разные безымянные патриоты из мусульман и индусов, проникавшие и в Бенгальскую армию. Предлогом для восстания послужило введение в армии новой системы ружей, заряжаемых патронами: бумажную оболочку патрона требовалось срывать зубами при введении его в ствол. В начале 1857 г. пронесся слух, что смазка, которой покрыт патрон, делается из смеси коровьего и свиного сала. Для индусов корова была священным животным, и сипай, бравший в рот такой патрон, осквернялся по религиозным представлениям настолько, что подлежал изгнанию из касты с последующим исключением из семьи и потерей прав на семейное имущество. Для мусульман свинья была нечистым животным, и принуждение брать патроны, смазанные ее салом, воспринималось как сознательное оскорбление религиозных чувств.

То тут, то там сипаи отказывались брать новые патроны. В конце марта в Барракупуре, гарнизонном городке под Калькуттой, сипай Мангал Панди первым призвал к восстанию, но здесь англичанам удалось предотвратить вспышку. Мангал Панди был повешен. 10 мая 1857 г. восстали три полка в Мируте. К ним присоединилась городская беднота. Восставшие разгромили тюрьму, казначейство, суд, перебили англичан, которые были захвачены в городе. Ночью сипаи ушли по направлению к Дели и утром 11 мая подошли к бывшей



Национальное восстание в Индии 1857—1859 гг.

столице Могольской Индии, где доживал свои дни последний представитель династии Бахадур-шах. Делийский гарнизон присоединился к мирутцам, сипаи овладели городом. Повторилось то же, что в Мируте: сипаи уничтожили англичан, находившихся в городе. Ворвавшись во дворец Бахадур-шаха, повстанцы заставили его подписать воззвание, призывавшее население Индии восстать против англичан.

Восстание стало быстро распространяться по Хиндустану. Восставали один за другим полки Бенгальской армии, поднимались крестьяне и жители городов. К началу июля англичане потеряли всю область по среднему течению Ганга. Только кое-где небольшие английские отряды, укрепившись в старинных фортах и импровизированных крепостях, отчаянно отбивались от осаждавших их сипаев и вооруженных крестьян. К восстанию присоединились многие феодалы, обиженные колониальным правительством. Кроме сыновей Бахадур-шаха и придворной знати выступили: в Канпуре — Нана Сахиб, приемный сын бывшего правителя Махараштры, лишенный англичанами прав на пенсию, в Ауде — придворная знать свергнутого аудского князя, в Рохилкханде — Хан Бахадур-хан, потомок правителей этой области, бихарский раджа Кунвар-Сингх, чьи владения находились под угрозой конфискации, джхансийская княгиня Лакшми Бай, приемный сын которой был лишен княжества генерал-губернатором Дальхузи, и другие представители старинной аристократии. Восставшие сипайские отряды частью ушли к Дели, частью стекались под знамена других феодалов. Образовались три основных центра восстания сипаев: Дели, Канпур и Лакхнау.

После того как сипаи захватили Дели, в нем было создано правительство во главе с Бахадур-шахом, составленное из феодальной знати. Оно оказалось бессильным справиться со сложными задачами, тотчас же вставшими перед ним: обеспечить снабжение города и выплату жалованья сипаям. Скрытые агенты англичан, находившиеся в феодальном руководстве, усугубляли беспорядок в городе. В военном отношении делийское правительство также оказалось не на высоте. Вместо того чтобы использовать стекавшихся в город сипаев, численность которых вскоре достигла нескольких десятков тысяч, для быстрого и решительного наступления на растерявшихся англичан, делийское военное руководство прибегло к оборонительной тактике, отдавая инициативу в руки неприятеля. Англичане сумели удержать в повиновении Мадрасскую и Бомбейскую армии, разгромить восставшие бенгальские полки в Пенджабе и создать там новые полки из пенджабских сикхов и пуштунов. Они использовали также войска, предоставленные правителем Непала, возвратили в Индию английские части, направленные ранее против Китая, ускорили возвра-

ление войск из Ирана, перебросили в Индию крупные силы из самой метрополии.

Уже 8 июня небольшая английская армия, сформированная в Мируте, нанеся поражение сипаям на подступах к Дели, заняла холмы под стенами столицы. Попытки сбить англичан с занятых позиций всякий раз кончались неудачей.

Эти неудачи вызвали в сипайских частях справедливое недовольство правительством Бахадур-шаха. Был создан особый орган, названный «джалса» (совет), из представителей армии (6 человек) и горожан (4 человека). Каждый член джалсы возглавлял комитет, ведавший отдельными областями гражданского и военного управления. Номинально главой джалсы был Бахадур-шах, но фактически ею руководил Бахт-хан — член ваххабитской организации, командир сипайской части. Однако, несмотря на свою энергию, Бахт-хан не смог создать перелом в ходе военных действий. Англичане подтягивали к Дели войска, тогда как все чаще вспыхивавшие разногласия между командирами сипайских полков вели к тому, что некоторые из них стали покидать Дели. К началу сентября из 40 тыс. сипаев в Дели осталось едва 13 тыс. Попытка Бахт-хана не допустить подхода английских частей из Пенджаба с тяжелыми осадными машинами не увенчалась успехом. В бою неподалеку от Дели 23 августа делийские войска потерпели поражение. 14 сентября англичане начали штурм Дели. Уличные бои шли в течение пяти дней, и 19 сентября английский флаг был водружен над дворцом Великого Могола. Бахадур-шах сдался англичанам и после суда был выслан в Рангун (где умер в 1862 г.). Бахт-хан с уцелевшими сипаями ушел в Рохилкханд. Англичане жестоко расправились с горожанами. Город был разграблен.

Еще до падения Дели англичане сумели овладеть Канпуром, правителем которого в начале июня стал Нана Сахиб.

В Канпуре в результате восстания сипайского гарнизона было создано правительство во главе с Нана Сахибом. Политическим советником Нана Сахиба был непримиримый враг англичан Азимулла. Во главе сипайских частей стояли командиры, избранные из их среды. Талантливейшим полководцем проявил себя Тантия Топи, вначале командовавший личной охраной Нана Сахиба. Из горожан были назначены лица, ведавшие порядком в городе и снабжением войск продовольствием. Правительство Нана Сахиба принимало суровые меры против тех, кто пытался сеять рознь между индусами и мусульманами, не щадило английских шпионов и провокаторов. Оно рассылало воззвания к феодалам с призывом пойти священной войной против англичан; с такими воззваниями эмиссары посылались и в Декан, к маратхским феодалам.

Под защиту Нана Сахиба стекались беженцы из восточных районов, где уже действовали карательные отряды англичан.

Однако Нана Сахиб, как и делийское правительство, не предпринял своевременно наступательных действий. Между тем со стороны Калькутты на Канпур двигались английские войска. По дороге они со страшной жестокостью расправлялись с восставшим народом, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. В начале июня ими была учинена расправа в Бенаресе, 12 июня они заняли Аллахабад, а 12 июля английское войско под командованием генерала Хэвлока уже подходило к Фатхпуру. Нана Сахиб послал навстречу ему часть своей армии под командованием Тикка Синга, но она потерпела поражение, и Хэвлок 15 июля подошел к Канпуру. На подступах к городу Нана Сахиб дал два сражения. Сипаи проявили высокое мужество в штыковом бою с прославленной шотландской пехотой. Все же Хэвлок, используя преимущество в артиллерии, разбил Нана Сахиба и взял Канпур. Нана Сахиб с оставшимися войсками ушел на территорию охваченного восстанием Аудского княжества.

На территории Ауда народ прогнал английские власти сразу после получения вести о восстании в Дели. Уже 20 мая восстала часть сипайских полков в Лакхнау. Англичане засели в хорошо укрепленных и снабженных большими запасами продовольствия зданиях английского резидентства. В городе было провозглашено восстановление независимого Аудского княжества, на престол посажен малолетний сын бывшего государя, создан регентский совет из аудских вельмож во главе с княгиней-матерью Хазрат Махал. В совет по настоянию сипаев был введен Ахмад Шах, пламенный борец за независимость Индии и талантливый военачальник, который был мелким феодальным землевладельцем в Мадрасской провинции. Вступив в ваххабитскую организацию, Ахмад Шах задолго до восстания начал проповедь священной войны против англичан. В 1856 г. он появился в Северной Индии. Горячая проповедь борьбы за независимость сделала его популярным в Ауде. Здесь он был схвачен английскими властями и ждал утверждения смертного приговора в тюрьме Файзабада. Его спасло восстание файзабадского гарнизона. Оказавшись на свободе, Ахмад Шах возобновил борьбу за свободу родины.

Но Ахмад Шах оказался неугодным аудской знати, среди которой были люди, втайне желавшие поражения восстания или видевшие в восстановлении независимого Ауда только средство для собственного обогащения. Ахмад Шах был помещен под стражу. Восстание лишилось вождя смелого и преданного народу.

В то время как весь аудский народ поднялся на борьбу против английских колонизаторов, крупные феодалы, не на-

деясь на благоприятный исход народной войны, заняли нейтральную позицию. Это ослабило силы боровшегося народа. Все же Хавелоку пришлось дважды отступать, прежде чем он пробился к Лакхнау. 11 ноября 1857 г. англичане организовали новый поход на Лакхнау, во главе которого встал главнокомандующий английской армией в Индии Кемпбелл. С тяжелыми боями он достиг осажденного английского резидентства в Лакхнау, соединился с англичанами, сидевшими четыре с половиной месяца в осаде, и двинулся назад, в Канпур. В отсутствие Кемпбелла на Канпур напал отряд Тантия Топи. Он уже почти полностью овладел Канпуром, когда на помощь английскому гарнизону подоспело войско Кемпбелла. Тантия Топи потерпел поражение. Кемпбелл начал готовить генеральное наступление на Ауд.

Над последним центром народного восстания нависла теперь угроза. Аудское правительство рассылало воззвания, в которых призывало стать на защиту родины, но апеллировало исключительно к феодалам. Оно доказывало, что только в свободном от английской власти аудском государстве феодальным элементам независимо от их религиозной принадлежности будут обеспечены классовые и кастовые привилегии. Аудское правительство обещало феодалам неприкосновенность их земельной собственности. Тем не менее аудские феодалы, за исключением некоторых, продолжали занимать выжидательную позицию. Кое-кто из аудского правительства, в том числе главный вазир, не веря в победу, тайно сносился с англичанами, заверяя их в своей преданности. Немало феодалов из числа примкнувших к восстанию обещали англичанам сложить оружие, если те пощадят их жизнь и собственность.

В конце февраля 1858 г. Кемпбелл во главе 40-тысячной армии начал наступление на Ауд. Аудцы отчаянно защищались, так что Кемпбелл взял Лакхнау только 26 марта. Аудская княгиня и Ахмад Шах с остатками войска отступили в Рохилкханд, область, еще находившуюся под управлением Бахадур-хана. Сюда отошли Нана Сахиб и повстанцы из других районов.

Английские солдаты, ворвавшись в Лакхнау, учинили страшную резню и разграбили город. Деморализация в армии Кемпбелла была такова, что он должен был на время приостановить военные операции. Между тем ситуация в Ауде для Кемпбелла неожиданно осложнилась. Причиной была прокламация генерал-губернатора Индии, в которой тот объявил, что земельная собственность всех аудских феодалов, кроме шести из них, конфискуется. Такова была английская награда за нейтралитет, который многие феодалы сохраняли в народной освободительной войне. Обиженные

феодалы, решив, что теперь терять нечего, подняли восстание. Но их выступление началось уже тогда, когда главные вооруженные силы Ауда были разбиты, а стратегически важные пункты заняты англичанами. Ко всему этому, каждый феодал действовал самостоятельно, ограничивался обороной в своей крепости.

Это позволило Кемпбеллу бросить часть своих войск в наступление на Рохилкханд, куда стянулись остатки сипайских войск, предоставив английским летучим колоннам расправляться с восставшими феодалами.

Главным организатором борьбы в Рохилкханде был Ахмад Шах, который вел партизанскую войну, но он вскоре был убит одним аудским феодалом, желавшим получить от англичан награду. Под напором английских войск Нана Сахиб, Бахтхан и другие индийские военные вожди с боем отступали к границе Непала. Непальский князь дал убежище только аудской княгине. Нана Сахиб пытался договориться с колониальными властями, обещая сложить оружие, если ему гарантируют жизнь и собственность. Но англичане требовали безусловной капитуляции. Как предполагают, Нана Сахиб погиб в джунглях. Другие вожди пали в боях или, попав в плен, были казнены.

В то время, когда Кемпбелл вел войну в Ауде и Рохилкханде, на север из Бомбея шла английская армия под командованием генерала Роуза. Она подавляла очаги восстания в Центральной Индии и постепенно приближалась к княжеству Джханси. В этом княжестве сипайский гарнизон восстал в начале июня 1857 г. Сипаи убили своих английских командиров и находившихся в г. Джханси английских чиновников. Управление княжеством взяла на себя молодая княгиня Лакшми Бай. Княгиня не раз писала английским властям, что только сложившиеся обстоятельства заставили ее взять на себя бремя управления и что она снова передаст его англичанам, когда те потребуют, однако ответа не получила. Боясь мести англичан, Лакшми Бай приняла тогда решение защищаться. Она проявила огромную энергию по подготовке обороны столицы. Когда армия Роуза подошла к Джханси, Лакшми Бай во главе военного отряда и горожан оказала отчаянное сопротивление, вызвав себе на помощь из Калпи Тантия Топи. Последний появился у Джханси через пять дней после начала осады города англичанами, когда силы защитников Джханси иссякали. Тантия Топи потерпел поражение и был вынужден отступить обратно в Калпи. Через три дня после этого англичане ворвались в Джханси. Княгиня Лакшми Бай бежала к Тантия Топи и вместе с ним начала готовиться к обороне Калпи. Однако англичане овладели и Калпи. Тантия Топи удалось еще поднять против гвалиурского князя его контингент войск и овла-

деть Гвалиурской крепостью. Английская армия Роуза двинулась к Гвалиуру. В бою под Гвалиуром Лакшми Бай, командовавшая кавалерийской частью, была убита. Храбрая Лакшми Бай стала национальной героиней Индии. Тантия Топи после поражения под Гвалиуром ушел в сторону Раджпутаны.

Английское правительство отменило распоряжение генерал-губернатора об общей конфискации феодальных владений и опубликовало 1 ноября 1858 г. манифест королевы Виктории, в котором сообщалось о ликвидации Ост-Индской компании, о переходе управления Индией в руки английского правительства и о гарантии неприкосновенности феодальных владений.

Тантия Топи пытался прорваться в Махараштру, чтобы поднять там восстание маратхов. Он проявил в походе блестящие способности партизанского вождя, обманул преследовавшие его английские колонны и перешел р. Нарбаду. Однако он пришел в Декан с силами, столь небольшими и столь измученными непрерывными боями, что англичанам удалось остановить его дальнейшее продвижение на юг. Тантия Топи пришлось повернуть обратно на север. Здесь он снова развернул партизанскую войну, но был выдан англичанам одним военачальником, мелким гвалиурским феодалом, и 7 апреля 1859 г. повешен в г. Сипри. Англичане могли торжествовать полную победу над восставшим народом.

Восстание потерпело поражение по ряду причин. Для Индии сложилась тогда невыгодная внешнеполитическая обстановка. Англия к моменту восстания окончила войны с Россией и с Персией, которые могли отвлечь ее силы. Индия, будучи экономически отсталой, намного уступала Англии в военнотехническом отношении. Феодальное руководство восстанием своими нерешительными действиями отдало инициативу в руки англичан и не сумело поднять против колониальных властей ни Мадрасскую и Бомбейскую армии, ни население Пенджаба. Основной театр войны в результате был локализован англичанами на части индийской территории с центром в Северо-Западных провинциях. Главной движущей силой восстания были крестьяне и ремесленники. Но восставший народ не имел единого руководства. Ударная сила восстания — Бенгальская армия — оказалась раздробленной между тремя центрами, каждый из которых жил самостоятельной жизнью. Ни один из военных вождей восстания не обладал знаниями, необходимыми для руководства большими воинскими массами в решающих сражениях. Отказавшись сначала от ведения маневренной войны небольшими подвижными силами, повстанцы терпели поражения. Когда же они перешли к партизанской тактике, силы сипайской армии уже были сломлены, началась деморализация. Наконец, все индийские князья, располагавшие вооруженными силами, с самого начала восстания оказа-

лись на стороне англичан. Те феодалы, которые включились в борьбу, вышли из нее (за исключением отдельных лиц), едва англичане гарантировали неприкосновенность их владений.

Когда управление Индией перешло в руки английского правительства, колониальные власти реорганизовали индийскую армию, увеличив в ней в два с лишним раза английский состав, пошли на некоторые уступки крестьянам, предоставив значительной части земледельцев право наследственной аренды, несколько ограничили произвол помещиков в отношении этой вновь созданной категории наследственных арендаторов. Особенно большие уступки были сделаны индийской феодальной аристократии и помещикам. Правительство гарантировало неприкосновенность владений индийских князей, щедро наградило феодальных землевладельцев, помогавших в подавлении восстания, окончательно юридически оформило право частной собственности владельцев феодальных поместий.

Главная цель повстанцев — ликвидация власти чужеземцев над Индией — отвечала первоочередным, жизненным интересам индийского народа. В богатой событиями истории Индии до середины XIX в. не было таких огромных по своим масштабам народных движений, как восстание 1857 г. Хотя восстание охватило только часть Северной Индии, оно имело значение для всей страны и может с полным правом расцениваться как национальное. Несмотря на то что в руководстве борьбой оказались феодалы, восстание 1857—1859 гг. нельзя считать только феодальным.

Правда, индийская буржуазия (в тот период главным образом торговая) выступала против восстания. 22 мая 1857 г. на собрании «Ассоциации Британской Индии», объединявшей индийских чиновников, купцов и либеральных помещиков, была принята резолюция, в которой ее члены заверяли колониальные власти в своей лояльности и призывали население к сохранению «мира и порядка» под властью англичан. 27 мая состоялось собрание купцов-мусульман Калькутты, которые также заявили о своей солидарности с правительством. В поддержку колонизаторов высказались тогда же купцы Бомбея и еще некоторых городов Индии.

В восстании явно просматривается участие плебеев — широких народных масс, вносящих в движение свои интересы, сталкивавшиеся с интересами руководящей феодальной верхушки. Но плебейская часть повстанцев не была организована, не ставила ясных антифеодальных целей борьбы.

Восстание могло бы иметь шансы на успех в том случае, если бы оно наряду с задачей освобождения от англичан практически поставило задачу борьбы против феодальных отношений, ослаблявших Индию, делавших ее неспособной одолеть внешнего врага. Но к решению этой второй задачи объектив-

по поставленной перед Индией всем мировым развитием XIX в., повстанцы так и не приступили.

Нельзя считать, что победа восстания означала бы долговременную реставрацию отживших феодальных институтов и гибель зарождавшихся капиталистических производственных отношений. В середине XIX в. экономика страны уже была втянута в орбиту сложившегося мирового хозяйства. Какие бы лозунги ни выдвигали и какие бы цели ни ставили феодальные руководители восстания, в случае победоносного окончания освободительной войны Индии предстоял единственно возможный в то время путь — болезненный и трудный путь капиталистического развития. Это был бы капиталистический, но не колониальный путь развития и, конечно, он имел бы иной, прогрессивный характер.

Несмотря на поражение, великое восстание 1857—1859 гг. имело огромное значение в политической жизни Индии. Для индийских патриотов оно стало поучительной школой освободительной борьбы, уроки которой хранились в памяти народной и передавались все новым поколениям и принесли плоды через несколько десятилетий, в изменившейся исторической обстановке.

Энгельс писал о значении этого выступления борцов за свободу Индии: «Все же англичане пока снова завоевали Индию. Великое восстание, начавшееся бунтом бенгальской армии, по-видимому, действительно угасает. Но это вторичное завоевание не усилило власти Англии над умами индийского народа. Жестокие карательные меры со стороны английских войск... не вызвали каких-либо особых симпатий к победителям. Напротив, сами англичане признают, что как среди индусов, так и среди мусульман наследственная ненависть к незванным пришельцам-христианам теперь сильнее, чем когда-либо» *.

Сопrotивление народов Непала, Афганистана, Алжира колониальным захватам

В ряде стран, находившихся в стадии поглощения их капиталистическими державами в середине XIX в., антиколониальная борьба носила прежнюю форму отстаивания независимости собственной государственности (там, где она уже сложилась) и традиционного строя.

Особенно упорным и действенным было сопротивление вторжению капиталистических держав в тех государствах, где были сильны пережитки родо-племенных отношений и классовая дифференциация проявлялась не так резко, как в разви-

* Ф. Энгельс, *Восстание в Индии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 12, стр. 593—594.

тых феодальных странах Востока. Ожесточенное сопротивление настойчивым попыткам Англии и Франции превратить их в колонии оказали Непал и Афганистан, Алжир и Бирма.

Захватив Бенгалию и превратив ее в свою колонию, англичане попытались утвердиться в соседнем Непале — государстве гуркхов. Непал интересовал их как рынок сбыта и источник сырьевых ресурсов (в первую очередь мачтового леса), а также как район, через который проходили торговые пути в Китай. После неудачи мелких военных экспедиций (например, Кинлока в 1767 г.) и попыток дипломатическим путем подчинить Непал британскому владычеству Ост-Индская компания воспользовалась пограничным инцидентом и в ноябре 1814 г. развязала войну против Непала.

Хорошо оснащенной и обученной 30-тысячной армии агрессоров, вооруженной 60 орудиями, Непал мог противопоставить лишь 12-тысячное войско. Однако героически сражавшиеся гуркхи разбили отряды англичан, вторгшиеся с разных сторон. Лишь в следующем году, перебросив в Непал дополнительные силы и сосредоточив командование в руках генерала Октерлони, англичане добились некоторого перелома в войне. Под натиском намного более сильного противника гуркхский военачальник Амар Сингх дал приказ отступать. Гуркхи потерпели поражение в Кумаоне, отошли от форта Малаон и вынуждены были просить мира.

В декабре 1815 г. было заключено Сегаульское перемирие, по условиям которого Непал должен был передать колонизаторам области Сикким, Гархвал и Кумаон и согласиться на пребывание в Катманду британского резидента. Однако правительство, возглавляемое видным непальским политическим деятелем Бхим Сеном, отказалось ратифицировать кабальное соглашение. Чтобы добиться своего, англичане вновь перешли к военным действиям. Несмотря на самоотверженное сопротивление, гуркхи потерпели поражение в нескольких десятках километров от своей столицы, и правительство Непала было вынуждено признать Сегаульский договор.

Однако мужественная героическая борьба непальского народа против интервентов дала свои плоды. Хотя внешняя политика Непала была поставлена под контроль британских властей, британцы не решились ввести на территорию Непала войска и превратить эту страну в свою колонию. Учитывая, что «солдаты компании, — как писал генерал Октерлони, — никогда не смогут справиться с гуркхами на территории этой горной страны», английские колонизаторы предпочли новой войне провоцирование столкновений между различными непальскими феодальными группировками. В 1846 г. не без их

участия в Катманду в результате государственного переворота пришло к власти семейство Рана, ставшее опорой политики Англии в Непале. Но и после этого Англия остерегалась открыто вмешиваться во внутренние дела Непала.

Больших успехов удалось добиться в противодействии агрессорам афганскому народу. Под предлогом восстановления на престоле изгнанного из Кабула эмира Шуджи уль-Мулька, находившегося на английском содержании, Великобритания в 1838 г. начала войну против афганского эмира Дост Мухаммеда. Она рассчитывала утвердиться в Афганистане и проложить через него дорогу своим товарам в Среднюю Азию, в Западный Китай, в восточные области Ирана.

Британская армия вторглась с юга в афганские земли и захватила Кандагар. В ее обозе следовал Шуджа уль-Мульк, провозглашенный англичанами эмиром Афганистана. Несравненно лучше вооруженная и обученная английская армия преодолела сопротивление афганских военных отрядов и в августе 1839 г. овладела столицей. Дост Мухаммед бежал из Кабула и в северных районах Афганистана участвовал в борьбе местного ополчения, преградившего англичанам доступ к берегам Аму-Дарьи.

Интервенты разместили в городах свои гарнизоны, совершали экспедиции, забирая у населения продовольствие, фураж, транспортные средства, подавляя малейшее проявление недовольства. По всему Афганистану нарастало возмущение. Отряды патриотов нападали на обозы англичан. В апреле 1840 г. восстало племя гильзаев, перерезав важнейшую коммуникационную линию Кандагар — Кабул, и захватчикам стоило больших трудов восстановить движение по этому маршруту.

Характерной чертой освободительной борьбы афганского народа была его сплоченность. Политический руководитель интервенции — британский резидент при марионеточном эмире Шудже Макнотон пытался расколоть ряды повстанцев при помощи подкупа, но потерпел неудачу. «Ни штык, ни денежный мешок не могли удержать это беспокойное племя в состоянии покоя», — писал британский историк Кей.

В Келатском ханстве белуджские повстанцы истребили британский отряд, затем овладели г. Келатом, уничтожив гарнизон. Под угрозой оказалась коммуникационная линия Кабул — Пешавар. 2 ноября 1840 г. в ущелье Парван-Дора руководимое Дост Мухаммедом ополчение разбило наголову английскую бригаду генерала Сэля. Этот успех вызвал широкий отклик во всей стране. Повстанцы отбили Чарикар и блокировали английские гарнизоны в городах.

2 ноября 1841 г. вспыхнуло народное восстание в столице. Городская беднота, ремесленники, представители духовенства, торговцы, крестьяне из соседних селений напали на резиденцию британского губернатора в Кабуле Бернса. Уничтожив его вместе с охраной, они окружили находившиеся в местном укрепленном лагере английские войска. К столице стекались повстанческие отряды со всех концов страны. Их возглавил сын Дост Мухаммеда — Акбар-хан.

«Армия» эмира Шуджи распалась и большей частью перешла на сторону освободительных сил. После новых безуспешных попыток подкупом расколоть ряды повстанцев британские оккупанты 1 января 1842 г. капитулировали, подписав соглашение о выводе своих войск из Кабула. Преследуемые афганскими патриотами захватчики двинулись в обратный путь, но из 16-тысячной армии спасся лишь один человек.

В марте 1842 г. повстанцы освободили Газни, уничтожив английский гарнизон. Вскоре был убит и предатель Шуджа уль-Мульк.

Для восстановления своего престижа Англия осенью 1842 г. предприняла карательную экспедицию в Афганистан. Из Кандагара и Желалабада были двинуты на Кабул отборные войска. Они снова заняли афганскую столицу, превратив часть ее в руины, но остаться в Афганистане не решились и покинули страну.

Агрессивная война ничего не дала колонизаторам. Афганские повстанцы одержали победу. Одной из важнейших ее предпосылок была сплоченность различных социальных слоев страны и населяющих ее народов в борьбе против оккупантов.

На народный характер освободительного движения в Афганистане обратил внимание Н. А. Добролюбов: «С 1838 г., со времени афганской войны, англичане встречают более противодействия... и, что замечательно, противодействие это перестает уже быть делом личного произвола какого-нибудь властителя, а вызывает сильное участие в самом народонаселении страны. В афганской войне народ выказал сильное сопротивление возведению на престол шаха Шуджи, которого поддерживали англичане и который за свои неистовства три раза уже был прогоняем своими подданными. Европейская армия восторжествовала над упорным сопротивлением афганов, но все приобретения англичан вскоре должны были быть оставлены ими, по невозможности удержать их за собой. 20 тыс. человек и 16 млн. фунтов стерлингов были напрасно истрачены в этой войне».

В то время как Англия завершала завоевание Индии и пыталась подчинить себе граничащие с Индией государства,

Франция — после провала наполеоновской попытки захвата Египта и проведения активной политики в Индии — со времени Реставрации сосредоточивает внимание на ближайшем североафриканском государстве — Алжире.

В период наполеоновских войн алжирское государство снабжало Францию продуктами питания, кожей, другими товарами и оказалось ее кредитором на значительную сумму. Французские правители отказывались оплатить долг; король Карл X, чувствовавший себя весьма непрочно в Париже, планировал нападение на Алжир, рассчитывая убить сразу двух зайцев — успешной внешнеполитической акцией укрепить свое положение на троне и разрешить проблему алжирского долга. Французский консул в Алжире в 1827 г. спровоцировал конфликт, который был использован Карлом X для блокады Алжира, а через три года, в 1830 г., в страну вторглась французская армия.

Интервенты захватили столицу — Алжир, изгнали местного правителя — дея — и разграбили казну. Страну, формально считавшуюся вассальным владением турецкого султана, стремились превратить в колонию Франции. Но французские военачальники рано торжествовали победу. По всему Алжиру развернулось повстанческое движение. Его возглавил сын старейшины одного из военно-религиозных братств Абд аль-Кафир, чьи «военные дарования, неукротимую энергию, железную волю и влияние на массы» высоко оценил М. В. Фрунзе. Учитывая феодальную и племенную раздробленность своей родины, Абд аль-Кафир считал первой задачей сплочение страны. Он был близок народу, его опорой были оседлые крестьяне и кочевники — главным образом независимые племена. Алжирские отряды нанесли несколько серьезных поражений интервентам, которые после двухлетней напряженной борьбы в 1834 г. были вынуждены пойти на мирное соглашение с Абд аль-Кадиром, признав его правителем самостоятельного Западного Алжира.

Колонизаторы, сохранив за собой Восточный Алжир, рассматривали договор с Абд аль-Кадиром как временный. Они накапливали силы и в 1835 г. начали новую войну, но вновь встретили решительное сопротивление. По соглашению 1837 г. во владения Абд аль-Кадира был включен и Центральный Алжир (кроме нескольких городов, в том числе столицы — Алжира).

Эти успехи объяснялись тем, что патриотам удалось сплотить вокруг себя подавляющее большинство населения страны. Абд аль-Кафир старался ослабить феодальную эксплуатацию и произвол племенной верхушки, укрепить центральную власть. Он уделял много внимания военному делу: создал регулярную армию, сеть крепостей, построил несколько военных заводов.

Но среди борющихся против колонизаторов сил не было единства. Недовольные действиями Абд аль-Кадира, феодалы Восточного Алжира не желали подчиняться ему. Этим старались воспользоваться колонизаторы, заключая мирные соглашения, чтобы тут же их нарушить, подкупая феодалов и противопоставляя одних другим.

В то же время французская армия в Алжире систематически пополнялась солдатами и офицерами, военной техникой. Она намного превосходила силы Абд аль-Кадира численностью и оснащенностью. Алжирцы противопоставили интервентам партизанскую тактику. Их легкие подвижные отряды нападали на французов из засад, отрезали обозы, быстро скрываясь в горах при встрече с подавляющими силами противника. Колонизаторы уничтожали деревни и небольшие города, блокировали целые районы, истребляли мирное население. Лишь к 1843 г. им удалось добиться победы. Абд аль-Кафир бежал на территорию Марокко.

Хозяйничанье колонизаторов в захваченных областях, грабеж местного населения и превращение крестьян в крепостных, присвоение под видом «аграрной реформы» почти всех пригодных для обработки земель — все это вызвало массовое восстание в Алжире в 1845 г. При первом же известии о новом восстании в страну вернулся Абд аль-Кафир. Борьба приняла исключительно напряженный характер. Карательные отряды французов зверски расправлялись с повстанцами, убивали женщин и детей, сжигали деревни, истребляли посевы, засыпали колодцы. Почти безоружные алжирцы героически сопротивлялись. Но к 1847 г. патриоты были оттеснены в пустынные районы Южной Сахары, где благодаря предательству французы захватили Абд аль-Кадира. Но и после его высылки народная война в Алжире против оккупантов в той или иной форме, с той или иной активностью продолжалась еще в течение десяти лет. К концу 50-х годов XIX в. французские войска овладели северной, наиболее плодородной и населенной частью Алжира, но в течение трех десятилетий там еще вспыхивали восстания (1859, 1864—1867, 1871, 1879, 1881 гг.). Лишь после подавления их французы стали продвигаться в глубь Сахары, завоевание которой затянулось вплоть до конца XIX в.

Движение бабидов в Иране

Ряд стран Востока в рассматриваемый период подвергался натиску колонизаторов, но не стал еще их добычей — Османская империя, Иран, Китай. Далеко в прошлое ушли годы военно-политического могущества этих феодальных государств, подчинявших своему владычеству многие соседние на-

роды. Теперь они сами оборонялись против наступления более сильных капиталистических держав, уступали им захваченные ранее территории, а в некоторых случаях были вынуждены бороться и за свои земли.

В Иране, Китае и Османской империи национально-освободительное движение, а точнее, борьба против колониального порабощения носила характер уже известных нам форм государственного сопротивления внешней агрессии. Но главной задачей внутреннего развития этих государств и их народов оставалась антифеодалная борьба. Именно она составляла основное содержание их внутривнутриполитической жизни. Не случайно в 1848—1852 гг. Иран, в 1850—1864 гг. Китай стали ареной мощных восстаний, направленных против феодального гнета.

На Иран с конца XVIII в. вели наступление три сильных соперника — Франция, Англия и Россия. Разгром наполеоновской армии в России в 1812 г. и последовавшее вскоре падение империи Наполеона лишили Францию возможности бороться за Иран. Остались Россия и Англия, которые в первой трети XIX в. избрали разные пути для усиления своего влияния в Иране.

Английская дипломатия надеялась включить Иран в сферу своего влияния посредством политических и торговых договоров с иранским правительством (договоры 1801, 1809, 1814 гг.), подкупа всех, по образному выражению Маркса, от шаха до простого погонщика верблюдов, изоляции Ирана (договоры с афганским эмиром, правителем Синда, имамом Маската, турецким султаном), антирусских интриг при дворах шаха и наследника престола. Царское правительство, не надеясь выиграть в экономическом соперничестве с Англией, могло рассчитывать лишь на свою военную мощь. Пограничный Кавказ с его сложными этническими, религиозными и политическими отношениями давал много поводов для вооруженного столкновения Ирана с Россией. В результате двух русско-иранских войн 1804—1813 и 1826—1828 гг. Иран вынужден был «уступить» России почти все Закавказье, выплатить огромную по тому времени контрибуцию, согласиться на низкие, 5-процентные таможенные пошлины на ввоз русских товаров и другие торговые льготы.

Англия потребовала распространения всех экономических выгод, приобретенных Россией, на английских купцов. Правительство Ирана подписало неравноправные договоры с капиталистическими странами Западной Европы, а также с США, что облегчило капиталистическое проникновение в Иран.

Во второй трети XIX в. Англия усилила давление на Иран, широко используя не только экономические факторы, но и вооруженные силы. Так, в 1838 г. Англия высадкой своих

войск на о-ве Харг в Персидском заливе заставила иранское правительство снять осаду Герата и вывести войска из Гератского ханства; в 1856—1857 гг., начав военные действия на юге Ирана, Англия вынудила Иран отказаться от планов установления своего суверенитета над Гератским оазисом.

Для Ирана 30—40-х годов характерно обнищание трудящихся масс, вызванное непрерывными (к тому же неудачными) войнами, а также грабительской политикой шахского правительства, постоянно усиливавшего налоговый гнет. Неуклонно возраставшее проникновение иностранных товаров и денег подрывало экономику Ирана. Внешняя торговля страны пришла в упадок в результате конкуренции капиталистических государств. Вывоз катастрофически сокращался, внутренний рынок постепенно переходил под иностранный контроль. Так, в 1833 г. в Тебриз было привезено чужеземных товаров на 15 млн. руб., а через три года — на 40 млн. руб. Иранские ремесленники разорялись и нищали.

В стране развивались товарно-денежные отношения. Ханы и шахи, испытывая нужду в деньгах, начинают взыскивать с крестьян повинности в денежной форме. Многие феодалы продают свои земли либо закладывают их ростовщикам и крупным торговцам. Новые хозяева, связанные с рынком, заинтересованы в усилении эксплуатации крестьян.

Рост налогов, взыскание их за много лет вперед, перевод повинностей в денежную форму и кабала ростовщиков — все это ухудшало и без того тяжелое положение трудящихся. Обстановка в Иране стала чрезвычайно напряженной. Общее недовольство прорывалось в виде сепаратистских выступлений феодалов — правителей отдельных областей и ханов племен (восстание Салара в Хорасане 1846—1850 гг.), разрозненных антифеодальных выступлений горожан и крестьян, вызванных жестокостью того или иного правителя, незаконными поборами, надругательством над религиозными чувствами, нарушением традиций. Многие искали утешения или выхода в учениях отдельных проповедников и различных мусульманских сект, во множестве возникавших в те годы.

Широкое народное антифеодальное движение в Иране началось в 40-х годах XIX в. Оно связано с именем сеида Али-Мохаммеда, объявившего себя в 1844 г. Бабом (т. е. дверью, вратами, через которые передается учение ожидаемого мессии — Махди), а в 1847 г. — уже самим пророком Махди.

Баб объявил о наступлении новой эры, создании царства справедливости, где все равны; женщины равноправны с мужчинами, а имущество и права личности охраняются законом. В наивной форме Баб по сути провозглашал отдельные принципы, на которых покоилось буржуазное общество в европей-

ских государствах. Происхождение Баба (из семьи ширазских торговцев) и тесная связь его с торгово-ростовщическим миром объясняют наличие в его священной книге «Беяне» («Откровение») специальных пунктов о защите свободы торговли и о необходимости уплаты долгов, ростовщических процентов. В проповеди Баба не содержалось антииностранных моментов, но объективно его учение, призванное облегчить развитие Ирана в направлении буржуазного общества, должно было укрепить независимость страны перед лицом растущей внешней угрозы.

Пропаганда бабизма встревожила власти и духовенство, особенно когда посланный шахом в Шираз для изучения нового учения муджтехид (представитель высшего духовенства) Сеид Яхья Дараби объявил себя сторонником Баба. Последователей Баба было много среди купцов, ремесленников, крестьян, духовенства: даже при дворе нашлись покровители бабидов. В 1847 г. Баб был арестован и отправлен в тюрьму. Оттуда он посылал указания своим последователям «выступить с мечом» в поддержку наиболее популярных руководителей бабидов — моллы Мохаммеда Али Барфорушского и моллы Хосейна Бошруйе, возглавивших восстание бабидов в Мазандеране.

Летом 1848 г. бабиды собрались в селении Бедашт (недалеко от г. Шахруда), чтобы обсудить дела бабидской общины после ареста Баба и наметить дальнейший план действий. Здесь в выступлении моллы Мохаммеда Али Барфорушского учение Баба прозвучало в более демократической форме: в царстве справедливости ханы будут лишены всех привилегий. Разогнанные властями бабиды разошлись по городам вести пропаганду бабизма.

Открытое вооруженное выступление бабидов в 1848 г. ускорило смерть шаха. Бабиды собрались недалеко от г. Барфоруша и заявили о начале борьбы с династией Каджаров, об установлении справедливого царства бабидов на земле. Поддержанные местным населением бабиды отразили натиск посланных для подавления восстания войск. Готовились восстания и в других городах. На подавление бабидов в Мазандеран было послано из Тегерана большое войско. Планомерная осада привела к падению крепости бабидов Шейх-Таберси (май 1849 г.). В начале 1850 г. вспыхнуло восстание бабидов в г. Йезде под руководством Яхьи Дараби. В феврале 1850 г. крупная организация бабидов была раскрыта в Тегеране. С мая по декабрь 1850 г. продолжалось восстание в г. Зенджане. В июне 1850 г. началось восстание в г. Нейризе под руководством того же Яхьи Дараби. Бабидское движение, охватившее в основном городское население, было поддержано крестьянами.

Правительство бросило все силы на подавление движения бабидов. В июне 1850 г. был казнен Баб. Восстания в Шейх-Таберси, Йезде, Нейризе и Зенджане были жестоко подавлены. Погибли все руководители бабидских восстаний, были казнены тысячи рядовых бабидов. Казнили всех заподозренных в принадлежности к бабидам независимо от общественного положения. После неудачного покушения на шаха в 1852 г. последовали новые казни.

Восстания были подавлены из-за недостаточной организованности, отсутствия связи между руководителями, локальности и одновременности выступлений. Феодалная верхушка в последний раз в истории Ирана смогла собрать силы, чтобы самостоятельно подавить антифеодалное движение.

Подавив бабидов, часть правящей верхушки во главе с первым министром Мирзой Таги-ханом хотела провести некоторые реформы с целью стабилизации положения в Иране, укрепления феодального строя и государства, которому угрожали не только внутренние силы, но и внешние. Реформы Мирзы Таги-хана были сорваны оппозиционно настроенным духовенством и крупными феодалами, боявшимися потерять власть и доходы. Мирза Таги-хан погиб.

После подавления бабидских восстаний правительственный террор свирепствовал еще долгое время. Аресты и казни проводились в связи с раскрытием деятельности некоторых близких к бабидам сект, например четырехстолпников в Керманшахе, в связи с террористическими актами бабидов (в частности, после убийства сеида в Тебризе в 1866 г.), с появлением бабидских воззваний. Чаше же под предлогом борьбы с бабидами иранские власти подавляли любое недовольство в городах и селениях и расправлялись с неугодными им лицами.

Поражение бабидов означало потерю Ираном перспективы самостоятельной капиталистической эволюции. Дальнейшее развитие Ирана в конце XIX — начале XX в. пошло по колониальному пути; хотя Иран и не стал колонией какой-либо одной капиталистической державы.

«Опиумные» войны и крестьянская война тайпинов в Китае

Правившая в Китае с XVII в. маньчжурская Цинская династия неуклонно проводила политику изоляции Китая от внешнего мира, разрешая торговлю с европейцами лишь через порт Гуанчжоу и через посредство одной замкнутой корпорации китайских купцов-монополистов. Только в первой половине XIX в. капиталистические страны Европы смогли серьезно

оставить перед собой задачу «открытия» китайского рынка. Первая брешь в стене изоляции была пробита не оружием, а наркотиком — опиумом.

Опиум ввозили в Китай из Индии еще в XVIII в. За 1729—1773 гг. ввоз опиума увеличился с 200 до 1000 ящиков (каждый ящик весил около 60 кг). С 1773 г. экспорт опиума стал возрастать гораздо сильнее благодаря деятельности английской Ост-Индской компании. В 1790 г. было ввезено 4 тыс. ящиков, в 1810 г. — 10 тыс., а в 1836 г. — 30 тыс. ящиков. В 40-х годах количество ввозимых наркотиков увеличилось до 40—50 тыс. ящиков в год.

Особенно повлияла на рост опиумной торговли отмена монополии Ост-Индской компании в 1833 г. По путям, проложенным ее купцами, кинулись сотни искателей наживы. Рост торговли промышленными товарами намного отставал от контрабандной продажи наркотиков, ибо при господстве натурального хозяйства в Китае рынок сбыта английских товаров был еще невелик. Однако часть английской буржуазии видела причину плохого сбыта своих товаров не в условиях рынка, а только в политике изоляции, проводившейся династией Цин. Она требовала, чтобы английское правительство оказало на Китай военный нажим.

Цинское правительство мало беспокоилось о здоровье подданных. Но огромная выкачка серебра из Китая английскими продавцами опиума не могла остаться незамеченной. Так как обычные административные меры оказались безуспешными из-за продажности чиновников, маньчжурскому императору пришлось назначить особым уполномоченным по борьбе с торговлей опиумом известного своей честностью и энергией Линь Цзэ-сюя. Он был назначен наместником южных провинций Гуандун и Гуанси. Прибыв в свою резиденцию — г. Гуанчжоу, новый наместник конфисковал у английских и других иностранных торговцев 20 283 ящика опиума и приказал уничтожить их на прибрежной отмели в июне 1839 г. Это событие послужило поводом к 1-й «опиумной» войне, одному из самых грязных деяний английского капитализма.

Карл Маркс писал: «То, что колоссальная империя, население которой составляет почти треть человечества, прозябающая вопреки духу времени, изолированная насильственным исключением ее из системы мировых связей и поэтому умудряющаяся обманывать самое себя иллюзией насчет своего „небесного совершенства“, что такая империя должна погибнуть, в конце концов, в смертельном поединке, в котором представитель одряхлевшего мира следует этическим побуждениям, а представитель самого современного общества борется за привилегию покупать на самых дешевых и продавать на самых дорогих рынках, — это, поистине, трагедия, необычайный сю-

жет которой никогда не дерзнула бы создать даже фантазия поэта» *.

В сентябре 1839 г. произошла первая перестрелка между экипажем английской шлюпки, направившейся к берегу за провизией, и китайскими солдатами. К лету 1840 г. в районе Гуанчжоу сконцентрировалось свыше 20 английских военных кораблей с 4 тыс. солдат на борту. Англичане стремились создать опорную базу на побережье, затем захватить ряд важных стратегических пунктов, чтобы блокировать значительную часть побережья и продемонстрировать свое военное превосходство.

Это им удалось ввиду крайней военной слабости обороняющихся. Летом 1840 г. полностью проявились последствия для Китая политики полуторавековой изоляции. Крохотные китайские джонки не могли идти в сравнение с линейными кораблями англичан. Защитники береговых укреплений не имели разрывных снарядов. Значительная часть китайской пехоты была вооружена холодным оружием, часть — устаревшими фитильными ружьями, которых давно не было ни в одной европейской армии. Такое оружие в несколько раз уступало английскому и по скорострельности, и по дальностью, и по меткости. Губернатор провинции Хунань позже с удивлением узнал, что колеса пароходов вращают не быки, а машины. Беспомощным оказалось военное командование. Оно не сумело организовать разведку: любое нападение англичан почти всегда было неожиданным. Отсутствовало взаимодействие войск, так как губернаторы провинций не помогали друг другу. Китайские власти не представляли себе международной обстановки, не знали, что такое Англия (в китайских официальных документах она называлась в числе данников Китая наряду с Сиамом и Кореей). Только Линь Цзэ-суй пытался изучать международную обстановку, положение во вражеском стане.

Осознавая опасность, нависшую над страной, Линь Цзэ-суй пытался привлечь народные массы на защиту родины. Преодолевая сопротивление бюрократической машины, не получая поддержки из центра, он спешно укреплял оборону Гуандуна за счет таможенных доходов, чрезвычайных сборов с населения и добровольных пожертвований. Он увеличил жалованье войскам, объявил набор добровольцев. Особое внимание было обращено на усиление флота, в ряды которого вступили тысячи рыбаков и ловцов жемчуга; принимались даже контрабандисты — торговцы солью. Линь Цзэ-суй пытался наладить сторожевую службу, охрану прибрежных

* К. Маркс, *История торговли опиумом*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 567.

источников воды, чтобы лишить агрессоров возможности пользоваться ими.

Но у Линь Цзэ-сюя не доставало ни средств, ни знаний, ни времени. Его энергия вызвала раздражение и беспокойство при дворе. После первого большого поражения китайцев на Чжоу-шаньских ю-вах, за оборону которых Линь Цзэ-суй, впрочем, не отвечал, он был снят с поста наместника провинций Гуандун и Гуанси (1840 г.). Его преемник Ци Шань, говоривший о себе: «Я не похож на губернатора Линя, я до конца дней своих не буду допытываться относительно положения у иностранцев», немедленно начал поиски компромисса с агрессорами.

В то время как в правительстве побеждали капитулянтские тенденции, население готовилось к борьбе с захватчиками. В приморских районах Южного Китая (особенно в провинции Гуандун) было создано несколько десятков партизанских отрядов, которые предприняли ряд нападений на небольшие группы английских войск, высадившиеся для пополнения запасов продовольствия. Эти добровольческие формирования, руководимые обычно местными феодалами — шэнь-ши, известны под названием «пининтуань» (отряды по усмирению англичан). Крупнейшей боевой операцией «усмирителей англичан» было сражение у деревни Саньюаньли. 30 мая 1841 г. отряд англичан численностью 800 человек (что составляло пятую часть всей английской армии в Китае) был окружен несколькими тысячами плохо вооруженных ополченцев. Проливной дождь, промочивший порох у англичан, дал перевес китайским патриотам, вооруженным холодным оружием. Однако представители провинциальных властей, искавшие компромисса с захватчиками, помогли английскому отряду выйти из окружения.

Так как китайское правительство колебалось и не желало принимать требования захватчиков, англичане решили перенести военные действия на север, в Центральный Китай. Захватив Шанхай (в то время небольшой порт), они продвинулись западнее по течению р. Янцзы, нарушив снабжение северных районов Китая.

Новые поражения побудили китайское правительство подписать 29 августа 1842 г. Нанкинский договор — первый неравноправный договор в истории Китая. Для английской торговли, торговых баз и поселений английских купцов открывались пять городов: Гуанчжоу, Сямынь, Фучжоу, Нинбо, Шанхай, которые так и стали называть «договорными» или «открытыми» портами (фактически Гуанчжоу долгое время не был открыт для иностранцев вследствие сопротивления населения). Позднее их число (иногда это были даже не порты, а сухопутные торговые центры) увеличилось. По Нан-

кинскому договору предусматривалась уплата огромной контрибуции — 21 млн. серебряных долларов, передача о-ва Гонконг (Сянган) в собственность Англии и создание у китайских берегов английской военно-морской базы, а также установление «справедливых» таможенных пошлин, размер которых был определен дополнительным соглашением от 8 октября 1843 г. (5% стоимости товаров). В этом соглашении содержались такие важные пункты, как введение консульской юрисдикции (подчинение англичан в Китае английским, а не китайским законам, причем судопроизводство осуществлялось консулом); право наибольшего благоприятствования (обязательство распространять на Англию любые привилегии, полученные другими державами); создание селтльментов — поселений английских подданных в «открытых портах».

Формально соглашения не содержали разрешения торговли опиумом, хотя в инструкции, полученной английским дипломатическим представителем Поттингером, ставилась задача добиться этого. Но договоры и не запрещали опиумную торговлю, обходя ее молчанием. Согласие Китая уплатить контрибуцию за опиум, сожженный Линь Цзэ-сюем, означало возможность и впредь безнаказанно ввозить наркотики.

Вслед за Англией договоры с Китаем заключили США, Франция, Швеция. Все эти договоры содержали три основные статьи: принцип наибольшего благоприятствования, право консульской юрисдикции, таможенные привилегии. Так завершился первый этап формирования системы неравноправных договоров. Характерная особенность неравноправных договоров — не вопросы, которые в этих договорах трактуются, а способ разрешения этих вопросов. Договоры являлись неравноправными потому, что насильственно ограничивали суверенитет Китая, а также в силу своей односторонности — льготы, предоставленные иностранцам на территории Китая, не предоставлялись китайцам на территории стран-контрагентов.

Вторжение капиталистических агрессоров резко ухудшило положение народных масс Китая. Военные расходы, контрибуция победителям были оплачены чрезвычайными налогами с населения. Ввоз дешевого английского текстиля разорял ремесленников приморских городов. Особенное воздействие оказал на китайскую экономику вывоз серебра в обмен на опиум. По некоторым, по-видимому завышенным, данным, Китай в 40-х годах XIX в. ежегодно лишался от 2 до 9% своего серебряного запаса.

Если общие убытки китайского народа от вторжения колонизаторов еще не подсчитаны, то многочисленные источники зафиксировали огромные колебания обменного курса серебряных и медных денег в различных районах Китая. В XVIII—начале XIX в. обменный курс одного серебряного лян коле-

бался от 900 до 1200 вэней (медных монет). По данным приходных книг старинной торговой фирмы провинции Хэбэй, курс лян с 1821 г. непрерывно рос и к 1850 г. дошел до 2230 вэней. В 1846 г. в провинции Ганьсу один лян обменивался на 2000 вэней, в провинции Шаньдун — на 2100—2200, в провинции Цзянсу — на 1800—1900, в южных районах, более связанных с заокеанской торговлей, — на 2600 вэней.

Рост цен на серебро двояким образом задевал интересы крестьянства и ремесленников. Прежде всего огромный ущерб стал приносить обмен медных денег на серебряные для уплаты налогов. По существу налогообложение резко возросло. Кроме того, рост цен на сельскохозяйственную продукцию отставал от роста цен на серебро. Использование английскими капиталистами специфических особенностей китайских финансов — один из примеров использования колонизаторами товарного производства в феодальных обществах Азии.

Таким образом, вторжение Англии в Китай ускорило развитие социальных противоречий в стране, обострило классовые антагонизмы. По стране прокатилась волна стихийных бунтов. В середине 40-х годов восстания были направлены против отдельных представителей власти или особенно жестоких землевладельцев. К концу десятилетия разрозненные мятежи слились в великую крестьянскую войну тайпинов.

Ее идеолог Хун Сю-цюань, испытавший некоторое влияние христианской литературы, проповедовал идеи всеобщего равенства и братства, считая свое учение христианским. Оно особенно распространилось среди крестьян, ремесленников, мелких торговцев. Хун призывал к созданию «Небесного государства великого благоденствия» (Тайпин тяньго; отсюда название сторонников Хун Сю-цюаня — тайпины). Как незадолго до него Баб в Иране, Хун Сю-цюань не выдвигал лозунгов борьбы против западных колонизаторов, но предлагавшаяся им программа могла бы ускорить прогрессивное развитие Китая.

Тайпины организовали повстанческие отряды, которые под руководством талантливого полководца угольщика Ян Сю-цина разбили войска властей провинции Гуанси, заняли осенью 1851 г. город Юньань и провозгласили образование своего государства во главе с Хун Сю-цюанем.

Движение тайпинов имело четко выраженный антифеодальный характер. Повстанцы захватывали имущество богатей, уменьшали налоги и арендную плату за землю, иногда совсем освобождая крестьян от нее и превращая их, таким образом, в собственников земли бежавших помещиков.

Тайпины, подобно многим крестьянским идеологам средневековья, мечтали об имущественном равенстве. Ими был издан проект уравнительного распределения земли и ее обра-

ботки общинами, но проект этот (который, конечно, был утопией) не был проведен в жизнь. В столице — Нанкине — тайпины запрещали торговлю, но уже за городскими стенами она процветала.

Первые предтечи буржуазных идеологов — побывавшие за границей китайские ученые Ван Тао и Жун Хун пытались давать советы тайпинам. С этой целью Жун Хун посетил тайпинскую столицу, предложив тайпинам план реформ, чтобы направить Китай по западническому, буржуазному пути. Поведение руководителей восстания не вызвало доверия у Жуя Хуна, вернувшегося в Шанхай. Видный писатель и журналист Ван Тао обратился к тайпинам с письмом, советуя им не нападать на Шанхай. Совет его не был принят во внимание.

Глава правительства восставших в последний период существования их государства — Хун Жэнь-гань, двоюродный брат императора тайпинов Хун Сю-цюаня, был передовым для своего времени человеком: он несколько лет жил в капиталистическом городе — Гонконге, учился у миссионеров, знал английский язык и имел некоторое представление о современном мире. Хун Жэнь-гань предлагал начать строительство в Китае железных дорог, пароходов, банков, издание частных газет. Его проекты остались на бумаге, но они интересны как показатель возможной отдаленной перспективы развития Китая. Однако крестьянская война тайпинов не переросла в буржуазную революцию: материальных и классовых предпосылок для этого в Китае середины XIX в. оказалось недостаточно.

Тайпины не относились враждебно к европейцам, которых считали своими братьями во Христе. Казалось бы, презиравшие язычников христиане Европы и США должны были быть в восторге, обнаружив влияние их религии на умонастроение значительной части китайского народа. Вопреки этому с самого начала в британской прессе раздавались призывы к борьбе с тайпинами, исходившие вначале из кругов, непосредственно заинтересованных в опиумной торговле, которая запрещалась тайпинским государством. Важным пунктом противоречий между капиталистическими державами и тайпинами стал вскоре и вопрос о военных действиях в районе «открытых портов», грозивших свертыванием торговли.

Впервые европейцы нарушили нейтралитет в 1854 г., приняв участие в подавлении восстания, поднятого населением Шанхая под руководством не связанного прямо с тайпинами тайного общества «Малые мечи». Воспользовавшись моментом, Англия захватила шанхайскую морскую таможню, установив свой (формально международный) контроль над внешней морской торговлей Китая.

Неудачная попытка части тайпинской армии под командованием Ли Сю-чэна в начале 60-х годов захватить район

Шанхая дала повод колонизаторам начать открытые военные действия против повстанцев.

Но пока восстание разворачивалось во внутренних районах страны и не особенно задевало конкретные интересы иностранных торговцев, европейские державы оказывали нажим прежде всего на цинское правительство, которое явно было более слабым противником. Осенью 1856 г. англичане начали новую войну с Китаем. К Англии в этой войне присоединилась Франция, избрав для себя поводом казни в Китае французского миссионера.

К концу 1857 г. интервенты захватили порт Гуанчжоу, после чего они официально на торжественной церемонии с военным оркестром вручили управление городом прежней администрации, которая затем отобрала оружие у патристически настроенного населения. Это был первый опыт (пока лишь в провинциальном масштабе) использования государственного аппарата Цинов для нужд иноземцев, закончившийся вполне удачно с точки зрения захватчиков.

Весной 1858 г. эскадра союзников подошла к Тяньцзиню. Экспедиционный корпус овладел береговыми укреплениями и незначительно продвинулся в глубь китайской территории, когда повелитель четырехсот миллионов подданных запросил мира у отряда завоевателей численностью около 5 тыс. человек. Переговоры закончились подписанием серии договоров Китая с Англией, Францией, Россией и США. Они предусматривали предоставление иностранцам права свободного передвижения по внутреннему Китаю с целями торговли и миссионерской пропаганды. Были открыты новые порты на морском побережье и по берегам Янцзы. Формально разрешен наконец ввоз опиума, деликатно обозначенного «лекарством» (это дало повод назвать англо-французскую войну с Китаем 1856—1860 гг., как и первую англо-китайскую войну, опиумной).

Незначительные различия между договорами, заключенными с отдельными державами, нивелировались путем использования принципа «наиболее благоприятствуемой нации», который Китай признавал по отношению к каждой из договаривающихся с ним держав. Важнейшая экономическая часть системы неравноправных договоров — льготные пошлины и иностранный контроль над таможнями, ее политико-юридическая сторона — экстерриториальность. Этот порядок создавал фактическую безнаказанность для любого иностранца, существенно задевал достоинство и права китайского народа. В договорах содержалось многозначительное уточнение, предусматривавшее право иностранцев торговать в бассейне Янцзы после подавления мятежа (т. е. тайпинского восстания). Таким образом, капиталистические державы были

теперь прямо заинтересованы в скорейшем подавлении тайпинов.

Маньчжурский император соглашался подписать унижительные, кабальные условия мира. Его заботил лишь один вопрос: будут ли послы победителей стоять перед ним на обоих коленях или на одном. Китайские дипломаты сначала не решались передать европейцам это требование. Чтобы гарантировать выполнение цинским правительством навязанных ему договоров, союзникам понадобилось совершить еще одно провокационное вторжение в Китай, летом 1860 г., закончившееся взятием Пекина и разгромом чуда искусства — летнего императорского дворца. Последовала серия Пекинских договоров, подтверждавших и уточнявших прежние соглашения (1860 г.).

Капиталистические агрессоры простили маньчжурским феодальным правителям их высокомерие по отношению к «варварам» — европейцам, казни миссионеров, убийства европейских парламентариев. Они выступили против тайпинов, не убивавших ни парламентариев, ни миссионеров, называвших иностранцев «братьями», а не «варварами». Победа тайпинов могла укрепить Китай, что противоречило интересам захватчиков. Объективная антииностранная направленность движения послужила основной причиной союза капиталистических держав с правительством Цинов. Началась открытая интервенция. Первый отряд иностранных наемников был создан в 1860 г. на деньги иностранных и китайских коммерсантов Шанхая и богачей, бежавших в этот город от наступающих тайпинов под защиту иностранных пушек. Во главе отряда стал авантюрист Фредерик Уорд, американец, ранее сражавшийся добровольцем в рядах французской армии под Севастополем. Отряд Уорда стал ударной силой китайской феодальной армии. С февраля 1862 г. в боях против тайпинов приняли участие английские и французские регулярные войска.

Помощь, полученная Цинами от европейских держав, была многосторонней. Значительные доходы с таможни, контролируемой европейцами, стали важнейшим источником поступлений в китайскую государственную казну. Державы предоставили императорскому правительству военных советников и вооружение. В течение 1862 г., пока не обозначился перелом в военных действиях в пользу реакционного лагеря, войска интервентов принимали участие в очистке побережья от повстанцев. Затем необходимость в прямом вмешательстве регулярных воинских частей отпала, но руководимые европейцами войска наемников (10—15 тыс. человек) оставались опорой Цинов. Преемником погибшего в бою Уорда стал в 1863 г. английский майор Чарльз Гордон — один из кумиров колониалистской историографии, впоследствии палач африканских народов.

Главной же силой цинской армии к этому времени вместо разложившихся маньчжурских «знаменных» войск стали местные формирования, созданные китайскими феодалами по европейскому образцу для войны против тайпинов. Их возглавляли Цзэн Го-фань, Ли Хун-чжан и др.

Пестрая коалиция, состоявшая из китайских войск и формирований Гордона, сокрушила тайпинскую оборону. За несколько месяцев до падения столицы тайпинов, когда близкое поражение восстания было для всех очевидным, китайские власти отказались от услуг Гордона и его наемников.

Поражение крестьянской войны продлило сроки существования разлагающегося феодального строя. В то же время объединение военной и гражданской провинциальной администрации, происшедшее при подавлении восстания, значительно усилило региональный сепаратизм, независимость провинциальной администрации. Развитие капиталистических отношений в Китае в конце XIX в. продолжалось, но параллельно шел процесс ускоренного превращения Китая в полуколонию более развитых капиталистических стран.

«Феодальный национализм» и антифеодальные идеологические течения

Колониальное завоевание оказало сильное влияние на развитие общественной мысли стран Азии и Африки. Ни один мыслитель независимо от своей этнической, классовой и религиозной принадлежности не мог не высказать своего отношения к колониальному господству. Недаром борьбу масс почти повсюду возглавляли представители патриотически настроенных образованных слоев и феодальные правители. Получило распространение идеологическое течение «феодальный национализм», пытавшееся соединить патриотизм народных масс с защитой интересов феодалов.

Элементы «феодального национализма» — кажущегося единства интересов феодалов и крестьян в защите своей родины — сложились еще в доколониальный период в ходе борьбы отдельных народов против чужеземных правителей средневековых империй. Они были своеобразной формой отражения в сознании людей одного из этапов этнической консолидации, но не имели и не могли иметь самостоятельного значения, поскольку формирование национального самосознания было неразрывно связано со становлением капиталистических отношений, которые неумолимо разрушали патриархальные идейные связи, сохранявшиеся еще в ряде стран Азии и Африки между феодалами и крестьянами. Но на первых порах колониальное завоевание, задержав естественное развитие национально-

то капитализма и в то же время обострив патриотические чувства народа, обусловило сравнительно долгое сохранение «феодалного национализма» в качестве особого антиколониального идеологического направления.

Раскол внутри класса феодалов, вызванный различным отношением его представителей к колониальным властям, способствовал сохранению средневековых патриархальных представлений о «добром» и «злом» барине, «хорошем» и «плохом» феодалном правителе. Для всех учений «феодалного национализма» была характерна идеализация доколониального прошлого. Зло феодалного гнета связывалось только с теми феодалами, которые сотрудничали с колонизаторами. В противоположность им феодалы, находившиеся в оппозиции колониальному режиму, представлялись естественными защитниками интересов народа.

Идеология «феодалного национализма» выступала преимущественно под лозунгами защиты и возрождения веры. Оказавшись не в силах противопоставить колонизаторам силу оружия и защитить свою землю и свое имущество, поработанные народы стремились отстоять от их посягательств свой духовный мир, свой образ жизни, неотъемлемую часть которого составляли религиозные традиции. Приверженность этим традициям была своеобразной реакцией на колониальное угнетение, и религия стала символом былой независимости.

Идеи кажущейся общности интересов феодалов и крестьян в антиколониальной борьбе в наибольшей степени соответствовали уровню сознания народов тех стран, где классовая дифференциация была сравнительно слаба и сохранились сильные пережитки родо-племенных и феодално-патриархальных отношений (Афганистан, Аравия и т. п.). В этих странах «феодалный национализм» как самостоятельное течение дожил до наших дней, потеряв к этому времени в результате различных влияний некоторые феодалные черты и постепенно приобретая новые черты — буржуазные.

В Индии, где до колониального завоевания антифеодалные идеи получили уже широкое распространение, в идеологии «феодалного национализма» призывы к освободительной борьбе против колонизаторов зачастую сочетались с обоснованием необходимости улучшить положение народных масс для обеспечения успеха этой борьбы. В этих случаях они отражали прежде всего позиции тех представителей феодалных образованных кругов, которые понимали необходимость проведения социальных реформ и улучшения положения крестьян и ремесленников, чтобы иметь возможность опереться на народ в борьбе против колонизаторов. В то же время содержащаяся в «феодалном национализме» трактовка патриотических идеалов соответствовала в тот период уровню обществен-

лого сознания крестьянства, его идеализации доколониального прошлого, монархистским иллюзиям и приверженности к тем идеям возрождения веры, которые служили формой и теоретическим обоснованием антиколониальных концепций. Отражая слабости крестьянской идеологии, «феодалный национализм» был направлен в конечном счете на примирение интересов крестьян и феодалов во имя защиты независимого положения последних.

Содержавшийся в «феодалном национализме» призыв к освобождению страны от иноземного господства был исторически оправдан и прогрессивен, но беда была в том, что лежавшая в его основе идея звала не в будущее, а в прошлое.

Конкретные учения, в которых воплощались все эти идеи, были весьма разнообразны и во многом зависели от того, принципы какой религиозно-философской системы (ислама, буддизма, индуизма) служили им формой и теоретическим обоснованием. В мусульманских странах широкое распространение получило учение о священной войне — джихаде — против «неверных» (колонизаторов) и доктрина о том, что, поскольку после колониального порабощения мусульманская страна превращается из «страны ислама» (дар ул-ислам) в «страну врага» (дар ул-харб), борьба против колонизаторов — священный долг каждого мусульманина. Наиболее четко эта доктрина изложена одним из идеологов «феодалного национализма» в Индии шахом Абдул Азизом, издавшим специальную фетву (религиозное постановление мусульман), обязывавшую мусульман вести священную войну за изгнание англичан из Индии.

Призыв к священной войне против колонизаторов и идеи возрождения веры лежали в основе учения Дипонегоро, возглавившего народную освободительную борьбу в Индонезии. В Аравии идеи «феодалного национализма» нашли отражение в учении ваххабитов, которое приобрело в конце XVIII — начале XIX в. антиколониальную направленность.

«Феодалный национализм» нашел отражение также в новой трактовке старой феодальной концепции «закрытия страны», т. е. полной изоляции от внешнего мира как главного средства защиты от проникновения колонизаторов. В некоторых странах идеи «закрытия страны» стали основным принципом внешней политики. В конечном счете эти идеи вели к консервации средневековой отсталости, затрудняли развитие передовых общественных отношений и передовых идей. В ряде стран, прежде всего в колониях, «феодалный национализм» во второй половине XVIII — первой половине XIX в. был основным направлением общественной мысли.

Соппротивление иноземному господству отодвинуло временно на второй план задачи сопротивления собственным феодалам.

лам. Это не означало, что в той же Индии не было учений, которые воплощали стремление народных масс к социальному и имущественному равенству. Это стремление отразилось в учениях индуэской секты саньяси, мусульманского движения фаразитов и муджахидов и других религиозных по форме крестьянских и крестьянско-ремесленных организаций и движений. Идеологи фаразитов видели путь к достижению социальной и имущественной справедливости в возрождении аскетизма и чистоты раннего ислама и обосновывали законность борьбы крестьян за восстановление этой утраченной справедливости. Они также считали, что после английского завоевания Индия стала «страной врага» и справедливость не может быть восстановлена до превращения ее вновь в «страну ислама». Идеолог и вождь крестьянского движения муджахидов Шах Исмаил объявил священным долгом каждого мусульманина борьбу не только против «неверных» — колонизаторов, но и против притеснений феодалов. Таким образом, учение о джихаде получило также антифеодалное звучание.

Однако влияние подобных идей было ограничено локальными рамками. Основной формой сознательного выражения общеиндийского патриотизма была в тот период идеология «феодалного национализма», соединявшаяся со стихийным антиколониальным движением народных масс. Это нашло непосредственное выражение во взглядах идеологов народного восстания 1857—1859 гг. — последнего крупного проявления феодального патриотизма в Индии.

В трудах одного из крупнейших идеологов восстания 1857—1859 гг. Фазл-хака, в прокламациях и листовках руководителей восстания содержалась мысль о том, что английская колониальная политика была направлена на подчинение различных классов Индии и «привела к опустошению городов и неисчислимым бедствиям народа». Говорилось, что колонизаторы присвоили богатства страны, лишили индийцев выгод от торговли, поскольку они «отдавали предпочтение своим людям и сами регулировали повышение и понижение цен и доставку товаров на рынок». Осуждалось стремление колонизаторов подчинить себе духовную жизнь страны. Особое внимание уделялось обоснованию мысли о единстве индийцев в антиколониальной борьбе и о религиозной общности как способе достижения этого единства. При этом проповеди религиозной общности были неотделимы от призывов к религиозной терпимости. Идея индуэско-мусульманского содружества и представление о том, что единство всех жителей Индии в борьбе против колонизаторов стоит над их религиозными различиями, составляло неотъемлемую черту идеологии восставших. Призывая представителей различных общин к совместным действиям, идеологи восстания писали, что «англичане стремятся уничто-

жить и религию и национальную общность». Они говорили о необходимости снизить поземельные и другие налоги, отменить внутренние пошлины, распределить часть земли заминдаров среди крестьян и привлечь народ к управлению страной. Не случайно во время восстания широкое распространение получили лозунги «мульк-и падишах» (страна падишаха), «хукумат-и сипах» (управление сипаев).

Отдельные идеологи восстания, выступившие вначале с позиций «феодалного национализма», поднялись над узкоклассовыми интересами феодалов. Их общественно-политические взгляды отразили сложные и противоречивые процессы, происходившие в индийском обществе в середине XIX в. Они испытали влияние антифеодалных устремлений народных масс и интересов отдельных групп поднимающегося купечества. Они выступили выразителями общенародного стремления к освобождению от колониального господства, и в этом отношении их взгляды имели глубоко прогрессивное значение. Однако ни лозунгов уравнительного распределения земли, ни идей социального и имущественного равенства в ходе восстания не появилось.

В противоположность этому идеология руководителей и участников массовых, народных движений в тех странах, где еще не было установлено политическое господство колонизаторов, носила ярко выраженный антифеодалный характер (учение бабидов и тайпинов).

В основе учения созданного Хун Сю-цюанем религиозного общества «Байшандихуэй» лежала утопическая идея «равенства сынов божьих». Она противопоставлялась сложной словесной регламентации конфуцианства, закреплявшей подчинение низших сословий высшим. Тайпины идеализировали военизированную патриархальную общину, выступали за соединение в одних руках религиозных, военных и гражданских функций, объявили службу в народном ополчении и труд на благо общины священной обязанностью тайпинов.

Идеология тайпинов сохраняла черты средневековых сектантских учений, прежде всего проповедь строгого аскетизма и отказа от мирских радостей. Много общего было у нее и со средневековым мессианством. Хун Сю-цюань называл себя младшим братом Христа, призванным установить божье царство на земле и дать новое истолкование религиозным законам применительно к новому времени и условиям Китая. Проповедь Хун Сю-цюаня облечена в форму призывов к восприятию христианства. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в том, что учение тайпинов в противоположность другим крестьянским антифеодалным идеологическим течениям, имевшим форму мусульманских, буддийских и индуистских ересей, не было враждебно европейской культуре. Идеологи тайпинов

признавали достижения европейской цивилизации, допускали возможность связей и торговли с европейцами и осуществляли это на практике. Идеологию тайпинов нельзя, таким образом, рассматривать только как новую форму антифеодальных средневековых крестьянских ересей и проявление консерватизма крестьянского мировоззрения и крестьянской психологии. В ней зрели уже элементы нового.

Наиболее полное отражение настроения торгово-ремесленных городских слоев тех стран, которые в первой половине XIX в. превращались в полукolonии западных держав, нашли в идеологии бабидов — руководителей и участников народно-освободительного движения в Иране. Учение бабидов в своей эволюции отразило формирование двух основных направлений антифеодальной и антиколониальной идеологии: умеренной оппозиции купечества и радикальной оппозиции городских низов, объединившейся с антифеодальным движением крестьянства.

Антифеодальное направление общественной мысли приняло в то время в Иране, как и в Китае, форму мессианского учения. Идеи «о конце мира», основанного на несправедливых социальных порядках, и о неизбежности появления мессии, призванного дать новое толкование религиозных законов, предоставляли оппозиционной мысли возможность выйти за пределы некоторых старых представлений. Многие религиозные учения (шиизм, исмаилизм и др.) содержали идею прихода мессии (Махди) в далеком будущем, в день «страшного суда», когда земля будет переполнена страданиями и бедствиями. Мессианские реформаторы XIX в. утверждали, что час настал, гнет и притеснения феодалов переполнили чашу народного терпения, Махди должен появиться, изменить существующие общественные порядки и установить царство справедливости. Реформированный махдизм был в известном отношении своеобразным предтечей буржуазной реформации религии.

Философское учение Баба, изложенное в очень туманной форме в книге «Беян», полно мистики и близко к пантеизму. Его общественные идеалы покоились на идее равенства и братства всех мусульман. Равенство понималось прежде всего как равенство прав, уничтожение сословий и привилегий феодалов. Ни в «Беяне», ни в проповедях Баба не содержалось идеи имущественного равенства и уравнительного распределения земли.

Отдельные последователи Баба (в Мазандеране) пошли дальше своего учителя. Их идеалом было превращение в грядущем царстве справедливости всего имущества в общее достояние и наделение каждого равной долей этого имущества (независимо от того, шла ли речь о земле, деньгах или товарах). «Идите и возьмите все, что найдете во дворах шах-

ских и великолепных палатах светских и духовных вельмож, в сундуках ваших тиранов, — все ваше. После этого и все царство земли будет ваше», — говорилось в обращениях бабидов к народу.

Однако почти одновременно с радикальным течением бабидской идеологии стало складываться и ее умеренное направление, вошедшее в историю общественной мысли Ирана под названием бехаизма.

Преемник Баба — Мирза Хусейн Бехаулла, сын шахского министра, выступил против воинствующего духа бабидской идеологии. В противоположность идеологам городских низов он был против вооруженной борьбы, проповедуя смирение, непротивление злу, моральное перевоспитание людей. Эти идеи отразили не только настроения крупного купечества, но и то состояние уныния и растерянности, которое царило в народе в связи с жестоким подавлением разрозненных бабидских восстаний, не ставших массовой крестьянской войной. «Лучше быть убитым, чем убивать», — убеждал своих последователей Бехаулла. Он проповедовал равенство всех людей, их «равное право на плоды земли», но в то же время, признавая неприкосновенность всех видов собственности, по существу защищал и оправдывал неравномерное распределение этих плодов. Он дал также более широкое философское толкование многим догматам ислама. Это было одной из первых попыток реформации, модернизации шиизма применительно к новым условиям. Бехаизм получил сравнительно широкое распространение в Иране (хотя и был там официально запрещен) и нашел последователей даже в странах Западной Европы и Америки.

Бехаулла, призывая к веротерпимости и братству, видел их воплощение в создании мирового космополитического государства с единым языком.

Интересы нарождавшейся буржуазии нашли отражение в той или иной степени в различных антиколониальных и антифеодальных идеологических течениях первой половины XIX в. Однако, поскольку буржуазные элементы были очень слабы, самостоятельного буржуазного течения в общественной мысли большинства стран Востока еще не было. Это не исключало тем не менее того, что передовые представители интеллигенции уже выступали с позиций буржуазного просветительства и буржуазной реформации веры. Идеи буржуазного просветительства оказали определенное влияние на представителей турецких образованных кругов, идеологов танзимата (реформ) в Турции 30—40-х годов. Хотя турецкие реформаторы ставили целью прежде всего укрепить власть султана, их взгляды отразили также отдельные буржуазные веяния (стремление к обеспечению неприкосновенности личности и имущества, при-

знание тяжелого положения народа, злоупотреблений феодалов и т. п.).

Серьезные сдвиги в том же направлении происходили в начале XIX в. и в общественной мысли Китая.

В Китае в 1830 г. образовался небольшой кружок прогрессивной интеллигенции, интересовавшейся положением в мире за китайскими пределами и выступавшей за запрещение торговли опиумом. Из этого кружка вышли известный Линь Цзэ-суй и Вэй Юань — автор книги о современных ему передовых западных странах. В книге проводилась мысль о вреде политики изоляции. Сочинение Вэй Юаня оказало большое влияние на интеллигенцию других «закрытых» для европейцев стран — Японии, Кореи.

Самое полное отражение новые буржуазные веяния нашли, однако, в Индии в идеологии Рам Мохан Рая, бенгальца по национальности. Рам Мохан Рай — один из наиболее оригинальных мыслителей Индии первой половины XIX в., которого соотечественники нередко называют «отцом современной Индии».

В основе его религиозно-реформаторских и общественно-политических воззрений лежали просветительские идеи. Так, реформация индуизма, выступавшая у него в форме возрождения веры, направлена по существу на преобразование общественных отношений. Рай выступал против тех установок господствующей религии, которые, по его словам, «были вредны для жизни общества» (кастовой системы, изуверского обычая самосожжения вдов, влияния духовенства на образование). Он был сторонником рационалистической интерпретации религии, которую хотел подчинить патриотической идее единения индийцев. «Нынешняя система религии, которой следуют инду-сы, не рассчитана должным образом на то, чтобы содействовать их политическим интересам, — писал он. — Я считаю, что необходимо некоторое изменение в их религии, по крайней мере ради их политических интересов и общественного благополучия». Он отстаивал необходимость социальных преобразований, требовал ограничения феодальной эксплуатации, развития предпринимательской деятельности, введения буржуазного права и буржуазного образования.

Мировоззрение Рая было враждебно феодальной идеологии и отражало стремление поднимающегося класса покончить с феодальными привилегиями и утвердить свое собственное положение в обществе. С этим в значительной степени связано и двойственное отношение первых буржуазных идеологов к колониальному господству. Рай и его единомышленники не были апологетами английской колониальной системы. Они, по словам Рая, «испытывали чувство глубокого отвращения к установившейся английской власти», и им не были чужды меч-

ты о будущей независимости. Тем не менее, боясь восстановления прежних феодальных порядков, они рассматривали английское правление, покончившее с монополией феодалов на власть и с феодальной замкнутостью Индии, как наименьшее зло. Они надеялись, что верховное владычество буржуазной нации принесет Индии буржуазные порядки, и считали целесообразным сохранение этого владычества в течение определенного периода.

В силу всех этих причин, в то время как идеологи «феодального национализма» первой половины XIX в. выступали за непримиримую борьбу против господства колонизаторов во имя восстановления доколониальных порядков, первые буржуазные просветители оправдывали иностранное господство во имя освобождения от этих феодальных порядков.

В результате «феодальный национализм» сохранял серьезное влияние на мировоззрение широких слоев населения в течение сравнительно длительного периода после зарождения и развития первых идей буржуазного просветительства, а буржуазная идеология даже в наиболее развитых странах Азии стала ведущим направлением общественной мысли только с последней четверти XIX в.

Осуждение колониальной экспансии прогрессивной европейской общественностью

Множество фактов свидетельствует, что ни в какой период истории нельзя отождествлять «подвиги» колонизаторов с действительными интересами и желаниями европейских народов. Естественное отвращение простого труженика любой национальности к грабегам и убийствам почти не отражено письменными источниками в первые века колониальной экспансии. Народные массы Европы сами еще не принимали тогда активного и сознательного участия в жизни общества. Религиозный фанатизм, национальные предрассудки, заботы о повседневном заработке давили на сознание многих миллионов людей, которые вдобавок были подчас просто не осведомлены о событиях в далеких краях. Опираясь на гуманистические традиции европейской культуры, протест против насилий и бесчинств по отношению к другим народам выразили сначала представители передовой интеллигенции.

Даже в Испании, начавшей колониальную агрессию, в стране, где ненависть и презрение к «язычникам», как казалось со стороны, безраздельно господствовали над эмоциями и мыслями населения, имелись теологи и юристы, которые не одобряли насилий конкистадоров. Искренне сочувствовал страданиям индейцев Америки Бартоломе де Лас Касас, труды кото-

рого были изданы в нескольких странах Европы. В XVIII в. активно выступали против рабства богословы Франсуа-Ксавье и Хосе Кампильо де Косио. Хотя произведения этих авторов, как и Лас Касаса, получили большую огласку, их выступления оставались мужественной борьбой одиночек.

Однако католическая церковь была заинтересована в том, чтобы несколько смягчить эксплуатацию населения колоний, не допустить полного вымирания своей паствы. Трезвый экономический расчет, а также восстания в колониях и агитация испанских просветителей привели к тому, что в конце XVIII в. испанское правительство попыталось законодательным порядком немного облегчить положение рабов в своих колониях.

Когда Англия и Франция вступили на путь колониальной экспансии, их общество находилось уже на более высокой степени развития, чем испанское, поэтому там отклик на колониальные проблемы был сильнее и сложнее. Великий французский философ Вольтер в «Очерке о нравах и духе народов» (1740) отказался от европоцентристских теорий, от идеи «избранных богом» народов. Он хотел определить специфический вклад каждого народа в мировую культуру. Вольтер высказал ряд глубоких мыслей о цивилизации Индии, Китая, арабов. Он обращал внимание на жестокость плантаторов по отношению к рабам. Хотя Вольтер идеализировал общественный и государственный строй восточных империй и не все факты, приведенные им, оказались достоверными, традиция уважения к неевропейским народам оказала огромное влияние на развитие общественной мысли. Аббат Рейналь продолжил дело Вольтера, критикуя систему рабства как с моральной, так и с экономической точки зрения. Американец Франклин, русский Радищев, гаитянин Туссен-Лувертюр, парагвайский революционер Франсиа зачитывались книгой Рейналя «История обеих Индий». Эти выступления явились естественным порождением глубокого интереса европейского общества XVII—XIX вв. к проблемам Востока, интереса, который разделяли Д. Дидро, Ш. Монтескье, И. Лейбниц, И. Гёте, Н. Новиков, Д. Фонвизин, А. Смит, Р. Джонс.

Для общественного мнения Англии и Франции XVIII — начала XIX в. колониальная проблема была прежде всего проблемой работорговли по нескольким причинам. Рабство — самая грубая и жестокая форма извлечения прибавочного продукта. Эксплуатация рабского труда и торговля невольниками были одним из важнейших, а может быть, и самым важным источником дохода небольшого числа европейских торговцев-монополистов и связанной с ними аристократии. Тема рабства была одной из основных в дискуссиях, предшествовавших Французской революции конца XVIII в. Выдающиеся мыслители и политические деятели Кондорсе, Лафайет, Мирабо.

Сийес, Робеспьер организовали за год до революции «Общество друзей чернокожих», которое вступило в связь с английскими аболиционистами — сторонниками отмены рабства.

Война за независимость Соединенных Штатов Америки (1776—1782 гг.), являвшаяся в то же время буржуазной революцией, была первым примером совместной борьбы людей с разным цветом кожи за свободу, но, несмотря на активное участие американских негров в войне за независимость, в молодой заокеанской республике сохранилось рабство негров.

Французские революционеры оказались более последовательными и принципиальными. 3 февраля 1794 г. Конвент провозгласил отмену рабства во Франции и ее колониях. «До сих пор мы декретировали свободу как эгоисты, только для нас самих. Но сегодня мы провозглашаем ее перед лицом вселенной!» — заявил на заседании Конвента Дантон. «Пусть погибнут колонии, если из-за них вы должны потерять свою честь!» — воскликнул Робеспьер. Конвент принял меры к реализации декрета. Комиссары революционной Франции Сантон и Лаво поддержали советами и материальной помощью революцию рабов на о-ве Гаити под руководством Туссен-Лувертюра. Наполеон, отнявший свободу у французов, восстановил рабство во французских колониях (1802 г.) и лишь в 1819 г. рабство во французских владениях было окончательно отменено. Центр борьбы против рабства переместился в Англию.

Сочувствие народам колоний и аболиционизм в Англии имеют глубокие истоки. Первые протесты против рабства прозвучали там в 60-х годах XVII в. Против работорговли выступал Даниель Дефо (памфлет «Улучшение нравов»), колониальные захваты клеймил Джонатан Свифт. Робертом Бернсом написана «Песня раба-негра» (перевод С. Маршака):

В милом знойном Сенегале в плен враги меня забрали
И отправили сюда за море синее.
И тоскую я вдали от родной своей земли
На плантациях Виргинии, Виргинии...

Томас Кларксон (XVIII в.) длительное время записывал рассказы матросов невольничьих кораблей, собрал значительные документальные материалы. Им написаны работы, раскрывающие ужасы работорговли. Кларксон организовал выставку африканского искусства и ремесла, разоблачал измышления расистов о неполноценности негров. Томас Кларксон, Грэнвил Шарп, Уильям Уильберфорс организовали в 1787 г. «Общество за отмену работорговли в Африке», которое издавало памфлеты и исследования по вопросам невольничества, проводило многочисленные митинги. Уильберфорс, избранный членом палаты общин, семнадцать лет подряд ежегодно пред-

лагал закон об отмене рабства, который был наконец принят в 1806 г.

Победу принесли не только энергия и мужество аболиционистов. Отмена рабства обуславливалась прежде всего кризисом плантационного хозяйства, основанного на труде невольников, развитием капиталистических отношений в колониях. Кроме того, сыграли роль и политические факторы. Некоторые руководители Англии рассматривали отмену рабства как удар по США, где рабовладение было широко распространено. Отмена рабства в Англии не стала концом колониализма. Это был крах только одной из варварских его форм.

Значительным эпизодом антиколониальной борьбы было дело Уоррена Хэйстингса, генерал-губернатора Индии, который превзошел своих предшественников подлостью, жестокостью и жадностью. Демократическая оппозиция потребовала привлечения Хэйстингса к суду. Описание его преступлений заняло 460 страниц. На процессе присутствовала королевская семья, министры. Окружающие улицы заполнились возмущенным народом. Здание парламента, где шел суд, было окружено войсками. Обвинитель Эдмунд Борк заявил: «Я обвиняю его именем английского народа, древнюю честь которого он запятнал. Я обвиняю его именем народа Индии, права которого он попирает ногами и отчизну которого он обратил в пустыню». Известный драматург Шеридан назвал британское управление Индией «системой угнетения, коррупции, обмана, продажности и вероломства». Поэт Уильям Купер писал:

Вор, пойманный у нас, идет на эшафот,
Но безнаказан вор, что в свой тугой кошель
Индийские сокровища кладет.

Тем не менее палата лордов оправдала Хэйстингса.

Критика насилий колонизаторов в XVII—XVIII вв. имела в основном характер морального осуждения. Если прибегали к экономическим аргументам, то это была апелляция к интересам буржуа. Многие политические деятели, критиковавшие колониализм, вовсе не были демократами. Тот же Уильберфорс был противником выступлений английских рабочих за свои права. И все же сочувствие и симпатии передовой общественности к людям иной культуры, иного цвета кожи, возникшие в те годы, подготавливали условия подлинного, не насильственного сближения народов, до которого, конечно, в то время было еще очень далеко.

В Англии действовали в этот период также организации революционно-демократической эмиграции. «Международный комитет», членами которого были как англичане, так и эмигранты из различных стран Европы (французы, немцы, итальян-

яны, русские, поляки, венгры, испанцы), провел ряд митингов протеста против пиратского нападения Англии на Китай и Иран в конце 50-х годов XIX в. На первом митинге резолюцию с требованием «союза народов на основе общих интересов» внес А. И. Герцен. В середине XIX в. в Англии выработалось новое, гораздо более глубокое понимание колониальной проблемы. Буржуазные филантропы, удовлетворенные наладившейся «нормальной» эксплуатацией колоний, к этому времени почти замолкли. Знамя защиты прав народов колоний начало переходить к организованному рабочему движению.

Наиболее последовательными в то время защитниками народов Азии и Африки были английские чартисты. Их журнал «Чартист серкьюлер» писал (1841 г.): «Как часто приходится нам слышать напыщенное, но глупое хвастовство насчет того, что солнце никогда не заходит над безграничной Британской империей... Действительно, к сожалению, слишком справедливо утверждение, что на земном шаре нет ни одного уголка, где бы Британия не водрузила своего обагренного кровью знамени и не вонзила своих жадных клыков, где население не было бы поработщено и подвергнуто варварскому обращению, — все это ради чести, достоинства и независимости. Из всех низких и бессовестных обманов, которыми столь долго и безнаказанно дурачили несчастные и доверчивые массы, по нашему искреннему убеждению, ложь о колониях — одна из самых чудовищных и самых наглых».

Деятель английского рабочего движения Эрнст Джонс, друг Маркса и Энгельса, в тюрьме создал свое крупнейшее поэтическое произведение — «Восстание Индостана». В предисловии он также писал: «Над колониями Британской империи никогда не заходит солнце, и земля их никогда не просыхает от крови».

Газета «Пиплз пейпер», редактируемая Джонсом, завела рубрику «Наши колонии», из номера в номер разоблачая заокеанский разбой правящих классов. На одном из чартистских митингов солидарности с индийским народом во время национального восстания в Индии 1857—1859 гг. Эрнст Джонс заявил:

«Англичане! Индийцы борются сейчас за то, что является самым священным для человека. Их дело так же справедливо и священо, как дело поляков, венгров, итальянцев и ирландцев... Вас, люди Англии, призовут проливать кровь и приносить жертвы для разгрома одного из самых благородных движений, которые когда-либо знал мир... Сograждане! У вас есть более благородная задача, нежели участвовать в уничтожении чужих свобод, а именно — бороться за свои собственные свободы».

Когда отмечалось столетие восстания в Индии, современный английский историк-коммунист Джеймс Брайн имел полное право сказать: «Теперь, в столетнюю годовщину восстания, следует вспомнить, что английский рабочий класс не молчал в тот скорбный час».

Чартисты протестовали против колониальных войн в Китае, Афганистане, Южной Африке, связывали задачи борьбы против колониализма с борьбой за свободу в самой Англии.

Движение английских рабочих в первой половине XIX в. охотно принимало в свои ряды негров и мулатов, проживавших в Англии. Некоторые из них — Уильям Дэвидсон, Уильям Кэффи (член чартистского конвента) — вошли в число лидеров английских трудящихся. С этого времени люди разного цвета кожи начинают совместную борьбу уже не только вообще за демократические свободы, но и за права трудящихся.

Во Франции середины XIX в. в рабочем движении долгое время господствовали прудонисты, которые «*во имя* доктринерски-понятой социальной революции... отмахивались от национальных движений» *, — как писал В. И. Ленин спустя полвека, разоблачая недооценку национального вопроса в рядах социал-демократии. Тем не менее французский народ возмущался «подвигами» колонизаторов в Алжире. Даже парламентская комиссия, побывавшая в Алжире и состоявшая отнюдь не из демократов, была вынуждена признать: «В своем варварстве мы превзошли тех варваров, которых пришли приобщить к цивилизации».

Республиканская и демократическая оппозиция резко критиковала внешнеполитические авантюры. Газета «Курьер дю диманш», редактируемая Огюстом Верморелем (будущим участником Парижской коммуны), писала, что 2-я «опиумная» война принесет народу новые расходы, а солдатам — лишения, а также ненависть и презрение китайцев. В одной из республиканских листовок, распространявшихся в Париже, говорилось: «Солдаты, на вас надели форму, чтобы душить китайцев и жителей Кохинхины».

Виктор Гюго писал о разрушении англо-французскими войсками летнего дворца Юаньминьань: «Художники, поэты, философы знали летний дворец... Это был потрясающий, несравненный шедевр, который рисовался вдалеке в каких-то таинственных сумерках, словно силуэт азиатской цивилизации на горизонте цивилизации европейской. Это чудо исчезло».

Прогрессивные круги Франции разоблачали также английскую политику в Индии. Поэт французской демократии Огюст

* В. И. Ленин, *Итоги дискуссии о самоопределении*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 40.

Барбье воспевал в 1837 г. Типу Султана, сумевшего нанести ряд сильных ударов англичанам, которым

Дорогу в Индию пробили меч и порох,
Секира палача и вероломный нож,
И лицемерная, расчетливая ложь.

Многочисленны были выражения сочувствия национальному восстанию в Индии. Итальянский журналист Антонелли в газете «Эстафет» отметил народную демократическую тенденцию в восстании. Он первый обратил внимание на роль панчаятов (которых называл «коммунами»), отметил значение философских идей Рам Мохан Рая.

В России революционные демократы также выражали свои симпатии к восставшим. Им принадлежит заслуга в распространении достоверной информации о борьбе индийского и китайского народов, ими дана глубокая оценка происходивших событий.

Перепечатывая в журнале «Современник» выступление английского парламентария Брайта против вмешательства в китайские дела, Н. Г. Чернышевский выражал осуждение планам интервенции России в Китае.

Соратник Чернышевского революционный демократ Н. В. Шелгунов писал: «Европейское вмешательство не может не принести огромного вреда Китаю. Поддерживая то, что поддержать невозможно, Европа только тормозит его на пути развития и мешает собственному прогрессу... Не поблагодарит Китай Европу за его теперешние уроки политической мудрости». Н. А. Добролюбов выступил в «Современнике» с знаменитой статьей «Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии», где писал об индийском народе: «Он восстал потому, что увидел, наконец, зло в самой организации английского управления». Несмотря на систематическую дезинформацию общественного мнения Европы, ему было ясно, что «у Англии все-таки конечною целью была государственная и частная корысть, а не дело цивилизации». А. И. Герцен выражал возмущение по поводу того, что «умеренная, чопорная, черно-желтая „Аугсбургская газета“ перещеголяла дикий звериный язык „Таймса“, требовавшего крови и убийств в Индии, хладнокровно говоря, что это не люди, что индийцев надобно истреблять гуртом, «для того чтобы поколения и поколения помнили и рассказывали бы с ужасом детям, что значит не принимать образования».

С XVIII в. в Европе появились герои-одиночки, сражавшиеся за независимость другого народа. Эту традицию начали добровольцы, служившие в американских войсках в войне США за независимость. Ее продолжили великие писатели

Байрон и Стендаль, сражавшиеся за свободу Греции и Италии. К середине XIX в. появились «профессиональные» рыцари, защищавшие свободу народов. Таковы парижские коммунары Гюстав К्लюзере, в прошлом гарибальдиец, осужденный на смерть английским судом за помощь ирландским фениям, южанами США — за службу генералом в войсках северян, а версальцами — за руководство Национальной гвардией Парижской коммуны; Гюстав Флуранс, в 1863 г. отправившийся на помощь восставшей Польше, затем — участник восстания Крита против Турции, раненный в бою, а в дни Парижской коммуны — командир одного из ее отрядов, взятый в плен и зарубленный версальским офицером. Еще до поездки в Польшу Флуранс опубликовал свой курс лекций, читанных им в университете Тулузы — «История человеческих рас», где разоблачал расистскую идеологию. Во время пребывания в Турции он написал серию статей под названием «Восток и всеобщая справедливость», где призывал к дружбе народов Азии и Европы.

Выдающимся защитником угнетенных был голландец Эдуард Деккер, издавший в 1860 г. роман «Макс Хавелаар, или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества» под псевдонимом Мультипули (в переводе с латинского — «Многострадальный»). Книга Деккера, крупного чиновника на Яве, произвела огромное впечатление ужасающими картинами колониального гнета. Деккер вспоминал впоследствии, что готов был возглавить восстание индонезийцев против Голландии и только сознание неотвратимости поражения после «двух дней торжества» и нежелание новых жертв удержали его.

Англичанин Аугуст Линдлей под псевдонимом Лин Ли служил в тайпинской армии, был одно время начальником ее артиллерии; он написал книгу о тайпинах. Линдлей сочувствовал борьбе всех угнетенных народов. В 1873 г. он издал новую книгу, в защиту Оранжевой республики, подвергавшейся английской агрессии. Жизнь этого человека еще не изучена, как совершенно не известны и биографии иностранцев, сражавшихся в армии суданских повстанцев — махдистов: австрийца Александра Ингера, французов Оливье, Пена.

Герои-одиночки и группы гуманистов, сочувствовавшие угнетенным народам Востока, были не в состоянии указать этим народам путь к освобождению, так как не опирались на знание законов общественного развития, на сознательную поддержку передового класса современного общества — пролетариата.

Положение изменилось лишь с ростом борьбы рабочего класса индустриально развитых стран за преобразование всего общественного строя, с возникновением марксизма.

Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса по национальному и колониальному вопросам. I Интернационал и Восток

Вторжение капитализма в страны Востока и подъем национально-освободительного движения привлекали пристальное внимание основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса.

Поразительны разнообразие и широта охвата проблем, по которым Маркс и Энгельс высказывали свои замечания. Формы и методы колониальной эксплуатации; первоначальное накопление капитала; объективная роль промышленного капитализма в отсталых странах; характер и особенности движений угнетенных народов; связь процессов, происходящих на Востоке, с процессами в странах Европы и во всем мире; община, ее происхождение, развитие и будущее; проблема некапиталистического пути — все эти и многие другие проблемы трактуются Марксом и Энгельсом в их крупных произведениях, в статьях для газет и журналов, в обширной переписке. Ряд важных мыслей высказан о национальном вопросе в Ирландии, Польше, Венгрии, Италии, Германии.

При жизни Маркса и Энгельса еще не сложилась мировая империалистическая система. Но колониальная система эпохи первоначального накопления капитала уже находилась в процессе трансформации. Прямой грабеж и истребление народов, работорговля и применение рабского труда постепенно заменялись другими по форме, но не менее мучительными для масс методами эксплуатации. Маркс и Энгельс на примерах деятельности колонизаторов в Индии, Китае и других странах показали, что войны за открытие новых рынков, применение самых жестоких средств, разорение непосредственных производителей типичны для эпохи промышленного капитализма.

Внимание Маркса и Энгельса привлекла синхронность экономических процессов, происходивших в ряде стран Азии и, как следствие, синхронность народных движений в середине XIX в. против чужеземных поработителей и изжившей себя социально-экономической структуры. Маркс и Энгельс уделили много внимания крестьянской войне в Китае, национальному восстанию в Индии, проанализировали их причины и движущие силы, выявили сильные и слабые стороны, место и роль в общечеловеческом развитии, дали им оценку с позиций пролетариата. В то же время Маркс и Энгельс отметили первые, тогда еще слабые признаки обратного воздействия процессов, происходящих на Востоке, на судьбы капитализма в Европе.

Маркс и Энгельс неустанно призывали, в частности в своих статьях и высказываниях по ирландскому вопросу, к интер-

национальной солидарности трудящихся угнетенной и угнетающей наций: «Угнетенные классы Англии и Ирландии либо будут вместе бороться и вместе побеждать, либо должны будут и впредь вместе изнывать под бременем одинакового гнета и нужды, одинаковой зависимости от привилегированного и господствующего класса капиталистов» *.

О господстве английских колонизаторов в Индии Маркс писал: «Для характеристики этого господства достаточно сказать, что пытка была неотъемлемой частью английской финансовой политики. В истории человечества существует нечто вроде возмездия, и по закону исторического возмездия его орудие выковывает не угнетенный, а сам же угнетатель» **.

«Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство,— указывает Маркс,— предстают перед нашим взором в обнаженном виде, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она выступает без всяких покровов» ***.

Маркс и Энгельс развенчивали миф о благах, которые якобы несла на Восток пресловутая западная буржуазная цивилизация. Маркс, анализируя результаты вторжения английского капитала в Индию, отмечал, что оно привело к развитию капиталистических отношений в этой стране, хотя **придало этим отношениям характер однобокий, колониальный**. Развитие производительных сил Индии, связанное со вторжением иностранного капитала, само по себе не могло, по мнению Маркса, принести индийскому народу освобождение. «Все, что английская буржуазия будет, вероятно, вынуждена осуществить в Индии, не принесет свободы народным массам и не улучшит существенно их социального положения, ибо и то и другое зависит не только от развития производительных сил, но и от того, владеет ли ими народ». Индия не будет пользоваться плодами своего развития, «пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом, или пока сами индийцы не станут достаточно сильными, чтобы навсегда сбросить с себя английское иго» ****.

Энгельс писал: «Чтобы обеспечить международный мир, прежде всего должны быть устранены все излишние поводы

* Ф. Энгельс, *Фергюс О'Коннор и ирландский народ*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 4, стр. 402.

** К. Маркс, *Индийское восстание*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 296.

*** К. Маркс, *Будущие результаты британского владычества в Индии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 229.

**** Там же, стр. 228—229.

к национальным трениям; каждый народ должен быть независимым, быть хозяином в своем доме» *. При всем этом Маркс и Энгельс считали, что рабочий класс меньше всего может создать себе фетиш из национального вопроса. Отсюда их строго критическое отношение к проблеме национально-освободительных движений, рассмотрение ее всегда в конкретном историческом свете. Национальный вопрос был для них частью, хотя и важной, но все же подчиненной, более существенного вопроса о судьбах капитализма, о борьбе и победе пролетариата. Маркс и Энгельс рассматривали оба эти вопроса с позиций интернационалистов, с точки зрения пролетарских революционеров.

Позднее Ленин в полемике с Розой Люксембург и ее последователями развил мысль Маркса и Энгельса, что интересы отдельной нации в конечном счете должны подчиняться интересам большинства человечества. «Но не можем же мы стоять за войну между великими народами, за избиение 20 миллионов людей ради проблематического освобождения маленькой нации, может быть, состоящей из 10—20 миллионов населения»! — цитировал Ленин своих оппонентов и отвечал: «Конечно, не можем. Но не потому, что мы выкидываем из своей программы полное национальное равенство, а потому, что интересы демократии *одной* страны надо подчинять интересам демократии *нескольких и всех* стран» **.

В уставе созданного Марксом и Энгельсом Международного товарищества рабочих (I Интернационала) содержалось важное положение:

«Все вступившие в него (в Интернационал.— *Ред.*) общества и отдельные лица будут признавать истину, справедливость и нравственность основой в своих отношениях друг к другу и ко всем людям, независимо от цвета их кожи, их верований или национальности ***.

Деятельность Интернационала оказала влияние на развитие пролетарской интернационалистической идеологии в рядах европейского и североамериканского рабочего класса. Левые чартисты во главе с Э. Джонсом, еще до создания Интернационала решительно выступавшие против колониальной агрессии, стали членами Интернационала.

Инициаторы создания Интернационала, стремясь сконцентрировать усилия еще сравнительно малочисленных групп и организаций, принявших идеи научного коммунизма, отметили

* Ф. Энгельс, *Роль насилия в истории*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 422.

** В. И. Ленин, *Итоги дискуссии о самоопределении*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 43.

*** «Генеральный совет Первого Интернационала 1870—1871. Протоколы», М., 1965, стр. 359.

в уставе, что «освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество» *. Оговорка по поводу «современного общества» указывала главную цель, но не означала, что Интернационал устраняется от работы в тех странах, где капиталистическое общество еще не сложилось. Так, на заседаниях Генерального совета Международного товарищества рабочих 15 и 29 августа 1871 г. секретарь Генерального совета Джон Хейлз огласил письмо из Калькутты от проживавших там англичан, в котором запрашивались полномочия на создание секции Первого Интернационала в Индии.

В письме сообщалось, что среди народа существует серьезное брожение и английское управление вызывает всеобщее недовольство, налоги весьма обременительны, доходы идут на содержание дорогостоящей бюрократической системы; мотовство правящих классов находится в кричащем противоречии с бедственным положением рабочих, труд которых создает богатства, расточаемые подобным образом; принципы Интернационала привлекут к нему народные массы, когда будет создана секция. Генеральный совет поручил секретарю порекомендовать авторам письма создать секцию Интернационала, но при этом указать им на необходимость вовлечения в Международное товарищество рабочих представителей коренного населения Индии **.

Во втором письме из Индии снова сообщалось об интересе к Интернационалу, о том, что его деятельность в Индии будет означать для нее начало новой эры, повлечет за собой большие революционные сдвиги, чем все предшествовавшие события ее истории. Интернационал — такая организация, которая полностью отвечает чаяниям рабочего класса Индии. Он разрушит кастовый строй, этот страшный бич, и уничтожит неравенство людей с разным цветом кожи, разными религиозными убеждениями, являвшееся в прошлом бесконечным источником разногласий и ненависти. Он объединит соперничающие расы и секты в единое целое и поможет рабочим завоевывать свои права ***. Сохранились не сами письма, а лишь их пересказ в протоколе Генерального совета, неизвестны даже фамилии авторов. Маркс гордился письмами из Индии как проявлением растущего международного авторитета Интернационала.

Антиколониальные заявления делали и национальные секции Интернационала. Так, его Парижская федерация в 1870 г.

* Там же, стр. 358.

** Там же, стр. 192.

*** Там же, стр. 408.

выпустила обращение к французам, в котором, разоблачая политику Наполеона III, напоминала: «Империя, не довольствуясь тем, что угнетает вас налогами, отнимает у вас еще ваших сыновей, вашу единственную опору, чтобы усеять их трупами земли Сирии, Коксинхины, Мексики» *.

Бельгийская газета «Интернациональ», орган секции Интернационала, перепечатала прокламацию тайного китайского общества «Тяньдихуэй»: «Откуда происходит богатство власть имущих? Исключительно из труда и пота множества людей! Солнце с его ласковыми лучами, земля с ее неисчерпаемыми богатствами, сам мир с его радостями — все это общее достояние, которое следует отобрать у немногих, чтобы отдать каждому обездоленному его часть». По поводу этой прокламации газета писала: «Если отвлечься от некоторой склонности к мистицизму, характерной для азиатских народов, разве не подписался бы под этим манифестом обеими руками любой член Интернационала? Разве это не то же сочувствие к страданиям народа, не те же желания, не те же надежды? Все совпадает, вплоть до совета не ускорять события. Так чего же не хватает, чтобы это братство вступило в Интернационал? Только счастливого случая, который свел бы какого-либо члена братства с Генеральным советом. Мы обязываем тех из наших друзей, кому удалось бы установить связь с Индией или Китаем, не упускать ни малейшей возможности попытаться устроить это счастливое сближение».

«Счастливое сближение» произошло лишь через полвека. В начале XX столетия Ленин заявил, что «у европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи» **. В середине XIX в. распространение марксистских интернационалистических идей среди рабочего класса делало только первые шаги, практическое сотрудничество между борющимся пролетариатом Европы и народами Азии и Африки, сражающимися за независимость, не было налажено. Парижская коммуна не выразила прямо своего отношения к колониальному вопросу, а одновременно возникшая в Северной Африке Алжирская коммуна не была связана с освободительным движением алжирского народа. Сосланные в Новую Каледонию парижские коммунары братски встретились на каторге с осужденными арабами из Алжира.

Как писал Ж. Дюкло, «те и другие могли, таким образом, на собственном опыте убедиться, что у них общие враги и что они должны, следовательно, сражаться против них плечом к плечу, как братья».

* «Парижская Коммуна», т. I, М., 1961, стр. 90—91.

** В. И. Ленин, *Горячий материал в мировой политике*, — Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 179.

Феодалный этап национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки

Капиталистическая экспансия в Азии и Африке имела с самого начала двойкие, глубоко противоречивые последствия для социально-экономического развития стран Востока. С одной стороны, она препятствовала прогрессивному развитию народов Востока, разрушала их экономику, высасывала из нее соки; с другой стороны, иностранный капитал, подрывая основы феодальной экономики, объективно создавал условия, содействовавшие развитию в странах Азии и Африки элементов национального капитализма. В первой половине XIX в. даже самые передовые из восточных стран оставались на стадии феодального строя. Влияние международного капитализма сказалось на этих феодальных государствах в разной степени.

Ответом на колониальную экспансию стали освободительные движения в странах Азии и Северной Африки в 20—50-х годах. В колониальных и порабощенных колониализмом странах эти движения — одни непосредственно, другие в конечном счете — были борьбой за национальный суверенитет, против колониального гнета. Антиколониальные движения второй трети XIX в. на Востоке следует охарактеризовать как национально-освободительные.

Экспансия капиталистических держав в Азии ускорила формирование наций и политическое сплочение в азиатских странах. Промышленный капитализм, выросший в Западной Европе, накладывал отпечаток на развитие не только стран, уже превращенных им в колонии, но и стран, становившихся объектом колониальной экспансии. Влияние передовой экономики и передовых идей вопреки воле колонизаторов также распространялось из Западной Европы на Восток, ускоряя созревание антиколониальных сил. Борьба против иноземной агрессии будила национальное самосознание, патриотические чувства, политическое сознание. Чувство любви к родине, которое существовало веками и тысячелетиями в обособленных от внешнего мира государствах, в годы борьбы против колониализма приобрело особую глубину и важность для сплочения народа, формирования наций.

Отсюда вытекает, что употребление термина «национальный» правомерно не только для стран, в которых уже явственно проявили себя черты нового, капиталистического уклада (из таких в первой половине XIX в. на Востоке можно назвать одну Японию), но и для стран с относительно слабым развитием капитализма, где антиколониальная борьба шла еще в большей или меньшей степени под руководством феодалов или развертывалась стихийно.

В странах, где подспудно шел процесс зарождения капиталистических элементов в экономике и буржуазных национальных связей в обществе, но буржуазии как класса еще не было, национально-освободительная борьба проходила на первых порах под руководством феодалов или племенных вождей. В зависимости от этого ставились конкретные цели освободительных выступлений.

В Индии и на Яве, где феодальные элементы сыграли особенно видную роль, борьба с иностранной агрессией имела целью восстановление феодальных государств, которым нанесли удар колонизаторы. В Афганистане, Алжире освободительное движение переплеталось с процессом складывания народностей, развития их государственности.

В антифеодальных выступлениях укрепление независимости восточных государств объективно могло быть достигнуто внутренними радикальными преобразованиями (примитивные, но прогрессивные по своей сущности стремления бабидских и тайпинских лидеров к царству всеобщей свободы, равенства и справедливости).

Опыт истории показывает, что в процессе переплетения разных форм борьбы, имеющей разную целенаправленность (классовая, национально-освободительная, межфеодальная и т. д.), сравнительно быстро происходит размежевание участвующих в ней сил. Реакционные феодалы приходят к выводу, что их враг номер один — не колонизаторы, а «собственные» народные массы, против которых они и начинают блокироваться с капиталистическими захватчиками. Иностранные капиталисты убеждаются, что им выгодно договориться с социальной верхушкой восточных государств против трудящихся, уступить родо-племенной и феодальной знати некоторую часть добычи, чтобы «в спокойной обстановке» эксплуатировать многомиллионные народные массы.

Так поступили британские колониальные деятели, сохранив в Индии большое число феодальных княжеств, поддерживая правителей против народа, пользуясь ими как удобной ширмой для своей разбойничьей деятельности. Так поступили английские, французские и американские колонизаторы в Китае, оказав помощь Цинской династии против тайпинов.

Освободительное движение середины XIX в. во многих азиатских, африканских государствах против агрессоров завершилось временным поражением. Причины этого, во-первых, кроются в социально-экономической отсталости и связанной с этим военно-технической слабости стран Востока по сравнению с европейскими державами. Передовой для того времени технике патриоты могли противопоставить лишь устаревшее дедовское оружие. Разработанной, отшлифованной на полях наполеоновских войн тактике и стратегии колонизаторов наро-

ды Азии и Африки противопоставляли воинские приемы феодальной эпохи.

Во-вторых, для большей части восточных государств был характерен пестрый, разноплеменный состав населения. Процесс возникновения и сплочения наций, характерный для капиталистической эпохи, еще не охватил страны Востока, находившиеся, как уже отмечалось, на феодальной (а иные и на родоплеменной) стадии развития. Отсутствие национального самосознания давало колонизаторам возможность натравливать одно племя на другое, восстанавливать одну народность против другой, «разделять и властвовать». Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали ловкость британских правящих кругов, которым удавалось удерживать под своей властью Индию руками самих индийцев, с помощью наемных войск.

В-третьих, немалую роль в успехах экспансионистов играло то, что они умело использовали классовые противоречия государств Азии и Африки. Подкуп (в разнообразных формах) феодальной и родоплеменной знати, подачки князьям, раджам, ханам, эмирам, гарантирование для них многих благ под охраной колонизаторов обеспечили последним поддержку влиятельных кругов восточных стран.

В-четвертых, в период, когда капитализм развивался по восходящей линии, общая международная обстановка складывалась не в пользу освободительного движения. До Маркса даже активные революционные борцы мало задумывались над общими проблемами колониальной политики, над значением колониальных владений как важного «тыла» европейской контрреволюции. Сочувствие антиколониальной борьбе, проявленное некоторыми представителями прогрессивного человечества, не оказывало существенного влияния на ход событий. Отсутствие поддержки со стороны передовых стран отрицательно сказывалось на результатах борьбы народов Востока.

Правда, североамериканские колонии Англии получили от европейских государств помощь, немало способствовавшую завоеванию ими независимости. Но там шла речь о поддержке «белыми» «белых», да еще христиан, как и при оказании содействия европейскими державами балканским народам в их борьбе против турецкого господства. В тех же случаях, когда одни колониальные хищники в борьбе с другими предоставляли некоторую поддержку народам Востока, они делали это не ради независимости последних, а для ослабления конкурентов, чтобы занять их место в эксплуатации восточных стран.

Лишь зарождение и развитие марксистской теории и борьба мирового пролетариата за социализм открыли реальные перспективы освобождения зависимых и колониальных стран.

По своим внутренним признакам рассматриваемый период

национально-освободительной борьбы может быть назван «феодальным» или «добуржуазным», но по своему объективному значению он является неотъемлемой частью развития человечества по пути прогресса.

Из всех азиатских и африканских стран, переживавших в середине XIX в. подъем национально-освободительной борьбы, полностью сохранить независимость удалось одной Японии, ставшей на путь прогрессивного в то время капиталистического развития.

ОТ ФЕОДАЛЬНОГО К БУРЖУАЗНОМУ ЭТАПУ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

Национально-освободительное движение и буржуазная революция в Японии

Последней страной в Азии, на которую повели наступление колониальные державы, была Япония — страна, замыкающая Азию на Востоке.

Расположенная на островах Япония издавна имела широкие морские связи с другими странами Азии. В то же время островное положение спасало Японию от опустошительных нашествий кочевников, от которых страдал ее ближайший сосед — Китай.

Экспансия европейских держав вызывала в Японии опасения подвергнуться той же участи, что Филиппины, Ява, Суматра.

Правительство победившей в 1600 г. феодальной коалиции, возглавляемой домом Токугава, запретило в 1636—1638 гг. покидать кому бы то ни было страну и строить крупные корабли для дальнего плавания. Началась самоизоляция Японии. Целью такой политики правительства было подорвать позиции южных феодалов, связанных торговлей с европейцами и оппозиционных центральной власти, пресечь деятельность европейцев, снабжавших южные кланы оружием и распространявших в Японии христианство. После провозглашения политики изоляции сохранилась лишь ограниченная и находившаяся под контролем правительства торговля с голландцами через один южный порт — Нагасаки (с 1684 г. возобновилась торговля и с Китаем). Но вопреки всем правительственным декретам ни на один день не прекращалась контрабандная торговля.

В японской экономике шли медленные подспудные процессы, свидетельствовавшие о хотя и заторможенном, но развивающемся процессе разложения феодализма. Установление с приходом к власти Токугава относительной централизации способствовало вначале некоторому развитию земледелия. В первые сто лет правления Токугава увеличились посевные площади и сбор риса.

Но объединение страны не было полным. Япония делилась на 260 феодальных владений — княжеств. Во главе их находились наследственные и почти независимые князья (даймё), каждое из княжеств представляло самостоятельную административно-хозяйственную единицу. Сёгун был лишь наиболее крупным феодальным правителем, имевшим верховную власть над остальными. В последней четверти XVII — начале XVIII в. появляются признаки упадка феодализма. Это был так называемый период Гэнроку (1688—1703 гг.) — «золотой век» развития искусств при дворе сёгунов, где феодальные князья жили в роскоши и праздности, усиливая поборы с крестьян.

Действительно, в Японии происходило непрерывное увеличение налогов. Непосильные поборы с крестьянства подтачивали основу феодального государства. Крестьяне уплачивали ренту-налог натурой или деньгами (всеобщим мерилom ценности служил рис). Усиление товарности сельского хозяйства происходило прежде всего вблизи больших городов.

Для XVII в. в Японии характерен рост внутренней торговли. В то время как ряд городов побережья терял былое значение, выросли города во внутренних областях. Масса городского населения Японии составляла к XVIII в. уже не менее 14—15% населения страны.

Право на разработку недр и монополии на производство различных видов товаров и торговлю ими предоставлялись только феодалам. Известны многочисленные княжеские монополии, в том числе на производство и продажу сахара в Сацума, воска в Тоттори, Увадзима, Ямагути, железа в Мацуэ, бумаги в Тоса, Цувано, Увадзима, Ямагути и Хамада, фарфоровых изделий в Овари, лака и фаянсовых изделий в Кага, крепя в Накахама, шелка в Кодзукэ и Симоцукэ. В ряде княжеств велись горные разработки.

Купцы княжеств становились агентами князей по сбыту риса и ростовщиками, посредниками в торговле на все более развивающемся центральном рынке страны — Осака, получившем название «кухни государства». Экономическое могущество купцов и зависимость от них феодалов засвидетельствовали современники: «Все золото и серебро в обращении проходит через руки торговцев, которые только и имеют шансы разбогатеть». «Редко встречается самурай, будь то простой самурай или князь, который бы не взял в долг крупную сумму денег».

Мелкие феодалы — самураи, жившие за счет так называемых рисовых пайков, которые выдавались трижды в год — весной, летом и зимой, часто не имея возможности дожидаться очередной выдачи риса, продавали свои квитанции ростовщикам. Купцы из дома Мицуи к концу XVII в. стали придворными банкирами сёгуна.

«Современные даймё, как крупные, так и мелкие, гнут спины перед богатыми людьми из народа, лишь бы получить от них займы деньги», — писал Дадзай Сюндай в «Записках о хозяйстве». Крестьянам тем более ничего не оставалось, как идти на поклон к ростовщику, отдавать землю в залог. Нередко купцы сами употребляли свои денежные накопления на приобретение земли, которую сдавали потом в аренду крестьянам.

Со второй половины XVII в. происходил рост прядения и ткачества. Из-за сокращения внешней торговли в Японию почти перестали поступать ткани и китайский шелк-сырец. Это ускорило развитие производства технических культур в самой Японии (хлопчатник, тутовые деревья). Развивалось цеховое ремесло в городах, крестьянские домашние промыслы преобразовывались в мануфактуру, подчиненную оптовому торговцу. Даже жены многих самураев работали на дому в качестве прядильщиц и ткачих, сдавая продукцию купцам.

С XVIII в. начинаются колебания цен на рис, вызвавшие денежные затруднения у феодалов и сказавшиеся на финансах правительства Токугава, которое стало искать выход в повышении налогов.

Прикрепленный к земле крестьянин не имел права передвижения по стране: существовали многочисленные заставы для поимки беглых, периодически очищались города от пришлых элементов, издавались указы о смертной казни крестьян за бегство. Круговая порука, строгий контроль местных властей и сельской общины обеспечивали уплату налогов и обработку приписанной к деревне земли. Частые голодовки, чрезвычайно низкий уровень жизни нередко вынуждали крестьян прибегать к детоубийству для сокращения семьи.

Крестьянство не представляло однородной массы. Из него выделялись ростовщики, торговцы, предприниматели, не порывавшие связи с землей. Они сдавали часть земли в кабальную аренду беднейшим крестьянам. Нередко им удавалось получить право ношения меча, т. е. сравняться по положению с самураями. Росли ряды малоземельных арендаторов, арендаторов-батраков, беглых крестьян и пр. Тысячи людей гибли в годы стихийных бедствий. Разорившиеся крестьяне были основным контингентом участников мощных восстаний, расшатывавших основы феодального строя Японии в XVIII — первой половине XIX в. Из 1600 крестьянских восстаний, которые,

по данным японских историков, произошли во времена сёгуна-та Токугава (1603—1867), свыше тысячи падает на период после XVIII в. Эти восстания потрясали до основания всю феодальную систему токугавской Японии, обостряя кризис ее экономики и политического строя.

Поводом для восстаний городской бедноты было большей частью повышение цен на рис; гнев народа обрушивался на сборщиков налогов и правительственных чиновников.

Ограниченное развитие буржуазии обуславливалось замедленным развитием капиталистического способа производства в недрах феодальной Японии. Для образования денежных накоплений, независимых от земледелия, существовал ряд препятствий. В течение пяти столетий в сельское хозяйство Японии проникал торгово-ростовщический капитал — то ростовщичество, которое, по характеристике Маркса, не изменяет способа производства, но присасывается к нему, как паразит, и истощает его до полного упадка.

Большая часть накопленных капиталов вкладывалась в землю. С переходом земли в руки буржуазно-ростовщических элементов, совершавшимся при помощи кабальных займов, откупов и ростовщических операций, поднимающаяся японская буржуазия становилась участницей феодальной эксплуатации.

К XIX в. положение японской деревни ухудшилось еще более в связи с глубоким кризисом натурального хозяйства. Обрабатываемая площадь не расширялась, сбор риса не увеличивался. Усилились обезземеление крестьянства и выделение его богатой верхушки. Вместе с тем наблюдались рост товарного земледелия в области технических культур, дальнейшая товаризация крестьянских промыслов.

Спрос на шелк, чай, хлопок, растительное масло, продукты моря был значителен. Скупкой этих товаров занимались крупные купцы Киото, Осака, Эдо и приамурских городов, получая лицензии от правительства и наживая большие капиталы. В ряде провинций имелись чайные плантации. К XIX в. производство чая значительно усовершенствовалось, приглашались специалисты для обучения новым приемам обработки чайного листа.

Спрос на шелк, значительно возросший еще со времени «веселой жизни» знати в период Гэнроку, когда изящные черные кимоно самураев с вытканными рисунками были необходимым атрибутом жизни при дворе, оставался высоким. Шелкоткачество было сосредоточено в районе Киото и в Восточной Японии.

По всей Японии, за исключением севера, крестьяне выращивали хлопчатник. Хлопчатобумажные ткани шли на одежду простолюдинов.

С ростом рынка развивалась ткацкая централизованная мануфактура, прядение же сосредоточивалось на дому в виде работы на скупщиков. В первой половине XIX в. в Японии возникла 181 мануфактура, что превысило число мануфактур, созданных за два предшествующих столетия; общее их число приблизилось к 400.

По сословной системе население Японии делилось на четыре части: дворяне (самураи), крестьяне, ремесленники и торговцы. В процессе разрушения сословных перегородок переплетались интересы дворянства и торгово-ростовщической буржуазии. «Третье сословие», столь ясно выраженное в предреволюционной Франции XVIII в., в Японии имело довольно неопределенные границы.

Разобщенность японской буржуазии, связь ее с феодальной эксплуатацией, незрелость ее мешали буржуазии стать активным элементом народной антифеодальной борьбы, которую вели крестьянство и городская беднота.

Неоднородным было и самурайство — этот многочисленный слой служилого дворянства, воспитанного на феодальном кодексе «бусидо», в котором говорилось о привилегированном положении самураев, о воинской верности и чести. С прекращением войн часть самураев была посажена на землю, другие продолжали существовать на рисовые пайки, получаемые самураями как вассалами. С развитием товарно-денежных отношений самурайские земли часто переходили к ростовщикам, финансовые затруднения даймё влекли за собой сокращение размеров самурайского жалованья, увеличивалась категория деклассированных самураев — ронинов, бродивших по стране в поисках средств к жизни. Самурайство оказалось неприспособленным к новым условиям, когда сила меча стала уступать могуществу мешка с деньгами и когда нередко в закладе оказывался и сам меч. Масса выбитого из колеи самурайства почти не находила себе применения. К XIX в. самурайство, видимо, составляло от 7 до 10% населения (в 1870 г. из общей численности населения Японии 34,3 млн. человек самураев было около 1,9 млн., т. е. 5—6%). Число разорившихся мелких феодалов в Японии в первой половине XIX в. более чем в 10 раз превышало численность дворянства во Франции перед буржуазной революцией.

В юго-западных княжествах этот процент был еще выше, так как князья этих наиболее удаленных от центра и экономически развитых районов стремились иметь в своем распоряжении более значительные военные кадры, чем им предписывалось центральным правительством. В княжестве Сацума, имевшем право содержать 14 тыс. самураев, их было в два раза больше, в Тёсю вместо предписанных 6 тыс. самураев их было 11 тыс. Самурайство составляло четверть всего населения Са-

цума. В то же время в личном распоряжении сёгунов Токугава имелось всего 20—30 тыс. самураев, а вместе с воинами более высоких рангов — около 80 тыс. Самую многочисленную часть дворянства составляло низшее самурайство. Из его среды выходили учителя, врачи, ремесленники и мелкие торговцы, так как снижение рисовых пайков вынуждало их искать другие занятия. Таким образом, в японском обществе периода разложения феодализма вырисовываются социальные контрасты, высокий удельный вес непродовольственных слоев населения.

Кризисные явления в экономической и политической жизни Японии нашли отражение и в идеологии. В феодальной Японии в основе официальной идеологии лежало соединение чжусианства и синтоизма. Идеи китайской неоконфуцианской школы философа Чжу Си были обновлены традиционной японской синтоистской мифологией. Последняя, представляя собой древнейший культ обожествления природы, возводила происхождение Японии к богине Солнца — Аматаэрасу-о-Миками; Япония, согласно воззрениям синтоистов, шла по «пути богов» — синто. Во всех княжествах в XVII—XVIII вв. существовали школы (число которых достигало нескольких тысяч), где самураи получали схоластическое образование. Из этих школ вышло немало ученых. В 1657 г. в княжестве Мито была начата работа над «Историей Великой Японии», которая продолжалась с перерывами более двухсот лет. Хотя издание было задумано как официальное прославление феодального строя и подкрепление ортодоксальных чжусианских доктрин, в княжестве Мито работали и ученые, которые в противовес преклонению перед всем китайским стали пропагандировать национальную японскую культуру (так называемая школа национальной ориентации). Для того времени это было достаточно смело, так как шло вразрез с официальной токугавской историографией.

Как сторонники официальной чжусианской школы, так и те, кто примыкал к школе национальной ориентации, излагали свои мысли в сложных понятиях. Набор идеографических «штампов», ведущих свое начало от древних конфуцианских, даоских и буддийских понятий, сделал писания мыслителей труднодоступными, и все же их влияние было относительно широко. В XVIII в. к представителю этой школы Мотоори Норинага, жителю г. Мацудзака, стекались со всей Японии сотни учеников, не только самураев, но и торговцев и крестьян. Продолжатель дела Мотоори, его приемный сын Мотоори Охира, имел в начале XIX в. более тысячи учеников. Это было просветительство, разбивавшее классовый барьер учености и пролагавшее пути для новых веяний.

Вслед за развитием школы национальной ориентации в Японию стало проникать влияние европейских идей. В 1721 г.

было отменено запрещение ввозить книги на европейских языках и переводить их. Первой была переведена книга голландского врача «Табула анатомика», затем книги по астрономии, навигации, кораблестроению, математике, медицине, географии, ботанике. Изучавших эти книги называли «голландоведами».

«В Японии есть люди, которые слынут великими учеными, но они плохо знают даже одну какую-либо страну. А у голландцев ученые владеют языками более чем тридцати народов и прекрасно знакомы как с политикой в их странах, так и с экономикой», — писал Хонда Тосиаки, ученый экономист и географ, живший на рубеже XVIII—XIX вв., призывавший развивать науки и с помощью конкретных знаний улучшать жизнь народа. Против пустой учености, состоящей в заучивании текстов и пользовании различными стилями и иероглифической письменностью, выступал и другой крупный ученый, материалист XVIII в. Андо Сёэки.

Идеологи феодализма отрицательно отзывались о торговцах, но на смену им приходят ученые с иными взглядами. Основатель этического учения («Сингаку») Исида Байган пытался в начале XVIII в. обосновать право купцов на прибыль, приравняв его к праву самураев на рисовое довольствие. Хонда Тосиаки в начале XIX в. наметил широкую программу реформ, в которых, по его мнению, нуждалась Япония. В своих нелегальных «Повестях о западных краях» (опубликованных лишь в 1888 г.) Тосиаки рисовал страшные картины вымирания от голода целых районов. Для улучшения положения народа Хонда Тосиаки считал необходимым внешнюю торговлю, государственные реформы в области финансов, развитие мореплавания, разработку естественных ресурсов, колонизацию новых территорий, распространение знаний.

Хонда Тосиаки сравнивал Японию с другой морской страной — Англией, призывая следовать ее примеру. Будучи идеологом растущего японского национализма, он мечтал, что в Восточном океане «острова Великой Японии» будут играть такую же роль, как в Западном океане английский остров. «Тогда, — заключал философ, — во вселенной будут две великие, богатые и могущественные державы».

К середине XIX в. сёгунат Токугава с его политикой изоляции все более терял влияние. Техническое превосходство Запада наглядно убеждало японцев в необходимости реформ.

Неурожай 30-х годов XIX в. вызвал массовый голод. Волна народных восстаний прокатилась по стране. Восставшие требовали пресечения злоупотреблений старост, торговцев и ростовщиков, взвинчивавших цены на рис, чиновников, взимавших непосильные налоги. Осацкое восстание 1837 г. под руководством самурая Осио Хэйхатири получило отклики по

всей стране. Оно сплотило мелких торговцев, ремесленников, низшее самурайство. Из Осака восставшими распространялись прокламации, призывавшие к борьбе японских крестьян: признак возможного объединения городской бедноты с крестьянством.

В условиях глубокого экономического и политического кризиса в середине XIX в. резко усилилась угроза внешнего нападения. Международная обстановка на Тихом океане изменилась в связи с открытием портов Китая, колонизацией Калифорнии и Австралии. Англия, Франция и США стремились превратить Японию в опорную базу в борьбе за Китай и использовать ее как рынок сбыта своих товаров и источник сырья. Царская Россия с беспокойством следила за деятельностью держав у своих дальневосточных границ, так как была заинтересована в торговле с Японией и сбыте пушнины, рыбы, промышленных изделий.

В марте 1852 г. американский конгресс принял решение отправить экспедицию в Китай и Японию во главе с Мэтью Перри, которому были даны самые широкие полномочия. Сразу же в мае 1852 г. в России было принято решение об отправке в Китай и Японию эскадры во главе с вице-адмиралом Е. Путятиным. 8 июля 1853 г. эскадра Перри из четырех военных судов вошла в бухту Урага, разогнав пушечным огнем японские караульные лодки. Отказавшись принять японских чиновников на борту корабля, Перри высадился с отрядом в 370 военных моряков и под защитой корабельных пушек передал японским уполномоченным письмо президента США с требованием открытия портов и заключения договора. Заявив, что вернется за ответом весной следующего года с еще большим числом судов и силой добьется своего, Перри увел эскадру в Китай.

Правительство Японии понимало свою экономическую и военную слабость. Впервые за все существование сёгуната Токугава оно не решилось взять на себя ответственность и обратилось за советом к жившему в затворничестве в Киото императору и к главам княжеств. Император Комэй выступил против открытия портов. Из 258 владетелей княжеств только 61 прислал ответ: 22 князя прямо высказывались за открытие страны, 18 выступали за то же самое, но более уклончиво, предлагая во всяком случае избежать войны, 19 князей были за прежнюю политику изоляции, двое не дали определенного ответа.

В августе к берегам Японии подошла эскадра Путятина, также потребовавшего открытия портов. В этот момент умер сёгун, и японское правительство, стремясь выиграть время, просило отложить переговоры, поскольку где траурные церемонии и назначение преемника потребуют времени. В начале

1854 г. Путятин, удовлетворившись принципиальным согласием японских уполномоченных открыть порты, покинул Японию. Но Перри, вернувшийся в марте 1854 г. с эскадрой в составе восьми судов, слышать не хотел ни о каких японских традициях. Под угрозой американских пушек в марте 1854 г. был заключен первый неравноправный договор Японии с капиталистической державой — США. По договору Япония открывала два порта — Симода и Хакодате, в которых американцы получили право пополнять судовые запасы и вести торговлю. В Симода учреждалось американское консульство.

В октябре 1854 г., через полгода после Перри, в Японию спешно прибыл английский адмирал Стерлинг и заключил англо-японский договор, аналогичный американско-японскому. В феврале 1855 г. Путятин подписал русско-японский договор такого же типа. В июле 1858 г. в Эдо был заключен американско-японский торговый договор, в соответствии с которым в течение 1859—1863 гг. для американцев открывались порты Канагава, Ниигата, Хиого, Нагасаки, Эдо и Осака. Подданные США получали право неограниченной торговли и непосредственного контакта с японцами, были установлены низкие таможенные пошлины на американские товары, договор подтверждал право экстерриториальности для американцев в Японии и отмечал «готовность» президента США выступить «дружественным посредником» в случае конфликта Японии с любой европейской державой.

В том же 1858 г. были подписаны англо-японский и русско-японский договоры, которые также ограничивали японский суверенитет.

Как мухи на мед, слетались в Японию иностранные коммерсанты. За первые три года открытия (1859—1861) торговые обороты портов Нагасаки и Иокогамы увеличились в три раза при значительном превышении экспорта над импортом. Иностранцы, применяя неэквивалентный обмен, скупали японские товары за бесценок. Медь и чай, хлопок и рис, шелк-сырец и шелковые ткани, фарфоровые изделия, продукты моря и другие товары — все поглощали трюмы иностранных судов. Более половины экспорта и импорта падало на долю Англии. В Иокогаме в 1863 г. из 32 иностранных фирм было 16 английских, а из 300 иностранных резидентов — 140 англичан и 80 американцев. Главной статьей ввоза были пряжа и ткани (шерстяные и бумажные).

Южные княжества первыми решили заимствовать из стран Запада военную технику; на первом месте среди них было княжество Сацума, правители которого благодаря установившейся торговле с о-вами Рюкю были лучше других информированы о международном положении. Еще в 1845 г. в сацумском княжестве втайне от правительства Токугава было вы-

строено несколько кораблей по европейскому образцу. Здесь существовали предприятия по производству стекла, железа, завод для литья пушек с 800 рабочими. С открытием портов предпринимательская деятельность князя Сацума усилилась. В начале 60-х годов в княжеской резиденции был выстроен ряд фабрик и заводов по европейскому образцу — текстильная фабрика, отражательная и доменная печи, организовано производство стекла, серной и азотной кислоты, телеграфной аппаратуры, пороха и др. Производство артиллерийских орудий и ружей в Сацума, постройка там же в 1854 г. первого в Японии военного корабля с 16 орудиями на борту — все это завоевало князю Сацума большой авторитет.

Рост внешней торговли Японии после заключения неравноправных договоров, с одной стороны, вызвал рост цен, подорвал финансы, обострил кризис феодальной экономики. С другой стороны, рост торговли стимулировал производство товаров, на которые предъявлял спрос мировой рынок, в первую очередь шелка-сырца и чая, способствовал разрушению монополии правительственных торговых гильдий и возникновению более свободной торговли, стимулировал использование европейских машин и оборудования.

«Открытие» страны ускорило процесс разложения феодализма в Японии и подспудные процессы развития национальных капиталистических отношений.

Крестьяне — производители коконов или хлопка — страдали от повышения налогов, не говоря о том, что все японское крестьянство пострадало от небывалого роста цен и активизации торгово-ростовщического капитала. В одном только 1866 г. было 40 крестьянских восстаний, в то время как за все предыдущие годы с 1844 по 1859 г., т. е. за 15 лет до открытия портов, были 82 восстания. Они были стихийными и сохраняли в основном антифеодальный характер. В 1866 г. в ответ на резкое повышение цен на рис подняла восстание городская беднота в Эдо, Осака, Хиого, Титибу. В последних двух городах к повстанцам присоединились крестьяне соседних деревень.

Но в ходе восстаний некоторые участники начинали связывать ухудшение условий жизни с прибытием в Японию иностранных «варваров». С иностранным вторжением связывали свои беды и низшие самураи. Размеры их рисовых пайков в денежном выражении фактически сократились из-за роста цен на товары. Особенно бурлило самурайство южных княжеств, традиционно находившееся в оппозиции к династии Токугава.

Та часть японского купечества, которая была уже связана с промышленностью, также объясняла ухудшение своего положения вторжением иностранцев. В 1859 г. шелкопромышлен-

ники дважды обращались к правительству, прося запретить вывоз шелка-сырца иностранцами. Они писали не только о том, что их предприятия, которые в течение двух столетий обеспечивали шелковыми тканями двор и страну, вынуждены закрываться из-за отсутствия сырья, но и о том, что ткачи «находятся под угрозой голодной смерти» и «пополняют ряды недовольной черни». Правительство издало ряд мер по ограничению вывоза шелка-сырца, но это не дало результатов. Шелк по-прежнему потоком шел в Йокогаму, на экспорт..

В условиях столь резкого обострения внутреннего и внешнего положения Японии развернулась политическая борьба внутри страны.

Школа национальной ориентации из княжества Мито положила начало так называемому движению за почитание императора. Так родилась политическая платформа феодально-националистических кругов. Ее вначале возглавлял сам князь Мито, стоявший за «изгнание варваров», за войну с ними.

Два южных княжества — Сацума и Тёсю, сыгравшие в дальнейших событиях большую роль, — развивались неодинаково. Тёсю, расположенное на побережье Внутреннего моря, было связано больше с торговлей в самой Японии. В Тёсю значительного уровня достигло расслоение крестьянства. В районе Ямагути, бывшем центре текстильного производства XVI в., который стал основным оплотом дворянско-буржуазной оппозиции в Тёсю, многие богатые крестьяне имели лицензии и занимались предпринимательством. По существу они уже представляли местную негильдейскую буржуазию. В Сацума развитие товарно-денежных отношений связывалось с торговой монополией князей и внешним рынком.

Между этими княжествами существовало давнее соперничество — говорили, что «Сацума и Тёсю живут как собака с кошкой». В окружении князя Сацума было много выходцев из низшего самурайства, среди них — выдвинувшиеся впоследствии Окубо Тосимити и Сайго Такамори. В Тёсю большое влияние имела прогрессивная группировка феодалов во главе с Суфу Масаноскэ, начальником финансового ведомства Тёсю в 1857—1864 гг., при котором административный аппарат княжества пополнился многими представителями низшего самурайства.

Несмотря на враждебные отношения между княжескими дворами, портовая буржуазия Тёсю из Симоносеки была связана с сацумской буржуазией через Нагасаки, открытый порт, давно ставший прибежищем и для феодальной интеллигенции и для купеческих фирм из других княжеств. Город военных школ, «окно на Запад», центр импорта оружия и судов — Нагасаки оказался местом встреч и обмена мнениями участников политической борьбы в Японии.

Под влиянием событий и усиления роли низшего самурайства с буржуазной прослойкой в нем движение «за почитание императора» получило распространение в Тёсю, хотя приобрело здесь особую окраску. Выразителем этого движения стала школа Ёсида Сёина (1830—1859). Ёсида строил планы изгнания иностранцев, проведения внутренних реформ, колонизации северных районов, внешней экспансии, полного перевооружения армии. Это течение наряду с прогрессивными идеями отстаивало идею превосходства самураев над народом и выражало милитаристские и агрессивные устремления самурайства. В то же время в учении Ёсида имелись общенациональные черты. Его беспокоила судьба всей Японии. Он призывал учиться у иностранцев, чтобы противостоять вторжению иностранных держав. Ёсида проповедовал также экспансию Японии против слабых стран. Он нападал на главного министра правительства сёгуна, подписавшего японо-американский договор «без высочайшего утверждения императора». Ёсида был предупрежден, что его деятельность переходит допустимые границы. Когда это не возымело действия, он был арестован и в конце 1859 г. обезглавлен. Многие из учеников Ёсида Сёина стали впоследствии активными деятелями буржуазной Японии — Ито Хиробуми, Кидо Коин, Ямагата Аритомо и др.

Другое направление представлял Фукудзава Юкити (1831—1901). Ознакомившись в Нагасаки еще в период изоляции Японии с европейской культурой, Фукудзава жадно впитывал в себя различные знания. Хорошее знание английского языка дало ему возможность после открытия портов поехать на Запад в качестве переводчика. В своей работе, к публикации которой он приступил в 1866 г., «Положение в странах Запада» Фукудзава рассказывал про банки, почтовую систему, избирательное право, всеобщее начальное образование, равное для всех «независимо от знатности или незнатности, богатства или бедности, для мальчиков и девочек одинаковое».

Ни политическая платформа радикально-милитаристских кругов в оформлении Ёсида Сёина, ни другие многочисленные группировки, ни просветительское течение, отражавшее наиболее ярко идеологию развивающейся японской буржуазии, не выдвигали прямого требования свержения власти сёгуна.

Наибольшее распространение в стране получили два лозунга: «Да здравствует император!» и «Долой иностранцев!». Ненависть к иноземным захватчикам вылилась вначале в отдельные антииностранные и антисёгунские выступления.

В марте 1860 г. был убит глава правительства сёгуна, подписавший неравноправные договоры. Все большее число феодалов переезжало со своими дружинами ко двору безвластного императора в Киото, ставшему естественным центром

притяжения антисёгунских сил. Летом 1861 г. были убиты двое служащих английского посольства, осенью следующего года группа англичан, дерзко пересекая верхом дорогу перед кортежем сацумского князя, подверглась нападению, двое англичан были ранены, третий — купец Ричардсон — убит. Всеобщее негодование японцев вызывал тот факт, что европейские миссии построили свои резиденции на священном холме Готэнсан в окрестностях Эдо. В конце 1862 г. группа самураев совершила поджог английской миссии как протест против осквернения священного места «варварами». В поджоге участвовали члены оппозиции из княжества Тёсю — знаменитые впоследствии Иноуэ Каору и Ито Хиробуми. Затем оба тайно выехали в Англию для изучения военного искусства, все в тех же целях — «изгнания варваров».

Иностранные захватчики приняли меры к тому, чтобы остановить подъем антииностранного движения и одновременно использовать «инциденты» для навязывания Японии новых, еще более тяжелых договоров. В Эдо прибыла английская эскадра, и британский поверенный в делах предъявил в апреле 1863 г. правительству сёгуна ультиматум. В нем заключались требования: принести официальное извинение за убийство Ричардсона, выплатить компенсацию в 110 тыс. ф. ст., заставить князя Сацума внести компенсацию в 25 тыс. ф. ст. и казнить убийц в присутствии английских офицеров. Американский посланник настойчиво советовал принять английский ультиматум во избежание тяжелых последствий. В донесениях же государственному департаменту он писал, что англичане не желают считаться с японскими обычаями и сами провоцируют антииностранные выступления.

В Японии поднималась волна антииностранного движения. Возмущение политикой капиталистических держав соединялось с недовольством уступчивостью правительства сёгуна. Правительство сёгуна вынуждено было официально назначить срок изгнания иностранцев. Император издал указ о закрытии портов и «изгнании варваров» (1863 г.). Хотя министры сёгуна давали европейцам понять, что указ останется на бумаге, державы потребовали немедленной его отмены и стали готовиться к интервенции. В июне — июле 1863 г. к английской эскадре присоединилась тихоокеанская эскадра Франции. Государственный секретарь США Сьюард предписывал американскому посланнику в Японии подчеркивать общность интересов США и других иностранных держав, так как «выгода и обязанности всех западных держав диктуют сохранение их единодушия и доброго согласия».

Тем временем феодальные националистические элементы юго-западных княжеств готовились на основе императорского указа открыть враждебные действия против иностранцев. Бе-

реговые батареи княжества Тёсю обстреляли иностранные пароходы. Этим воспользовались западные державы, чтобы, применив военную силу, добиться отмены указа об изгнании иностранцев. Военный корабль США уничтожил несколько батарей Тёсю, потопил два корабля этого княжества, недавно закупленных в Нагасаки. Через несколько дней появился французский военный корабль, обстрелявший и разрушивший форт в Симоносеки и высадивший десант, который обратил в бегство отряд самураев, прибывший на помощь защитникам порта. Орудийным обстрелом был разрушен г. Хаги в Тёсю, где недавно находилась резиденция князя, 800 человек было убито.

Затем иностранными державами была послана карательная экспедиция против княжества Сацума якобы для отмщения за убийство Ричардсона. В августе английская эскадра подошла к берегам Сацума, обстреляла порт Кагосима и уничтожила значительную его часть, причем были потоплены три стоявших на рейде парохода. Княжество Сацума капитулировало, Англии была выплачена контрибуция в 25 тыс. ф. ст. и дано обещание найти убийц Ричардсона.

Пушки иностранных кораблей без труда разрушили феодальные крепости. Но это лишь вызвало приток новых людей в ряды борцов за независимость. Петиция на имя князя Тёсю, поступившая в июле 1863 г., когда двухтысячный отряд самураев спасался бегством от высадившихся иностранных моряков, гласила: «Мы, крестьяне, и наши предки жили в Японии в течение ряда поколений. Теперь, когда эти отвратительные варвары появились у нас, недостойно бежать от них. Поэтому, если будет дано разрешение, мы готовы вступить в отряд. В каждой деревне нашего края люди полны решимости, и, когда потребуется, мы будем готовы выполнить свой долг».

В Тёсю стали создаваться отряды ополчения, ядром которых было низшее самурайство, но куда входили также крестьяне и горожане. Реорганизация армии была поручена Такасуги Синсаку — молодому самураю (ему тогда был 21 год), последователю Ёсида, выученику голландской школы в Эдо, где он приобрел знание артиллерии и западной военной науки.

Такасуги приступил к созданию воинской части под названием Кихэйтай («Летучие отряды»). В первом же приказе он объявил, что в его войска будут приниматься добровольцы, отличающиеся храбростью и сметкой, без всякой дискриминации в отношении лиц «низкого происхождения». Это было ополчение, заменившее феодальную армию и финансировавшееся сельской и городской буржуазией. Первое время был очень большой наплыв крестьянства в эти отряды. Ополчения стали создаваться и в других княжествах.

В одном из отрядов Кихэйтай в начале 1864 г. самураи составляли 43%, в другом — только 25%, а большинство составляли крестьяне-земледельцы, рыбаки, горожане. Запрещался прием беглых крестьян, торговцев, которым угрожает банкротство, тех крестьян и горожан, которые не могут на время своей службы оставить взамен себя людей для ведения сельскохозяйственных работ либо торговых операций.

Такасуги Синсаку, несмотря на то что был сторонником приема в ополчение большого числа «упорных и настойчивых простолюдинов», тоже тщательно соблюдал сословные градации при назначении руководителей отрядов. В 1865 г. он отстранил командира отрядов Кихэйтай, выходца из крестьян Аканэ Такэндо, и взял руководство на себя, говоря: «Разве можно меня, самурая, равнять с мужиком?».

Многие княжества во второй половине 1863 г. стали ареной антитокугавских восстаний. В сел. Годзё (провинция Ямато) восставшие, назвавшие себя «небесными мстителями», требовали свержения правительства. Восстание возглавлял придворный Накаяма Тадамицу. Боевые действия велись самураями-рони́нами и крестьянами, среди которых было много беглых. Один из отрядов захватил токугавского чиновника, управлявшего сел. Годзё, и казнил его, обвинив в «действиях, противоречащих указу его величества императора» и «взимании незаконно начисленных налогов». Ростовщиков и помещиков заставляли вносить деньги для распределения между крестьянами. Дома богатеев, не подчинявшихся этому постановлению, были разгромлены. Восстание было подавлено войсками сёгуна.

Во время другого восстания — на рудниках Икуно в провинции Тадзима — была сделана попытка сформировать войска для свержения правительства Токугава. Восстание возглавил один из придворных, во главе отрядов стояли рони́ны. Для привлечения в отряды крестьян руководители восстания обещали им снизить налоги, платить жалованье и предоставить право носить меч. Но крестьянство не поддержало повстанцев и даже стало выступать на стороне правительства. Отряды восставших были быстро разгромлены.

Дальнейшая борьба против правительства сёгуна шла не под флагом объединения буржуазии с народными массами, а по линии сколачивания широкого феодально-буржуазного фронта против режима Токугава.

В 1863—1866 гг. в фокусе событий оказалось княжество Тёсю, где буржуазные и феодальные элементы, враждебные иностранному вторжению и политике сёгуна, были особенно сильны. Иностранные державы подготовили удар по княжеству Тёсю. Объединенная эскадра, состоявшая из 17 английских, французских, голландских и зафрахтованных американцами

судов под командой контр-адмирала Купера, появилась в сентябре 1864 г. у берегов этого княжества. Как раз в этот момент из Англии, где они учились, вернулись в Японию активные деятели дворянско-буржуазной оппозиции Ито Хиробуми и Иноуэ Каору. Оба были выходцами из зажиточного крестьянства, получившими самурайское звание только в 1863 г. Их практическая сметка помогла им многое увидеть и понять во время их поездки в Англию. Вернувшись на родину, они прежде всего пытались убедить власти Тёсю в бессмысленности прямой борьбы с иностранными державами. После многих усилий они получили полномочия на переговоры с иностранцами. Но интервенты не собирались отказываться от применения силы. Когда Иноуэ сажился в лодку, чтобы ехать на переговоры с интервентами, грянул выстрел и эскадра начала второй обстрел симоносекских фортов (5 сентября 1864 г.). Обстрелом объединенного флота четырех держав порт Симоносеки был разрушен почти полностью. Два дня отстреливались батареи Тёсю. На третий день иностранцы высадили десант, разгромили береговые батареи и унесли все орудия на иностранные корабли.

В октябре 1864 г. в Иокогаме была заключена конвенция между Японией и четырьмя державами (Англией, США, Францией и Голландией). Япония должна была уплатить 3 млн. долл. контрибуции в качестве компенсации за «ущерб». В случае неуплаты она должна была открыть Симоносеки или другой морской порт.

Правительство сёгуна решило использовать ослабление Тёсю для подчинения себе этого вечно стоявшего в оппозиции княжества. К концу 1864 г. у границ Тёсю появилась карательная экспедиция в 150 тыс. человек, укомплектованная из самураев главнейших княжеств. В Тёсю взяла верх группировка, стоявшая за то, чтобы подчиниться сёгуну. Руководитель оппозиционной сёгуну группировки в княжестве Тёсю — Суфу Масаноске покончил самоубийством. На другого видного деятеля антисёгунской группировки — Иноуэ — той же ночью было совершено покушение, он был ранен. Трех руководителей оппозиции из числа высшего дворянства Тёсю заставили совершить харакири, их головы были посланы в штаб карательной экспедиции сёгуна. На вопрос, где находятся Такасуги и Кидо, представители Тёсю пообещали заняться расследованием. После этого главнокомандующий сообщил об окончании карательной экспедиции. Она завершилась без единого выстрела. Большинство феодальных владетелей стояли на той точке зрения, что в момент серьезнейших внешнеполитических осложнений нельзя выступать против антииностранных сил. Среди низшего самурайства других княжеств Японии, наоборот, росло убеждение в необходимости союза

всех княжеств против сёгуната, проводившего политику, чуждую национальным интересам.

Не прошло и трех месяцев после карательной экспедиции, как в Тёсю вновь начались выступления антиправительственных сил. Такасуги и его сторонники встали во главе формирующихся отрядов ополчения, богатый сельский староста одного из пригородов Ямагути Иоситоми предоставил Такасуги 200 кан серебром для нового выступления. На ту же цель истратил отцовское состояние друг Такасуги, торговец тканями Окамото Сануэмон, как и Иоситоми, крестьянин по сословной принадлежности. Торговец Акимото Синдзо, тоже из крестьянской семьи, не только вооружил отряд ополченцев для помощи Такасуги, но и лично возглавил его. Торговые дома Симоносеки и Нагасаки, купеческие фирмы княжества Тоса, среди владельцев которых выделялись Гото Сёдзиро и основатель современного концерна «Мицубиси» Ивасаки Ятаро, оказывали всемерную поддержку движению.

В Тёсю в феврале 1865 г. власть вновь была захвачена группировкой противников сёгунского режима: Такасуги Синсаку, Кидо Коином, Ито Хиробуми, Ямагата Аритомо, Иноуэ Каору. Все они, за исключением умершего в 1867 г. от туберкулеза Такасуги Синсаку, стали после свержения в 1868 г. власти Токугава видными деятелями в японском правительстве.

Правительство сёгуна организовало против Тёсю вторую карательную экспедицию (1865—1866 гг.). Но план наступления правительственных войск на Тёсю под прикрытием морских сил, разработанный при участии французов, был сорван благодаря вмешательству английского посланника под предлогом того, что это может помешать прохождению через пролив кораблей иностранных держав. Здесь сказались противоречия между Англией и Францией. Войска сёгуна, наступавшие по суше, были отрезаны от Тёсю народными восстаниями. Военные действия прекратились в середине 1866 г.— после смерти сёгуна, а за ним и императора.

Дальнейшие события развивались под воздействием двух факторов: опасности нового вторжения капиталистических держав и растущего недовольства низов.

В 1865—1866 гг. в основных центрах Японии происходил подъем крестьянского и городского движения. Поднималась широкая волна антифеодальных восстаний, достигшая наибольшего размаха в 1866 г., когда крупные крестьянские восстания исчислялись десятками. С ними перекликались бунты в Осака, Эдо, Хиого и других городах. Разгром налоговых управлений, домов богатых купцов и ростовщиков принял широчайшие масштабы. Толпы народа плясали и распевали куплеты с припевом: «Так-то не лучше ль будет?», где высмеивались феодальные порядки. Выступления часто сопр-

вождались раздачей имущества населению. Массовые беспорядки не могли не оказывать влияния на борющиеся лагеря — сторонников и противников сёгуна, заставляя их торопиться с осуществлением своих планов, пока мирные шествия не перерастут в стихийные восстания.

Капиталистические державы зорко следили за ходом политической борьбы в Японии, готовые вмешаться в любой момент для защиты и укрепления своих позиций. При этом все более сказывалось англо-французское соперничество и тот факт, что США еще были отвлечены внутренними делами — там только что кончилась гражданская война. Французский посланник Гош поддерживал правительство Токугава, английский — Паркс — активно налаживал связи с оппозиционными группировками, посещая важнейшие центры антиправительственного движения (Симоносеки, Кагосима) и помогая через английскую фирму в Нагасаки снабжать оружием юго-западные княжества.

Несмотря на международные противоречия, в конце 1865 г. представители Англии, Франции, США и Голландии объединили свои требования, предъявив Японии ультиматум о ратификации еще не утвержденных императором договоров с державами и об открытии для иностранцев городов Хиого и Осака. К июню 1866 г. была подписана новая таможенная конвенция, согласно которой был установлен единый пятипроцентный тариф таможенного обложения экспорта и импорта, снимались ограничения в отношении иностранной торговли и транспортировки грузов, Япония лишалась таможенной автономии. Это был новый шаг к превращению ее в полуколонию. Вскоре было объявлено об открытии Хиого для иностранцев. Князья и самураи протестовали против новой капитуляции правительства сёгуна перед державами.

В такой обстановке, когда внешний и внутренний кризис достиг кульминации, все чаще происходили тайные встречи представителей антисёгунской оппозиции в Киото, обсуждавших план свержения правительства. Вслед за провозглашением императором Японии мальчика Муцухито, за которого все дела вершила группа придворных, была объявлена амнистия антисёгунской знати, попавшей в немилость при умершем императоре.

На тайной встрече в Киото с двумя представителями Тёсю князь Сацума преподнес им два револьвера, что символизировало установление военного союза между обоими княжествами. Войска Сацума высадились в Тёсю и вместе с войсками Тёсю готовились к маршу на императорскую столицу Киото, чтобы «освободить» императора от опеки сёгуна.

8 ноября 1867 г. был издан секретный указ императора о карательной экспедиции против сёгуна и разослан князьям.

Есть данные, что этот указ был составлен от имени мальчика-императора придворным Ивакура Томоми вместе с Окубо Тосимити (Сацума) и Синагава Ядзиро (Тёсю). Были согласованы вопросы о выделении войск от княжеств в объединенную армию, достигнута договоренность о получении средств у банкирских домов Мицуи и других на финансирование военных операций. Войска враждебных сёгуну князей начали вступать со всех сторон в Киото. Одних сацумских войск насчитывалось около 10 тыс. Объединенную армию возглавил самурай из княжества Сацума — Сайго Такамори. Обеспечив себе военное превосходство, оппозиция приступила к реализации плана переворота. Не успело закончиться ночное заседание совета в императорском дворце, как появился Ивакура с пакетом, содержащим указ о «реставрации» императорской власти (3 января 1868 г.). Сайго Такамори во главе вооруженных отрядов пяти княжеств занял входы и выходы из дворца. Во второй половине дня в присутствии императора во дворце состоялась церемония оглашения подготовленных документов о восстановлении власти императора, упразднении сёгуната и учреждении нового правительства из председателя, старших и младших советников. Виднейшие деятели переворота — Ивакура, Гото, Сайго, Окубо — получили только посты младших советников, но фактическая власть находилась в их руках.

Сёгун, чтобы выиграть время, заявил вначале о своем согласии передать власть императору, но, перебравшись из Киото в Осака, начал вооруженную борьбу против нового правительства. В конце января 1868 г. войска сёгуна были, несмотря на превосходство сил, разбиты при Тоба и Фусими (недалеко от Киото) отрядами княжеств Сацума и Тёсю; сёгун бежал в Эдо.

Французы по-прежнему делали ставку на сёгуна, в противовес им англичане все решительнее поддерживали сторонников императора. В то же время державы зорко следили за тем, чтобы не допустить антииностранных выступлений. Японское императорское правительство должно было по требованию английского посланника Паркса осудить на смерть группу самураев за террористические акты против иностранцев. Осужденные должны были совершить самоубийство в присутствии представителей посольств.

3 мая правительственные войска без боя заняли столицу сёгуна — Эдо. Боевые действия перешли на о-в Хонсю, в район северных княжеств, бывших оплотом токугавской реакции, а затем на север о-ва Хоккайдо. Французы помогали сторонникам Токугава оружием и инструкторами, Англия оказывала прямую поддержку правительственным войскам. Летом 1869 г. гражданская война в Японии закончилась. Гос-

подство феодальной династии Токугава, продолжавшееся два с половиной века, было ликвидировано.

Одной из задач новой власти было полное освобождение от внешней зависимости. Этот государственный переворот, получивший в буржуазной японской историографии название «реставрация Мэйдзи» (по названию годов правления императора Муцухито — «эра просвещения», Мэйдзи—1868—1912), был результатом движения, которое началось под руководством феодалов как борьба за национальную независимость. Оно перешло в выступление значительной части феодалов и нарождавшейся буржуазии против правительства сёгуна, предавшего национальные интересы.

Новая власть, не ставившая своей непосредственной задачей ликвидацию феодального строя, а озабоченная лишь разрешением наиболее острых противоречий в стране, вынуждена была в силу внешнеполитических и внутренних социально-экономических условий в конечном счете повести Японию по капиталистическому пути, подготовленному всем ее предшествующим развитием. Поражение крайне реакционных элементов среди японских феодалов дало перевес пробуржуазным кругам самурайства и высшего дворянства. Историческое значение переворота 1868 г. может быть понято только в комплексе с последовавшими за ним преобразованиями, которые объясняют сущность событий 1867—1868 гг. как незавершенную буржуазную революцию — первую буржуазную революцию в Азии.

В мае 1868 г. были отменены цехи и гильдии. Японский капитал освободился от пут средневековья. В 1869 г., после предварительной подготовки политического, идеологического и военного характера, князья «добровольно» передали императору свои владения. Решающий удар феодальному сепаратизму был нанесен в августе 1871 г.: княжества были уничтожены, вся территория страны разделена на префектуры.

В 1872 г. было объявлено о равенстве всех перед законом и уничтожении сословий. Закон о равенстве сословий, отменявший привилегии дворянства, разрешил браки между лицами разных сословий, позволил недворянам иметь фамилии.

Позднее была введена свобода торговли, свобода эмиграции, свобода передвижения по стране. Стало возможно без ограничений возделывать любые сельскохозяйственные культуры, торговать рисом и другими продуктами. Все натуральные налоги были заменены денежными. В 1872 г. была введена новая система просвещения под контролем государства, благодаря которой уже спустя шесть лет около 50% всех детей школьного возраста посещали школу, а через десять лет среди молодых японцев трудно было встретить неграмотного.

В 1871 г. была создана почта европейского образца, с 1872 г. введен европейский календарь.

Монополизировавшие государственный аппарат выходцы из низшего самурайства, тесно связанного с буржуазией, стремились к изменению страны по европейскому образцу. Вместе с тем реформы предусматривали сохранение некоторых привилегий дворянства. С 1873 г. самурайство было лишено рисовых пайков, но получило компенсацию за шесть лет вперед — наполовину наличными деньгами, наполовину восьмипроцентными облигациями казначейства. Еще более щедрый выкуп получили князья за отнятые у них права на землю. На выкуп пенсий самураев и княжеских прав было израсходовано 210 млн. иен. Все эти деньги уплатило в конечном счете многострадальное японское крестьянство.

В феврале 1873 г. был отменен запрет на продажу земли, установленный в XVII в., и вскоре объявлен указ о проведении кадастра и закреплении на правах частной собственности земли за теми, кому она фактически принадлежала. В закреплении прав владельцы получали удостоверения о земельной собственности, на основании чего они юридически становились плательщиками поземельного налога. В июле 1873 г. поземельный налог был унифицирован: он составил 3% цены земли. Таким образом, аграрная реформа 1872—1873 гг. санкционировала частную собственность на землю, разрешила куплю-продажу и заклад земли. Земля стала более доступной для капитала.

Реформа официально лишила прав на землю арендаторов и крестьян, попавших в ростовщическую кабалу: таким образом крестьяне потеряли больше 30% пахотной земли. Кроме того, они лишились многих общинных земель. Тяжелые налоги вели к тому, что процесс обезземеления продолжался, через 10 лет 70% японского крестьянства было на положении арендаторов и полуарендаторов. Зато богатые крестьяне и ростовщики легализовали свои земельные приобретения. Возникла прослойка «новых помещиков», ставших опорой правительства.

В результате реформы большинство крестьян получили незначительные участки земли в собственность, в то время как в феодальную эпоху они имели лишь право пользования ими. Но, сохранив помещичью собственность на землю и легализовав приобретения ростовщиков, узаконив высокий поземельный налог, правительство не создало условий для быстрого развития капитализма в деревне. Этим и определялась незавершенность и двойственность аграрной реформы. Характерными чертами японского капитализма стали ограниченность внутреннего рынка и создание большой резервной армии дешевой рабочей силы.

Японское крестьянство враждебно встретило налоговую реформу. В 1873 г. начались волнения в ряде районов страны. В том же году происходили восстания крестьян против введения всеобщей воинской повинности.

Аграрная реформа и введение всеобщей воинской повинности завершили период революции и преобразований (1868—1873 гг.), который большинством советских историков рассматривается как незавершенная буржуазная революция. Началом и составной частью ее была национально-освободительная борьба против вторжения европейских держав, за сохранение и упрочение независимости.

В 1878 г. Японии удалось добиться заключения договора о признании ее таможенной автономии Соединенными Штатами, однако с оговоркой, что соглашение вступит в силу только при заключении аналогичных договоров с другими державами, поэтому практического значения договор не имел. В январе 1882 г. в Токио состоялась конференция Японии и представителей держав по вопросу о пересмотре неравноправных договоров. Председательствующий Иноуэ Каору настаивал на отмене экстерриториальности и консульской юрисдикции, но вследствие сопротивления английского посланника Паркса шестимесячная работа конференции не дала результатов.

Новая конференция (май 1886 — апрель 1887 г.) рассмотрела вопросы экстерриториальности и таможенных тарифов. Выработанный японским правительством проект, допускавший существование в Японии, как и в полуколониальных странах, смешанных судов и не предусматривавший таможенной автономии, вызвал возмущение японской общественности. Переговоры были прерваны. Одновременно с провалом конференции консульский суд оправдал капитана-англичанина, который при кораблекрушении, спасая европейцев, бросил на произвол судьбы 40 японских пассажиров. Пресса нападала на правительство за то, что оно не стоит на страже национальных интересов. Требование отмены неравноправных договоров стало частью программы так называемого движения за свободу и народные права в 80-х годах, приведшего в 1889 г. к принятию буржуазно-помещичьей конституции в Японии.

Используя англо-американские противоречия, с помощью США японское правительство заключило в ноябре 1888 г. первый равноправный договор — с Мексикой. В начале 1889 г. последовало подписание торговых договоров с Германией, Россией и США, признававших таможенную автономию Японии, но сохранявших смешанные суды, что вновь вызвало негодование всей японской общественности. В октябре 1889 г. министр иностранных дел Окума Сигэнобу был тяжело ранен

националистом. Правительство не решилось ратифицировать договоры*.

Японский буржуазно-помещичий блок искал выхода из внутренних и внешних затруднений в политике внешней агрессии. После попытки захватить китайский остров Тайвань в 1874 г. и навязанного в 1876 г. Корею кабального договора Япония, применив знакомый ей по собственному опыту прием с посылкой эскадры, навязала в 1882 г. Корею под дулами пушек новый унижительный договор, предусматривавший уплату контрибуции и права для Японии держать в Корею войска. Пользуясь выгодами своего географического положения, в 1894 г. — почти через четверть века после буржуазной революции — Япония напала на огромный и отсталый Китай. Возможность обогащаться за счет других народов позволила несколько разрядить внутреннюю обстановку. Агрессия лишила базы либеральное движение в Японии. Война стимулировала промышленное развитие страны, усиление крупного капитала. В то же время шел и неуклонный рост японского пролетариата.

Менее чем за десять лет Япония, став первым самостоятельным национальным государством Азии, на глазах у всего мира обзавелась железными дорогами и телеграфными линиями, арсеналами и флотом, современной промышленностью, обширной сетью начальных, средних и высших школ.

Сочувствие и интерес к Японии проявляли лидеры национальных движений Азии и все прогрессивно мыслящие люди эпохи. Руководитель реформаторского движения Китая в XIX в. Кан Ю-вэй написал объемистый труд «Исследование о реформах в Японии». «Каждая японская реформа, — писал он, — детально разбиралась и критиковалась мной в этой книге. Здесь же я указывал, как нужно будет проводить эти реформы в Китае, и подробно объяснял различные мероприятия».

«В один прекрасный день весь мир, к своему изумлению, стал свидетелем того, как Япония в течение одной ночи проломила брешь в твердыне своих старых привычек», — писал ве-

* Уже накануне японо-китайской войны Англия перед лицом усиления конкуренции Германии и возрастания роли США на Дальнем Востоке согласилась на пересмотр договоров, желая сохранить влияние на Японию и ослабить враждебное отношение к себе в Японии. После подписания англо-японского договора 16 июля 1894 г. были подписаны договоры с другими державами (1894—1896 гг.). Эти договоры отменили консульскую юрисдикцию и право экстерриториальности, но не предоставили Японии полной таможенной автономии. Они были заключены на 12 лет, т. е. до 1911 г. После русско-японской войны, когда Япония превратилась в крупную империалистическую державу, эти договоры не действовали. Новые договоры в 1911 г. отменили все ограничения, урезывавшие таможенные права Японии.

ликий индийский писатель и общественный деятель Рабиндранат Тагор. Возникновение мощи Японии не было капризом истории или чудом, писал он, Япония — наследница культуры Востока, заимствовавшая у Запада питательные вещества, но не свои жизненные органы. Японский пример, по словам Тагора, придал мужества и остальной Азии.

Восторгаясь успехами Японии, Тагор не мог, однако, простить Японии ее агрессивных устремлений. Он упрекал японцев: «Если заполнить дух целого народа безграничным тщеславием на основе своего превосходства, если научить его гордиться своей нравственной тупостью и своим нечестно добытым богатством, если стараться закрепить навсегда унижение побежденных народов, выставя напоказ победные трофеи и пользуясь ими в школах для насаждения в детских сердцах чувства презрения к другим народам, — это значит подражать Западу именно там, где он представляет лишь гнойник». «Не верьте ни на минуту, что зло, причиняемое вами другим народам, не поразит когда-нибудь и вас самих», — обращался Рабиндранат Тагор к японцам.

Ленин приветствовал новое национальное государство Азии, когда писал о «культурной и свободной Японии», о «растущем могуществе молодой и свежей Японии», о Японии как представителе «прогрессивной, передовой Азии». Он писал, что «своим колониальным грабежом азиатских стран европейцы сумели закалить одну из них, Японию, для великих военных побед, обеспечивших ей самостоятельное национальное развитие» *. Ленин в то же время подчеркивал, что японское государство — «буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии» **. Ленин связывал нападение Японии на Китай со складыванием колониальной системы на Дальнем Востоке, когда писал, что Япония, превращаясь в промышленную нацию, «попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии» ***. А когда наступила эпоха особенно обостренной борьбы за раздел и передел мира, Ленин видел в Японии одного из «разбойников», которые делают вид, что ведут «освободительную войну».

Ленин, напоминая об основном положении марксистской диалектики, по которому «все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы

* В. И. Ленин, *Горячий материал в мировой политике*, — Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 179.

** В. И. Ленин, *О праве наций на самоопределение*, — Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 262.

*** В. И. Ленин, *Уроки кризиса*, — Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 83.

не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность», писал о том, что «национальная война *может* превратиться в империалистскую и обратно»¹. В истории Японии получилось так, что она, еще отбиваясь от международного капитала, ограничивавшего ее национальную самостоятельность, стала на путь угнетения других наций.

Япония выходила на арену международной борьбы, когда империалистические державы успели поделить почти весь мир. Низкий платежеспособный спрос населения, недостаточная конкурентоспособность японских товаров ограничили для японской буржуазии возможность завоевания новых рынков путем экономической борьбы. Буржуазия нашла идеологическое оправдание захватнических войн в виде шовинистической пропаганды «освободительной миссии» Японии в Корее и общей гегемонии Японии в Восточной Азии. Реакционные группы военщины внесли свою лепту, воспевая самурайскую доблесть участников завоевательных походов в Корею в XVI в.

Характерными чертами сложившегося японского империализма были сочетание развитой экономики с феодальными пережитками, сращение экономических интересов буржуазии и помещиков, обусловившее крайне реакционную внутреннюю и агрессивную внешнюю политику. Японский империализм приобрел характер военно-феодальный.

Окончательная победа в Японии капиталистического пути над многими пережитками феодализма, сохранявшимися после буржуазной революции, произошла за счет ограбления Японией Китая и других стран. Япония осталась единственным примером полной победы капиталистических отношений в азиатской стране.

Буржуазно-реформаторские и национально-освободительные движения в странах Ближнего Востока

В Османской империи (Турции и ее владениях) в начале 70-х годов XIX в. господствовал абсолютистский феодально-султанский режим. Это была крайне отсталая сельскохозяйственная страна. Феодальные методы эксплуатации крестьянства, внутренние таможенные пошлины и недостаток путей сообщения препятствовали развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Непомерные налоги, откуп, ростовщичество и административный произвол подрывали

* В. И. Ленин, *О брошюре Юниуса*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 5.

сельскохозяйственное производство. Все большим препятствием развитию сельского хозяйства страны становился иностранный капитал, заинтересованный в сохранении феодально-султанского режима для укрепления своих экономических и политических позиций и получения дешевого сырья.

В состоянии крайней отсталости находилось и промышленное производство. Страна совершенно не имела тяжелой промышленности, в жалком положении находилась горнодобывающая промышленность. В упадок пришло некогда высокоразвитое производство тканей. Административный произвол, внутренние пошлины, бесчисленные налоги и поборы буквально подавляли местное промышленное производство. Торговые договоры, заключенные Османской империей с европейскими державами в 1861—1862 гг., закрепляли капитуляционные привилегии иностранных подданных (экстерриториальность, консульские суды, право содержания в Османской империи иностранных почтовых учреждений). Договоры подтверждали право подданных других стран ввозить и вывозить почти все товары, устанавливали импортные пошлины в размере 8% стоимости товара, оставляя местную промышленность беззащитной перед иностранной конкуренцией.

В 60—70-х годах в связи с перерастанием мирового капитализма в империализм и ослаблением Турции в результате Крымской войны усилилось проникновение иностранного капитализма в экономику страны. Иностранные займы и концессии стали мощным орудием экономического закабаления ее иностранным капиталом.

В это же время начали создаваться в Турции первые иностранные банки. Крупнейшим среди них был основанный в 1856 г. англо-французским капиталом Оттоманский банк. В 1863 г. он был наделен правами государственного банка империи. Используя свои привилегии (освобождение всех операций от налогов, право на приобретение земли и т. д.), Оттоманский банк полностью подчинил себе финансы страны. «Оттоманский банк, — писал один из современников, долго живший в Турции, — превосходно организован для того, чтобы выжимать из Турции последние су. Способы, применявшиеся до сих пор алчными финансистами, все же что-то оставляли. Новый банк — насос, под высоким давлением выкачивающий все до последней капли».

Экономическую зависимость Османской империи от иностранного капитала отражал и внешнеторговый баланс, который с 50-х годов сводился со значительным и постоянно растущим дефицитом. Страна превращалась в рынок сбыта и источник сырья для иностранного капитала.

Со второй половины XIX в. иностранные капиталисты начали вкладывать средства и в промышленность, в 1867 г.

добились для нетурецких подданных права на владение земельной собственностью. Средства вкладывались преимущественно в предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства. Позднее, с развитием сети железных дорог, иностранные капиталисты сосредоточили в своих руках всю первичную обработку сельскохозяйственного сырья.

Финансово-экономическое закабаление страны иностранным капиталом, огромный рост внешнего долга приводили к усилению эксплуатации крестьянства и ухудшению положения городского населения. Это вызвало недовольство в различных слоях населения.

Процесс превращения Османской империи в полуколонию иностранного капитала близился к своему завершению.

В стране неуклонно шло развитие товарно-денежных отношений, которое приводило к развитию капитализма в сельском хозяйстве и промышленности. В условиях феодально-султанского режима и растущей зависимости страны от иностранного капитала этот процесс шел медленно и с большими трудностями, причем многие нетурецкие районы экономически были более развиты, чем турецкая часть империи (Анатолия). Тем не менее по сравнению с началом XIX в. налицо были определенные сдвиги, чему в известной мере способствовали проведенные султаном в середине XIX в. реформы (так называемый танзимат) и влияние иностранного капитала. Капиталистические отношения в сельских промыслах распространились прежде всего в западных районах Анатолии — в ковровом производстве Ушака, фаянсовом производстве Кютахьи и др. Одновременно шел процесс образования единого внутреннего рынка. Все это вело к росту торговой и зарождению промышленной буржуазии, причем быстрее росла инациональная буржуазия, в руках которой была сосредоточена значительная часть промышленных предприятий. Однако зарождалась и турецкая национальная буржуазия, которая с первых же шагов столкнулась с тем, что путь к широкому участию в торговле и промышленности ей преграждают феодально-абсолютистский режим, иностранный капитал и инациональная буржуазия, большей частью связанная с иностранным капиталом. В результате в среде буржуазии стало расти недовольство, выразителем которого была молодая турецкая интеллигенция. Так возникает мысль о борьбе за независимость страны, за устранение внешних и внутренних препятствий ее экономическому, политическому и культурному прогрессу.

В Стамбуле в июне 1865 г. была создана тайная политическая организация «Общество новых османов». Вскоре она уже насчитывала 245 членов, большинство которых принадлежало к феодально-бюрократической по происхождению

интеллигенции. Члены общества разработали в 1866 г. план заговора, целью которого было устранение правительства великого везира Али-паши и проведение реформ, направленных на улучшение экономического и политического положения страны. Заговор был вскоре раскрыт, его руководители бежали за границу.

В эмиграции сложилась политическая программа «новых османов». Это было уже четко сформулированное требование ликвидации феодального абсолютизма и установления конституционной монархии. Немалое значение в формировании общественно-политических взглядов «новых османов» сыграло знакомство их с произведениями Руссо, Вольтера, Монтескье. «Новые османы» издавали газеты в Лондоне, Париже, Женеве — «Хюрриет» («Свобода»), «Мухбир» («Корреспондент»), «Иттихад» («Единение»), «Инкиляб» («Революция»), «Улюм» («Знания»), в которых выступали с резкой критикой султанского режима. Газеты «Хюрриет» и «Мухбир» тайно ввозились в Османскую империю и вызвали большой интерес в среде турецкой интеллигенции.

После возвращения на родину часть «новых османов» под руководством выдающегося писателя и публициста Намыка Кемаля (1840—1888) продолжала популяризацию своих идей через прессу и художественную литературу. Большое значение имело издание газеты «Ибрет» («Наставление»), ставшей центром «новых османов».

«Новые османы» первыми в Турции подняли знамя борьбы против феодального абсолютизма. Они боролись за создание благоприятных условий для развития сельского хозяйства, торговли и промышленности, за ликвидацию административного произвола и улучшение дела народного образования. Их борьба имела большое прогрессивное значение.

Однако аграрная программа «новых османов» была умеренной, они требовали только отмены системы откупов и ограничения ростовщичества. Эта умеренность была следствием крайней экономической слабости турецкой буржуазии, не решавшейся выступить против основ полуфеодального землевладения, тем более что сама она была с ним тесно связана. Деятельность «новых османов» ограничивалась узким кругом образованных чиновников и офицеров, литераторов и учащейся молодежи, к широким массам они совершенно не обращались.

Основным политическим требованием «новых османов» было создание умеренной конституционной монархии. Учитывая большое влияние ислама в Османской империи, «новые османы» стремились сделать его орудием борьбы с абсолютизмом, подкрепляя свои конституционные проекты ссылками на коран и шариат.

«Новые османы» энергично выступили против закабаления страны иностранным капиталом, призывая к борьбе за экономическую и политическую независимость. Они ставили вопрос о ликвидации капитуляций и неравноправных торговых договоров, решительно выступали против предоставления иностранным подданным права владения землей, заявляя, что такая мера означает пренебрежение интересами развития собственной промышленности, сельского хозяйства и торговли. «Новые османы» критиковали политику внешних займов, подчеркивая, что это лишь ухудшает и без того тяжелое экономическое положение страны. В одном из номеров «Хюрриет» в августе 1868 г. говорилось, что займы делаются кучкой сановников без согласия народа, что они выгодны лишь европейским банкирам и их стамбульской агентуре, что идут они не на действительные нужды государства, а на удовлетворение прихотей султана и министров.

Важное место в идеологии «новых османов» занимала пропаганда патриотических идей, борьба за освобождение турецкой литературы от арабо-персидского влияния, за простоту языка и стиля литературных произведений. Это было свидетельством пробуждения национального самосознания турецкого народа. Деятельность «новых османов» в свою очередь способствовала его развитию.

В национальном вопросе «новые османы» выступили с теорией «османизации» всех нетурецких народов Османской империи, пропагандируя паносманизм в качестве средства объединения всего населения империи. На деле же путем «османизации» они стремились увековечить господство турок над греками, армянами, болгарами, арабами и другими угнетенными народами. «Новые османы» были настроены враждебно по отношению к освободительным движениям этих народов. В национальном вопросе, таким образом, интересы турецкой буржуазии резко расходились с интересами нарождающейся буржуазии угнетенных турками народов. Это обстоятельство в сочетании с тем, что нетурецкие народы составляли в империи большинство и что многие из них в экономическом и культурном отношении шли впереди турок, привело Османскую империю в конечном счете к распаду. Эти шовинистические моменты в идеологии «новых османов» вылились впоследствии в реакционную идеологию пантюркизма. Распространены были в их среде и панисламистские идеи.

В вопросах внешней политики «новые османы» довольно явно придерживались английской ориентации, будучи убеждены, что Англия — образец конституционной монархии. Но еще важнее было для «новых османов» то, что Англия проводила в отношении Османской империи так называемую политику статус-кво, отвечавшую стремлению «новых османов»

противодействовать освободительным движениям нетурецких народов империи. Подобная политика Англии отнюдь не была вызвана заботой о суверенитете Османской империи. Под предлогом защиты ее целостности английское правительство стремилось воспрепятствовать усилению влияния России на Востоке и особенно на Балканах. Некоторые высказывания «новых османов» позволяют предположить, что они все же понимали те мотивы, которыми руководствовалась Англия в отношении Османской империи. Об этом свидетельствует, например, следующее утверждение одного из лидеров «новых османов» — Зии: «Европейцы смотрят на Османскую империю, как на покойника. И хотя уже невозможно вернуть покойнику жизнь, они все же проявляют стремление сохранить этот труп из страха перед захватом Стамбула Россией, а также из-за того, что не находят никого, кем можно было бы заменить умершего».

В марте 1873 г. турецкое правительство закрыло газеты «новых османов», сослало активных участников движения в отдаленные уголки империи. Но деятельность «новых османов» сыграла значительную роль в подготовке борьбы за конституцию в 1876 г. Их идеи получили распространение среди турецкой интеллигенции, части образованного чиновничества и офицерства, а также среди учащейся молодежи Стамбула.

Между тем экономическое и политическое положение страны резко ухудшилось. В 1873—1875 гг. многие районы Европейской и Азиатской Турции в результате неурожая были охвачены голодом. Увеличение размера ашара (десятины) и ряда других налогов вызвало рост недовольства крестьян и усиление национально-освободительного движения на Балканах.

В 1875 г. восстало население Боснии и Герцеговины, где движение крестьян-славян против помещиков-турок приняло форму всенародной борьбы за независимость, за присоединение к братской Сербии. Движение за независимость разгоралось также в Болгарии. Хотя конечные цели держав не имели ничего общего с обеспечением независимости угнетенных народов Османской империи, на первых порах создались условия для единого фронта народностей, борющихся против турецкого ига, и некоторых держав, заинтересованных в ослаблении и разделе Турции. Особенно значительную роль в этом вопросе играла Россия, оказывавшая помощь борьбе славянских и некоторых других народов, живших на территории Османской империи. Обстановка осложнилась тем, что в октябре 1875 г. кабальные займы привели правительство к финансовому банкротству. В поисках средств правительство прибегло к выпуску большого количества бумажных денег, не имевших никакого обеспечения, что привело к дороговизне.

В результате недовольство распространилось и в широких слоях городского населения — среди ремесленников и торговцев Стамбула и провинций. Недовольство выражали многочисленные чиновники и младшие армейские офицеры, месяцами не получавшие жалованья. Державы, выступавшие кредиторами империи, стали требовать проведения в ней реформ; в конце 1876 — начале 1877 г. в Стамбуле состоялась международная конференция по вопросу о реформах на Балканах.

Сторонники «новых османов» в конце 1875 — начале 1876 г. начали вести в Стамбуле усиленную антиправительственную агитацию. Во главе их встал известный государственный деятель Ахмед Мидхат-паша, связанный с «Обществом новых османов» с момента его возникновения. Пропаганда конституционной монархии нашла особенно благоприятную почву в среде многотысячной армии учащихся стамбульских медресе, выходцев из пизов. В мае сторонники «новых османов» организовали в Стамбуле массовую демонстрацию учащихся, превратившуюся в стихийное народное выступление против султанского правительства и иностранного вмешательства во внутренние дела страны. Султан Абдул-Азиз был вынужден сменить министров, но народное недовольство продолжало расти.

В ночь на 30 мая 1876 г. произошел дворцовый переворот, Абдул-Азиз был низложен, на престол вступил Мурад V. Он возвратил из ссылки участников движения «новых османов», сосланных в 1873 г. Были обещаны реформы государственного устройства. В декабре 1876 г. к власти пришло правительство, возглавленное Мидхат-пашой, а 23 декабря, в день открытия конференции держав в Стамбуле, была торжественно провозглашена конституция Османской империи. Однако реакционеры в последний момент сумели внести в проект конституции ряд пунктов, оставлявших власть султана почти неограниченной. Тем не менее конституция была прогрессивной; она предусматривала создание двухпалатного парламента, торжественно провозглашала свободу и равенство всех подданных без различия религии, гарантировала безопасность личности и имущества, свободу печати, обязательное начальное образование, гласность судов.

Провозглашение конституции не было результатом массового революционного движения. Народные массы в провинциях встретили ее равнодушно, а в ряде случаев под влиянием духовенства даже враждебно. Этому способствовала внутренняя политика правительства, которое с момента низложения Абдул-Азиза и до провозглашения конституции даже не пыталось облегчить положение народа. Главное же — новая конституция, объявлявшая всех подданных империи «османами» и утверждавшая ее неделимость, шла вразрез с чаяниями ино-

ациональных угнетенных народов, стремившихся к полному освобождению от турецкого господства.

«Новые османы» не сумели закрепить победу. Султан Абдул-Хамид II, сменивший на троне Мурада в августе 1876 г., при поддержке реакционных кругов начал расправу с конституционалистами. В начале февраля 1877 г. Мидхат-паша был выслан за пределы империи, а из столицы удалены все активные участники движения. Принимая во внимание международную обстановку и распространенность конституционных идей среди населения столицы, султан не решился официально отменить конституцию. На ее основе был создан первый в истории Турции парламент, который, однако, просуществовал крайне недолго.

В феврале 1878 г. султан, поддержанный феодально-клерикальной реакцией, распустил палату депутатов; участники парламентской оппозиции были высланы из Стамбула. Формально конституция сохранялась, но она не имела больше никакого значения в жизни страны; парламент больше не собирался.

Острейший кризис, пережитый Османской империей в 70-х годах, завершился разгромом Турции в войне 1877—1878 гг. с Россией, выходом русских войск к Стамбулу, русско-турецким мирным договором, узаконившим независимость Болгарии, и затем Берлинским конгрессом 1878 г., на котором державы приступили к разделу турецких владений (оккупация Австрией Боснии и Герцеговины, сговор Англии и Франции относительно захвата Египта и Туниса, формально являвшихся вассалами Турции).

С поражением конституционного движения в Турции настали времена мрачной реакции. Иностранный капитал окончательно превратил страну в свою полуколонию, ее экономическое, политическое и культурное развитие сильно затормозилось. Тяжкий национальный гнет нашел особо яркое выражение в массовой резне армян, организованной Абдул-Хамидом II в 90-х годах.

Конституционное движение 60—70-х годов XIX в. не прошло бесследно. В борьбе за конституцию 1876 г. турецкая буржуазная интеллигенция и либеральные помещики прошли первую школу борьбы за экономический и культурный прогресс своей страны, за ее политическую и экономическую независимость.

Египет, формально находившийся в составе Османской империи, располагал в первой половине XIX в. многими предпосылками для самостоятельного развития по пути к капитализму. Реформы Мухаммеда-Али, правителя Египта в 1805—

1848 гг. (организация регулярной армии и сильного флота, создание мануфактур, строительство ирригационных сооружений, поощрение посевов хлопчатника и сахарного тростника, государственная монополия внешней торговли, насаждение светского образования), подняли Египет на более высокий по сравнению с Турцией уровень экономического развития, укрепили его обороноспособность; реформы вели к превращению Египта в централизованную феодально-крепостническую монархию с развитыми товарными отношениями в сельском хозяйстве и с зачатками промышленного развития.

Европейские державы, опасавшиеся, что создание сильного и независимого арабского государства помешает им осуществить раздел Османской империи, решительно выступили против реформ Мухаммеда-Али, заставили его отменить монополию внешней торговли, закрыть мануфактуры. Иностранный капитал получил свободный доступ на египетский рынок.

С 40-х годов страна фактически была подчинена европейскому капиталу. На Египет, формально оставшийся в составе Османской империи, распространилось действие режима капитуляций, обеспечивавшего ряд привилегий подданным европейских держав (Англии, Франции, Германии, Бельгии). Самыми серьезными соперниками в различных отраслях экономики Египта выступали Англия и Франция.

60—70-е годы XIX в. характеризуются ростом товарно-денежных отношений, окончательным включением Египта в орбиту мирового хозяйства. Строились новые и очищались старые ирригационные каналы; круглогодичное орошение земель, введенное при Мухаммеде-Али в Дельте, стало постепенно распространяться и на земли Верхнего Египта. Было построено 1456 км железных дорог, сооружены доки и гавань в Александрии, переоборудован порт и построены доки в Суэце. На строительных работах европейские подрядчики наживали баснословные состояния. Ввоз и вывоз товаров резко возросли.

Рост товарных отношений в сельском хозяйстве вел к укреплению частнопомещичьего и крестьянского землевладения. Были изданы законы, предоставившие землевладельцам право закладывать свои участки, сдавать их в аренду и продавать, а по закону 1866 г. землевладельцы получили право передавать землю своим наследникам по завещанию.

Переходу страны на преимущественное производство хлопка способствовала благоприятная для Египта международная конъюнктура: гражданская война между северными и южными штатами в Америке (1863—1865 гг.) вызвала в Европе огромный спрос на египетский хлопок. С прекращением войны в Америке цены на хлопок стали катастрофически падать, и в Египте начался острый кризис. Египетский хедив, ориентируя экономику страны по-прежнему на экспорт хлопка, стал в

го же время добиваться расширения посевов сахарного тростника; для обработки его строились десятки сахарных заводов.

Значительному росту товарно-денежных отношений не сопутствовало развитие национального капитализма. Несмотря на переход к товарному земледелию, феодальные и полуфеодальные отношения продолжали господствовать в египетской деревне, а национальная буржуазия была еще очень слаба. Торговля, ростовщичество были сосредоточены в руках преимущественно иностранцев, а также представителей национальных меньшинств Египта (греков, армян, евреев, выходцев из Сирии и Ливана).

Во внешней торговле Египта экспорт резко преобладал над импортом, но это давало стране мало выгоды. В 60—70-х годах почти все ввозимые в Египет капиталы шли по линии государственных займов, предоставлявшихся на кабальных условиях. К тому же в большинстве случаев Египет получал не более 60—70% номинальной суммы предоставленного займа: так, в 1862—1878 гг. вместо обещанных Египту 77 млн. ф. ст. фактически им было получено лишь 52,7 млн.

В ходе экономического завоевания Египта крупные финансовые магнаты, эксплуатируя стремления хедива Исмаила к преобразованиям и его легковерие, добивались концессий, организации компаний, разного рода хозяйственных мероприятий, которые чаще всего кончались крахом. При этом египетское правительство дипломатическим нажимом понуждалось к выплате огромных компенсаций (чаще всего за мнимый ущерб), к скупке акций прогоревших компаний и т. п.

Одним из решающих факторов, приведших в расстройство финансы Египта, было сооружение в 60-х годах Суэцкого канала. Чтобы оплатить навязанный ему пакет акций Суэцкой компании, Египту пришлось сделать ряд займов на кабальных условиях. В возникшем споре между хедивом Исмаилом и «Компанией Суэцкого канала» арбитр — Наполеон III — принудил Исмаила заплатить в качестве неустойки огромную сумму — 3363 тыс. ф. ст. Исмаил был вынужден искать средства у англо-французских банкиров, а те уж не выпускали из рук свою жертву.

Обладая вначале почти половиной акций компании канала, Египет получал всего 15% прибыли — остальные 85% шли компании. Концессия на сооружение канала закабаляла страну: египетское правительство обязывалось не только предоставить компании земли, через которые прокладывался канал, за свой счет обеспечить сооружение пресноводного канала для снабжения водой зоны Суэцкого канала, но и поставить даровую рабочую силу. Из-за каторжных условий труда погибло несколько десятков тысяч феллахов, насильственно согнанных со всех концов страны. Когда же в 70-х годах наступила фи-

нансовая катастрофа, хедив вынужден был продать английскому правительству принадлежавшие ему акции «Компании Суэцкого канала» за четвертую часть стоимости.

В 70—80-е годы платежи по государственному долгу составляли в Египте 70—80% государственных расходов; таким образом, национальный доход Египта в значительной мере поступал иностранному капиталу. Платежи по долгу обеспечивались введением новых налогов и повышением старых. В течение немногих лет поземельный налог с 40 пиастров за феддан был поднят до 160 пиастров. После выплаты крайне обременительных налогов феллахам почти ничего не оставалось от снятого ими урожая; зачастую же для погашения непомерных налогов феллахи были вынуждены продавать за бесценок урожай на корню, а то и рабочий скот. Многие земледельцы бросали землю и бежали. Это явление приняло такие масштабы, что был издан закон о перераспределении заброшенных земель. Невероятно разрослось ростовщичество, способствовавшее обезземелению феллахов. Ростовщические проценты доходили до 10—12 в месяц.

В общем разграблении страны участвовали и 100 тыс. европейцев, живших в то время в Египте, которые пользовались привилегиями в соответствии с капитуляционным режимом: они не платили никаких налогов.

Опутав Египет кабальными займами, европейские державы-кредиторы вначале установили над страной англо-французский финансовый контроль, а затем заставили Египет принять правительство из представителей иностранного капитала. В августе 1878 г. хедив Исмаил вынужден был предоставить посты министров финансов и общественных работ англичанину и французу. Это было министерство, ответственное перед европейскими державами, хедив фактически был устранен от управления. Кабинет возглавил ростовщик Нубар-паша, имевший репутацию авантюриста.

Гнет европейского ростовщического капитала вызвал протесты египетского крестьянства. В начале 1879 г. оно пыталось выразить свое недовольство в форме петиций. В городе также назрело недовольство, в первую очередь в малоимущих слоях. Усиление налогового бремени, повышение акцизов и таможенных ставок привели к удорожанию предметов первой необходимости. Лишались работы чиновники-египтяне, заменявшиеся высокооплачиваемыми иностранцами. Оставшиеся на службе египтяне месяцами не получали жалованья. Финансовое ограбление страны привело к развалу ее экономической жизни, что в той или иной мере задевало интересы и нарождавшейся египетской буржуазии.

К концу 70-х годов в стране поднялась мощная волна национально-революционного движения, направленного в ос-

новном против европейского капитала. Центром освободительного движения стала армия, основу которой составляли феллахи, а низший и средний командный состав вербовался из мелких землевладельцев или из зажиточного крестьянства. Здесь оппозиционные настроения питались помимо общих причин антагонизмом между египтянами и высшим офицерством, состоявшим преимущественно из турок и черкесов, выходцев из среды крупных землевладельцев.

В начале 1879 г. министры-европейцы решили уволить с военной службы 2500 египетских офицеров. Офицерство ответило на это демонстрациями, встретившими живейший отклик в стране. Хедив Исмаил решил использовать эти выступления, чтобы оказать давление на кредиторов и добиться снижения процента по долгам. Он дал отставку правительству, создал подобие парламента из представителей знати, поставил у власти так называемое конституционное министерство, возглавленное либеральным помещиком Шериф-пашой.

Англия и Франция, опасаясь, что Египет пойдет по пути преобразований и опрокинет их расчеты на полное закабаление страны, оказали давление на формального сюзерена Египта — турецкого султана, добившись от него указа о низложении Исмаила (29 июня 1879 г.) и назначении хедивом его более податливого сына Мухаммеда Теуфика. Министерство Шерифа было заменено реакционным кабинетом Рийад-паши. В июне 1880 г. был принят так называемый закон о ликвидации, который должен был урегулировать вопрос о задолженности Египта; в качестве гарантии выплаты процентов по займам представители стран-кредиторов установили контроль над финансами страны, железными дорогами, телеграфом, таможнями, портами, землями хедива.

Выразителем интересов патриотических слоев было египетское офицерство, за которым стояли нарождавшаяся национальная буржуазия, часть помещиков. В мае 1880 г. несколько офицеров во главе с полковником Ахмедом Ораби (Араби) заявили протесты по поводу невыплаты жалованья и посылки солдат на принудительные работы. В январе 1881 г. офицеры во главе с тем же Ораби обратились к премьеру Рийаду с резким требованием отставки военного министра и расследования порядка производства в офицеры. Идеи независимости Египта, распространяемые сторонниками Ораби, находили поддержку в различных социальных слоях населения.

Премьер-министр пытался арестовать Ораби, но тот был освобожден солдатами дворцовой стражи. Правительство отделалось на этот раз смещением военного министра. Готовясь к расправе с движением, власти попытались вывести в течение лета 1881 г. из Каира «ненадежные» войска. 8 сентября 1881 г.

был отдан приказ об отправке полков Ораби и некоторых его сторонников в провинцию.

Ответом была военная демонстрация 9 сентября 1881 г. у дворца с требованиями отставки министерства Рийада, введения конституции и увеличения армии до 18 тыс. человек. Эти пункты, выходявшие далеко за пределы интересов одной лишь армии, были поддержаны массами каирского населения. Хедив был вынужден принять все три требования, было вновь образовано министерство Шериф-паши.

26 декабря 1881 г. открылась сессия палаты депутатов. В то время как сторонники Ораби — большинство палаты — спорили с Шериф-пашой по проекту конституции, Англия и Франция послали в Александрию два военных корабля и выступили с нотой (8 января 1882 г.), требовавшей по существу роспуска парламента. Вмешательство держав усилило сплочение патриотических сил Египта вокруг Ораби. Палата под давлением масс высказалась за замену Шериф-паши более решительным сторонником национального движения — Махмудом Сами, Ораби стал военным министром. Национальное правительство выступило с программой буржуазных реформ. Оно приняло проект конституции, выработанный палатой, наметило ряд мероприятий, направленных к отмене принудительного труда, ликвидации монополии крупных помещиков на воду во время разлива Нила, защите крестьян от ростовщиков, ограничению наиболее вопиющих злоупотреблений европейских чиновников и подрядчиков. Приход к власти национального правительства ознаменовался многолюдными митингами, на которых выдвигались требования отменить смешанные суды, уничтожить европейское господство в какой бы то ни было форме. Движение развивалось под лозунгом: «Египет для египтян», новый кабинет с первых же дней стал увольнять иностранных чиновников и советников.

Между тем реакция собирала силы. 26 мая 1882 г. кабинет Махмуда Сами в результате происков реакции был вынужден подать в отставку. Это вызвало взрыв народного возмущения, и хедив восстановил Ораби на посту военного министра, хотя кабинет в целом не был сформирован — министерствами управляли товарищи министров, места министров оставались незаполненными.

В двадцатых числах мая в Египет прибыли французская и английская эскадры. 11 июня было спровоцировано столкновение городской бедноты Александрии с европейским населением, в резне погибло 140 египтян и 57 европейцев. Это был желанный для британских колонизаторов повод к интервенции.

Английская эскадра под командованием адмирала Сеймура 11 июля в течение двенадцати часов бомбардировала Але-

Александрию. Ораби был вынужден вывести войска из горевшего города. 15 июля англичане высадили десант в ар-Рамле (близ Александрии), куда заранее перебрался предупрежденный Сеймуром египетский хедив. Он издал указ, объявлявший Ораби мятежником.

Ораби-паша и его единомышленники хотели добиться национальной независимости мирным путем. Ораби говорил: «Я хотел бы завершить революцию без капли крови». Однако интервенция Англии заставила его перейти к военным действиям, направленным на защиту отечества от иностранной агрессии. Ораби обратился с воззванием к народу, объявив, что «между египетской нацией и англичанами идет непримиримая война».

Были образованы военный совет и национальный совет, объявивший, что хедив стал пленником англичан и действует не по своей воле; Ораби провозглашен главнокомандующим, объявлен набор добровольцев. Лозунг «Египет для египтян» должен был сплотить все социальные слои.

Ораби установил тесную связь с деревенскими шейхами и крестьянством Дельты, что обеспечивало ему поток продовольствия, фуража и добровольцев. Египетская армия располагала уже четырехмесячным запасом провианта.

Внешнеполитическая обстановка также складывалась благоприятно для восставших в результате углубления противоречий между европейскими державами. Но внимание египетского националистического руководства по-прежнему было направлено на поиски возможных компромиссов с внутренней реакцией и даже с англичанами. С этой целью от имени «национального собрания» была послана специальная делегация для переговоров, большая часть которой перешла на сторону англичан и осталась у них.

Развернув широчайшую сеть укреплений, далеко не соответствовавшую наличному количеству войск, командование повстанцев ослабило оборонительную линию. Отразив первые атаки англичан, Ораби медлил. Несколько недель, прошедших со времени оккупации англичанами Александрии, не были использованы для перехода в наступление, хотя в то время перевес сил явно был на стороне восставших.

Общее число солдат в египетских регулярных войсках составляло только 19 тыс. Призванные же запасные и добровольцы не обладали необходимой военной подготовкой, бединские части не были приучены к военной дисциплине. Силы египетской армии были сосредоточены в укрепленных пунктах. По плану, разработанному начальником генерального штаба египетской армии Махмудом Фахми, предполагалось закрыть доступ пресной воды в Порт-Саид, Исмаилию и Суэц и отрезать английские силы в Египте от подкреплений, которые

должны были прибыть из Индии. Это поставило бы англичан перед выбором: двигаться на Каир либо через пустыню без запасов воды, либо через Дельту во время разлива Нила, представлявшего естественную преграду продвижению английских войск. Но Ораби, полагаясь на заверения строителя Суэцкого канала Фердинанда Лессепса, что англичане не посмеют нарушить нейтралитет канала, не блокировал зону канала.

Основные силы Ораби были сосредоточены в местности Тель-ал-Кебир. Английские войска не встретили на своем пути сколько-нибудь серьезного сопротивления и, более того, продвигаясь ночью к Тель-ал-Кебиру, нигде не обнаружили сторожевых постов.

При Тель-ал-Кебire повстанцы были разбиты наголову. Английские войска вошли в Каир, Ораби был арестован, предан суду и выслан из Египта. Повстанческая армия беспорядочными толпами рассеялась по стране. Египет оказался под игом английской оккупации, хотя партизанская борьба не прекращалась еще в течение нескольких лет.

Восстание Ораби-паши в отличие от ряда предшествовавших ему народных восстаний на Востоке было национально-революционным движением, руководимым нарождавшейся национальной буржуазией, офицерством, передовой интеллигенцией, которые ставили целью завоевание национальной независимости. Несмотря на свою слабость, проявившуюся в факте относительно легкой победы англичан, движение сыграло прогрессивную роль в истории освободительной борьбы египетского народа. Традиции этого движения имели большое значение для дальнейшего развития национальной борьбы в Египте.

В том же году, когда Англия завладела Египтом, Франция захватила другую арабскую страну — Тунис.

Арабские государства Северной Африки, числившиеся формально вассалами Османской империи, но фактически уже с начала XIX в. независимые от нее, пытались использовать противоречия между капиталистическими странами, чтобы упрочить свою независимость, приспособиться к капиталистической эпохе, реформировать свой внутренний строй. Эти попытки наталкивались, с одной стороны, на экспансионистские устремления держав, с другой — на намерение Османской империи восстановить в арабских странах свою власть. В 1835 г. турки захватили Триполи, но их дальнейшее продвижение на запад — в Тунис — было остановлено Францией, приберегавшей Тунис для себя. Попытка Франции овладеть Тунисом в 1837 г. была сорвана противодействием Англии (с 70-х годов в борьбу за Тунис включилась и Италия).

В правление бея Ахмеда (1837—1855) в Тунисе были проведены реформы, сводившиеся главным образом к реорганизации армии по западному образцу. Огромные средства, частью тратившиеся на реформы, а в значительной мере просто расхищавшиеся придворными и чиновниками, взыскивались с населения, увеличивая его тяготы, что привело в 40-х годах к ряду восстаний. В 1863—1864 гг. вспыхнуло антифеодальное восстание под руководством Али бен Гадахума, но было подавлено.

На Берлинском конгрессе, где державы приступили к частичному разделу Османской империи, Франции неофициально была дана санкция на захват Туниса. В 1881 г. французские войска вторглись в Тунис и заняли его; во дворце, окруженном оккупантами, бей подписал договор, устанавливавший фактический протекторат Франции над страной (Бардоский договор).

Народ Туниса ответил на установление колониального ига восстанием, которым руководили религиозные братства, выступавшие под лозунгом войны с неверными. В течение полугода французы завоевали всю страну. По соглашениям, продиктованным бею в 1881 и 1883 гг., власть бея была превращена в фикцию. Тунис подчинен французской колониальной администрации во главе с резидентом.

Национально-освободительное движение в Индии

В Индии, принадлежавшей к сравнительно более развитым странам колониального мира, освободительное движение в последней четверти XIX в. вступило в новую стадию — буржуазно-демократическую. Идеология буржуазного национализма становится постепенно основным направлением общественной мысли, борющейся за независимость Индии. Национальная буржуазия все больше осознавала свои классовые интересы и стала выступать как самостоятельная политическая сила, стремившаяся создать условия для развития своего, национального капитализма. На первых порах она надеялась добиться этой цели путем обращений к английским колониальным властям.

В то же время наряду с умеренным, либеральным крылом буржуазного национализма в Индии все большую роль начинает играть радикальное буржуазно-демократическое крыло. Его представители занимают непримиримые позиции в отношении колониального господства и ищут опору в массах.

После подавления народного восстания 1857—1859 гг. «феодальный национализм» в целом исчерпал свои возможности, однако отдельные его представители возглавляли еще

в ряде случаев антиколониальные выступления. Крестьянские массы по-прежнему находились под сильным влиянием такой идеологии освободительной борьбы, которая основывалась на идеализации доколониального прошлого.

Освободительная борьба индийского народа в 60—70-е годы XIX в. принимала разнообразные формы: крестьянские восстания, религиозная реформация, буржуазно-демократические движения. Все эти формы борьбы объединяло стремление к национальной независимости.

В 60—70-е годы многие провинции Индии были охвачены стихийными крестьянскими восстаниями, особенно значительными в Восточной Бенгалии. Движение с самого начала приобрело там антиимпериалистический, освободительный характер, поскольку, во-первых, борьбу начали крестьяне-арендаторы земель английских владельцев, во-вторых, колониальные власти встали на защиту интересов помещиков. Крестьянам удалось добиться некоторого облегчения феодальной эксплуатации (Закон об аренде в Бенгалии 1885 г.).

Движение маратхских крестьян приняло форму выступлений вооруженных отрядов против помещиков и ростовщиков. В 1873—1875 гг. крестьянский вождь Хонья Бхагоджи успешно руководил борьбой крестьян против ростовщиков. Несмотря на все усилия английской администрации восстановить порядок, в течение двух лет это не удавалось. Крестьяне отказывались платить ростовщикам проценты и выполнять кабальные обязательства. В 1875 г. в районы движения маратхов были направлены регулярные английские войска; 600 крестьян, в том числе Хонья, арестованы. Однако бунты не прекращались, поскольку долговое закабаление крестьянства усиливалось. Из 144 тыс. судебных дел, рассмотренных в 1877 г., 128 тыс. заключалось в денежных исках к крестьянам.

Новым в крестьянском движении 70-х годов было не только объединение антифеодальной и антиимпериалистической борьбы, но и соединение крестьянской психологии с буржуазно-демократической идеологией. Это составляло характерную черту мировоззрения передовых представителей интеллигенции, стремившихся возглавить народную борьбу. Из их среды вышли борцы с колониализмом, призывавшие к немедленному свержению английского колониального господства; одним из них был Васудев Балвант Пхадке. Он стал самым популярным вождем крестьянских масс Махараштры.

Деятельность Пхадке была глубоко противоречивой. С одной стороны, он признавал культурно-просветительную пропаганду среди индийского народа одним из средств свержения колониального гнета (что было свойственно и другим буржуазным националистам того времени). С другой стороны, он призывал к решительной вооруженной борьбе против англий-

ского господства, организовал отряд из маратхских крестьян и совершал налеты на дома помещиков и ростовщиков. Пхадке считал возможным немедленное свержение колониального гнета при условии опоры на крестьян. Он не учитывал реальных сил повстанцев и локального характера движения.

Несмотря на утопический характер социально-политических идеалов Пхадке, его стихийный крестьянский демократизм делал его на голову выше большинства других буржуазных деятелей его времени, хотя буржуазно-демократические лозунги Пхадке, по его собственному признанию, не полностью воспринимались повстанцами.

Районы Пуна, Сагара, Шолапура, Гана стали ареной длительной партизанской войны (1879 г.). На подавление движения были брошены колониальные войска. Колониальные власти обещали за голову Пхадке тысячу рупий. Постепенно англичанам удалось схватить большинство руководителей, в том числе Пхадке, и к началу 1880 г. подавить движение. Пхадке умер в тюрьме.

Почти одновременно с событиями в Махараштре антиколониальное восстание началось в Мадрасском президентстве — в дистриктах Годавари и Визагапатнам. Здесь борьбу крестьян возглавил представитель феодальной знати, интересы которой были ущемлены колониальными властями. Крестьянство, поднявшееся на борьбу за снижение старых налогов и против введения новых, видело в местных феодалах своих естественных покровителей и охотно вступало в их отряды. Повстанцам, проявившим высокий героизм, удалось добиться смены местных властей, что было серьезной победой крестьянского движения.

Конец 80 — начало 90-х годов характеризуются новым подъемом антиимпериалистической борьбы, начало которому положили антифеодальные выступления в княжестве Камбей. Там против увеличения налогов поднялись не только крестьяне, но и мелкие торговцы, ремесленники, некоторые представители интеллигенции. Движение было направлено против наваба и первого министра. Две тысячи крестьян вышли на улицы столицы, требуя не заводить судебных дел против лиц, отказавшихся платить налог по новым ставкам. Наваб бежал на британскую территорию, а вызванные английские войска расстреляли демонстрантов. Это послужило сигналом к восстанию всего населения княжества. Бомбейская буржуазия поддержала требования восставших. Власти вынуждены были считаться с общим движением протеста, наваб был устранен, налоги снижены.

Если восстание в Камбее продемонстрировало, во-первых, непосредственную поддержку англичанами угодных им феодальных князей и, во-вторых, стремление колонизаторов выступать в отдельных случаях в роли арбитров между феодальными

ми правителями и народом, то восстания в других княжествах свидетельствовали, что многие феодалы еще и в конце века пытались возглавить антиимпериалистическую борьбу. Ярким примером этого было восстание в Манипуре. Попытка колонизаторов сместить неугодного им правителя вызвала решительное сопротивление населения. Восставшие нанесли поражение английскому гарнизону, и, только после того как англичане стянули войска из других частей Индии, им удалось подавить восстание и посадить на престол другого правителя.

Среди народных движений Индии в конце XIX в. немалое значение имели выступления под лозунгами борьбы «за веру», направленные как против феодальной, так и против колониальной эксплуатации. Протест против несправедливости скрывался под религиозной оболочкой. Одним из подобных выступлений крестьянства Индии было восстание мопла — мусульман Малабара. В Малабаре беднейшее крестьянство исповедовало ислам в отличие от крупных землевладельцев, приверженцев индуизма. Классовая рознь усугублялась религиозной, что придавало антифеодальной борьбе особую остроту. Когда же на подавление крестьян мопла были брошены английские карательные войска, антифеодальная борьба приобрела антиимпериалистический характер.

Религиозная форма движения мопла имела двойные последствия. С одной стороны, ислам сплачивал беднейшее крестьянство, придавая борьбе организованность. С другой — религиозная форма движения с самого начала обуславливала его ограниченность и известную изолированность от крестьянского движения в других частях страны.

С борьбой угнетенных народов Индии фактически сливалась освободительная борьба пуштунских племен. В 1893 г. эмир Афганистана вынужден был заключить соглашение с английскими колониальными властями Индии, по которому территория, занимаемая пограничными пуштунскими племенами, включалась в индийскую колониальную империю («соглашение Дюранда»). Попытки разграничительной комиссии провести в соответствии с этим соглашением государственную границу привели к восстанию в 1895 г. пуштунских племен (вазирова, афридиева, юсуфзаева). Племенные ополчения имели оружие и определенные навыки партизанской борьбы. Восстание представляло серьезную угрозу английскому господству в этой части Индии. Однако племенной сепаратизм мешал пуштунам добиться победы. Английской колониальной администрации путем мобилизации всех военных сил Пенджаба (до 40 тыс. солдат) удалось после двухлетней напряженной борьбы установить на границе относительное спокойствие.

Народные движения 70—80-х годов XIX в. расшатывали колониальную систему, ослабляли феодальную реакцию, побуждали к политическим выступлениям индийскую буржуазную и мелкобуржуазную интеллигенцию. Лозунги вооруженной борьбы, проповедуемые народными вождями, выступавшими в поддержку буржуазно-демократических идеалов, оказывали огромное революционизирующее влияние как на крестьян, так и на буржуазную интеллигенцию. Лидер левого крыла буржуазных националистов Индии Тилак восхищался героизмом и высоким патриотизмом вождя маратхского крестьянского движения Пхадке.

Империалистические методы эксплуатации способствовали втягиванию Индии в мировой капиталистический рынок. В то же время становление национальной буржуазии ограничивалось конкуренцией иностранного империализма, сочетавшейся с искусственной консервацией феодальных пережитков. Английский империализм препятствовал стремлению к самостоятельному развитию, которое проявлял молодой индийский капитализм. Столкновение интересов империализма и национальной буржуазии стало одним из важных факторов, влиявших на развитие индийского общества последней четверти XIX в.

Политическое формирование класса буржуазии в Индии в этот период ознаменовалось созданием национальных буржуазных организаций, прежде всего в наиболее развитых экономически районах — Бенгалии, Махараштре. Экономическая программа буржуазных и мелкобуржуазных демократов была направлена на развитие национальной экономики. Их основным политическим требованием было участие индийцев в управлении страной. Подобно либералам в западных странах и в Японии, буржуазия Индии выступила за парламентаризм. Это типично буржуазное требование в условиях колониального режима играло прогрессивную роль и оказывало революционизирующее влияние на народные массы.

В Махараштре буржуазное национальное движение в последней четверти XIX в. возглавил Бал Гангадхар Тилак. Выступая как выразитель интересов всей буржуазии, но будучи наиболее тесно связан со средними слоями, Тилак призывал к развитию национальной экономики и бойкоту английских товаров. Однако он был сторонником радикальных форм борьбы за самоуправление. Политически группа Тилака, в которую входили представители мелкобуржуазных слоев Махараштры, расходилась с умеренным крылом буржуазного национального движения.

Тилак и его единомышленники считали нужным поддерживать широкое народное движение, а не изолироваться от него. Народное просвещение и воспитание народа в духе патрио-

тизма и национализма демократы во главе с Тилаком считали основной формой освободительной борьбы.

Серьезное влияние на формирование идеологии буржуазного национализма оказывали религиозные формы мировоззрения, составлявшие неотъемлемую черту психологии крестьянства и городских низов. Одной из распространенных форм буржуазной идеологии стало религиозное просветительство и реформация индуизма и ислама.

Формирование мусульманской буржуазии отстало почти на полстолетия от формирования индусской буржуазии (исключение составляла буржуазия парсов и исмаилитских общин Бомбея). В результате буржуазная идеология мусульман легко облекалась в религиозные формы и с самого начала приобрела общинную, коммуналистскую, окраску. Среди мелкобуржуазной мусульманской интеллигенции большим влиянием пользовалась еще идеология «феодалного национализма». Значительное влияние на формирование мировоззрения мусульманских буржуазных и мелкобуржуазных националистов оказало просветительское общество Сайид Ахмад-хана. Оно призывало к политическому пробуждению мусульман, к распространению среди них буржуазного мировоззрения, но в то же время уповало на помощь англичан, считая неизбежным в течение длительного времени их колониальное господство, и проповедовало изоляцию мусульман от других направлений индийского национально-освободительного движения.

В 80-х годах националисты различных провинций впервые предпринимают шаги, направленные на объединение. Так, в 1884 г. в Мадрасе собралась конференция, где присутствовали представители 17 национальных организаций различных провинций и было принято решение о создании общеиндийской организации.

В конце декабря 1885 г. была созвана общеиндийская конференция в Бомбее, создавшая постоянную организацию под названием Индийский национальный конгресс, который с этого времени возглавил национальное движение в различных провинциях. Образование Национального конгресса ознаменовало начало нового этапа в истории национального движения в Индии. Объединение буржуазных организаций в масштабе всей страны свидетельствовало о росте экономической и политической консолидации индийской буржуазии как класса. В конгресс входили как индусы, так и мусульмане.

Индийский национальный конгресс имел в своих рядах представителей крупного торгово-промышленного капитала, немногочисленную группу либеральных помещиков, представителей буржуазной интеллигенции. При этом буржуазия в

целом участвовала в национально-освободительном движении. Компрадорские, т. е. наиболее тесно связанные с иностранным капиталом, элементы в этот период не выступали в качестве самостоятельной политической силы.

Конгресс действовал в рамках лояльной оппозиции колониальному режиму. Особое внимание члены Конгресса, главным образом либералы, которых было большинство, уделяли критике экономической политики английской колониальной администрации и состоянию экономики. Конгресс принимал резолюции, в которых говорилось о колониальной эксплуатации как причине обнищания страны.

Лидеры Конгресса требовали участия индийской буржуазии и помещиков в совещательных органах при английской колониальной администрации. Английские власти, враждебно относясь к деятельности Конгресса, все же удовлетворили часть его требований, введя некоторых лидеров Конгресса в состав совещательных собраний при губернаторах. Колонизаторы пытались подачками ослабить национальное движение.

Несмотря на ограниченные в целом требования Национального конгресса, его деятельность, направленная на борьбу с колониальной эксплуатацией, оказывала прогрессивное, революционизирующее воздействие на массы индийского народа.

В Национальном конгрессе в этот период укрепилось левое крыло мелкобуржуазных демократов во главе с Тилаком, расходившихся с либералами по вопросу о роли народных масс: Тилак считал необходимым вовлекать в национальное движение самые широкие массы, видя в этом залог успеха борьбы.

Национальное буржуазное движение в Индии не было связано с широко развернувшимся в различных провинциях крестьянским движением. Единичные попытки использовать крестьянскую борьбу в интересах национальной буржуазии (Пхадке) не увенчались успехом. Национальная буржуазия не выдвинула аграрной программы, которая могла бы привлечь крестьянство. Предбуржуазные и полупролетарские элементы индийского народа примыкали в то время к крестьянским движениям, а не к буржуазным.

Национально-освободительное движение в Индии — колонии английского капитала — в последней четверти XIX в. развивалось по восходящей линии. Оно принимало различные формы, оттенки и окраску — культурно-просветительную, религиозную, движения за развитие национальной экономики и т. д. Но все они были направлены в конечном счете на достижение национальной независимости и вливались в единый поток освободительной борьбы.

Борьба народов Юго-Восточной Азии против колонизаторов

В то время как в ряде стран Азии и Северной Африки судьбы национального движения все больше переходили из рук феодалов в руки обуржуазившихся помещиков, а то и непосредственно национальной буржуазии, страны Юго-Восточной Азии находились на раннем этапе национально-освободительного движения. Здесь феодальные государства еще оказывали противодействие поглощению их колонизаторами.

После завоевания Англией Индии английская агрессия направляется против соседней Бирмы. Захватом Бирмы колонизаторы стремились укрепить свои позиции в Индии, а также создать плацдарм для проникновения в юго-западные провинции Китая.

Превращение Бирмы в английскую колонию прошло три этапа: после первой англо-бирманской войны 1824—1826 гг. были аннексированы две бирманские провинции — Аракан и Тенассерим, после второй войны 1852 г. отторгнута провинция Пегу, в результате третьей англо-бирманской войны 1885 г. Бирма стала колонией Англии.

Бирманское феодальное централизованное государство, которое столкнулось с капиталистической Англией, было создано в середине XVIII в. Бирманцы, заселявшие центральные и северные районы страны, покорили моно, живших на юге страны, араканцев, а также более отсталых в своем социально-экономическом развитии шанов, карепов, чинов и качинов, населявших преимущественно горные окраинные районы. Государство основывалось на жесткой ассимиляторской политике по отношению к покоренным народностям. Особенно остро национальный гнет ощущался в Аракане, в южной части Нижней Бирмы и в Тенассериме.

Во главе бирманского государства стоял правитель из династии Конбаун, обладавший почти неограниченной властью и имевший в своем распоряжении сложный и разветвленный центральный аппарат. Крупнейшие чиновники (преимущественно родственники монарха) были и крупнейшими феодальными владельцами. За свою службу они получали не жалованье из казны, а целые области в кормление. На протяжении XIX в. основной тенденцией в развитии форм собственности на землю было становление и укрепление частной феодальной собственности и уменьшение сферы действия государственной собственности. Этому способствовала раздача земли из государственного фонда чиновникам-феодалам за службу, а также развитие товарно-денежных отношений.

Бирманское крестьянство было разделено на многочисленные разряды, каждый со своими правами и обязанностями. Это

облегчало эксплуатацию и затрудняло классовую борьбу крестьянства. Наиболее распространенной формой протеста против жестокой феодальной эксплуатации было бегство крестьян в джунгли.

Бирманские ремесленники были либо простыми товаропроизводителями, свободно распоряжавшимися продуктами своего труда, либо феодально зависимыми членами различных ремесленных объединений, обслуживавших двор и крупных феодалов. Объединение страны в середине XVIII в. дало толчок развитию товарно-денежных отношений, экономических связей между отдельными частями страны, росту и укреплению городов, созданию новых отраслей ремесла. Особенности эти процессы получили после начала англо-бирманских войн. В денежную форму были переведены натуральные налоги, что усилило товарообмен между городом и деревней. В ряде отраслей ремесленного производства начался наем рабочих, скупка готовых изделий торговцами и авансирование ремесленников.

Буддийская религия оказывала воздействие на все слои общества. Каждый бирманец проводил часть жизни в монастыре, где, пройдя определенный курс обучения, мог остаться навсегда или уйти. В каждой деревне был храм или монастырь. Буддийские монахи были освобождены от налогов. Оскорбление монаха считалось тяжким преступлением, святотатство приравнивалось к государственной измене.

Регулярной и обученной армии в Бирме не было, каждый мужчина считался солдатом и в любое время по приказу правителя должен был браться за оружие. Небольшой постоянный военный контингент представляла собой гвардия, но и она с европейской точки зрения не была по-настоящему обучена и вооружена, не знала современной тактики; основным оружием были сабли, кинжалы, пики; огнестрельное оружие, в том числе пушки, было устаревших европейских образцов, порох — очень низкого качества.

Во время первой англо-бирманской войны 1824—1826 гг. бирманское феодальное государство оказало сопротивление английским колонизаторам. 5 марта 1824 г. под предлогом нападения Бирмы на индийское княжество Качар английская Ост-Индская компания объявила войну Бирме. Бирманские войска под командованием талантливого полководца Маха Бандулы вытеснили англичан из Качара и разгромили английский отряд близ Раму на территории Бенгалии. Поражение под Раму вызвало панику среди англичан в Калькутте.

Но вскоре Маха Бандула был вынужден прекратить наступление в Бенгалии и перебросить свои части в дельту Иравади, так как 10 мая 1824 г. английский экспедиционный корпус высадился в Рангуне и занял город.

Рангун казался вымершим. Даже после обещаний английских властей не трогать жителей в город не вернулся ни один человек. Непрерывные нападения бирманцев, а также начавшиеся дожди и эпидемии в английском лагере задержали продвижение английских войск на шесть месяцев.

Бирманский двор требовал от армии немедленного изгнания англичан из Рангуна. Атаки бирманцев следовали одна за другой. Наступление бирманских войск 1 декабря 1824 г. возглавил Бандула. Однако под сильным артиллерийским огнем из укреплений, а также с канонерок Бандула был вынужден отвести свои отряды в форт Данубью, неподалеку от Рангуна. Получив подкрепления, англичане перешли в наступление и после жестоких боев и гибели Маха Бандулы в апреле 1825 г. захватили форт.

Начались мирные переговоры в г. Малуне, которые затянулись, так как бирманцы не хотели принимать грабительских условий договора, навязываемых английской стороной. Лишь после нового наступления английских войск, дошедших до местечка Яндабо, в нескольких днях пути от столицы бирманского государства Амарapura, бирманское правительство 24 февраля 1826 г. подписало мирный договор. От Бирмы были отторгнуты не только ее вассальные княжества Ассам и Манипур, но и две бирманские провинции — Аракан и Тенассерим. Кроме того, Бирма уплачивала контрибуцию в размере 1 млн. ф. ст. и соглашалась принять английского резидента. Бирманское феодальное государство потерпело поражение в столкновении с капиталистической Англией. Безусловно этому способствовала избранная бирманцами тактика открытого боя, тогда как партизанская война не получила большого развития.

Несколько иной характер носило сопротивление английскому завоеванию в Бирме в период второй англо-бирманской войны (апрель — декабрь 1852 г.). Английские колонизаторы не встретили серьезного сопротивления со стороны бирманского государства, значительно ослабленного борьбой феодальных кланов. За три месяца английская армия захватила важнейшие города Нижней Бирмы, включая Рангун. В декабре 1852 г. вице-король Индии Дальхузи объявил об аннексии провинции Пегу в дельте Иравади.

После аннексии Нижней Бирмы в ней вспыхнула вооруженная партизанская борьба местного населения — бирманцев, мононов и каренов, не прекращавшаяся вплоть до 1861 г. Если после первой англо-бирманской войны сопротивление на захваченных колонизаторами территориях, как правило, было незначительным, ввиду того что в Аракане и Тенассериме были сильны антибирманские настроения, то иное положение создалось теперь в Нижней Бирме. Хотя антибирманские на-

строения существовали также среди монского и каренского населения, тем не менее дельта Иравади была теснее связана с остальной территорией Бирмы, чем Аракан и Тенассерим. В северной части Нижней Бирмы имелось значительное бирманское население.

Антиколониальные настроения народов Бирмы усиливались налоговой политикой английских властей, результатом которой явилось разорение населения Нижней Бирмы. Крестьяне уходили в джунгли и создавали партизанские отряды. Особенно сильный размах партизанское движение получило в Пегу в 1852—1854 гг. В 1858 г. восстание каренов против английских колонизаторов охватило даже самые отдаленные горные районы и было подавлено английскими войсками с большим трудом.

Основную массу повстанцев составляли крестьяне, мелкие торговцы, ремесленники. Возглавляли движение сопротивления мелкие и средние феодалы — мьютуджи (из среды которых вышли наиболее видные руководители партизанских отрядов Мья Тун, Маун Гаун Джи), буддийское духовенство. Повстанцы избегали открытых столкновений с войсками колонизаторов, превосходившими их в вооружении и организации, нападали на английские посты, транспорт, совершали неожиданные налеты на населенные пункты, иногда даже на города.

Движение в провинции Пегу не затихало почти девять лет. Даже после подавления основных центров сопротивления в джунглях Нижней Бирмы отдельные отряды не прекращали борьбу с захватчиками. Англичане держали в Бирме армию, по численности вдвое превосходившую то количество английских войск, которое находилось в Бирме во время второй англо-бирманской войны. Партизанское движение в Пегу тормозило английское проникновение в Верхнюю Бирму. Новый этап английской экспансии в Бирме мог начаться лишь в 60-х годах, т. е. после подавления народного сопротивления в Нижней Бирме.

Оставшаяся независимой Верхняя Бирма (северные и центральные районы Бирмы вдоль среднего и верхнего течения р. Иравади), лишившись прибрежных провинций, была отрезана от внешнего мира. Сокращение территории вызвало упадок экономики. В этих условиях пришедший к власти в момент второй англо-бирманской войны правитель Миндон (1853—1878) начал проведение реформ, целью которых было укрепление внутреннего положения страны и усиление ее обороноспособности.

Административная и налоговая система была направлена на централизацию государственного аппарата, ослабление власти крупных феодалов, устранение злоупотреблений при

сборе налогов и взяточничества. Власть крупных феодалов над населением областей, отданных им в кормление, была ограничена; постепенно они переводились на денежное жалование. Но вследствие недовольства феодального чиновничества при преемнике Миндона — правителе Тибо — денежное жалование было отменено и система кормлений восстановлена.

Миндон опирался на широкие круги мьютуджи, которые одни стали теперь отвечать за сбор налогов в своих мьо — округах и фактически превратились в полновластных земельных собственников — в юрисдикцию их входили все крестьяне, проживавшие в данном округе. Налоговая реформа заключалась в введении единого налога на всей территории страны, составлявшего (по первоначальной оценке) десятую часть дохода крестьянина, ремесленника и торговца.

Большое значение имела деятельность Миндона, направленная на развитие торговли и промышленности. В стране была введена чеканка монеты, началось строительство различных предприятий, главным образом оборонного характера, в том числе арсенала, разработка полезных ископаемых (уголь, железная руда). Были приглашены иностранные инженеры и военные, которые начали реорганизацию бирманской армии.

Миндон поощрял развитие торговли и судоходства, пытаясь оградить купцов от произвола феодалов. Объективное значение реформ Миндона заключалось в том, что проведение их в жизнь давало более широкий простор развитию товарно-денежных отношений.

Не помогла и политика дипломатического лавирования между великими державами. Подписание франко-бирманского договора (1885 г.) лишь открыло двери французскому капиталу и ускорило новое английское вторжение. Франция, связанная войнами во Вьетнаме и на Мадагаскаре, не решилась на конфликт с Англией из-за Бирмы.

Воспользовавшись первым же незначительным предложением, Англия в ноябре 1885 г. начала третью войну с Бирмой. Как и в 1852 г., англичане не встретили сильного сопротивления в ходе военных действий. Правитель Тибо сдался в плен спустя две недели после начала кампании (14 ноября). С захватом столицы — Мандалая — действия регулярной бирманской армии прекратились, единственное крупное сражение, которое дали бирманские войска англичанам, произошло у г. Минхла, где бирманцы разбили Мадрасский пехотный полк. 1 января 1886 г. англичане объявили о присоединении всей Бирмы к Британской империи. Но сразу же после захвата Мандалая началось вооруженное сопротивление народов Бирмы, не прекращавшееся до 1896 г., а в некоторых горных районах — до первой мировой войны.

Партизанские отряды, ядро которых составляли солдаты разбитой бирманской армии, напали на английские войска в Мандалае почти сразу после оккупации города. В начале 1886 г. пламя партизанской борьбы бушевало по всей стране, перекинувшись и в Нижнюю Бирму. Офицер английской армии, очевидец событий, писал: «Власть наша распространялась только на расстояние выстрела. Наши крепости были атакованы, на наши посты нападали, по нашим пароходам на реках стреляли... Свергнуть короля Тибо было легко, а покорить его народ — совсем иное дело».

Наиболее широкий размах партизанская борьба в Бирме приняла в 1886—1889 гг. Один из прославленных героев борьбы против англичан Маун Яун (дед основателя современного независимого бирманского государства Аун Сана), вошедший в историю под именем Золотого Яуна, в течение трех лет действовал со своим отрядом в районе Люлина (около Таундвинджи), где он ранее был мьютуджи; он был побежден только в 1889 г.

Широкое участие в борьбе приняли все народы, населявшие страну, в том числе отсталые горные племена шанов, чингов, качинов. В середине 1885 г. была создана конфедерация шанских князей во главе с принцем Лимбином, племянником Миндона.

После вторжения англичан деятельность конфедерации приняла антибританскую направленность. Крестьяне бросали дома и поля и уходили в джунгли. В пограничных районах они часто действовали вместе с бирманцами. Принц Лимбин установил тесную связь с руководителями народных партизанских отрядов. Английские колонизаторы, используя борьбу за власть феодалов, сумели внести путем подкупов раскол в конфедерацию, а затем добиться ее развала. В 1887 г. Лимбин был схвачен, союз шанских феодалов фактически прекратил свое существование. В 1889 г. англичанам удалось благодаря военному превосходству подавить основные очаги сопротивления в Верхней Бирме и южных шанских княжествах. К этому времени большинство князей отошло от движения и руководителями партизанских отрядов стали выходцы из народа.

Почти по всей Бирме были сооружены английские военные посты, чтобы держать в подчинении оккупированную страну. Центры народного сопротивления переместились в отдаленные районы, труднодоступные из-за отсутствия дорог в джунглях и горах. В 1891 г. англичане с большим трудом покорили шанское княжество Вунтхо, где вспыхнуло восстание. Сопротивление чингов было сломлено лишь в 1899 г., а отдельные антианглийские выступления продолжались здесь до 1901 г. Ожесточенное сопротивление встретили английские колонизаторы

при покорении качинских племен, с которыми они справились лишь к 1890 г.; впрочем, отдельные восстания продолжались до 1914 г.

Вьетнамское государство до вторжения колонизаторов представляло собой феодальное королевство. Господствовало общинное владение и пользование землей, однако уже происходил и захват земель общинной верхушкой, существовало частное феодальное и единоличное крестьянское землевладение (особенно на юге Вьетнама). Крестьянство жестоко эксплуатировалось феодальным государством, было обременено поземельным и подушным налогами, трудовой и воинской повинностями.

Во Вьетнаме существовало ремесленное производство, а также горнорудное дело в форме казенной мануфактуры, довольно широко была развита торговля, в том числе внешняя — с сопредельными странами и с европейскими державами (в XVII—XVIII вв.). В XIX в. внешняя торговля сократилась, что было вызвано политикой изоляции, проводившейся королями династии Нгуенов. В целом товарно-денежное обращение не выходило за рамки простого товарного хозяйства.

В связи с быстрым развитием французского капитализма в период Второй империи усилилась погоня Франции за новыми рынками, источниками сырья, стратегически выгодными позициями. Колониальная экспансия Франции эпохи промышленного капитализма особенно развернулась во Вьетнаме. В 1858 г. Франция и Испания предприняли совместные военные действия во Вьетнаме под предлогом защиты христианских миссионеров. Сайгонский договор от 5 июня 1862 г., заключенный Вьетнамом с Францией, закрепил отторжение трех вьетнамских провинций на юге, о-ва Пуло-Кондор и создал предпосылки для дальнейшего закабаления Вьетнама. В 1867 г. губернатор приобретенной колонии в нарушение договора захватил еще три вьетнамские провинции; весь Южный Вьетнам — Нам-ки стал французской колонией Кохинхиной.

Сопrotивление вторжению во Вьетнам, начавшееся с момента высадки французских войск, не прекратилось и после подписания Сайгонского договора. Движение, в руководстве которым было много феодалов, получило широкий размах благодаря активному участию и поддержке различных социальных групп, в том числе крестьянства. Особенно активно действовали в 1860—1864 гг. отряды Чыонг-Конг-Диня, До-Чинь-Тхоая и др.

В 70-е годы XIX в. начался второй этап французской экспансии. В это время усилилось англо-французское соперничество из-за проникновения в южнокитайские провинции. Воз-

ры колонизаторов вновь обратились к Вьетнаму: северная часть его граничит с Китаем, а Красная река, протекающая здесь, представляет удобный путь в китайскую провинцию Юньнань. Северный Вьетнам — Бак-ки (Тонкин), богатый углем и другими полезными ископаемыми, с плодородными почвами, был густо населен. Поводом для дальнейших происков французов во Вьетнаме послужила экспедиция 1872—1873 гг. купца-авантюриста Ж. Дюпюи, намеревавшегося открыть торговлю по Красной реке с южнокитайскими провинциями и провозгласить Бак-ки французским протекторатом. Губернатор Нам-ки адмирал Дюпре послал для поддержки Дюпюи экспедицию из трех военных кораблей под командованием Ф. Гарнье. 20 ноября 1873 г. отряды Гарнье и Дюпюи напали на Ханойскую крепость и взяли ее, затем овладели рядом городов в дельте Красной реки.

Вьетнамские власти начали стягивать войска к Ханюю. 21 декабря 1873 г. во время вылазки у Ханоя Гарнье был убит. В тот же день вьетнамская армия атаковала французский гарнизон в Нам-Дине. В сражении под Ханюем активную роль сыграли отряды так называемых «Черных флагов» под командованием Лю Юн-фу. Это были остатки китайских повстанческих отрядов провинции Гуанси, после разгрома тайпинов перешедшие на территорию Вьетнама и обосновавшиеся в районе Лаокая.

Учитывая военное превосходство Франции, вьетнамский король Ты Дык согласился на заключение нового договора, который был подписан 15 марта 1874 г. Статьи его предусматривали право Франции держать во Вьетнаме военные силы в виде так называемых консульских эскортов, вмешательство французских чиновников в таможенную и налоговую политику вьетнамского двора. Король Ты Дык согласился на использование французских военных сил для подавления народных движений. Статья 2 договора, провозглашавшая «независимость вьетнамского короля по отношению к любой иностранной державе», имела в виду лишить Вьетнам повода обращаться за военной помощью к Китаю*. Статья 3 договора обязывала Вьетнам согласовывать свою внешнюю политику с политикой Франции.

Подписание капитулянтского договора вызвало возмущение населения Бак-ки. В 1874 г. в провинциях Нге-Ан и Ха-

* Вьетнам находился до X в. под властью Китая, и в XIX в., хотя вьетнамское государство было фактически независимо, китайское правительство по традиции смотрело на Вьетнам как на своего вассала. Это использовали правящие классы Вьетнама: когда им требовалась помощь против крестьянских восстаний или (с середины XIX в.) против иноземных захватчиков, они обращались к Китаю и тот посылал на помощь своему вьетнамскому «вассалу» войска.

Тинь вспыхнуло восстание под руководством патристически настроенной феодальной интеллигенции — «ван-тханов». Восстание, во главе которого встали Данг-Нь-Май и Чан Тан, было направлено как против французов, так и против капитулянтской политики королевского двора. Восставшие продержались четыре месяца.

Правящая феодальная верхушка не сумела использовать настроения в стране для организации сопротивления иностранной агрессии. Король Ты Дык дважды (в 1877—1878 и 1880—1881 гг.) отправлял торжественные посольства с традиционной «данью» в Китай, стремясь заручиться его поддержкой в борьбе с Францией, предпринял попытки (не увенчавшиеся успехом) установить внешнеполитические связи с Сиамом, с Испанией. В то же время король надеялся путем переговоров непосредственно с французским правительством, через голову колониальных чиновников в Южном Вьетнаме, добиться вывода французских войск. Но в области внутренней политики не было предпринято ни усиления армии, ни политических и экономических преобразований. Напротив, король прибегал к военной помощи Франции для подавления антифеодальных выступлений.

С 1882 г. начался третий этап французской агрессии во Вьетнаме. Французские колониальные власти в Нам-ки в нарушение договора 1874 г. послали в Ханой военные подкрепления под командованием морского офицера Ривьера, чтобы установить французские посты на Красной реке. 25 апреля 1882 г. Ривьер атаковал и занял Ханойскую крепость, захватил таможню.

Среди вьетнамских правящих кругов не было ни единства мнений, ни единства действий по отношению к захватчикам. Вопреки приказу короля главнокомандующий вьетнамской армией Хоан-Та-Вьем и губернатор провинции Нам-Динь начали подготовку к вооруженной борьбе и повели переговоры о совместных действиях с отрядами Лю Юн-фу. Однако Ты Дык, боясь опереться на народ, потребовал отвода отрядов Лю Юн-фу, приказал распустить провинциальные войска и обратился за военной помощью к феодальному Китаю.

Китайское правительство сознавало, что проникновение Франции в Бак-ки создает прямую угрозу южным провинциям Китая. Поэтому из пограничных районов в Бак-ки были двинуты китайские войска. Однако китайское правительство также боялось открытой войны с Францией и начало переговоры с ней. Осенью 1882 г. французский посланник в Пекине Буре и китайский сановник, ведавший сношениями с иностранцами, Ли Хун-чжан заключили соглашение об отводе китайских войск из Бак-ки, открытии Красной реки для французской торговли и о разделении Бак-ки на две зоны, одна из которых,

примыкавшая к китайской границе, должна была находиться под китайским контролем, а другая, включавшая почти всю территорию Бак-ки, оккупировалась французскими войсками. За это к Китаю должен был отойти вьетнамский пограничный город Лаокай. Однако заветной целью французских колонизаторов оставалась оккупация всего Бак-ки. Когда в марте 1883 г. во Франции пришло к власти правительство Ферри, одного из активнейших проводников колониальной политики (он получил прозвище «тонкинца»), соглашение Буре — Ли Хун-чжан было отвергнуто. Позиция Ли Хун-чжана также не получила одобрения китайского правительства, где к этому времени возросло влияние группировки, стоявшей за сопротивление.

Весной 1883 г. отряд Ривьера был осажден в Ханое частями вьетнамской армии и отрядами «Черных флагов». 19 мая, во время одной из вылазок, отряд понес большие потери, сам Ривьер погиб. Это дало повод французскому правительству отправить новые военные подразделения во Вьетнам. Была объявлена блокада вьетнамского побережья. 20 августа эскадра адмирала Курбе захватила форты на подступах к столице — Хюэ, а 25 августа 1883 г. новый вьетнамский король (Ты Дык умер в июне 1883 г.) был вынужден подписать соглашение, по которому вьетнамское правительство обязывалось вывести свои войска из Бак-ки и признавало французский протекторат.

Однако вьетнамская армия в Бак-ки не подчинилась приказу и не сложила оружия. Вместе с «Черными флагами» она обороняла г. Сон-Тэй. После тяжелых боев город в декабре 1883 г. был взят французами, основные силы вьетнамской армии разгромлены. В марте — апреле 1884 г. французам после прибытия новых подкреплений удалось захватить Бак-Нинь, оборонявшийся главным образом китайскими регулярными войсками провинции Гуанси, летом 1884 г. после ожесточенных боев пал и Тьюен-Куанг.

Военные успехи достались колонизаторам нелегко. Хотя вьетнамские и китайские войска не располагали достаточным количеством современного оружия, они ожесточенно сражались. Созданные к этому времени местные отряды сопротивления применяли гибкую тактику партизанской войны, нарушали коммуникации противника и держали вражеские гарнизоны на осадном положении.

Французская общественность была недовольна авантюристской политикой правительства Ферри. Эту политику подвергали критике в парламенте радикалы, а также правые партии. Правительство обвиняли в нарушении конституции, ведении войны без санкции парламента. Вызывали возмущение растущие ассигнования на войну.

В мае 1884 г. между Францией и Китаем была заключена Тяньцзиньская конвенция, по которой предусматривался вывод китайских войск из Бак-ки, на границе открывался пункт для французской торговли. Воспользовавшись перерывом в военных действиях, Франция вынудила вьетнамское правительство подписать 6 июня 1884 г. новый договор, мало чем отличавшийся от прежнего соглашения (французы получили право держать в Бак-ки войска, управлять таможнями и местными делами). Однако в это время договор не был претворен в жизнь.

В июне 1884 г. произошло столкновение французского корпуса, отправившегося для занятия г. Лангсона, с китайскими частями у Бак-Ле. Несмотря на то что Тяньцзиньской конвенцией точный срок отвода китайских войск не был определен, французское правительство использовало инцидент для продолжения войны с Китаем и потребовало от Китая уплаты контрибуции в 250 млн. фр. В августе 1884 г. Курбе бомбардировал китайские форты Цзилуна, на Тайване, затем порт Фучжоу, потопив стоявшие там китайские суда. В начале 1885 г. французские войска предприняли новое наступление в Бак-ки. Начались ожесточенные бои у Лангсона. В феврале город был занят французами, но в результате атак китайских войск отряд захватчиков уже в марте в панике бежал из Лангсона, бросив оружие и воинскую казну. Это поражение привело к падению министерства Ферри (30 марта).

Фактический руководитель внешней политики Китая Ли Хун-чжан не использовал момент для организации нового наступления, напротив, он спешил кончить дело соглашением. 4 апреля было подписано предварительное соглашение, а 6 июня 1885 г. мирный договор Китая с Францией, признававший господство Франции во Вьетнаме.

После подписания Тяньцзиньского мирного договора и вывода китайских войск из Вьетнама борьба вьетнамцев за независимость не только не затихла, но разгорелась с особой силой и приняла всенародный характер.

Молодой вьетнамский король Хам Нги и регент бежали в горы Чунг-ки, где заранее была создана укрепленная база. Отсюда король обратился с воззванием к населению, призывая к вооруженному сопротивлению захватчикам. Лозунг «Спасение родины» приводил под знамя движения сопротивления различные социальные слои. Руководили движением чиновники и феодальная интеллигенция. В феодальном Вьетнаме они пользовались известными привилегиями; с приходом же колонизаторов права их были ущемлены. Крестьяне составляли главную военную силу повстанческих отрядов.

Освободительная борьба (1885—1896 гг.) получила название движения «кан-выонг» (верность королю). После бегства

Хам Нги французскими властями был возведен на престол новый король, Донг Кхань, а Хам Нги объявлен низложенным. Движение «кан-выонг» ставило целью изгнать захватчиков и восстановить власть короля Хам Нги.

В 80-е годы центром движения стали районы Чунг-ки, особенно провинция Куанг-Бинь. В конце 1885 — начале 1886 г. французские войска в ряде сражений потерпели поражение от вьетнамцев. В 1886—1887 гг. героическое сопротивление было оказано французам в Ба-Дине (на севере Чунг-ки). Повстанцы построили укрепления, препятствовавшие снабжению французских войск в Бак-ки из Чунг-ки. В провинции Тхань-Хоа в 1886—1892 гг. действовали значительные отряды повстанцев, привлечшие к участию в движении население горных районов. В 1885—1895 гг. армия повстанцев «кан-выонга» действовала в провинциях Нге-Ан, Ха-Тинь, Куанг-Бинь, Тхань-Хоа. Вплоть до 1891—1892 гг. основные провинции дельты Красной реки и предгорных районов Бак-ки также были охвачены повстанческим движением.

Французские колониальные власти, продолжая военные операции, приняли ряд мер, чтобы расколоть и ослабить движение «кан-выонг». С этой целью они стали шире привлекать к сотрудничеству и назначать на новые должности старых вьетнамских чиновников, создали специальные вьетнамские войска, которые использовали в карательных операциях. В горных районах колонизаторы стали проводить политику раздувания национальной вражды, чтобы ослабить антиколониальное движение. После того как началась китайско-японская война 1894—1895 гг. цинское правительство, заинтересованное в улучшении отношений с Францией, прекратило негласную поддержку вьетнамского освободительного движения.

В 90-е годы сопротивление французскому колониальному режиму сосредоточилось главным образом в горных районах Бак-ки и Чунг-ки. Превосходящие военные силы противника к 1898 г. подавили очаги вооруженного сопротивления движения «кан-выонг».

В 1892—1913 гг. в Бак-ки развивалось крестьянское движение под руководством Хоанг-Хоа-Тхама (или, как его обычно называют, Де Тхама). Де Тхам происходил из бедной семьи, работал батраком. С ранних лет он примкнул к партизанскому отряду Де Нама, участвовавшему в движении «кан-выонг». Благодаря организаторским способностям, полководческому таланту и энергии он выдвинулся в ряды командиров повстанческих отрядов. Особенно активно его отряды действовали в 1892—1897 гг. в провинциях Бак-Занг, Бак-Нинь и Тхай-Нгуен, представляя внушительную силу. Местное население, в первую очередь крестьянство, поддерживало их и вступало в ряды повстанцев. Успешные военные операции

отрядов Де Тхама, его большой авторитет дважды (в 1894 и 1897 гг.) заставляли французов идти с ним на переговоры, в результате которых ему были предоставлены в управление четыре волости провинции Бак-Занг. Французские колониальные власти обязались вывести войска с этой территории и выплатить Де Тхаму сумму в 15 тыс. пиастров, надеясь подкупить его и заставить отказаться от борьбы. Однако Де Тхам использовал передышку, чтобы укрепить свою базу, пополнить отряды, закупить оружие. В 1895—1897 гг. его отряды совершали налеты на французские посты, держали в страхе французских колониальных чиновников и колонистов, завладевших крестьянской землей, боролись против местных вьетнамских чиновников, служивших колонизаторам.

В результате крупных карательных операций французских войск в 1908—1910 гг., после упорной борьбы основные отряды Де Тхама были разгромлены, сам он скрывался в горах, но в 1913 г. был предательски убит.

Героическая вооруженная борьба вьетнамского народа в этот период стала одной из самых славных страниц истории Вьетнама.

Частью антиколониального движения второй половины XIX в. в Юго-Восточной Азии была борьба султаната Аче на Северной Суматре за сохранение независимости.

С приближением империалистической эпохи, переходом к окончательному разделу мира Голландия усилила экспансию в тех районах Индонезии, которые еще не стали колонией. К новым захватам Голландию подталкивала и Англия, предпочитавшая видеть хозяином Индонезии слабую в военном отношении, тесно связанную с Англией Голландию, нежели своих конкурентов из числа великих держав. Этими соображениями руководствовалась Англия при подписании с Голландией Суматранского трактата 1871 г., по которому соглашалась на захват Северной Суматры Голландией, оговорив наделение английских подданных равными правами с голландцами на этой территории.

Султанат Аче в 70-х годах XIX в. был наиболее крупным независимым государством Индонезии. Политическим центром султаната была область Великий Аче на крайнем севере Суматры — в устье р. Аче, где был расположен султанский домен. К нему примыкали три феодальных объединения — саги. Центральная власть в Аче была слабой.

Поводом для развязывания войны голландские колонизаторы избрали переговоры о помощи, которые ачехские представители вели в Сингапуре с консулами Италии и США. В Аче была отправлена голландская экспедиция. Аче отверг

требование о подчинении голландцами, и 26 марта 1873 г. началась война.

На первом этапе войны (1873—1880 гг.) сопротивление организовывалось центральной властью, а затем отдельными феодалами Аче. Экспедиция с целью захвата столицы султана окончилась поражением голландцев; понеся значительные потери, в конце апреля 1873 г. они вынуждены были вернуться на Яву.

Вторая экспедиция была подготовлена тщательнее: в Аче направлены лучшие голландские части, побережье блокировано голландским флотом.

Командующий экспедицией генерал ван Свитен избрал тактику медленного продвижения вдоль р. Аче к султанскому дворцу и главной мечети — основным опорным пунктам ачехцев. Используя сухопутную и корабельную артиллерию, голландцы в декабре 1873 — январе 1874 г. овладели султанским доменом. 31 января ван Свитен объявил Аче голландской территорией, считая, что с падением столицы война закончена. В апреле 1874 г. большая часть голландских войск покинула Аче.

Но с падением столицы война не кончилась. Голландцы встретили решительное сопротивление, особенно в горах, где население было связано кровнородственными узами и более сплоченно, чем в прибрежных районах. За организацию сопротивления взялись владетельные феодалы Аче. Уже в 1875 г. голландцы вынуждены были перейти к обороне, создав линию укреплений и пытаясь посредством блокады побережья прекратить доступ оружия в Аче.

Попытки голландцев привлечь на свою сторону ачехских феодалов в тот период не увенчались успехом; большинство феодалов стояли за продолжение борьбы. Но каждый из них действовал самостоятельно, защищая лишь свои владения, попытки нескольких наиболее дальновидных феодалов объединить силы наталкивались на сопротивление остальных. Двор малолетнего султана Мохаммада Дауда, находившийся в одном из вассальных княжеств — Пиди, не стал центром сопротивления. Феодалы боялись привлечь к активной борьбе крестьянство, ограничиваясь своими дружинами.

Все эти обстоятельства пагубно сказались на борьбе ачехского народа, когда голландские колонизаторы в 1878—1879 гг. предприняли широкое наступление. В Аче была перебросена половина всей голландской армии в Индонезии, губернатор Аче ван дер Хейден развернул наступление сначала в Великом Аче, а затем в прибрежных княжествах. Были разгромлены отряды ряда крупных феодалов, многие из них, в том числе везир султаната, сдались голландцам. На завоеванных территориях голландцы установили режим жесточайшего террора.

Производились массовые экзекуции, сжигались деревни, население облагалось штрафами.

Считая, что с сопротивлением в Аче покончено, голландские колонизаторы весной 1881 г. ввели в Аче так называемое гражданское управление. Но с 1881 г. начался новый этап борьбы ачехцев за независимость, продолжавшийся до 1896 г. Крестьянство, недовольное бесчинствами колонизаторов, их налогами и поборами, активнее включалось в борьбу. После прекращения сопротивления значительной частью феодалов на первый план выдвинулись духовенство и зажиточная верхушка ачехской деревни, откуда вышли предводители партизанских отрядов.

В 1881 г. партизанское движение в горном районе возглавил улама Мохаммад Саман, или иначе Тенку Чик ди Тиро, провозгласивший священную войну против голландцев. Этот призыв всколыхнул всю страну, и уже в 1882 г. повстанцы нанесли ряд серьезных поражений голландцам. На западном побережье активную борьбу с голландскими колонизаторами развернул Теуку Умар.

Голландцы вынуждены были перейти к обороне, создав с 1884—1885 гг. сеть соединенных железной дорогой укреплений в северной части Аче, между которыми совершалось непрерывное патрулирование. Повстанцы вытеснили голландцев из всех пунктов, расположенных вне этой сети укреплений, совершали нападения на голландские патрули, транспорты.

Почти вся территория Аче была освобождена. В прибрежных княжествах голландцы удерживали отдельные опорные пункты. В 1889 г. Мохаммад Саман нанес сокрушительное поражение крупному голландскому отряду близ укрепления Кута Похама.

На освобожденной от голландцев территории Великого Аче Мохаммад Саман создал государство, руководящая роль в котором принадлежала уламам. Светские феодалы были оттеснены на второй план и лишились части доходов. Некоторые перешли на сторону голландцев, но большинство стояло на позиции пассивного сопротивления, ориентируясь на султанский двор как противовес уламской партии. Вместе с тем Саман подавлял антифеодальные тенденции, стремясь направить движение в русло чисто религиозной войны. Население обязано было участвовать в войне или платить налог на содержание отрядов Самана.

По мере укрепления своего положения Саман все меньше (даже формально) считался с султаном, стремясь создать наследственное теократическое государство. На идеологию движения несомненное влияние оказали идеи ваххабизма и мюридизма, проникавшие в Аче через многочисленное индоне-

зийское землячество в Мекке. В государстве Самана насильственно вводился шариат.

К началу 90-х годов обострились внутренние противоречия в государстве Самана. Крестьянство, которое несло на себе основную тяжесть борьбы, было недовольно эксплуататорской политикой окружения Самана, засильем уламов. Противоречия в лагере повстанцев были на руку голландским колонизаторам, которые с начала 90-х годов по совету известного ученого-историка К. Снука Хюргронье (с 1898 г. советника «по туземным делам» при губернаторе Аче) стали активнее привлекать наследственных феодалов на свою сторону, предоставляя им различные привилегии и сохраняя за ними право на эксплуатацию крестьянства.

Голландские колонизаторы сеяли рознь в лагере восставших, подсылали убийц к руководителям движения. В 1891 г. при загадочных обстоятельствах умер Мохаммад Саман, после чего усилились разногласия среди повстанцев. Многие не хотели признать своим главой сына Самана — Мат Амина. Один из самых видных руководителей Теуку Умар, соперничая с Мат Амином за влияние, перешел в 1893 г. на сторону голландцев. Убийство в 1896 г. Мат Амина усилило разногласия.

Заключительный этап ачехской войны (1896—1913 гг.) характеризовался постепенным спадом движения, продолжавшегося лишь в некоторых районах отдельными партизанскими отрядами.

В 1896 г. Теуку Умар со своим отрядом вновь поднял оружие против голландцев. На короткое время весь Великий Аче оказался охваченным пламенем народной войны. Но голландцы вскоре оправились от неожиданности и предприняли широкое наступление. Они создали жандармерию из индонезийцев с голландскими офицерами, которая осуществляла карательные операции, убивала и похищала повстанческих вождей. Основой политического курса голландских колонизаторов стали опора на наследственных феодалов и изоляция уламов.

Повстанцам не хватало оружия, боеприпасов, к тому же население устало от почти тридцатилетней войны. Все это в сочетании с военным превосходством голландцев определило успех последних в конце XIX — начале XX в. Очаги сопротивления в Великом Аче были разгромлены в 1896—1898 гг., центр борьбы переместился в княжества западного и восточного побережья. Сильный удар движению нанесла гибель в 1899 г. Теуку Умара, попавшего в засаду и убитого жандармами. В 1903 г. голландцам сдался султан, после чего отдельные очаги сопротивления сохранились лишь в горных районах и в джунглях побережья. В 1905 г. голландцам удалось захватить жену Теуку Умара — Чут Нья Дин, после

смерти мужа руководившую партизанской борьбой. В 1907 г. в столице Аче — Кутарадже вспыхнуло новое восстание, после которого султан был выслан из Аче.

После гибели или сдачи в плен большинства повстанческих вождей восточного побережья в 1909—1910 гг. ачехская война фактически закончилась, хотя отдельные партизанские отряды продолжали действовать до 1913 г.

Единственным государством Юго-Восточной Азии, сумевшим в конце XIX в. сохранить независимость, был Сиам (Таиланд).

В конце XVII в. правители Сиамы закрыли страну для европейцев. Сиамская столица Аюттия утратила былое торговое значение. Закрытие страны сказалось отрицательно на товарно-денежных отношениях и задержало развитие Сиамы. Вместе с тем благодаря закрытию страны Сиам позже других стран Юго-Восточной Азии стал объектом экспансии капиталистических государств Запада. Лишь в 1855 г. Сиам заключил неравноправный договор с Англией. По этому договору пошлина на английские товары ограничивалась 3% их стоимости, английские торговцы получили право беспошлинного ввоза опиума, англичанам разрешалось покупать и арендовать земли в районе столицы (с 1767 г.) — Бангкока. Английские подданные получили право экстерриториальности и консульской юрисдикции. Вслед за Англией подобные неравноправные договоры с Сиамом заключил ряд других европейских держав и США.

Таким образом, с «закрытием» страны было покончено. Европейский, в первую очередь английский, капитал начал активно проникать в Сиам, экономика которого все более становилась зависимой от мирового рынка.

Вовлечение страны в систему международного разделения труда, разрушение вековой замкнутости ускорили развитие Сиамы: выросло товарное производство, появились мануфактурные предприятия и т. д. Вместе с тем усилилось проникновение западного капитала, захватившего контроль над внешней торговлей страны, ее лесным хозяйством и добывающей промышленностью. Зарождавшаяся буржуазия Сиамы была инонациональной (главным образом китайской), занималась в основном посредническими операциями.

В этих условиях феодальный правящий класс Сиамы пошел на осуществление реформ, призванных европеизировать Сиам и обеспечить его независимость. Первые реформы были проведены при короле Монгкоте (1851—1868), а дальнейшие — при его преемниках Чулалонгкорне (1868—1910) и Вачиравате (1910—1925).

В 50-х годах был отменен ряд королевских монополий, проведена налоговая реформа. Монгкут создавал государственные мануфактуры, содействовал печатному делу, приступил к чеканке монет. Он привлек иностранцев в управленческий аппарат и приступил к реорганизации армии и флота по европейскому образцу.

При Чулалонгкорне была проведена реорганизация административной системы: отменены кормления, губернаторы и наместники поставлены под строгий контроль центра, образованы министерства европейского типа. В 1874 г. были приняты первые меры против широко распространенного в Сиаме рабства. Одновременно были отменены принудительная служба ряда категорий населения в армии и государственная барщина. Сиамское правительство провело реорганизацию финансов и судебной системы, создало школы европейского типа и несколько специальных учебных заведений (военные училища, юридическую, медицинскую, землемерную школы).

Проведенные реформы способствовали экономическому развитию страны, перестройке (хотя и очень медленной) традиционной социальной структуры, укреплению обороноспособности. Это давало Сиаму определенные преимущества по сравнению с соседними странами (Бирма, Вьетнам), где реформы совсем или почти не проводились.

Идя на уступки западным державам в экономической области, сиамское правительство упорно добивалось ограничения политических привилегий иностранцев. В 1883 г. в обмен на допуск английских купцов в северные районы Сиам добился ограничения юрисдикции английского консула, а вслед за тем — консулов других стран. В 1909 г. ценою отказа от сюзеренитета над четырьмя малайскими княжествами и разрешения англичанам владеть землей во всем Сиаме и свободно передвигаться по стране Сиам добился отмены права экстерриториальности английских подданных, а затем и всех иностранцев.

Но реформы, вероятно, не спасли бы Сиам от превращения в колонию, если бы не противоречия между западными державами. До 80-х годов основным влиянием в Сиаме пользовалась Англия, а с этого времени все более активно действует и Франция, владения которой на Индокитайском полуострове вплотную приблизились к сиамским границам. Сиам оказался между двух огней: с востока наступала Франция, с запада и юга — Англия. В 1893 г. Франция начала открытую агрессию, направив военные суда к Бангкоку и блокировав столицу. Сиам отказался от притязаний на лаосскую территорию на правом берегу Меконга и на острова по этой реке, обязался не держать войска в 25-километровой зоне к западу от Меконга. Англия, согласившаяся на захват Францией

этих лаосских территорий, постаралась остановить продвижение своей соперницы. 15 января 1896 г. было подписано англо-французское соглашение о Сиаме. Англия согласилась признать владением Франции Муонг-Синг, расположенный на левом берегу Меконга. Обе стороны обязались не добиваться для себя особых привилегий в долине Менама, т. е. в Сиаме. В дальнейшем Англия присоединила к своим владениям четыре малайских княжества, прежде находившихся в вассальной зависимости от Сиам (1909 г.), а Франция — спорные пограничные территории на границе Сиам с Лаосом и Камбоджей (1904 и 1907 гг.). В 1904 г. Сиам был разделен на сферы влияния: районы к западу от Менама стали английской сферой влияния, к востоку — французской. Тем не менее ни одна из соперниц не сумела полностью подчинить Сиам.

Сиам к началу первой мировой войны представлял зависимую от иностранного капитала, однако политически самостоятельную страну. Несмотря на реформы, он развивался по капиталистическому пути крайне медленно.

Национально-освободительная борьба, буржуазно-реформаторские и буржуазно-революционные движения в странах Дальнего Востока

Конец XIX — начало XX в. — грань между эпохой домнополистического и монополистического капитализма (империализма). Заканчивался раздел мира: империалистические державы спешили прибрать к рукам последние еще не поделенные территории. Был завершен раздел Африки, взоры захватчиков снова обратились к Китаю. Однако превращению Китая в колонию и его окончательному разделу, как и разделу Османской империи, в то время препятствовали острые противоречия между соперничавшими на Дальнем Востоке державами. В отличие от 70—80-х годов, когда движение за буржуазные реформы и за национальную независимость достигло особенного подъема в Индии, Османской империи, Египте, важнейшие национально-освободительные движения 90-х годов происходят на Дальнем Востоке. К ним относятся: буржуазная революция и борьба за независимость на Филиппинах, крестьянская война и борьба за сохранение независимости в Корее, антиимпериалистическое восстание ихэтуаней в Китае.

Вторая, после японской, буржуазная революция на Дальнем Востоке произошла только в конце XIX в. На этот раз революция от начала до конца носила национально-осво-

дительный характер, так как произошла она в колониальной стране, уже почти три столетия находившейся под игом полуфеодальной Испании.

Колониальная политика Испании, основанная на полной изоляции Филиппинских островов от внешнего мира, способствовала консервации феодального строя, тормозила развитие производительных сил. В то же время на Филиппинах с помощью единой системы колониального управления создавались общность территории и экономическое единство.

В XIX в. господство Испании на Филиппинах пошатнулось вследствие проникновения туда торгового капитала европейских стран (прежде всего Англии) и США.

Испания была бессильна воспрепятствовать открытию филиппинского рынка. Экономика колонии стала испытывать влияние промышленного капитализма, что послужило причиной нарушения веками установившихся традиционных связей внутри страны. Особенность этого процесса, принявшего тяжелый для народных масс характер, заключалась в проникновении капиталистических держав в страну, население которой уже подвергалось колониальной эксплуатации. На первый план выступало противоречие между испанским колониальным режимом и филиппинским обществом в целом.

Недовольство колониальными порядками созревало в разных социальных слоях. Больше всего от колониального гнета страдали крестьянство и городская беднота, эксплуатируемые испанскими колонизаторами и собственной помещичье-бюрократической верхушкой (касиками, как издавна называли на Филиппинах чиновников колониального аппарата, вербовавшихся из местных помещиков).

Оппозиционные настроения росли и в имущих слоях. Экономические интересы поднимающейся торгово-ростовщической буржуазии и филиппинских помещиков, связанных с торговлей на экспорт, приходили в столкновение с политикой колониальной администрации, тормозившей развитие капиталистических отношений в колонии.

Основная часть торговцев по своему национальному происхождению относилась к метисам. Метисы (т. е. лица, рожденные от смешанных браков — филиппинцев с китайцами или испанцами), составляя немногочисленную группу населения, играли важную социальную роль, так как господствовали во внутренней торговле, занимались и внешней торговлей; им принадлежало большое место в хозяйственной жизни страны, но они страдали от национального угнетения и политического бесправия.

Многочисленное духовенство из филиппинцев подвергалось дискриминации со стороны испанских монашеских орденов, не допускавших священников-филиппинцев к управле-

нию церковными приходами. Приходы служили для орденов одним из главных источников их богатств и давали им неограниченную власть над местным населением.

Монашеские ордена выступали в глазах филиппинцев главными носителями колониальной эксплуатации. Властолюбие монахов, их алчность, невежество, жестокость вызывали ненависть местного населения. Возникшее в XIX в. среди местного духовенства движение за так называемую секуляризацию приходов, фактически за передачу приходов священникам-филиппинцам, приобрело поэтому широкий характер, получило антиколониальную окраску, вызвало сочувствие и поддержку масс.

Зарождение освободительного движения на Филиппинах происходило в условиях кризиса испанской колониальной системы. В результате войны за независимость латиноамериканских колоний (1810—1826 гг.) от империи отпали все важнейшие области на Американском континенте.

На пробуждение политического и национального самосознания филиппинцев оказали влияние и политические события в метрополии, особенно буржуазная революция в Испании (1808—1814 гг.).

Первые робкие выступления за реформы в филиппинских буржуазно-помещичьих кругах относятся к началу XIX в. В последующие десятилетия либеральное реформаторское движение активизировалось. Его участниками были представители буржуазно-помещичьей интеллигенции, местного офицерства, священники. Программа движения носила ограниченный характер. Политические требования по существу сводились к уравниванию местной верхушки в правах с испанцами, к ограничению монашеского произвола.

Деятельность участников движения за реформы протекала изолированно от стихийной народной борьбы, которая была массовой формой протеста против колониального угнетения. Нередко антиколониальные выступления выходили за рамки стихийных крестьянских бунтов, когда в рядах недовольных объединялись представители различных социальных групп. Таково было развернувшееся в 1840—1841 гг. в тагальских районах Лусона восстание во главе с Аполинарио де ла Крусом. По форме это было религиозно-сектантское движение. Аполинарио де ла Крус, 26-летний тагальский священник, основал тайное религиозное братство, которое постепенно превратилось в массовую организацию. В движении участвовали крестьяне, тагальское духовенство, помещики, чиновники. Испанская администрация располагала достаточными силами для подавления восстания. Но события 1840—1841 гг. не прошли бесследно — они способствовали объединению филиппинского народа в освободительной борьбе.

В конце 60-х годов на развитие буржуазно-реформаторского движения на Филиппинах оказали воздействие революционные события 1868 г. в метрополии. Временный приход к власти в Испании радикальной буржуазии способствовал либерализации режима в колонии. Присланный на Филиппины после революции 1868 г. генерал-губернатор де ла Торре добился некоторого ограничения власти монашеских орденов, ввел свободу политических собраний.

Реформаторы получили возможность действовать легально. В 1869 г. в Маниле была создана «Хунта сторонников реформ», в которую вошли представители самых богатых и влиятельных буржуазно-помещичьих кругов и часть духовенства. Социальный состав хунты определил характер ее требований, отвечавших интересам узкой филиппинской и метисской верхушки. Хунта выступила за уравнивание населения в правах с испанцами, за секуляризацию приходов. Даже эти весьма умеренные требования вызвали недовольство и раздражение колониальных чиновников и монахов. Мирные манифестации 1869 г., организованные хунтой под лояльным лозунгом «Филиппины с Испанией и для Испании», привели в ужас колонизаторов. Монахи несколько дней отсиживались в монастырях, не показываясь на улицах.

Деятельность Торре подверглась нападкам правых элементов в колонизаторских кругах на Филиппинах и в метрополии, сторонников жестких полицейских методов управления.

На Филиппины прибыл «кровавый» генерал-губернатор Искиердо, установивший режим военной диктатуры. Наступление реакции вызвало обострение всех противоречий, проявлением чего было восстание в провинции Кавите в январе 1872 г. Восстали рабочие и солдаты кавитских артиллерийских arsenалов, возмущенные ведением нового налога, но глубокие причины выступления лежали в недовольстве всего населения: крестьянства (Кавите была средоточием крупного орденского землевладения), местных военных кругов, филиппинского духовенства. В донесениях в Мадрид колонизаторы писали о восстании в Кавите как «о значительно более серьезном и преступном, чем все мятежи и восстания, случавшиеся прежде».

Подавив восстание, испанцы обрушились с репрессиями на всех подозревавшихся в связях с повстанцами. Тринадцать «зачинщиков» были казнены, среди них священники Бургос, Гомес, Самора, имена которых народ окружил ореолом мученичества. Сотни представителей интеллигенции, большинство которых придерживались умеренных взглядов, были арестованы и высланы в метрополию, на Каролинские и Марианские острова.

Политика репрессий способствовала сплочению филиппинцев, толкала на путь протеста представителей различных социальных сил, в том числе и буржуазно-помещичью верхушку. Террор испанских колонизаторов не сломил освободительного движения.

В начале 80-х годов зародилось движение за реформы среди членов филиппинской эмигрантской колонии в Мадриде. Филиппинские эмигранты, либо уезжавшие в метрополию с целью получения образования, либо высланные туда по политическим мотивам, поддерживали тесные связи с испанскими либералами. Испанская буржуазия либерального толка выступала за реформы в колониях, понимая, что это единственный способ сохранить остатки империи. Робкие требования филиппинских реформаторов, не помышлявших о национальном освобождении, вполне устраивали испанских либералов, вызывали у них сочувствие и поддержку.

В 1888 г. в Мадриде возникла «Испано-филиппинская ассоциация», объединившая испанских и филиппинских буржуазно-либеральных деятелей и представителей интеллигенции. Выдвигавшаяся ассоциацией программа сельскохозяйственного и промышленного развития Филиппин отражала интересы поднимающейся национальной буржуазии. Политические требования сводились по существу к праву представительства в испанских кортесах. Пропагандировались лозунги сохранения Филиппин под эгидой Испании.

Мадридские эмигрантские круги с 1889 г. стали выпускать журнал «Ла Солидаридад». Журнал полулегально доставлялся на Филиппины, где пользовался большой популярностью среди молодежи, интеллигенции. Его политическая платформа была несколько более радикальной, чем у ассоциации: на страницах журнала велась резкая антимонашеская пропаганда, он апеллировал к прогрессивной филиппинской общественности, способствовал пробуждению национального самосознания.

В «Ла Солидаридад» были напечатаны лучшие публицистические произведения Хосе Рисаля (1861—1896) — идеолога филиппинского буржуазного национализма 80-х — начала 90-х годов. Его короткая, насыщенная событиями жизнь отразила противоречивый путь, пройденный филиппинской либеральной интеллигенцией накануне революции 1896—1898 гг.

Будучи страстным и искренним патриотом, Рисаль отдал служению родине свой многогранный талант писателя, публициста, ученого, общественного деятеля. В последние годы жизни он подошел к пониманию неизбежности революции, но не смог отказаться от реформаторских взглядов, выступая против вооруженной борьбы. Тем не менее его деятельность, в особенности писательская и журналистская, сыграла

исключительную роль в идейной подготовке революции. Знаменитые романы Рисаля «*Noli me tangere*» («Не прикасайся ко мне») и «Флибустьеры», проникнутые неподдельной любовью к филиппинскому народу и ненавистью к колонизаторам, оказывали революционизирующее влияние на читателей. Не случайно монашеская цензура наложила строжайший запрет на чтение «флибустьерских» романов.

Рисаль был активным участником ассоциации, а в 1892 г., по возвращении на родину, организовал в Маниле тайное общество — «Филиппинскую лигу», программа которой повторяла требования ассоциации.

В начале 90-х годов реформаторское движение на Филиппинах значительно расширило свою социальную базу. В Лигу вошли не только представители умеренной буржуазно-помещичьей интеллигенции, но и выходцы из мелкобуржуазных слоев, из трудового народа. Если буржуазно-помещичьи элементы рассматривали Лигу как организацию, необходимую для отстаивания реформ, то мелкобуржуазные деятели пытались превратить ее в орудие ликвидации колониального режима. Раскол между либерально-реформаторскими и революционно-демократическими элементами привел к самороспуску Лиги (1893 г.).

Еще до ее ликвидации, летом 1892 г., отколовшейся частью левых мелкобуржуазных деятелей была основана новая тайная организация — «Катипунан» («Верховный и досточтимый союз сыновей народа»). Руководителем и создателем «Катипунана» был Андрес Бонифасио, «плебейский вождь», как называли его впоследствии на Филиппинах. Действительно, Бонифасио вышел из манильской бедноты, с детства познал тяжелый труд и нищету. В юности он участвовал в движении за реформы, но, осознав его бесплодность, пришел к выводу о необходимости революции. Основную задачу «Катипунан» видел в национальном освобождении Филиппин. К 1894 г. он стал массовой революционной организацией, объединявшей крестьян, городскую бедноту, мелкую буржуазию, разночинную интеллигенцию. Бонифасио и другие руководители «Катипунана» приступили к разработке планов вооруженного восстания. В 1895—1896 гг. секции «Катипунана» действовали уже в большинстве провинций архипелага. Восстание началось раньше, чем было запланировано. Летом 1896 г. испанские власти узнали о существовании тайной организации. Полиция разгромила нелегальную типографию и захватила документы «Катипунана». Начались аресты. Тогда Бонифасио решил начать восстание.

21 августа 1896 г. в местечке Балинтавак близ Манилы он призвал к вооруженному выступлению («Клич Балинтавака»). В течение нескольких недель восстание охватило

центральные и южные районы Лусона. С наибольшей силой освободительная борьба развернулась в провинциях Кавите, Батангас, Тайябас, Пампанга, Булакан, где были расположены крупнейшие имения монашеских орденов. Эти провинции издавна служили центром крестьянских антимонашеских движений. И теперь здесь сражались крестьянские отряды.

В 1896—1897 гг. революционная борьба развивалась по восходящей линии. Плохо вооруженные, незнакомые с военным искусством повстанцы одерживали победу за победой над регулярной, превосходившей их по численности армией колонизаторов. Предвидя поражение колонизаторов, к восставшим стали примыкать представители буржуазно-помещичьих классов.

К осени 1897 г. восставшие прочно укрепились в Кавите и провинциях Южного Лусона. В октябре 1897 г. представители революционных сил собрались в небольшом городке Биак-на-Бато на ассамблею для выработки конституции и выборов революционного правительства.

Однако в лагере революции не было единства. Шла борьба между правыми буржуазно-помещичьими элементами и демократическими силами во главе с Бонифасио. Правые были готовы пойти на сговор с испанскими колонизаторами, лишь бы народная борьба не задела интересы местных помещиков. В конце 1896 г. лидером правого крыла стал Эмилио Агинальдо, сын крупного землевладельца из Кавите, проявивший себя как способный военачальник. Конфликт между Агинальдо и Бонифасио объективно отражал противоречия в лагере революции. Бонифасио был арестован и в мае 1897 г. предательски убит агентами Агинальдо, что нанесло серьезный удар движению.

Агинальдо удалось сгруппировать вокруг себя население основных центров революционной борьбы и встать во главе правительства. Таким образом, руководство революцией перешло в руки буржуазно-помещичьей группировки.

В то время как в Биак-на-Бато заседала революционная ассамблея, Агинальдо тайно готовил капитулянтское соглашение с Испанией. 2 ноября 1897 г. ассамблея избрала Верховный революционный совет и утвердила конституцию Филиппинской республики, а 18 ноября Агинальдо подписал договор с испанским правительством (Биакнабатский пакт), согласно которому вооруженная борьба прекращалась. Агинальдо и его ближайшие помощники, получив от испанцев значительную сумму денег, уехали в Гонконг. На Филиппинах восстановилась власть колонизаторов. Так закончился первый этап революции 1896—1898 гг.

Однако национально-освободительное движение не заглохло. На Лусоне действовали отряды революционных генера-

лов, бывших членов «Катипунана», сторонников Бонифасио, отказавшихся признать Биакнабатский пакт. Всюду вспыхивали крестьянские восстания. Возникли очаги революционной борьбы на Висайских о-вах и на Минданао. К весне 1898 г. начался новый подъем освободительной борьбы, движущей силой которой были крестьянство и революционные буржуазно-демократические элементы.

В апреле 1898 г. началась испано-американская война. Под лицемерными лозунгами защиты кубинцев и других угнетенных Испанией народов молодое империалистическое государство — США — повело борьбу за захват колоний у одряхлевшей испанской монархии. За месяц до объявления войны американские военные и дипломатические представители на Дальнем Востоке договорились с Агинальдо о его возвращении на Филиппины. Американцы обещали филиппинскому руководству помощь и сотрудничество против Испании.

1 мая 1898 г. американская тихоокеанская эскадра уничтожила в Манильском заливе испанский флот, защищавший с моря филиппинскую столицу. Спустя две недели на американском военном корабле на Филиппины прибыл из Гонконга Агинальдо. 12 июня в Кавите была вновь торжественно провозглашена независимость Филиппин и создано революционное правительство во главе с Агинальдо. Мощный размах массового революционного движения сказался на характере власти. В состав правительства наряду со сторонниками Агинальдо вошли и представители левых буржуазно-демократических сил.

Тактика американских империалистов была рассчитана на то, чтобы как можно дольше поддерживать в среде филиппинских революционных лидеров иллюзии о «бескорыстии сотрудничества» США.

Война с испанцами велась руками восставших филиппинцев. Революционная армия одержала ряд крупных побед. Летом 1898 г. она очистила от испанцев Лусон и Висайские о-ва, только столица — Манила — была взята американскими войсками (в дальнейшем этот факт выдвигался как одно из главных обоснований американских «прав» на захват архипелага).

С точки зрения внутреннего развития второй этап революции ознаменовался дальнейшим углублением борьбы между правыми буржуазно-помещичьими или левыми революционно-демократическими группировками. Левые оказывали большое влияние на деятельность правительства. В январе 1899 г. на Революционном конгрессе в Малолосе была разработана конституция — одна из самых демократических в то время буржуазных конституций. Ряд ее положений был заимствован из мексиканской конституции 1857 г.

Успешное развитие революции было прервано американским империализмом, обнаружившим наконец свои экспансионистские планы. Согласно подписанному 10 декабря 1898 г. Парижскому мирному договору, Испания наряду с некоторыми владениями в Вест-Индии уступала Филиппины Соединенным Штатам за компенсацию в 20 млн. долл.

Аннексионистская политика американского империализма вызвала возмущение в самих США, где против захвата Филиппин выступила прогрессивная интеллигенция, деятели многочисленных «антиимпериалистических лиг», этих, по выражению Ленина, «последних могикан буржуазной демократии». Представители филиппинского революционного правительства в США и странах Европы пытались помешать ратификации договора, понимая, что Филиппинская республика находится перед лицом новой войны с несравненно более могущественным противником.

Военные действия между американскими войсками и филиппинской революционной армией начались в ночь на 4 февраля 1899 г., за два дня до ратификации Парижского договора сенатом США. Президент Мак-Кинли изобразил начало филиппино-американской вооруженной борьбы как вероломное нападение филиппинцев, хотя первые выстрелы были сделаны американскими солдатами. Сообщение о военном конфликте на Филиппинах в значительной мере предопределило результаты голосования в сенате, где до того под влиянием выступлений антиимпериалистов существовали серьезные разногласия по вопросу о ратификации. Парижский договор был утвержден сенатом.

Война Филиппинской республики за сохранение национальной независимости носила всенародный освободительный характер. Этим обуславливалась неожиданная для американцев сила сопротивления филиппинцев, их способность противостоять американским войскам, обладавшим военным превосходством. В первые месяцы войны филиппинцы не только отразили все атаки американских войск, но и одержали ряд серьезных побед.

Русский посол в США Кассини сообщал в марте 1899 г., что потери американцев на Филиппинах за один месяц равны числу убитых и раненых за весь период американо-испанской войны. Генеральное наступление, предпринятое американцами в сентябре — ноябре 1899 гг. и нанесшее первый серьезный удар Филиппинской республике, оказалось возможным лишь после значительного увеличения военных сил (в ноябре 1899 г. численность американской армии на Филиппинах достигла 70 тыс.).

Филиппинское правительство вынуждено было перейти к партизанским методам борьбы. Партизанская война была

поддержана народом, американским солдатам приходилось воевать в условиях, когда все население принимало участие в борьбе с оккупантами. Американцы стремились терроризировать жителей Филиппин, устраивали массовые казни, пытали пленных, сжигали дотла деревни. Сообщения о зверствах американских интервентов проникли в европейскую и американскую печать и вызвали множество протестов. Среди тех, кто поднял голос в защиту филиппинцев, были Лев Толстой и Марк Твен.

Помимо методов насильственного удушения национально-освободительной борьбы американские власти стали изыскивать иные тактические приемы. В 1899 г. острова посетила первая филиппинская комиссия во главе с американским профессором Дж. Шерманом, призванная изучить возможности наиболее эффективной эксплуатации филиппинских ресурсов. Комиссия обратилась к населению со специальным воззванием, которое, демагогически обещая ввести «мудрую и гуманную, просвещенную систему управления, рассчитанную на процветание и счастье филиппинского народа», отражало стремление американского правительства пойти на некоторые уступки филиппинским господствующим классам. В марте 1900 г. на Филиппины прибыла вторая филиппинская комиссия во главе с сенатором Тафтом для подготовки и постепенного установления на архипелаге гражданского управления вместо военного. Гражданское управление было введено лишь в районах, освобожденных от партизанских отрядов (в некоторых провинциях и округах Лусона); в остальных сохранялась власть военной администрации. Тафт опирался на консервативные элементы среди филиппинцев, привлекая их к сотрудничеству в создаваемых учреждениях колониальной администрации. Большую помощь комиссии оказывала образованная в декабре 1900 г. партия федералистов из представителей филиппинской буржуазии и помещиков, ставшая проводником американского влияния на архипелаге.

Одним из серьезных показателей раскола в революционном движении, отхода буржуазно-помещичьих элементов от борьбы, их соглашательства с американскими империалистами явилась капитуляция Агинальдо. В марте 1901 г. Агинальдо был захвачен американцами в плен. Спустя несколько недель он написал обращение к филиппинцам, в котором уговаривал прекратить борьбу и признать суверенитет США. Тем не менее народное сопротивление не прекращалось. Во главе партизанских отрядов стояли революционные генералы, выходцы из народа и мелкобуржуазных слоев. Наиболее продолжительное сопротивление американским оккупантам оказали в Центральном Лусоне отряды генерала Макарио Сакая, объединившие в начале 1902 г. остатки революционной армии.

Американцам удалось подавить движение лишь в 1907 г., после того как благодаря предательству они захватили Сакая и его ближайших помощников.

Осенью 1901 г. вспыхнуло народное восстание на о-ве Самар, которое было с трудом подавлено американцами. Крестьянские движения не затихали до 1914 г.

Филиппинская революция 1896—1898 гг. потерпела поражение. Главной причиной было вмешательство Соединенных Штатов, использовавших национально-освободительное движение филиппинцев для осуществления своих захватнических планов.

Поражению революции способствовали противоречия внутри революционного лагеря. Начавшаяся еще в период подготовки революции борьба между буржуазно-помещичьими группировками и мелкобуржуазными и народными элементами усиливалась по мере развития революции. Революционно-демократические силы не смогли удержать руководство революцией, а филиппинская буржуазия и помещики, возглавившие национально-освободительное движение, пошли на сговор с американским империализмом.

Но то, что американцы появились на архипелаге сразу после победоносной борьбы филиппинского народа с Испанией и испытали на себе силу народного сопротивления, не могло не повлиять на характер их политики на Филиппинах. США вынуждены были пойти на уступки филиппинским господствующим классам, привлечь их к участию в управлении страной, обещать предоставление независимости.

В Корее и Китае в отличие от Филиппин борьба за независимость в конце XIX в. проходила не под руководством буржуазии, хотя и в этих странах зарождается уже буржуазно-реформаторское и буржуазно-революционное движение.

Для Кореи эпоха промышленного капитализма ознаменовалась началом агрессии капиталистических держав, намеревавшихся «открыть» страну для колониальной экспансии. Корея стала вначале объектом вторжения не Англии, а менее сильных капиталистических держав — США и Франции. В 1866 г. американский корабль «Генерал Шерман» появился в северокорейских водах и стал проводить военную разведку у побережья, несмотря на запрещение местных властей. Тогда местные жители изгнали иноземцев, а подожженный корабль был потоплен. В том же году в Корею прибыла французская эскадра из семи военных кораблей с 600 солдатами на борту. В стране была объявлена всеобщая мобилизация, проверены береговые укрепления, в устье р. Хангана затоплены лодки, груженные камнями. Французская

эскадра блокировала устье Хангана, затем двинулась к о-ву Канхва. Десант захватил город-крепость Канхва; военный арсенал, дома, лавки — все было разрушено. После этого интервенты высадили десант на материке, но, встретив здесь решительное сопротивление, должны были вернуться на корабли и уплыли в Китай.

В 1867 г. из Китая в Корею прибыли американские суда, которые везли текст американо-корейского договора, составленного по типу неравноправных договоров, навязанных Соединенными Штатами Японии и Китаю. Высадившись на берег, американские солдаты занялись грабежом. Корейский гарнизон при поддержке населения атаковал их и изгнал.

В 1871 г. пять военных кораблей США с 1230 солдатами на борту снова двинулись в Корею из Китая с целью заключения торгового договора. В то же время американцы намеревались, как заявил командующий эскадрой адмирал Роджерс, «взять и разрушить форты, с которых стреляли в наши суда, и удержать их, чтобы показать им, как мы умеем наказывать за подобные поступки. Интервенты высадили десант на о-ве Канхва, где и развернулись бои. Американские дипломаты доносили в государственный департамент: «Корейцы сражались с исключительным героизмом, ни с чем не сравнимым мужеством... Каждый готов был умереть на посту и заражал своей решимостью остальных... Раненые кидались в реку, не желая попасть в плен». Американскому командованию пришлось отдать приказ покинуть остров и корейские воды.

В освободительной борьбе корейского народа против иноземных колонизаторов сплотились самые различные социальные группы — от крестьян, составлявших ее основную силу, до феодалов, которые возглавили эту борьбу.

И все же изоляция корейского государства, длившаяся более двух веков, была насильственно прервана. В январе 1876 г. Япония, сама только что вставшая на путь независимого развития, еще не стряхнувшая путы неравноправных договоров, направила в Корею военную эскадру и под угрозой пушек навязала корейскому правительству неравноправный, кабальный торговый договор. В 1882—1884 гг. подобные же договоры заключили США, Англия, Франция и другие державы.

С первых же дней после заключения японо-корейского договора 1876 г. началось планомерное подчинение корейской экономики интересам японской буржуазии в основном через внешнюю торговлю. Ввоз дешевой фабричной продукции английского и американского происхождения, которой торговали японские купцы, подорвал старинные внутриэкономические связи.

Феодалная эксплуатация в сочетании с колониальной экспансией Японии привела к усилению народного недовольства. Первое крупное антияпонское и антифеодалное восстание произошло в 1882 г. в Сеуле. Его подняли солдаты столичного гарнизона, к которым присоединились городская беднота и крестьянство окрестных деревень.

Повстанцы расправлялись с ненавистными королевскими сборщиками налогов и японскими офицерами — инструкторами в корейской армии. Японский посланник и сотрудники миссии бежали из страны. Восстание разрасталось. Король Кочжон и королева Мин, фактически правившая страной, бежали из Сеула. Китай, считавший Корею (по существу независимую) своим вассалом, двинул войска на подавление восстания. В Сеул прибыло около 3 тыс. китайских солдат (5 батальонов), жестоко подавивших восстание. После расправы с повстанцами китайские войска были расквартированы в Сеуле. Правящие круги феодального Китая стремились воспользоваться случаем, чтобы укрепить свое влияние в Корее.

В обстановке постоянных антифеодалных и антияпонских выступлений народных масс развивалось реформаторское движение, основными участниками которого были передовые круги корейской интеллигенции.

Движение за реформы в 60—70-х годах XIX в. продолжало развиваться. Во главе его были Ли Тхе Чжин и О Кён Сок, происходившие из среднего сословия; они были переводчиками, посещали в составе корейских миссий Китай, где черпали сведения о передовых западных странах, привозили и распространяли в Корее новые книги по различным отраслям европейской культуры и техники. В 70-х годах мнение о необходимости преобразования корейского общества стали разделять и некоторые молодые дворяне из знатных родов. Основным пунктом программы реформаторов было официальное провозглашение разрыва «вассальных отношений» с Китаем, отмена выплаты Китаю ежегодной, хотя и чисто символической дани. Китайское влияние, засилье в идеологии конфуцианских догм, изоляция от всех стран, кроме Китая, — все это, по мнению корейской передовой интеллигенции, тормозило культурное и экономическое развитие их страны.

Молодые дворяне-реформаторы побывали в Японии, США, Франции, познакомились с европейской культурой.

Дворянские реформаторы, главой которых стал Ким Ок Кюн, выражали интересы буржуазного развития Кореи, что ясно проявилось в их программе. Они считали необходимым расширять торговые, экономические и культурные связи с соседними государствами, заимствовать научно-технические до-

стижения Запада, развивать на этой базе национальную промышленность и сельское хозяйство, культуру. Движение за реформы, за прогресс страны объективно носило также антииностранный, освободительный характер. В то же время Ким Ок Кюн и его группа, увлекавшиеся примером японской революции 1868 г. и мечтавшие о японском пути развития, рассчитывали на то, что смогут использовать помощь японских либералов.

4 декабря 1884 г. реформаторы произвели в Сеуле дворцовый переворот, свергли прокитайское правительство и образовали кабинет из своих единомышленников. Новое правительство находилось у власти всего два дня. За это время оно успело опубликовать программу реформ, в которой провозглашались прекращение вассальной зависимости от Китая и отмена уплаты ему дани, намечались меры по ограничению королевской власти. Но 7 декабря войска китайского резидента в Корее Юань Ши-кая окружили дворец и изгнали министров-реформаторов. В столице одновременно вспыхнуло антияпонское восстание. Вскоре власть королевского правительства была восстановлена. Реформаторы бежали в Японию и США. Позднее Ким Ок Кюн был завлечен агентами корейского правительства в Китай и там убит.

Колониальная экспансия капиталистических держав (главным образом Японии) способствовала обострению кризиса феодальной системы, ускоряя однобокое, уродливое развитие капиталистических отношений, насаждавших извне, руками колонизаторов. Стихийные народные выступления как антифеодального, так и национально-освободительного характера в 80-х — начале 90-х годов происходили все время.

Торговцы и купцы выступали в 1887 г. против японского засилья в торговле. В течение двух месяцев 1890 г. корейские купцы закрывали в Сеуле свои лавки в знак протеста против деятельности японских торговцев.

До вторжения иностранцев в эту страну христианство было знаменем оппозиционных сил в Корее в борьбе против феодально-конфуцианской реакции. После же иностранной капиталистической агрессии в 1866 и 1871 гг. выступления против христианства стали одной из форм освободительного движения. Антимиссионерские инциденты приняли такие размеры, что король выпустил обращение к народу, призывая к спокойствию. Особенно крупные антимиссионерские восстания произошли в 1888 г. В этот период антиколониальное движение развивалось параллельно с антифеодальными крестьянскими восстаниями, происходившими по всей стране.

Среди населения распространялось религиозное учение Тонхак («Восточное учение»), разработанное проповедником Чхве Чже У, казненным в 1863 г. правительством. Учение

это заимствовало у христиан идею равенства всех перед богом, оно восприняло также некоторые элементы буддизма и ламаизма. Крестьянские массы воспринимали идеи равенства людей как надежду на улучшение жизни. Хотя проповедники Тонхак вышли из среды дворян, под религиозной оболочкой их проповедей скрывался протест против феодальной эксплуатации. В то же время учение Тонхак противопоставляло себя заморскому христианству.

Массовое крестьянское восстание развернулось в 1893 г. на юге, население которого особенно остро ощущало усиление феодальной эксплуатации. В начале года восстали крестьяне уезда Чхончжу, к ним присоединилась городская беднота. Во главе движения встала секта Тонхак. Восставшие послали петицию королю, в которой писали: «Разве бунтовщики те, которые соединяются в общества, чтобы побить японцев и всех иностранцев?» Восстание охватило три южные и одну центральную провинции. В уезде Поын формировались повстанческие отряды, называвшие себя «Отрядами борьбы против японцев и западных варваров». Вместе с тем восставшие изгоняли местных помещиков и королевских сборщиков налогов.

Правительство направило войска на подавление восстания. Китайские войска прибыли на помощь корейским властям. Руководство Тонхак пыталось заменить вооруженную борьбу петициями к правительству. Учитывая тяжелое положение восставших, оказавшихся в окружении в Поыне, руководство Тонхак распустило повстанческие отряды. Но в январе 1894 г. в уезде Кобу начался новый подъем крестьянского движения. Крестьяне выступили здесь против местных провинциальных властей. Восстание возглавил Чон Бон Чжун, сын мелкого чиновника, казненного за попытку организовать народное выступление против местных помещиков. Штаб повстанцев разместился на горе Пэксан (уезд Тхеин). Сюда стекались крестьяне из разных районов, здесь они организовывались в отряды.

Японские капиталисты пытались использовать крестьянское восстание в своих целях. Офицеры японского генерального штаба в апреле — мае 1894 г. побывали в Корее для изучения обстановки на месте. В конце июня в Корею прибыл отряд, сформированный из членов японской буржуазно-националистической организации. Этот отряд связался со штабом крестьянской армии — японцы предлагали повстанцам помощь оружием и продовольствием. Вожди восстания отвергли это предложение.

11 мая состоялось первое сражение крестьянских отрядов с регулярными частями правительственной армии. К концу мая повстанческие отряды освободили от врага девять уез-

дов. С помощью населения им удалось занять столицу провинции Чолла — Чхонджу. Но вскоре Чхонджу был окружен правительственными войсками, крестьянская армия оказалась блокированной и обреченной на голодную смерть. В подобной обстановке руководство повстанцев вынуждено было принять предложение правительства о перемирии. Феодалы не собирались выполнять крестьянские требования о равномерном распределении земли, об устранении социальных различий. Однако в 53 уездах Южной Кореи были созданы органы местного управления (чипкапсо), в которые вошли присоединившиеся к крестьянскому движению дворяне, богатые крестьяне, мелкие чиновники. Чипкапсо осуществили некоторые мероприятия, направленные на смягчение феодальной эксплуатации.

Дальнейшее развитие крестьянского движения протекало в условиях японо-китайской войны, которая велась за господство над Кореей. Поводом к войне послужила отправка обеими сторонами войск на помощь корейскому правительству для подавления крестьянского восстания. 25 июня 1894 г. между Японией и Китаем начались военные действия на территории Кореи, на полуострове высадились японские и китайские войска. Продвигаясь по стране, они грабили местное население, опустошали поля, уводили скот.

Несколько затихшая после перемирия крестьянская борьба вновь активизировалась. Антифеодалная направленность движения отошла на второй план, уступив место антиколониальной. В ходе его спланивались различные социальные группировки, ранее не участвовавшие в движении. На сторону повстанцев стали мелкое и среднее провинциальное чиновничество, купечество, обедневшие дворяне, зарождавшаяся национальная буржуазия. Основной движущей силой борьбы оставалось крестьянство.

В обстановке растущего освободительного движения японские колонизаторы, захватившие Сеул и сформировавшие правительство из своих ставленников, были вынуждены декларировать социально-экономические реформы. В декретах было узаконено фактическое освобождение государственных крепостных крестьян и ремесленников, имевшее место в Корее в начале XIX в., а также уничтожение сословного неравенства. Новые сеульские власти заявляли о содействии развитию корейской национальной культуры, об уничтожении конфуцианских традиций, заимствованных у феодального Китая.

Правительственные реформы, проведенные в июле 1894 г., не затрагивали основ феодального общества, не могли разрешить аграрный вопрос. Однако все же их можно считать одним из крупных успехов крестьянского движения.

Между тем, когда в ходе японо-китайской войны иностранные войска оккупировали часть Кореи, это придало новое направление народной борьбе. Главным ее лозунгом стало: «Изгнать японцев и европейцев — наш священный долг!».

К сентябрю 1894 г. крестьянская армия удерживала в своих руках большую часть провинций Чолла, Кёнсан, Чхунчхон и Кёнги. В октябре повстанцы двинулись на Сеул. Одновременно на севере страны развивалось стихийное крестьянское движение против колонизаторов.

В начале октября у г. Иып, а 3 ноября у Кёнчжу (провинция Чхунчхон) произошло сражение между повстанцами и объединенными силами японцев и корейских правительственных войск, в котором победили народные отряды.

Но японские войска, пополненные свежими силами, объединившись с правительственными корейскими частями и добровольческими помещичьими отрядами, вновь стали наносить удары крестьянской армии, продвигавшейся к Сеулу. В конце ноября повстанческие соединения были разбиты превосходящими силами противника, Чон Бон Чжун привезен в Сеул и казнен.

После подавления крестьянского восстания обостряется борьба держав за преобладающее влияние в Корее. Главной соперницей Японии в этой борьбе становится царская Россия, активно выступившая на дальневосточной арене в конце XIX — начале XX в. После окончания японо-китайской войны, завершившейся полным разгромом феодального Китая, по Симоносекскому мирному договору Корея была признана независимым государством. Японские колонизаторы рассматривали независимость страны как временное явление, собираясь захватить эту страну. В Корее росли антияпонские настроения, особенно в открытых портах (Вонсане, Пусане) и в Сеуле. В эти послевоенные месяцы патриотическая группировка феодалов, возглавлявшаяся королевой Мин, рассчитывала использовать борьбу капиталистических держав за Корею, в частности прибегнуть к помощи России против Японии и Китая.

Королеве Мин осенью 1895 г. удалось сместить прояпонских деятелей с министерских постов, заменив их своими сторонниками. Считая королеву Мин препятствием на пути осуществления своих колонизаторских замыслов, японцы 8 октября 1895 г. организовали заговор, в результате которого Мин была убита, к власти пришли японские ставленники.

В конце XIX — начале XX в. антияпонское партизанское движение особенно сильно охватило северные районы страны, где в корейских отрядах сражались и китайские партизаны, перешедшие китайско-корейскую границу. На юге страны центром антиколониальной борьбы стали провинции Чолла

и Кёнги. Крупное восстание произошло на отдаленном южном острове Чечжудо. Под влиянием национально-освободительной борьбы корейского народа в конце XIX в. начался новый этап реформаторского движения, в котором ярко проявились буржуазно-демократические тенденции. В столице и провинции проходили многолюдные собрания и демонстрации. В ноябре 1896 г. была открыта «Арка независимости», символ освобождения Кореи от сюзеренитета Китая, что послужило поводом к новым антииностранным митингам. Это движение, которым руководило созданное в 1896 г. «Общество независимости», проходило под лозунгом «За народные права». Участники народных собраний требовали свободы слова и печати, реформ, направленных на создание цивилизованного независимого государства.

В 1904 г. Япония во время войны с Россией оккупировала Корею, установив там режим протектората. Это вызвало в стране новый мощный подъем антияпонского движения, испытавшего влияние русской революции. В 1907—1908 гг. партизанские отряды действовали во многих провинциях Кореи. Одной из форм патриотической борьбы стало культурно-просветительное движение: ученые и писатели выступали за развитие национальной культуры, просвещения, против китайского влияния в литературе, языке, искусстве.

Тем не менее в 1910 г. Япония, предварительно договорившись с США (соглашение Тафта — Кацура), объявила Корею своей колонией.

В экономике Китая во второй половине XIX в. появился капиталистический уклад. Фабрики и заводы строились отдельными представителями феодально-бюрократической верхушки еще в середине XIX в., во время тайпинского восстания, чтобы выпускать продукцию главным образом для нужд армии.

В 1862 г. Цзэн Го-фань и Ли Хун-чжан построили первые арсеналы в Аньцине и Шанхае, в 1864 г. Ли Хун-чжан основал арсенал в Сучжоу, в 1865 г. он же создал крупнейший по тому времени Цзяннаньский завод в Шанхае по производству ружей и пушек, позже здесь стали строить и пароходы. В 1866 г. генерал Цзо Цзун-тан соорудил судостроительную верфь в Мавэе (провинция Фуцзянь). В 1867 г. были открыты механические мастерские в Тяньцзине и Нанкине. В 1872 г. в Шанхае возникла китайская пароходная компания, в 1878 г. в Тяньцзине — угольная компания «Кайпин», во главе обеих компаний стоял Ли Хун-чжан. В 1881 г. в районе Кайпинских угольных шахт была построена первая в Китае железная дорога.

В 80-х годах стали появляться предприятия, принадлежавшие купцам и другим частным лицам. Однако в царстве феодального произвола фабриканты, как правило, должны были вступать в компанию с сановниками, с иностранными подданными или становиться чиновниками и крупными землевладельцами, ибо только так и можно было обеспечить неприкосновенность их собственности.

Промышленное строительство 80 — начала 90-х годов (текстильные фабрики в Шанхае, Гуанчжоу) связано с именами крупных сановников — Чжан Чжи-дуна и того же Ли Хун-чжана. Активную роль играл также один из первых китайских капиталистов Шэн Суань-хуай. Промышленность, находившаяся в ведении бюрократии, из-за неумелого руководства и взяточничества чиновников нередко работала в убыток. Частные же предприятия постоянно наталкивались на препятствия, чинимые аппаратом феодального государства.

Вовлечение Китая в мировой капиталистический рынок, завершившееся к 90-м годам, отразилось на положении в деревне. 60—80-е годы были годами «чайной лихорадки», когда производство чая на экспорт бурно росло; за этим, однако, последовал упадок китайского чайного производства в связи с развитием чаеводства англичанами в Индии и на Цейлоне. Из-за большого спроса за границей китайские бобы постепенно стали важнейшей статьёй экспорта из северо-восточных провинций.

Ввоз иностранной фабричной пряжи, возросший за 1872—1890 гг. в 20 раз, привел к упадку ручного прядения, главным образом в приморских провинциях. Часть крестьян совсем забросила текстильное ремесло, другая перешла к изготовлению тканей на рынок с покупкой готовой пряжи. В то время как приморские провинции все более специализировались на производстве технических культур, центральные провинции по среднему течению Янцзы становились основными поставщиками зерна.

Новые явления в сельской экономике Китая были, однако, ограничены отдельными районами, преимущественно на побережье и около больших городов. На обширных территориях, особенно в Западном и Северном Китае, в конце XIX в. еще господствовало натуральное хозяйство.

Превращение крестьянского хозяйства в мелкобуржуазное, образование класса национальной буржуазии (как из крестьян, так и из торговцев и обуржуазившихся помещиков) шло медленно. Отдельные группы китайской национальной буржуазии и буржуазной интеллигенции формировались, несмотря на иностранный гнет, на тех китайских территориях, которые в той или иной степени находились под

контролем иностранного капитала (Гонконг, шанхайский сэттльмент, территории иностранных концессий в Ханькоу).

Китайская эмиграция в страны Юго-Восточной Азии, на Гавайские о-ва, в Японию, США, Южную Африку вела к развитию в этих странах китайской эмигрантской буржуазии и пролетариата. Еще тесно связанные с родиной и не терявшие надежды на возвращение, они были передовым элементом, влиявшим в конце XIX в. на идейное развитие китайского общества.

Процесс развития капиталистических отношений в Китае шел параллельно с ростом зависимости от иностранного капитала. В годы тайпинского восстания державы захватили управление китайскими морскими таможнями. По конвенции в Чифу (1876 г.) они добились от правительства Китая открытия для иностранной торговли еще нескольких пунктов, в том числе в глубине китайской территории. Ввоз иностранных товаров рос, и с середины 80-х годов внешнеторговый баланс Китая из года в год бывал дефицитным. Бурно развивалась во всех провинциях пропагандистская и шпионская деятельность иностранных миссионеров. Иностранный гнет, особенно чувствительный в районе «открытых портов», задевал все слои китайского народа.

Даже феодальная знать, которая после победы над тайпинами и няньцзунями чувствовала себя менее зависимой от помощи капиталистических держав, не прочь была высвободиться из-под слишком докучной иностранной опеки.

Феодальная монархия в Китае с конца 60-х годов упростила свое положение; крестьянские восстания были подавлены; к концу 70-х годов было разгромлено восстание угнетенных китайцами и маньчжурами народностей (уйгуров, дунган) в Западном Китае. С 70-х годов место преимущественно антифеодального движения занимает антииностранное.

В июне — июле 1870 г. в Тяньцзине произошли антимиссионерские выступления населения. Французский консул, стрелявший в китайцев, был убит толпой, убиты также десятки иностранцев и китайцев-христиан, сожжены здания французского консульства, католической миссии, собор. Тяньцзиньские события послужили началом ряда антииностранных, главным образом антимиссионерских, волнений, которые, то нарастая (например, после франко-китайской войны 1884—1885 гг.), то временно затихая, продолжались все последнее 30-летие XIX в. вплоть до 1898—1900 гг., когда они переросли в грандиозное антиимпериалистическое восстание. Участниками этих выступлений были крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, отдельные шэньши, выступавшие в роли идеологов антииностранной борьбы. Некоторые чиновники в тех случаях, когда в движении не содержалось эле-

ментов антифеодалного характера, склонны были смотреть на такое движение сквозь пальцы, в чем сказывалась их неприязнь к иностранцам. Другие, сторонники сотрудничества с капиталистическими державами, наоборот, усердствовали в жестоком подавлении антииностранных выступлений (таков был Ли Хун-чжан, подавивший в 1870 г. волнения в Тяньцзине).

Тяжелые поражения в предыдущих столкновениях с иностранными державами заставили многих китайцев задуматься над тем, что следует заимствовать кое-что у передовых стран. Это вызвало к жизни в 70—80-х годах так называемое западническое направление, в котором объединились представители различных социальных сил: часть феодальной верхушки, выступавшая за использование иностранной военной техники, но против каких-либо изменений в существующем строе; интеллигенция, представлявшая буржуазную тенденцию развития и стоявшая за реформы по западному образцу; отдельные мелкобуржуазные интеллигенты, уже с середины 80-х годов начавшие обсуждать вопрос о революционной замене монархии республикой, но пока не имевшие ни массовой опоры, ни сил для революционной борьбы.

Виднейшим представителем феодальной верхушки был Ли Хун-чжан, палач тайпинов и няньцзуней, хитрый политикан, не раз фактически возглавлявший китайское правительство. Постройка Ли Хун-чжаном военных предприятий, закупка за границей пушек и кораблей создали ему ореол поборника преобразований, вождя политики «национального самоусиления». Во внешней политике Ли Хун-чжан придерживался принципа «от одного яда лечиться другим», т. е. сталкивать борющиеся за Китай империалистические державы и, лавируя между ними, сохранять самостоятельное существование феодального Китая. В то же время Ли Хун-чжан ненавидел и жестоко подавлял китайские народные массы, когда они поднимались на борьбу с иностранными захватчиками, он был также противником всяких реформ в общественной жизни. Однако при всем его уме, изворотливости, умении приспособливаться к новым условиям Ли Хун-чжан оставался представителем уходящего китайского феодального класса.

Другим был Кан Ю-вэй, который, будучи представителем феодальной интеллигенции, своей программой, однако, объективно выражал новую, в конечном счете буржуазную тенденцию развития. Кан Ю-вэй был одним из блестящих конфуцианских ученых своего времени. В молодости он написал социальную утопию об обществе «Великого единства», где нет гнета и эксплуатации. На практике Кан Ю-вэй призывал к реформам, которые должны были открыть перед Китаем ка-

капиталистический путь развития. Он пытался доказать в своих трудах, что Конфуций — этот непререкаемый авторитет феодального Китая — тоже был реформатором. Кан Ю-вэй имел многочисленных учеников; один из них — Лян Ци-чао — был крупным ученым и политическим деятелем.

Важным рубежом для общественного развития Китая стала война с Францией 1884—1885 гг., которая велась за пределами Китая (во Вьетнаме). Война лишь частично коснулась окраин Китая (побережье Тайваня и южных провинций). Однако отклик, который она вызвала в китайском обществе, был более значителен, чем тот, который последовал за первой «опиумной» войной. Теперь в китайском обществе имелись силы, способные по-новому реагировать на внешнюю угрозу и на вновь обнаружившуюся слабость Китая.

В 1888—1889 гг. Кан Ю-вэй обратился к императрице Цыси и императору Гуансюю с несколькими посланиями, в которых, говоря о внешней угрозе и растущей опасности народного возмущения, предлагал: дать сторонникам реформ возможность свободно высказаться; бороться с коррупцией; построить дорогу между Северным и Центральным Китаем, не прибегая к заграничным займам. Произведения Кан Ю-вэя, призывавшие к реформам, получили в конце 80 — начале 90-х годов широкую известность в среде интеллигенции.

Третий виднейший деятель, выдвинувшийся в Китае конца XIX в., — Сунь Ят-сен — происходил, как и Кан Ю-вэй, из южной приморской провинции Гуандун, но не из помещиц, а из крестьянской семьи: когда родственники Кан Ю-вэя подавляли тайпинское восстание, дядя Сунь Ят-сена сражался в рядах тайпинов. Сунь Ят-сен окончил английскую школу на Гавайских о-вах (там жил его старший брат, эмигрировавший на Гавайи и ставший крупным капиталистом), затем учился в медицинском институте в Гонконге и получил в 1892 г. диплом врача. Франко-китайская война была для Сунь Ят-сена временем формирования революционных и республиканских взглядов. Однако он еще долго колебался между революционной борьбой и реформами; так, в 1894 г. он подал Ли Хун-чжану петицию, в которой предлагал ряд нововведений (применение машин, использование достижений современной агрономической науки). Только в 1894 г. молодой Сунь Ят-сен бесповоротно стал на путь революции.

Японо-китайская война 1894—1895 гг., окончившаяся разгромом Китая, показала всю никчемность заимствований у Запада, если такие заимствования не сопровождаются глубокими внутренними преобразованиями. Флот, много лет создававшийся Ли Хун-чжаном по западному образцу, был потоплен японцами, армия разгромлена. Япония захватила Тай-

вань, взяла с Китая огромную контрибуцию, за счет которой японская промышленность вскоре взошла как на дрожжах.

Война ускорила назревание внутреннего кризиса в Китае. Все социальные силы, стремившиеся к переменам, — народно-антиимпериалистические, помещичье-реформаторские и буржуазно-революционные — активизировались. В апреле 1895 г. свыше 600 ученых, собравшихся на высшие экзамены в Пекине, подали императору коллективную петицию, написанную Кан Ю-вэем. Они возражали против капитулянтского мира с Японией, предлагали проведение реформ и созыв парламента. В августе в Пекине в доме Кан Ю-вэя состоялось учредительное собрание «Ассоциации усиления государства», первой политической партии в Китае. Деятельность ассоциации была в декабре 1895 г. запрещена, однако в Шанхае стал выходить журнал, вокруг которого сгруппировались сторонники реформ.

Параллельно шло оформление революционно-демократического лагеря. В ноябре 1894 г. на Гавайских о-вах Сунь Ят-сен организовал «Союз возрождения Китая». Денежные взносы китайцев-эмигрантов обеспечили материальную базу для дальнейшей революционной деятельности. Переехав затем в Гонконг, Сунь Ят-сен с Ян Цюй-юнем и другими создал правление «Союза возрождения», начавшее готовить восстание в г. Гуанчжоу. Первое революционное выступление 26 октября 1895 г. не удалось, организация была разгромлена.

Самым значительным актом антиимпериалистической борьбы в 1895 г. было выступление населения Тайваня, которое, узнав о передаче острова Японии, отказалось признать этот акт и объявило Тайвань независимой республикой (12 мая). Под руководством Лю Юн-фу, героя войны с Францией, население Тайваня отражало в течение четырех месяцев наступление японских войск. Наконец, сопротивление было сломлено, Тайвань стал колонией Японии (до 1945 г.).

В 1895—1896 гг. по Китаю прокатилась новая волна антииностранных выступлений. В провинции Шаньдун, которая служила ареной военных действий в японо-китайской войне, развернулось движение против иностранных миссионеров под руководством тайного крестьянского братства средневекового типа — «Большие мечи». Это движение было жестоко подавлено.

Позиция впервые выступившей активно в 1895 г. китайской буржуазии по отношению к империалистическим державам была сложной. Реформаторы сокрушались по поводу национальных бедствий, призывали к укреплению государства, чтобы противостоять внешней агрессии. В то же

время они понимали прогрессивность капитализма по сравнению с китайским феодализмом и призывали учиться у Запада. Им казалось, что едва в Китае будут проведены реформы, как агрессия держав перестанет быть опасной. При этом они надеялись использовать помощь одних держав против других.

Революционеры, в общем разделявшие внешнеполитическую программу реформаторов, еще меньше говорили о борьбе против иностранных держав. Считая первоочередной задачей свержение прогнившей маньчжурской монархии, революционеры из тактических соображений предпочитали не заострять пока внимания на антииностранный борьбе, не понимая, что тем самым лишают себя поддержки широких масс, настроенных антиимпериалистически.

В позиции как реформаторов, так и революционеров отразились слабость, неразвитость китайской буржуазии, связь ее (что особенно касается реформаторов) с помещичьим классом, неверие в силы народа, страх перед широким размахом народного движения.

Борьба держав за раздел Китая, толчок к которой был дан японо-китайской войной, стала разворачиваться с конца 1897 г. стремительными темпами. Германия захватила бухту Цзяочжоу в провинции Шаньдун (ноябрь 1897 г.), царская Россия — Порт-Артур и Далянь (1898 г.) в Маньчжурии, Англия — порт Вэйхайвэй (Шаньдун), Франция — бухту Гуанчжоувань в провинции Гуандун. Державы признали «сферы влияния»: Англии — бассейн р. Янцзы, Германии — провинции Юньнань, Гуандун и Гуанси, Японии — провинцию Фуцзянь. Эти «сферы влияния» не вполне совпадали с фактическим влиянием той или иной державы. Так, районом монопольного экономического господства Англии была прежде всего примыкающая к Гонконгу часть Южного Китая с центром в г. Гуанчжоу. «Сферы влияния» установлены были главным образом для того, чтобы намеченная «сфера» не была захвачена никакой другой державой.

События 1897—1898 гг. произвели огромное впечатление на китайскую общественность. Говорили, что Китай вот-вот будет разделен державами, «как тыква», если не будет принято мер к спасению страны.

В условиях внешней угрозы «феодалы национализм» привел часть придворных и молодого императора Гуансюя к мысли о необходимости поддержать реформаторов. Они с интересом прислушивались к призывам Кан Ю-вэя следовать примеру японского императора Муцухито и русского Петра Первого. В апреле 1898 г., когда в столице собрались на очередные экзамены сотни ученых, Кан Ю-вэй организовал новую партию — «Союз защиты государства».

11 июня император Гуансуй издал первый указ о преобразованиях. Последовали так называемые 100 дней реформ, когда были изданы многочисленные указы — о поощрении ремесел, наук и сельского хозяйства, строительстве железных дорог, открытии университета, отмене схоластических сочинений на государственных экзаменах, реорганизации по иностранному образцу армии, издании новых газет и т. п. Четверо реформаторов — Тань Сы-тун, Ян Жуй, Лю Гуань-ди и Линь Сюй — были привлечены к разработке проектов реформ. Четверка реформаторов с Тань Сы-туном во главе указом от 5 сентября была объявлена «специальными уполномоченными при императоре по проведению новой политики» — через них проходили все бумаги, поступавшие к императору и исходившие от него.

Указы о реформах встретили сопротивление феодально-бюрократического аппарата и не проводились в жизнь. Реакционные силы спланировали, подготавливая государственный переворот. Кан Ю-вэй, руководивший из-за кулис реформами, рекомендовал императору создать для себя надежную военную опору и перенести столицу в центр развивающегося капитализма — Шанхай.

Стремясь опереться на какую-то реальную силу, император вызвал в Пекин командующего корпусом, расположенным в районе Тяньцзиня, — Юань Ши-кай, известного сторонника реорганизации армии. Реформаторы разработали план переворота: в октябре, во время смотра войск в Тяньцзине, Юань Ши-кай должен был арестовать противников реформ во главе со вдовствующей императрицей Цыси, что развязало бы руки реформаторам.

Если бы намеченный переворот осуществился, это было бы чем-то вроде японского пути, китайской «революцией Мэйдзи», освященной авторитетом главы государства — императора. На самом деле, как показали «100 дней реформ», Гуансуй не обладал реальной властью. Реформаторы, действуя от его имени, не в состоянии были пробить стену чиновничьего саботажа, и реформы остались на бумаге. Партия Кан Ю-вэя не имела ни опоры в массах, ни поддержки в государственном аппарате. В отношении Сунь Ят-сена и его сторонников реформаторы, оказавшись у власти, заняли враждебную позицию.

Когда перед реформаторами встал вопрос о том, чтобы отстранить от власти реакционеров, клика Цыси успела предупредить удар. Юань Ши-кай, которому доверились реформаторы, 20 сентября выдал их план реакционной клике. 21 сентября Цыси с помощью маньчжурской гвардии арестовала императора. В тот же день был издан указ о передаче всей полноты власти Цыси и произведены массовые аресты

сторонников реформ, «Союз защиты государства» запрещен. Четверо «уполномоченных» с Тань Сы-туном во главе, выполнявшие функции нового правительства, а также брат Кан Ю-вэя и еще один сторонник реформ, цензор Ян Шэн-сю, осмелившийся осудить реакционный переворот, были казнены. Кан Ю-вэй и его ближайшему сподвижнику Лян Ци-чао удалось бежать за границу. Указы о реформах были отменены.

Провал попытки спасти Китай реформами сверху неизбежно должен был усилить в передовых общественных кругах стремление к насильственным действиям снизу. В Японии, среди китайских эмигрантов, шло спешное восстановление революционного «Союза возрождения Китая» под руководством Сунь Ят-сена, только что вернувшегося из Европы*.

Многие сторонники реформ, в том числе Лян Ци-чао, склонялись в 1899 г. к союзу с революционерами. Обсуждался даже вопрос о создании единой партии, чего, однако, не произошло из-за противодействия Кан Ю-вэя, решительного противника сближения с революционным лагерем. Лишь левое крыло реформаторов — последователи Тань Сы-туна — перешло на позиции революционной борьбы, основав в самом центре Китая, в Ханькоу, тайную организацию «Союз независимости». Они, правда без должного контакта с организацией Сунь Ят-сена, тоже планировали вооруженное восстание против правительства Цыси. В отличие от республиканского «Союза возрождения» «Союз независимости» выступал под лозунгом восстановления на престоле императора Гуансюя.

Либеральная интеллигенция думала в 1898 г. путем реформ добиться спасения Китая от колониального раздела и окончательного порабощения. Народные же массы Китая в 1898—1900 гг. попытались сделать это по-своему, по-плебейски.

Центром антиимпериалистического движения стала провинция Шаньдун, оказавшаяся со времени японо-китайской войны одним из главных объектов империалистической агрессии. Движение носило вначале обычную форму разрозненных выступлений против миссионеров и китайцев-христиан, а также против немецких военных и немецкого технического персонала, обосновавшихся на оккупированной территории Цзяочжоу и приступивших к строительству железной дороги до столицы провинции — г. Цзинань. Постепенно шло объ-

* В Европе Сунь Ят-сен познакомился с современными политическими и общественными течениями, общался со многими революционерами, в том числе с русскими эмигрантами-народниками. Пребывание в европейских странах имело большое влияние на идейное формирование Сунь Ят-сена.

единение недовольных вокруг традиционных крестьянских тайных союзов с их мистической идеологией. Большую роль играло братство «Больших мечей», но вскоре первенство в руководстве движением перешло к обществу «Ихэтуань» («Общество мира и справедливости»). Члены этого тайного общества постоянно занимались специальной гимнастикой, которая имела в их глазах магический смысл (отсюда европейское название ихэтуаней — «боксеры»). Идеология ихэтуаней носила черты средневековой отсталости, их ненависть к захватчикам переходила во враждебность ко всему европейскому, включая культуру и технику. Нельзя, однако, забывать, что при всех их отрицательных сторонах главным у ихэтуаней была самоотверженная борьба за независимость родины.

Общество «Ихэтуань» впервые стало известно в 1897—1898 гг. в западных районах Шаньдуна — на границе со столичной провинцией Чжили. Вначале ихэтуани держались мирно, ограничивались устройством алтарей, гимнастикой и проповедью, направленной против миссионеров. Летом 1898 г. в обстановке происходивших в ряде районов Китая антииностранных и антифеодальных восстаний ихэтуани тоже взялись за оружие. Со всех сторон под их знамена стекались крестьяне. Поскольку деятельность ихэтуаней не имела антифеодальной направленности, отношение властей к ним было более терпимым, чем, например, к «Большим мечам». Губернатор Шаньдуна первый высказал мысль, не попытаться ли использовать ихэтуаней для борьбы с внешним врагом. Это было еще в период «100 дней реформ», и правительство реформаторов отнеслось одобрительно к предложению губернатора. Смена правительства в общем не повлияла на политику Пекина по отношению к ихэтуаням. После попытки взять по отношению к ихэтуаням более жесткий курс правительство Цыси вернулось к мысли об использовании повстанцев в целях обороны страны.

Внешняя угроза создавала возможность объединения всех сил Китая против захватчиков. Среди повстанцев сначала в Сычуани, затем в Шаньдуне летом 1898 г. появился лозунг: «Поддержим Цинов, смерть иностранцам!». До мая 1900 г. политика феодального правящего лагеря Китая по отношению к ихэтуаням была колеблющейся: в зависимости от соотношения сил между феодальными кланами и от изменений международной обстановки власти то пытались использовать повстанцев, то снова переходили к репрессиям.

До конца 1899 г. основной базой антиимпериалистического восстания оставалась провинция Шаньдун, хотя примерно с осени 1899 г. искры восстания начинают залетать уже в соседнюю Чжили. Среди разрозненных выступлений наибольшую известность приобрели операции отряда пов-

ботала программу беспощадного подавления повстанцев. Наместник Чжили распорядился опубликовать и распространить по всей провинции трактат Лао Най-сюаня, в котором утверждалось, что общество «Ихэтуань» происходит от антиправительственного тайного союза Ихэцюань, известного еще в начале XIX в. как ответвление секты «Белый лотос», возглавлявшей грандиозное антицинское восстание на грани XVIII—XIX вв. Из исследования Лао Най-сюаня вытекало, что ихэтуани — еретическая, антиправительственная секта, которая подлежит безусловному искоренению. В то же время китайское правительство по требованию империалистических держав сместило губернатора Шаньдуна. После того как три губернатора, сменившие друг друга за пять лет, проводили политику оказания сопротивления иностранцам, новый губернатор, пришедший в начале 1900 г., — Юань Ши-кай, сумел найти «общий язык» с иностранцами и выступил за беспощадную расправу с ихэтуанями. В первые месяцы 1900 г. ихэтуани в Шаньдуне потерпели ряд поражений от вооруженных европейским оружием войск Юань Ши-кай. Примерно в марте 1900 г. главные силы ихэтуаней ушли из Шаньдуна в Чжили.

Чжили в течение какого-нибудь месяца была охвачена восстанием. Прокламации ихэтуаней призывали к изгнанию «иностранных дьяволов». Иногда к этому добавлялось требование покарать чиновников, продающих родину иностранцам. Правительственные войска терпели поражение. Иностранные посланники, встревоженные масштабами движения, оказывали все большее давление на китайское правительство, требуя подавления «беспорядков». В конце мая они вызвали в Пекин дополнительно несколько сот иностранных солдат и матросов для охраны иностранных миссий.

В начале июня двухтысячный отряд английского адмирала Сеймура двинулся из Тяньцзиня к Пекину, не спрашивая согласия китайских властей. Даже правящая феодальная клика не могла примириться с таким грубым попранием своих прав, угрожавшим в дальнейшем самому пребыванию ее у власти. Наглые действия интервентов заставили китайскую правящую верхушку принять оборонительные меры и усилили в ней тенденцию к использованию ихэтуаней против иностранных агрессоров. Гарнизон крепости Дагу, прикрывавшей путь к столице с моря, был приведен в боевую готовность. 13 июня ихэтуани с молчаливого разрешения правительства вступили в Пекин, стали громить и жечь дома своих противников.

17 июня десант интервентов штурмом взял Дагу — державы начали необъявленную войну против Китая. В войне приняли участие восемь государств: Англия, Франция, Рос-

сия, Япония, США, Италия, Германия, Австро-Венгрия. Это был единый фронт международного империализма. Когда известие о захвате Дагу дошло до Пекина, Цыси издала (20 июня) приказ об осаде иностранных миссий, а на следующий день объявила войну державам, напавшим на Китай. Несколько сановников, выступавших против союза правительства с ихэтуанями, были казнены.

Восстание ихэтуаней распространилось также на Маньчжурию, где царское правительство строило в это время Китайскую Восточную железную дорогу, и на провинцию Шаньси.

Китайские феодалы стремились использовать крестьян и ремесленников, организованных в ихэтуаньские отряды, для отпора иностранцам, но в то же время хотели уничтожить самих ихэтуаней, подставив их под европейские пули. В бою ихэтуаней посылали вперед, а правительственные войска шли за ними, иногда стреляли в спину. Цыси, оставляя себе лазейку для будущего сговора с державами, тайно посылала продукты в осажденные ихэтуанями миссии империалистических держав. Правительственная артиллерия стреляла по миссиям холостыми снарядами.

Феодалы Центрального и Южного Китая, связанные с иностранным капиталом, не допустили вовлечения провинций в войну с империалистами. Наместники и губернаторы этих провинций Ли Хун-чжан, Чжан Чжи-дун и др., а также губернатор Шаньдуна Юань Ши-кай не выполнили приказ правительства о войне с державами. Это был важный этап в развитии китайского регионализма. Впервые провинциальные власти стали проводить независимую от центрального правительства внешнюю политику. Они договорились с консулами держав о «совместной обороне» управляемых ими провинций. Хотя отдельные антиимпериалистические выступления летом 1900 г. происходили также в ряде мест Южного и Центрального Китая, все же властям удалось не допустить здесь всеобщего восстания.

Противоречия, подрывавшие изнутри союз северокитайских и маньчжурских феодалов с ихэтуанями, проявились в июльских событиях в Пекине, когда было объявлено о раскрытии заговора приверженцев секты «Белого лотоса», будто бы имевшихся в среде ихэтуаней. Неизвестно, существовал ли реально какой-то заговор, но, несомненно, июльские события показали разочарование части ихэтуаней в союзе с правительством. Заговорщиков обвинили в том, что они замыслили свергнуть правительство Цыси. Большинство ихэтуаней, еще искренне верившие в честный союз с правительством, помогали властям разыскивать и ловить заговорщиков. Свыше ста человек было казнено.

После поражения в июне 1900 г. отряда Сеймура (отступившего в Тяньцзинь) в течение месяца бои между ихэтуанями и правительственными войсками, с одной стороны, и империалистическими войсками — с другой, происходили в районе Тяньцзиня. К середине июля город полностью перешел в руки интервентов. В ожесточенных боях были тяжело ранены виднейшие руководители ихэтуаней Чжан Да-чэн (бывший лодочник) и Цао Фу-тянь (бывший солдат). Оба впоследствии были схвачены и казнены.

В первых числах августа войска империалистических держав общей численностью 40 тыс. человек выступили из Тяньцзиня на Пекин. Громадное техническое превосходство над китайской армией позволило войскам союзников смести со своего пути гораздо более многочисленные китайские силы. 14 августа Пекин был взят интервентами.

Правительство Цыси бежало в глубь Китая, в г. Сиань. Его воля к сопротивлению была сломлена, оно издало указ о подавлении ихэтуаней, на которых теперь свалили всю вину. В сентябре в Китай прибыл с 22-тысячным военным отрядом германский фельдмаршал Вальдерзее, еще до того признанный всеми державами главнокомандующим союзных войск. Когда он прибыл в Китай, фронта уже не было, но если фельдмаршал не смог принять участия в войне, то с тем большим рвением он приступил к организации карательных экспедиций против мирного населения.

Ихэтуани пытались продолжать борьбу; они сняли лозунг «Поддержим Цинов» и перешли к партизанским действиям. Но противостоять совместным ударам китайских правительственных войск и войск интервентов они были не в состоянии. Последние отряды ихэтуаней, ушедшие в отдаленную провинцию Сычуань, были разбиты в 1902 г., но в целом восстание ихэтуаней можно считать подавленным уже в конце 1900 г. Основной причиной поражения восставших было огромное военно-техническое превосходство интервентов. Сыграло роль также то, что феодалы оказались ненадежным и коварным союзником, предавшим ихэтуаней, и то, что движение ихэтуаней было крайне отсталым по своей идеологии и организации.

Китайская буржуазия в лице ее политических представителей — либеральных и революционных организаций — не была на стороне ихэтуаней. Ее отталкивала ненависть ихэтуаней ко всему иностранному, переходившая в отрицание всякого прогресса, она испытывала страх перед народной стихией. Республиканцев возмущали монархические идеалы ихэтуаней, их готовность идти на союз с Цинами. Правда, среди революционеров имелась и другая тенденция, проявившаяся особенно в начале восстания ихэтуаней, — стремление

установить контакт с повстанцами, повернуть восстание против маньчжурского правительства. Представитель революционного кружка китайских эмигрантов в Японии прибыл в Тяньцзинь и вел переговоры с вождями ихэтуаней. Но повстанцы, слепо верившие тогдашним своим союзникам — Цинам, отвергли его предложения.

Буржуазно-революционные организации решили, однако, использовать обстановку, созданную ихэтуаньским движением. «Союз независимости» в Ханькоу стал готовить восстание, в Шанхае сторонники Союза собрали «парламент», в который привлекли видных либеральных деятелей. «Союз возрождения Китая» Сунь Ят-сена готовил в это время восстание на юге, в Гуанчжоу. Учитывая, что империалистические державы находятся в состоянии войны с правительством Цыси, революционеры установили связи с державами (Сунь Ят-сен рассчитывал главным образом на помощь Японии). Однако державы не оказали поддержки китайским революционерам. После падения Пекина они круто взяли курс на соглашение с цинским правительством.

В августе наместник провинций Хубэй и Хунань — Чжан Чжи-дун, договорившись предварительно с иностранными консулами, разгромил «Союз независимости» и казнил его руководителей. Организованное «Союзом возрождения» восстание на юге, в округе Хуэйчжоу, оказалось изолированным. В г. Гуанчжоу поднять восстание не удалось. Повстанцы — преимущественно члены крестьянских тайных союзов — двинулись после этого из Хуэйчжоу на северо-восток, к порту Сямынь, рассчитывая получить там помощь от японцев. Когда, однако, пришло сообщение от Сунь Ят-сена, находившегося на Тайване, что японской помощи не будет, повстанческое командование вынуждено было прекратить наступление и распустить свои части.

Во время восстания ихэтуаней и после его подавления между империалистическими державами шла острая дипломатическая борьба. В конце концов всем стало ясно, что в данный момент соотношение сил между державами, а также сопротивление, оказываемое им Китаем, делают более предпочтительным совместное господство империалистов в Китае как в общей полуколонии. Политической базой этой формы коллективного колониализма стала выдвинутая США в 1899 г. и принятая всеми державами в 1900 г. доктрина «открытых дверей в Китае», предполагавшая равенство прав и взаимное уважение интересов империалистических держав, эксплуатирующих Китай.

В 1901 г. был подписан заключительный протокол между Китаем и державами (Англией, Францией, США, Германией, Россией, Японией, Италией и Австро-Венгрией), оформивший

завершение продолжавшегося с 1840 г. превращения Китая в полуколонию. На Китай была наложена чудовищная контрибуция — 450 млн. лян. Китай должен был выплачивать ее вплоть до 1940 г. Посольский квартал в Пекине и железная дорога от Пекина до моря стали зоной постоянной иностранной военной оккупации.

Острейший национальный кризис, пережитый Китаем на рубеже XIX и XX вв., разрешился не в его пользу. Общественные силы Китая, пришедшие в этот период в движение, потерпели поражение поодиночке: реформаторы были разбиты феодалами после неудачи «100 дней реформ»; народные массы, преданные своим феодальным союзником, разгромлены империалистами в 1900 г.; одновременно правительством было подавлено изолированное выступление революционной буржуазии. Феодальные правители Китая превратились отныне в более или менее послушных исполнителей воли иностранных колонизаторов.

Трагические события 1898—1901 гг. были страшным уроком для китайского народа. Революция в эти годы не совершилась, но в глазах все большего числа людей она становилась теперь единственным выходом. С начала XX в. освободительное движение китайского народа направляется в первую очередь против прогнившей, проводящей антинациональную политику маньчжурской феодальной монархии. Гегемония в национально-освободительном движении переходит в руки национальной буржуазии (либеральной и революционной).

Буржуазное просветительство и формирование идеологии буржуазного национализма

Во второй половине XIX в. началось формирование буржуазного мировоззрения как самостоятельного идеологического течения в странах Азии и Африки. Оно прошло два этапа: буржуазного просветительства и становления двух основных направлений буржуазного национализма — умеренного и радикального. Одни страны (Китай, Индия, Турция), где буржуазное просветительство оказывало решающее воздействие на общественную мысль начиная с 60—80-х годов XIX в., прошли до первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции оба эти этапа. В других странах (Иран, Египет, Афганистан, Индонезия, Бирма) период буржуазного просветительства начался только в конце XIX в. — первом десятилетии XX в., причем в некоторых из них, например в Афганистане, развитие идеологии собственно буржуазного национализма относится к еще более позднему времени.

Выразителем зарождающегося национального самосознания колониальных народов выступила новая интеллигенция. Она принадлежала преимущественно к дворянской среде, однако ее мировоззрение отражало уже интересы поднимающейся буржуазии. Многие дворяне, получившие европейское образование, принадлежали к обедневшим феодальным семьям. Они работали мелкими служащими или жили на доходы от журналистики, от врачебной и адвокатской практики и по своему социальному положению принадлежали по существу к мелкобуржуазным кругам. Эволюция философских и общественно-политических взглядов многих из них показывает развитие общественного сознания от просветительства к зрелому буржуазному и мелкобуржуазному национализму (эволюция взглядов Сунь Ят-сена в Китае, Б. Чаттерджи, С. Банерджи, Б. Тилака в Индии и т. д.). Появились представители разночинной интеллигенции.

Первые просветители колониальных и зависимых стран испытали сильное влияние буржуазно-демократических идей Запада. Так, в Индии в первой половине XIX в., когда просветительские идеи там только зарождались, появились люди, страстно пропагандировавшие материалистические воззрения и передовые общественные взгляды французских просветителей (например, Генри Дерозию, глава общества «Молодая Бенгалия»).

Передовые идеи французских мыслителей оказывали серьезное влияние и на отдельных идеологов индийской буржуазии в 60—80-х годах. Однако с самого начала более широко распространились в Индии умеренные идеи английских просветителей и более поздние английские буржуазно-либеральные течения. Именно эти последние сыграли важную роль в формировании взглядов индийских умеренных националистов. В Китае Кан Ю-вэй, Лян Ци-чао и другие просветители также находились под идеологическим влиянием Запада. Буржуазно-демократические идеи английской и французской революций сыграли важную роль и в формировании взглядов молодого Сунь Ят-сена. Иранские просветители конца XIX — начала XX в. были знакомы с просветительскими течениями общественной мысли России и испытали их непосредственное воздействие. Первые просветители Индонезии воспитывались в духе буржуазно-либеральных представлений сторонников «этического курса» в Голландии. Даже афганские просветители, позже других выступившие на арену идеологической борьбы и воспитывавшиеся преимущественно на идеях индийского и турецкого просветительства, испытали влияние буржуазно-демократических идей Запада. Воздействие передовых идей Запада ощущалось прежде всего в области общественно-политической и социально-экономической

мысли. Что касается философских воззрений просветителей Востока, то влияние на них передовых материалистических учений западной философии было сравнительно невелико.

Для буржуазных просветителей Востока характерно осознание исторически более прогрессивной роли буржуазных социальных и общественных институтов по сравнению с феодальными и стремление к буржуазным формам правления. Так же как их предшественники на Западе, они верили, что стоит «просветить умы» относительно несовершенства существующего общественного строя, стоит распространить свет знания и показать людям путь к разумной организации жизни — и идеальное царство свободы, равенства, всеобщего счастья будет создано. Их мечты вначале не шли дальше идеализированного царства буржуазной демократии Запада. Правда, в идеологии просветителей Востока с самого начала видны истоки двух направлений — умеренного буржуазно-либерального национализма и националистической идеологии радикальной буржуазной и мелкобуржуазной демократии.

В Индии эти различия выступили в буржуазном просветительстве уже в 60—80-х годах. Для индийского радикального направления с самого начала была характерна ярко выраженная антиимпериалистическая направленность и враждебность к капиталистическим порядкам Запада. В других странах такие различия стали проявляться значительно позднее. На этапе просветительства, однако, идеализация буржуазного мира Запада характерна даже для антиимпериалистически настроенных восточных мыслителей.

Так, великий китайский демократ Сунь Ят-сен, в начале 90-х годов не изживший еще просветительские иллюзии, в своем послании к Ли Хун-чжану призывал к коренному переустройству хозяйственной жизни и общественных порядков Китая на основе развития просвещения и заимствования передовых методов Запада. Преимущества Запада заключаются, по словам Сунь Ят-сена, в том, что «люди там имеют возможность полностью проявить свои таланты, земля может приносить наибольшую пользу, вещи могут найти исчерпывающее применение, а товары беспрепятственно обращаться. Эти четыре условия суть первопричина богатства и могущества, основа управления государством».

Один из крупнейших индийских просветителей, глава бомбейских националистов Д. Наороджи пропагандировал в этот период идеал «истинного британского направления для Индии». Первые египетские просветители также усматривали в деятельности англичан «благо» для страны и ее будущего. Они выступали за усвоение западной капиталистической ци-

визации, за распространение просвещения и технических знаний.

В Индии, Индонезии и некоторых других колониях стремление буржуазных просветителей порвать с феодальным прошлым привело многих к мысли о необходимости и даже целесообразности господства более развитых западных государств в течение определенного, исторически ограниченного периода. Одновременно, однако, все буржуазные просветители выступали с резкой критикой колониальной политики империалистических держав, ее губительных последствий для экономического, политического и культурного развития зависимых стран Востока. Смелость обличения колониальных и феодальных порядков составляла сильную сторону идеологии просветителей. Но резкость критики не соответствовала умеренности их выводов и практических предложений.

Лишь очень немногие, например, представители радикального направления Индии поднимали свой голос в защиту антифеодальной борьбы крестьянства, большинство же видело решение проблемы не в этой борьбе, а в просвещении народа. Как правило, просветители были далеки от мысли о необходимости уничтожения феодальной собственности и коренного перераспределения земли. В то же время они выступали в защиту буржуазного принципа частной собственности, ратовали за развитие торговли и создание национальной промышленности.

Идеи свадеши (национальной промышленности) не чужды индийским просветителям 60—80-х годов. Требования создания собственной промышленности в Китае содержались в работах Кан Ю-вэя. За развитие национальной торговли и создание своей промышленности ратовали иранский просветитель Мальком-хан и его младоафганские единомышленники.

Важное место занимало в работах первых буржуазных просветителей Востока осуждение политического бесправия, произвола властей. В колониальных странах острее критики было направлено прежде всего против дискриминации колонизаторами угнетенных народов (речь шла прежде всего о дискриминации образованной верхушки колониального общества). В полуколониях первые идеологи буржуазных и буржуазно-помещичьих слоев обличали деспотизм шахской, эмирской и султанской власти, ратовали за введение буржуазных форм правления.

В Индии конституционные идеалы большинства из них не поднимались над пожеланиями выборного представительства индийцев в местных законодательных органах власти. Столь же умеренными были политические устремления первых индонезийских просветителей.

В таких полуколонизированных странах, как Афганистан и Иран, где национальная буржуазия была еще крайне слаба и тесно связана с классом феодалов, первые просветители представляли скорее интересы новых служилых помещиков, противостоящих старой феодальной знати и заинтересованных в буржуазных преобразованиях, нежели интересы собственно буржуазии. Они не мыслили себе иных форм правления, кроме монархических. Проведение предлагаемых ими преобразований представлялось им в виде длительного процесса, осуществляемого «просвещенным монархом». Иллюзии в отношении «просвещенного монарха» вели к идеализации конституционной монархии, остававшейся политическим идеалом буржуазно-помещичьих националистов этих стран и позднее.

Лишь немногие представители буржуазного просветительства, ставшие родоначальниками радикального направления буржуазного национализма, поднялись до идеи народовластия. К ним относились радикальные представители зарождавшегося индийского национализма, выдающийся египетский просветитель Абд ар-Рахман аль-Кавакиби, идеи и система аргументации которого во многом напоминают взгляды французских и итальянских просветителей XVIII — начала XIX в., и др.

Непосредственное отражение в идеологии буржуазного просветительства нашел начавшийся в связи с развитием капиталистических отношений процесс формирования наций на Востоке. Его неотъемлемую часть составляло стремление развивать национальные языки и культуры и обосновать необходимость этого развития.

Просветители Востока, продолжая просветительские тенденции доколониальной эпохи, стремились к тому, чтобы язык, на котором они пропагандировали свои идеи, был понятен народу, а литература служила общественным интересам и делу просвещения масс. Стремление первых идеологов национального самосознания угнетенных народов «идти в народ» ярко выразила представительница индонезийского просветительства Картини:

«Участвовать в просвещении нашего народа, в поднятии его морали на более высокую ступень и таким путем прийти к лучшим, более счастливым общественным порядкам — это, по нашему мнению, такой идеал, ради которого стоит бороться всю жизнь».

Повсюду просветители ратовали за свободу слова и печати, создавали новые общественно-политические журналы на национальных языках. Многие из них были крупными прозаиками и поэтами, выступавшими за развитие нового для того времени публицистического жанра.

В Индии первые просветители выступали прежде всего как выразители пробуждающегося национального самосознания отдельных народов Индийского субконтинента, поэтому первые идеологические просветительские течения носили не общеиндийский, а локальный характер (бенгальское, маратхское). Напротив, идеология собственно буржуазного национализма, выросшая из этих просветительских движений общественной мысли и впитавшая характерные черты многих из них, отразила также стремление к общеиндийскому единству и интересы тех буржуазных и мелкобуржуазных слоев, которые были больше связаны с общеиндийским рынком и общими задачами освободительной борьбы. Большое влияние на формирование идеологии индийского национализма оказали основанные просветителями в разных частях страны национальные школы, а также газеты и журналы («Амрита Базар Патрика» в Бенгалии, «Махратта» и «Кесари» в Махаращтре), рассчитанные на более демократического читателя, чем выходившие до этого печатные органы на английском языке.

В Корее первые буржуазные просветители начали в конце XIX в. движение за развитие национального языка, за освобождение его от трудной китайской иероглифики. Один из крупнейших их представителей Чу Си Ген считал родной язык и созданную на нем литературу важнейшим средством воспитания национального самосознания.

Передовые представители буржуазно-помещичьей интеллигенции Ирана выступали с просветительскими идеями на страницах основанных ими за границей газет и журналов на языке фарси («Канун» Мальком-хана, «Саттар» и др.). Персидские издания из-за рубежа проникали в Иран, где находили все более широкий отклик.

Взгляды египетских просветителей пропагандировались на страницах основанного в 1898 г. Рашидом Ридом журнала «Аль Манар».

Турецкие националисты выпускали в эмиграции на турецком языке газеты «Шура-и уммет», «Мизан», «Истикбаль», на страницах которых выступали с просветительскими идеями. Издателем первого афганского журнала «Сирадж уль-Акбар» был афганский просветитель Махмуд Тарзи.

Одним из критериев, служивших в то время для определения прогрессивности того или иного общественного деятеля или мыслителя, было его отношение к так называемому женскому вопросу. Требование эмансипации женщин и их равноправия составляло неотъемлемую часть просветительских идей.

Важное место в просветительстве Востока занимала борьба за распространение светского образования, против неве-

жества, сковывающей умы религиозной схоластики и претензий духовенства на монополию в области просвещения.

Буржуазному просветительству на Востоке, как и на Западе, в противоположность феодальной идеологии были свойственны и некоторые атеистические тенденции. В Индии, Китае и ряде других стран просветители продолжали преимущественно материалистические традиции древности и прерванного колониальным завоеванием духовного возрождения XVII — начала XVIII в., в арабских странах — прогрессивные традиции в развитии общественной мысли в средние века. Однако ни в одной из колониальных и зависимых стран буржуазное просветительство не приняло столь ясно выраженного атеистического характера, как в передовых капиталистических странах Запада. Большая часть просветителей Востока сохранила приверженность к религиозно-философским традициям прошлого.

Это во многом объяснялось тем, что в сознании широких масс населения религия выступала как символ былой независимости, как средство защиты своего духовного мира и своего образа жизни от иноземцев. В условиях буржуазного развития религия, продолжая оказывать серьезное влияние на общественную мысль, сама претерпевала глубокие изменения. Проявлением этих процессов стала реформация основных религий Востока. Начало этой буржуазной реформации было положено просветителями. Именно они выступили за очищение религии от наиболее реакционных и косных положений и обычаев (например, борьба реформаторов индуизма против кастовой системы).

Сама по себе реформация религии не является специфической особенностью общественной мысли колониальных и зависимых стран. Она составляет на определенных этапах неотъемлемую черту развития буржуазной идеологии и в странах Запада. Религиозные по форме просветительские течения не были просто реформацией веры. Богословские вопросы играли в них значительно меньшую роль, чем социально-экономические и общественно-политические проблемы. Они имели много общего с просветительством более развитых национальных групп буржуазии колониальных и зависимых стран, но отличались еще большей двойственностью и противоречивостью. Антифеодальная и антиколониальная направленность была выражена в них значительно слабее. Идеологи «мусульманского» просветительства обходили по существу вопрос об аграрных преобразованиях и были чрезвычайно умеренными в трактовке вопросов самоуправления.

В «мусульманском» просветительстве были два направления: модернистское, связанное с именем идеолога мусульман Индии Сайид Ахмад-хана, и панисламистское возрожден-

ческое, в большей или меньшей степени определявшееся учением Джамаль ад-дина Афгани. Они были враждебны друг другу, хотя по существу оба были различными формами просветительства.

Сайид Ахмад-хан был первым мусульманским реформатором, заявившим, что догмы ислама должны трактоваться в зависимости от конкретных социально-экономических условий, а их истинность определяется их соответствием законам природы; отсюда название его школы «начариа» (природная). Джамаль ад-дин Афгани и его сторонники выступили против своеобразной «естественной философии» Сайид Ахмад-хана, не без основания полагая, что при ее последовательном толковании «для бога фактически не остается места». Именно в этом вопросе состояло основное различие этих двух направлений мусульманского просветительства. Что касается их общественно-политических взглядов, то между ними было много общего. Сайид Ахмад-хан выступил с идеей служения человека общественному благу, которое он назвал «самопомощью». Основная идея учения о «самопомощи» заключалась в том, что народ сам должен заботиться о собственном прогрессе и что «помощь» со стороны другого народа или чужеземного правителя препятствует подлинному прогрессу. Эта идея отвечала стремлениям поднимающейся буржуазии к самостоятельному развитию и была в непримиримом противоречии с политической концепцией Сайид Ахмад-хана, оправдывавшего колониальное господство. Сайид Ахмад-хан стоял в принципе за введение в Индии гражданских свобод и участие народа в управлении страной, но считал, что народ в целом еще не подготовлен для такого активного участия в общественной жизни, и выступал против выборного представительства в создаваемых англичанами органах самоуправления.

Сходные общественно-политические идеалы были и у Джамаль ад-дина Афгани и у тесно связанного с ним в 60—80-х годах XIX в. египетского просветителя Мухаммада Абдо. Призывая вернуться к первоначальному, истинному исламу, они признавали, что истинный ислам не может находиться в противоречии с наукой, а его принципы предусматривают элементарные буржуазные свободы.

Издававшаяся в 1884 г. Джамаль ад-дином совместно с Абдо в Париже газета «Аль-Урват аль-вуска» также содержала идею служения обществу, служения народу. Как утверждает Джамаль ад-дин, «любая форма правления обречена на гибель, если она не вытекает из глубины народа». Любое правление, навязанное силой местным правителем или иностранной державой, не опирается на народ и поэтому несправедливо.

Идеология самого Джамаль ад-дина Афгани и связанных с ним просветителей полуколониальных стран, где еще не было прямого политического господства колонизаторов, отличалась значительно более резкой антиколониальной направленностью, чем учение Сайид Ахмад-хана, сложившееся в колониальных условиях, была проникнута мыслью о необходимости антиколониальной борьбы, с тем чтобы не допустить установление этого господства.

Слабость обоих направлений мусульманского просветительства состояла в переоценке возможности единства на основе ислама. В Индии мусульманские просветители видели осуществление своих идеалов в укреплении и консолидации мусульманской общины, что положило начало развитию идеологии общинного сепаратизма и «мусульманского национализма».

Джамаль ад-дин Афгани и его последователи связывали просветительские идеи с единством мусульманских государств, с панисламизмом.

Содержавшаяся в панисламизме идея, что ислам представляет наднациональную и надклассовую общность, а объединение мусульман, признающих власть единого халифа, — высшую форму государственного и политического объединения, была реакционной, вела к эволюции национальной идеологии вправо.

Однако в конце XIX — начале XX в. просветительские идеи, содержащиеся в учении Джамаль ад-дина Афгани, сближали его с другими антиколониальными идеологическими течениями и обусловили его влияние на формирование взглядов буржуазных и мелкобуржуазных националистов в Египте, Турции и Иране.

В мусульманском просветительстве идеи панисламизма сосуществовали с возникающими и формирующимися представлениями национального единства. Так, ближайший сподвижник Джамаль ад-дина — Абдо боролся против отуречивания арабского населения Османской империи, за возрождение арабского языка. В его устах понятие «родина» впервые получило подлинно национальное звучание.

Однако по мере формирования идеологии буржуазного национализма в панисламизме возникло противопоставление религиозной общности национальной. Это противопоставление было неприемлемо для развивающегося буржуазного общества Востока.

Период буржуазного просветительства сменился в конце XIX в. развитием идеологии буржуазного и мелкобуржуазного национализма, отразившим осознание национальной буржуазией своих экономических и политических интересов и противоречия между этими интересами и колониальным

господством. Тем не менее в колониальных условиях религия продолжала играть серьезную роль и позднее.

Образование капиталистического уклада в экономике стран Востока, становление капиталистического города, создание собственной промышленности, складывание национальных рынков и ускорившийся на этой основе процесс формирования наций, усиление активности буржуазии и мелкобуржуазных слоев в политической жизни — все эти глубокие сдвиги, происходившие в странах Азии в конце XIX — начале XX в., непосредственно отразились на развитии их общественной мысли.

Рост национального самосознания был характерен для всех классов колониального общества. С одной стороны, социальная психология и мировоззрение крестьянства не могли не оказывать определенного влияния на формирование общественно-политических и философских взглядов новых поднимающихся классов колониального общества — буржуазии и пролетариата. С другой стороны, идеология самих народных масс испытывала с конца XIX в. влияние идей не только сходящего со сцены «феодалного национализма», но и формирующегося буржуазного национализма. Последний был в этот период наиболее сознательным выражением общенациональных интересов и вносил элемент национального самосознания в стихийную освободительную борьбу.

Хотя в просветительстве, как уже говорилось, с самого начала были заложены элементы двух идеологических направлений — либерального и радикального, умеренная, либеральная трактовка основных общественно-политических проблем определяла вначале характер идеологии буржуазного национализма в целом. Характер буржуазно-либеральных течений во многом зависел от уровня развития той страны, в которой эти течения формировались. Немаловажную роль играло также то обстоятельство, формировались ли мировоззрение буржуазных идеологов в колониальной стране или в полуколониальной, где прямое политическое господство еще не было установлено. Однако, несмотря на местные различия, между буржуазно-либеральными течениями в отдельных странах Азии и Северной Африки было много общего. В их основе лежали интересы буржуазии и националистически настроенных помещиков. Это не означает, естественно, что идеологические позиции либеральных умеренных националистов адекватны социально-экономическим интересам этих слоев. Большую роль играл социально-психологический фактор и то духовное наследие, на основе которого эта идеология формировалась.

В результате влияния буржуазно-демократических идей Запада, а также вследствие того, что первые буржуазные

националисты колониального мира учились и политической борьбе у Запада идеология либеральных националистов имела нередко западническую форму. Главный источник передовых идей умеренные видели не в национальных духовных традициях, а в буржуазной идеологии Запада, сознательно противопоставляя свой национализм «феодалному национализму», обращенному в прошлое.

Так, один из идеологов умеренных в Индии С. Банерджи писал об этом направлении как о новой политической школе, «окрепшей благодаря связи с Западом, знакомой с западными методами, окрашенной западным духом и покинувшей избитую дорожку». Духовные традиции, в том числе религию, либеральные националисты стремились прежде всего модернизировать, привести в соответствие с буржуазными идеалами Запада.

В то же время общая антиколониалистская атмосфера в поработанных странах наложила отпечаток и на идеологию либеральных националистов. Субъективно они сознавали чуждость идеологии колонизаторов. Они отражали также недовольство верхушечных буржуазно-помещичьих слоев национальной дискриминацией и торгово-промышленной монополией колонизаторов. Отсюда их резкие разоблачения колониальной эксплуатации и грабежа европейцами национальных богатств стран Востока.

Однако идеологи либерального направления буржуазного национализма не видели все углубляющихся коренных противоречий между империализмом и собственным национальным развитием. Они все еще разделяли иллюзии просветителей, что господство более развитого Запада — наименьшее зло. Умеренные в Индии открыто говорили, что между экономическими целями индийского общества и интересами метрополии и колониальных властей в Индии нет коренных расхождений. Они не видели в колонизаторах силы, сознательно тормозящей развитие колониальных народов. В некотором отношении они не только не пошли дальше первых буржуазных просветителей, но даже оказались позади тех из них, кому уже не чуждо было понимание того, что колониализм препятствует развитию народов Востока.

Такая позиция не была, однако, результатом каких-либо измышлений либеральных идеологов во имя своих эгоистических целей. Она вытекала из неправильного понимания интересов своей страны, иллюзий в отношении Запада. Либералы не были и не могли еще быть последовательными выразителями интересов крайне слабой в этот период национальной буржуазии.

В колониальных странах они не предусматривали полной независимости даже в далеком будущем, в полуколониях

не поднимались, как и прежде, над идеалом конституционной монархии. Они сохраняли иллюзии, что добиться осуществления буржуазных идеалов можно с помощью Запада. Первостепенное значение имело для них обоснование эволюционного развития и примата моральных средств воздействия. Они не искали опоры в массах, осуждали зачастую не только антифеодальную, но и антиколониальную борьбу масс. В то же время они сознательно выделяли вопрос о национальном единстве как важнейшем условии национального прогресса. Сами понятия «нация», «национальный» приобрели у них новое, современное звучание. Им было не чуждо понимание того, что их идеология порождена новыми социально-экономическими условиями, стремлением новых классов к экономической самостоятельности и созданию национальной промышленности. Благодаря этим новым условиям национальные патриотические чувства, определявшиеся до этого преимущественно общественно-психологическими импульсами (реакцией на проявление расовой и национальной дискриминации, на отдельные акты произвола властей и т. д.), превращались в основное направление общественной мысли, основную черту общественной психологии. Без материальной экономической основы, как подчеркивали наиболее дальновидные мыслители, патриотические побуждения могли быть движущей силой общества лишь на протяжении небольших периодов.

Либеральное понимание буржуазного национализма хорошо отразилось в идеологии умеренных Индии. Так, С. Банерджи писал, что национальная идеология порождена «промышленными стимулами», а политический энтузиазм индийского народа направлен на то, чтобы содействовать промышленному развитию страны. Он и его единомышленники выступали от имени «всей нации». Они писали о необходимости вовлекать массы в общественную жизнь и обращать внимание на их нужды, но были против активных форм борьбы. Идеология умеренных нашла свое отражение в программных документах Индийского национального конгресса на первых этапах его деятельности.

Лидер индийских умеренных Г. К. Гокхале во время революционного подъема 1905—1909 гг. отстаивал идеи необходимости «постепенного» движения к самоуправлению, но предостерегал от понимания самоуправления как отделения от Британской империи. В то же время он стремился обосновать необходимость создания национальной промышленности для экономического и политического прогресса страны. Общественно-политические и социально-экономические вопросы занимали в идеологии умеренных Индии значительно большее место, чем философские. Они использовали в от-

дельных случаях индуизм для обоснования своих политических идей. Так, необходимость умеренного, постепенного политического развития они доказывали ссылками на индуизм, утверждая, что революционные действия не соответствуют «духу Индии». Среди них были реформаторы индуизма модернистского направления, разделявшие с основателями теистического общества «Брахмо самадж» идею божественного происхождения колониального режима, их монотеистическую трактовку индуизма как символа единства Индии, как обоснования равенства людей всех каст и необходимости отмены кастовых ограничений в общественно-политической и экономической жизни страны.

В Индонезии первые либеральные националисты (Саренгата, Н. Сурото и др.) ратовали за «национальное единство всех индонезийских народов». Как и индийские умеренные, либеральные националисты Индонезии не противопоставляли национальное развитие страны колониальному господству, были противниками активных действий масс, видели путь к прогрессу в экономических преобразованиях и культурно-просветительной деятельности. Их отличало от умеренных Индии и либералов других колониальных и зависимых стран то, что они не облекали свои идеи в религиозную форму и не считали ислам орудием прогресса.

Умеренные либеральные взгляды исповедовали в начале XX в. многие крупные буржуазные националисты полуколоний. В Турции либеральная идеология определяла по существу характер буржуазного национализма вплоть до первой мировой войны и Октябрьской революции. С либеральных позиций выступали и идеологи первой турецкой буржуазной революции.

Однако с начала XX в. все большее влияние на развитие националистической идеологии и общественной мысли Востока оказывает буржуазно-демократическое радикальное направление. В Индии и Китае оно сложилось в определенную систему общественно-политических, социально-экономических и философских взглядов и представлено Тилаком и Сунь Ят-сеном. В других колониях и полуколониях оно не получило столь четкого выражения. Формирование этой идеологии было непосредственно связано с ростом политической активности мелкобуржуазных слоев и во многом отражало их интересы. В тех странах, где, как в Индонезии, национальная буржуазия была еще очень слаба, мелкобуржуазная идеология с самого начала приобрела некоторую самостоятельность. Она испытала непосредственное влияние противоречивого и двойственного характера крестьянской психологии: не только патриотических антиколониальных чувств и утопического стремления к социальному равенству,

но и консерватизма, приверженности к традиционным формам быта и мировоззрения.

Западническая форма идеологии умеренных и содержащаяся в ней мысль о примирении, пусть временном, с колониальным господством была неприемлема для радикальных буржуазных и мелкобуржуазных националистов. Умеренному национализму они противопоставляли сочетание буржуазно-демократических идеалов с идеями активной борьбы против господства колонизаторов, за освобождение от их политической власти там, где эта власть уже установлена, и за предотвращение полного порабощения полуколоний. Стремление к национальному прогрессу, к достижениям буржуазной цивилизации сочеталось у многих из них с критикой западного капитализма, с идеями сопротивления идеологическому господству Запада, с приверженностью ко всему самобытному, национальному. Антифеодальные чувства, утопическое стремление к социальному равенству часто были связаны с идеализацией доколониального прошлого. Националистическая реакция, вызванная поворотом части имущих классов в странах Востока в последней четверти XIX в. к Западу, к европейскому образу жизни и культуре, западническая форма идеологии либералов усилили приверженность радикалов к религиозным традициям прошлого. В религии они видели прежде всего путь к сердцу народа. Поэтому они уделяли серьезное внимание «возрождению» близких народу религиозных традиций прошлого. Реформацию религии они понимали прежде всего как ее «очищение», как возрождение тех духовных гуманистических традиций, которые могли бы послужить обоснованием новых, демократических идеалов.

Это проявилось в идеологии участников и руководителей антиимпериалистического движения угнетенных народов Востока в период его подъема (1905—1909 гг.). Многие радикально настроенные националисты, в большей или меньшей степени связанные с городскими средними слоями и крестьянством, облекали в это время свои антиимпериалистические и буржуазно-демократические взгляды в религиозные формы (идеи возрождения индуизма Тилака, облеченные в индуистские формы антикапиталистические идеи Вивекананды в Индии, панисламистская форма антиимпериалистической идеологии мелкобуржуазных националистов в Индии, Иране, арабских странах, идеология «мусульманского национализма» Сарекат Ислам в Индонезии).

Религиозные формы антиимпериалистической идеологии влияли на ее содержание. В отдельных случаях они вели к идеализации социальных институтов феодального прошлого и к религиозному сепаратизму. Все это затрудняло развитие

прогрессивных тенденций в общественной мысли, препятствовало распространению идей научного социализма.

В Индии большое влияние на идеологию радикалов — так называемых крайних — оказала философия Свами Вивекананды, который выступил как крупнейший реформатор индуизма конца XIX в. Он один из первых высказал мысль, что религия служит в Индии ключом к сердцу народа, что каждый, кто хочет говорить с народом, должен говорить на языке религии. В религиозные формы Вивекананда облекал не только обоснование необходимости активной борьбы против колониальной зависимости и феодального гнета, но и утопические антикапиталистические и социалистические идеалы будущего «царства шудр» (угнетенных). Другие идеологи крайних также говорили о единстве национализма и религии. «Национализм,— писал Ауробиндо Гхош,— это религия, ниспосланная богом».

Если умеренные были связаны с реформаторской деятельностью идеологов «Брахмо самадж», стремившихся модернизировать индуизм в духе «примирения» его с Западом, то формирование идеологии многих крайних было связано с идеологами «Арья самадж», противопоставлявшими древние традиции индуизма Западу. Отдельным идеологам крайних, как, например, Тилаку, была свойственна идеализация доколониального общества. Однако многие из них, резко критикуя колониальное господство, считали возможным заимствовать многие прогрессивные элементы из буржуазного развития Запада. Тем не менее все они понимали коренное противоречие не только между британским господством и развитием Индии, но и между всем колониальным миром и империализмом. По словам Ладжпат Райя, «человечество не создало более грязного, греховного и преступного понятия, чем империализм».

Своеобразное сочетание антикапиталистических тенденций с защитой интересов национального, по существу буржуазного развития характерно для всей идеологии крайних в Индии и во многих других зависимых странах. Столь же двойственный характер носили и их антифеодальные социальные утопии. Лишь немногие, подобно великому писателю-гуманисту Рабиндранату Тагору, выступали за полное уничтожение произвола помещиков и ростовщиков. Большинство, выдвигая мелкобуржуазные идеи всеобщего равенства, социальной и политической справедливости, не разделяло крестьянских требований уничтожить господство феодалов, перераспределить землю. Никто из них не говорил о классовых противоречиях, но многие писали о необходимости социального мира во имя национальной общности.

Крайние выступали также за демократизацию государства, народовластие и республику. Однако несомненно самую силь-

ную сторону их идеологии наряду с критикой империализма составляло понимание необходимости массовых форм национально-освободительной борьбы. Некоторые отстаивали насильственные формы борьбы и видели в терроре важнейший импульс этой борьбы. Учение Тилака содержало передовую для своего времени идею права народов на вооруженную борьбу против империалистического гнета, за полную независимость. Но никто из крайних не отрицал непасивистических методов массовой борьбы, а некоторые из них уже тогда отдавали им предпочтение. Идеология крайних нашла некоторое отражение и во взглядах молодого Ганди.

Много общего с идеологией крайних в Индии имело радикальное националистическое направление общественной мысли в Индонезии, отразившее, однако, слабость индонезийской буржуазии по сравнению с индийской. Радикальные буржуазно-демократические идеи были облечены вначале в панисламистские формы (взгляды молодого Чокроаминаго), однако уже накануне первой мировой войны они приняли форму «мусульманского национализма». Ислам рассматривался первыми радикальными националистами Индонезии как символ национального единства. Идеология «мусульманского национализма» имела ярко выраженное антиколониальное содержание. Хотя вначале ее идеологи были в противоположность крайним в Индии внешне лояльными к колониальным властям, они с самого начала стояли на антиколониалистских позициях (призыв к борьбе против христианства как идеологии колонизаторов, идеи национального объединения во имя любви к родине, к народу).

Другой сильной стороной индонезийской радикальной идеологии было обоснование необходимости связи с массами, опоры на массы. По словам одного из ее творцов, Чокроаминаго, «когда народ пробуждается, ничто не может воспрепятствовать его движению».

Формирование идеологии «мусульманского национализма» в Индонезии сопровождалось буржуазной реформацией ислама. В идеологии «мусульманского национализма» наряду с радикальным имелось либеральное направление, которое, однако, было в тот период значительно слабее. Модернизация ислама осуществлялась идеологами секты «Ахмадие», радикальная реформация под флагом «возрождения» связана с сектой «Мухаммадые». Хотя «мусульманский национализм» был одной из форм выражения радикального направления индонезийского национализма, он с самого начала обнаружил свои слабости — идеи надклассовой религиозной общины, которые вели к религиозной ограниченности.

Не все представители радикального индонезийского национализма облакали свои идеи в религиозные формы. На-

кануне первой мировой войны здесь уже были такие мыслители, как Дауэс Деккер, Итто, Суварди, находившиеся под влиянием социалистических идей. Для их философии характерен эклектизм, сочетание материалистических и идеалистических элементов, своеобразная, революционная интерпретация ислама и буддизма. В то же время их общественно-политические взгляды, свободные, как правило, от религиозного облачения, содержат представления о классовой борьбе, о неизбежности гибели капитализма в Индонезии и во всем мире, об условиях формирования нации и национальной идеологии, содержат резкую критику империализма. Эти идеологи сделали шаг вперед по сравнению с крайними в Индии.

Идеология первых буржуазных националистов конца XIX — начала XX в. нередко отражала эволюцию от умеренно либерального мировоззрения к радикальным демократическим позициям. Примером этого служит эволюция Мустафы Камилля в Египте, который начал как буржуазный просветитель, облававший свои идеи в панисламистские формы и связывавший осуществление своих освободительных идеалов с возвращением Египта в состав Османской империи, а к концу жизни стал выразителем буржуазно-демократических идеалов и устремлений египетской мелкой буржуазии, выступая за массовые формы политической борьбы, сознательно противопоставляя им путь постепенных реформ. Камиль резко критиковал не только политику колонизаторов в Египте, но и империализм вообще, отстаивал необходимость самостоятельного экономического и политического развития египетской нации, ратовал за улучшение положения народа. Однако формирование самостоятельного буржуазно-демократического идеологического течения в Египте в этот период только начиналось.

Силу и недостатки радикального буржуазно-демократического направления общественной мысли угнетенных народов Востока отразили также взгляды китайского демократа Сунь Ят-сена. Выдвинутая им во время первой революции программа, которую, по словам Ленина, пропитывал «боевой искренний демократизм», была проникнута идеями социального равенства. Сунь Ят-сен высказал уже в этот период мысль, что для Китая неприемлем путь капиталистического Запада, в то же время его собственные экономические концепции и общественно-политические идеалы объективно отражали стремление к разрушению феодализма и к самостоятельному экономическому, по существу буржуазному развитию Китая.

Взгляды Сунь Ят-сена этих лет изложены в его труде «Программа развития страны». В первом разделе — «Духовное строительство» — он выступал против ортодоксальной, феодальной трактовки конфуцианства, подвергая критике традиционную китайскую доктрину: «Познание легко, а действие

трудно», препятствовавшую всяким активным действиям, всяким новшествам. Серьезный удар феодальной идеологии нанесла пропагандировавшаяся им идея познаваемости мира и его закономерностей. Однако, поднимаясь в отдельных вопросах (прежде всего в вопросах познания природы) до стихийно материалистических позиций, Сунь Ят-сен в объяснении общественного развития оставался идеалистом. Свои общественные идеалы он, как и многие его единомышленники, выводил из «духовных потребностей народной жизни», идеализировал китайские традиции. Выступая за улучшение положения народа и стремясь опереться на него для осуществления национальных целей, Сунь Ят-сен в то же время иногда называл массы «темной силой», которая нуждается в руководстве «прозорливых людей».

Уже в конце XIX — начале XX в. Сунь Ят-сен выдвинул «Три народных принципа» построения независимого государства. В ряде работ он теоретически обосновывал мысль, что решающей силой в борьбе за свободный и процветающий Китай должны быть не неограниченные народные массы, а армия и что до установления народовластия необходим длительный период «военной власти и политической опеки». Выдвижение на первый план военных форм освободительной борьбы и государственного устройства составляло характерную черту китайских националистически настроенных радикалов, отличавшую их от националистов других стран Востока.

Революционную сторону учения Сунь Ят-сена составляли осознание необходимости насильственного свержения китайского проимпериалистического правительства милитаристов и бюрократов и призыв к этому свержению. В отличие от умеренного либерального направления китайского национализма (Лян Ци-чао), видевшего основной путь развития в постепенных реформах, в просвещении и распространении навыков самоуправления, учение Сунь Ят-сена было направлено на обоснование необходимости национального и политического объединения Китая, уничтожения феодальных общественных институтов и феодального государства, создания сильного национального правительства и независимой экономики (хотя он и не исключал в этот период участия иностранного капитала), а также проведения ряда мер по улучшению положения народных масс. В целом это была буржуазно-демократическая радикальная идеология. Она оказала серьезное влияние на происходившее в этот период формирование идеологии буржуазных и мелкобуржуазных националистов многих стран Востока, в первую очередь Вьетнама.

На последующих этапах национально-освободительного движения, после первой мировой войны и Великой Октябрьской

социалистической революции в России, идеология буржуазных и мелкобуржуазных националистов претерпела существенные изменения. Идеология современного буржуазного национализма сформировалась на основе обоих идеологических направлений предвоенных лет — радикального и либерально умеренного. Что касается революционно-демократических мелкобуржуазных учений новейшего времени, то они, как показывает изучение истории стран Востока после 1917 г., отнюдь не были простым развитием радикальных течений предвоенного периода, а складывались под возрастающим воздействием пролетарской идеологии и социалистических учений.

От феодального к буржуазному этапу национально-освободительной борьбы

Вторую половину XIX в. — период, начинающийся буржуазной революцией в Японии и завершающийся мощным антиколониальным движением, — восстанием ихэтуаней, — можно считать промежуточным, переходным периодом от феодального к буржуазному этапу национально-освободительной борьбы.

В эти годы во многих странах Востока прослеживаются два главных направления освободительной борьбы. Во-первых, это стихийные вооруженные выступления широких крестьянских масс, к которым примыкают полупролетарские и зарождающиеся пролетарские элементы. Возглавляются такие движения обычно еще феодалами. Во-вторых, это буржуазные национальные движения во главе с либеральным дворянством либо с национальной буржуазией, пока значительно более ограниченные по своей массовой и социальной базе. Формы, которые принимала освободительная борьба на Востоке, непосредственно связаны с конкретным уровнем социально-экономического развития того или иного государства Азии и Африки.

Усилившееся развитие капитализма в странах Востока после вторжения иностранного капитала способствовало углублению там классовой дифференциации, вело к формированию классов национальной буржуазии и пролетариата. Характер и форма освободительной борьбы непосредственно связаны с этими процессами.

В тех странах, где освободительное движение развивалось в обстановке господства феодальных отношений, существовала лишь одна форма этого движения — всенародная освободительная борьба. Во второй половине XIX в. форма организованного государственного сопротивления встречается во Вьетнаме, Бирме, Индонезии (княжество Аче) и других странах, еще не ставших колониями. Монархистские иллюзии

крестьянских масс привлекали их под знамена королей и крупных феодалов. «Феодалный национализм», объединяя широкие народные массы в борьбе против колониализма, способствовал их национальной консолидации, политическому пробуждению, что находило отражение в подъеме общественной мысли. Тем самым «феодалный национализм» помогал будущему становлению наций на Востоке (в Бирме, Вьетнаме, Корее, Индии и др.).

Обычно по мере развития антиколониальной борьбы антифеодалные движения отступали на второй план, а иногда и прекращались (Корея, Китай, Филиппины), главной целью становилось изгнание иноземных колонизаторов.

Национально-освободительная борьба, как правило, создавала своеобразное подобие широкого единого фронта и носила значительно более массовый характер, чем выступления крестьянства, направленные одновременно против феодальной эксплуатации. Участие крестьян в освободительной борьбе росло по мере создания колониальных режимов (Индонезия, Корея, Бирма, Вьетнам, арабские страны), когда феодальный гнет сливался с колониальным.

История национально-освободительной борьбы народов почти каждой из стран Азии знает много фактов предательства феодалов, их измены делу национального освобождения. Но, несмотря на тяжкие обвинения, которые история может предъявить «феодалному национализму», при всей необходимости глубоко критического отношения к его идеологии, политической тактике и целям борьбы, оценка его объективного воздействия на ход национально-освободительной борьбы в общем должна быть положительной.

В ходе национально-освободительных движений, особенно в странах, где антиколониальная борьба принимала формы организованного государственного сопротивления внешней агрессии, наглядно проявилась двойственность позиции «феодалного национализма». Возглавив борьбу масс за национальную независимость, феодалы способствовали складыванию буржуазной нации и подготавливали условия для создания национальных государств. Тем самым «феодалный национализм» оказывал революционизирующее воздействие на молодую национальную буржуазию, что вело к возникновению буржуазно-националистической идеологии. В то же время он стремился к консервации феодальных порядков при сохранении феодалами господствующего положения.

«Феодалный национализм» появлялся в странах с самым различным уровнем экономического развития. В странах, находившихся на стадии позднего феодализма, где начиналось формирование элементов капиталистического уклада, он способствовал зарождению и развитию буржуазного национализ-

ма. В еще более развитых странах, где уже имелся в экономике капиталистический уклад, часть класса феодалов, особенно феодальная интеллигенция, выступала носителем буржуазно-реформаторских идей. В подобных случаях «феодальный национализм» верхов (королева Мин и ее окружение в Корее, император Гуансуй в Китае) пытался иногда использовать влияние и авторитет, который к тому времени завоевали в кругах передовой интеллигенции буржуазно-националистические идеи, для упрочения собственного пошатнувшегося положения.

В освободительной борьбе народов Востока этого периода особенно наглядно проявилась связь с религиозными движениями. Однако по мере развития борьбы за национальную независимость религиозная ее направленность, как правило, отходила на второй план и доминирующее положение занимали национально-освободительные лозунги. Более того, стихийно вызревали революционные, антифеодальные настроения, способствовавшие зарождению национального самосознания у различных социальных слоев.

Народные движения в странах, уже ставших колониями к началу периода промышленного капитализма (Индия, Филиппины), отличались тем, что антифеодальные выступления одновременно являлись антиколониальными, так как были направлены против порядков, установленных колониальной администрацией.

Новым явлением, свойственным лишь странам со значительным развитием элементов капитализма, были попытки распространения на крестьянское движение буржуазно-демократической идеологии. Однако лозунги носителей буржуазно-демократических идей не были еще понятны крестьянским массам.

Углубление национально-освободительной борьбы, связанное с ростом колониальной экспансии, а также резкое размежевание классовых сил по мере развития товарно-денежных отношений в обстановке вторжения иностранного капитала постепенно вели к формированию классов нового общества — национальной буржуазии и пролетариата. В конце XIX в. «феодальный национализм» во многих странах Востока, особенно в тех, где формировался национальный капитализм (Индия, Китай, Корея), исчерпал свои прогрессивные возможности и стал выступать в союзе с колонизаторами.

Буржуазные по своему характеру и лозунгам национальные движения, как правило, провозглашали своей целью осуществление реформ, направлявших страну на капиталистический путь развития. Они возглавлялись оппозиционно настроенной феодальной интеллигенцией и обуржуазившимися помещиками. Это объяснялось тем, что национальная буржуа-

зия была еще слишком слаба, политически незрела и не могла стать организатором по существу буржуазных реформаторских движений. Сравнивая «феодальный национализм» с более поздним по времени его возникновения буржуазным национализмом, необходимо подчеркнуть, что первый возник на национальной почве как самобытное явление. Буржуазный же национализм, восприняв освободительные идеи своих предшественников и буржуазные учения Запада, обогащал и развивал реформаторские программы феодальных просветителей.

Под влиянием идей, выдвинутых европейски образованной передовой интеллигенцией феодального происхождения, формировалось мировоззрение национальной буржуазии. Идеологическая платформа дворян-реформаторов была направлена на борьбу с феодализмом. Кроме того, по существу она носила антиколониальный, антиимпериалистический характер, поскольку содержала требование создать суверенное национальное государство буржуазного типа.

Одно из характерных отличий национализма феодального от буржуазного состоит в том, что последний не идеализировал старые общественные порядки, а выступал за прогрессивные преобразования и национальное освобождение. «В *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы *безусловно* поддерживаем» *, — писал Ленин. Именно в силу своего общедемократического содержания буржуазные национальные движения стали частью антиимпериалистической борьбы народов колоний на ее ранних этапах.

Лозунги единой национальной культуры, единой экономики были в обстановке господства колониализма и консервации старых феодальных порядков прогрессивными, направленными на объединение народа в буржуазную нацию. Однако по мере развития капиталистических отношений в более развитых странах Востока буржуазный национализм с его страхом перед революционным движением широких народных масс не мог уже удовлетворить мелкобуржуазную интеллигенцию. На политическую арену вступил мелкобуржуазный демократический национализм. Как правило, появление этого идеологического течения относится к концу XIX в. Однако в Индии под влиянием экономических факторов мелкобуржуазный и революционный демократизм Пхадке, пытавшегося сочетать крестьянскую борьбу с движением за национальные буржуазные реформы, проявился уже в 70-х годах XIX в.

Мелкобуржуазные демократические течения в идеологической жизни различных стран возглавляла уже не феодаль-

* В. И. Ленин, *О праве наций на самоопределение*, — Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 275—276.

ная интеллигенция, а интеллигенция, вышедшая из так называемых средних слоев. К ней относились такие выдающиеся мыслители, как Сунь Ят-сен в Китае, Тилак в Индии, Бонифасио на Филиппинах.

Программы буржуазно-реформаторских идейных течений поражают исключительным единообразием характера и целей. «Новые османы» в Турции, Ким Ок Кюн в Корее, Кан Ю-вэй в Китае, Хосе Рисаль на Филиппинах — все они выступали за капиталистический путь, за независимое национальное развитие. Хотя их проекты не содержат прямых призывов к борьбе с колонизаторами, они носят антиколониальный характер. Все эти деятели из-за своей классовой ограниченности боялись использовать революционную, антиимпериалистическую борьбу, были далеки от народа. Самые решительные из них стояли за верхушечный переворот (Ким Ок Кюн, «новые османы»). Буржуазные реформаторы не отражали в своих программах важнейших крестьянских требований. Только в Египте обстоятельства привели к тому, что Ораби и его сторонники возглавили антиимпериалистическую вооруженную борьбу.

Большинство мелкобуржуазных демократов призывали к революции и вели революционную деятельность. Но и они не умели по-настоящему мобилизовать массы, не выдвигали лозунга аграрной революции. В странах, еще не ставших колониями, они не решались — из тактических соображений — призвать к открытой борьбе с империализмом. Но в такой стране, как Филиппины, которая была колонией полуфеодальной Испании и где колониальный и феодальный гнет были тождественны, мелкобуржуазные и буржуазные националисты возглавили по существу первую антиколониальную и антифеодальную революцию в Азии и Африке. Японская буржуазная революция, несмотря на содержащиеся в ней национально-освободительные тенденции, в целом не была антиколониальной, восстание же Ораби в Египте, начинавшееся как буржуазная революция, не успело по-настоящему развернуться.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ ТРОПИЧЕСКОЙ И ЮЖНОЙ АФРИКИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Накануне завершения территориального раздела мира страны Тропической и Южной Африки представляли собой по-прежнему один из наиболее отсталых районов земного шара. Правда, у народов, населявших области древней цивилизации — Восточный Судан и Эфиопию, уже давно сложились феодальные отношения. Феодализм также развивался в государствах Западного Судана, насчитывавших сотни лет существования. Однако большая часть «черного континента» находилась на ранних ступенях классового общества либо жила в условиях первобытнообщинного строя.

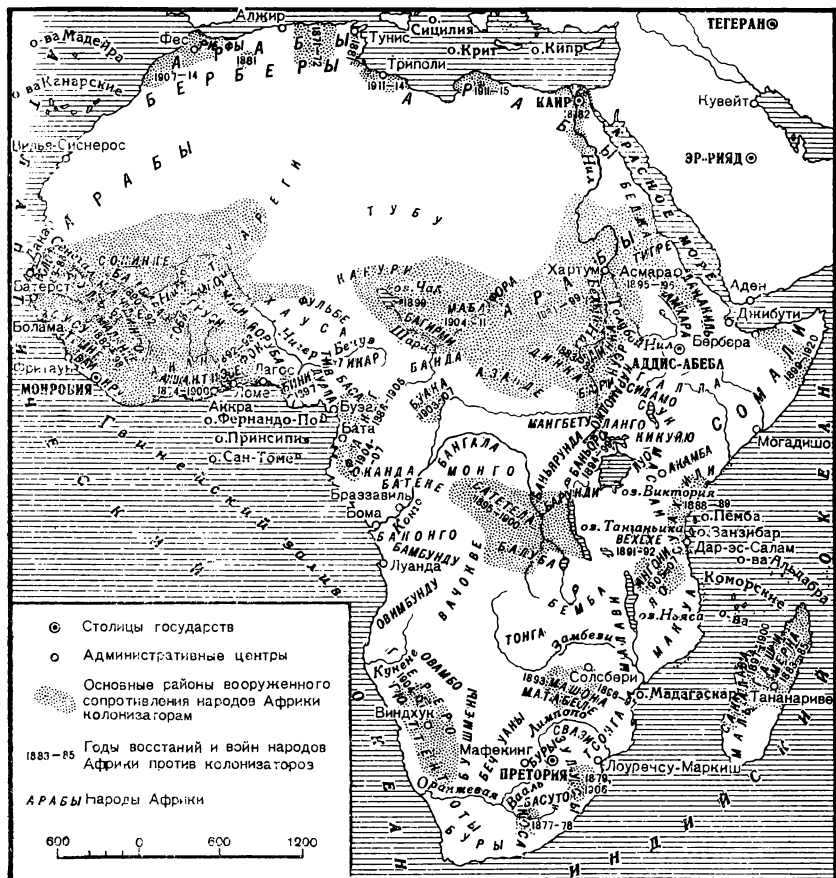
На рубеже XIX—XX вв. отсталые и слабые в военном отношении, но все еще сохранявшие самостоятельность африканские страны стали жертвой агрессии европейских держав. Перерастание доминионистического капитализма в империализм, выразившееся в резком усилении борьбы за источники сырья и рынки сбыта, привело к усилению колониальной экспансии. К этому времени в результате изучения Тропической и Южной Африки европейскими путешественниками были собраны сведения о ее природных богатствах и людских ресурсах. Здесь производились ценные виды сырья — каучук, пальмовое масло и т. д.; сюда могли быть направлены новые потоки европейских товаров. Один из известных исследователей Тропической Африки, Стэнли, выступая в 1884 г. перед английскими промышленниками, говорил: «Этот рынок открыт, этот рынок, которым пренебрегают, может принести несметные миллионы европейской торговле».

Крупнейшая колониальная держава Великобритания уже давно владела в Южной Африке Капской областью и частично Наталем. Рядом были расположены Трансвааль и Оранжевое Свободное государство — республики, созданные голландскими переселенцами (бурами). Великобритания рассчитывала, подчинив бурские республики и территории между Замбези и Лимпопо, создать группу колоний в районе с богатыми природными ресурсами и отличным климатом, что издавна привлекало сюда европейских переселенцев. Английские империалисты вынашивали планы создания непрерывной цепи своих владений от Кейптауна до Каира и с этой целью желали аннексировать многие территории в Южной, Восточной и Северо-Восточной Африке. Кроме того в Западном Судане Великобритания не прекращала борьбы против Франции, расширяя захваты в бассейне Нигера и на Золотом Береге, подготавливая вторжение в страны хауса.

Франция — конкурент, который уступал Великобритании в экономическом отношении, — стремилась главным образом подчинить ряд областей Западного Судана, бассейн Конго, а также Мадагаскар. Ввиду противодействия прочих держав она была вынуждена умерить свои аппетиты в Восточной Африке, в частности на сомалийском побережье, хотя ее военные корабли появились в Аденском заливе еще в середине XIX в. Германия, которая сравнительно поздно начала колониальную агрессию за океаном, рассчитывала проникнуть в континентальные владения Занзибарского султаната, в Юго-Западную Африку, Камерун и Того. Италия поставила своей задачей утвердиться на побережье Красного моря и Аденского залива, в Эфиопии. Наконец, мелкие европейские страны — Португалия и Бельгия — играли на противоречиях своих крупных конкурентов, добиваясь доли в разделе районов, расположенных на юг от экватора (Нижнее Конго и др.). Так, Португалия пыталась удержать и по возможности расширить остатки своей колониальной империи — Анголу и Мозамбик.

Южная Африка

Южная Африка была важным объектом колониальной экспансии Великобритании, Германии, Португалии и бурских республик. Сочетание плато и плоскогорий с тропическими и субтропическими широтами благоприятно сказывалось на местном климате. Саванны Высокого Велда, Натала, Дамараленда и других областей обеспечивали пастбищами многочисленные стада, могло здесь развиваться и земледелие. Кроме того, в 60—80-е годы Южная Африка привлекла особое внимание европейцев, так как по течению р. Оранжевой и к северо-во-



Национально-освободительная борьба народов Африки в конце XIX — начале XX в.

стоку от нее были открыты богатые месторождения алмазов и золота.

Банту Южной Африки жили в основном в условиях доклассового общества. Они были разобщены, что облегчало подчинение их европейцами. Средневековые государства, образовавшиеся в Анголе и Мозамбике, в XVIII—XIX вв. распались из-за междоусобиц местной знати, а также губительного воздействия работорговли. В то же время у некоторых народов (зулусы, матабеле, басуто) возникли ранние формы государственности, быстро развивался процесс этнической консолидации. В странах, граничивших с европейскими владени-

ями, африканцы готовились к борьбе за свою независимость. Особо важную роль в сопротивлении иноземному вторжению сыграли зулусы, которые показали еще в середине XIX в., что они — одна из главных сил сопротивления англичанам и бурам в Южной Африке.

Зулусы извлекли урок из поражения, понесенного ими от объединенных сил англичан и буров в 1838 г. Понимая, что для борьбы с европейцами их армия плохо вооружена, они стремились прежде всего оснастить ее современными боевыми средствами. В правление Кетчвайо (1872—1884) высокие цены на оружие побудили европейских торговцев продавать зулусам винтовки, несмотря на противодействие английских колониальных властей. Зулусская армия, которая имела около 30 тыс. копеечников и 8 тыс. воинов, вооруженных винтовками, совершенствовала боевую тактику: наступление цепями, использование укрытий от огня противника и т. д. Ее полки — импи, постоянно тренируясь, приобретали высокую физическую закалку.

Территории, расположенные вблизи зулусского государства, постепенно захватывались Великобританией. Соседние народы басуто и коса, ослабленные длительными войнами с европейцами и внутренними усобицами, признали английское господство. Алмазоносный район Кимберли, на который претендовали буры и англичане, был присоединен к Капской колонии с помощью подкупа вождей. В пределы зулусского государства вторгались вооруженные бурские отряды, захватывая скот, уводя в рабство женщин и детей. Трансвааль открыто заявлял, что претендует на часть зулусской территории — бассейн р. Блуд.

До 1878 г. Кетчвайо надеялся, что ему удастся отстоять независимость своей страны, играя на англо-бурских противоречиях. И действительно, Великобритания, рассчитывавшая подчинить своему влиянию зулусов, одно время выступала против территориальных посягательств голландских переселенцев. Однако в 1877 г. было объявлено о присоединении Трансвааля к английским владениям, и положение изменилось. Представители Капской колонии неожиданно заявили, что поддерживают «права» буров на бассейн р. Блуд. Их позиция свидетельствовала, что расчеты Кетчвайо на использование противоречий между европейцами не оправдались.

В начале января 1879 г. 13-тысячный экспедиционный корпус генерала Челмсфорда вторгся в пределы зулусского государства. Одна из английских колонн численностью 1800 пехотинцев и кавалеристов переправилась через р. Баффало и, уничтожив встреченные на пути краали, продвинулась в направлении горного массива Исандлвана. 21 января из-за холмов вдоль пути, по которому шла колонна, неожиданно появи-

лись густые цепи зулусов — сюда были стянуты 13—14 тысяч зулусских воинов. Англичане занимали невыгодную позицию: они находились в низине, тогда как все окрестные возвышенности были в руках армии Кетчвайо. Африканцы постепенно окружали колонну, лишая ее возможности маневрировать. Цепи зулусов надвигались все ближе, и англичане стали нести тяжелые потери от ружейного огня. Жестокие схватки завязались на подступах к позициям, занятым артиллерией.

Невзирая на град шрапнели и залпы пехоты, зулусы провалились к орудиям и захватили их одно за другим, прикончив копьями канониров. Когда артиллерия была потеряна, стало ясно, что бой англичанами проигран. Охваченные паникой, пехотинцы и кавалеристы заметались в железных тисках окружения. Остатки английских войск, главным образом кавалеристы, надеявшиеся спастись бегством, отступили в лошину, которая вела к р. Баффало. Люди и лошади карабкались по склонам, срывались и падали. Отряды зулусов, продвигаясь вдоль лошины, засыпали беглецов копьями.

Бой при Исандлване, в котором погибло 1200 английских солдат и 1000 зулусов, имел важные последствия. Большие потери, понесенные экспедиционным корпусом, героизм зулусских воинов и мастерство их предводителей — все это произвело огромное впечатление. Англичане приостановили наступательные действия против войск Кетчвайо. На границах Наталя и Капской колонии вспыхнуло восстание басуто, вдохновленных победой зулусов.

Успех, подобный тому, что был достигнут при Исандлване, больше не повторился. Войска Кетчвайо дважды, в марте и апреле 1879 г., нападали на крупные английские соединения; оба раза войскам Челмсфорда удавалось остановить зулусов в нескольких десятках метров от своих позиций. Африканцы понесли страшный урон, потеряли лучших воинов. В июле 1879 г. пятитысячная английская колонна нанесла поражение последним отрядам зулусов в районе крааля Улунди, принадлежавшего Кетчвайо. Это решило исход войны. Армия Кетчвайо была рассеяна, вожди обессиленного и разоренного Зулуленда пошли на капитуляцию. Мир был продиктован в сентябре 1879 г. совету знати, который созвали англичане. Страна была разделена на тринадцать «самостоятельных» государств, находившихся под контролем резидента Великобритании. Ликвидируя единое государство, англичане не без оснований рассчитывали противопоставить друг другу отдельные области, вызвать междоусобицы. И действительно, после расчленения Зулуленда между вождями вспыхнула борьба, разжигавшаяся европейцами. Эта борьба привела к кровопролитным столкновениям, в которых погиб ряд вождей, в том числе

Кетчвайо. В 1887 г. Зулуленд был включен в состав колонии Наталь.

Чтобы одержать победу в зулусской войне, правительство Великобритании вынуждено было направить в Южную Африку войска из других колоний, а также из метрополии. Героическое сопротивление африканцев заставило англичан задуматься, насколько соответствует целям британского империализма экспансионистская политика в этих районах, если их приходилось завоевывать столь дорогой ценой. Хотя война 1879 г. позволила расширить пределы Наталья, она в то же время замедлила продвижение Великобритании в других областях «черного континента».

Восстание в Басутоленде, вспыхнувшее после битвы у Исандлваны, было подавлено лишь через два года. Прямым следствием англо-зулусской войны было также усиление буров Южной Африки. Трансвааль, который уже однажды воспользовался помощью англичан для расширения своей территории за счет зулусских земель, в 1880 г. вновь провозгласил независимость. После нескольких вооруженных столкновений, в которых взяли верх голландские переселенцы, правительству Великобритании пришлось ликвидировать свой протекторат над бурской республикой. Утрата Трансвааля нанесла серьезный удар по политическим и экономическим позициям англичан, которые лишились многообещающих золотых и алмазоносных районов. К тому же Трансвааль собирался овладеть рядом соседних территорий, вынашивая планы полного объединения под гегемонией буров всей Южной Африки.

Великобритания стремилась компенсировать потерю Трансвааля захватом Бечуаналенда, междуречья Замбези и Лимпопо, бассейна оз. Ньяса. Здесь англичане встретили сопротивление как африканцев, так и европейских конкурентов, прежде всего буров и португальцев. В 1885 г., воспользовавшись борьбой бечуана против буров, четырехтысячный отряд, сформированный в Капской колонии, вторгся за р. Молопо, а правительство Великобритании объявило, что расширяет сферу своего влияния до 22° ю. ш. Вскоре крупнейшие владельцы золотых и алмазных приисков, объединенные в «Бритиш Саут Африка компани» во главе с С. Родсом, получили королевскую хартию на эксплуатацию территорий «к западу от португальских владений» в Мозамбике. Компания немедленно направила войска в бассейн оз. Ньяса, и, несмотря на протесты португальцев, западный берег озера был объявлен британским протекторатом. Потребовалось, однако, несколько лет борьбы с ангони и другими народами, прежде чем англичане смогли окончательно утвердиться в этой части Африки (будущие Ньясаленд и Северная Родезия).

Наиболее важной в экономическом отношении областью, захваченной Великобританией к северу от бурских владений, было междуречье Замбези и Лимпопо, населенное матабеле и машона.

Матабеле — народ, родственник зулусам, — в прошлом жили на территории Наталя. Переселившись в первой половине XIX в. на север от р. Лимпопо, они подчинили своему влиянию ряд племен машона и бечуана. Страна была разбита на области во главе с назначенными правителем государства военными предводителями. Армия матабеле имела такую же организацию, как и зулусская (деление на импи, система физической и боевой подготовки и т. д.), но была меньше по численности и хуже вооружена. У 15—20 тыс. воинов, которых мог мобилизовать правитель государства — инкоси, почти не было винтовок; к тому же с огнестрельным оружием умели обращаться лишь очень немногие матабеле.

Проникновение европейцев в междуречье Замбези и Лимпопо началось еще в середине XIX в. В то время, как полагал инкоси, европейцы не представляли угрозы для страны, и некоторым английским золотоискателям было дано разрешение на добычу полезных ископаемых. Однако впоследствии африканцы изменили отношение к европейцам. В 1888 г. в Булавайо — столицу Матабелеленда — прибыли представители крупных золото- и алмазодобывающих компаний Южной Африки. Длительные переговоры закончились тем, что инкоси Лобенгула подписал договор, который, как ему объяснили, ограничивал права европейских золотоискателей. Лишь после отъезда английских представителей инкоси узнал, что его бессовестно обманули, включив в договор пункты, на которые он не давал согласия. Невзирая на протесты Лобенгулы, в Лондоне было объявлено, что «Бритиш Саут Африка компани» приобрела исключительное право разрабатывать полезные ископаемые в Матабелеленде. Лобенгула отказывался принять плату за пользование золотоносными участками, писал в Лондон письма, доказывая, что договор не может считаться действительным. Однако все попытки апеллировать к английскому правительству, разумеется, не дали результатов.

Компания направила в золотоносные районы несколько сот старателей и полицейских. Лобенгула, зная, что армия матабеле плохо вооружена, желал предотвратить войну и не препятствовал незаконной эксплуатации золотых приисков. Тем не менее конфликт был неизбежен. В 1891 г. правительство Великобритании объявило, что считает междуречье Замбези и Лимпопо сферой своего влияния. Представители компании вели себя здесь, как в завоеванной стране, считали себя вправе чинить суд и расправу над африканцами. Английские старатели, расселившиеся главным образом в Машоналенде, при-

нуждали коренных жителей работать на приисках, угоняли скот и т. д. Даже верховный комиссар Капской колонии несколько раз предупреждал компанию, что ей следует «осторожнее захватывать чужое имущество» и что «ни один смертный приговор не может быть приведен в исполнение без официального решения».

В 1893 г. компания решила, что настало время покончить с независимостью Матабелеленда. Было спровоцировано вооруженное столкновение с одним из отрядом матабеле, а когда Лобенгула направил послов в Кейптаун, то их «по ошибке» убили. В наступление на Булавайо компания бросила 1500 европейских и африканских наемников; им помогали отряды одного из вождей Бечуаналенда и 500 человек, мобилизованных властями этой колонии.

Матабеле трижды вступали в бой с продвигавшимися к их столице колоннами. Однако военно-техническое превосходство европейцев было тогда слишком велико. Бесстрашие африканцев вызывало восхищение даже у их противников. В одном из боев армия Лобенгулы сдерживала натиск англичан в течение трех с половиной часов; некоторые импи не прекращали атак, пока не были полностью уничтожены.

Африканцы потерпели поражение. Их краали были разграблены войсками компании, которые захватили сотни тысяч голов скота — главное богатство страны. Но не прошло и трех лет, как в марте 1896 г. весь Матабелеленд и часть Машоналенда охватило народное восстание. Десятки европейских колонистов были перебиты. Воссоздав импи, матабеле укрепились в горах Мотапо и отбили яростные атаки англичан. В районы восстания в помощь компании были подтянуты регулярные войска из Капской колонии. Они вели войну главным образом против мирного населения, уничтожали запасы продовольствия, чтобы задушить восстание голодом. В августе 1896 г. матабеле должны были сложить оружие, но сопротивление машона продолжалось до сентября 1897 г.

Захват междуречья Замбези и Лимпопо, где позднее была создана колония Южная Родезия, укрепил военно-стратегические позиции Великобритании. Теперь ее владения окружали почти со всех сторон Трансвааль и Оранжевое Свободное государство. Участь независимых республик решила англо-бурская война, развязанная Великобританией в 1899 г.

Война буров за независимость занимает совершенно особое место в истории национально-освободительного движения в Африке. Ведь на этот раз англичане сражались против европейских переселенцев, которые, подобно им самим, жестоко эксплуатировали коренное население. Захваченные у коренных жителей земли в бурских республиках делили между собой крупные фермеры, широко использовавшие подневольный

труд африканцев. Когда на территории, подвластной бурам, были открыты крупнейшие залежи золота и алмазов, сюда потянулись новые переселенцы, главным образом англичане. За их спиной стояли промышленные и финансовые круги Лондона, определявшие политический курс правительства Великобритании. Ввиду угрозы вторжения со стороны Капской колонии и Наталя Трансвааль и Оранжевое Свободное государство вступили в союз и закупили в Европе оружие. Однако по своей технической оснащенности их армии во многом уступали английской.

Военные действия начались в октябре 1899 г., когда буры сравнительно небольшими силами добились блестящего успеха, разгромив несколько отрядов противника и осадив города Кимберли и Ледисмит. Англичане смогли перейти в контрнаступление только после того, как к ним прибыли крупные подкрепления из метрополии, Канады, Австралии. В начале 1900 г. они оккупировали Оранжевое Свободное государство, а в июне того же года вступили в столицу Трансвааля — Преторию. И все же война не была закончена. Бурские военачальники — Девет, Бота и др. — создали партизанские отряды, которые продолжали борьбу. Чтобы сломить партизан, англичане обрушили репрессии на мирное бурское население, бросили в концентрационные лагеря тысячи женщин и детей.

Мужественное сопротивление буров вызвало восхищение в Европе и Америке. В Южную Африку отправлялись добровольцы из разных стран, чтобы сражаться за Трансвааль и Оранжевое Свободное государство. Война против голландских переселенцев вызвала рост антианглийских настроений в государствах, которые соперничали с Великобританией на колониальном поприще (Германия, Франция, Россия).

В мае 1902 г. партизаны сложили оружие. Трансвааль и Оранжевое Свободное государство стали колониями, которыми управляли губернаторы, назначенные из Лондона. Голландским переселенцам дали обещание, что со временем эти колонии получат самоуправление. Предусматривалось создание выборных учреждений с представительством, конечно, только от лиц европейского происхождения. Мир 1902 г., таким образом, основывался на совместном угнетении европейцами африканцев, составлявших подавляющее большинство населения. В 1907 г. в Трансваале и Оранжевой республике прошли выборы. Появились автономные правительства во главе с бурами. В 1910 г. был образован доминион Южно-Африканский Союз в составе четырех провинций: Капской колонии, Наталя, Трансвааля и Оранжевого Свободного государства. Первое правительство доминиона возглавил бывший партизанский генерал Бота, который теперь выступал за тесное сотрудничество голландских переселенцев с Великобританией.

Война с бурами стоила англичанам 28 тыс. человек убитыми и ранеными и 200 млн. ф. ст. Подчинив бурские республики, Великобритания взвалила расходы, вызванные самой крупной войной, которую она вела в Африке, на плечи коренного населения. Повсеместно возросли налоги, которые должны были ликвидировать «финансовые затруднения». Владельцы приисков и рудников Трансвааля, Капской колонии и Южной Родезии заставили тысячи африканцев трудиться за плату, в два раза меньшую, чем до войны.

Сопrotивление африканцев английскому владычеству не прекращалось. В годы войны с бурами колониальные власти подавляли отдельные выступления в Басутоленде, а в 1906 г. в результате роста налогов поднялись с оружием в руках жители нескольких районов Зулуленда. Против повстанцев были брошены регулярные войска. Сотни людей были расстреляны; многих вождей выслали за пределы страны.

Области, захваченные Великобританией в Южной Африке в начале XX в., были особенно ценными в экономическом отношении. После англо-бурской войны эти области прочно заняли первое место в мире по добыче золота. Вскоре в районе Претории началась разработка алмазных месторождений, которые также оказались самыми крупными в мире. Намного меньшее значение имели территории, захваченные конкурентами англичан: португальские Ангола и Мозамбик, которые вывозили на европейский рынок кофе и каучук, Германская Юго-Западная Африка — экспортер продуктов животноводства.

Португалия в 70-е годы контролировала в основном побережье Анголы и Мозамбика. Крупные европейские державы не спешили признать за ней «права» на эти области. Правда, лиссабонскому правительству удалось путем международных соглашений обеспечить за собой Кабинду и побережье Анголы. В глубинных же областях этой колонии, а также в Мозамбике границы были установлены только после двух вооруженных столкновений с английскими отрядами.

В нижнем течении Замбези португальцы в конце 80-х годов покончили с независимостью ньюнгве и других народов, используя в борьбе против них мулатов — владельцев крупных поместий. В южной части колонии они сделали ставку на противоречия между издавна жившими здесь тсонга и зулусами. В 1895 г. тсонга дважды атаковали крупные португальские отряды, но, не получив поддержки со стороны местного зулусского правителя Гунгуньяна, потерпели поражение. Вскоре были разбиты и войска Гунгуньяна, оказавшегося в одиночестве.

На много лет затянулась борьба против народов Анголы. В северной части страны, захваченной в основном в 90-е годы,

португальцы столкнулись с овимбунду, наиболее многочисленным народом колонии. Главной причиной выступлений овимбунду была массовая вербовка их на о-в Сан-Томе, где европейские плантаторы выращивали кофе и какао. Вербовка представляла собой слегка замаскированную работорговлю, и жители Анголы знали, что никто из законтрактованных не возвращается с «острова смерти». Особенно серьезный характер носило восстание овимбунду в 1902 г., начавшееся после того, как комендант одного из португальских фортов арестовал нескольких вождей, вызванных к нему под предлогом переговоров. Восстание удалось подавить, однако, опасаясь новых народных волнений, колониальные власти сочли необходимым немного улучшить положение людей, завербованных для работы на о-ве Сан-Томе.

На юге португальцы утвердились лишь после ожесточенных боев со скотоводами овамбо — народом, родственным гереро. Овамбо воспользовались тем, что на южные территории Анголы претендовали Германия и Трансвааль. Закупив у немецких и бурских колонистов огнестрельное оружие, они в 90-е годы остановили продвижение португальцев в полупустынях, на востоке от верхнего течения р. Кунене. В 1904 г., когда в соседней Германской Юго-Западной Африке началось восстание гереро, овамбо активизировали борьбу против португальцев. Несколько отрядов колониальных войск, пытавшихся пробиться на левобережье Кунене, должны были перейти от наступления к обороне. Один из них, насчитывавший около 300 человек, был атакован и наголову разбит в рукопашной схватке. Подоспевшие на помощь другие отряды подобрали на поле боя немногих раненых солдат; остальные были уничтожены. Сопротивление овамбо удалось сломить лишь через несколько лет, после того как из метрополии прибыли крупные воинские подкрепления.

В конечном счете Португалия закрепилась в южной части Анголы. С притязаниями Трансвааля было покончено еще в середине 90-х годов, когда обострились англо-бурские противоречия. Германия согласилась считать нижнее течение р. Кунене границей Юго-Западной Африки. Правда, она превратила Южную Анголу в сферу своего экономического влияния.

Проникновение немцев в Юго-Западную Африку началось в первой половине XIX в., когда их миссионеры появились в Дамараленде и Намакваленде. Часть кочевавших здесь племен гереро и готтентотов (среди последних были метисы из Капской колонии) приняла христианство, что способствовало укреплению влияния Германии. В 1884 г. правительство Бисмарка объявило о германском протекторате над пустынной приморской полосой от устья р. Оранжевой до португальски

владений и над районами горных пастбищ Дамараленда и Намакваленда до 20° в. д.

Первоначально немецкая экспансия не наталкивалась на значительное сопротивление гереро и готтентотов. Германия не имела прочных позиций в новой колонии, и ее ближайшей целью было установление номинального суверенитета. Местным вождям предлагали заключить договоры о протекторате, текст которых был далеко не всегда понятен африканцам. Но подобные предложения подкреплялись подарками, и вожди, не усматривая непосредственной опасности со стороны европейцев, чаще всего соглашались подписывать такие договоры.

В 90-е годы многое изменилось. В Юго-Западную Африку, где существовали хорошие условия для создания скотоводческих хозяйств, прибыли сотни немецких фермеров. Они прибирали к рукам пастбища, что вызывало растущее сопротивление коренных жителей. Началось сооружение железной дороги от порта Свакопмунд до Виндхука — административного центра колонии, основанного в Дамараленде на месте одного из готтентотских поселений. В ряде пунктов были размещены гарнизоны регулярных войск. Отношения между немецкими переселенцами и коренными жителями все более обострялись. Переселенцы не довольствовались теми землями, которые им раздавали колониальные власти. Большинство европейцев занялись ростовщицеством, предоставляя африканцам кредиты товарами, а затем захватывая скот и пастбища несостоятельных должников. Среди фермеров все чаще раздавались требования передать им все лучшие земли, выселив гереро и готтентотов в резерваты.

Возмущение хищничеством немецких фермеров, а также произволом колониальных властей привело в октябре 1903 г. к восстанию готтентотского племени гами-нун, населявшего области вблизи р. Оранжевой. Поводом к восстанию послужила попытка арестовать местного вождя, отказавшегося явиться в резиденцию колониального администратора. Несколько германских солдат были перебиты. Затем воины гами-нун, укрепившись на границе с английскими владениями, начали совершать набеги на фермы переселенцев.

Для подавления гами-нун губернатор колонии распорядился сконцентрировать войска в южных районах. В результате многие германские посты в Дамараленде были ликвидированы, чем в январе 1904 г. воспользовались гереро, поднявшие восстание на севере. Уже после того как открылись военные действия, вождь гереро Самуэль Магареро писал губернатору Германской Юго-Западной Африки: «Не я начал войну в этом году, ее начали белые. Вы знаете, скольких гереро застрелили белые, особенно торговцы, скольких убили в тюрь-

мах... Они дошли до того, что сами себя вознаграждали, отбирая, например, по два-три быка за долг в один фунт стерлингов. Вот почему началась война на этой земле».

Войска Самуэля Магареро, у которых было 7—8 тыс. ружей, окружили германские посты, прервали железнодорожное сообщение между Виндхуком и побережьем. Германское правительство перебросило в Юго-Западную Африку подкрепления. Продвигаясь в глубь страны, постоянно отбивая атаки крупных сил гереро, немецкие колонны в конечном счете устранили угрозу Виндхуку, восстановили связь между своими постами. В боях против частей регулярных войск в несколько сот человек гереро обычно не могли устоять. Значительно больший эффект давала борьба против мелких подразделений. Потеряв в многочисленных стычках десятки солдат, германское командование было вынуждено прекратить продвижение на север и запросить новые подкрепления в метрополии. Немцы нуждались прежде всего в кавалерии для борьбы против прекрасно маневрировавших конных отрядов гереро.

В Юго-Западную Африку прибыли новые воинские части, общая численность экспедиционного корпуса была доведена до 14 тыс. В мае 1904 г. возобновилось продвижение на север, к горам Ватерберг, куда отступали гереро. Немцы по-прежнему несли немалые потери; в полевых госпиталях лежали сотни солдат, больных брюшным тифом и дизентерией, не выдержавших тяжести переходов под палящим солнцем в погоне за неуловимым противником.

Лишь в августе немцам удалось окружить район Ватерберга, где укрылась большая часть отрядов гереро и бежавшее с ними население. В соответствии с планом германского командующего фон Трота 11 августа началось общее наступление четырьмя колоннами, которые получили приказ не выпускать из окружения ни одного африканца. Гереро мужественно оборонялись, но их силы быстро таяли. К концу дня, когда казалось, что дальнейшее сопротивление африканцев невозможно, они бросились в последнюю контратаку на одну из колонн. Превосходно используя покрытую кустарником местность, где немцы не могли выкатить артиллерию, гереро смяли колонну и отбросили ее от Ватерберга. Сквозь брешь прошли уцелевшие отряды гереро, уводя с собой женщин и детей.

В боях под Ватербергом силы гереро были подорваны. Правда, военные действия в колонии не закончились, так как в Намакваленде продолжали борьбу гами-нун, а вскоре подняло восстание готтентотское племя витбоев под руководством своего вождя Хендрика. Создав кавалерийские отряды по 60—80 человек, они повели партизанскую войну, нанося немцам чувствительные удары. Однако витбои из-за племенных

распрей выступили слишком поздно, когда сопротивление в Дамараленде было сломлено.

Положение гереро после боев в горах Ватерберга стало отчаянным. Районы между Ватербергом и Виндхуком контролировались немецкими войсками, которым фон Трота отдал приказ расстреливать каждого гереро независимо от пола и возраста. Преследуемые по пятам германскими войсками, отряды Самуэля Магареро должны были отступить на северо-восток, в пустыню Омахеке. Здесь от голода и жажды погибли тысячи людей, и лишь немногие ушли в английскую колонию Бечуаналенд.

Витбой и гами-нун еще долго сражались против немецких войск. Колониальные власти назначили награду за голову Хендрика, но взять его в плен так и не смогли. Он погиб в 1905 г. в стычке с германским патрулем. К этому времени, по официальным данным, немцы потеряли в Юго-Западной Африке 1900 человек, в том числе 650 убитыми и пропавшими без вести. Большая часть витбоев и гами-нун прекратила сопротивление только в конце 1906 — начале 1907 г.

Подавление восстания привело к физическому истреблению гереро и готтентотов, численность которых сократилась приблизительно на две трети. Оставшихся в живых заставили трудиться на немецких фермах либо согнали в резерваты на засушливые, малоплодородные земли. В августе 1907 г. губернатор Юго-Западной Африки издал постановление, по которому коренной житель мог владеть землей и скотом только с разрешения колониальных властей.

Бассейн Конго

В бассейн Конго колониальные державы проникли сравнительно поздно. Лишь в 60—70-е годы XIX в. благодаря исследованиям Ливингстона, Стэнли, де Бразза и других путешественников европейцы получили представление о природных ресурсах этой части Африки. Долины многочисленных рек были сплошь покрыты тропическими лесами, главное богатство которых составляли каучуконосные лианы и ценные породы деревьев. Местное население занималось охотой на слонов, и бассейн Конго был одним из важнейших экспортеров слоновой кости на мировой рынок. На юге, в лесах и саваннах, находились издавна известные африканцам соляные и медные месторождения Катанги.

Население состояло главным образом из банту: баконго, балуба, батетела и др.; здесь также жили народы Центрального и Восточного Судана — азанде, мангбету. Уровень социально-экономического развития в странах бассейна Конго

не был одинаков. На севере, в полосе тропических лесов, простиравшихся от Атлантического океана почти до оз. Танганьика, преобладали первобытнообщинные отношения. Связи между сельскими общинами, принадлежавшими к одной и той же этнической общности, были обычно слабы, а подчас эти общины находились во враждебных отношениях друг с другом. На юге в средние века сложились ранние государственные образования. Однако большинство этих государств, история которых до сих пор слабо изучена, распалось до европейских завоеваний конца XIX в. К востоку от оз. Танганьика в первой половине XIX в. возникло несколько поселений арабских работорговцев, зависевших от Занзибарского султаната.

С притязаниями на эту часть Африки выступили Португалия, Франция, Бельгия, Великобритания. Однако до 80-х годов влияние европейцев распространялось главным образом на нижнее течение Конго и близлежащие участки Гвинейского побережья, где имелись фактории торговцев из различных стран. Лишь Португалия и Франция создали здесь свои колонии — Анголу и Габон, которые они желали расширить за счет захвата глубинных территорий.

На рубеже 70—80-х годов с атлантического побережья в глубь континента отправились военные отряды. Французы утвердились между бухтой Габон и Стэнли-Пулом, португальцы обосновались в устье Конго, бельгийцы создали ряд постов на левобережье вплоть до Леопольдвилля. Местные народы, разобщенные и плохо вооруженные, оказывали в основном пассивное сопротивление. Население покидало районы, где действовали французские, португальские и бельгийские отряды, сжигавшие их деревни, и возвращалось, как только европейцы уходили. Организатор французских экспедиций де Бразза писал о фангах, живших по течению р. Огове, что они «знакомы с нашей цивилизацией лишь благодаря тому, что их часто наказывали, сжигая деревни! В настоящее время... наше влияние на судоходных реках эстуария Габона не простирается дальше чем на расстояние ружейного или пушечного выстрела. Продолжительность этого влияния ограничивается сроком пребывания канонерок».

Самыми активными были бельгийцы, которые рассчитывали захватить бассейн Конго, используя противоречия между крупными колониальными державами — Францией и Великобританией. Бельгийцы опирались на созданную в 1876 г. «Международную африканскую ассоциацию». Эта организация провозглашала своей целью географическое изучение Африки и маскировала колониальную агрессию разговорами о необходимости цивилизовать африканцев. Формально она носила международный характер, но функционировала главным об-

разом на средства, собранные в Бельгии; ее президентом был бельгийский король Леопольд II.

Прикрываясь флагом международной организации, бельгийцы делали вид, будто они готовы в известной мере допустить своих конкурентов к эксплуатации бассейна Конго, создав в этой части Африки равные «экономические возможности» для всех стран. Однако европейские державы не питали иллюзий относительно намерений Леопольда II. Когда «Международная ассоциация Конго», преемница «Международной африканской ассоциации», стала домогаться признания за собой прав суверенного государства, бельгийцам пришлось за это признание компенсировать Францию и поддержанную Великобританией Португалию. В конечном счете Франция овладела частью правобережья Конго (будущее Французское Конго), Португалия — Кабиндой и частью левобережья устья реки, в то время как Бельгия получила возможность расширить владения ассоциации до Танганьики.

Состоявшаяся в 1884—1885 гг. Берлинская международная конференция приняла решение, которое отразило соотношение сил соперничавших колониальных держав и позволило каждой из них принять участие в эксплуатации Экваториальной Африки. Генеральный акт конференции поставил судоходство на Конго под контроль международной комиссии и провозгласил свободу торговли в пределах так называемого конвенционного бассейна реки. Под генеральным актом стояла подпись представителя страны с претенциозным названием — Независимое государство Конго. Так стала именоваться с 1885 г. ассоциация, формально — суверенная страна, фактически — владение бельгийских колонизаторов во главе с Леопольдом II.

После Берлинской конференции на нижнем Конго стали формироваться регулярные части будущей колониальной армии, куда вошли европейские наемники (бельгийцы, шведы, норвежцы и др.), африканцы, занзибарские арабы. Международное признание придало новые силы бельгийцам, которые во второй половине 80-х годов отправили ряд экспедиций на восток от Стэнли-Пула. Часть их погибла от голода, лишений, отравленных стрел африканцев, остальные все же утвердили влияние Независимого государства по течению Касаи и других рек бассейна нижнего Конго.

Крупная экспедиция была послана в 1891 г. в Катангу. Бельгийцы использовали сложную политическую обстановку в этом районе, где основную массу населения составляли балуба, которых подчинили ваньямвези, выходцы из Восточной Африки. Правитель ваньямвези был предательски убит европейским офицером во время переговоров, а его отряды рассеяны. Правда, из 400 бельгийских солдат и офицеров,

входивших в экспедицию, уцелело меньше половины. Однако богатейший район Катанги, к которому уже тянулись англичане, захватившие соседнюю Родезию, был присоединен к Независимому государству Конго.

Обширные территории, лежавшие к западу от Танганьики, контролировались занзибарскими арабами. В 1886 г. арабы, почти все вооруженные европейскими винтовками, атаковали бельгийский пост Стэнли-фолз, созданный на их территории. Гарнизон, состоявший из европейских офицеров и наемных африканских солдат, был разгромлен, и лишь часть его спаслась бегством. После этого Независимое государство Конго сочло за благо урегулировать свои отношения с занзибарцами мирным путем. Влиятельный арабский торговец рабами и слоновой костью Хамед ибн Мухаммед ибн Джума (африканцы называли его Типпо-Тип) подписал соглашение, по которому он стал резидентом Независимого государства в районе Стэнли-фолз. Таким образом Типпо-Тип и его соотечественники, понимая, что их владения зажаты между Германской Восточной Африкой и Независимым государством, пытались избежать вооруженных конфликтов с бельгийцами.

В течение нескольких лет бельгийцы создавали цепь военных постов на границах арабских владений, не переставая официально выступать за политику сотрудничества с Типпо-Типом и другими занзибарцами. Это сотрудничество позволило европейским торговым агентам скупить немало слоновой кости на арабской территории. В то же время бельгийцы укрепляли свои позиции и на нижнем Конго, где увеличивался экспорт каучука. Для добычи каучука, а также для строительства железной дороги Матади — Леопольдвиль (начатого в 1890 г.) не хватало рабочих рук. Бельгийцы рассчитывали закупить или, как они говорили, «освободить» рабов на арабской территории и направить их на запад. С Типпо-Типом и другими занзибарцами были заключены сделки о покупке рабов.

В начале 90-х годов произошел поворот в политике Независимого государства. Леопольд II и его приспешники почувствовали, что позиции Независимого государства на границах арабских владений окрепли, и решили захватить эти территории. К тому же с 1888 г. силы занзибарцев были отвлечены вооруженной борьбой, которую они начали против немцев к востоку от Танганьики. Провокации бельгийцев следовали одна за другой. Были введены пошлины на вывоз слоновой кости из арабских владений, в факториях занзибарцев реквизированы крупные запасы слоновой кости. Правда, после протестов занзибарских купцов представители Независимого государства заявили, что выплатят им компенсацию. Тем не менее обстановка накалялась все сильнее.

Бельгийцы воспользовались противоречиями между арабами и коренным африканским населением. Часть местных вождей, недовольных арабским господством, перешла на сторону Независимого государства. Так, вожди балуба оказали европейцам военную поддержку.

Крупные вооруженные столкновения начались с апреля 1892 г. В бою к югу от поста Лусамбо войска Независимого государства встретились с отрядами Гонго Лутете, бакусу по происхождению, одного из сподвижников Типпо-Типа. Отряды Гонго Лутете, которые состояли из бакусу и родственных им батетела, атаковали и опрокинули балуба, действовавших вместе с бельгийцами. Но потеря ряда командиров, которые шли впереди атакующих, вызвала замешательство среди африканцев, что позволило бельгийцам перейти в контрнаступление и в конечном счете выиграть бой. Поражение африканцев имело серьезные последствия. Гонго Лутете, предводитель, пользовавшийся большим влиянием среди бакусу и батетела, начал мирные переговоры с представителями Независимого государства, а затем перешел на сторону европейцев.

Военные действия продолжались еще в течение полутора лет. Войска Независимого государства, вторгшиеся в Маниема — область между Танганьикой и нижним Конго, не раз терпели поражения от занзибарцев. В августе 1892 г. бельгийцы (силами до 450 человек) безуспешно пытались захватить арабские позиции у поста Альбертвиль. Укрывшись в траншеях, занзибарцы в течение двенадцати часов выдерживали атаки; войска Независимого государства были разбиты и, по словам их командира, «бежали в беспорядке».

Однако в 1893 г. преимущество бельгийцев стало очевидным. В области Маниема, разоренной бесчисленными рейдами карательных экспедиций, сопротивление фактически прекратилось. Отряды Независимого государства на нижнем Конго насчитывали 6 тыс. человек. Эти отряды комплектовались теперь в основном из балуба, батетела и бакусу. Бельгийцы, полагая, что они достаточно сильны, расправились со своим союзником Гонго Лутете, так как влияние популярного африканского предводителя беспокоило их. Гонго Лутете был схвачен в одном из постов, куда его вызвали якобы для переговоров, и расстрелян. В январе 1894 г. недалеко от Касонго произошло решительное сражение с занзибарцами. В течение нескольких дней арабам удавалось сдерживать натиск бельгийских отрядов, но в конечном счете палисад, за которым они укрывались, был уничтожен артиллерийским огнем, и, понеся тяжелые потери, арабы отступили к востоку от Танганьики, на германскую территорию.

Сломив сопротивление занзибарцев, Независимое государство перебросило войска на север для захвата областей,

населенных азанде. Кроме того, бельгийцы рассчитывали продвинуться к Ладо, опередив англичан и французов, которые также претендовали на захват верхнего Нила. Планы бельгийцев, однако, были расстроены. В конце 1894 — начале 1895 г. азанде, действуя совместно с суданскими арабами, в четырех сражениях разгромили отряды Независимого государства. В последнем бою азанде, устроив лесную засаду, остановили продвижение колонны численностью 700 солдат. Лишь прибытие подкреплений предотвратило полный разгром этой колонны, которая потеряла более 50 человек убитыми.

Вскоре события в южных районах Независимого государства вновь заставили бельгийцев отложить продвижение к верхнему Нилу: в Лулуабурге восстал гарнизон колониальных войск, состоявший преимущественно из батетела. Среди батетела и родственных им народов давно нарастало возмущение бельгийским господством, усилившееся после расстрела Гонго Лутете. Области, где жили эти народы, были разорены грабежами и поборами. Поставляя все новых рекрутов в колониальную армию, батетела платили Независимому государству тяжелый «налог кровью». В то же время оружие, которое они получили в свои руки, и навыки, приобретенные на военной службе, делали их особенно опасными противниками.

Восстание лулуабургского гарнизона (около 200 человек) вспыхнуло в середине 1895 г. Непосредственной причиной было жестокое обращение начальника гарнизона с солдатами. Расправившись с ненавистными офицерами, батетела направились в Нганду — бывшую резиденцию Гонго Лутете, расположенную на восток от Лусамбо. По дороге к ним присоединились солдаты других гарнизонов. В августе 1895 г. под Нганду произошел бой между повстанцами и бельгийцами, которые бросили сюда отряд в 300 человек. В разгар боя батетела сделали вид, что отступают; отряд Независимого государства попытался их преследовать, но был остановлен неожиданным контрударом и почти полностью уничтожен.

Для подавления восстания в районе Нганду были сконцентрированы войска, насчитывавшие свыше тысячи человек. Повстанцы были оттеснены на юго-запад, но окончательно разгромить их так и не удалось. Отступив в Катангу, где их поддержало местное население, участники восстания еще несколько лет совершали смелые набеги на военные посты Независимого государства.

Во второй половине 1896 г. бельгийцы начали наконец неоднократно откладывавшееся продвижение к верхнему Нилу. С этой целью были сформированы две колонны — главная и вспомогательная — численностью около 4 тыс. солдат и офицеров. Вспомогательная колонна, потеряв свыше сотни чело-

век в боях с суданскими арабами, вышла в долину Нила и закрепилась в районе бывшего египетского форта Ладо. Это дало возможность Независимому государству подкрепить свои притязания на участие в разделе Восточного Судана. Иной была судьба главной колонны, которая в течение нескольких месяцев с трудом пробивалась на север сквозь тропические леса, терпя всевозможные лишения. В конце концов солдаты, измученные тяжестью переходов и издевательствами офицеров, подняли восстание, оказавшееся еще более серьезным, чем выступление лулуабургского гарнизона в 1895 г.

В новом восстании участвовали главным образом батетела и бакусу; присоединились к нему и многие солдаты балуба. В общей сложности против Независимого государства поднялись 3 тыс. солдат, имевших не только винтовки, но и несколько артиллерийских орудий. Повстанцы, сломив сопротивление воинских частей, отказавшихся перейти на их сторону, и перебив европейских офицеров, заняли обширную территорию вблизи озер Танганьика и Киву, на северных окраинах Маниема. Здесь они продержались до 1900 г., отражая многочисленные попытки бельгийцев овладеть этим районом.

На борьбу с повстанцами первоначально был отправлен отряд в 760 человек под командованием Доорме. Несколько месяцев Доорме блуждал по лесам и болотам, прежде чем африканцы дали ему решительный бой. В этом бою бельгийский отряд, сскратившийся почти вдвое в результате болезней и мелких стычек с африканцами, потерпел поражение и был отброшен на юг. В 1898 г. начались мирные переговоры, которые ни к чему не привели, так как колониальные власти отказались удовлетворить требование бывших солдат о выплате причитавшегося им жалованья. Вскоре африканцы совершили глубокий рейд в Маниема, где они почти целиком уничтожили два гарнизона. Остатки бельгийских войск в панике, побросав оружие, бежали в Касонго.

Лишь ценой огромных жертв, создавая новые отряды, бельгийцы подавили восстание. В 1899 г. произошел бой у поста Сунгула, на северо-западе от Танганьики. Основные силы африканцев два часа штурмовали бельгийские укрепления, но взять их не смогли и должны были отступить. Через год последние отряды повстанцев ушли в Германскую Восточную Африку, где сдали оружие немецким колониальным властям.

Восстание заметно ослабило позиции Независимого государства в районах, расположенных к северу от Маниема. Этим воспользовались немцы, оккупировавшие в 1900 г. западный берег Киву, откуда они, правда, ушли после длитель-

ных дипломатических препирательств с Бельгией. Что касается бассейна верхнего Нила, то он так и не был присоединен к Независимому государству. Под давлением Великобритании бельгийцы отказались от своих притязаний на Восточный Судан. Единственной компенсацией было соглашение с Великобританией в 1906 г., по которому район Ладо стал пожизненным владением Леопольда II (после его смерти район Ладо вошел в состав Англо-Египетского Судана).

В начале XX в. основные очаги сопротивления в Независимом государстве Конго были подавлены. Страна, занимавшая территорию, в несколько десятков раз большую, чем Бельгия, была превращена в монопольное владение горстки финансистов и промышленников во главе с Леопольдом II. После того как завершилось сооружение железной дороги Матади—Леопольдвиль, намного усилилась эксплуатация африканского населения. На мировом рынке Независимое государство стало одним из наиболее крупных экспортеров каучука, вывозившегося не только в Бельгию, но и в Великобританию, Германию, США.

Обширные области бассейна Конго были объявлены пустующими землями, которые входили в домен короны либо раздавались в концессии европейским акционерным обществам. Непременным условием таких концессий была выплата доли прибылей Независимому государству, а фактически — Леопольду II. Акционерные общества «Форминьер», «Комите спесиаль дю Катанга» и др. захватили десятки миллионов гектаров. Они не собирались вкладывать капиталы в сельское хозяйство и промышленность. Главное назначение концессий состояло в том, чтобы обеспечить сбор и транспортировку каучука, используя принудительный труд коренных жителей.

Система принудительного труда, сложившаяся в Независимом государстве, вела к физическому истреблению африканцев. Все трудоспособное население было обязано добывать каучук и сдавать его европейцам. В деревни, отказавшиеся выполнять повинности, направлялись карательные отряды. «Каучук, который здесь поставляют, — писал американский миссионер, посетивший Независимое государство, — пропитан кровью. Если туземцы восстанут и отправят в лучший мир всех белых на верхнем Конго, то и тогда африканец в сравнении с европейцем предстанет в чересчур выгодном освещении».

Сведения о принудительном труде в Независимом государстве проникли в европейскую и американскую прессу, вызвали широкую кампанию протеста, в которой приняли участие такие известные публицисты и писатели, как Э. Морель, Марк Твен, А. Конан-Дойль. Эти разоблачения послужили одной из причин, вынудивших Леопольда II отказаться в

1908 г. от особых привилегий в Независимом государстве и уступить суверенитет над ним Бельгии. Превращение Независимого государства в Бельгийское Конго, однако, не изменило колониального режима. Крупные европейские компании продолжали эксплуатировать коренных жителей прежними методами, обрекая их на вымирание. Население колонии составляло в конце XIX в. не менее 20 млн.; в 1900 г. оно оценивалось уже в 12—15 млн., а в 1913 г. — 5—6 млн.

Восточная Африка и Мадагаскар

Через страны, расположенные на восток от озер Танганьика, Киву и Альберта, проходили торговые пути, которые связывали бассейн Конго с арабскими поселениями на побережье Индийского океана. Отсюда в Европу везли главным образом слоновую кость, а на Занзибар и в страны Ближнего Востока — рабов. Европейцев привлекали торговые центры на побережье океана и лежавшая к северу и западу от оз. Виктория Буганда с ее многочисленным земледельческим населением. В некоторых районах (склоны Усамбара, Килиманджаро, Меру) были хорошие климатические условия и плодородные почвы, что привлекло сюда впоследствии европейских переселенцев. Европейские державы придавали немалое значение островам Индийского океана, прежде всего Мадагаскару, крупному производителю риса и продуктов животноводства.

В этническом отношении население Восточной Африки состояло в основном из банту: баганда, ваньямвези, вахехе, суахили и др. Кроме того, здесь жили нилоты, галла, сомали, арабы. У многих народов банту, например ваньямвези и вахехе, расселившихся в глубинных районах будущей колонии Танганьика, разложение первобытнообщинного строя привело к появлению раннеклассового общества и государственности. В Буганде, Руанде, Бурунди и некоторых других областях уже несколько веков существовало классовое общество, в котором феодальные отношения переплетались с рабовладельческими. Что касается Мадагаскара и Занзибара, то их история была тесно связана с другими странами бассейна Индийского океана. На первом из этих островов жили мальгаши — потомки индонезийских переселенцев, а на втором — суахили и арабы. На обоих островах возникли феодальные государства. Занзибар, ранее представлявший собой владение Омана, в начале XIX в. превратился в самостоятельный арабский султанат. Тогда же на Мадагаскаре главенствующую роль стало играть государство Имерина, населенное мерина — одной из мальгашских народностей.

В приморских районах Восточной Африки подавляющая часть арабских и суахилийских поселений принадлежала Занзибару. Местная африканская знать подчас враждовала с султанатом, стремясь овладеть торговыми центрами на побережье, откуда вывозили невольников. В то же время государства, сложившиеся в глубинных районах континента, обычно поддерживали с арабами мирные отношения, закупая у них различные товары Азии и Европы, прежде всего огнестрельное оружие.

Главными претендентами на участие в разделе Восточной Африки и островов Индийского океана были Великобритания, Германия и Франция. Англичане пользовались с середины XIX в. преимущественным влиянием на Занзибаре и рассчитывали, установив свой контроль над арабским султанатом, прибрать к рукам все, что ему принадлежало. Однако в 80-е годы они столкнулись с немцами, которые приступили к аннексии восточноафриканского побережья.

Застрельщиками германской экспансии выступили торговые круги. По их поручению К. Петерс и другие «путешественники» подписали несколько договоров о протекторате с местными вождями. В 1885 г. к Занзибару подошли германские военные корабли, и под угрозой бомбардировки султан признал договоры, заключенные К. Петерсом и прочими европейцами, а также передал немцам контроль над портом Дар-эс-Салам.

Вскоре Великобритания была вынуждена пойти на соглашение с кайзеровским правительством, предоставив ему свободу действий между реками Рувума и Умба, т. е. на побережье будущей Германской Восточной Африки. В обмен на это англичане добились включения в сферу своего влияния областей к северу от р. Умба, которые вошли позднее в состав Кении.

«Дейч-Остафриканише Гезельшафт» — компания, которая получила от кайзеровского правительства монополию на эксплуатацию новых владений, — первоначально выступала от имени занзибарских властей. Однако в 1888 г. под давлением немцев султан предоставил ей полный контроль над администрацией и торговлей как в Дар-эс-Саламе, так и в других приморских портах. В Восточную Африку прибыли нанятые компанией войска, в портах были введены дополнительные таможенные сборы. Действия компании нанесли серьезный ущерб арабской торговле, поставили под угрозу доходы африканских вождей от пошлин с караванов, приходивших из глубинных районов. На побережье возмущение местного населения еще более увеличивалось из-за насилий и бесчинств агентов компании. В конце 1888 г. началось восстание, охватившее все арабские и суахилийские поселения Германской

Восточной Африки и поддержанное народами глубинных районов, в частности вахехе и ангони.

Повстанцы во главе с Бушири довольно быстро овладели приморскими поселениями, за исключением городов Багамоё и Дар-эс-Салам. В этих городах, где находились небольшие гарнизоны германских войск, укрылись уцелевшие агенты компании и европейские миссионеры. Восстание показало, что, несмотря на вынужденное согласие Занзибара передать Германии и Великобритании побережье, местное население не собиралось мириться с иноземным владычеством. Султан, всецело зависевший от своих европейских «советников», направил войска против Бушири. В нескольких столкновениях они были наголову разбиты и почти целиком уничтожены. Положение немцев в Дар-эс-Саламе и Багамоё становилось все более угрожаемым. Компания должна была обратиться за помощью к кайзеровскому правительству. Пока из метрополии не прибыли подкрепления, решено было начать переговоры с Бушири, который согласился заключить перемирие.

В начале 1889 г. кайзеровское правительство направило к берегам Восточной Африки пять кораблей военно-морского флота и колониальные войска (свыше тысячи человек). К германским кораблям, прибывшим в Дар-эс-Салам, присоединились английские, так как Великобритания опасалась, что восстание перекинется в ее владения на севере. Чтобы помешать отрядам Бушири получать оружие, была объявлена блокада побережья под предлогом борьбы с «восставшими работоторговцами». В приморских районах немцам удалось подкупить часть африканских вождей, которые предоставили в их распоряжение иррегулярные отряды. Как только немцы почувствовали себя достаточно прочно, перемирие было вероломно нарушено. В мае 1889 г. под Багамоё германские войска атаковали укрепленные позиции Бушири и после ожесточенных боев вынудили его отступить от побережья. Сопротивление, однако, не прекратилось, так как повстанцы собрали новые силы. К ним присоединились вахехе и ангони.

Решительное столкновение произошло в октябре 1889 г. вблизи Дар-эс-Салама. Бушири, отступая без боя, завлек германский отряд в густые заросли и нанес ему чувствительный урон. Но немцев выручили подоспевшие иррегулярные войска, и под их прикрытием отряд выбрался из зарослей. Одна за другой последовали три атаки ангони и вахехе, вооруженных лишь копьями и щитами. Встреченные залпами германской пехоты, они были отбиты с жестокими потерями. Армия Бушири начала отступать. Арабов, пытавшихся прикрыть это отступление ружейным огнем, почти целиком уничтожили африканские союзники немцев. Бой закончился полным поражением Бушири. Остатки его армии еще некоторое

время продолжали обороняться к юго-западу от Дар-эс-Салама, но в декабре 1889 г. восстание было окончательно подавлено. Сам Бушири попал в плен и был повешен.

Вскоре после разгрома восстания немцы приступили к завоеванию глубинных территорий. Эти территории в 1890 г. были поделены между Великобританией и Германией: кайзеровское правительство согласилось на установление английского протектората над Занзибаром и Бугандой в обмен на стратегически важный остров Гельголанд в Северном море. В том же году Великобритания добилась признания своей власти над Занзибаром со стороны Франции, предоставив ей свободу рук на Мадагаскаре.

В глубинных районах, доставшихся Германии при разделе Восточной Африки, сопротивление коренного населения оказалось не менее сильным, чем на побережье. Немцам потребовалось увеличить численность регулярных войск до полутора тысяч. Кайзеровское правительство взяло в свои руки управление колонией, так как «Дейч-Остафриканише Гезельшафт» была явно не в силах справиться с народным движением.

Упорную борьбу с европейцами вели вахехе, ваньямвези и другие народы, населявшие территории между побережьем Индийского океана и бассейном Конго. В 1891 г. была разгромлена крупная колонна Зелевского, направленная против вахехе. Африканцы во главе со своим вождем Мквава неожиданно атаковали Зелевского и прорвали его боевые порядки. Вахехе расчленили колонну на две группы, которые могли вести огонь по африканцам, лишь обстреливая одновременно друг друга. Новые удары обратили немцев в бегство, и от колонны, насчитывавшей 330 солдат колониальной армии и 1 тыс. солдат «союзных» войск, спаслось не более 70 человек.

Окончательно одолеть вахехе и ваньямвези удалось только через несколько лет. Уже после того как артиллерийским огнем были разрушены их укрепленные поселения, они продолжали партизанскую борьбу, устраивая засады, нападения на мелкие немецкие подразделения. Вождь ваньямвези Сики погиб, взорвав крепость, в которой он укрылся с одним из отрядов. Предводитель вахехе Мквава покончил жизнь самоубийством, когда узнал, что немцам стало известно, где он скрывается.

Завоевание областей, вошедших в состав Германской Восточной Африки, было в основном завершено к началу XX в. Еще до этого на побережье океана, а также на склонах Килиманджаро и в районе Танга появились немецкие переселенцы, заложившие здесь плантации сизаля, кофе, хлопчатника. В 1895 г. вся территория колонии была объявлена коронной собственностью. Началась массовая экспроприация земель в

самых плодородных районах. На государственные плантации и во владения немецких колонистов были принудительно направлены тысячи людей, которых заставили трудиться под плетями надсмотрщиков.

Рабовладельческий режим вызвал в 1905 г. новое крупное восстание, известное под названием «маджи-маджи». В нем приняли широкое участие местные служители культа, обещавшие африканцам, что сила чудотворной воды («маджи») обезвредит немецкие пули. Вспыхнув на одной из государственных плантаций, где применялся принудительный труд, восстание, по словам немецкого историка Ройша, «распространилось, подобно степному пожару, по всему побережью и охватило значительную часть глубинных районов».

Африканцы овладели рядом прибрежных поселений, расправившись с ненавистными колонистами и их прислужниками из местной знати. В Берлин полетели панические телеграммы губернатора Германской Восточной Африки. Из других колоний и метрополии были переброшены военные корабли и сухопутные силы; общая численность регулярных войск достигла 3500 человек. Бои развернулись в районе Махенге, к северу от р. Рувума. Здесь 5 тыс. арабов, суахильцев и ангони в течение нескольких дней атаковали немцев, невзирая на ураганный пулеметный огонь. При подавлении восстания в 1905—1906 гг. было уничтожено много африканских деревень, особенно в районах расселения ангони, где погибло около 75 тыс. мирных жителей.

Военно-морской флот, участвовавший в подавлении восстания «маджи-маджи», был использован не только в Германской Восточной Африке. В сентябре 1906 г. один из кораблей по просьбе англичан был переброшен из Дар-эс-Салама к Занзибару, где вышли из повиновения войска султана. Немцы, таким образом, помогли Великобритании подавить антиколониальное движение, так же как она в свое время помогла им расправиться с Бушири. Войска султана были разоружены, что лишило Занзибар последних остатков независимости. Остров стал колонией, как и бывшие арабские владения на континенте, доставшиеся англичанам по соглашению с Германией в 1886 г.

Свои захваты в Восточной Африке Великобритания, подобно Германии, начала с создания привилегированной компании, получившей монополию на эксплуатацию будущих Кении и Уганды. «Импириал Бритиш Ист Африка компани» взяла в свои руки торговлю на побережье, снарядила несколько военных экспедиций, которые должны были утвердить ее влияние в наиболее крупной из стран Уганды — Буганде. На путях к оз. Виктория появились английские посты. Сломив сопротивление народов Кении — кикуйю и нанди, компания в 90-е

годы обеспечила снабжение отрядов, действовавших в Уганде, за тысячу километров от побережья.

Внутренняя обстановка в Буганде на рубеже 80—90-х годов была напряженной, ввиду того что несколько групп местной знати вели между собой непрерывную борьбу за феодальные владения. В эту борьбу вмешивались английские (протестантские) и французские (католические) миссионеры, прибывшие в Буганду еще в 70-е годы. Феодальные кланы нуждались в огнестрельном оружии, которое им доставляли европейские миссионеры и арабские купцы. Местные вожди, связанные с арабскими купцами, приняли ислам, другие — протестантство или католицизм. В конечном счете в Буганде образовались три враждующих лагеря, именовавших себя в зависимости от того, кто из иностранцев им покровительствовал, мусульманами, протестантами или католиками.

Правитель Буганды — Мванга был молодым человеком, малоискушенным в вопросах управления государством. Первоначально он решил покончить с влиянием европейских миссионеров и распорядился выпроводить их на южный берег оз. Виктория. Однако это усилило феодалов-мусульман, попытавшихся захватить власть в стране. Мванга бежал к европейским миссионерам, а в дальнейшем с их помощью был восстановлен на троне. На несколько лет установилось равновесие сил обеих христианских «партий», пользовавшихся приблизительно равным влиянием при дворе правителя.

В 1890 г., после подписания соглашения с Германией о разделе сфер влияния, «Импириал Бритиш Ист Африка компани» направила в Буганду свыше 600 солдат колониальных войск под командованием Лугарда. С прибытием войск компании в столицу государства Кампалу реальная власть перешла к феодалам-протестантам, которые открыто делали ставку на подчинение страны Англии. Опираясь на отряды протестантских вождей, Лугард начал военные действия против мусульман, поддержанных соседним государством Буньоро. В нескольких боях мусульмане и их союзники потерпели поражение, а вслед за тем «Импириал Бритиш Ист Африка компани» решила подорвать и влияние католиков. В Кампале в 1892 г. были спровоцированы кровавые столкновения между христианами. Лугард, который до этого разыгрывал роль арбитра в феодальных усобицах христианских «партий», двинул войска на помощь протестантам. «Католики отлично сражались, — писал он впоследствии, — и протестантские вожди были бы, по-моему, разбиты, если бы не пулемет „максим“».

Разгромив католиков, англичане укрепили свои позиции в Буганде. Мванга вынужден был признать власть «Импириал Бритиш Ист Африка компани». Несколько лет спустя ком-

пания за 250 тыс. ф. ст. отказалась от своих привилегий. Кения (в то время Британская Восточная Африка) и Уганда были объявлены английскими протекторатами.

В середине 90-х годов англичане подчинили свою политику в Восточной Африке задаче завоевания государств к северу и западу от Буганды: Буньоро и др. Эти страны, расположенные в районе верхнего Нила, представляли особую стратегическую ценность, и приходилось опасаться, что сюда проникнут Франция и Бельгия. А главное, захваты в Нильской долине по замыслам англичан должны были подкрепить их притязания на Восточный Судан и Египет.

Для завоевания Буньоро и соседних стран в Буганде было сконцентрировано свыше 1500 солдат наемных войск из Восточного Судана; к ним присоединились отряды местных протестантских феодалов. Англичане встретили в Буньоро упорное сопротивление. Хотя с помощью бугандских феодалов была захвачена большая часть этого государства, его правитель Кабарега не сложил оружия.

В 1895 г. он помешал четырем ротам суданских наемников переправиться через Нил, а в дальнейшем, укрепившись близ оз. Альберта, совершал набеги на гарнизоны колониальных войск.

Война в Буньоро затянулась на несколько лет. В 1897 г. среди солдат-суданцев, изнуренных непрерывными походами по тропическим лесам и болотам, началось брожение, переросшее в восстание. Вспыхнув в одном из постов к северо-западу от оз. Виктория, восстание грозило охватить все суданские части. Затруднительным положением англичан воспользовался Мванга, который покинул Кампалу, собрал несколько отрядов и развернул военные действия в Южной Буганде. Из других колоний, главным образом Индии, в Восточную Африку были доставлены подкрепления. Восставшие суданские солдаты засели в форте Луба, на берегу Виктории, где они выдержали двухмесячную осаду, а затем ушли в Буньоро и соединились с войсками Мванга и Кабарега. Прошло еще два года, прежде чем англичане смогли потушить основные очаги сопротивления. Отряды бывших суданских наемников, пытавшиеся прорваться к себе на родину, на север, были рассеяны. Мванга и Кабарега, выданные местной знатью, были высланы за пределы страны.

Восстание суданских солдат и упорная борьба коренного населения сорвали планы продвижения англичан из Уганды на верхний Нил. Действовавшие в Восточной Африке войска не оказали никакой поддержки армии генерала Китченера, которая продвигалась на юг из Египта. Лишь когда Китченер в сентябре 1898 г. под Омдурманом разбил суданских арабов, Великобритания овладела верхним Нилом.

За несколько месяцев до поражения суданских арабов в бассейне великой реки появился французский отряд капитана Маршана, прибывший в Фашоду из Браззавиля. Однако Маршан вынужден был уйти из Фашоды, так как английские министры открыто заявили, что готовы развязать войну, если правительство Третьей республики не откажется от своих притязаний на подступы к Египту. После этого конфликта, согласно англо-французской декларации 1899 г., район верхнего Нила был включен в сферу влияния Великобритании. Франция, вытесненная из Египта и Восточной Африки, должна была ограничиться тем, что получила по соглашениям 1890 г., когда ей предоставили свободу рук на Мадагаскаре за признание английской власти над Занзибарским султанатом.

Захват Мадагаскара сулил европейцам не меньшие выгоды, чем завоевание Занзибара. В 60-е годы правители Имерина заключили торговые договоры с европейскими державами и США. Кроме того, был открыт широкий доступ в страну английским и французским миссионерам. Правители острова при этом рассчитывали удовлетворить быстро увеличивавшийся спрос на европейские товары, а также использовать миссионеров для организации системы просвещения. Однако проникновение европейцев усиливало опасность агрессии.

Готовясь к отпору европейским державам, малагасийцы создали постоянное войско, насчитывавшее до 30 тыс. солдат. Были закуплены не только кремневые ружья, но и современные винтовки, а также около десятка артиллерийских орудий. В районе Тананариве — столицы Имерина — было создано несколько мастерских, где ремесленники изготавливали порох и ружья, скопированные с европейских образцов.

В 1883 г. Франция открыла военные действия на острове, высадив десанты в городах Мажунга и Таматаве и подвергнув бомбардировке с моря несколько фортов малагасийской армии. Однако правительство Третьей республики не имело возможности отправить на Мадагаскар крупные воинские силы. В те годы Франция, отвлеченная войнами в Западной Африке, борьбой с Англией за Египет, конфликтом с Китайской империей из-за Вьетнама, считала возможным ограничиться высадкой десантов в портовых городах Мадагаскара. Таким образом, правительство Третьей республики рассчитывало запугать малагасийцев и добиться от них уступок экономического и политического характера.

Война затянулась на два с половиной года. Не имея достаточно сил, чтобы начать продвижение в глубь страны, французы вели военные действия в приморских районах. Огнем крейсеров был разрушен ряд мирных поселений, на восточном и северном берегах произошли мелкие стычки, в которых десантные войска потеряли несколько десятков человек. Гораз-

до больший урон французы понесли от болезней, прежде всего тропической малярии, широко распространенной в приморских районах.

Торговля острова была подорвана, но сломить сопротивление малагасийцев не удалось. Последней попыткой французов добиться перелома в войне было наступление на деревню Фарафат близ Таматаве. Здесь еще в 1883 г. малагасийцы под руководством английского специалиста, состоявшего у них на службе, создали небольшой форт, защищенный артиллерийскими орудиями. Наступление на Фарафат в сентябре 1885 г. провалилось. Четыре французские роты, попав под ружейный и артиллерийский огонь, отступили к Таматаве. Вскоре правительство Третьей республики было вынуждено заключить мир. Хотя французы отказались от ряда требований, договор, навязанный Мадагаскару, был тяжелым. Малагасийцы должны были выплатить 10 млн. фр., соглашались на создание военно-морской базы в Диего-Суаресе, предоставляли французским гражданам право на бессрочную аренду земель. Кроме того, одна из статей договора, составленная очень туманно, гласила, что французское правительство будет в известной мере контролировать внешнюю политику Мадагаскара. Впоследствии это дало европейцам основание утверждать, будто бы малагасийцы в 1885 г. согласились на протекторат.

Франция рассматривала договор как средство для подготовки аннексии острова. Правительство Третьей республики было готово в любое время поправить свои обязательства, и уже в 1886 г. оно заявило, что считает Мадагаскар своим протекторатом. Вскоре англо-французские соглашения 1890 г. показали малагасийцам, что им вряд ли удастся использовать противоречия между европейскими державами в Восточной Африке и на островах Индийского океана для сохранения своей политической независимости.

Иностранное вторжение на остров было вопросом ближайшего будущего. Чтобы отразить агрессию, требовались прежде всего средства на вооружение малагасийской армии. Были введены новые налоги, и правители Имерина получили деньги для закупки оружия. Однако боеспособность армии была невелика; не хватало патронов, многие солдаты не умели обращаться с огнестрельным оружием.

В 1894 г. Франция решила начать новую войну на Мадагаскаре. От мальгашской королевы Ранавалуны III потребовали, чтобы за французским правительством было признано право держать на острове любое количество войск, строить порты, железные дороги и т. д. «Все эти предложения, — говорилось в „Красной книге“, — отпечатанной малагасийцами в Тананариве, — направлены лишь на создание протектората, чего правительство Французской Республики добивается уже давно. Пра-

вительство королевы Мадагаскара не согласно на установление протектората, ибо он повлечет за собой полную утрату суверенных прав, зависимость Мадагаскара и несчастье его жителей. Это — средство захватить страну, не направляя туда солдат и не расходуя много денег».

Развязав войну, Франция перебросила на Мадагаскар крупные силы (28 тыс. человек), рассчитывая быстро оккупировать основные порты и начать продвижение к Тананариве. Однако сломить сопротивление малагасийцев удалось лишь после девяти месяцев военных действий. Офицеры, которым была поручена подготовка экспедиции, оказались совершенно бездарными. В порту Мажунга, основной базе снабжения экспедиционного корпуса, почти не было судов для разгрузочных работ на рейде. Сотни солдат, прокладывавших дорогу в глубь острова, погибли от тропической малярии лишь потому, что из метрополии вовремя не был доставлен хинин. Французские генералы просчитались, полагая, что смогут обеспечить войска продовольствием за счет местного населения. Малагасийцам удалось эвакуировать из зоны военных действий почти всех жителей и угнать скот. Ввиду этого солдаты экспедиционного корпуса голодали.

Командующий французскими войсками генерал Дюшен сосредоточил основные силы в Мажунге и развернул наступление в юго-восточном направлении, на Тананариве. Малагасийцы отступали с боями, но остановить экспедиционный корпус не могли. Решающую роль сыграла французская артиллерия, впервые применившая снаряды с мелинитом; по мощности огня и дальности она неизмеримо превосходила малагасийскую. Неся тяжелые потери при попытках атаковать французские позиции, малагасийцы не могли подойти к противнику ближе чем на 100 м.

В июне 1895 г. 5 тыс. малагасийцев предприняли контрнаступление в районе Царазаотра. Две французские роты отступили под их натиском, и генерал Дюшен, чтобы спасти положение, срочно перебросил под Царазаотра батальон егерей. Во время форсированного марша под палящим солнцем батальон потерял 40% солдат и офицеров, не выдержавших лишений. Малагасийцы в течение трех дней, не считаясь с колоссальными потерями, атаковали французские позиции. «Мерина храбро сражались, — писал впоследствии французский историк Г. Грандидье, — но что они могли сделать без артиллерии».

По мере продвижения экспедиционного корпуса к столице Мадагаскара сопротивление возрастало. «Начиная от Амбохипиара, — сообщал один из очевидцев-французов, — наступление на Тананариве превратилось в непрерывный бой. Мы могли продвигаться, лишь захватывая одну позицию за другой. Сопротивление хува (так французы называли мери-

на. — *Ред.*) было ожесточенным». 30 сентября экспедиционный корпус захватил высоты, господствующие над Тананариве. Стоявшие здесь малагасийские батареи отстреливались до последней возможности; канониры погибли в рукопашных схватках, защищая свои орудия. На следующий день началась бомбардировка города. Первые же выстрелы повергли в панику королеву и ее окружение. К генералу Дюшену были высланы парламентарии, заявившие, что Ранавалуна III отказывается от сопротивления. Французские войска вступили в город, и королева подписала договор о протекторате.

Потери экспедиционного корпуса на Мадагаскаре были очень велики. Непосредственно в боях французы потеряли всего 200 солдат и офицеров, но от тропической малярии, дизентерии и других болезней скончалось 5500 человек. Среди колониалистских кругов метрополии царила растерянность. Если бы не капитуляция королевского двора, правительство Третьей республики, возможно, отказалось бы от завоевания острова.

Хотя Ранавалуна III и многие представители местной знати покорно склонились перед завоевателями, население Мадагаскара не прекратило борьбы. С начала 1896 г. в различных частях Имерина были созданы повстанческие отряды. Среди повстанцев — меналамба («красные тоги»), как их называло население, — было немало бывших солдат, спрятавших оружие, когда французы разоружали малагасийскую армию. Карательные экспедиции следовали одна за другой, но народные выступления не прекращались. Партизанам помогали некоторые знатные малагасийцы во главе с Райнандрианаманпандри, талантливым военачальником, который организовал во время первой франко-малагасийской войны оборону форта Фарафат.

Для подавления меналамба на остров был назначен генерал-губернатором Галлиени, который незадолго до этого расправился с народным движением в Индокитае. Галлиени показал, что не остановится ни перед чем, чтобы потопить в крови восстание меналамба. Были схвачены и расстреляны высшие королевские сановники, поддерживавшие связь с партизанами. Выданный предателем, погиб Райнандрианаманпандри. Французские войска уничтожали запасы продовольствия, обрекая на голод районы, где действовали меналамба. Деревни прочесывались отрядами, которые расправлялись со всеми, кого подозревали в сочувствии повстанцам. К середине 1897 г. меналамба, теснимые со всех сторон французскими войсками, изнемогавшие от голода, прекратили сопротивление. В борьбе против них французы потеряли 260 человек — больше, чем во время военных действий при наступлении из Ма-жунги на Тананариве.

Разгром восстания в Имерине дал Франции возможность приступить к колонизации наиболее важных в экономическом отношении центральных районов Мадагаскара. Тем не менее завоевание острова не было завершено. Вплоть до начала XX в. Франция держала здесь больше 10 тыс. солдат, поскольку борьба против народностей, населявших западные и южные районы,— сакалава, бара и др.—требовала значительного напряжения сил.

Особенно упорное сопротивление оказали французам сакалава, населявшие область Менабе. Завоевание этой области началось в августе 1897 г., когда сюда был направлен отряд в 650 штыков. Будучи не в силах противостоять колониальным войскам, сакалава восточной части Менабе сложили оружие. Французам удалось создать ряд военных постов на побережье Мозамбикского пролива и по течению р. Цирибихина. Однако через некоторое время европейцы сами спровоцировали всеобщее восстание сакалава, уничтожив с бессмысленной жестокостью одно из местных селений, жители которого не участвовали в военных действиях.

В октябре 1897 г. все посты в долине Цирибихина подверглись яростным атакам. Повстанцы, как сообщал один из французских журналов, проявили «безумную храбрость». По словам корреспондента парижской газеты «Тан», «сакалава говорили, что не хотят быть рабами белых... они бросались вперед под звуки труб, не боясь ни наших лебелей (французских винтовок. — *Ред.*), ни рукопашных схваток». Потеряв свыше ста человек, колониальные войска фактически утратили контроль над Менабе.

Только в начале 1900 г. французам удалось завоевать эту область. Они уничтожили здесь почти все посевы, угнали скот и взяли сотни заложников — женщин и детей. Вскоре были подчинены и южные районы, населенные бара.

Колониальная эксплуатация Мадагаскара на рубеже XIX—XX вв. означала для малагасийцев усиление налоговых поборов, широкое применение принудительного труда. Генерал-губернатор Галлиени проявил особую изобретательность в налогообложении, добившись за первые пять лет своего пребывания на острове увеличения прямых поступлений от населения в четыре-пять раз. Десятки тысяч людей во исполнение постановлений о принудительном труде переносили на своих спинах грузы с побережья океана в Тананариве, гибли от малярии на строительстве дорог, изнемогали от голода, работая на европейских колонистов. Положение коренного населения особенно ухудшилось после 1903 г., когда французы приступили к строительству железной дороги Таматаве—Тананариве. Дорогу строили малагасийцы, которых пригоняли из различных районов острова. Отсутствие медикаментов, плохое пи-

тание и каторжный труд привели к тому, что путь от Таматаве до Тананариве был устлан человеческими костями.

В ноябре 1904 г. в юго-восточных районах острова вспыхнуло восстание, охватившее народности бара, танала, антайка. «До 1903 г., — писал генерал-губернатор Оганьер, сменивший Галлиени, — ежегодный подушный налог в юго-восточных районах... был установлен в 10 фр. В 1904 г. население известили, что в следующем году оно будет платить 15 фр. Это огромная сумма для людей, у которых нет ничего, кроме скота... Взимание налогов, набор рабочей силы, разоружение производились вопреки элементарным правилам справедливости и человечности». Таковы были причины восстания, которое отражало всеобщее возмущение лихоимством и насилиями колониальной администрации.

Во главе повстанцев встали бывшие солдаты колониальных войск. Под руководством сержанта Котави было захвачено несколько военных постов. Рассыпавшись по лесам, группы повстанцев нападали на отдельные французские отряды. Для подавления народного движения на юго-восток острова были направлены 3 тыс. регулярных войск, начавших форменную войну против партизан, у которых было в общей сложности менее сотни винтовок. В середине 1905 г. восстание было подавлено. Его участники были расстреляны, замучены в застенках, отправлены в ссылку.

Расправившись с восстанием, Франция окончательно утвердилась на острове. Малагасийский народ проявил замечательное мужество в борьбе против колониальной агрессии. Но силы были слишком неравны, и героическое сопротивление малагасийцев было сломлено. Для Мадагаскара начался шестидесятилетний период колониального господства.

Восточный Судан, Эфиопия и Сомали

После завершения строительства Суэцкого канала и английской оккупации Египта возросло стратегическое значение стран, расположенных в долинах Белого и Голубого Нила, на побережье Красного моря и Аденского залива. Эти области вывозили в Европу слоновую кость, гуммиарабик, кожевенное сырье. Последнее надолго стало основным экспортным продуктом полупустынных районов Сомалийского п-ова. Но страны древней земледельческой культуры — Эфиопия и Восточный Судан — могли также производить хлопок, кофе и иные товары, находившие широкий спрос на мировом рынке.

XIX век был временем важных изменений в социально-экономической жизни Северо-Восточной Африки. В Восточном Судане, оккупированном Египтом в 20-е годы, быстро разви-

вались товарно-денежные отношения. Хартум превратился в крупный торговый центр, связанный с рядом стран Ближнего Востока и Европой. Процесс феодализации, ломки патриархальных отношений создавал предпосылки для дальнейшей этнической консолидации народов Восточного Судана — арабов и др. В Эфиопии объединение феодальных группировок, наметившееся в период английского вторжения (1867—1868 гг.), способствовало укреплению центральной власти императора. Наконец, на Сомалийском п-ове, который все шире втягивался в сношения со странами Арабского Востока и Эфиопией, в начале XIX в. появились два самостоятельных феодальных султаната — Оббия и Миджуртини. Их влияние распространялось главным образом на побережье Индийского океана; к юго-западу от этих султанатов находились владения Занзибара: Берег Бенадир.

В территориальном разделе Северо-Восточной Африки решающая роль принадлежала Великобритании. Она стремилась подчинить не только Египет, но и территории, попавшие под его контроль, прежде всего Восточный Судан. Еще в 60—70-е годы хедив, находившийся в финансовой зависимости от колониальных держав, управлял своими владениями в долинах Белого и Голубого Нила с помощью европейцев, главным образом англичан. Присланные из Европы советники должны были за счет феодальной эксплуатации Судана поднять доходы египетской казны, откуда лондонские и парижские банкиры выкачивали проценты по ростовщическим займам.

Хозяйничанье иностранцев неоднократно вызывало разрозненные выступления коренных жителей против египетской администрации. Во второй половине 70-х годов губернатор Судана англичанин Гордон вел военные действия против восставших окраинных провинций Дарфур и Бахр-эль-Газаль. Лишь после тяжелых боев египетские войска, которыми командовали европейцы, восстановили контроль над этими провинциями. Восстание зрело и в центральных районах страны. Особое недовольство выказывали те слои населения, которые более всего страдали от эксплуатации со стороны египетских властей и местной знати: феодально зависимое крестьянство, рабы, городской ремесленный люд.

Движение среди суданцев, направленное против иноземного владычества, приняло религиозные формы. Участники движения, как это обычно было в мусульманских странах, выступили за возрождение истинного ислама. В середине 1881 г. на нильском острове Аба, к югу от Хартума, популярный проповедник Мухаммед-Ахмед объявил себя мессией — Махди. В своих проповедях Мухаммед-Ахмед призывал население к борьбе за очищение ислама от духа стяжательства и корыстолюбия, к священной войне против неверных, с которыми

сотрудничал хедив. Момент для выступления был выбран удачно, так как в стране росло недовольство иностранной администрацией. Из Египта приходили сообщения о расширении антиколониального движения, которому сочувствовали солдаты и офицеры суданских гарнизонов.

В селение, где жил Мухаммед-Ахмед, был направлен небольшой отряд правительственных войск. Однако Махди и его приверженцы разгромили этот отряд и ушли в Кордофан. Здесь их поддерживали кочевые арабские племена. «Люди стекались к нам массами; они были бедны и искали у нас поддержки. Богатые же и зажиточные избегали нас», — вспоминал один из руководителей восстания Абдаллах. Мухаммед-Ахмед сформировал армию, открывшую военные действия против египетских и европейских угнетателей. В июне 1882 г. была одержана первая крупная победа; за ней последовали другие. Махдисты окружили города Бара и Эль-Обейд, которые были взяты после нескольких месяцев осады. В руки повстанцев попали тысячи английских винтовок, многие египетские солдаты влились в их армию.

После того как Великобритания оккупировала Египет, престиж хедива в Судане еще более упал. Новые районы страны переходили на сторону махдистов. 20-тысячное египетское войско под командованием английских офицеров попыталось остановить продвижение повстанцев, но было наголову разбито. К началу 1884 г. армия хедива удерживала лишь северные области, район Хартума и красноморское побережье.

Успехи восстания опрокидывали планы англичан выступить в качестве наследников Египта в его бывших владениях. Оккупация Судана английскими войсками была бы дорогостоящей и опасной авантюрой. Этому препятствовала и напряженная международная обстановка: Великобритания готовилась к борьбе против Франции в Индокитае и против России в Средней Азии. В конечном счете лондонское правительство, опасаясь затевать крупную экспедицию и в то же время не желая окончательно покинуть бывшие египетские владения, остановилось на полпути. Было решено удержать с помощью английских войск, присланных из Египта и Индии, Суакин — суданский порт на красноморском побережье. Кроме того, генералу Гордону было поручено начать в Хартуме переговоры с местной знатью и склонить ее к соглашению. Предполагалось, что Гордон провозгласит «самостоятельность» Судана под верховенством Великобритании.

Англичане сохранили контроль над красноморским побережьем. В 1884 г. в районе Суакина были высажены 4 тыс. солдат десантных войск; в следующем году их численность возросла до 13 тыс. Махдисты неоднократно атаковали англичан, но овладеть Суакином не смогли. Что же касается мис-

сии Гордона, то она провалилась. Переговоры, которые генерал начал в Хартуме с представителями суданской знати, в том числе некоторыми махдистами, не были подкреплены военной силой — основным «аргументом» колонизаторов. Пока Гордон тщетно пытался договориться о создании автономного государства под эгидой Великобритании, махдисты одерживали новые победы. Их армия захватила г. Бербер, а затем осадила Хартум.

Рухнули последние надежды англичан на возможность сохранить влияние в центральных провинциях. Парламент Великобритании вынужден был отпустить средства на специальную военную экспедицию, которой поручалось вызволить находившихся в осажденном Хартуме офицеров и эвакуировать их в Египет. Колонна под командованием полковника Вильсона, насчитывавшая 2200 человек, выступила из района Донгола на юг в декабре 1884 г. В 200 км от Хартума она подверглась ожесточенным атакам махдистов. Во время одной из атак боевые порядки колонны были прорваны, и лишь после рукопашного боя, потеряв 170 человек, англичане преодолели сопротивление суданцев. «Я не мог раньше и думать, что войска, наступающие сомкнутым строем, способны подойти ближе чем на 200—400 ярдов в открытой местности под залпами мартини-генри (английских винтовок. — *Ред.*)», — писал полковник Вильсон.

В конце января 1885 г. колонна, поддержанная двумя канонерками, приблизилась к Хартуму, откуда сразу же был открыт артиллерийский огонь по кораблям. Англичанам стало ясно, что Хартум — в руках махдистов, что они опоздали. И действительно, за несколько дней до их прибытия сопротивление египетского батальона, находившегося при генерале Гордоне, было сломлено, и суданцы овладели городом, уничтожив почти всех англичан. Полковник Вильсон не мог рассчитывать на чью-либо поддержку. Огонь, который махдисты вели по канонеркам с обоих берегов Нила, заставил англичан повернуть назад.

Вскоре после падения Хартума парламент Великобритании принял решение прекратить наступательные операции. Англо-египетские войска очистили северные провинции и отступили к Вади-Хальфа. Восстание в Судане увенчалось победой. Оно привело к ликвидации иностранного владычества, к созданию обширного махдистского государства.

Еще в ходе восстания махдистское движение претерпело важные изменения. Первоначально оно отражало интересы народных масс, стремившихся покончить не только с иностранным господством, но и с феодальным гнетом. Однако в дальнейшем во главе движения встали вожди кочевых арабских племен баккара. В середине 1885 г. умер Мухаммед-Ах-

мед, который проповедью всеобщего равенства привлек на сторону махдистов эксплуатируемые слои населения. К власти пришел халиф Абдаллах, представитель знати баккара. Его соплеменники, обогащавшиеся за счет откровенного грабежа населения, заняли важнейшие посты в государстве. Богатые поля и пастбища долины Нила стали владениями этих новых хозяев, использовавших труд рабов и феодально зависимых крестьян.

Классовое перерождение махдистского движения заметно ослабило его боеспособность. Время от времени в Судане вспыхивали восстания, направленные против Абдаллаха и окружавшей его знати. Этим не преминули воспользоваться англичане, которые снабжали оружием выходившие из повиновения районы.

Немалый урон молодому государству нанесли войны с Эфиопией, которые также были на руку Великобритании. Последняя в 1885 г. передала императору Эфиопии Иоанну IV тысячу винтовок и 50 тыс. талеров. За это император обязался помочь англичанам удержать район Кассала, где появились махдистские войска. Войны с Эфиопией продолжались несколько лет и повлекли за собой опустошение ряда пограничных областей. В 1889 г. при Галлабате произошла решительная битва. Иоанн IV погиб на поле боя, и его армия отступила, хотя войска Абдаллаха понесли огромный урон. Судан был обескровлен; в стране свирепствовал голод, унесший тысячи жизней. Таким образом, Великобритании, не упускавшей из виду возможности захватить Судан при окончательном разделе Африки, предстояло столкнуться с противником, могущество которого было сильно подорвано.

В начале 1896 г. Великобритания решила возобновить военные действия против махдистского государства. Англичане хотели ускорить оккупацию бывших египетских владений ввиду обострившейся борьбы между европейскими державами за раздел Сезеро-Восточной Африки. После провала итальянской агрессии в Эфиопии лондонское правительство опасалось, что там утвердятся французское влияние. К тому же было известно, что французы и бельгийцы укрепляют свои позиции в бассейне Конго, на подступах к верхнему Нилу.

Генерал Китченер, командующий экспедицией, которая должна была наступать на юг из Египта, первоначально располагал 10 тыс. человек. Войска, состоявшие из египетских солдат и английских офицеров, были намного лучше подготовлены и вооружены, чем в 80-е годы. В то же время армия Абдаллаха, несмотря на свою многочисленность, имела всего 22 тыс. исправных винтовок и несколько десятков устаревших артиллерийских орудий. После начала махдистского восстания Судан, по сути дела, находился в блокаде с моря и с

суши. Неизбежно давало себя знать длительное нарушение торговых связей с зарубежными странами, откуда ранее поступало оружие.

Войска Китченера в 1896 г. с боями оккупировали провинцию Донгола, а в следующем году развернули наступление в провинции Бербер. Продвижению на юг способствовало строительство железной дороги от Вади-Хальфа до Абу-Хамеда через Нубийскую пустыню. Английские канонерки, пройдя через пороги, подвергли бомбардировкам суданские города, расположенные по Нилу. Война приближалась к столице государства — Омдурману. Железная дорога не только пересекала Нубийскую пустыню, но и была продолжена до устья р. Атбары. В августе 1898 г. Китченер, к которому все время прибывали подкрепления, располагал 26 тыс. солдат, треть которых была англичанами. В этот решающий период военных действий Абдаллах смог выставить около 50 тыс. воинов, из которых многие были вооружены лишь копьями.

Армия Абдаллаха в бою под Омдурманом 2 сентября 1898 г. проявила чудеса героизма. Она трижды бросалась на английские колонны, невзирая на неизмеримое техническое превосходство противника. По словам очевидца, англичанина Стивенсона, африканцы «были в высшей степени великолепны. До этого нам не приходилось сталкиваться со столь многочисленной, хорошей и храброй армией, сражавшейся во имя махдизма. Погибая, она показала, что достойна огромной империи, которую махдисты завоевали и долгое время удерживали в своих руках. Их бесстрашные солдаты в адских условиях, перед лицом смерти, были верны черно-зеленому знамени, стреляя жалкими, испорченными, самодельными патронами. Их копейщики, не задумываясь, шли на верную гибель. Их кавалеристы, атаковавшие первыми, бросались под пули, сражаясь до последнего».

Абдаллах потерял 27 тыс., Китченер — всего 430 человек. Англо-египетские войска ворвались в Омдурман, прикапывая раненых махдистов, убивая мирных жителей. Могила Махди была разрыта, его останки выброшены в Нил. Абдаллах с небольшой группой воинов ушел в Кордофан, откуда он попытался продолжить борьбу. В 1899 г. махдисты потерпели окончательное поражение; большинство их руководителей, в том числе Абдаллах, погибли.

Судан, официально объявленный в январе 1899 г. совместным англо-египетским владением, был фактически превращен в колонию Великобритании. Английское господство здесь стало неоспоримым после фашодского конфликта, когда Франция отказалась от попыток проникнуть в долину Нила. Еще до этого лондонское правительство не раз заявляло о притязаниях на все бывшие владения хедива к югу от Египта.

Однако, если англичанам удалось вытеснить Францию из бассейна Нила, они все же не смогли полностью захватить бывшие владения хедива. Египетское «наследство» включало Судан и ряд территорий в Эритрее и на Сомалийском п-ове, в том числе районы Массауа, Зейла, Бербера. Еще в период махдистского восстания, в 1884 г., Великобритания захватила Зейла и Бербера, но вскоре она дала согласие на высадку итальянских войск в Массауа, представлявшем собой ключевую позицию на подступах к Судану и Эфиопии.

Политика Великобритании на побережье Красного моря и Аденского залива определялась всей системой противоречий колониальных держав в Северо-Восточной Африке. Италия рассчитывала оккупировать часть красноморского побережья, утвердить свое влияние в Эфиопии, а возможно, и южной части Судана. В эти же страны пыталась проникнуть Франция, главный соперник Великобритании в Африке. Лондонское правительство, позволив Италии в 1884 г. занять Массауа, втянуло ее в борьбу против Франции.

Впрочем, англичане преследовали и другие цели. Попустительствуя Италии, они, по сути дела, толкали ее на войну с Эфиопией—страной, которую Великобритания не смогла подчинить в 1867—1868 гг. Столкновение с Эфиопией таило в себе немало опасностей. Оно могло надолго отбить желание у «молодой» колониальной державы опережать своих многоопытных конкурентов. В Эфиопии, пользуясь словами одного из исследователей ее истории, Великобритания «эксплуатировала колониальные иллюзии Италии».

Проникновение Италии в Эритрею началось в 1869 г., когда генуэзские судовладельцы заключили договор с одним из вождей племен данакиль о покупке участка побережья близ Баб-эль-Мандебского пролива. В течение ряда лет итальянцы не контролировали этот район, и, лишь когда было получено согласие англичан на оккупацию Массауа, сюда прибыли войска из Европы. В дальнейшем были заключены новые договоры, которые обеспечили римскому правительству господство над участком побережья Красного моря от Рахейта до Массауа.

Эфиопия тщетно протестовала против европейских захватов в Эритрее. Правитель этой области Алула, назначенный императором Иоанном IV, не мог противопоставить итальянцам значительные силы, ибо его главной задачей было отразить махдистов на севере. К тому же некоторые местные феодалы, недовольные Алулой, обращались к европейцам за помощью. Пользуясь создавшейся обстановкой, римское правительство решило начать продвижение на запад от Массауа, в глубь эфиопской территории. Итальянцы приступили к сооружению форта в сел. Саати, в 30 км от Массауа. Войска

Алулы, осадив форт, предприняли безуспешную попытку его захватить. Однако в январе 1887 г. они уничтожили итальянский отряд в 500 человек, направленный на помощь осажденным.

Бои под Саати поставили Эфиопию перед угрозой крупной войны. Из Италии были переброшены подкрепления, и численность экспедиционного корпуса в Массауа увеличилась до 20 тыс. человек. В свою очередь Иоанн IV двинул в Эритрею 80-тысячную армию. Однако война не разразилась. В начале 1888 г. эфиопы, не вступая в бой, покинули позиции под Саати и ушли в глубь страны. Надвигающаяся опасность махдистского вторжения вынудила Иоанна IV отказаться от борьбы с итальянцами в Эритрее.

Римское правительство не решилось развернуть наступление на запад от Массауа. У Саати оставалась часть императорской армии, которая могла воспрепятствовать дальнейшему продвижению итальянцев. А главное, в Риме надеялись использовать распри между крупными феодалами и Иоанном IV, укрепить свои позиции в Эфиопии без лишней затраты сил.

В 1889 г., после гибели Иоанна IV в битве при Галлабате, императорская корона перешла к Менелику II, правителю Шоа. Это был один из наиболее влиятельных феодалов и крупный политический деятель Эфиопии. Еще раньше, во время конфликта в Эритрее, итальянцы, рассматривая Менелика как наиболее серьезного претендента на престол, оказывали ему покровительство, снабжали оружием. Правитель Шоа считал за благо не обращать это оружие против императора, но использовать в борьбе за собирание эфиопских земель. Поддержка европейцев, таким образом, упрочила положение Менелика и помогла ему объединить разобщенные уделы феодальной страны.

Теперь, когда правитель Шоа вззошел на трон, итальянцы надеялись увидеть «своего» человека во главе государства. Менелик II старался укрепить их в этом мнении. Он, по-видимому, рассчитывал использовать европейцев для противодействия крупным феодалам, не желавшим примириться с властью нового императора. В 1889 г. Менелик II подписал с Италией Уччальский договор о дружбе и торговле. Итальянский и амхарский тексты договора не были идентичны. В то время как первый гласил, что император согласен пользоваться услугами римского правительства в сношениях с иностранными державами, второй отмечал лишь возможность таких услуг. Несмотря на эти расхождения в текстах договора, римское правительство заявило, что Эфиопия согласилась на установление протектората, и вскоре разослало соответствующие ноты европейским державам.

Агрессивные намерения итальянцев становились все более очевидными. После того как они захватили Адуа, столицу Тигре, Менелик II понял, что дальнейшее сотрудничество немислимо. Он опротестовал итальянскую трактовку Уччальского договора, выступив тем самым перед своими соотечественниками как защитник суверенитета империи. В письме, разосланном в 1891 г. всем европейским державам, глава государства сформулировал цели своей политики, увязывая борьбу за собиpание эфиопских земель с общеафриканскими задачами сопротивления империалистической экспансии: «Я не собираюсь равнодушно взирать на появление заморских держав, которые намерены поделить Африку. Четырнадцать столетий Эфиопия была христианским островом в языческом море. Всемогущему богу было угодно хранить Эфиопию до сегодняшнего дня, и я уверен, что он оградит и расширит ее пределы в будущем».

Экономические и социальные причины, которые обусловили объединение Эфиопии накануне итальянского вторжения, очевидны. В то же время объединению во многом способствовало дипломатическое искусство Менелика II и его окружения. Угроза со стороны европейцев еще в 60-е годы привела к известному сближению феодальных группировок, что послужило одним из факторов, вызвавших уход английского экспедиционного корпуса из страны в 1868 г. Сближение не было прочным, и в 70—80-е годы в Эфиопии продолжались усобицы. Именно на них делало ставку римское правительство, противопоставляя Менелика Иоанну IV, а после гибели Иоанна IV натравливая на нового императора правителя Тигре — Мангашу и других крупных феодалов.

Итальянцы вели переговоры одновременно с императором и Мангашой. Менелик II воспользовался этим, чтобы скомпрометировать своих европейских контрагентов. Мангаше дали понять, что его заморские покровители заигрывают не только с ним, но и с императором. К тому же в самом Тигре нашлись феодалы, которые ввиду европейской угрозы побуждали Мангашу к примирению с центральной властью. В середине 1894 г. правитель Тигре принес повинную и стал активно содействовать подрыву иностранного влияния в Эритрее. В свою очередь провал итальянских планов в отношении Мангаши, по-видимому, оказал воздействие на других представителей эфиопской знати.

В 1894 г. в одной из областей Эритреи поднялось восстание, руководители которого были связаны с Мангашой и Менеликом II. Италия увидела в этом удобный предлог, чтобы развязать войну. Войска губернатора Эритреи генерала Баратьери в январе 1895 г. разбили в Тигре армию Мангаши и двинулись в глубь Эфиопии. Победные реляции Баратьери

вызвали ликование в империалистических кругах Рима, добившихся от парламента кредитов на колониальную экспедицию.

В период итало-эфиопской войны 1895—1896 гг. правительства Лондона и Парижа заняли выжидательную позицию, полагая, что в их интересах ослабление обеих воюющих сторон. Попытки премьер-министра Италии Криспи получить разрешение Англии и Франции на использование их колоний для переброски войск в Эфиопию потерпели неудачу. Равным образом англичане и французы отказались поддержать Менелика II. Однако не только позиция европейских держав имела значение для Эфиопии. Важную роль играли и ее отношения с африканским соседом — махдистским государством. Достижением дипломатии Менелика II было сближение с махдистами, обеспечившее безопасность границ страны с севера и запада. Суданцы, которые в течение ряда лет враждовали с Иоанном IV, не предприняли каких-либо недружелюбных действий в 1895—1896 гг. Более того, их представители прибыли в лагерь императора, а в разгар войны махдисты сконцентрировали свои отряды у границ Эритреи и блокировали крепость Кассала, занятую итальянцами.

Война принесла Эфиопии неисчислимые тяготы. Были введены чрезвычайные подати, по всей стране начался сбор пожертвований во имя спасения отечества. Менелику II удалось создать армию в 100 тыс. человек. Преодолевая огромные трудности, Эфиопия ввозила современное оружие из-за границы. Итальянцы добились от правительства Третьей республики запрета на провоз оружия через французскую колонию Обок, но в виде исключения не возражали против продолжения поставок правителю Харара — Маконнену, которого считали потенциальным противником Менелика II. Римское правительство просчиталось: между императором и его вассалом Маконненом установилось прочное согласие, и винтовки, предназначенные для Харара, передавались Менелику II.

В конце 1895 г. эфиопская армия была подтянута к Тигре. Она прикрыла отступление последних отрядов Мангаши и преградила путь войскам Баратьери. Решающий бой произошел в марте 1896 г. под Адуа.

Баратьери долгое время не располагал точными сведениями о войсках императора. Слухи о феодальных распрях, поддерживавшиеся Менеликом II, сбили с толку итальянцев, которые дали себя вовлечь в военные действия вдали от красноморского побережья. В феврале 1896 г., когда Баратьери был лучше осведомлен о силах африканцев, он, возможно, предпочел бы отступление. Однако Баратьери не решился отвести свою армию в Эритрею. За несколько дней до боя под Адуа он получил из Рима телеграмму за подписью Криспи:

«Это военная чахотка, а не война, мелкие стычки, в которых мы все время сталкиваемся с противником, не располагая численным перевесом... Мы готовы на любые жертвы, чтобы спасти честь армии и монархии». Итальянскому империализму была нужна победа любой ценой. Только победа могла заглушить поднимавшиеся в Италии голоса протеста против грабительской колониальной войны.

Под Адуа итальянцы располагали 18 тыс. солдат и офицеров, 56 артиллерийскими орудиями; эфиопы имели, по разным оценкам, 70—120 тыс. воинов и 42 артиллерийских орудия. Итальянцы рассчитывали подойти к Адуа, где стояли войска Менелика II, одновременно несколькими колоннами, но это не удалось. Часть их подразделений, ввиду того что офицеры плохо изучили местность, выдвинулась далеко вперед, потеряв связь со штабом Баратьери. В ходе боя, происшедшего 1 марта 1896 г., была утрачена связь между другими подразделениями. В конечном счете итальянская армия разделилась на три группы, сражавшиеся изолированно друг от друга.

Императорские войска сначала атаковали левофланговую группу итальянцев, которая первой подошла к Адуа. Ураганный огонь шрапнелью на некоторое время приостановил продвижение африканцев, ряды которых заметно редели. Но в бой вступила эфиопская артиллерия, а затем — гвардейские отряды, возобновившие наступление, не считаясь с потерями. Один из батальонов противника был полностью уничтожен в рукопашной схватке, другие дрогнули и начали отходить. Тем временем усилился натиск на центральную и правофланговую группы итальянцев. Умело используя холмистую местность, позволявшую укрываться от артиллерийского огня, африканцы неудержимо рвались вперед. Баратьери пустил в ход резервы, которые вскоре были сметены. Центральная группа в панике бежала, бросая винтовки и артиллерию, увлекая за собой правый фланг, который дольше всего оказывал сопротивление. В погоню за беглецами устремилась эфиопская кавалерия, завершившая полный разгром итальянцев. Из 18-тысячной армии Баратьери лишь 2500 человек избежали смерти или плена; потери эфиопов составили 10 тыс. убитыми и ранеными.

Бой при Адуа был венцом военной и политической деятельности патриотов Эфиопии, поднявшихся на защиту своей страны. Историческое значение этого боя огромно. Эфиопия оказалась единственным африканским государством, которое в конце XIX в. отстояло с оружием в руках свое право на независимое развитие. Африканцы показали, что они располагают силами, способными не только сопротивляться империалистической экспансии, но и побеждать. В Италии после боя при Адуа правительство Криспи вынуждено было уйти в от-

ставку, а новый кабинет начал мирные переговоры с Менеликом II. Важные изменения произошли и в политической обстановке в Северо-Восточной Африке. Великобритания и Франция, которые выжидали, кто будет победителем в итало-эфиопском конфликте, теперь наперебой предлагали Менелику II свое сотрудничество.

Эфиопия использовала благоприятную военную и политическую обстановку, чтобы вернуть ряд захваченных Италией областей, а также расширить свои пределы на востоке и на юге. В конце 1896 г. она заключила мир с Италией, которая удержала Эритрею, но отказалась от притязаний на протекторат над империей и вывела войска из Тигре.

В следующем году были заключены три соглашения с правительствами Парижа, Лондона и Рима о границах на Сомалийском п-ове. По этим соглашениям европейские державы признали за Эфиопией области Харар, Огаден и часть Хауда. У залива Таджура возникло небольшое владение Третьей республики — Французский Берег Сомали (бывшая колония Обок). Италия захватила обширные, слабо заселенные области к югу и востоку от Огадена. Кроме того, еще в 80-е годы римское правительство навязало протекторат арабским поселениям на Берегу Бенадир и сомалийским султанатам Оббия и Миджуртини, которые вошли в состав Итальянского Сомали.

Ряд важнейших в экономическом отношении территорий получила при разделе Сомалийского п-ова Великобритания. В ее руках оказались торговые города Зейла и Бербера, а также богатые пастбища в глубинных районах (часть Хауда и долины Ногаль). Именно в этих районах, лишь номинально поделенных в 90-е годы по международным соглашениям, стало развиваться в начале XX в. освободительное движение сомалийцев против колониальной экспансии. Военные действия, которые здесь вели англичане, были значительно меньше по своим масштабам, нежели в Восточном Судане и Эфиопии. Все же героическая борьба сомалийцев за независимость на несколько лет задержала установление английского господства в северных областях полуострова.

Во главе сомалийцев встал мусульманский проповедник мулла Мухаммед бин Абдулла. Еще в 1895 г. он показал себя стойким поборником свободы сомалийцев, развернув в Бербере деятельность, расцененную английскими властями как «подстрекательскую». Горячие проповеди муллы нашли особенно широкий отклик среди кочевых племен глубинных районов, которые не были захвачены англичанами. Мухаммед бин Абдулла стремился сплотить жителей Хауда и долины Ногаль, прекратить междоусобицы, облегчавшие пропуск европейцев. Когда в 1899 г. он провозгласил священную войну против неверных, к нему примкнули люди различного

племенного происхождения; воинам Мухаммеда бин Абдулла было запрещено носить отличительные знаки своих племен.

Серьезные столкновения в Хауде и Ногале начались в 1902 г. Англичане направили сюда отряды численностью 3500 человек, включая сомалийцев, набранных в подвластных Англии районах побережья. Мухаммед бин Абдулла проявил незаурядные военные способности, руководя партизанской борьбой против английских отрядов. Его армия насчитывала 12 тыс. человек, но имела вдесятеро меньше винтовок, которые были с трудом закуплены в Джибути, Миджуртини и Оббии. Мулла сумел использовать просчеты английского командования, когда оно завело одну из своих колонн в труднопроходимые заросли кустарника, где огневое превосходство европейцев было сведено к минимуму. Сомалийцы, давно выжидавшие удобного случая, бросились в атаку, уничтожив и ранив около 140 солдат противника. Деморализованная колонна поспешно отступила.

Положение заметно ухудшилось в 1903 г. С разрешения Италии англичане высадили десант в Оббии и зашли в тыл повстанцам. От Бербера на юго-восток протянулась линия военных постов, отрезавших повстанцев от побережья Аденского залива и Индийского океана. На западе находилась эфиопская армия, которая уже несколько раз вступала в столкновения с войсками муллы.

В этих условиях Мухаммед бин Абдулла и его сподвижники действовали с замечательной находчивостью и мужеством. Более месяца они изматывали противника, преследовавшего их по пятам. В апреле 1903 г. у холмов Гамбуру был дан бой одному из английских отрядов (250 штыков), который попытался углубиться в пустыню. Сомалийцами, писал английский историк Моиз-Бартлет, по-видимому, командовал сам Мухаммед бин Абдулла. «С фанатическим презрением к смерти, которое они постоянно выказывали в его присутствии, дервниши (так англичане называли всех последователей муллы. — *Ред.*) бросились отовсюду на каре. За кавалеристами — пехотные стрелки, за ними — толпы лучников. Они прорвали каре со всей силой стремительной атаки, не обращая внимания на убийственный огонь „максимов“ и винтовок». Английский отряд был разгромлен, лишь около 50 солдат спаслось бегством.

Победа при Гамбуру не могла решить исход военных действий. Войска Мухаммеда бин Абдулла оставались в пустыне. Им приходилось обеспечивать продовольствием и себя и мирных жителей, которые вместе с ними ушли из Ногала. Мухаммед бин Абдулла стоял перед выбором: либо пробиваться на восток, в итальянские владения, либо погибнуть от голода в песках Огадена. В июне 1903 г. армия муллы подошла к заградительной линии, перерезав английские телеграфные

коммуникации. Приближение тысяч людей, однако, не прошло незамеченным: о нем стало известно командиру одного из постов. Выслать из поста гонцов и оповестить английское командование о подходе сомалийцев значило навлечь на себя первый сокрушительный удар армии муллы. Английский офицер трусил и не подал сигнала тревоги. Это спасло воинов Мухаммеда бин Абдулла и следовавших с ним мирных жителей. Африканцы беспрепятственно ушли на восток, в Итальянское Сомали.

В 1904 г. против Мухаммеда бин Абдулла выступил уже 6-тысячный отряд регулярных войск. Вновь получив разрешение римского правительства вести операции на территории Итальянского Сомали, англичане со всех сторон обложили отряды повстанцев. В январе 1904 г. мулла вступил в неравный бой у сел. Джидбаллах (восточная окраина долины Ногаль). Выдержать в открытой местности столкновение с колонной, насчитывавшей свыше 1 тыс. человек и вооруженной артиллерией, сомалийцы были не в состоянии. Бой при Джидбаллахе закончился тяжелым поражением, потерей более 1500 лучших воинов, которые самоотверженно, но безрезультатно атаковали английскую колонну.

Мухаммед бин Абдулла должен был пойти на мир с европейцами, и в 1905 г., признав итальянский протекторат, он заключил соглашение с представителями римского правительства. Армия муллы и сопровождавшие ее мирные жители поселились на скудных пастбищах восточной части долины Ногаль, у границ султанатов Оббия и Миджуртини. Римское правительство, заключая соглашение 1905 г., рассчитывало вбить клин между выходцами из Британского Сомали и жителями султанатов, ранее пользовавшимися этими пастбищами. Политика «разделяй и властвуй» вскоре принесла свои плоды, и в Восточном Ногале начались кровавые столкновения. Борьба между кочевниками за пастбища привела к тому, что через три года после соглашения с римским правительством Мухаммед бин Абдулла и его люди оказались вынужденными забить почти весь свой скот, которому угрожала бескормица.

В дальнейшем Мухаммед бин Абдулла попытался покинуть итальянскую территорию и вернуться на запад. Его отряды неоднократно врывались в Западный Ногаль и Хауд, нападая на англичан и перешедшие на их сторону племена. Борьба уже после первой мировой войны закончилась поражением повстанцев и гибелью самого муллы.

Движение Мухаммеда бин Абдулла и его соратников оставило глубокий след в истории Сомали. «Для современных сомалийцев,— писал английский историк Хесс,— Мухаммед бин Абдулла стал символом национального единства, выходя-

щим за племенные рамки». Мулла был первым крупным деятелем своей страны, выступившим против империалистической экспансии. Преданность муллы и участников его движения делу освобождения родины, сплочению племен в борьбе с иностранной агрессией послужила важным толчком к росту национального самосознания угнетенного Англией и Италией народа.

Западный Судан

Обширные пространства Западной Африки, заключенные между 4 и 17° с. ш., долгое время оставались слабо изученными. Немногие европейские путешественники отважились в первой половине XIX в. проникнуть в бассейн верхнего и среднего Нигера, к оз. Чад и в другие области, удаленные на сотни километров от океана. Все же было известно, что некоторые из этих стран обладают густым населением и могут стать экспортерами многих товаров, в частности продуктов животноводства. Европейцы значительно лучше знали приморскую часть континента, где они создали ряд поселений — Сен-Луи, Фритаун, Аккра и др., вывозивших арахис, пальмовое масло, каучук. Именно эти поселения стали опорными пунктами колонизации, базами снабжения войск, направлявшихся в глубинные районы.

По своему этническому составу население Западного Судана состояло главным образом из негроидных народов. К северу от р. Сенегал, а также между петлей Нигера и оз. Чад жили европеиды — арабы и берберы. В большинстве стран Западного Судана издавна существовало классовое общество. В частности, у таких многочисленных народов, как хауса, фульбе, малинке, уже в течение нескольких столетий существовали государства, формировались феодальные отношения. Важную роль в сношениях с европейцами играли государства народов ашанти, фон, йоруба и др., живших вблизи побережья Атлантического океана.

В 70-е годы XIX в. Великобритания и Франция неоднократно направляли военные отряды, чтобы расширить свои владения в приморских областях. Великобритания прочно обосновалась на подступах к наиболее населенным районам Западного Судана, вблизи дельты Нигера (страны йоруба и ибо), откуда вывозилось главным образом пальмовое масло. Кроме того, англичане усилили свои позиции по р. Гамбии, в Сьерра-Леоне и на Золотом Береге. Франции удалось после ряда военных экспедиций овладеть бассейном среднего Сенегала, отдельными участками побережья в будущих колониях — Французской Гвинее, Береге Слоновой Кости, Дагомее. Круп-

ные европейские державы заметно потеснили Португалию, которая со времен средневековья имела форты в разных пунктах на берегу океана. За ней была оставлена только группа торговых поселений между реками Кашеу и Когон (будущая Португальская Гвинея).

Наиболее серьезное сопротивление европейцам в этот период оказало государство Ашанти, которое и в прошлом вело упорную борьбу с Великобританией на Золотом Береге. 12-тысячная армия правителя Ашанти — Кофи Карикари была вооружена огнестрельным оружием, закупленным главным образом у французских торговцев. В 1873 г. Кофи Карикари нанес поражение государству одного из прибрежных народов — фанти, на которых опирались англичане. Лондонское правительство не могло рассчитывать, что ему удастся подчинить Ашанти руками своих африканских «союзников». В конце 1873 г. в Аккру были направлены войска численностью 2600 человек, среди них один из лучших стрелковых полков Великобритании — шотландский «Черный дозор».

Кофи Карикари попытался вступить в переговоры с командующим экспедиционным корпусом генералом Уолсли. Последний потребовал в качестве предварительного условия выдать ему заложниками крупнейших феодалов Ашанти. По сути дела, требования Уолсли означали безоговорочную капитуляцию, что послужило причиной провала мирных переговоров.

Экспедиционный корпус в январе 1874 г. приблизился на 30 км к столице Ашанти — Кумаси. Здесь войска Кофи Карикари дали англичанам решительный бой, предварительно заняв выгодные позиции. Африканцы расположились по склонам горного кряжа, вблизи дороги, по которой двигался противник. Покрытый кустарником кряж нависал над дорогой в том месте, где она спускалась в заболоченную лошину. Укрывшись в кустарнике, африканцы встретили прицельным огнем экспедиционный корпус, когда тот подошел к их позициям. Дальнобойность устаревших ружей была невелика, и тем не менее «Черный дозор» понес чувствительный урон. Подоспевшая артиллерия стала бить прямой наводкой, уничтожая ближайшие ряды ашанти, и шотландцы двинулись вперед. Однако сопротивление не прекращалось. Снова и снова канониры выкатывали орудия, отбивая яростные контратаки, шаг за шагом прокладывая путь пехоте сквозь горы трупов.

Бой, начавшийся на рассвете, закончился в полдень, когда шотландцы выбрались на возвышенность. «Ашанти сражались великолепно, — писал участник экспедиции Клеридж. — Это видно из того, что даже с помощью артиллерии один из лучших полков британской армии не мог их сломить в течение

нескольких часов. Шотландцы почти все время принуждали их к перебежкам и мешали занять укрытые позиции. Тем не менее они не только боролись за каждый дюйм в центре, но и многократно атаковали фланги каре».

Англичане заняли Кумаси и вынудили Кофи Карикари подписать продиктованный ими мир. По требованию Уолсли Кофи Карикари обязался уплатить контрибуцию в 50 тыс. унций золота. Хотя экспедиционный корпус, потерявший свыше 200 человек убитыми и ранеными, вскоре покинул Кумаси и вернулся на побережье, влияние Ашанти было подорвано.

Нанеся поражение африканцам на Золотом Береге, англичане почувствовали себя хозяевами в этой части Верхней Гвинеи. Обладание ключевыми позициями на побережье океана позволяло Великобритании решительно противиться расширению в этой части Африки колониальных владений своего главного конкурента — Франции. Правительство Третьей республики, правда, могло рассчитывать, что ему удастся захватить глубинные области, расположенные к востоку и северу от французских торговых поселений на побережье. Лучшим путем туда была одна из крупнейших водных артерий Западного Судана — р. Сенегал. Вот почему с начала 80-х годов французы укрепляли свои форты в долине этой реки, одновременно прокладывая грунтовые дороги, которые связали район Каеса с верхним Нигером.

В бассейнах верхнего Сенегала и верхнего Нигера французы столкнулись с войсками крупного государства малинке, возглавлявшегося Самори. Первая попытка проникнуть во владения Самори, предпринятая в 1882 г., была безуспешной: французская колонна встретила ожесточенное сопротивление и повернула вспять. В мае 1885 г. Самори сконцентрировал на левом берегу Нигера до 15 тыс. софа (так назывались воины малинке). Он, по-видимому, искал решающего столкновения с французами, у которых было около 400 солдат. В июне софа несколько раз атаковали отряды противника, вынудив их отступить в форты, расположенные по течению р. Бакой.

Особенно упорный характер носил бой, происшедший в июне 1885 г. в окрестностях Ниагасола. Малинке в этом бою, который не дал перевеса ни одной из сторон, применили свою обычную тактику, атакуя французов пятью-шестью цепями. Дав залп, каждая цепь залегала и пропускала вперед другую. Подобная тактика, оправдавшая себя в войнах, которые Самори вел против других африканских государств, не принесла в данном случае ожидаемых результатов. При перебежках софа несли тяжелые потери от ружейно-артиллерийского огня, в то время как их собственные кремневые ружья, бившие на 200 м, причиняли противнику сравнительно небольшой урон. Впоследствии Самори вообще отказался от крупных наступле-

тельных операций, предпочитая вести бои на пересеченной местности, на водных рубежах, тревожить противника мелкими стычками, устраивать засады и т. п.

В 1886 г. французам удалось вытеснить армию малинке из бассейна верхнего Сенегала. С Самори был заключен мир, по которому границей французских владений с юго-востока стала р. Нигер. Малинке воспользовались передышкой в военных действиях, чтобы приступить к закупке крупных партий современного огнестрельного оружия у английских торговцев в Сьерра-Леоне.

В те годы, когда французы продвигались в бассейнах верхнего Сенегала и верхнего Нигера, на атлантическом побережье появились колонии еще одной крупной европейской державы — Германии. Немецкие фактории уже давно существовали в ряде пунктов Верхней и Нижней Гвинеи, но лишь в 1884 г. кайзеровское правительство решило окончательно нарушить монополию Великобритании и Франции, создав здесь собственные колониальные владения. Небольшие десанты были высажены в Багиде, Ломе, Бимбии и других поселениях побережья, вошедших затем в состав Того и Камеруна. Попытки Великобритании протестовать против захвата территорий, на которые она сама имела виды, были оставлены, по словам немецкого историка Дармштеттера, «без внимания».

По соглашениям, заключенным впоследствии с прочими европейскими державами, Германия получила «права» на внутренние области Того и Камеруна, которые она подчинила в основном в 90-е годы. Чтобы преодолеть в своих новых колониях сопротивление плохо вооруженных и разобщенных народов, немцам потребовалось лишь несколько сот солдат, набранных среди африканцев. О методах, которые применялись кайзеровскими властями, свидетельствует, в частности, пример экспедиции Цинтграфа в Камеруне в 1890—1891 гг. Задача этой экспедиции заключалась главным образом в том, чтобы внести раскол между народами, населявшими бассейны рек Красса и Мечума. Цинтграф с помощью подарков и обещаний расширить европейскую торговлю привлек на свою сторону правителя народа бали и побудил его вступить в вооруженную борьбу с соседями. Междоусобные войны, в которых участвовало около 15 тыс. воинов, ослабили как бали, так и их соседей, что позволило немцам укрепить свое владычество в Юго-Западном Камеруне.

В 90-е годы были предприняты наиболее значительные колониальные экспедиции Франции, направленные прежде всего против Дагомеи и государства Самори.

Первая война с фонами — народом, населявшим Дагомею, — была развязана в 1890 г., когда Франция попыталась расширить свои владения на Невольничьем Береге, сконцент-

рировав там свыше 1 ты.с. солдат. Война шла с переменным успехом и закончилась миром, по которому правительство Третьей республики обязалось выплатить денежную компенсацию за пользование одним из дагомейских портов. В 1892 г. французы, нарушив мир, вновь вторглись в Дагомею. На этот раз они направили против фонов корпус численностью 3500 человек.

Подчинить фонов оказалось нелегко. Их армия, насчитывавшая 13—15 тыс. воинов, была частично вооружена современным стрелковым оружием и имела несколько артиллерийских орудий. Дагомейские воины, среди которых было немало женщин (амазонок, как их называли европейцы), славились на Невольничьем Береге своим бесстрашием. Экспедиционный корпус, продвигаясь при поддержке канонерок вдоль р. Уэме и далее на Абомей, потерял более 500 человек убитыми и ранеными. По словам французского историка Пуарье, «амазонки многократно атаковали наши каре с замечательной смелостью и мужеством. Один из очевидцев сказал, что они напоминают стальную стену. Ни наши пушки, ни картечь, ни залпы лебелей и гра (французских винтовок. — *Ред.*) не могли их остановить».

Однако силы были слишком неравны, и в конце 1892 г. фоны начали переговоры о мире. Командующий экспедиционным корпусом в качестве предварительного условия потребовал сдать артиллерию и уплатить контрибуцию. Подчиняясь этим требованиям, фоны приступили к отправке оружия во французский лагерь. Командующий получил дагомейское оружие и тем не менее не прекратил военных действий. Последние отряды фонов отступили на север от Абомея и еще некоторое время продолжали борьбу, но в конце концов вынуждены были прекратить сопротивление.

Войны против государства Самори, возобновившиеся в 1891 г., длились с перерывами восемь лет. Малинке на этот раз были лучше подготовлены, чем в 80-е годы. Умелая организация партизанской войны, стратегия «выжженной земли» в тех районах, которые находились под угрозой вражеского вторжения, использование современного огнестрельного оружия, широкое привлечение в армию инструкторов из африканцев, служивших ранее в колониальных войсках, — все это значительно усилило малинке.

В 1891 г., когда начались военные действия в Уасулу, софа не давали решительного сражения колонне противника, насчитывавшей 800 человек. Армия малинке отступала, сжигая покинутые деревни, уводя с собой все население. В то же время небольшие французские подразделения, оторвавшиеся от колонны при преследовании софа, подвергались ожесточенным атакам. В 1892—1893 гг. в Уасулу разгорелись особенно тяже-

лые бои. Численность французских войск была доведена до 1300 человек, но сопротивление малинке не ослабевало. Вновь и вновь отряды софа совершали смелые налеты на французские войска, которые в постоянных стычках потеряли несколько сот солдат. Самори проявил себя талантливым военачальником, неутомимым организатором освободительной войны. «Его ресурсы истощаются, — писал один из французов, участник боев, — число его подданных уменьшилось, и, однако, в тот момент, когда мы считаем его разбитым, он возобновляет борьбу, используя такое оружие, такую организацию и такую тактику, что может отстаивать каждую пядь земли во всех частях своей империи. Он и его люди никогда не падают духом, никогда не опускают руки».

Продолжая тревожить противника в мелких стычках, армия Самори должна была отойти в северные районы Берега Слоновой Кости. Здесь в 1895 г. ей удалось отбить наступление крупного французского отряда, продвигавшегося из Гран-Бассама. Но силы Самори быстро таяли. В соответствии с соглашением между правительствами Парижа и Лондона была прекращена продажа английского оружия его армии. В своих мастерских малинке удавалось изготовить немного винтовок, скопированных с европейских образцов, но эти винтовки были низкого качества. В 1898 г. французские войска, которые к этому времени подчинили обширные территории в бассейнах среднего Нигера и Вольты, вынудили капитулировать последние отряды малинке. Самори был захвачен в плен и выслан в Габон, где вскоре умер.

В 90-е годы продвижение французских войск в глубь Западного Судана вызывало растущее беспокойство лондонского правительства. Англичане опасались присоединения к владениям Третьей республики ряда областей, на которые они сами претендовали (государства Моси, Нупэ, Илорин, Сокото, Кано, Борну и др.). Правда, между правительствами Парижа и Лондона существовала договоренность о размежевании по линии Сей — Баруа, приблизительно соответствующей современной северной границе Нигерии. Однако все еще не были разрешены территориальные споры в бассейне Бенуэ и Вольты, а также на среднем Нигере.

«Ройал Нигер компани», которая получила от правительства Великобритании хартию на управление обширными территориями по нижнему Нигеру, приступила в 1896 г. к завоеванию густонаселенных и довольно развитых государств, расположенных на север и северо-восток от Лагоса. Нупэ, Илорин, Сокото и Кано были подчинены фульбе, которые составляли здесь феодализирующуюся верхушку и угнетали покоренные ими народы (хауса и др.). Местная знать нередко затевала междоусобицы, подрывая власть правителя Сокото,

номинального суверена большинства государств фульбе. Борну было завоевано армией суданского араба Раббаха, участника боев против англо-египетских войск в Бахр-эль-Газале. В конце 90-х годов армия Раббаха, несмотря на ожесточенное сопротивление, была разбита французами, продвигавшимися к оз. Чад. Длительные войны на территории Борну ослабили эту страну и подготовили ее поражение в борьбе с англичанами.

Первоначально «Ройал Нигер компани» решила подчинить Нупэ и Илорин. Отсутствие опыта в военных действиях против европейских войск и острые внутренние противоречия привели к тому, что оба государства не смогли противостоять небольшому английскому отряду (600 штыков). В отдельных районах Нупэ крестьяне, испытывавшие тяжелый гнет фульбской знати, выступили на стороне европейцев. Армия Нупэ в течение семи часов атаковала английский отряд под непрерывным артиллерийско-пулеметным огнем, но потерпела полное поражение.

Продвижение англичан на север замедлилось, ввиду того что силы Великобритании были отвлечены войной с бурами в Южной Африке. Только в конце 1902 — начале 1903 г. лондонское правительство организовало крупную экспедицию, направив в общей сложности свыше 1700 солдат и офицеров в Борну, Сокото и Кано. Эти государства, вошедшие позднее в состав Северной Нигерии, не оказали друг другу поддержки в решающий период военных действий. «Верно, что сражения при Кано и Сокото были кровопролитными и тяжелыми, верно, что некоторые эмиры были захвачены врасплох, но также верно, что ни один из эмиров не пришел на помощь своим соседям», — писал нигерийский историк Уэйл Адемойега.

На последнем этапе борьбы, когда основные очаги сопротивления были подавлены, остатки армий Сокото и Борну объединились. В июле 1903 г. они отстояли небольшой город Бурми в бассейне р. Гонголы и разгромили подошедший сюда отряд противника. Вскоре англичане двинули к Бурми колонну в 500 солдат. Крепостные стены города не выдержали огня артиллерии, но африканцы продолжали сражаться в течение целого дня, отстаивая улицу за улицей, дом за домом. Почти все защитники Бурми погибли; англичане потеряли в боях за город около полутораста человек.

К тому времени, когда Великобритания закрепилась в Сокото и Борну, Западный Судан был окончательно поделен европейскими державами. Дипломатическими соглашениями были установлены границы Нигерии, Французского Судана, Золотого Берега и других колоний. Однако ряд территорий, окрашенных на политической карте Африки в цвета европей-

ских стран, все еще не удавалось подчинить полностью. Здесь продолжались разрозненные антиколониальные выступления.

Народы Западного Судана оказали мужественное сопротивление иноземному вторжению. Это сопротивление было особенно эффективным там, где африканцам удавалось сплотиться, например в районах, населенных малинке и ашанти. Освободительная борьба народов Западного Судана на рубеже XIX—XX вв. вписала славную страницу в историю «черного континента». Она и поныне вызывает гордость африканцев традициями своих отцов, укрепляет веру в будущее у народов, которым колонизаторы отказывали в праве на самостоятельное развитие.

Результаты колониального раздела Африки

В период завершения территориального раздела мира лишь два африканских государства сумели отстоять свою политическую самостоятельность: Эфиопия и республика Либерия, созданная в середине XIX в. неграми — переселенцами из США. Остальные страны Африки силою оружия были превращены во владения европейских держав. Назначение этих владений было определено принципом, сформулированным еще во времена буржуазных революций в Европе: колонии созданы метрополиями и для метрополий.

Наибольшие выгоды из колониальной экспансии извлекал складывавшийся финансовый капитал. В захваченных странах действовали такие европейские банки, как английский дом Ротшильдов (Южная Африка), французский «Контуар насьональ д'эсконт» (Западная Африка, Мадагаскар) и т. д. Магнаты финансового капитала контролировали многие предприятия, субсидировали администрацию при строительстве железных дорог, держали в своих руках пароходные компании. В Африку все шире проникали европейские торговые фирмы, ввозившие английские хлопчатобумажные ткани, немецкую водку, бельгийские металлические изделия. «Черный континент» стал производителем ряда товаров, которые направлялись в крупнейшие порты мира.

Под влиянием спроса в Европе и Америке на различные виды растительного и минерального сырья в начале XX в. стала складываться экономическая специализация ряда областей, втягивавшихся в систему мирового рынка. Эта специализация в общих чертах может быть охарактеризована следующим образом: в южной части континента выделялась горная промышленность, в бассейне Конго — добыча каучука, на западе и востоке возделывались экспортные сельскохозяйственные культуры. Основные направления экономического разви-

тия определили объем инвестиций в различных областях. В частности, наиболее важной сферой приложения капиталов стала Южная Африка, где добывались алмазы и золото. Именно на юге возник один из крупнейших в мире горно-финансовых синдикатов «Де Бирс» и золотодобывающий концерн «Консолидейтед голд филдс оф Саут Африка». В то же время производство экспортных сельскохозяйственных культур в Западной и Восточной Африке находилось в основном в руках мелких товаропроизводителей-африканцев и не требовало значительных инвестиций. Здесь было вложено сравнительно немного капиталов, которые помещались главным образом в строительство железных дорог и в торговые предприятия.

Эксплуатация колоний приносила крупные барыши европейским предпринимателям. Особенно наживались привилегированные компании, появившиеся во владениях Великобритании, Франции, Бельгии. В качестве примера можно взять «Ройал Нигер компани», которая подвизалась в наиболее населенной колонии — Нигерии. Со времени своего создания в 1886 г. до 1900 г. эта компания выплачивала акционерам по 6% годовых. В 1900 г. за отказ от привилегий она получила компенсацию, что позволило единовременно выплатить акционерам сумму, превышавшую в полтора раза вложенный капитал, и, кроме того, увеличить дивиденды до 10—20%. Немалые прибыли дали также привилегированные компании Французского и Бельгийского Конго. В первую очередь их доходы распределялись между учредителями — финансистами Парижа, Брюсселя и Антверпена. «При рассмотрении итогов деятельности большинства обществ, — писал Лефебюр, автор исследования о концессионном режиме во Французском Конго, — поражает удельный вес накладных расходов, произведенных в Париже, а также пособий и вознаграждений, предоставленных административным советам».

Империализм принес народам Африки жестокую эксплуатацию, каторжный труд на европейских рудниках и плантациях, расовую дискриминацию.

В тех районах, где имелись благоприятные условия для европейской переселенческой колонизации, приняла широкий размах экспроприация земель коренного населения. В наибольшей мере это касалось южной части континента, подвластной Великобритании. Здесь африканцев сгоняли в засушливые, малоплодородные области, где они жили впроголодь. В Трансваале и Оранжевом Свободном государстве африканцам воспрещалось владеть землей. В Капской колонии и Натале подобного запрещения не существовало, но, по сути дела, разница была невелика, так как во всех этих английских владениях европейцы уже давно захватили лучшие участки. Часть территории колоний — земли, лишенные лесов и хороших паст-

бищ, — была превращена в резерваты, где коренное население жило под наблюдением европейских администраторов. За пределами резерватов африканцы могли быть либо наемными рабочими, либо мелкими арендаторами, поставленными в полурабскую зависимость от европейских фермеров.

В начале XX в. в Южной Африке сложилась система расовой дискриминации, которая была формально узаконена лишь в бывших бурских республиках, но фактически существовала повсеместно. Дискриминация касалась различных сторон жизни коренного населения: трудовых отношений, образования, свободы передвижения по стране и т. д. Африканец не мог претендовать на квалифицированную или полуквалифицированную работу, не мог быть государственным чиновником, не мог выйти без особого пропуска из своего дома.

Дискриминация коренного населения — правда, в иных, не столь откровенных формах — существовала и в прочих странах Африки. Так, во владениях Третьей республики гражданскими правами по существу пользовались лишь уроженцы четырех городов Сенегала — старейшей французской колонии; остальные коренные жители рассматривались как неполноправные подданные метрополии. Будучи подданными, они несли на себе клеймо так называемого личного статута, суть которого состояла в ограничении их правоспособности и дееспособности рамками обычного права. Прикрываясь формулой личного статута, французские власти имели возможность, с одной стороны, делать вид, что в колониях существует какая-то законность, а с другой — попирали права и обычаи коренного населения, когда им заблагорассудится.

Варварский характер колониальной эксплуатации, пожалуй, в наибольшей мере проявился в принудительном труде, который применялся во всех без исключения странах Тропической и Южной Африки. За мизерную плату, а чаще всего бесплатно население должно было сооружать железные дороги и шоссе, переносить грузы, строить административные здания. Кроме того, африканцев насильно отправляли работать на частные предприятия европейцев: плантации какао на Сан-Томе, золотые прииски в Родезии и т. д.

Принудительный труд был одним из важных препятствий для экономического развития Африки. Насильственная мобилизация рабочей силы привела в ряде стран к сокращению посевных площадей и поголовья скота, а в конечном счете — к вымиранию населения (Бельгийское Конго, Мадагаскар, Германская Юго-Западная Африка). Вот почему со временем, когда неограниченное применение принудительного труда стало тормозить расширение колониальной эксплуатации, правящие круги метрополий выступили против «крайностей», наделив на себя личицу поборников человеческих прав коренного

населения. Принудительный труд, по их мнению, необходимо было сохранить, но его следовало применять главным образом как средство для расширения использования наемного труда, для насильственного вовлечения африканцев в капиталистические отношения.

В начале XX в. в колониях все большую роль начинало играть товарное производство, возникали новые предприятия. В Западной и Восточной Африке развитие плантационного хозяйства порождало широкую сеть скупщиков-посредников, среди которых было немало местных капиталистических элементов. Внедрение европейского капитала привело к появлению тысяч наемных рабочих, трудившихся в рудниках, на железных дорогах, стройках и т. д. Еще до англо-бурской войны произошли первые забастовки африканского пролетариата на золотых приисках Капской колонии, а накануне первой мировой войны начались выступления рабочих в западноафриканских владениях Великобритании и Франции. Развитие капиталистических отношений означало зарождение новых социальных сил, способных повести решительную борьбу против системы колониального порабощения, принесенной в Африку на острие штыка.

НАЧАЛО ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА И БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В СТРАНАХ АЗИИ

Переход к империалистическим методам колониальной эксплуатации

Бурное развитие промышленного капитализма сначала в Англии, а затем во Франции, Германии, США и других странах Запада создало предпосылки для вывоза из них капитала в производительной форме. Первенство в этом захватила Англия: британский капитал устремился в заморские страны в погоне за сверхприбылью.

К 1870 г. доля Англии в мировой торговле достигла 25%, а ее колоний — 9,5%. В 1770—1870 гг. английский экспорт возрос с 16 млн. ф. ст. до 244 млн., но еще больше возрос ввоз — с 11 млн. до 303 млн. ф. ст., т. е. внешнеторговый баланс Англии стал дефицитным. Чтобы покрыть этот дефицит, она должна была активизировать другие статьи своего платежного баланса: доходы от заграничных капиталовложений и фрахта и прежде всего поступления из колоний.

Потребности промышленного капитала в дешевом сырье и в доступных рынках сбыта вызвали строительство в колониях железных дорог, судоходных каналов, ирригационных систем и предприятий по обработке хлопка, джута и других видов сырья. Образовавшийся в Англии к середине XIX в. избыток капиталов в производительной форме позволил ее буржуазии приступить к созданию необходимых объектов. В 1853 г. Маркс писал: «Английские промышленные магнаты в своем стремлении покрыть Индию железными дорогами руководствуются исключительно желанием удешевить доставку хлопка

и другого сырья, необходимого для их фабрик» *. Еще ранее в Индии стали действовать мелкие механизированные предприятия по переработке хлопка, индиго, джута и других экспортных продуктов. В конце 50-х годов вошли в строй первые джутовые фабрики под Калькуттой. Английский капитал захватил прочные позиции в добыче угля, который потреблялся железными дорогами, судоходством и нарождающейся фабричной промышленностью Индии.

С конца 60-х годов английский капитал устанавливает контроль над добычей алмазов в Южной Африке, а еще через два десятилетия — над добычей золота. Компания «Де Беерс» во главе с Сесилем Родсом захватывает господствующие позиции в обеих отраслях и кладет начало образованию монополистических компаний в горной промышленности Африки.

Не обладая мощью своего британского соперника, французский капитал пытается при поддержке государства обосноваться на важнейших морских путях, проложив Суэцкий и Панамский каналы. Однако англичане перекупили акции Суэцкого канала, принадлежавшие египетскому хедиву, и стали теперь его совладельцами, а французская «Компания Панамского канала» была разорена махинациями финансистов и в 1888 г. прекратила платежи вкладчикам. Деятельность французских капиталистов в Алжире, Тунисе и Южном Вьетнаме была связана не столько с приложением капитала, сколько с расхищением земельной собственности, спекуляциями и подрядами. «Ростовщический капитализм» широко прибегал к государственным займам (основной вид вывоза французского капитала), к которым добавлялись навязанные силой контрибуции и обязательства.

Позже Франции вступают на путь колониальной экспансии капиталисты Германии, Японии и США. Хотя до отставки Бисмарка (1890 г.) основным объектом экспансии германского капитала оставалась Европа, уже в 80-е годы определилось стремление нарождавшихся германских монополий обосноваться в формально независимых странах Латинской Америки, в Османской империи, Китае и овладеть еще «не занятыми» территориями в Африке и Океании. В основном эта экспансия носила торговый характер, но уже появились и элементы вывоза капитала (например, учреждение в 1888 г. компании по строительству железных дорог в Анатолии и Месопотамии). Провозглашенное статс-секретарем по иностранным делам Бюловым требование «места под солнцем» отразило сложившиеся в 90-е годы глобальные притязания германских монополистических кругов.

* К. Маркс, *Будущие результаты британского владычества в Индии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 227.

Япония, еще не успев сама избавиться от неравноправных договоров, начинает агрессивные действия против Кореи и Китая. В 1876 г. она насильственно «открывает» Корею и устанавливает контроль над ее внешней торговлей, а в 1894—1895 гг., развязав войну против Китая, облагает его огромной контрибуцией и захватывает Тайвань. Для японской колониальной экспансии было характерно преобладание военно-феодалных приемов над методами экономического проникновения.

После гражданской войны 1861—1865 гг. американский капитализм переживал процессы бурной индустриализации и освоения земель на Западе. Но и в этой обстановке, когда американский капитализм был, казалось бы, отвлечен на разрешение своих внутренних проблем, он не оставлял экспансионистских устремлений в Латинской Америке, Восточной Азии и Океании. Вслед за «открытием» Японии США навязывают неравноправный торговый договор Корее (1882 г.), а в 1899 г., стремясь перекрыть уже сложившуюся карту империалистических сфер влияния в Китае, провозглашают доктрину «открытых дверей и равных возможностей» в этой стране для всех империалистических держав. В 90-е годы, с понижением темпов промышленного развития и появлением избыточных капиталов, американские монополии начинают изыскивать места для еще более прибыльных капиталовложений.

Таким образом, в последней трети XIX в. переход к новым методам колониальной эксплуатации наметился у большинства капиталистически развитых держав, но наиболее завершенный вид принял в экспансии английского капитала. В частности, Англия рано перешла к вывозу капитала, т. е. к методу колониальной эксплуатации эпохи империализма. Исторически это вполне закономерно, ибо «две крупные отличительные черты империализма имели место в Англии с половины XIX века: громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке»*. Английские капиталы направлялись главным образом в Индию, а также в Южную Африку, Латинскую Америку, Малайю, Китай (в основном в захваченные территории и селтльменты). По мере наращивания капиталовложений они использовались уже не как вспомогательное средство по созданию транспортных и иных условий торговой экспансии, а как самостоятельный элемент колониальной эксплуатации.

Переходя к новым методам эксплуатации, капитализм там, где это было выгодно, сохранял и старые приемы ограбления. Порой между колонизаторами, особо приверженными к тому

* В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, — Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 404—405.

или другому методу, возникали противоречия и столкновения (критика фритредерами британской колониальной политики, выступления лидера либералов Гладстона против консервативного лидера Дизраэли и его авантюры в Южной Африке, Афганистане, на Ближнем Востоке и Балканах). Однако «умеренные» колониалисты никогда не отказывались от захватов и приобретений своих «крайних» соперников.

Поверхностность противоречий внутри колониалистских кругов объясняется, между прочим, тем, что каждый новый этап европейского капитализма, выдвигая специфически «свой» метод колониальной эксплуатации, не только сохранял, но и нередко максимально развивал приемы предшествующего этапа. Например, вывоз сырья и ввоз фабричных товаров, порожденные промышленным капитализмом, получили наивысший размах в период перехода к империализму и в собственно империалистическую эпоху. Империализм сочетал в себе все методы колониальной эксплуатации — монополию на внешнюю торговлю, контрибуции и военные грабежи, налоги, ввоз промышленных товаров, вывоз сырья, экспорт капитала. Экономические и насильственные формы грабежа тесно сочетались и дополняли друг друга. Уже упоминалось о значении железнодорожного строительства для вывоза сырья. Вместе с тем налоговые поступления, как и раньше, в значительной мере покрывали вывоз материальных ценностей* с той только разницей, что последние состояли раньше преимущественно из потребительских товаров, а с середины XIX в. в них начало преобладать сырье.

Да и сооружение железных дорог преследовало не только цели экономического проникновения. Не меньшее значение придавалось быстрой переброске войск в районы, охваченные огнем освободительной борьбы, или к границам стран, которые стали объектами новых колониальных захватов или межимпериалистических противоречий. Переплетение экономических и военно-политических устремлений при сооружении железных дорог сказалось и на характере и результатах их финансовой деятельности. Если дороги были убыточны, то вкладчики получали высокий гарантированный процент от казны. В том же случае, когда железная дорога получала сверхприбыли коммерческим путем, они распределялись среди вкладчиков без возврата в казну гарантийных отчислений. Так, независимо от итогов деятельности железнодорожные магна-

* На это указывал известный индийский экономист умеренного направления Р. Датт: «Ежегодная выкачка богатств в Англию производится непосредственно за счет налогов Индии. Для того чтобы уплатить налоги или ренту, крестьяне должны продавать большую часть урожая своих полей, оставляя для собственного потребления совершенно недостаточный запас».

ты обогащались, выжимая прибыли через коммерческие и налоговые каналы.

Эта система дорого обходилась поработенным народам: за вторую половину XIX в. убытки от железных дорог, включенные в долг Индии метрополией, превысили 580 млн. рупий.

Удерживая до начала XX в. монополию на вывоз капитала, Англия форсирует освоение рынков Азии и Африки. В последней трети XIX в. завершается превращение Индии в рынок сбыта английских товаров преимущественно потребительского назначения. Если в середине XIX в. импорт покрывал 2—3% потребления тканей в стране, то к началу XX в. его доля перевалила за 60%. Несколько по-иному шло проникновение импортного текстиля в Китай. После «опиумных» войн начался ввоз фабричной пряжи, в первое время — английской, затем — индийской и японской. От импортной пряжи пострадало домашнее прядение. Однако китайское ткачество, используя фабричную пряжу и усовершенствованные ножные станки, смогло длительное время противостоять конкуренции иностранных фабрик. Достигалось это, как и в других странах Востока, в первую очередь за счет ремесленника или мануфактурного рабочего, оплата труда которых еще более снижалась.

Из отдельных приемов колониальной эксплуатации складывались соответствующие статьи колониальной дани. Например, по подсчетам английского экономиста У. Дигби, в начале 80-х годов долг индийского казначейства Англии достиг 150 млн. ф. ст., такую же сумму составили частные английские инвестиции в производство (джутовые фабрики, плантации и т. п.). Прибавив к этому английские капиталовложения в железные дороги и капитализировав доходы чиновников-англичан, Дигби получил общую сумму английских «интересов» в Индии — 500 млн. ф. ст., или 5 млрд. рупий. Даже если исходить из 8—10-процентной нормы прибыли, то английская буржуазия отбирала у Индии 400—500 млн. рупий ежегодно. В эти подсчеты не вошли такие видимые и невидимые статьи колониальной дани, как выгоды от неэквивалентного обмена, доходы от морских перевозок, реинвестируемые в стране прибыли, банковские прибыли, общие расходы на содержание военно-административного аппарата и на захватнические войны, которые оплачивались из индийской казны. Вместе с этими неперменными элементами колониальной дани ее объем несомненно превышал 1 млрд. рупий в год. На эту сумму Индия могла бы построить свыше тысячи хлопчатобумажных фабрик и полностью удовлетворить свои потребности в текстиле.

Индия, крупнейшая и старейшая колония самой мощной колониальной державы мира, была объектом грабежа в самых

разнообразных формах. У других колоний и зависимых стран их дань колонизаторам складывалась из меньшего числа статей, но и она ложилась тяжелым бременем на национальный доход, подрывая возможности экономического прогресса.

Структура колониальной дани, как и методы ее извлечения, также порождала столкновения внутри господствующего класса метрополий. Конечно, если рассматривать итоги экономических отношений этого класса с трудовыми массами колоний за более или менее длительный период, то они всегда выражаются как отношения эксплуатации, как изъятие капиталом метрополии прибавочного и необходимого продукта, созданного народом колоний. Однако это общее отношение эксплуататора к эксплуатируемому складывалось из конкретных, частных интересов отдельных правящих слоев и группировок метрополии. Так, обычно расходы по завоевательным войнам относились на счет бюджета метрополии (если их не оплачивала казна «старой» колонии, например Индии). В этом случае состоятельные слои метрополии в целом несли известные издержки как налогоплательщики, тогда как сливки снимала относительно узкая группа военных поставщиков, офицерства и чиновников.

Подобное же положение возникало, когда войны велись не столько из-за приобретения богатых территорий, сколько ради захвата районов и пунктов, важных с точки зрения глобальной или региональной стратегии колонизаторов (войны Англии против Афганистана, захваты пустынных районов Африки в период ее раздела и т. п.). Эти дорогостоящие предприятия порождали среди широких буржуазных кругов мнение, что «колонии — это жернова на шее государства».

Но и после «умиротворения» колоний наибольшие выгоды от их эксплуатации получали фирмы, которые специализировались на торговой или промышленной деятельности. Немалая часть сверхприбыли оседала в их сейфах, что ставило их в привилегированное положение. Поскольку с переходом к империализму именно капитал, связанный с колониальной политикой, стремился превратиться в монополистический, враждебность широких кругов средней и мелкой буржуазии монополиям могла приобретать антиколониалистскую окраску. Желая утопить эти настроения в мутных волнах социальной и шовинистической демагогии, такие лидеры империализма, как президенты США Т. Рузвельт и У. Тафт, широко сочетали фиктивное «антитрестовское» законодательство с весьма эффективной колониальной политикой. В той или иной мере подобная демагогия и политика были присущи Дизраэли в Англии, Вильгельму II в Германии, Джолитти в Италии.

Как уже отмечалось, переход к вывозу капитала, прежде всего в виде железнодорожного строительства, означал также

и новый этап в обмене товарами между колониями и метрополиями. Если раньше со стороны колоний в нем были представлены лишь отдельные отрасли и районы, то железные дороги и внутренние пароходные линии втягивают в обмен все возрастающую массу крестьянских хозяйств, разрушая их натуральную замкнутость. При сохранении архаичной агротехники и отсутствии капиталистического кредита включение крестьянского хозяйства в систему мирового рынка влекло за собой усиление торгово-ростовщического капитала, который выступал посредником между иностранным капиталом и местными докапиталистическими укладами хозяйства, паразитируя в сфере последних. Продукт, изымаемый в виде ростовщического процента, дополнил или частично заменил тот продукт, который отбирал у крестьянина помещик в виде ренты или чиновник в виде налога. Ростовщическая кабала усугубляла эксплуатацию крестьянства, не меняя ее внеэкономической насильственной природы. Таким образом, усилившийся к концу XIX в. переход крестьянского хозяйства к производству экспортной продукции не делал крестьянина свободным товаропроизводителем, ибо созданный им прибавочный продукт изымался властями, землевладельцем, а также скупщиком и ростовщиком. Превращение закабаленного мелкого товаропроизводителя в капиталистического фермера было практически почти исключено.

Однако за этой общей закономерностью скрывались весьма серьезные различия в положении крестьян разных стран и районов. В Китае отдельные состоятельные крестьяне расширили свою деятельность в сфере ростовщичества, скупки сельскохозяйственной продукции и продукции домашних промыслов. В Индии эти виды деятельности были захвачены торгово-ростовщическими кастами. Некоторые внутренние районы Азии и Африки вообще не вышли из состояния натуральной замкнутости, и в их крестьянском хозяйстве господствовали патриархальные отношения. Таким образом, создание мелкотоварного уклада в сельском хозяйстве стран Азии и Африки тормозилось как в смысле формирования свободного товаропроизводителя, так и в смысле всеобщего распространения этого процесса.

Неблагоприятно складывалась обстановка и для развития капитализма в ремесленном производстве. Колониальная экспансия нанесла к середине XIX в. сильный удар по городскому ремеслу и некоторым сельским промыслам (например, по прядению) и еще более ограничила процессы генезиса капитализма в мелкотоварном производстве.

К концу XIX в. присущий ряду стран Азии огромный разрыв между возможностями и масштабами накопления капитала в сфере обращения и в сфере производства еще более

углубился. Например, в Бомбее до 50-х годов XIX в., за исключением нескольких предприятий, принадлежавших Ост-Индской компании, существовали лишь мелкие мастерские. В то же время бомбейские купцы сколачивали миллионные состояния на сбыте английских товаров в Индии и других восточных странах, на ввозе в Китай опиума, на экспорте хлопка и судостроительстве. Только с 1854 г., когда купец-парс Нанабхай Давер пустил первую прядильную фабрику, началась история крупного промышленного предпринимательства в Бомбее и во всей Индии.

Полуколониальный вариант создания фабрично-заводской промышленности дает Китай, где феодальное государство весьма активно — хотя не всегда с толком — вмешивалось в предпринимательство. В 60—70-е годы среди механизированных предприятий преобладали арсеналы. Всего в 1861—1872 гг. в Китае было основано 11 военных заводов, которые принадлежали казне и находились под контролем местных военных клик. Сооружение этих заводов поглотило огромные средства, изготавливавшиеся на них оружие и боеприпасы использовались не столько для военных действий против внешней агрессии, сколько для разгрома народных восстаний. Побочным результатом военного производства было расширение горной и металлургической промышленности, поставлявшей для него уголь и черные металлы. С 80-х годов в Китае началось развитие легкой, главным образом хлопчатобумажной, промышленности, на которую падало около половины капиталовложений. Однако и в легкой промышленности свыше трети всех капиталов принадлежало казне. Главари военных клик и чиновники навязывали свое дорогостоящее «покровительство» фабрикантам, регламентировали новое строительство и захватывали монополию на ввоз оборудования. Хотя на военных заводах производилось также небольшое число станков, феодальный Китай, как и колониальная Индия, не мог отказаться от ввоза оборудования.

Начало крупного промышленного предпринимательства с производства предметов потребления (или их компонента в виде пряжи) скорее правило, чем исключение. Но в европейских странах, которые первыми приступили к строительству механизированной промышленности, оборудование и машины изготавливались на месте — сначала вручную, потом, по мере того как мелкие мастерские трансформировались в крупные механизированные предприятия, машины начинали производиться машинами, и тем самым промышленный переворот завершался. В странах же Востока разрыв между употреблением машин и их производством остался непреодоленным. Более того, он расширялся в ходе строительства новых предприятий промышленности, транспорта, связи, отраслей обслуживания. При-

чин этого было по крайней мере две: во-первых, использование машинной техники началось там с опозданием, когда она уже прошла почти вековой путь совершенствования; во-вторых, центры металлообработки Азии и Северной Африки, уже в XVIII в. отстававшие от мирового уровня, были затем сведены на нет иностранной конкуренцией. Однако пример Японии, которая сумела постепенно наверстать упущенное, показывает, что и для Индии индустриализация была бы возможна, но при одном непременно, недоступном для колониальной страны условии — активном содействии государства.

Естественно возникает вопрос: а существовала ли вообще необходимость в создании производства средств производства для индийской фабрики, коль скоро она могла оснащаться лучшим британским оборудованием? Ответ на это дан в заявлении в палате общин; сделанном сэром Чарлзом Вудом, государственным секретарем по Индии: в 60-х годах XIX в. машины обходились Индии в три, а уголь в шесть раз дороже, чем Ланкаширу. В январе 1875 г. крупный индийский капиталист Морарджи Гокулдас, выступая перед Ассоциацией бомбейских фабрикантов, сравнил условия и результаты работы двух равных по мощности фабрик в Ланкашире и Бомбее. Первая из них стоила 500 тыс., а вторая (из-за переплаты за оборудование) — 1,5 млн. рупий. Ссылаясь на более высокий процент на капитал в Индии, повышенные расходы на уголь, материалы, амортизацию, ремонт и т. п., Гокулдас утверждал, что общие дополнительные издержки на бомбейской фабрике составляли 200 тыс. рупий в год, или 20 тыс. ф. ст. Может быть, подсчеты Гокулдаса, которые он приводил как обоснование для сверхэксплуатации и пониженной оплаты труда индийских рабочих, не совсем точны. Но несомненно одно: с самого появления на свет колониальная фабрика должна была платить дань Англии.

Таким образом, свободная конкуренция оказала на процессы воспроизводства в крупной промышленности Индии весьма противоречивое воздействие. Часть купцов-посредников смогла сделать накопления, достаточные для строительства крупных предприятий по производству средств потребления, главным образом тканей. Но та же свободная конкуренция при содействии британской администрации увековечила техническое превосходство машиностроения Великобритании, превратив его в монополию по оснащению оборудованием крупной промышленности Индии. Поэтому местный капитал, функционировавший в этой сфере, можно было называть промышленным лишь с оговоркой: он не имел завершенного цикла воспроизводства в национальных масштабах.

Общее преобладание торгового, ростовщического и банковского капитала над промышленным находило выражение в

направлении деловой активности отдельных индийских предпринимателей и их локальных, национальных и коммуналистских группировок. Даже среди бомбейских и ахмадабадских предпринимателей, ранее и прочее других связавшихся с крупной промышленностью, было трудно обнаружить — вплоть до второй мировой войны — промышленника по преимуществу и тем более такового в чистом виде.

Незавершенность трансформации непроизводительных видов капитала в промышленный, незначительность его величины по сравнению с масштабами экономики Индии вносили существенные коррективы в методы формирования промышленного капитала и его функции. Речь идет прежде всего о крайней недостаточности ссудного капитала в Индии, что в свою очередь объясняется относительной и абсолютной неразвитостью промышленного капитала, в процессе кругооборота которого, как известно, высвобождается денежный капитал в виде амортизационных отчислений, составляющих первоисточник ссудного капитала. Образованию в Индии амортизационных фондов, а значит, и ссудного капитала препятствовали также необычайно длительные сроки для обновления оборудования.

Нехватка ссудных капиталов ограничивала деятельность местных банков краткосрочным коммерческим кредитом, а предприниматели, основывая предприятие или расширяя его, изыскивали долгосрочный и низкопроцентный кредит из иных источников. Доступом к таким источникам обладали все те же члены торгово-ростовщических каст, которые и в промышленном предпринимательстве прибегали к практике вугрикастого кредитования. Это давало им большие преимущества и обеспечивало исключительное положение в сфере промышленной активности.

Нельзя сказать, что в колониальный период индийские предприниматели не прилагали никаких усилий для организации производства некоторых средств производства и создания кредитной системы, соответствующей потребностям крупной промышленности. Наиболее примечательна в этом отношении инициатива Дж. Тата и его сыновей, которые еще до первой мировой войны основали компании для сооружения металлургического завода и электростанций, а после войны учредили банк для кредитования промышленности. Несмотря на частичный успех этих начинаний, первые сорок лет усилий концерна Тата — самой мощной и опытной группировки промышленников Индии — убедительно показали бесперспективность попыток крупного промышленного предпринимательства Индии добиться какой-либо самостоятельности в сфере воспроизводства без активной поддержки государства. Более того, металлургический завод Тата оказался в технической за-

висимости от американских и германских фирм, а производство зависело от заказов британской администрации.

Таким образом, в Индии, Китае, Египте к концу XIX в. стало создаваться многоукладное общество — в результате образования иностранного и местного крупнокапиталистических укладов, а также медленного формирования мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов в крестьянском и ремесленном производстве. Эти уклады имели более или менее обособленные друг от друга комплексы воспроизводства. В фабрично-заводской промышленности и на современном транспорте расширенное и частично простое воспроизводство осуществлялось лишь при условии импорта оборудования и материалов. У мелкокапиталистической и мелкотоварной промышленности воспроизводство основывалось на собственном производстве средств производства и по преимуществу привозных материалах и сырье. В сельском хозяйстве процесс воспроизводства был еще более замкнут, поскольку крестьяне по-прежнему обходились традиционным инвентарем местного изготовления.

Разобщенность процессов воспроизводства, отсутствие у них единой технико-производственной базы, различия в условиях и масштабах накопления по секторам и отраслям народного хозяйства привели к тому, что в Азии и Африке капитализм, породив обычную для его раннего этапа многоукладность, не обнаруживал способности трансформировать по-капиталистически всю социально-экономическую структуру колониальной страны. Другими словами, переход к империалистическим методам эксплуатации колониальных и зависимых стран, дав толчок развитию в них капитализма, вместе с тем с самого начала поставил это развитие в определенные рамки.

Быстрое развитие капитализма требовало в качестве своей политической предпосылки устранения засилья всякого рода докапиталистических элементов в социально-экономической, а в зависимых странах и в государственной жизни. Между тем уже сама система колониального или полуколониального господства зиждилась на союзе империалистов с наиболее реакционными слоями местного общества — феодалами и ростовщиками, чиновничеством и родо-племенной знатью. Не только в колониях, но и в формально независимых странах (Китай, Египет, Корея) империалисты топили в крови движения, направленные против средневековых порядков.

Во второй половине XIX в. в странах Европы, опоздавших с промышленным переворотом, а также в Японии государство осуществляло политику активного поощрения национального предпринимательства. В сложившихся условиях это было единственным средством форсировать индустриализацию и намер-

стать упущенное. Еще больше нуждались в активной поддержке государства хозяйства стран Азии и Африки.

Однако мировой империализм тормозил внеэкономическими методами хозяйственное развитие как колоний, так и формально независимых стран. Установление контроля над национальными валютами и их курсом, навязывание долгов и контрибуций, экстерриториальные права для иностранцев и их собственности, захват налогового и таможенного аппарата, разрушение и разграбление национального достояния во время войн — таковы были военно-административные методы подрыва хозяйства стран Востока в период империализма.

Империализм утвердил свою монополию на поставки оборудования и предоставление долгосрочных кредитов в необходимой валюте для сооружения предприятий фабрично-заводского типа. Тем самым расширенное воспроизводство в современной промышленности Азии и Африки с самого начала оказалось в зависимости от иностранного капитала. Но и простое воспроизводство в фабрично-заводском секторе не избежало этой зависимости. При восстановлении и ремонте оборудования нужны были импортные детали. Поставки многих материалов (химикатов, масел, даже угля и хлопка) производились иностранными компаниями.

Наконец, опять-таки без активной помощи государства в странах Азии и Африки нельзя было подготовить инженерно-технический персонал. Пример Японии, которая в XIX в. прибегала к подготовке военных и гражданских специалистов за границей за счет казны и отдельных князей, свидетельствует о больших возможностях самостоятельного государства в этом отношении. Но в остальных странах Азии и Африки, включая наиболее культурные, высшее образование сводилось к выпуску юристов; врачей было ничтожно мало, а инженеров — считанные единицы. Техническое руководство осуществлялось европейскими специалистами обычно не первого разряда.

Вот почему восхищает способность местных рабочих, еще вчера знавших лишь средневековую технику, быстро овладевать машинным производством. Еще в 1853 г. Маркс писал: «Жители Индии, по признанию самих английских властей, обладают особой способностью применяться к совершенно новым видам труда и усваивать знания, необходимые для того, чтобы управлять машиной» *. Через четыре десятилетия такой авторитет, как Дж. Плетт, владелец крупнейшей фирмы по производству текстильного оборудования, посетив ряд стран, заявил: «Прядильщики Индии обладают более искусными пальцами, чем любые другие прядильщики в мире за единст-

* К. Маркс, *Будущие результаты британского владычества в Индии*, стр. 228.

венным исключением прядильщиков Ланкашира». В Китае на механизированном Цзяннаньском арсенале в 1879 г., по свидетельству очевидца-европейца, «весь процесс производства орудий осуществлялся китайскими рабочими, которые искусством не уступали рабочим любого европейского завода».

Важной для иностранного капитала была монополия на железные дороги и паровое судоходство. Она позволяла ему не только осуществлять экономическую экспансию в избранном направлении, но и, используя систему тарифов и фрахтов, воздействовать на внутренние и внешние грузопотоки.

Монополия на морское судоходство, подкрепленная системой мировых торговых и валютных связей, позволила иностранному капиталу установить контроль над внешней, особенно морской, торговлей зависимых стран. Это усиливало экономическую зависимость от иностранного капитала не только нарождавшегося крупнокапиталистического производства, но и мелкотоварного крестьянского уклада (сбыт продукции) и мелкой промышленности (поставки материалов).

То обстоятельство, что процесс первоначального накопления капитала начался для стран Азии и Африки в основном после их насильственного включения в мировое капиталистическое хозяйство, привело к глубокому изменению хода этого процесса в его основе — в отделении производителя от средств производства и воссоединении с ними на капиталистической основе. С одной стороны, процесс первоначального накопления капитала начался на Востоке под эгидой иностранных капиталистических колонизаторов, исключительно в их интересах, в ущерб населению и производительным силам колоний; местное общество еще не достигло стадии позднего феодализма по уровню общественного разделения труда и образованию национального рынка, формированию капиталистического уклада и элементов буржуазии и предпролетариата. С другой стороны, на этот процесс через систему мировых хозяйственных связей уже стал оказывать воздействие всеобщий закон капиталистического накопления эпохи промышленного капитала.

В тех случаях, когда работник полностью выталкивался из традиционного производства, он чаще пополнял ряды пауперов, чем пролетариев. Образовавшиеся в конце XIX в. отдельные очаги фабричной промышленности (Бомбей, Калькутта, Шанхай, позже Гонконг, Александрия, Сингапур), горные разработки и плантации поглощали лишь небольшую часть пауперизованного населения. Неполная занятость стала уделом как сельского, так и полупролетарского городского населения (кули). Огромное давление «излишней» армии труда на рынок рабочей силы не только определяло уровень ее стоимости, но и принуждало работника наниматься по цене, уступавшей да-

же этой крайне низкой колониальной стоимости его рабочей силы.

В ряде стран Востока собственно капиталистическое развитие началось не с мануфактуры, а с фабрики с ее несравненно более высокой капиталоемкостью на единицу занятости. Поэтому в новых промышленных центрах Востока с данной массой капитала воссоединилось в конце XIX в. меньше рабочих, чем в Европе на мануфактурной стадии капиталистического развития. Поглощению рабочей силы капиталом препятствовали ограниченность рынка на предметы потребления, вырабатываемые местной фабрикой, отсутствие национального производства современного оборудования для промышленности и сельского хозяйства, примитивность отраслевой структуры крупной промышленности.

Все же к концу XIX в. в Индии, Китае, Египте и (в меньшей степени) в других странах формируется рабочий класс и местная буржуазия. Несмотря на относительную малочисленность, эти новые общественные классы, выдвинутые историей на первую линию соприкосновения с иностранным капиталом, с самого своего появления определились как ведущие силы освободительной борьбы. Перед национальной буржуазией были два способа увеличения прибылей: уменьшение той доли прибыли, которая изымалась у нее иностранным капиталом через завышенные цены на оборудование, материалы, технические услуги, тарифы и фрахты (не говоря уж о налогах в колониях), или же сокращение затрат на покупку рабочей силы посредством сохранения низкого жизненного уровня пролетариата при одновременном увеличении производительности его труда и нормы эксплуатации. Поэтому всякое наступление империалистов на прибыли национальной буржуазии почти непосредственно усиливало ее давление на рабочий класс, и наоборот, растущее сопротивление рабочего класса вынуждало национальную буржуазию отстаивать свои предпринимательские интересы от натиска иностранного капитала и колониальных властей. Следовательно, даже чисто экономическая борьба колониального пролетариата на национальных (тем более, конечно, на иностранных) предприятиях объективно имела антиимпериалистическую направленность, ибо ставила известные преграды натиску империализма на национальную промышленность и обостряла противоречия между ним и местной буржуазией.

Не меньшее значение для социально-политического развития имел сопутствующий империалистической эксплуатации процесс образования мелкотоварного уклада. Как известно, мелкотоварный уклад в крестьянском и ремесленном хозяйстве имеет свойство порождать капиталистические тенденции. Система империалистической и докапиталистической эксплуа-

гации сковывала и изменяла действие этой объективной закономерности, но не могла устранить ее.

Двойственное экономическое положение мелкой буржуазии сказалось, как мы увидим ниже, на национально-освободительном движении, где буржуазно-демократическая тенденция порой затемнялась феодально-патриархальными, в частности религиозными, представлениями. Но, хотя на тактике и идеологии национальной буржуазии сильнее сказалось влияние европейского либерализма с его светским, рационалистическим мировоззрением, внешняя прогрессивность мировоззрения национальной буржуазии и архаичность отдельных взглядов и тактических приемов крестьянских и массовых городских движений не должны заслонять собой ограниченность и умеренность буржуазии и, наоборот, во многих случаях — глубокую патриотичность, революционность массовых народных движений.

Буржуазные революции и национально-освободительные движения в странах Азии в 1905—1913 гг.

В первом десятилетии XX в. произошло резкое обострение всех противоречий империализма. Кончился сравнительно «мирный» период мировой истории (1871—1902 гг.) — от франко-прусской войны и Парижской коммуны до русско-японской войны и первой русской революции. Буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. в России открыла новую полосу революций и национально-освободительных движений: за ней последовали буржуазные революции в Азии (Иран, 1905—1911 гг.; Османская империя, 1908—1909 гг.; Китай, 1911—1913 гг.), в Латинской Америке (Мексика, 1910—1917 гг.); подъем антиимпериалистической борьбы в крупнейших колониях Азии (Индия, 1905—1908 гг.; Индонезия, 1908—1913 гг.); освободительные движения в колониях феодальных стран (Монголия, 1911—1912 гг.; борьба угнетенных турками народностей Османской империи).

Нарастание революционной борьбы шло параллельно с ростом межимпериалистических противоречий. Раздел мира в предшествующий период был в основном завершен, и каждый новый колониальный захват (например, захват Марокко Францией в 1911 г.) ставил державы на грань войны. Сложились два империалистических блока — Германия с ее союзниками и Антанта, готовые схватиться друг с другом за мировое господство.

Империалистические державы активно подавляли освободительное движение народов колониальных и зависимых стран. Но, занятые в эти годы подготовкой к мировой войне, они не

спешили с открытой интервенцией там, где борьба народов этих стран не направлялась непосредственно против империализма, и в то же время использовали внутреннюю борьбу в странах Востока для дальнейшего их закабаления.

Накануне революции Иран был отсталой аграрной страной с господством феодальных пережитков в экономике и государственном управлении. Мировое развитие капитализма захватило и Иран, но в меньшей степени, чем Индию и Китай. По уровню экономического развития Иран отставал даже от Турции.

В последней трети XIX — начале XX в. борьба за Иран развертывается в основном между Англией и Россией. В эти же годы неудачные попытки получить железнодорожные и другие концессии в Иране предприняли империалисты США. С начала XX в. активизировалось проникновение германских империалистов в Иран, использовавших внешнюю торговлю, предлагавших займы, засылавших своих агентов главным образом в ирано-турецкий спорный пограничный район.

Первой страной, приступившей к вывозу капитала в Иран, была Англия, получившая с 1862 г. ряд телеграфных, дорожных и других концессий и основавшая в 1889 г. Шахиншахский банк, имевший монопольное право выпуска банкнот и беспошлинного ввоза серебра.

Царская Россия добилась телеграфных и дорожных концессий на севере страны, а в 1890 г. получила концессию на основание Учетно-ссудного банка. В 1888 г. появилась концессия Лианозова на рыбные промыслы Каспия. Другие российские предприниматели добились концессий на разработку леса, на разведку и добычу руд и нефти на севере Ирана, но не сумели их реализовать.

Иран имел пассивный внешнеторговый баланс и большой дефицит бюджета. На кабальных условиях были получены первые внешние займы: от Англии — в 1892 г., от России — в 1900 и 1902 гг. Под контроль империалистов попали доходы от таможен и торговля Ирана. Однако вклады иностранных капиталов в промышленность Ирана в отличие от других стран были незначительными.

Англия и Россия поддерживали сепаратистские тенденции феодальных ханов полукочевых племен. Единственная боеспособная иранская воинская часть — казачья бригада, охранявшая шаха, была создана в 1879 г. военными советниками России и находилась под их командованием. Английские консулы хозяйничали на юге, царские — на севере Ирана.

Двойственность и протизоречивость политики империалистов состояла в том, что, поддерживая сепаратизм и феодаль-

ную раздробленность страны, они в то же время были экономически заинтересованы во втягивании всего Ирана в орбиту мирового капиталистического рынка.

Следствием этого явилось развитие товарного сельского хозяйства и специализация сельскохозяйственных районов Ирана на производстве культур преимущественно для внешнего рынка, усиление процесса разложения натурального хозяйства. Для сельского хозяйства Ирана к началу XX в. характерно наличие крупных землевладений, сконцентрированных в руках небольшого числа феодалов, богатых купцов, высшего духовенства и сановников, и усиление феодальной эксплуатации крестьян-издольщиков.

Наводнение Ирана товарами из империалистических стран мешало развитию предприятий зарождавшейся национальной фабрично-заводской промышленности, разоряло ремесленников и торговцев.

На рубеже XIX—XX вв. наблюдается тенденция к объединению представителей иранского торгового капитала в различные общества и компании капиталистического типа. Однако в стране не существовало законодательных гарантий имущественных и личных прав частных собственников.

На этой почве появился феодальный и буржуазно-помещичий национализм, видными представителями которого были Юсеф-хан, Мальком-хан, писатели Ага-хан Кермани, Талыбов, Марагеи. Важную роль в распространении новых политических идей сыграли иранские прогрессивные эмигрантские газеты: «Канун» (в Лондоне), «Ахтар» (в Стамбуле), «Хикмет», «Сорая» и «Первареш» (в Каире), «Хабль уль-Матин» (в Калькутте). Они критиковали отрицательные явления иранской действительности, распространяли идеи просветительства. В самом Иране создаются различные просветительские группы и тайные масонские общества, открываются светские школы. На формирование либерально-демократического иранского просветительства оказали большое влияние прогрессивная общественность Западной Европы и в еще более значительной мере идеи передовых просветителей-демократов России.

Среди иранского духовенства, части интеллигенции и купцов распространялись также идеи панисламизма.

В 1891 г. развернулось широкое стихийное движение против грабительской деятельности английской табачной компании, получившей от шаха концессию на закупку, обработку и продажу табака и табачных изделий на 50 лет. К движению присоединилось высшее духовенство, призвавшее верующих воздерживаться от курения, пока концессия не будет отменена. В одной из широко распространявшихся тогда прокламаций, написанной Реза Кермани, говорилось: «О верующие! О мусульмане!.. Страна попала в руки иностранцев. Так как шах

не обращает внимания [на наши интересы], возьмем дело защиты их в собственные руки». Шахское правительство вынуждено было отменить эту английскую концессию. «Табачный бунт» был первым открытым антиимпериалистическим выступлением широких слоев населения Ирана. В то же время это движение отражало растущее возмущение политикой Наср эд-Дин-шаха, по частям распродававшего страну. В 1896 г. шах был убит панисламистом Реза Кермани.

В 1897 г. начались выступления, направленные против английского Шахиншахского банка, который наводнил страну банкнотами и систематически спекулировал на иранской серебряной монете. В течение нескольких дней толпы тегеранцев осаждали банк, требуя обмена банкнот.

В 90-е годы XIX века происходит много разрозненных и стихийных антиимпериалистических выступлений. Иранцы требовали удаления бельгийских чиновников, получивших монополию на управление таможнями, изменения таможенного тарифа, снижения дорожных сборов, закрытия европейских школ и питейных заведений, распространяли листовки против иностранных займов и банков. В 1897—1899 гг. на юге были такие сильные антианглийские выступления, что в г. Бушире в 1898 г. ни один европеец не мог показаться на улице. Выступления облекались в религиозную форму, обосновывались ссылками на Коран; духовенство принимало самое активное участие в этой по сути антиимпериалистической агитации. В то же время в городах то и дело вспыхивали голодные бунты, вызванные спекуляцией хлебом. В 1900 г. вести о восстании ихэтуаней разнеслись по базарам Тегерана, Тебриза, Исфахана. Один из муджтехидов (глав мусульманского духовенства) в Исфахане использовал в проповеди известия об этом восстании в Китае и призывал патриотов к борьбе с европейскими колонизаторами.

Несмотря на отсталость капиталистического развития Ирана и на слабость в нем течения буржуазного национализма, влияние русской революции 1905 г. сказалось здесь раньше всего. Это исключительное влияние объясняется тем, что Иран теснее других стран Востока был связан с революционной Россией через многотысячные массы отходников и прогрессивную интеллигенцию. Из Ирана, особенно из районов Иранского Азербайджана, ежегодно не менее 300 тыс. отходников отправлялось на заработки в Россию. Создалась необыкновенная подвижность мужского населения северных провинций Ирана, которые в поисках заработка заполняли города Закавказья и Средней Азии, работали на пристанях и пароходах на Каспии и в Нижнем Поволжье, доходили до Саратова. Тысячи отходников были заняты на медных рудниках Закавказья, на строительстве дорог, чернорабочими на различных предприя-

тиях и на самой грязной работе в городах. Особенно много их шло на различные сельскохозяйственные работы. Так, в одну только Елисаветпольскую губернию, по сообщению губернатора (1910 г.), ежегодно приходило из Ирана до 100 тыс. человек. Земледельческий и особенно неземледельческий отход имел, как подчеркивал Ленин, большое прогрессивное значение. Для отсталых иранских отходников пребывание в России, особенно в рядах революционного пролетариата, было школой новой жизни, новых трудовых навыков, а главное — знакомства с традициями революционной борьбы.

Забастовочное движение в Закавказье, деятельность РСДРП и ее филиала «Гуммет» («Энергия»), созданного большевиками в 1904 г. специально для работы среди местных и пришлых мусульманских рабочих, способствовали постепенному пробуждению их политического самосознания.

Примерно в это же время возникла ячейка иранских социал-демократов среди отходников в Баку на нефтяных промыслах, а в самом Иране иранский инженер Хайдар Аму-оглы Таривердиев, работавший одно время главным механиком в Баку и ставший членом РСДРП, создал центральный политический кружок иранских социал-демократов в Тегеране. В источниках сообщается о возникновении и деятельности в Иране и Закавказье организаций, которые именуются то комитетами «партии социал-демократов Ирана», то комитетами «партии муджахидов» *. Все эти социал-демократические или муджахидские организации в сущности были мелкобуржуазными революционными организациями. Эти нелегальные организации, поддерживавшие связь с РСДРП и с «Гуммет», сыграли важную роль в иранской революции.

Осенью 1905 г. в связи с забастовками и применением хозяевами предприятий локаутов, а также армяно-тюркской резней имело место массовое возвращение иранцев из Закавказья на родину. Из Баку, где на работах по добыче нефти трудилось более 10 тыс. иранцев (свыше 50 % общего числа рабочих), добровольно выехало 4 тыс., остальные были выселены принудительно. Вернувшись на родину, отходники сыграли роль фермента в той революционной ситуации, которая складывалась в Иране.

Декабрьские события в Москве явились толчком, вслед за которым в декабре 1905 г. началась революция в Иране. В Те-

* Сохранилась прокламация с печатью этой партии. На печати надпись: «Ферке-е Эджтемайюн-е Аммиюн». «Муджахид». «Адалят». («Социал-демократическая партия». «Борец». «Справедливость»). Слово «Адалят» впоследствии добавлялось к названию иранской социал-демократической партии (1917—1920 гг.), которая была переименована в Иранскую коммунистическую партию («Адалят»).

геране, Кермане, Тебризе, Ширазе и других городах она началась с пассивных форм борьбы, с закрытия базаров и ухода горожан во главе с духовенством в бест (убежище) во дворы мечетей, с посылки телеграмм и петиций на имя шаха с настойчивыми призывами даровать Ирану конституцию и создать парламент. Конституционалисты требовали отставки бельгийских и некоторых иранских чиновников. В городах происходили столкновения демонстрантов с полицией. Недовольство охватило также ряд частей тегеранского гарнизона, которые заявили, что они не выполняют приказа об аресте духовенства, если такой последует. Антиимпериалистическое движение проявилось в форме бойкота банкнот и разгрома отделений Шахиншахского банка в Исфахане и Ширазе, бойкота иностранных тканей.

Волна массовых многотысячных бестов летом 1906 г., сочувствие войск к севшим в бест (одна из частей даже примкнула к недовольным) вынудили шаха подписать 5 августа указ о введении конституционного строя.

В октябре 1906 г. открылся первый меджлис (парламент), на деятельность которого оказывали большое влияние представители нарождавшейся национальной буржуазии, духовенства. Меджлис утвердил проекты организации национального банка, выпуск внутреннего займа (в связи с отказом от внешнего займа) и принял «Основной закон» — первую часть конституции, в которой, в частности, говорилось, что утверждение бюджета, рассмотрение вопросов о новых иностранных займах, концессиях, договорах и соглашениях составляют прерогативу меджлиса.

На этом этапе революции против шахской реакции выступали представители всех слоев общества как либерального, так и демократического направления под руководством духовенства. В дальнейшем появляются первые признаки размежевания сил. Иранская революция характеризуется одновременностью выступлений масс в разных районах.

Уже в марте 1906 г. в селениях Иранского Азербайджана начинаются первые аграрные волнения. Под влиянием пропаганды членов партии иранских социал-демократов в окрестностях Ардебилля в январе 1907 г. крестьяне изгоняют помещиков. Это было началом локальных и во многом стихийных выступлений крестьян, впервые вливавшихся в общее демократическое движение. Постепенное усиление аграрных выступлений, которые, однако, не стали повсеместными, вызвало изменение в расстановке классовых сил, отход либеральных помещиков и духовенства от движения.

В отличие от Индии и Китая в Иране только в ходе революции оформляется течение революционной мелкобуржуазной демократии. В городах (в Тебризе по инициативе иранских

социал-демократов) с конца 1906 г. начинается формирование добровольческих дружин, ставших основными вооруженными силами революции. В 1907 г. происходят первые забастовки рабочих и организуются профсоюзы (печатников, телеграфистов, трамвайщиков в Тегеране).

Постепенно оформляется первая политическая партия в Иране — социал-демократическая (Муджахид, Адалят), насчитывавшая в своих рядах в 1907 г. несколько десятков тысяч человек. Требования программы этой иранской партии (1907 г.) — свобода слова, печати, собраний и организаций, право стачки, всеобщее тайное и равное избирательное право, всеобщее бесплатное обучение, подоходный налог и 8-часовой рабочий день — были целиком заимствованы из программы «Гуммет». В то же время учитывались местные условия, приверженность населения к исламу: не выдвигалось, например, требование свободы вероисповедания. В организациях муджахидов были пролетарские и мелкобуржуазные элементы, ремесленники, представители духовенства, мелкие землевладельцы и купечество. Ввиду слабости и малочисленности иранского пролетариата они не стали партией пролетарского типа, были организационно слабы и неустойчивы, страдали сектантством, признавали необходимость тактики индивидуального террора.

Во время конституционного движения возникли органы местного самоуправления — энджумены. Среди них самым передовым и революционным был энджумен в Тебризе, который стал первым органом городского и провинциального самоуправления в Иране. Тебризский энджумен был инициатором решительных антишахских выступлений и оказывал большое воздействие на меджлис. Однако классовая сущность энджумена сразу раскрылась, когда в конце 1906 г. иранские социал-демократы предложили рассмотреть проект аграрной реформы «на основе раздробления громадных имений знати», а буржуазно-помещичье большинство энджумена отклонило рассмотрение этого вопроса.

Империалисты сначала придерживались выжидательной тактики, а английские дипломаты выражали даже лицемерное сочувствие иранским конституционалистам, используя это, в частности, для подрыва влияния России. Однако общность интересов способствовала сговору империалистов и заключению англо-русского соглашения 1907 г., по которому предусматривалось оказание вооруженной поддержки реакционному режиму шаха. Россия должна была действовать в своей «сфере влияния» — на севере, где был Тегеран, а Англия — начать вооруженную интервенцию на юге Ирана.

23 июня 1908 г. шах Мохаммед Али произвел контрреволюционный переворот. Казачья бригада под командованием рус-

ского полковника Ляхова разгромила меджлис и энджумен в Тегеране, произвела аресты прогрессивных деятелей. Меджлис был распущен, конституция отменена. После этого центр революционной борьбы переместился в Тебриз (Иранский Азербайджан), где началось восстание. Только в Тебризе и в центре провинции Гилян — Реште революционные выступления достигли высшей формы активности демократических масс — вооруженного восстания. Восстание в Тебризе и революционная борьба в районах Иранского Азербайджана в 1908—1909 гг. по своему размаху и силе не только превзошли все происходившие здесь ранее народные движения, но и были иными по характеру, т. е. сознательно демократическими.

По степени интернациональной солидарности борцов, сражавшихся на баррикадах Тебриза, восстание было беспрецедентным в истории национально-освободительных движений на Востоке до 1917 г. После освобождения Тебриза от реакционных банд и войск шаха революционеры стали вести наступательные бои в соседних селениях и городах, осуществляя план освобождения всей провинции от реакционных сил. Под контролем восставших находилась дорога от Тебриза до Джульфы, с боями были взяты города Маранд, Мараге, Дильман, Хой.

Признанным руководителем тебризского восстания стал Саттар, сын крестьянина. Военный совет во главе с Саттаром разрабатывал планы полного освобождения Иранского Азербайджана от реакционеров и готовился к походу на Тегеран, чтобы добиться от шаха восстановления конституции и провозглашения буржуазно-демократических свобод для всего Ирана.

В Тебризе восставшие наложили контрибуцию на богачей, а в 1908 г. по приказу Саттара были конфискованы имения шаха и его родственников в Иранском Азербайджане. Однако ни меджлис, ни тебризский энджумен, объявивший себя временным азербайджанским парламентом, не решились на принятие аграрного законодательства.

С самого начала революционеры призывали не давать повода иностранным державам для вмешательства, не выдвигали требований ликвидации действовавших иностранных концессий. Более того, принимались меры для защиты интересов иностранных подданных.

Несмотря на это, в апреле 1909 г. в Тебриз были введены русские войска. По приказу царского генерала баррикады революционеров были взорваны. Начались обыски и аресты, Саттар вместе с другими борцами вынужден был укрыться в бесте. Реакция все же не посмела разогнать тебризский энджумен и расправиться с героем революции Саттар-ханом.

Тегризское восстание отвлекло на себя все силы реакции и способствовало новому революционному подъему по всей стране. В Реште в январе 1909 г. победили восставшие, и весной гилянские повстанцы предприняли поход на Тегеран. В мае 1909 г. под Тегераном гилянские отряды соединились с конницей бахтиаров, полунезависимых южных племен, выступившей из Исфахана, и вместе с ней вступили в столицу.

Бахтиары, действовавшие под командованием своей феодальной знати, до 1909 г. занимали выжидательную позицию. Бахтиарская знать, получавшая поддержку деньгами и оружием от англичан и неожиданно объявившая себя «революционной» и «конституционной», на деле была далека от конституционных идей и при случае надеялась основать свою шахскую династию. По замыслу империалистов, бахтиары должны были нейтрализовать и в удобный момент разоружить революционных дружинников. Представители Англии и России были направлены в стан гилянских дружинников, чтобы задержать их продвижение к Тегерану. Одновременно шаху был вручен меморандум Англии и России с рекомендацией немедленно восстановить конституцию. После взятия Тегерана шах Мохаммед Али Каджар отрекся от престола в пользу малолетнего сына Ахмеда (при котором был назначен регент) и вскоре уехал в Россию.

На основании указа, подписанного шахом перед отречением, была восстановлена буржуазная конституция (действующая и в современном Иране) и проведены выборы во второй меджлис, более умеренный по своему составу.

В последующие годы было произведено разоружение революционных дружин. В 1910 г., после торжественного приема и чествования героя революции Саттар-хана в Тегеране, было объявлено, что задачи революции решены, конституция и меджлис восстановлены и все дружинники должны сложить оружие. Но революционные демократы не хотели складывать оружие, считая, что необходимо стоять на страже завоеваний революции и бороться дальше. Однако иранская революционная демократия оказалась слабой в этой борьбе с внешней и внутренней реакцией и либералами. Отряды Саттар-хана в Тегеране были окружены бахтиарами и полицией во главе с дашнаком Ефрем-ханом, обстреляны и разоружены. Сам Саттар, раненный в ногу, долгое время болел, содержался под домашним арестом и скончался в 1914 г. Последним успехом иранских конституционалистов было отражение попытки бывшего шаха вернуть трон в 1911 г.

Иранская буржуазная революция, несмотря на большую активность демократических масс в северных районах, оказалась прерванной империалистами и незавершенной. Революция не ликвидировала феодальных отношений в деревне, крестьян-

ское движение не переросло в борьбу за землю. Даже скромные проекты создания национального банка и проведения внутреннего займа остались неосуществленными.

Не решившись поднять руку на привилегии и концессии иностранных держав, иранское правительство не смогло ликвидировать дефицит бюджета, который неуклонно возрастал. Правительство прибегло к обычной в таких случаях тактике слабых: оно пыталось противопоставить Англии и России другие державы, казавшиеся ему менее опасными, — США и Германию. В Иран были приглашены американские финансовые советники, главе которых Моргану Шустеру были предоставлены огромные полномочия (1911 г.). Шустер контролировал все финансы Ирана, стремился навязать Ирану американский заем, организовал собственную полицию и пытался подчинить себе вооруженные силы страны. Диктаторские действия Шустера встревожили Россию и послужили одним из поводов для ее открытой интервенции в Иране.

В ноябре 1911 г. царское правительство, поддержанное Англией, предъявило Ирану ультиматум, требуя отставки Шустера и обязательства впредь не приглашать советников без согласия России и Англии. Иранский меджлис отверг эти требования. Реакция расценила ультиматум как сигнал к выступлению. В декабре в Тегеране произошел переворот: казачья бригада и бахтиары разогнали все прогрессивные организации, меджлис был распущен. В Северном Иране в подавлении революции участвовали царские войска, в Южном — англичане.

Американской миссии пришлось покинуть Иран. Шустер уехал, выплатив напоследок себе и всем американским советникам жалованье из иранской казны за три года вперед. Однако, несмотря на кратковременность пребывания американской миссии в Иране, оно положило начало сближению монополистов США с определенными кругами правящей верхушки Ирана.

В годы иранской революции в западных районах Иранского Курдистана и Азербайджана имела место интервенция турецких войск. В районах, оккупированных турками, за спиной которых стояли немецкие офицеры, население было терроризовано и лишено возможности активно участвовать в революции.

Из держав, активно действовавших в Иране, одна Германия не могла в период революции рассчитывать на какие-либо непосредственные приобретения в Иране. Поэтому германские империалисты демагогически изображали «сочувствие» иранскому национальному движению, полагая, что это поможет им привлечь Иран на свою сторону.

Англия и Россия, сыгравшие решающую роль в победе иранской реакции, укрепили свое господство в стране. После

англо-русского соглашения 1907 г. проникновение в Иран иностранного капитала усилилось.

В 1908 г. английский предприниматель д'Арси, получивший в 1901 г. концессию на южноиранскую нефть, пробурил первую скважину, с которой началась промышленная добыча иранской нефти. Уже на следующий год на основе концессии д'Арси была создана Англо-персидская нефтяная компания, контрольный пакет акций которой в 1914 г. перешел к английскому правительству. С этого времени иранская нефть стала играть большую роль в международных противоречиях.

Иранская революция потерпела поражение, но некоторые ее завоевания — конституция, меджлис — остались и существуют доныне. Ненавистная династия Каджаров получила такой удар, что не смогла продержаться на престоле и полтора десятилетия.

Османская империя, которая с начала XX в. постоянно находилась в фокусе противоречий великих держав, не стала колонией одной какой-либо капиталистической страны. Вместо этого она — в значительно урезанном виде — превратилась в последней четверти XIX в. в полуколонию ряда капиталистических держав, полностью зависела от них экономически и в очень большой степени политически.

В Стамбуле Управление оттоманского долга и Оттоманский банк, созданные иностранцами, подчинили своему контролю всю турецкую экономику. Чиновники Управления (несколько тысяч) набирались преимущественно из греков, армян и левантийцев. Если трудовые низы этих национальных меньшинств сами страдали от жестоких притеснений со стороны турецких правящих классов, то эксплуататорская верхушка выступала в роли торговцев, ростовщиков и коммерческих агентов иностранного капитала. Это вызывало ненависть к ним населения, облегчало турецким феодалам и султанскому правительству возможность натравливать мусульман — турок, курдов, арабов — на христиан — греков и армян, обостряя и без того необычайно острый в Османской империи национальный вопрос.

Народы Османской империи, томившиеся под игом турецких феодалов, — славянские и другие народности на Балканском полуострове, армяне и курды в Восточной Анатолии, арабы в Сирии, Ливане, Палестине, Ираке, на Аравийском полуострове, в Северной Африке, — боролись за освобождение из-под власти турок. Переплетение борьбы всех народов Османской империи, включая турок, против колониального порабощения их капиталистическими державами с движением угнетенных народов Османской империи против турецкого феодаль-

ного господства создавало для национально-освободительной борьбы в Османском государстве чрезвычайно сложные условия. В то же время борьба против султанского самодержавия, которое к этому времени выступало как агент империалистических держав в закабалении страны, стала главной задачей всех народов полуколонизальной Турции.

Европейские державы стремились использовать антитурецкие движения в целях захвата «оттоманского наследства». После кризисных событий 70—начала 80-х годов XIX в. под властью Турции в Европе оставались только Стамбул, Македония и Албания с прилегающими к ним территориями, а в Африке — Триполитания и Киренаика (Ливия).

Некоторые европейские державы делали ставку не столько на распад Османской империи, сколько на установление своего влияния на империю в целом. Первоначально, в середине XIX в., такую линию вела Англия, пытавшаяся задержать процесс разложения Османской империи, помешать тем самым своему основному сопернику в Азии — России, а также Франции захватить ее владения. С конца XIX в. роль опекуна одряхлевшего турецкого государства пыталась, и безуспешно, взять на себя Германия. Вильгельм II провозгласил себя «покровителем ислама». Германия приступила к строительству железнодорожного пути от Берлина через Стамбул на Багдад, создавая угрозу британским позициям в Индии.

Турецкие правящие классы не прочь были ради сохранения своего господства заигрывать с «феодальным национализмом». Так, султан Абдул-Хамид II пригласил в страну основоположника панисламизма Джамаль ад-Дина, который провел в Турции последние годы своей жизни. Однако султанское правительство, вытравив из этой идеологии ее антиимпериалистическое содержание, поставило панисламизм на службу своей экспансионистской внешней и шовинистической внутренней политике. Жесточайший политический гнет, установленный Абдул-Хамидом II после отмены конституции 1876 г., закреплял отсталость страны, обострял внутренние противоречия (социальные и национальные), что делало страну легкой добычей империалистов.

Турецкое правительство обнаруживало все большую склонность к опоре на новую силу — германский империализм, надеясь, что Германия поможет Турции устоять против натиска Англии, Франции и России.

В конце XIX — начале XX в. турецкая промышленность была еще крайне слаба, рост буржуазии происходил преимущественно в сфере торговли. Однако критическое международное положение Османской империи содействовало достижению буржуазией политической зрелости. В 80-х годах в эмиграции и в подполье, на турецкой территории, возникла

буржуазная партия «Единение и прогресс» (называемая обычно младотурками). Ее лозунгом было восстановление конституции 1876 г. Тогда же сложились политические организации угнетенных народностей Османской империи, в первую очередь армян и македонцев. В Македонии действовала ВМРО (Внутренняя македонская революционная организация) — партия радикально-крестьянского характера, у армян — буржуазно-националистическая партия Дашнакцутюн и мелкобуржуазная (использовавшая социал-демократические лозунги) — Гнчак.

Младотурки стояли за проведение умеренных буржуазных реформ по западноевропейскому образцу. Они полагали, что достаточно приоткрыть двери капиталистическому прогрессу, чтобы сами собой разрешились все внешнеполитические проблемы (обеспечение независимости), а также внутренние (национальный вопрос).

По национальному вопросу среди младотурецких лидеров не было единства. Это обнаружилось на очень ранней стадии турецкого освободительного движения, в середине 90-х годов, когда правящая клика Абдул-Хамида ответила на подъем национального движения армян кровавой резней армянского населения Малой Азии и Стамбула, во время которой было уничтожено свыше 300 тыс. армян. Виднейший идеолог партии «Единение и прогресс» Ахмед Риза выступил в эмигрантской печати с осуждением новых преступлений султанского режима. Но тогда же другой младотурецкий лидер, Мурад, в шовинистическом ослеплении выразил одобрение этой резне армян.

Даже те из младотурецких лидеров, кто осудил резню армян, тоже в конечном счете придерживались по национальному вопросу взглядов, неприемлемых для национальных меньшинств. Они стояли за единую и неделимую империю, не признавали права наций на самоопределение. Ахмед Риза и его приверженцы выдвигали доктрину «османизма» — слияния всех народностей, населяющих Османскую империю, в единую османскую нацию. Предполагая (в теории) равноправие всех народов страны, такая доктрина в действительности оправдывала ассимиляцию турками национальных меньшинств.

Идеи младотурок нашли наиболее полное выражение в двух программных статьях конца 90-х годов, одна из которых принадлежит Ахмеду Риза, другая — Мураду. И в той и в другой выдвигалось требование конституции и реформ, но в то время как Мурад ограничился требованием реорганизации государственных учреждений, Ахмед Риза предлагал вернуть христианам, т. е. крестьянству угнетенных турками народностей, захваченные турецкими феодалами земли. Это была вершина радикализма младотурок в национальном вопросе.

Общей для обеих программ была уверенность, что обеспечить независимость страны от империализма можно, не вступая с империалистами в открытое столкновение. Достаточно провести буржуазные реформы — и национальный капитализм вольет в Турцию новые силы, сделает ее настолько могущественной, что концессии и капитуляции «исчезнут сами по себе». Пример Японии, казалось, говорил в пользу такого хода рассуждений.

В 1902 г. от партии «Единение и прогресс» откололась так называемая Лига децентрализации и частной инициативы, лозунгами которой стали политическая децентрализация и свободное предпринимательство, привлекавшие представителей угнетенных турками народностей. В этой партии вначале преобладали арабы и албанцы, т. е. представители тех районов Османской империи, где освободительное движение развивалось в значительной мере под руководством феодалов. Позже в партии выросло число греков и армян, но у руководства стояли турки — принц Сабахеттин и др. Лига децентрализации, состоявшая из слишком социально и национально разнородных частей, не смогла, однако, сыграть значительную роль в развернувшейся вскоре революции*.

В Македонии в 1903 г. вспыхнуло народное восстание. Там процент безземельных крестьян был самым высоким в империи (около половины всех крестьян). Помещики были турками и мусульманами, крестьяне — македонцами и христианами. Крестьянская антифеодалная борьба сливалась с национальной и религиозной. Хотя восстание было подавлено, брожение в Македонии не прекращалось. Здесь действовали четы — партизанские отряды македонцев, сербов, греков. Несмотря на противоречия, существовавшие между четниками различных национальностей, которые приводили иногда к вооруженным столкновениям, их борьба против турецкого господства была могучим фактором, разрушавшим и без того прогнившее здание Османской империи.

С начала XX в. к национальным движениям славянских народов и армян добавляется движение арабов. Восстали горные племена в одном из самых отдаленных от Стамбула уголков арабских владений Османской империи — Йемене. Во главе восставших стал духовный глава Йемена — имам Яхья. В 1905 г. его отряды освободили столицу Йемена — Сану.

Жестокие меры, которыми турецкие власти пытались подавить восстание, не дали результатов, если не считать того,

* Позднее, в период революции, из бывшей Лиги выделились элементы, ставшие центром притяжения реакционных феодальных сил.

что репрессии против арабов, т. е. против мусульман, еще больше увеличили пропасть, образовавшуюся между султанским правительством и всем населением Османской империи.

На рубеже XIX—XX вв. усилилось освободительное движение курдов под руководством тех феодалов, которые по разным причинам были недовольны султанским правительством. Важным новшеством было установление связи между курдским движением и армянским, несмотря на все старания султанской клики поссорить курдов с армянами.

Народные восстания ускорили объединение всех революционных сил. В конце 1905 г., в момент наивысшего подъема русской революции и начала революции в другой соседней стране — Иране, ЦК партии «Единение и прогресс» был переведен из эмиграции в г. Салоники, почти в самый район борьбы македонского крестьянства. С конца 1906 г. в прокламациях младотурок стали появляться призывы к восстанию. В 1907 г. на съезде в Париже младотурки, Лига децентрализации и дашнаки договорились о совместных действиях; позже к ним присоединилась и ВМРО. Восстание было назначено на осень 1909 г.

События, однако, как это часто бывает, ускорили взрыв. В июне 1908 г. в Ревеле между Англией и Россией было достигнуто соглашение об установлении совместного контроля над Македонией как средства решения македонского вопроса. Старые соперники на колониальном Востоке, только что договорившиеся о разделе Ирана, спешили теперь договориться о Турции. Завершался процесс сколачивания Антанты.

Известие о ревельском соглашении вызвало возмущение в Турции. Оно показало турецким революционерам, что необходимо действовать, пока не поздно. По решению местного комитета партии «Единение и прогресс» в г. Монастире (Македония) в начале июля 1908 г. поднял восстание Ниязи — командир расположенной неподалеку роты. В рядах младотурок с самого начала было много военных — офицеров и курсантов. Армия, обученная по европейскому образцу, выступала как основная движущая сила революции. Направленные на подавление восстания войска отказались сражаться, а их командующий на другой день после прибытия в Монастир был убит на улице молодым офицером. К восставшим присоединились македонские четы.

Восстание вынудило султана 23 июля 1908 г. объявить о восстановлении конституции 1876 г. Главное требование восставших было принято. Казалось, революция победила. В конце 1908 г. собрался парламент, большинство в котором принадлежало младотуркам.

Сразу же после победы младотурок наглядно проявился буржуазный характер революции, враждебность турецкой бур-

жуазии народным массам, особенно национальным меньшинствам. О передаче крестьянам земли больше не упоминалось. Пункт о «широком самоуправлении» областей, еще в августе 1908 г. фигурировавший в программе партии «Единение и прогресс», был заменен пунктом о равных «правах и обязанностях» народов Османской империи, причем в толковании этого пункта особое ударение делалось на обязанностях. Правительство оставило неприкосновенными привилегии иностранцев в Турции, все позиции иностранного капитала. Проведены были лишь некоторые незначительные реформы (отмена средневекового обычая закрывать лицо женщинам). Комитеты «Единение и прогресс» сами руководили подавлением народных выступлений.

Империалистическая пресса, внимательно следившая за ходом турецкой революции, не скупилась на комплименты политике революционных властей. Ленин отмечал: «Младотурков хвалят за умеренность и за сдержанность, т. е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов, — и в то же самое время Турцию продолжают грабить по-прежнему. Хвалят за то, что возможно продолжать по-старому грабеж турецких владений» *.

Феодалы сделали попытку использовать падение популярности младотурок, разочарование широких масс в революции. В 1909 г. в столице реакционно настроенные воинские части восстали под лозунгом соблюдения религиозных норм и обычаев (шариата), вся полнота власти вновь перешла в руки Абдул-Хамида. Но провинция не поддержала мятежников. Части, верные революции, сформировали в Монастире «армию действия», которая двинулась на Стамбул и заняла его. Кровавый султан Абдул-Хамид II был низложен. Новый кабинет министров был составлен из членов партии «Единение и прогресс», которая с этого времени стояла почти непрерывно у власти до 1918 г. (кроме короткого перерыва в 1912—1913 гг.).

Отражение попытки реставрации самодержавия в 1909 г. стало последним актом младотурецкой революции, закрепившим ее успех. Но и на этот раз младотурки не решились поставить вопрос о ликвидации монархии, Абдул-Хамид II они заменили Мехмедом V. Внутренняя политика младотурецкого правительства приобретала все более консервативный характер. Народные массы не получили ничего.

* В. И. Ленин, *События на Балканах и в Персии*, — Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 223.

Угнетенные турками народности, также не получившие ничего от революции, подавляемые младотурками, поднимались на борьбу с новым режимом. Народы Европейской Турции стали уповать на помощь балканских монархических государств, ранее освободившихся от турецкого ига, — Болгарии, Сербии, Греции. Арабские националисты обратились за поддержкой к Франции и Англии. Армяне, айсоры, курды рассчитывали главным образом на содействие России. Неспособность и нежелание младотурок решить национальный вопрос в Османской империи неминуемо должны были привести к ухудшению международного положения страны. Так оно и произошло.

Империалистические страны принялись одни за раздел остатков османских владений, другие — за подчинение своему влиянию всей Турции. Период младотурецкой революции и последующие несколько лет стали временем наступления на Турцию империалистических стран и поддерживаемых ими молодых национальных государств Балканского полуострова.

В 1908 г. Болгария, считавшаяся вассалом Турции, провозгласила свою независимость. В том же году Австро-Венгрия объявила о присоединении захваченных ею Боснии и Герцеговины, населенных славянами. В 1910 г. вновь восстали арабы Йемена; в 1911 г. турецкое правительство вынуждено было признать автономию Йемена. Фактически это была независимость, хотя формально независимым государством Йемен стал только после поражения Турции в первой мировой войне. В 1910 г. восстание за независимость началось в Албании и закончилось в 1912 г. освобождением ее от турецкого господства.

В 1911 г. Италия напала на африканские колонии Турции — Триполитанию и Киренаику. Италия без труда разбила турецкие войска, но еще долгие годы должна была вести войну против местных арабских и берберских племен, которые не желали ни турецкого, ни итальянского господства и героически отстаивали свое право на независимость. В итоге итало-турецкой войны, закончившейся в октябре 1912 г., Турция лишилась последних владений в Африке.

В 1912 г. союз Болгарии, Сербии, Греции и Черногории («Балканский союз») нанес Турции сокрушительное поражение в 1-й Балканской войне. Македония была освобождена из-под власти турок и разделена между Сербией, Болгарией, Грецией. Турция лишилась всех владений в Европе, кроме Стамбула и прилегающей к нему территории.

В результате Балканских войн для славян, албанцев и подавляющего большинства греков в Османской империи национальный вопрос был решен. Положение же других нетурецких народов (армян, айсоров, арабов, курдов), значительно ухудшилось, ибо младотурецкие правители, взяв на

вооружение абдулхамидовский панисламизм, великодержавный османизм (оттоманизм) и расистский пантюркизм, усилили национальный гнет. Особенно реакционной стала национальная политика после прихода к власти младотурецкого триумvirата Энвера — Талаата — Джемала (начало 1913 г.), который видел средство укрепления своего режима в беспощадном подавлении национальных движений, в разжигании шовинизма.

Нетурецкие народы ответили усилением борьбы за освобождение. Годы большого общественного подъема, происшедшего в Турции в период пробуждения Азии и младотурецкой революции, не прошли для них даром, послужив политической школой. Большое влияние на угнетенные народы Азиатской Турции оказало крушение турецкого господства на Балканах, а также усиление экспансии империалистических держав на Ближнем Востоке, свидетельствовавшие о близком распаде Османской империи.

Наибольших успехов добилось арабское национальное движение. После младотурецкой революции в самой Турции и за границей возникли арабские политические организации («Младоарабское общество», «Османская партия административной децентрализации», сирийские и иракские общества реформ, партия «Аль-Ахд» и др.). Вначале арабские националисты выступали с довольно умеренными требованиями реформ, но вскоре, разочаровавшись в младотурках и убедившись в их нежелании идти навстречу национальным меньшинствам, выдвинули радикальную программу, предусматривавшую полное освобождение от турецкого ига, а в качестве средства достижения этой цели — всенародное вооруженное восстание. Для объединения сил арабских националистов важное значение имел первый арабский конгресс в Париже в июне 1913 г. В Сирии, Ливане, Палестине и Ираке начались массовые народные выступления, направленные против турецких властей.

Основной движущей силой арабского освободительного движения в предвоенные годы были крестьянство и городские низы. Движением в Сирии и Ираке руководили национальная торговая буржуазия и помещики, интересы которых выражали интеллигенция и арабское офицерство. В антитурецком движении участвовали шейхи племен и высшее духовенство (особенно в Ираке). Представители торговой буржуазии самую значительную роль играли в Ливане. В Аравии антиправительственные выступления возглавили враждовавшие между собой феодальные властители, преследовавшие, как правило, узкодинастические цели.

Таким образом, освободительное движение арабов Османской империи не было единым ни по своему характеру, ни по

социальному составу. Руководители ориентировались на помощь западных держав, в которых видели союзников. Сирийские и ливанские националисты были связаны с Францией, иракские националисты и аравийские феодальные владельцы — с Англией. Прозападная ориентация арабских лидеров значительно усилила угрозу колониального порабощения арабских стран Азии английскими и французскими империалистами.

В годы младотурецкой революции появились первые ростки курдского национализма как организованного политического течения, возникла курдская печать, были созданы курдские политические общества и клубы. Но руководившие ими курдские беи и шейхи в своем большинстве не поддерживали турецкую революцию, что объективно играло на руку внешней и внутренней реакции, стремившейся задушить буржуазно-революционное движение в Турции.

Иной характер стало носить курдское движение по мере поправления младотурецких властей. Особенно в канун мировой войны Турецкий и Иракский Курдистан потрясали массовые восстания племен (крупнейшее из них — Битлисское восстание в марте 1914 г.), подрывавшие турецкое господство в Восточной Анатолии и Северном Ираке. Борьба курдского народа стала более зрелой. Враждебное отношение к армянам, десятилетиями прививавшееся курдам турецкими провокаторами, отходило на задний план. Однако курдское освободительное движение по-прежнему оставалось раздробленным и в значительной степени стихийным; личные интересы отдельных вождей зачастую превалировали над общенародными. Как и арабы, курды возлагали большие надежды на внешнюю помощь: вожди Турецкого Курдистана уповали на Россию, некоторые вожди иракских курдов — на Англию.

Что касается христианских народов Азиатской Турции — армян, а также айсоров, то развитие национально-освободительного движения среди них было затруднено вследствие того, что младотурецкие власти установили в населенных ими районах режим жесточайшего военно-полицейского террора. Задавленные невыносимым гнетом, армяне и айсоры видели единственное спасение во вмешательстве держав, в первую очередь соседней России.

Никаких конкретных выгод от революции не получил и турецкий народ. Путь широкому развитию национального капитализма открыт не был, турецкое государство ослабло еще больше, грабеж его империалистами усилился.

Стоявшие у власти младотурки восприняли внешнеполитическую ориентацию Абдул-Хамида на Германию. Экономическое и политическое влияние кайзеровской Германии на Турцию при младотурецком режиме возросло.

Китай, который с конца XIX в. стал, подобно Османской империи, одним из узловых пунктов противоречий империализма, избежал благодаря этим противоречиям как немедленного полного раздела, так и превращения в колонию какой-либо одной державы. В начале XX в. он оставался общей полуколонией империалистических стран.

После русско-японской войны в расстановке сил на Дальнем Востоке произошли изменения. Распался блок Англии, США, Японии, которому в конце XIX в. принадлежала ведущая роль в империалистической агрессии против Китая: острые противоречия между США и усилившейся Японией толкнули последнюю на соглашение со вчерашней противницей Россией. Россия и Япония поделили Маньчжурию на сферы влияния (соглашения 1907 и 1910 гг.): за Россией закреплялась Северная Маньчжурия, за Японией—Южная. Вместе с англо-японским союзным договором, заключенным против России, еще до русско-японской войны, но продолжавшим действовать, русско-японские соглашения были элементом той складывавшейся в мире внешнеполитической комбинации, которая означала последнее размежевание перед мировой империалистической схваткой (Англия, Франция, Россия, Япония против Германии). США, оказавшись на Дальнем Востоке в изоляции, маневрировали, стремясь расширить свои позиции в Китае, но то и дело наталкивались, как на непреодолимую преграду, на единый фронт Японии и России. Провалом окончилась в 1910 г. попытка США добиться передачи всех маньчжурских железных дорог под международный контроль, в котором США предназначали себе роль руководителя.

После подавления антиимпериалистического восстания ихэтуаней и полного подчинения маньчжурской династии воле империалистов иностранный капитал энергично устремился в Китай. Общая сумма иностранных капиталовложений возросла за первое десятилетие XX в. почти вдвое; на первом месте по-прежнему шла Англия. Примерно в тех же масштабах возросла торговля с Китаем иностранных держав.

Параллельно с укреплением позиций иностранного капитала происходил рост и национального китайского капитализма. Национальная буржуазия в начале XX в. стала влиятельной экономической и общественной силой. Она имела свои торговые палаты, свою прессу в крупных городах. Складывался рабочий класс: если в середине 90-х годов в Китае было приблизительно 100 тыс. фабрично-заводских рабочих, то к концу первого десятилетия XX в. эта цифра выросла до 600 тыс. (сюда входят рабочие, занятые на национальных и на иностранных предприятиях). В самом сердце Китая, в долине р. Янцзы, на базе угольных шахт уезда Пинсян и железных рудников Дае был создан Ханьпинский металлургиче-

ский комбинат. Железные дороги Пекин — Ханькоу и Тяньцзинь — Пукоу связали долину Янцзы с Пекином.

Формирование китайской буржуазной нации сделало в начале XX в. заметные успехи. Рост национального самосознания проявился в бойкоте американских товаров в 1905 г. Это — первое антиимпериалистическое движение, проходившее под руководством национальной буржуазии, что знаменовало собой переход от феодального к буржуазному этапу национально-освободительной борьбы. Сама форма — бойкот иностранных товаров — была специфически буржуазной, направленной на поощрение национальной промышленности. Бойкот начался в ответ на притеснения в США китайцев-эмигрантов и был ярким проявлением роста национального самосознания.

Китайское правительство провело в начале XX в. ряд реформ, направленных на некоторую модернизацию государственного аппарата и армии. Населению реформы ничего не дали, они лишь увеличили налоговое бремя — налоги на проведение «новой политики» добавились к непосильной ноше китайского крестьянина, обязанного оплачивать чудовищную контрибуцию, наложенную на Китай в 1901 г., и ростовщические займы. Антиналоговые восстания и голодные бунты сотрясали Китай в первом десятилетии XX в.

Тайные революционные организации, объединившие в своих рядах преимущественно мелкобуржуазную интеллигенцию, рассчитывали на использование стихийной народной борьбы для свержения маньчжурской династии. В пропагандистских брошюрах писалось о тяжелом гнете маньчжуров, приводились факты зверств маньчжуров при завоевании ими Китая в XVII в. Борьба направлялась против Цинской династии и непосредственно поддерживавшей ее кучки маньчжурских феодалов. Революционеры не решались призвать к открытой борьбе против иностранных империалистов, так как видели силу империалистических держав. Китайские националисты надеялись, что после свержения монархии дорога свободному развитию Китая будет открыта.

В первые годы XX в. в Китае существовала одна стабильная революционная организация — руководимый Сунь Ятсеном «Син чжун хуэй» («Союз возрождения Китая»), центр которого находился за границей, в Токио. В 1903—1904 гг. в провинции Хунань образовался «Хуасин хуэй» («Союз китайского возрождения») во главе с Хуан Сином, в Шанхае — «Гуанфу хуэй» («Союз восстановления славы»). После того как «Хуасин хуэй» был разгромлен полицией, деятели его переехали в Японию. В 1905 г., под непосредственным впечатлением революции в России, в Токио была создана революционная партия «Тунмэн хуэй» (Лига), в рядах которой объединились все три организации.

Программа Лиги основывалась на «Трех народных принципах» Сунь Ят-сена — национализм, демократия и народное благоденствие. Последний принцип толковался как предоставление всем «равных прав на пользование землей».

Президентом Лиги стал Сунь Ят-сен, вице-президентом — Хуан Син. С конца 1905 г. стал издаваться орган Лиги — журнал «Миньбао» («Народ»), тайно доставлявшийся в Китай. В нем печатались Сунь Ят-сен, Сун Цзяо-жэнь, Ван Цзин-вэй и другие деятели Лиги.

В конце 1906 г. вспыхнуло восстание крестьян уездов Пинсян, Люян и Лилин. Восстание возглавили хуэйданы — средневековые тайные союзы, игравшие роль отрядов самообороны, взаимопомощи, иногда вырождавшиеся в бандитские шайки, но нередко становившиеся организаторами антифеодальной борьбы. В восстании 1906 г. участвовало несколько десятков тысяч человек, среди которых были тысячи рабочих пинсянских угольных шахт (входивших в Ханьпинский комбинат).

Отдельные члены Лиги, оказавшиеся в районе восстания, приняли в нем участие. Видимо, ими было составлено обращение к народу, подписанное одним из вожаков повстанцев — Гун Чунь-таем. В воззвании говорилось о свержении маньчжурской династии, создании республики, предоставлении народу равных прав на пользование землей.

Восстание потерпело поражение, прежде чем Лига успела по-настоящему поддержать его. Под впечатлением этого выступления Сунь Ят-сен и руководство Лиги приступили к организации вооруженных восстаний в разных частях Китая, полагая, что почва для революции подготовлена. Несколько восстаний, поднятых Лигой в 1907—1908 гг., были недостаточно связаны с народом, ни одно из них не переросло в массовое восстание.

Несмотря на существование Лиги, революционеры в разных частях Китая были еще слабо связаны друг с другом, действовали разобщенно. Но проявлявшийся ими героизм содействовал постепенному пробуждению народа, ускорял созревание революционной ситуации.

Неудачи вызвали разочарование среди части революционеров. В 1907 г. от Лиги откололся «Гунцзинь хуэй» («Союз совместного движения к прогрессу»), выбросивший из программы пункт о «равных правах на пользование землей». Это изменение программы лидеры «Гунцзинь хуэй» объясняли тем, что руководители хуэйданов не приемлют лозунга аграрных преобразований. Вожаками хуэйданов были в большинстве мелкие помещики, а хуэйданские союзы в целом далеки от радикализма. В 1910 г. от Лиги отошел «Гуанфу хуэй».

В 1909—1911 гг. китайские революционеры лихорадочно искали новые пути и методы борьбы. Одни перешли к индивидуальному террору (Ван Цзин-вэй пытался организовать неудачное покушение на принца-регента), другие считали, что центр революционной работы необходимо перенести с хуэйданов на «новую армию» — созданные в начале XX в. европеизированные воинские части, офицерский состав которых прошел учебу в Японии. Офицеры, выходцы из мелкобуржуазной и мелкопоместной среды, были благодатной почвой для революционной пропаганды: они были свободны от предрассудков, свивших прочное гнездо в хуэйданских организациях, меньше, чем хуэйданы, опутаны феодальными традициями. Наряду с Лигой тайную работу в «новой армии» вели «Гунцзинь хуэй» и другие организации, в том числе в Учане «Литературное общество» («Вэньсюэ шэ»), возникшее в 1908—1911 гг., руководившееся мелкобуржуазными демократами и популярное среди солдат.

В 1910 г. в Гуанчжоу произошло восстание частей «новой армии» под руководством Лиги. Оно потерпело поражение. В Лиге вновь усилились споры о дальнейших путях борьбы. В апреле 1911 г. в Гуанчжоу поднял восстание Хуан Син во главе переброшенного в город отряда революционеров. Но и это выступление было подавлено, 72 активиста Лиги поплатились жизнью. Могила их в пригороде Гуанчжоу и сегодня служит предметом благоговейного почитания населения.

В те годы, когда революционеры проливали кровь ради возрождения Китая, либеральная буржуазия настойчиво пыталась убедить правительство в необходимости реформ. Устраивались петиционные кампании с требованием введения конституции, достигшие наибольшего размаха в 1910 г. Либералы все сильнее расходились с революционерами. Находившийся за рубежом виднейший идеолог реформаторского движения Лян Ци-чао вел в печати полемику с органом революционеров «Миньбао», выступая против революции и республики, за конституционную монархию и реформы.

Реакционное правительство, под сильнейшим давлением снизу, не могло в это время не заговорить о реформах. Проекты реформ разрабатывались при жизни Цыси, а после смерти ее и Гуансюя (1908 г.) при регенте, правившем за малолетнего императора Пу И. В 1905 г. в Европу была направлена миссия для изучения опыта конституционного правления в других странах, в 1907 г. издан указ о создании провинциальных совещательных комитетов, в 1910 г. открылась совещательная палата в Пекине. В этих учреждениях заседали представители либеральных помещиков и крупной буржуазии. Было обещано введение конституции, сначала через девять, потом через шесть лет.

Но никто не верил правительству и его реформам, так как реального улучшения в положении страны не наступало, позиции империализма в Китае усиливались.

Все первое десятилетие XX в. прошло под знаком соперничества держав за право строительства железных дорог в Китае. В борьбу попыталась включиться и китайская буржуазия. В 1905 г. было создано акционерное общество постройки так называемых Хугуанских железных дорог (общее название двух проектировавшихся линий, которые должны были соединить находящееся в центре Китая трехградье — Ханькоу, Учан, Ханьян — с городами Гуанчжоу на юге и Чэнду, центром провинции Сычуань, на западе). Часть капитала принадлежала правительству, другая составила за счет акций, распространявшихся среди буржуазии и помещиков провинций, в которых планировалось железнодорожное строительство. Держателями акций стали также крестьяне и мелкая городская буржуазия. Строительство Хугуанских железных дорог рассматривалось как патриотическое дело, как противодействие захватническим поползновениям империализма.

В мае 1911 г. маньчжурское правительство внезапно издало указ о национализации Хугуанских железных дорог. Правительство подписало соглашение с банковским консорциумом США, Англии, Франции и Германии, предоставив ему право строительства в Китае промышленных предприятий и железных дорог. Феодальное цинское правительство отняло проектируемые железные дороги у китайской буржуазии, чтобы продать их иностранному капиталу.

Ответом на антинациональный акт маньчжурского правительства было движение «В защиту железных дорог»: демонстрации, митинги, прекращение работы и занятий в школах. Уже в сентябре в Сычуани движение это переросло в восстание, ставшее прологом Синьхайской революции*.

В Учане 10 октября 1911 г. восстали части «новой армии» под руководством членов «Союза совместного движения к прогрессу» и «Литературного общества». Это было то «первое восстание», которого с таким нетерпением ждали революционеры. Народные массы активно поддерживали революционеров, повсюду поднимаясь на борьбу. Восставшие овладели Учаном. Было создано временное правительство, в котором военная власть принадлежала генералу Ли Юань-хуну (случайному человеку среди революционеров), гражданская — председателю провинциального совещательного комитета Тан Хуа-луну.

Вслед за Учаном победоносное восстание произошло в Чанша, и в течение месяца весь юг и центр Китая оказались в состоянии войны против цинского правительства. Основной

* Синьхай — по старому китайскому календарю название года (1911/12), в котором началась революция.

организованной силой революции выступали части «новой армии» под командованием членов Лиги и других революционных организаций, власть же повсюду попадала в руки либералов.

Либеральная буржуазия была подготовлена к событиям лучше, чем революционеры, она имела свои организации — совещательные комитеты, которые во всех провинциях брали на себя функции власти. Еще перед началом революции один из виднейших деятелей либерального лагеря, шанхайский капиталист Чжан Цзянь посетил в провинции Хэнань генерала Юань Ши-каю, жившего там в опале после смерти Цыси. Генерал, возглавлявший в начале XX в. перестройку китайской армии на европейский лад, казался либералам подходящей фигурой на пост главы государства. Когда революция охватила большую часть Китая, цинское правительство также обратилось к Юань Ши-каю, назначив его в ноябре 1911 г. премьер-министром и главнокомандующим. Империалистические правительства приветствовали передачу всей фактической власти в Пекине Юань Ши-каю, рассматривая его как «сильного человека», способного подавить революцию. 20 декабря 1911 г. представители шести держав (Англии, Германии, России, США, Франции, Японии) обратились к пекинскому и нанкинскому правительствам с одинаковыми нотами, заявляя о своем нейтралитете, но требуя от обоих правительств «достигнуть скорейшего соглашения», так как продолжение гражданской войны «затрагивает материальные интересы и безопасность иностранцев».

В декабре из эмиграции вернулся Сунь Ят-сен и был избран делегатами восставших провинций временным президентом республики. Торжественное провозглашение республики состоялось 1 января 1912 г., Сунь Ят-сен сформировал в Нанкине правительство, состоявшее из либералов, в котором, кроме Сунь Ят-сена и военного министра Хуан Сина, не было ни одного старого члена Лиги.

Революционные власти действовали подчеркнуто умеренно; правительство заявило о соблюдении Китаем всех международных обязательств. Выступления крестьян против налогов, попытки рабочих организовать профсоюзы подавлялись губернаторами — членами Лиги. Тем не менее правительство Сунь Ят-сена не внушало доверия империалистам.

В январе 1912 г. Сунь Ят-сен под давлением либералов (как вне, так и внутри Лиги) заявил о своей готовности уступить президентское кресло Юань Ши-каю в обмен на отречение Цинов и провозглашение Китая республикой. Юань Шикай принял это условие. В феврале он продиктовал императрице-регентше, матери Пу И, акт об отречении. 14 февраля Сунь Ят-сен подал в отставку, и через два дня временным президентом был избран Юань Шикай.

В августе 1912 г. на съезде в Пекине Лига объединилась с несколькими либеральными организациями, образовав Национальную партию — Гоминьдан. В программу не был включен пункт о «равных правах на пользование землей». Это означало, что либеральные элементы решительно берут верх над революционно-демократическими. Китайские революционеры думали, что провозглашение республики уже обеспечит независимое прогрессивное развитие Китая.

Сунь Ят-сен отошел от партийных дел, занявшись выработкой плана грандиозного железнодорожного строительства. С его точки зрения, два принципа — национализм и демократия — были осуществлены, оставался третий принцип — народное благоденствие, воплотить который в жизнь можно путем развития производительных сил Китая. Практическое руководство делами Гоминьдана перешло в руки Сун Цзяо-жэня, сосредоточившего все помыслы на том, чтобы завоевать большинство в парламенте и стать главой ответственного министерства.

В парламенте, собравшемся в апреле 1913 г., Гоминьдан имел большинство. Но президент Юань Ши-кай, укрепивший к этому времени свою власть, не собирался считаться с парламентом, он опирался на феодальную военщину и установил контакт с империалистическими державами. Империалисты, не поддерживавшие в 1911 г. Цинскую династию, в прочность которой они не верили, пришли теперь к выводу, что диктатура Юань Ши-кай может стать гарантией их интересов в Китае.

Незадолго перед открытием парламента в Шанхае на вокзале был убит Сун Цзяо-жэнь, ехавший в Пекин, чтобы сформировать «ответственное министерство». Убийца был подослан Юань Ши-каем. 27 апреля Юань Ши-кай без санкции парламента подписал с международным банковским консорциумом соглашение о займе Китаю в 25 млн. ф. ст. Заем, получивший название «реорганизационного», был фактически финансированием приготовлений Юань Ши-кай к государственному перевороту.

«Новый китайский заем, — писал В. И. Ленин, — заключен *против* китайской демократии: „Европа“ за Юань Ши-кай, готовящего военную диктатуру...

А если китайский народ не признает займа? В Китае ведь республика, и большинство в парламенте *против* займа?

О, тогда „передовая“ Европа закричит о „цивилизации“, „порядке“, „культуре“ и „отечестве“! тогда она двинет *пушки* и задавит республику „отсталой“ Азии в союзе с авантюристом, изменником и другом реакции Юань Ши-каем!»*.

* В. И. Ленин, *Отсталая Европа и передовая Азия*, — Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 167.

Банковский консорциум в 1913 г. был уже иным, чем в 1911 г.: в консорциум вошли Россия и Япония; а американские банки, недовольные их вступлением, вышли из консорциума перед самым предоставлением Китаю «реорганизационного» займа. Зато США первыми заявили об официальном признании Китайской республики (апрель 1913 г.), рассчитывая тем самым привлечь Юань Ши-кай на свою сторону.

Заручившись поддержкой империалистов, Юань Ши-кай стал провоцировать революционеров на выступление. Он сместил с постов трех губернаторов — членов Гоминьдана. В мае 1913 г. революционные войска в Южном и Центральном Китае восстали против президента. Но у Юань Ши-кай были теперь деньги и сильная армия. Народные массы, разочаровавшиеся в революции, отнеслись к событиям пассивно. Революционные части были разбиты.

Восстание 1913 г., получившее название «второй революции», было фактически концом буржуазной революции 1911—1913 гг. Сунь Ят-сен и другие лидеры Гоминьдана бежали в Японию.

Установилась диктатура Юань Ши-кай, который разогнал парламент и готовился сесть на престол в качестве главы новой династии. Власть Юань Ши-кай означала сохранение господства феодальных помещиков и дальнейшее укрепление позиций империализма в Китае. Не только народные массы и мелкобуржуазная интеллигенция, но и национальная буржуазия оказались глубоко чуждыми новому режиму. Используя до определенного момента поддержку либеральной буржуазии с ее мечтой о твердой власти, Юань Ши-кай перешел затем к подавлению самих либералов.

Китайская буржуазия в роли гегемона революции оказалась несостоятельной. Буржуазный либерализм, находившийся с 90-х годов на авансцене китайской политической жизни, потерпел в 1911—1913 гг. полный моральный крах и почти совершенно сошел с политической арены. Временный упадок пережила и революционная партия Сунь Ят-сена.

Освободительное движение охватило в 1911—1912 гг. также Монголию, с XVII в. находившуюся под властью цинского Китая. Глубокая отсталость Монголии к началу XX в., отсутствие ростков национального капитализма привели к тому, что движение за независимость было возглавлено феодалами.

В конце XIX — начале XX в. цинское правительство увеличило налоги на монгольское население, организовало заселение некоторых районов Северной Монголии китайскими колонистами, чтобы ассимилировать монголов и смягчить остроту аграрного кризиса в Китае. Китайские купцы и ростов-

щики все глубже забирались в Монголию. Права монгольских феодалов, до того пользовавшихся значительной самостоятельностью во внутренних делах, были урезаны.

С конца XIX в. к гнету китайских властей и торгового капитала добавилось проникновение в Монголию русского капитализма. В то же время расширялись связи между монгольским и русским народами, до монголов доходили вести о революционной борьбе в России.

В 1903 г. в Кобдоском округе развернулось движение против местного князя, руководимое крепостным аратом Аюши. В движении кроме аратов участвовали мелкие феодалы. Аюши и его сторонники требовали сократить поборы, переложить часть повинностей на плечи князя и крупных феодалов. Аюши подвергался арестам и пыткам, но движение не прекращалось, растянувшись на полтора десятилетия.

В Урге в 1910 г. произошло столкновение между монголами и китайским гарнизоном; толпа забросала камнями губернатора — амбаня. Не только араты, но и феодалы стремились освободиться из-под власти Китая и с этой целью искали поддержки у России. Летом 1911 г. монгольская делегация тайно посетила Петербург.

Когда делегация вернулась в Ургу, в Китае шла революция. Комитет монгольских феодалов предложил амбаню немедленно покинуть Ургу и обратился 1 декабря 1911 г. к народу с воззванием: «Монголия утверждает себя независимым государством». Территория Внешней Монголии и Барги была освобождена от китайских властей; там, где они оказывали сопротивление — в Хайларе, Кобдо, — города брались штурмом. Царское правительство со своей стороны делало в это время все возможное, чтобы удержать китайское правительство от посылки войск в Монголию. В освобожденной части Монголии у власти встали местные феодалы, глава ламаистской церкви в Урге, богдо-гэгэн, был провозглашен ханом. Положение народных масс несколько улучшилось, так как уменьшились налоги, прекратились реквизиции для китайской армии, была прервана выплата долгов китайским ростовщикам и купцам.

Монгольское правительство не могло сопротивляться огромному Китаю без помощи извне. Оно надеялось на Россию, у которой получило в 1913—1914 гг. три займа на общую сумму свыше 5 млн. руб. Одновременно монгольские феодалы хотели заручиться поддержкой Японии, куда был направлен посол богдо-гэгэна. Но попытка использовать помощь империалистических держав и играть на противоречиях между ними была для слабой феодальной Монголии попыткой с негодными средствами. Царизм навязал Монголии (за предоставленные ей займы) неравноправные соглашения, по которым русская торговля с Монголией велась беспощадно, рус-

ские граждане в Монголии пользовались экстерриториальностью, монгольская армия ставилась под контроль русских инструкторов, финансы Монголии — под контроль русского советника.

В октябре 1913 г. царским правительством и правительством Юань Ши-кая была подписана декларация, признававшая Внешнюю Монголию автономной частью Китая. Она получала полную независимость во внутренних делах, но в делах международных могла самостоятельно решать лишь экономические вопросы. В мае 1915 г. соглашение России, Китая и Монголии в Кяхте подтвердило декларацию 1913 г.

Независимость, завоеванная народом Внешней Монголии, была, таким образом, подменена автономией. На смену китайскому влиянию должна была прийти экспансия русского капитала.

Но начавшаяся первая мировая война, затем революция 1917 г. в России не дали российскому империализму воспользоваться плодами соглашений 1912—1915 гг., подчинить себе монгольский рынок. Позже, когда в годы гражданской войны в России Сибирь временно оказалась в руках белогвардейцев и Монголия была отрезана от Центральной России, китайские реакционеры сочли момент подходящим, чтобы взять назад признание монгольской автономии. В 1919 г. китайские войска вступили в Ургу, ликвидировали автономию Монголии и установили в стране режим террора.

В Тибете, как и в Монголии, движение за автономию проходило под руководством местных феодалов и сочеталось с агрессией империалистов, использовавших его для подчинения себе вассальных территорий Китая. Но в отсталом, изолированном почти от всего мира Тибете руководство феодалов было еще более прочным, чем в Монголии (здесь неизвестны такие антифеодальные выступления, как движение Аюши), а империалистическая агрессия в 1904—1906 гг. носила особенно неприкрытый характер.

В момент, когда ожидалось начало русско-японской войны, которая должна была связать руки России, в Тибет из Индии вторгся английский отряд полковника Янгхазбенда с пушками и пулеметами (1903—1904 гг.). Тысячи тибетцев, вооруженных саблями и фитильными ружьями, с величайшим мужеством пытались преградить путь захватчикам, сотни их падали под огнем. У англичан почти не было потерь. Интервенты вступили в столицу Тибета, до тех пор запретную для европейцев, — Лхасу и разграбили ее.

Глава Тибета далай-лама бежал в Монголию, рассчитывая получить поддержку России и Китая. В его отсутствие интер-

венты продиктовали нескольким ламам договор (сентябрь 1904 г.), узаконивший контроль Англии над Тибетом и постоянную оккупацию части тибетской территории.

Вторжение в Тибет привело лишь к изоляции Англии как внутри Тибета, где английские войска были окружены ненавистью народа, включая большинство тибетских феодалов, так и на международной арене. Русское правительство рассматривало англо-тибетский договор в качестве серьезного препятствия для наметившегося после русско-японской войны англо-русского сближения. Английский империализм был вынужден отступить. Вся ответственность за авантюру была возложена на вице-короля Индии Керзона, который был спешно отозван. Пришедшее в конце 1905 г. к власти в Англии либеральное правительство Кемпбела-Баннермана подписало в апреле 1906 г. конвенцию с Китаем, по которой Англия обязывалась не аннексировать тибетскую территорию, не добиваться здесь концессий, не вмешиваться в управление Тибетом. В англо-русском соглашении 1907 г. обе стороны заявили о невмешательстве во внутренние дела Тибета и о том, что они будут вести сношения с Тибетом лишь через посредство китайского правительства. Таким образом, захвату Англией Тибета помешала международная обстановка, межимпериалистические противоречия. В 1909 г. далай-лама вернулся в Тибет, встревоженный тем, что непосредственным результатом событий 1903—1904 гг. стало усиление власти Китая в Тибете.

Китайское правительство обещало (по соглашению 1906 г. с Англией) не допускать вмешательства в тибетские дела никакого третьего государства. В то же время оно сделало для себя вывод из событий 1903—1904 гг. о необходимости усилить свое влияние в Тибете. Оно разрабатывало планы расквартирования в Тибете китайских войск, колонизации районов, населенных тибетцами. В феврале 1910 г. в Лхасу вступил двухтысячный китайский отряд. Эта великодержавная политика вызвала возмущение тибетцев. Далай-лама бежал в Индию. В начале 1911 г. он снова обратился за помощью к России, но на его письмо последовал ответ Николая II, в котором тот рекомендовал «не упускать из виду» русскую политику «доброго согласия с великобританским правительством по тибетским делам».

Когда в Китае началась буржуазная революция, китайские гарнизоны в Тибете также восстали, но в управлении Китая Тибетом изменений не произошло, даже китайские чиновники в Лхасе не были заменены новыми лицами.

В марте 1912 г. в Тибете вспыхнуло антикитайское восстание, возглавленное тибетскими феодалами. Далай-лама вернулся в Тибет и возглавил борьбу. Китайское пра-

вительство Юань Ши-кай двинуло с востока войска, собираясь превратить Тибет в китайскую провинцию.

Английское правительство, воспользовавшись восстанием в Тибете, в августе 1912 г. заявило Китаю, что «не может допустить ни замещения китайцами административных должностей в Тибете, ни доктрины, обнародованной Юань Ши-каем, о приравнивании Тибета к собственно китайской провинции». Юань Ши-кай отдал приказ войскам прекратить наступление на Тибет. В конце 1912 г. в Лхасу с согласия далай-ламы и его окружения, в это время уже ориентировавшихся на Англию, вступил трехтысячный английский отряд. Прокитайские деятели в Тибете были устранены от власти, некоторые — казнены. Китайские гарнизоны покинули Тибет.

Таким образом, в Тибете автономистское движение, руководимое феодалами, не принесло народу существенного облегчения, не обеспечило прогрессивного развития страны. На данном этапе лишь усилилось влияние на эти районы Азии империалистических держав.

В Индии народная борьба была направлена непосредственно против империализма. Одним из первых значительных антиимпериалистических выступлений стало движение протеста против раздела Бенгалии в 1905 г.

Бенгалия XIX в. была экономически развитой областью Индии. Тогдашний вице-король Керзон разделил Бенгальскую провинцию на две — Бенгалию и Восточную Бенгалию — по религиозному признаку. В собственно Бенгалию, т. е. западную, вошли районы с преобладающим индуистским населением, в Восточную Бенгалию — мусульманские районы.

Бенгальский народ был искусственно разрезан на две части, большая из которых (около 60% всех бенгальцев) составила основную группу населения Восточной Бенгалии, а остальные оказались в Западной Бенгалии, где образовали треть всего населения (две трети принадлежали другим народностям, исповедующим индуизм, — бихарцам, ория). В Западную Бенгалию вошла и столица Бенгалии — Калькутта.

Смысл плана британских колонизаторов заключался, по словам Керзона, в том, что раздел «разрубал надвое политические планы тех экстремистов и агитаторов, которые в своей борьбе за политические уступки искали случая, когда они смогли бы направить против британского правительства общую силу всего бенгальского народа». Англичане рассчитывали также, что в Восточной Бенгалии преобладающее влияние сохранится за мусульманской феодальной верхушкой, которая пользовалась благоволением колониальных властей и была склонна к соглашению с ними.

Шедший уже в Бенгалии процесс формирования буржуазной нации, пробуждение национального сознания стали преградой для колонизаторов. День раздела Бенгалии — 16 октября 1905 г. — стал днем национального траура. Магазины были закрыты, в очагах не разводили огня, не готовили пищу. Впервые в истории Индии по улицам Калькутты прошла массовая политическая демонстрация, вечером закончившаяся огромным митингом. Начался бойкот английских товаров и движение свадеши.

Борьба бенгальцев получила отклик в ряде народных выступлений по всей Индии. 21-я сессия Национального конгресса в Бенаресе (1905 г.) признала «правомерным» бойкот английских товаров в Бенгалии. Сессия Конгресса в Калькутте в 1906 г. впервые приняла резолюцию, требующую для Индии самоуправления (свадх) по типу английских доминионов.

В 1906—1908 гг. в разных районах Индии вспыхивали забастовки, волнения, устраивались демонстрации. 1 мая 1907 г. в г. Равалпинди (провинция Пенджаб) были вызваны в английский суд пятеро индийских адвокатов, сторонников крайних. Тогда несколько тысяч индийцев — учащихся, рабочих-железнодорожников и крестьян — собрались возле здания суда, бурно выражая возмущение. Хотя английские судьи сразу же отказались от допроса пятерых адвокатов, толпа двинулась по улицам, швыряя комьями грязи и камнями во встречаемых англичан, в окна английских контор и т. п. Спешно вызванные в город английские войска восстановили «порядок». Летом 1908 г. подобные же события произошли в Тривандраме и других городах крайнего юга Индии.

Выступлениями народных масс часто руководили представители так называемых крайних — радикального, мелкобуржуазного крыла Национального конгресса. Крайние, возглавлявшиеся Б. Г. Тилаком, расходились с умеренными главным образом в том, что не считали сотрудничество с англичанами обязательным условием проведения реформ, а полагали, что уступки надо вырвать у колонизаторов силой. Тилак в принципе принимал и революцию, однако он признавал, что в Индии начала XX в. почва для революции еще не была подготовлена. Но крайние не были организованы, не имели единой программы, в Конгрессе составляли меньшинство. В результате, даже когда массы поднимались на борьбу по их призывам, выступления все равно оставались стихийными. Некоторые участники патриотических кружков в Бенгалии и Пенджабе в то же время совершали акты индивидуального террора против английских чиновников.

Индийская либеральная буржуазия встревожилась, как бы массовое движение не вызвало анархии. На сессии в Су-

рате (1907 г.) умеренное большинство Конгресса потребовало, чтобы каждый делегат письменно заявил о согласии с первым пунктом нового устава Конгресса, которым подчеркивалось, что самоуправление Индии мыслится не иначе как в рамках Британской империи и может быть достигнуто лишь мирными, конституционными средствами. Крайние во главе с Тилаком, понимавшие самоуправление как фактическую независимость, не согласились с этим пунктом. Дело дошло до потасовки, и крайние были изгнаны из палатки, в которой проходила сессия.

Важной стороной национально-освободительного подъема 1905—1908 гг. было то, что в антиимпериалистическое движение втягивались не только индусы, но и мусульмане. В Бенгалии против раздела выступали на митингах представители и индусов, и мусульман. В 1906 г. в центре мусульманской части Бенгалии, г. Дакке, была создана общеиндийская Мусульманская лига. Во главе ее стояли вначале мусульманские феодалы, но постепенно в руководстве стали играть главную роль молодые мусульманские деятели буржуазно-националистического направления — Абул Калам Азад, Мухаммед Джинна. Они выступили с критикой английской политики в Индии, а также поддержки Англией агрессии итальянского империализма против цитадели ислама — Османской империи. В 1913 г. сессия Мусульманской лиги приняла устав, в котором содержалось требование самоуправления Индии, аналогичное тому, которое выдвигал Конгресс.

Таким образом, Англии в тот период не удалось противопоставить мусульман индусам.

Однако население мусульманских районов Индии втягивалось в национально-освободительную борьбу медленнее, чем индуистское население в таких крупных центрах, как Калькутта и Бомбей. В отсталых сельскохозяйственных районах Восточной Бенгалии и некоторых других с мусульманским населением до начала XX в. буржуазия, как правило, происходила из иных народностей Индии — гуджаратцев, марвари, на которых бенгальцы смотрели как на чужаков. Поскольку эти пришлые эксплуататоры были по религии индусами, рост местной — по национальности бенгальской, по вероисповеданию чаще мусульманской — буржуазии и обострение противоречий между ней и крупными буржуа, выходцами из Гуджарата или Раджпутаны, часто выглядели в мусульманских районах как усиление вражды между мусульманами и индусами. С ростом капиталистических отношений не только в индусских, но и в мусульманских областях это создало позднее опасность для единства национально-освободительного движения в Индии.

Английское правительство в лице министра по делам Индии Морли встало на путь широких полицейских репрессий. В 1908 г. были закрыты все радикальные газеты, редакторы и издатели брошены в тюрьмы. Были созданы специальные суды без участия присяжных заседателей, отправлявшие в тюрьму индийских общественных деятелей. Арестовали Тилака, на которого была возложена ответственность за индивидуальный террор (в действительности он выступал против методов индивидуального террора).

Ленин писал в это время: «Самые либеральные и радикальные деятели свободной Британии, вроде Джона Морли (Morley) — авторитета для русских и нерусских кадетов, звезды „прогрессивной“ (на деле = лакействующей перед капиталом) публицистики — превращаются в качестве правителей Индии в настоящих Чингисханов, которые способны санкционировать все меры „успокоения“ вверенного населения, вплоть до сечения политических протестантов!» *.

Процесс над Тилаком в Бомбее 13—22 июля 1908 г. вызвал в городе бурные демонстрации и стычки с полицией. Тилака судил суд присяжных, но семь присяжных из девяти были англичанами, они осудили Тилака на шесть лет каторги (позднее каторга была заменена тюрьмой). После вынесения приговора Бомбей был парализован всеобщей стачкой протеста, продолжавшейся шесть дней (по числу лет заключения, на которые был осужден Тилак). В столкновениях с полицией и войсками за шесть дней было убито около 200 человек. «Подлый приговор английских шакалов, — писал Ленин, — вынесенный индийскому демократу Тилаку (Tilak), — он осужден на долголетнюю ссылку, причем запрос, сделанный на днях английской палате общин, выяснил, что присяжные-индийцы высказались за оправдание, обвинение же вынесено голосами присяжных-англичан! — эта месть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвала уличные демонстрации и стачку в Бомбее. Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы, — а раз это стало так, песенка английско-русских порядков в Индии спета!» **. Бомбейская политическая стачка была завершающим актом национально-освободительного подъема в Индии 1905—1908 гг.

Вплоть до мировой войны, однако, продолжалось начавшееся в 90-х годах движение индийских эмигрантов в Южной Африке против жестокого дискриминационного режима южноафриканских расистов. Во главе движения индийцев Южной Африки стоял молодой адвокат М. К. Ганди. Он проис-

* В. И. Ленин, *Горячий материал в мировой политике*, — Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 178.

** Там же, стр. 178—179.

ходил из гуджаратской семьи, образование получил в Англии. Работая долгое время в индийской торговой фирме в Южной Африке, Ганди близко познакомился с жизнью широких слоев индийских эмигрантов — рабочих и торговцев, глубоко вник в их интересы и желания, приобрел в их среде большое влияние. В 1907 г. Ганди объявил «сатьяграху» (буквально «упорство в истине») — особую форму политического протеста, когда его участники отказывались подчиняться в каком-то вопросе властям, но не применяли насилия, даже в ответ на насилие. Требуя отмены дискриминации индийцев, Ганди в то же время подчеркивал в остальных вопросах лояльность к южноафриканским властям. Ганди поддерживал контакт с руководителем Национального конгресса в Индии — Гокхале. Две массовые кампании протеста, в 1907—1908 и в 1913 гг., сопровождавшиеся забастовками и демонстрациями, заставили правительство Южно-Африканского Союза отменить некоторые наиболее ненавистные для индийцев правила. За годы борьбы Ганди приобрел большой опыт руководства освободительным движением, превратился в крупнейшего индийского национального лидера.

В самой Индии последствием национально-освободительных выступлений 1905—1908 гг. стала серия «успокоительных» мер, принятых колониальной администрацией в 1908—1914 гг. с целью не допустить новых массовых антиколониальных выступлений. В 1909 г. английский парламент принял закон, увеличивавший число членов совещательных советов в Индии и дававший этим советам право обсуждать вносимые администрацией законопроекты, а также обращаться с собственными предложениями к колониальным властям (реформы Морли — Минто). Это была незначительная уступка, ничуть не ограничивавшая власть английских чиновников в Индии.

В 1910 г. в Индию прибыл новый вице-король, Хардинг, которому было поручено дальнейшее совершенствование политики кнута и пряника. В 1911 г. в Индию, впервые за время колониального управления Англии, прибыл английский король, короновавшийся императором Индии. В торжественной обстановке он объявил об отмене раздела Бенгалии и о перенесении столицы Индии из беспокойной Калькутты в Дели (этим англичане рассчитывали сыграть на национальных чувствах индийцев, особенно мусульман, представив себя в виде продолжателей традиций бывших владык Дели — Великих Моголов).

Национально-освободительный подъем 1905—1908 гг. оставил глубокий след в сознании индийцев. Он был первым из мощных толчков, которые на протяжении почти столетия сотрясали Индию, постепенно разрушая здание британского колониального господства.

В Индонезии в начале XX в. начался процесс формирования единой нации. Об этом свидетельствуют патриотические мотивы в деятельности индонезийских просветителей, таких, как Картини, и то, что к началу новейшего периода всемирной истории получили распространение понятия «индонезийцы» в качестве названия нации, «Индонезия» как имя будущего независимого государства, а малайский язык стал рассматриваться в качестве всеиндонезийского национального языка.

В 1908 г. возникла первая национальная организация — Буди Утомо («Прекрасное стремление»), ставившая перед собой просветительские задачи. В нее входили чиновники, студенты, врачи, почти все — выходцы из знатных яванских родов.

В 1911 г. образовался Сарекат даганг ислам («Союз торговцев-мусульман»). Побудительным толчком к его созданию было стремление зарождающейся индонезийской буржуазии объединиться в конкурентной борьбе против голландских и китайских торговцев. Несмотря на религиозную форму, Сарекат даганг ислам стал сразу рассматриваться индонезийцами как национальная организация, так как ислам был религией 90% индонезийцев. В Союз стали вступать кроме торговцев и предпринимателей также представители мелкой городской буржуазии, интеллигенции, рабочих и крестьян. В 1912 г. Союз насчитывал свыше 80 тыс. членов, в то время как число членов Буди Утомо никогда не превышало 10 тыс. Лидером Союза стал в 1912 г. журналист, выдающийся оратор и организатор У. С. Чокроаминото. По его предложению из названия Союза было выброшено слово «даганг» (торговцы), и он стал называться просто Сарекат ислам — «Союз мусульман», что отражало процесс превращения Союза в общенациональную организацию. Слабость индонезийской национальной буржуазии с самого начала обусловила мелкобуржуазный характер организации.

В 1913 г. в Сурабае состоялся I конгресс Сарекат ислама, в том же году в Суракарте — II конгресс. Сарекат ислам не называл себя партией или политической организацией, но на деле был тем и другим. Первая известная нам стачка индонезийских промышленных рабочих — на механическом заводе в Сурабае (1913 г.) — с требованием выходного дня по пятницам пользовалась поддержкой Сарекат ислама.

В 1912 г. в Бандунге была создана так называемая Индийская партия (от тогдашнего официального названия Индонезии — «Голландская Ост-Индия»). Несмотря на кратковременность существования — всего несколько месяцев, она оказала заметное влияние на ход национально-освободительного движения. Индийская партия была революционно-демо-

кратической организацией, чтившей традиции Дипонегоро, а также борцов за независимость других стран — Абд аль-Кадира, Ораби, Менелика и др. Партия состояла в большинстве из так называемых индоевропейцев, лиц, родившихся от браков голландцев с индонезийками, но в составе партии были и индонезийцы. Председателем Индийской партии стал журналист, внучатый племянник знаменитого Мультиатули — Дауэс Деккер, считавший себя индонезийцем и выступавший от лица страдающего индонезийского народа. Кроме него в руководство партии вошли и видные представители индонезийской интеллигенции.

В одной статье 1912 г. Дауэс Деккер писал: «Наша программа выражена сейчас в трех словах: Индия (т. е. Индонезия. — *Ред.*) для нас». В программе Индийской партии говорилось, что цель ее — подготовить Индонезию «к независимому существованию». Так был выдвинут лозунг независимости. И хотя партия не призывала прямо к революции, голландские власти отказались дать разрешение на ее деятельность, а лидеров партии арестовали и выслали в Голландию (1913 г.).

Ленин, отмечая возникновение союзов и партий в Индонезии как «обычные явления предреволюционного периода», писал: «Так, голландское правительство недавно распустило „индийскую партию“ за то, что в уставе и программе ее говорилось о стремлении к *независимости*. Голландские „держиморды“ (кстати сказать, одобряемые и клерикалами и либералами: сгнил европейский либерализм!) увидели в этом преступное стремление отделиться от Голландии!» *

В общем национально-освободительный подъем в Индонезии начался позже, чем в других крупных азиатских странах. Его наибольшие успехи падают уже в основном на период первой мировой войны и на послевоенные годы. В 1908—1914 гг. здесь возникли лишь первые организации национально-освободительного движения. Но в Индонезии чувствовалось уже, что времена изменились. Недаром голландский генерал-губернатор, принимая в 1913 г. руководителей Сарекат ислама, предложил «туземцам» стулья, что было в практике колониальных властей неслыханным делом.

Революции и национальные движения 1905—1913 гг. составляют важное звено в цепи освободительных выступлений народов Азии и Африки, тянущейся от японской буржуазной революции через всю последнюю треть XIX — начало XX в.

* В. И. Ленин, *Пробуждение Азии*, — Полное собрание сочинений, т. 23. стр. 146.

и переходящей затем, после Октябрьской революции, в новую историческую эпоху.

Если по своему основному содержанию азиатские революции начала XX в. не отличались от их предшественниц — революций в Японии, Египте, на Филиппинах, то по численности втянутого в них населения они поистине не имели себе равных. На борьбу за прогресс, демократию, независимость в 1905—1913 гг. одновременно поднялись народы нескольких ведущих азиатских стран, в том числе таких гигантов, как Китай, Индия, Османская империя. В борьбу за «азбучные права человека», по выражению Ленина, стало втягиваться большинство обитателей земного шара. Пробуждение всей Азии становится фактом.

В начале XX в. в крупных азиатских государствах общественные и политические отношения были гораздо более развитыми, чем в Японии накануне буржуазной революции. В середине XIX в. в Японии революция проходила при полном отсутствии в стране современных политических партий; в революционных и реформаторских движениях, возникавших в разных странах Азии и Северной Африки в 80—90-х годах, политические партии лишь зарождались. Революции начала XX в. в Османской империи, в Китае, национально-освободительный подъем в Индии проходили уже в условиях, когда политические партии в этих странах сложились за годы (а в Индии даже за десятилетия) до этого. Исключение составляет Иран, где партии сколько-нибудь современного типа к началу революции (1905 г.) еще не сложились.

В Османской империи, в Китае опорой революции выступала европеизированная армия. И до начала XX в. мы сталкиваемся с этим в Египте — в восстании Ораби, в латиноамериканских революциях, в истории ранних буржуазных революций и революционных движений европейских стран (Англия XVII в., восстание декабристов в России, испанские революции XIX в.). В Японии 1868 г. обученной по-современному армии, которая могла бы воспринять идеи буржуазной революции, еще не было.

Японская буржуазная революция победила при отсутствии оформившейся в самостоятельный класс-гегемон буржуазии. Совсем другую картину мы видим в начале XX в. в Китае, Индии, Турции: борьба развертывается под руководством национальной буржуазии этих стран, лишь в Иране буржуазную революцию начинают в 1905 г. феодальные националисты, мусульманское духовенство. Во всех странах, охваченных революционным движением в начале XX в., особую активность проявили мелкобуржуазные революционеры-демократы. Ничего подобного в японской революции не было. Большую активность и самостоятельность, чем в Японии 60-х го-

дов, проявили в азиатских революциях начала XX в. народные массы. Однако и в этот период массам не удалось превратить революции в подлинно народные, наложить на их ход отпечаток собственных требований. Либеральная буржуазия направила революции в русло решения умеренных задач. Ни в одной из азиатских стран начала XX в. не был прямо поставлен вопрос о передаче крестьянам помещичьих земель, о свержении гнета империализма.

Вопрос о тактике буржуазных революционеров по отношению к империализму в рассматриваемый период — один из самых сложных. Все революции в полуколониальных странах начинались в ответ на те или иные акции империалистов. Но непосредственно борьба революционеров направлялась против феодальных правительств своих стран, игравших роль агентов иностранного империализма. Революционеры считали, что необходимо первоначально сосредоточиться на одной цели — свержении феодального правительства — и избегать до поры до времени прямого столкновения с другой враждебной силой — империализмом. Военная мощь империализма в начале XX в. была огромна (что было продемонстрировано в Китае при подавлении восстания ихэтуаней). Страны, борющиеся за независимость, не имели тогда союзников на международной арене, они появились позже в лице социалистических государств. Для народов полуколониальных стран — Китая, Османской империи, Ирана — нельзя было добиться освобождения от иностранного гнета без борьбы против реакционных феодальных режимов, так что тактика первого удара против своего правительства могла быть в определенных условиях совершенно правильной. Сложность положения состояла, однако, в том, что свергнуть реакционные правительства без одновременной борьбы (в разных формах) против стоящего за их спиной империализма тоже было невозможно.

Ошибка буржуазных революционеров состояла не в том, что они считали первоочередной задачей свержение феодальных правительств, а в том, что боялись вовлечь в движение широкие социальные слои. Поднять по-настоящему народ, крестьянство можно было лишь лозунгами аграрной революции и прямой борьбы против империализма. Отсутствие таких лозунгов свидетельствовало о слабости национальной буржуазии. Пролетариат как самостоятельная политическая сила еще не проявил себя, радикальная мелкая буржуазия оказалась бессильной против либералов. Лишь в Иране, где либеральная буржуазия была особенно слаба, революционеры-демократы северных провинций обнаружили значительную степень самостоятельности, что, однако, тоже было бы невозможно без помощи и влияния передового класса — российского пролетариата.

Буржуазные революционеры понимали объективно антиимпериалистический характер своей борьбы. Но они ошибались, когда думали, что их странам удастся добиться освобождения по японскому образцу, т. е. что антифеодальной революции и противоречий между державами окажется достаточно, чтобы Китай, или Турция, или Иран пошли по пути независимого развития, стряхнули с себя путы неравноправных договоров. В эпоху империализма державы на Востоке опирались не только на неравноправные договоры, но и на принадлежавшие иностранному капиталу в полуколониальных (и колониальных) странах железные дороги, промышленные предприятия, банки. Опираясь на эти командные высоты в экономике, империалисты диктовали свою волю поработенным народам. Это дало возможность державам сыграть решающую роль при подавлении буржуазных революций в полуколониальных странах.

Внешне революции 1905—1913 гг. добились успеха: Китай стал республикой, в Османской империи и Иране были ликвидированы самодержавные режимы, созданы парламентские учреждения, смещены и изгнаны прежние монархи-деспоты Абдул-Хамид, Мохаммед-Али. Но феодальные отношения не были уничтожены. Фактически империализм сумел задушить революционное движение (интервенция в Иране, «реорганизационный заем» в Китае), укрепил и расширил в этот период свое господство в Китае, Иране, Турции. Таким образом, в главном буржуазные революции успеха не добились.

В колониальных странах, где освободительная борьба, естественно, сразу направлялась против империализма (Индия), национальная буржуазия все еще не решалась выдвинуть лозунг независимости, ограничиваясь требованием автономии. Империалисты отделались формальными реформами. Лишь в Индонезии к концу рассматриваемого периода был выдвинут лозунг независимости.

В то время как в ведущих азиатских странах в национальных движениях начала XX в. феодалы заметной роли не играли, наиболее отсталые районы в центре огромного Азиатского материка (Монголия, Тибет, Курдистан, Аравия) оставались на феодальном этапе освободительной борьбы, причем борьба их направлялась не против империализма, а против непосредственного угнетателя — инопатрионального феодального государства (китайского, иранского, турецкого). Национально-освободительное движение такого типа особенно удобно было использовать империалистам.

Огромная роль внешнего фактора сказалась, однако, не только в тормозящем влиянии международного империализма, но и в действии противоборствующих этому влиянию сил. Большое впечатление на народы Азии произвела победа азиатской

страны — Японии — над царской Россией. Она показала, что азиатские страны могут собственными силами побеждать европейские державы. Еще большее значение для стран Азии имела русская революция 1905—1907 гг. Наиболее непосредственным было влияние русской революции на Иран, и в этом влиянии мы можем найти разгадку того обстоятельства, что в отсталом Иране (более отсталом, чем Китай и Турция) революция в северных провинциях (Азербайджан, Гилян) проявила высокую степень демократизма.

Между странами Азии, переживавшими этап буржуазных революций, и боровшимся за социалистическую революцию пролетариатом передовых стран Европы не установился еще в этот период боевой союз против империализма, но создание такого союза приближалось. Условия для него подготовляло субъективное стремление мелкобуржуазных масс Востока избежать капиталистического пути (отразившееся в «Трех народных принципах» Сунь Ят-сена), их стихийное влечение к передовым идеям современности при всех отсталых чертах, свойственных этим социальным слоям. Возникновение в ряде стран Востока первых социалистических (иногда псевдосоциалистических) партий, первые связи азиатских революционеров-демократов с социал-демократами Европы также говорит о развитии в этом направлении.

Национально-освободительное движение в годы первой мировой войны

В 1905—1913 гг. обострялись отношения между европейскими странами — дело шло к войне между двумя империалистическими блоками.

Русско-японская война 1904—1905 гг. содействовала завершению формирования двух мировых коалиций. Царская Россия, разбитая на Дальнем Востоке, стала менее опасным соперником для Англии (а также для США). Соглашением 1907 г. между Англией и царской Россией о сферах влияния в Иране было в основном завершено создание Антанты. В том же году состоялся сговор Японии с Россией о сферах влияния в Маньчжурии, сделавший возможным последующее выступление Японии на стороне Антанты.

Среди причин начавшейся мировой бойни большое место занимала борьба за колонии. Германский империализм собирался подчинить себе Турцию, Иран, Ирак и большую часть Африки, расширить свои позиции на Тихом океане, приобрести сферы влияния в Южной Америке, т. е. установить, таким образом, свою мировую гегемонию. Англия и Франция стремились не только сохранить свои колониальные империи, но

и завладеть германскими колониями в Африке, принять участие в разделе турецких владений. Россия претендовала на Дарданеллы и Босфор. Япония ставила перед собой первоочередную, частную задачу — захват германских тихоокеанских колоний — и вторую, поистине грандиозную цель — использовать войну в Европе для подчинения японским монополиям всего Китая. Для империалистов США ближайшими задачами были: устранение Германии, опасного соперника в борьбе за мировое господство, превращение в свою вотчину Латинской Америки, укрепление позиций на Тихом океане; задачей завтрашнего дня было подчинение Китая американским монополиям.

Захватнические стремления были свойственны не только правительствам великих держав. Так, правящие круги султанской Турции строили фантастические планы подчинения Турции тюркских народов, живших на территории России и Ирана. Эти планы, а также экономическая и военно-политическая зависимость Турции от Германии привели Турцию к участию в войне на стороне германского империализма.

Начало мировой войны сразу показало, что народам Азии и Африки не удастся остаться в стороне от империалистической бойни. Османская империя вступила в войну в октябре 1914 г., ее территория сразу же стала театром военных действий: в ноябре 1914 г. английские войска прибыли в Южный Иран, в 1915 г. британский флот высадил десант в Дарданеллах. В Африке разгорелись бои на территории германских колоний — Того, Камеруна, Восточной Африки. Даже те страны Азии, которые провозгласили нейтралитет, стали ареной военных действий: на китайской территории японская армия захватила германскую концессию Цзяочжоу (ноябрь 1914 г.); турки в том же месяце вторглись в Иран, чтобы превратить его территорию в плацдарм для наступательных операций против России, однако турецкие войска были выбиты из Ирана русскими.

Народы Востока вынуждены были поставлять колониальным державам пушечное мясо и оплачивать военные расходы своих поработителей. Колонии давали рабочую силу для фронтовых и тыловых работ. Они стали важнейшим источником снабжения воюющих стран. Так, Индия должна была отправлять в Англию марганцевую руду, джутовые изделия, продовольствие. В то время как массы трудящихся Индии голодали, миллионы тонн индийской пшеницы вывозились в Англию. Две трети обуви английской армии изготовлялось из индийского сырья. Металлургические заводы Тата поставляли Англии рельсы. Ограбление народов колоний и зависимых стран принимало различные формы. Так, в Индии наряду с ростом налогов (на 50%) одним из главных методов выжи-

мания соков из народа служил широкий выпуск бумажных и серебряных денег. Если страны Антанты смогли в конечном счете одержать победу над Германией, значительно превосходившей их своей военной машиной и организацией тыла, то это в немалой степени объясняется наличием тех ресурсов, которые Англия и Франция смогли мобилизовать в колониях.

Сыны Турции, ставшей во время войны полуколонией империалистической Германии, должны были на фронте проливать кровь за чуждые им интересы. В тылу царили голод и нищета. Особенно страдали народы, томившиеся под турецким игом, — арабы, армяне, греки, курды. Население Армении ждало, как избавления, прихода русских войск. Но младотурецкое правительство Энвера, Талаата и Джемала, воспользовавшись войной, приступило в 1915 г. к выполнению разработанного до войны чудовищного плана истребления «чужеродного» армянского населения. В городах были повешены десятки представителей армянской интеллигенции. Затем началась расправа со всем народом: войска силой поднимали армян с насиженных мест и гнали якобы для переселения в новые районы, а по пути истребляли. Примерно из двух миллионов армян, живших в Турции, осталось не более ста тысяч, остальные были зверски убиты, умерли от нечеловеческих условий в дороге и в пустынях, куда их переселяли, сотни тысяч бежали в Россию, рассеялись по другим странам. С этого времени исчезло армянское население в областях, которые были населены армянами еще до нашей эры (районы оз. Ван, Эрзурума и др.). Кроме армян в Турции переселялись насильно и подвергались погромам айсоры, греки.

Жестокая расправа с национальными меньшинствами ничего не дала Турции в военном отношении: русская армия в 1916 г. заняла Эрзурум, Трабзон, район оз. Ван; турецкие войска терпели поражение за поражением. Кровавые погромы армян, айсоров и др. нанесли младотурецкому режиму большой моральный ущерб, сделав его ненавистным в глазах народов Турции и других стран*.

Война принесла народам колониальных и зависимых стран не только бедствия. Ускорились складывание экономических и политических предпосылок для нового подъема национально-освободительного движения. С одной стороны, уси-

* Убийцы не ушли от возмездия: уже после полного краха султанской Турции, в 1921 г., в Берлине армянским студентом был убит один из членов младотурецкого «триумvirата» Талаат. В 1922 г. в Тбилиси от руки другого армянского националиста пал Джемаль. Третий «триумvir», Энвер, в 1922 г. понес заслуженную кару на территории Средней Азии, где безуспешно пытался поднять народ против Советской власти. В схватке руководимой им банды басмачей с отрядом красноармейцев этот международный авантюрист нашел свою гибель.

лились империалистический грабёж, голод и нищета. Но с другой — заметно уменьшилось экономическое проникновение европейского капитала в некоторые страны. Правда, образовавшийся «вакуум» спешили использовать монополии Японии и США. Однако США были «заняты» европейскими делами (в 1917 г. США официально вступили в мировую войну) и проникновением в страны Латинской Америки. Одна Япония, которая, захватив в 1914 г. германские колонии в Китае и на Тихом океане, фактически перестала участвовать в войне и лихорадочно развивала теперь экспансию на азиатских рынках. Даже в цитадели английского колониализма — Индии, где до войны японские товары составляли всего 2,5% импорта, во время войны доля Японии в импорте достигла 20% (соответственно доля США возросла с 2,5 до 10%). Но Япония была не в состоянии одна заполнить «вакуум». В Китае, например, несмотря на увеличение импорта из Японии и США, в общем импорт хлопчатобумажной пряжи уменьшился в 1914—1916 гг. на 42%, тканей — на 27%. Впервые после 80-х годов XIX в. Китай снова имел почти бездефицитный торговый баланс.

Таким образом, уменьшение притока иностранных капиталов и товаров создало условия для роста национальной промышленности в колониальных и полуколониальных странах. Национальная буржуазия использовала сложившуюся конъюнктуру — высокий спрос на промышленные товары, прежде всего текстильные. За годы первой мировой войны число национальных предприятий, например в Китае, возросло более чем в 2,5 раза, число рабочих в них — в 2 раза, капитал — в 1,5 раза. Расширение производства происходило, однако, на старой технической основе: китайская буржуазия не имела достаточных средств, чтобы производить большие закупки оборудования за границей, к тому же в связи с войной достать и перевезти его было нелегко.

Увеличение бремени, которое должны были нести страны Востока, как и рост в этих странах национального капитализма, приходившего в столкновение с господствующим иностранным капиталом, — все это обостряло противоречия между народами колониальных стран и колонизаторами. Поскольку же империалистические страны были расколоты на два воюющих лагеря, их господство в колониальных и зависимых странах было ослаблено и облегчены условия для подъема национально-освободительной борьбы угнетенных народов.

В своей крупнейшей колонии Индии английским колонизаторам удалось благодаря уступкам верхушке индийского общества и политическим маневрам не допустить массового вы-

ступления. Основные национальные организации — Индийский национальный конгресс и Мусульманская лига — еще не выдвинули лозунга независимости. Однако движение за предоставление Индии прав доминиона — гомрул (самоуправление) — достигло в годы первой мировой войны значительного размаха.

Самым неприятным для колонизаторов было сплочение вокруг лозунга гомрула всех ранее разобщенных индийских национальных сил: крайних и умеренных внутри Конгресса, а также Конгресса и Лиги. Горячей пропагандисткой этого лозунга была с 1914 г. Энни Безант, англичанка по происхождению, избранная в 1917 г. на пост председателя Индийского национального конгресса. Ее поддерживал Тилак, выпущенный в 1914 г. из тюрьмы. Смерть в 1915 г. лидера умеренных Гокхале и замена на посту председателя Мусульманской лиги Ага-хана более прогрессивным Джинной облегчили сближение всех трех течений. В 1916 г. одновременные сессии Национального конгресса и Мусульманской лиги в Лакхнау приняли решения добиваться для Индии прав доминиона. При этом конгрессисты пошли на уступку Лиге, согласившись, чтобы мусульмане голосовали отдельно от индусов и имели в законодательных органах страны свое отдельное представительство.

Перед лицом сплоченной индийской оппозиции Англия снова прибегла к маневрированию. В августе 1917 г. министр по делам Индии Монтегю заявил в британском парламенте, что английское правительство собирается постепенно предоставить Индии самоуправление. Это было больше, чем колонизаторы обещали индийцам за все предшествующие годы своего господства.

Обещание Англии содействовало временному затишью в индийском национальном движении, дававшему Англии возможность довести до конца войну с Германией, будучи более или менее спокойной за свой колониальный тыл.

Правда, во время войны в некоторых районах Индии (Восточная Бенгалия, Пенджаб) были попытки организовать вооруженное восстание против английского господства, но попытки эти, носившие характер заговоров, обычно вскрывались английской разведкой и подавлялись еще до начала выступления. Деятельность индийских революционных организаций оживилась во время войны, так как они рассчитывали на помощь Германии в борьбе с Англией.

Подготовкой выступлений руководили эмигрантские центры и лидеры: организация «Гхадр» в Сан-Франциско; «временное правительство Индии», образованное в Кабуле из мусульман и индусов; лидер индийских мусульман Шейх ул-Хинд, находившийся в Аравии, откуда он посылал в Индию

«шелковые письма» — написанные на шелке призывы к «священной войне» против колонизаторов. Заговорщики были связаны с Германией и Турцией, получали от них деньги и оружие. В феврале 1915 г. в Лахоре предстали перед судом 175 сторонников «Гхадра», 20 из них были казнены. После этого американской полицией была разгромлена организация «Гхадр» в Сан-Франциско. В 1918 г. в Мекке англичанами был схвачен Шейх ул-Хинд, который затем был сослан на о-в Мальту.

Деятельность индийских подпольных организаций, возникших до и во время первой мировой войны, оказала влияние на развитие национально-освободительного движения не только в Индии, но и на Цейлоне, в Малайе, Бирме. В странах Юго-Восточной Азии и на Цейлоне существовало значительное индийское население, среди которого индийские революционеры вели пропаганду. Организация «Гхадр» имела свои отделения в Бангкоке и Батавии (Джакарте).

Подпольные организации вне Индии сосредоточили основное внимание на антианглийской пропаганде и организации заговоров в индийских воинских частях. В Бирме — тогда провинции Британской Индии — гхадровские и мусульманские подпольные группы действовали среди военной полиции, кадры которой формировались из сикхов и пенджабцев-мусульман. Распространялись листовки с призывом бороться против английского господства, велась устная пропаганда. Восстание в Бирме планировалось на конец 1915 г., но в ноябре заговор был раскрыт колониальными властями, а его организаторы арестованы.

Гораздо большее значение имели события в Сингапуре. Вечером 15 февраля 1915 г. солдаты 5-го пехотного полка убили нескольких офицеров и, захватив склад с боеприпасами, атаковали лагерь немецких военнопленных. Охрана лагеря была перебита, часть пленных бежала из лагеря. В руках восставших оказались казармы и склады с оружием, они контролировали подступы к городу (казармы 5-го полка находились в 4 км от Сингапура).

Английские власти растерялись, европейское население было в панике. Командование опасалось присоединения к восставшим другого индийского полка, расположенного под Сингапуром. Но повстанцы действовали нерешительно. Вместо того чтобы двинуться в город, они в течение почти двух суток безуспешно штурмовали засевших в доме полковника английских волонтеров. Тем временем оправившиеся от первого испуга английские колониальные власти Сингапура и их верный слуга — султан малайского княжества Джохор — подтянули к городу все наличные силы: было мобилизовано все «белое» мужское население города.

На помощь англичанам поспешили союзники — подошел французский крейсер, два японских и русский крейсер «Орел». При поддержке десантов с этих судов англичанам удалось выбить восставших из лагеря. 17 февраля часть их сдалась англичанам, а 18 февраля и остальные повстанцы покинули лагерь. Разбившись на мелкие группы, индийские солдаты ушли в глубь острова.

21 февраля в Сингапур прибыл из Рангуна пехотный полк, и началось прочесывание джунглей на острове. Основная масса восставших, прижатая к Джохорскому проливу в северной части острова, была вынуждена сдаться. Но военные действия на острове продолжались, лишь в начале марта союзные десанты были отозваны, английские части вылавливали уцелевших повстанцев.

Последовала жестокая расправа: 2 человека были повешены, а 38 — публично расстреляны. Многие солдаты были приговорены к пожизненной ссылке и длительным срокам тюремного заключения. Остальных солдат отправили на фронт.

Восстанию в Сингапуре свойственны черты, общие всем движениям, организованным индийскими националистическими обществами в период первой мировой войны: заговорщический характер, неумение опереться на население. Кроме того, в Сингапуре индийские солдаты не смогли выдвинуть из своей среды достаточно решительных руководителей; часть 5-го полка, состоявшая из патанов, не поддержала раджпутов, восставшие не сумели захватить артиллерию, которая уже была помещена на суда для перевозки в Гонконг, куда должен был передислоцироваться 5-й полк.

Сингапурское восстание представляет интерес не только с точки зрения истории национально-освободительного движения в Индии. Это было первое революционное выступление в Малайе после превращения всей страны в английскую колонию, оно оказало большое влияние на рост антиколониальных настроений в этой стране.

В других колониях также происходили вооруженные восстания против колонизаторов. Во Вьетнаме активно действовала возникшая перед войной буржуазная революционная организация Куанг Фук Хой. Хотя лидер ее Фан Бой Тяу находился в тюрьме, члены Куанг Фук Хой подготовили восстание, которое должна была поддержать созданная ими на китайской территории «Армия независимости». Германская разведка в Таиланде оказала помощь повстанцам — предоставила им заем в 10 тыс. индокитайских пиастров. В сентябре 1914 г. французская полиция нанесла движению серьезный

удар, разгромив несколько подпольных революционных групп; тринадцать революционеров, пробравшихся в Ханой из Китая для руководства восстанием, были схвачены и казнены на гильотине.

С января 1915 г. начались вооруженные выступления отрядов добровольцев в различных районах Вьетнама: нападения на тюрьмы, французские учреждения и т. д. Не имевшие единого руководства, слабо связанные с народными массами отряды эти обычно терпели поражения. В сентябре 1915 г. и феврале 1916 г. в Хюэ состоялись две конференции руководящих деятелей Куанг Фук Хой, на которых обнаружилось значительное усиление монархических настроений среди членов организации: большинство высказалось за конституционную монархию буржуазного типа. Был установлен контакт с королем Зуй Таном, восстание назначено на май. Однако колониальные власти снова опередили революционеров: произвели массовые аресты, разоружили ненадежные вьетнамские воинские части, стянули французские войска. Король Зуй Тан был сослан на о-в Реюньон.

Но и после этого провала революционное брожение во Вьетнаме продолжалось. В 1916 г. происходили многочисленные стихийные выступления крестьян против помещиков, против вербовки во французскую армию. Часто такие выступления возглавлялись средневековыми крестьянскими тайными союзами — «Небо и земля» и др. В ряде районов происходили восстания национальных меньшинств против власти колонизаторов.

Самым крупным антиколониальным выступлением во Вьетнаме во время войны было восстание вьетнамских солдат в провинции Тхай-Нгуен в августе 1917 г. Получив приказ о выступлении от заграничного центра Куанг Фук Хой, отряд патриотически настроенного офицера Чинь Ван Кана захватил тюрьму и освободил политических заключенных, присоединившихся к восстанию. Среди заключенных был член военного отдела ЦК Куанг Фук Хой — Лыонг Нгок Куен. К восставшим солдатам, которых насчитывалось свыше 600 человек, примкнуло несколько сот крестьян, несколько десятков шахтеров.

Оправившись от неожиданности, колониальные власти бросили в провинцию Тхай-Нгуен войска. Понеся в боях большие потери, повстанцы должны были оставить центр провинции. В бою погиб Лыонг Нгок Куен. В течение нескольких месяцев преследуемые противником повстанцы переходили с места на место, силы их в непрерывных боях таяли. В начале 1918 г. сопротивление последних партизанских отрядов прекратилось, их руководитель Чинь Ван Кан покончил самоубийством.

Во время первой мировой войны самое крупное на Востоке восстание произошло в стане союзников Германии и было направлено не непосредственно против колонизаторов, а против феодального колониального гнета султанской Турции, которая в свою очередь зависела от германского капитала. Это было восстание самой многочисленной из угнетенных турками народностей Османской империи — арабов.

Центром национально-освободительного движения арабов в начале войны была Сирия. Здесь, а также в Ираке действовали подпольные буржуазно-националистические арабские организации. Они завязали сношения с правителем Мекки Хусейном, который вступил в тайные переговоры также с английскими властями Египта. Англичане обещали поддержать арабское восстание, рассчитывая использовать арабов против турок. Втайне же правительства Англии и Франции договорились о разделе между ними арабских стран: Ирак и Палестина должны были отойти Англии, Сирия и Ливан — Франции (соглашение Сайкс — Пико 1916 г. и декларация Бальфура 1917 г.).

Младотурецкое правительство попыталось использовать ненависть к колонизаторам арабского населения английских, итальянских и французских колоний в Африке. Был провозглашен джихад — «священная война» против врагов ислама, генерал-губернатором Сирии и командующим расположенными на ее территории войсками, предназначенными для наступления на Египет, назначен один из лидеров младотурок — Джемаль. Но, несмотря на пропаганду младотурок и поражение английских войск в Ираке в начале войны (в 1915—1916 гг. здесь была окружена турками и взята в плен армия английского генерала Таунсенда), арабское население Египта так и не восстало. Несомненно одной из причин было то, что восстановление турецкого господства ничуть не привлекало египтян. Только в Ливии туркам удалось использовать так называемое сенуситское движение, направленное против итальянских колонизаторов. Сенуситы освободили от оккупантов большую часть страны (за исключением прибрежных районов). Окончательное поражение сенуситам итальянцы нанесли лишь в 20-е годы. Однако события в Ливии имели локальный характер и не облегчили тяжелого военного положения Турции. Во французских же колониях призыв к джихаду вовсе не получил никакого отклика.

Между тем опасность арабского восстания в самой Османской империи нарастала. Чтобы предотвратить восстание, турецкие власти прибегли к своему обычному средству — репрессиям. Джемаль установил в Сирии и Ливане царство террора. Были брошены в тюрьмы и концлагеря сотни арабских патриотов, казнены многие деятели национально-осво-

бодительного движения. Среди повешенных в Бейруте 6 мая 1916 г. четырнадцать человек были видные арабские лидеры Абдаль Хамид Захрави, Абд аль-Тани аль-Урейси и др. С тех пор 6 мая отмечается в Ливане как День мучеников, и площадь, на которой совершилась казнь, носит имя — площадь Мучеников.

Разгром арабских буржуазно-националистических организаций не смог предотвратить восстание. Ненависть арабов к турецким угнетателям только усилилась. Но в результате репрессий буржуазное крыло национально-освободительного движения было серьезно ослаблено и руководство движением захватили феодалы во главе с правителем Мекки Хусейном и его сыновьями Файсалом и Абдаллахом.

Восстание началось в июне 1916 г. в районе Мекки. Захватив Мекку, повстанцы, которых собралось несколько десятков тысяч, осадили в Медине 15-тысячный турецкий гарнизон. Так как восставшие бедуины не умели брать крупные города, осада Медины затянулась до конца войны. Остальная территория Хиджаза была освобождена от турок. Хусейн провозгласил себя «королем арабов», но Англия и Франция, не стремившиеся к единству арабов, признали его только «королем Хиджаза».

Передовой отряд повстанцев во главе с Файсалом, при котором состоял советником пресловутый герой английской разведки Лоуренс, выдвинулся далеко на север, в направлении Палестины. Численность отряда была невелика — ядро его составляла всего тысяча с лишним бойцов, но это были отборные воины, а главное — на их стороне были симпатии и поддержка всего арабского населения. В июле 1917 г. отряд Файсала занял порт Акабу и стал правым флангом наступавшей из Египта английской армии Алленби, которая предприняла уже несколько неудачных попыток наступления на Палестину.

Арабское восстание против турецкого господства явилось переломным моментом в военных действиях. В марте 1917 г. англичане вступили в Багдад. Осенью армия Алленби при поддержке отряда Файсала — Лоуренса вторглась в Палестину. Отряд Файсала, выросший за счет поднимавшегося на борьбу местного населения до 15 тыс., вышел в конце 1917 — начале 1918 г. к Мертвому морю, и лишь категорический запрет Алленби удержал арабов от дальнейшего продвижения.

Опасаясь, как бы арабское восстание не приобрело слишком большого размаха и не затруднило тем самым осуществление империалистических планов послевоенного раздела арабских стран, английское командование не спешило с дальнейшими наступательными операциями. Только после того как

Германия была сокрушена на Западном фронте, когда пришло известие, что и на Балканах турецко-болгарский фронт прорван союзниками, Алленби возобновил наступление. В короткий срок англичане заняли Сирию и Ливан (октябрь 1918 г.) и уже после заключения в Европе Компьенского перемирия вошли в Мосул.

Таким образом, в то время как германские империалисты и их турецкие союзники пытались обратить в свою пользу национально-освободительное движение в Индии, Египте, Вьетнаме, Англия использовала в собственных военных целях восстание арабов против турецкого господства.

В полуколониальных странах, так или иначе втянутых в мировую войну, — Китае, Иране — правящие круги, обладая некоторой долей самостоятельности, пытались лавировать между двумя воюющими блоками, использовать империалистические противоречия, чтобы противостоять тем державам, опасность со стороны которых была более непосредственной (для Ирана ближайшими противниками были Англия и Россия, для Китая — Япония).

В Иране еще со времен подавления Революции 1905—1911 гг. в ряде районов находились русские войска. В ноябре 1914 г. англичане оккупировали о-в Абадан и ввели свои войска в порт Бушир. Турция развернула на территории Ирана военные действия против русских. Германия создала в Иране свою шпионскую сеть. «Персия формально нейтральна в этой войне. На деле и русские и англичане, с одной стороны, — и турки с немцами, с другой — *воюют* и грабят *на персидской территории*» *, — писал Ленин. В марте 1915 г. Англия и Россия достигли соглашения о передаче Англии после войны «нейтральной зоны» между русской и английской сферами влияния в Иране. Взамен этого Англия сулила России турецкие проливы.

Возмущение хозяйничаньем империалистов в годы войны было в Иране всеобщим. Меджлис третьего созыва, большинство в котором принадлежало помещичье-буржуазной Демократической партии, не прочь был в борьбе против ближайших противников — Англии и России — использовать помощь Германии. Часть депутатов меджлиса и видные деятели духовенства переехали вместе с германской и австро-венгерской миссиями в 1915 г. из Тегерана в Кум и здесь создали так называемый Комитет национальной обороны, взявший на себя функции правительства. Комитет провозгласил «священную войну» против России и Англии, началось формирование отрядов борцов за свободу.

* В. И. Ленин, *Тетради по империализму*, — Полное собрание сочинений, т. 28, стр. 701.

Однако в результате побед русской армии над турецкой в Тегеране усилилось влияние Антанты, к власти пришло новое правительство, пошедшее на переговоры с Англией и Россией. В январе 1916 г. было заключено соглашение о создании на юге Ирана корпуса Южно-Персидских стрелков под руководством английских офицеров. Эти части помогли Англии установить после войны контроль над Ираном.

Американцы в Иране вели двойную игру: на севере поддерживали немецкую агентуру, а на юге — англичан. Посланник США Колдуэлл взял на себя защиту немецких и турецких интересов на севере Ирана и даже принял на хранение в посольство немецкое оружие и денежные средства. В 1916 г. США создали «Комитет помощи Ирану», вели работу среди беженцев и оказывали им материальную помощь, рассчитывая завоевать симпатии населения.

Иранское правительство в условиях оккупации иностранными войсками значительной территории страны не могло урегулировать политическое и экономическое положение. В результате военных действий были разорены многие города, сожжены и разграблены сотни деревень; население некоторых районов Ирана лишилось хлебных запасов — все было изъято для нужд иностранных армий. Из-за засухи 1917 г. в стране начался голод, цены на хлеб возросли в 12—15 раз.

Финансовое положение Ирана уже в первые годы войны было настолько критическим, что Англия и Россия в 1915 г. предоставили Ирану моратории по займам, но Иран не мог заплатить нужных сумм. Страну наводняли иностранные бумажные деньги, золотой и серебряной монеты почти не было.

Представители правого крыла Демократической партии (Мостоуфи аль-Мамалек, Восуг од-Доуле, Кавам эс-Салтане) ориентировались на Германию и сотрудничали с немцами (позже Восуг од-Доуле переориентировался на Англию, Кавам эс-Салтане — на США). В марте 1915 г. в Тегеране группой буржуазных демократов была создана революционная организация «Комите-йе моджазат» («Комитет возмездия») во главе с Абдулом Фатх-заде, участником революции 1905—1911 гг. Комитет ставил задачу организовать индивидуальный террор против иранских реакционеров и империалистических агентов.

Антиимпериалистическим движением в Иране в 1915—1916 гг. стали руководить радикальные демократические элементы. Наибольшего размаха борьба достигла в Гиляне, где действовали партизанские отряды джангелийцев под руководством панисламистской буржуазно-националистической организации «Эттехад-е ислам» («Единение ислама») во главе с Мирзой Кучек-ханом. Организация ставила целью борьбу под знаменем ислама с иностранными захватчиками и шах-

ским правительством, послушно исполнявшим волю России и Англии. В состав ее руководства вошел и бывший член «Комитета возмездия» Эхсанулла-хан. Расправа англофильского правительства Восуг од-Доуле над участниками антиимпериалистического движения, в том числе над членами «Комитета возмездия», выступавшего за свержение шаха и изгнание англичан, усилила антиправительственные настроения населения.

В Китае выступления против агрессии японского империализма перемежались с выступлениями прогрессивных сил против феодальной реакции, пытавшейся уничтожить последние остатки завоеваний буржуазной революции 1911—1913 гг.

Японский империализм спешил воспользоваться удобным моментом для установления своего монопольного господства в Китае. Захватив германскую концессию в провинции Шаньдун, Япония не собиралась выводить оттуда свои войска. Когда китайское правительство потребовало вывода японских войск из Шаньдуна, правительство Окума ответило отказом, а затем предъявило Китаю «21 требование» (18 января 1915 г.). Эти требования делились на пять групп: 1) требования передать Японии бывшие германские права и концессии в провинции Шаньдун; 2) требования продлить срок аренды Японией Порт-Артура, Даляня, Южно-Маньчжурской и Мукден-Аньдунской железных дорог с 25 до 99 лет и предоставить японскому капиталу исключительные права в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии; 3) требования передать Японии Ханьпинский угольно-металлургический комбинат; 4) требования не предоставлять другим державам, кроме Японии, в аренду порты, острова и территории на побережье Китая; 5) требования назначить японских советников при китайском правительстве; установить японский контроль над китайской полицией и армией, над строительством стратегических дорог; предоставить японскому капиталу права в провинции Фуцзянь.

Несмотря на секретный характер «21 требования», содержание их вскоре стало известно общественности. В Шанхае, Гуанчжоу и других городах начался бойкот японских товаров, сопровождавшийся митингами и распространением анти-японских листовок. Создавались патриотические общества для руководства бойкотом, студенты организовали пикетирование японских лавок. Торговые палаты — эти организации китайской национальной буржуазии — стремились возглавить движение.

Правительство Юань Ши-кая приказывало подавлять антияпонские выступления. Митинги разгонялись полицией, но

поменшать бойкоту товаров власти были не в состоянии. Он продолжался с февраля по сентябрь и охватил почти все провинции Китая. В то же время размах японских требований встревожил США и других соперников Японии, так что японское правительство не рискнуло настаивать на принятии Китаем пятой, наиболее далеко идущей, группы требований.

9 мая 1915 г. правительство Юань Ши-кая приняло первые четыре группы японских требований, что было затем оформлено подписанием секретного японо-китайского договора. День 9 мая стал в Китае «днем национального позора», годовщина его отмечалась на протяжении ряда лет митингами и демонстрациями. Бойкот японских товаров достиг после 9 мая наивысшей точки. Китайские власти, боясь, как бы движение не переросло в антиправительственное, смотрели на него сквозь пальцы, а иногда даже делали вид, что сочувствуют бойкоту. Национальная буржуазия также старалась, чтобы движение не вышло за рамки «культурного», без применения силы, бойкота. Она стремилась переключить движение на сбор пожертвований для нужд национальной промышленности и обороны.

В результате бойкота ввоз японских товаров в Китай за первую половину 1915 г. уменьшился по сравнению с первой половиной 1914 г. на 33%. Японское правительство Тераути вынуждено было избрать «новый курс» в своей политике в Китае, делая главную ставку не на открытые военные угрозы, а на подкуп китайской правящей верхушки.

Антияпонский бойкот в Китае постепенно прекратился в августе — сентябре 1915 г. На авансцену политической жизни Китая выдвинулись внутренние проблемы. Правительство Юань Ши-кай, откупившись ценой национального предательства от японской угрозы, спешило использовать передышку для уничтожения республиканского строя, введенного в Китае революцией 1911—1913 гг., и восстановить монархию. Юань Ши-кай милостиво «согласился» на уговоры стать основателем новой императорской династии.

Однако в декабре 1915 г. в окраинной провинции Юньнань вспыхнуло антимонархическое восстание и за несколько месяцев распространилось на половину Китая. В антимонархическом движении объединились республиканская и либерально-монархическая буржуазия, мелкая буржуазия и интеллигенция, к нему примкнули и сепаратистски настроенные местные феодальные милитаристы. Сунь Ят-сен и его «Революционная партия» не играли в этом движении значительной роли.

Под угрозой всеобщего восстания Юань Ши-кай заявил об отказе от восстановления монархии. Вскоре попытка кучки феодальных «легитимистов» возвести на престол последнего

представителя «законной» Цинской династии — юного Пу И (жившего после революции 1911 г. на территории иностранной концессии) — также закончилась провалом (1917 г.).

Однако пользу из поражения сторонников монархии извлекли провинциальные губернаторы, имевшие в своих руках реальную военную силу. Китай фактически распался на вотчины феодальных милитаристов. Власть республиканского правительства в Пекине после 1916 г. стала призрачной. Господство иностранного капитала осталось непоколебленным.

В 1917 г. китайское правительство объявило войну Германии, надеясь, что участие в войне позволит Китаю вкушать от плодов победы*. Китайцы рассчитывали получить обратно свою территорию в Шаньдуне, когда-то захваченную Германией, а затем отнятую у нее Японией. Участие Китая в войне свелось к отправке небольшого числа рабочих в Европу для строительства укреплений.

В годы первой мировой войны в Китае произошли серьезные сдвиги в сфере культуры и идеологии. Развитие национальной промышленности и подъем национально-освободительной борьбы содействовали возникновению движения «за новую культуру», против старой феодальной культуры, пропитанной схоластикой и догматизмом. Передовая буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция начала группироваться вокруг выходившего в Шанхае под редакцией Чэнь Ду-сю ежемесячного литературного и общественно-политического журнала «Новая молодежь». Выдвигались лозунги борьбы за науку и демократию.

В то же время опыт буржуазной революции 1911—1913 гг., выявившей слабость национальной буржуазии, ее неспособность к гегемонии, толкал мыслящие элементы китайского общества на поиски новых путей.

Хотя Голландия и ее колонии остались вне войны, мировая война отразилась и на них. В частности, голландские власти, опасаясь вторжения в Индонезию японских империалистов, приняли меры к укреплению обороны колонии. Для оплаты расходов на оборону «в интересах туземного населения» налоги на индонезийцев были сильно увеличены.

* К концу войны иллюзорные надежды на улучшение в случае участия в войне против Германии своего положения были не чужды буржуазии и интеллигенции ряда колониальных стран. Так, общественность Филиппин довольно рьяно требовала от США отправки на фронт — против Германии — филиппинской дивизии, думая, что это даст право требовать после победы предоставления Филиппинам независимости. Индийский национальный конгресс помогал Англии вербовать добровольцев в армию.

Военные действия на море нарушили торговые связи Индонезии с Европой, сократился импорт предметов широкого потребления, цены на них возросли. Несколько выросло число мелких национальных предприятий, но после войны они в большинстве легко были сметены иностранной конкуренцией. В конце войны в Индонезии свирепствовал голод, к которому добавилась эпидемия испанки (гриппа).

Крестьяне ряда районов Явы отказывались платить налоги. Эти выступления часто носили религиозный характер. В отдельных местностях происходили столкновения крестьян с властями.

Росла численность крупнейшей национальной организации Сарекат ислам: в начале 1916 г. число ее членов приблизилось к 800 тыс. В июне 1916 г. в Бандунге состоялся первый национальный конгресс Сарекат ислама. Название «национальный», как подчеркнул председатель конгресса Чокроаминото, отражало стремление Сарекат ислама «подняться на высоту нации». Конгресс, сохраняя в общем лояльную позицию по отношению к голландским властям, выдвинул требование автономии или хотя бы привлечения индонезийцев к управлению Индонезией.

Крестьяне верили Сарекат исламу и делали из его пропаганды собственные, иногда гораздо более радикальные выводы. Так, в начале 1916 г. один из лидеров Сарекат ислама Гунаван посетил Джамби (на юго-востоке Суматры), где население было возмущено налоговым гнетом и злоупотреблениями чиновников. Призывы Гунавана подчиниться властям вызвали разочарование и породили сомнение: «настоящий» ли это Гунаван? После его отъезда нашелся, как это нередко бывает в подобных случаях, самозванец — беглый арестант Дувахид, назвавшийся Гунаваном. В августе 1916 г. в Джамби началось под руководством крестьянского тайного союза восстание, в котором приняли участие и местные члены Сарекат ислама. Ставший руководителем повстанцев, Дувахид именовался теперь уже не Гунаваном, а «воскресшим раджей Джамби». Повстанцы убивали полицейских чиновников. Присланные в декабре с Явы и из Западной Суматры войска подавили восстание. Сотни его участников пали в бою, 76 были приговорены к смерти, 1738 — к каторге и заключению в тюрьме. Однако властям пришлось пойти на некоторые уступки — было обещано уменьшить на Суматре налоги и повинности.

В Индонезии в годы первой мировой войны уже началось соединение национально-освободительного движения с опытом сознательного пролетариата передовых европейских стран.

Особенностью положения в Индонезии было существование здесь во время войны марксистской организации — одной

из первых в колониальных странах. Это было «Индийское (по названию «Голландская Ост-Индия») социал-демократическое объединение», созданное в мае 1914 г. в Сурабае группой голландских интеллигентов (Г. Снефлит и др.). Среди голландских социал-демократов, вошедших в это объединение, активная роль с самого начала принадлежала левым. На сто с лишним членов организации вначале было только три индонезийца, но постепенно число их увеличилось. Когда к началу 1917 г. в Сурабае была создана дочерняя индонезийская организация «Социал-демократического объединения», она насчитывала свыше ста членов.

Левые во главе со Снефлитом не были вполне последовательными марксистами, допускали сектантские и другие ошибки. Тем не менее их деятельность в Индонезии сыграла большую положительную роль. Они издавали газеты, пропагандировавшие марксизм, работали в профсоюзах, некоторые индонезийцы — члены «Социал-демократического объединения» (Семаун и др.) — вступили в ряды Сарекат иелама. По-видимому, левым лидерам «Социал-демократического объединения» были известны некоторые статьи и выступления Ленина во время мировой войны. Они оказали влияние на выработку у левых более четкого понимания империализма и более ясного представления о путях антиимпериалистической борьбы. Газеты «Социал-демократического объединения» не раз ссылались на опыт русских революционеров.

Зарождение социалистического движения отсчитается в этот период также в двух странах Африки — Южно-Африканском Союзе и Алжире. Здесь была значительная прослойка «белых» колонистов и существовал пролетариат европейского происхождения, связанный с рабочим движением в Европе.

В Южной Африке в 1909 г. была создана лейбористская партия по образцу английской. Она представляла только рабочих-иммигрантов, прибывших из Европы. Однако в лейбористской партии имелась прогрессивная группа во главе с А. Джонсом, С. П. Бантингом, У. Х. Эндрюсом, стоявшая за вовлечение в организацию рабочих-африканцев. После начала мировой войны интернационалистские элементы выделились из лейбористской партии, образовав в 1915 г. Интернациональную социалистическую лигу. Деятели лиги организовали первые в Южной Африке марксистские кружки.

В Алжире профсоюзное и социалистическое движение зародилось в конце XIX — начале XX в. в виде филиалов профсою-

зов и Социалистической партии Франции. Один из будущих руководителей французских коммунистов Марсель Кашен писал в 1911 г., вернувшись из пропагандистской поездки по Алжиру: «Алжирская социалистическая федерация приняла на себя трудную задачу распространить там наше учение... Наша партия, которая гордится тем, что она не проводит никакого различия между пролетариями по расовым или по религиозным признакам, обязана поддержать эту пропагандистскую работу». Но в то время алжирские социалистические организации состояли из европейцев. Более интенсивно втягивались в социалистическое движение эмигранты и учащиеся из колоний, жившие в самой Франции. Из их среды быстро выдвинулась сразу после первой мировой войны целая плеяда первых коммунистов африканского и азиатского происхождения: вьетнамец Хо Ши Мин, китаец Цай Хэ-сэнь, малагасиец Ралаймунгу, инициаторы и руководители первой коммунистической организации в Африке — «Североафриканская звезда» — и др.

Первая мировая война принесла новые тяготы и лишения населению Тропической и Южной Африки: упадок хозяйства, широкие реквизиции продовольственных и других сырьевых ресурсов, мобилизацию коренных жителей в армии воюющих держав. Бедствия африканцев усугублялись тем, что в колониях развернулись военные действия между войсками Антанты и Германии. И немцы, и их противники принуждали африканцев переносить грузы для своих армий, при этом погибали десятки тысяч людей. Так например, в лесах и болотах Камеруна погибло около 50 тыс. носильщиков из Французского Конго.

В разных колониях масштабы мобилизации в армию были различны. Англичане призвали более 60 тыс. солдат, которых использовали прежде всего для захвата Камеруна и Германской Восточной Африки. В боях за Германскую Юго-Западную Африку, где немцев поддерживала часть бурских колонистов из английских владений, участвовали только европейские войска Великобритании. Больше всего людей мобилизовала Франция. Ее колонии, расположенные к югу от Сахары, дали 230 тыс. сенегальских стрелков, которые в основном сражались на европейских фронтах.

Массовая мобилизация послужила одной из причин ряда восстаний, вспыхнувших во французских колониях в конце 1914 г. В этих восстаниях приняли особенно активное участие народы Западной Африки — бамбара, марка, туареги. Фактически из-под контроля правительства Франции выпали обширные территории, лежащие в бассейне Нигера. В конце 1915 г. повстанческое движение перекинулось в верховья Черной Вольты (район Дедугу), где жили марка. В декабре

1915 г. вблизи Дедугу африканцы нанесли поражение французскому отряду, насчитывавшему свыше 800 человек.

Тяжелые бои между африканцами и колониальными войсками продолжались в 1916—1917 гг. На границе с английскими владениями, вблизи Вадаи, поднялись даджо, против которых был брошен отряд в несколько сот человек. По словам французского офицера, командира этого отряда, в последнем бою «противник, неся огромные потери от огня, сражался с большим ожесточением. Пехотинцы и кавалеристы многократно пытались прорвать наше каре... Несколько настоящих героев... продолжали эпическую атаку до конца. Все без исключения пали под градом пуль один за другим. Последние погибли менее чем в двадцати метрах от каре».

В то время как даджо боролись против французов, в соседнем Англо-Египетском Судане началось восстание форов — жителей Дарфура. Правитель этого государства, заручившись поддержкой сенуситов, заявил, что отказывается подчиняться европейцам. Против форов были направлены 3 тыс. регулярных англо-египетских войск, поддержанных авиацией. Бои, длившиеся с марта по май 1916 г., закончились поражением форов и гибелью их предводителя. Народные восстания, правда меньшего размаха, имели место почти во всех колониях, расположенных к югу от Сахары.

В Южно-Африканском Союзе в 1912 г. возникла крупная националистическая организация — Африканский национальный конгресс, которая выступила за мирные формы антиколониальной борьбы. Во главе конгресса стояли протестантские пасторы, африканцы по происхождению. Они подчеркивали свою лояльность властям и призывали коренных жителей вступать в ряды английской армии, сражавшейся против немцев.

Однако не все африканские религиозные деятели занимали подобную позицию. В Ньясаленде пастор Чилембве создал подпольную военную организацию и попытался поднять восстание. В конце 1914 г. (незадолго до своей гибели, последовавшей за разгромом восстания) Чилембве писал в местной газете: «Пусть идут воевать и гибнут богатеи, банкиры, знать, купцы, плантаторы и помещики. А вместо них должны идти на смерть африканцы-бедняки».

Антиколониальная борьба в годы первой мировой войны оставила глубокий след в истории стран Африки южнее Сахары. Важное значение имело то, что солдаты, побывавшие в Европе, вернулись на родину далеко не теми забитыми крестьянами, какими уезжали. «Они хотят, чтобы с ними обращались как с европейцами», — сетовал в 1916 г. орган французских колониалистских кругов «Африк франсэз». Таким образом, империалистическая война, вырывая десятки

тысяч людей из колоний, способствовала росту их сознания, втягивала народные массы в национально-освободительное движение.

Помощь международного демократического и рабочего движения национально-освободительным силам

В период так называемого мирного развития капитализма, когда в Европе не было больших войн, но не прекращались «малые» войны колонизаторов во всех концах земного шара, передовые люди Европы, несмотря на шовинистическую пропаганду, поднимали голос в защиту порабощенных народов.

На английскую агрессию в Египте 1881 г. англичане Джеймс Томсон и Уилфрид Блант откликнулись возмущенными стихами. Томсон спрашивал (в поэме «Голос Нила»), почему плоды труда детей Нила — феллахов — захватывают чужеземцы. Уилфрид Блант написал в защиту порабощенного Египта поэму «Ветер и буря». Поэма Бланта была переведена на арабский язык, и уже не только на английском, но и на арабском звучали слова поэта, обращенные к Британской империи:

Ты лицемерья символ и обмана,
Вошла ты в Лету в роли палача.

Блант называл основным делом своей жизни освобождение угнетенных наций. Он гордился тем, что был первым англичанином, попавшим в тюрьму за защиту свободы Ирландии.

Блант пытался организовать политическую кампанию против нападения на Египет. Выступления его имели широкий международный отклик. Его статью конспектировал К. Маркс. На него ссылался Лев Толстой, хранивший его работу в своей библиотеке. Бернард Шоу называл его «англичанином с незапятнанной личной и общественной репутацией». В пятидесятилетнюю годовщину английской агрессии 1881 г. египетский публицист Давут Баракат, главный редактор «Аль-Ахрам», специально посвятил прочувствованные строки благородству Бланта. Память о Бланте сохранилась и в Индии, о которой Блант писал: «Я верю, что туземцы способны управлять своим государством гораздо лучше, чем мы, расходуя на это примерно одну десятую часть того, что стоит им английская администрация». О деятельности Бланта с благодарностью вспоминал Неру.

В своей критике колониализма Блант руководствовался этическими мотивами, научный социально-экономический

анализ происходящего его не интересовал. Он предпочитал выступать в одиночестве и не был связан с какими-либо массовыми организациями.

В конце XIX в. вследствие отказа руководителей тред-юнионов от решительной борьбы с капитализмом английское рабочее движение переживало тяжелые дни. Тем не менее лучшие представители рабочего класса продолжали бороться против колониализма. «Социалистическая лига» (Элеонора Маркс, Уильям Моррис и др.) в 1885 г. выступила в защиту народов Судана и призвала рабочих протестовать против «безнравственного и бесчестного акта разбоя» по отношению к участникам восстания махдистов. Другая рабочая организация — «Социал-демократическая федерация» еще в 1884 г. требовала «законодательной независимости для Индии и других частей империи». Характеризуя позицию Генри Гайндмана, руководителя «Социал-демократической федерации» в 1911 г., Ленин писал: «Гайндман до своего недавнего поворота к шовинизму был решительным врагом английского империализма и вел с 1878 года благородную кампанию разоблачений против тех позорных насилий, бесчинств, грабежей, надругательств (вплоть до сечения политических „преступников“), которыми прославили себя издавна англичане всех партий в Индии» *.

Своими антиимпериалистическими выступлениями приобрел известность социалист Гарри Квелч. Протестуя против недооценки колониального вопроса социалистами, он заявлял: «Если народ Индии пожелает остаться в подчинении у капиталистов собственной нации — это в конце концов его дело. Но это ни в какой мере не может оправдать навязывания ему господства нашего класса капиталистов... Мы отстаиваем право индийского народа самому решать свои дела, и мы горячо желаем свержения британского господства в Индии».

Тем не менее все эти выступления были лишь проявлением мужества небольших политических групп, шедших против течения. Единственным значительным антиколониалистским движением в Англии, добившимся успеха, была массовая кампания в связи с инцидентом в Деншавас, деревушке в дельте Нила, где в июне 1906 г. во время стычки с крестьянами один английский офицер был ранен, а затем умер от солнечного удара по дороге на станцию. Четверо крестьян, участвовавших в столкновении, были казнены, девять приговорены к вечной каторге. Эта судебная расправа вызвала

* В. И. Ленин, *Гайндман о Марксе*, — Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 390.

массовые протесты в Египте и во всем мире, что привело к отставке Кромера, английского наместника в Египте, и амнистии осужденных «деншавайцев».

Ревизионисты в рядах рабочего движения выступали в защиту колониализма. В манифесте 1900 г. «Фабианство и империя» они пытались обосновать необходимость сохранения Британской империи интересами «мировой цивилизации». «Представление, что нация имеет право поступать как ей угодно со своей территорией, безотносительно к интересам остального мира, — писали они, — не более основательно, с точки зрения международного социализма, т. е. с точки зрения XX в., чем представление, что лендлорд может поступать как хочет со своими владениями, без учета интересов его соседей». Исходным пунктом рассуждения фабианцев был национальный нигилизм, пренебрежение к национально-освободительному движению с надуманной точки зрения «мировой цивилизации». Попытка будущего премьер-министра Англии Джеймса Р. Макдональда критиковать точку зрения фабианцев с позиций пацифизма, ответственности Англии за отсталые народы, а не с точки зрения революционного пролетариата, по существу также была очередной попыткой облачить империализм в «социалистическую» фразеологию. В 1905 г. конференция Независимой рабочей партии приняла резолюцию в поддержку борющегося индийского народа. В 1907 г. ежегодная конференция этой партии выступила против интервенции в Иране. Однако партия ограничилась резолюциями, а практически против колониализма боролась лишь ее небольшая часть.

Большое значение в этих условиях имело выступление английского марксиста, в будущем действительного члена Академии наук СССР Федора Ротштейна с книгой «Захват и закабаление Египта» (1910 г.). Отказавшись от сентиментальной декламации и идеализации национально-освободительного движения, характерных для допролетарской антиколониалистской публицистики, Ротштейн строго научно раскрыл сочетание методов финансово-экономического, дипломатического и военного проникновения в Египет и трагические последствия его для населения Египта. Преемственность традиций антиколониализма отмечает один из руководителей Коммунистической партии Великобритании Палм Датт, который, раскрывая значение книги Ф. Ротштейна, пишет: «Она стоит на моей книжной полке среди самых дорогих для меня книг: Г. Гайндмана „Банкротство Индии“, Э. Мореля „Красный каучук“ и Д. Гибсона „Империализм“. Эти книги превратили в сознательную ту ненависть к империализму, которую я инстинктивно питал еще ребенком». Но в книге Ротштейна еще не был сформулирован вывод о

необходимости союза национального движения с пролетариатом развитых стран.

Практические контакты между рабочим движением Англии (как и других стран-метрополий) и национально-освободительным движением еще не были установлены.

В 1893 г. южноафриканские тред-юнионы выступили с неслыханным призывом — создать отряды добровольцев в защиту героического народа матабеле, уничтожаемого колонизаторами (намерение осуществлено не было). В начале XX в., во время пребывания в Южной Африке, лидер Независимой рабочей партии Кейр Харди предложил профсоюзам белых рабочих принимать в свои ряды африканцев. «Это предложение произвело такую сенсацию, как если бы я предложил перерезать глотки всем белым, проживающим в Южной Африке», — вспоминал потом с насмешкой Кейр Харди.

В 1909 г. в Женеве на втором конгрессе египетских патриотов У. Блант и Ф. Ротштейн советовали египтянам создать подпольную организацию для подготовки к свержению британского господства; присутствовавший на том же конгрессе Джеймс Кейр Харди занял, однако, гораздо более умеренную позицию.

Начало XX в. было временем наступления правого оппортунизма в рабочем движении, что и отразилось, в частности, в позиции ряда партий по колониальному вопросу.

В отличие от Англии во Франции различные течения в рабочем движении, боровшиеся между собой, иногда объединялись в своем протесте против колониальных авантюр.

По инициативе Жюля Геда и группы последовательных социалистов «Эгалите» во Франции развернулась массовая кампания протеста против военной экспедиции в Тунис, начатой за спиной парламента. Лозунг Геда: «Виновников войны — под суд!» подхватили бланкисты и мелкобуржуазные радикалы. Массовая кампания не была завершена, в частности, из-за сектантских ошибок Геда, избегавшего совместных действий с радикалами.

В этой борьбе принял участие великий патриот Италии Джузеппе Гарибальди. В письме, опубликованном во Франции, он писал по поводу захвата Туниса: «Итак, конечно! Ваша республика больше никого не обманет... Ваша тунисская война позорна... Ваши знаменитые генералы, которые позволили пруссакам впихнуть себя в вагоны для скота и возить по Германии после того, как покинули и отдали врагу полмиллиона своих храбрых солдат, — сейчас эти генералы хвастливо проявляют свою „доблесть“ в отношении слабого тунисского народа, который ничем им не обязан и ничем их не оскорбил». Выступление Гарибальди произвело большое впечатление во Франции, потому что именно Гарибальди и его сыновья при-

шли на помощь Франции в трагические дни поражения 1871 г., вступив добровольцами во французскую армию.

В 1885 г. во Франции происходили демонстрации против агрессии во Вьетнаме и Китае. Резолюцию протеста принял съезд Рабочей партии Франции. Газета «Ле кри дю пепль» («Голос народа»), издававшаяся бывшим коммунаром Жюлем Валлесом, писала: «Мы ведем в Китае отвратительную захватническую войну, одна мысль о которой должна вызывать у нас, республиканцев, отвращение... Мы, только вчера пережившие нашествие врага, ныне сами совершаем такое преступление, как вторжение». 22 февраля 1885 г. в Париже состоялся большой международный митинг протеста против колониальных войн Англии и Франции, на котором выступили представители английских и французских рабочих.

В прениях в палате депутатов в 1894—1895 гг. по поводу присоединения Мадагаскара к Франции все выдающиеся ораторы рабочего класса — Жюль Гед, Жан Жорес, Эдуар Вайян — разоблачали этот акт произвола. Но палата большинством голосов приняла закон о присоединении Мадагаскара.

Переход Франции к империализму, как и в Англии, сопровождался изменой ряда лидеров рабочего и демократического движения. На этом фоне приобретает особое значение эволюция политических взглядов Жана Жореса. Жорес вступил на политическую арену сторонником колониалиста Ферри, однако жизнь скоро развеяла его иллюзии о мирном распространении европейской культуры в колониях. Он защищал предложение делегации Французской рабочей партии о включении в повестку дня Лондонского конгресса II Интернационала (1896 г.) пункта: «Позиция трудящихся в отношении колониальной политики». В статье, посвященной этой теме, за два месяца до конгресса Жорес писал: «Во-первых, неуспынная бдительность во имя сохранения мира и обуздания чрезмерных притязаний той или иной нации, во-вторых, неустанное попечение об угнетенных народах, борьба за постепенное предоставление им более широкой автономии и защита их по меньшей мере от самых крайних эксцессов насилия и эксплуатации; в-третьих, расширение международных гарантий, обеспечивающих всем народам в их свободной деятельности использование великих исторических или экономических путей земного шара, — вот правила, которых мог бы придерживаться международный социализм в своей практике».

В течение многих лет Жореса волновала проблема мирного решения национального вопроса. Вначале он писал лишь об автономии для угнетенных наций, потом перешел к отстаиванию безусловного права народов защищать свою независимость и безусловной обязанности пролетариата поддерживать

их борьбу, полностью отказавшись от рассуждений о народах, нуждающихся в покровительстве. Однако он так и не сделал вывода о единстве интересов рабочих развитых стран и поработанных народов, ограничившись мечтой о будущем братстве людей всех цветов кожи.

Против колониальных захватов выступали писатели-гуманисты Анатоль Франс, Ромен Роллан. В романе-утопии «На белом камне» Франс вложил в уста своему положительному герою Ланжелье следующее высказывание: «Колониальная политика — это наиболее современная форма варварства, или, если Вам больше нравится, предел цивилизации. Я не делаю различия между этими выражениями: они тождественны». В знаменитом воззвании «Убиваемым народам», потрясшем общественное мнение Европы во время мировой войны (1916 г.), Ромен Роллан напоминал: «Кто возгласит о страданиях народов, отданных в жертву хищничеству колониальных экспедиций? Когда приподнимался край завесы над тем или иным участком этого поля скорби — над Дамаралендом или над Конго, кто мог вынести вид их без ужаса? Кто из „цивилизованных“ может вспомнить без краски стыда о маньчжурской резне и о китайской экспедиции 1900—1901 гг., когда германский император ставил своим солдатам в пример Аттилу и соединенные армии „цивилизации“ соперничали между собой в вандализме по отношению к более древней и более высокой цивилизации?».

В Соединенных Штатах в конце XIX в. видные деятели культуры выражали возмущение колониальными подвигами «новых героев» Америки на Филиппинах. «Да, мы разгромили обманутый доверчивый народ; да, мы предали слабых, беззащитных людей, которые на нас надеялись; мы стерли с лица земли республику, основанную на принципах справедливости, разума и порядка; мы заставили наших чистых юношей взять в руки опозоренное оружие и пойти на разбой под флагом, которого в былые времена разбойники боялись», — писал Марк Твен.

В разгар шовинистического психоза, вызванного испано-американской войной, лидер американских социалистов Юджин Дебс с гордостью заявлял: «Насколько мне известно, ни один из 10 тыс. членов социал-демократической партии не вступил в армию». Социалисты будут участвовать только в такой войне, которая поставит перед собой задачу «покончить с капитализмом — общим врагом угнетенных и поработанных всех национальностей».

В Италии социалисты выступали в парламенте против нападения на Эфиопию, требуя отозвания войск из Африки. Протест представителей итальянской общественности привел к падению правительства Криспи в 1895 г. Когда через пят-

надцать лет правительство Италии затеяло новую колониальную авантюру в Африке — войну за Ливию, значительная часть социалистической партии, руководимая Биссолати, поддержала шовинистов, однако левое крыло партии в тот момент было сильнее. Съезд партии в Модене (в октябре 1911 г.) выразил «непримиримую враждебность войне со стороны социалистической партии». Партия провела ряд антивоенных стачек и демонстраций; судебным преследованиям и арестам подверглось около 200 человек.

Крупные антиколониальные выступления произошли даже в такой сравнительно отсталой стране, как Испания. При попытке правительства мобилизовать солдат для посылки в Марокко (июль 1909 г.) в Барселоне вспыхнуло восстание. После поражения значительное число его участников было казнено, среди них известный публицист, анархист Франсиско Феррера. Эти события имели широкий отклик не только в Испании, но и в других странах. После гибели Ферреры была поставлена в Бейрутском театре пьеса о нем, написанная в течение суток тремя арабскими писателями. Роль Ферреры исполнял известный артист Азиз Ид. Один из авторов пьесы, Деуд Муджанс, посетил могилу Ферреры и прочитал там поэму, посвященную его памяти.

В Германии социал-демократическая партия встретила начало колониальной экспансии единодушным протестом. В период «чрезвычайных законов» против социалистов нелегальный орган партии «Социал-демократ», издававшийся в Цюрихе, опубликовал серию статей, разоблачавших «социальных шарлатанов», пытавшихся лечить отечество с помощью колониальной политики.

Август Бебель написал в это время очерк истории арабской мусульманской культуры, борясь с европоцентристским образом мышления шовинистической буржуазии. Но и в этот сравнительно ранний период своей деятельности германские социал-демократы допускали некоторые колебания, в критике колониализма использовали аргументы буржуазной оппозиции о дороговизне колониальных захватов, положительно оценивали переселенческие колонии европейских рабочих в Африке.

Эрфуртская программа 1891 г. провозгласила, что социал-демократическая партия Германии борется «не только против эксплуатации и угнетения наемных рабочих, но и против всякого рода эксплуатации и угнетения, направлены ли они против класса, партии, пола или расы». Но Эдуард Бернштейн, воспринявший фабианские идеи, выступил как открытый пропагандист ревизионизма, в том числе в национально-колониальном вопросе. Он договорился до шовинистического утверждения, что «за дикарями можно признать лишь весьма

ограниченное право на занимаемую ими территорию. В крайних случаях и здесь высшая культура имеет высшее право». Хотя шовинизм Бернштейна был отвергнут немецкими социал-демократами, появился ряд тревожных симптомов, свидетельствовавших о неверном теоретическом истолковании колониального вопроса в Германии. Широкое распространение получила концепция «хорошей» и «плохой» колониальной политики. Особенно серьезную опасность представляли высказывания Каутского о том, что носителем колониализма являются лишь реакционные, консервативные элементы общества (бюрократия, военные, торговые монополии, дворяне). Каутский отрицал качественное отличие нового, империалистического этапа развития капитализма, порождавшего войны за колонии, за передел мира.

Революционная часть немецких социал-демократов продолжала разоблачать империалистическую политику. Во время интервенции империалистических держав в Китае и подавления восстания ихэтуаней, выступая в рейхстаге, Бебель назвал интервенцию «хищническим походом, какой редко можно встретить в истории», Роза Люксембург характеризовала ее как «новый Священный союз международной реакции». Вильгельм Либкнехт в речи 28 июля 1900 г. говорил: «Нас обвиняют в том, что мы держим сторону Китая и выступаем против собственного народа. Но мы не лицемеры, двойной морали не признаем. Мы защищаем равное право для всех. В Китае пущена в ход политика насилия с участием и нашего правительства, которому нечего там делать». Франц Меринг высмеивал утверждение, будто восстание племени гереро в Юго-Западной Африке в 1904 г. затрагивает национальную честь. «Немецкая колониальная политика с самого начала была фарсом, кроваво-грязным фарсом», — писал он позднее.

Левые социал-демократы Германии потерпели поражение в борьбе с оппортунизмом и не смогли предотвратить измены социал-демократии делу социализма. Революционная часть немецкого рабочего движения — левые допускали теоретические ошибки в колониальном вопросе, их оценка империализма была ошибочной, они не смогли выработать теоретического обоснования союза пролетариата и национально-освободительного движения. В практической же деятельности их борьба против колониализма была последовательной и искренней. Они подготовили создание коммунистической партии в Германии, заложили основы ее интернационалистских традиций.

В России второй половины XIX в., несмотря на некоторое пренебрежение международными вопросами, свойственное народникам, передовые деятели науки и культуры продолжали традиции антиколониализма. Один из крупнейших ученых-социологов Максим Ковальский писал: «Политика европейцев

в колониях не может быть названа более подходящим термином, чем политика истребления». Одно из произведений Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы» — злая насмешка над «цивилизаторской миссией» России в Средней Азии.

Лев Толстой обличал в статьях и обращениях итало-абиссинскую, американско-испанскую и другие войны, интервенцию держав в Китае в 1900 г. Он искал и находил поистине всемирную аудиторию. Один из близких ему людей Д. П. Маковицкий вспоминает, что, узнав в 1905 г. о жестокостях бельгийцев в Конго, Толстой заговорил о необходимости написать книгу о преступлениях против «нецивилизованных народов». «А какое мне дело до рас? Я не делаю различия между ними. Я стою за человека», — говорил Л. Толстой корреспонденту газеты «Фигаро». Среди выдающихся деятелей разных стран, обращавшихся к Толстому, испытавших на себе его влияние, были великий сын Индии Махатма Ганди, арабский просветитель Мухаммед Абдо.

После выхода на арену политической жизни русского рабочего класса укрепились антиколониальные тенденции в русском обществе. Авангард пролетариата России, ставшей в начале XX в. центром мирового революционного движения, — Российская социал-демократическая партия, несмотря на то что марксистская теория национально-колониального вопроса находилась еще в процессе становления, с самого начала заняла политически правильную позицию по отношению к колониальной политике самодержавия как внутри России, так и вне ее границ.

Не случайно первый номер первой общерусской социал-демократической газеты «Искра» содержал статью В. И. Ленина «Китайская война», разоблачавшую империалистическую интервенцию в Китае. Сразу после начала русско-японской войны Ленин написал обращение ЦК РСДРП «К русскому пролетариату», где разоблачалась агрессия царизма на Дальнем Востоке, обращение, распространенное затем в виде листовки во всех крупных городах России.

Центральная и местная нелегальная социал-демократическая печать систематически разоблачала великодержавный шовинизм, защищая интересы угнетенных народов. С глубоким сочувствием освещалось национально-освободительное движение внутри России и за рубежом. «Демократы китайские, персидские, демократы Индии, демократы Египта знают, что их дело есть дело общее, а социалистический пролетариат Европы давно уже ждет момента, когда заколеблется фундамент реакции в Азии», — писала большевистская газета «Звезда» 6 января 1912 г.

Марксистские публицисты взяли на себя инициативу распространения правдивой информации о странах Азии и о по-

ложении поработанных царизмом народов. Вслед за В. И. Лениным они начали также серьезную теоретическую работу по осмыслению социальных процессов, происходящих на Востоке (М. П. Павлович, И. И. Скворцов-Степанов).

Некоторое влияние на национально-освободительное движение в странах зарубежной Азии и Африки оказала русская революционная эмиграция.

Один из инициаторов «хождения в народ» на Украине Николай Судзиловский в годы эмигрантских странствований был дружен с болгарским поэтом и революционером Христо Ботевым и политическим деятелем Китая Сунь Ят-сеном. Под псевдонимом Руссель Судзиловский был избран в гавайский сенат, где возглавил фракцию, выступавшую за независимость Гавайских островов от США. Узнав о революции 1905 г. в России, он приехал в Японию и развернул пропаганду среди русских военнопленных. Здесь он познакомился с Сунь Ят-сеном, с которым потом поддерживал переписку, обсуждая проблемы китайской революции. Сунь Ят-сен и его соратник Сун Цзяо-жэнь встречались также с Борисом Оржихом, участником последней попытки воссоздания «Народной воли», и с Григорием Гуршуни, руководителем боевой организации партии эсеров.

Если в теоретическом плане различные европейские теории мелкобуржуазного социализма всерьез привлекали Сунь Ят-сена, то тактика индивидуального террора, характерная для мелкобуржуазных революционеров, не была им принята. В опыте революции 1905 г. его интересовала роль армии в вооруженном восстании. В то же время часть китайских революционеров, принявших идею террора для борьбы с династией Цин, использовала в 1910 г. помощь русских эмигрантов-эсеров на японской территории.

Незаконный арест англо-египетскими властями в Александрии редакции русской эмигрантской газеты «Моряк» в 1907 г. вызвал демонстрацию протеста жителей города. Это — одно из первых проявлений ответной симпатии афро-азиатской общественности к освободительному движению в России наряду с письмом группы 28 турецких офицеров и чиновников к сестре и сыну лейтенанта П. П. Шмидта, вождя восстания черноморских моряков. В этом письме (опубликованном в журнале «Красный архив» в 1925 г.) говорилось: «Клянемся и мы великому гражданину Шмидту, клянемся его дорогим для нас прахом вместе с русским народом, что будем бороться за святую гражданскую свободу, во имя которой у нас погибло немало наших лучших граждан. Мы клянемся еще и в том, что будем всеми силами и мерами стараться знакомить турецкий народ с событиями в России, чтобы общими усилиями завоевать право жить по-человечески». Письмо подписали пред-

ставители различных национальностей Турции и Кавказа. Среди подписавших были командир крейсера, командир миноносца, адъютант военного министра, помощник начальника тюрьмы, несколько младших и старших офицеров.

«Русские» методы борьбы, например политическая стачка, заимствовались в период «пробуждения Азии» в Индии, Иране и других странах.

Революционный российский пролетариат оказывал и прямую помощь национально-освободительному движению угнетенных народов как России — Кавказа, Средней Азии, так и зарубежных стран. Исключительно большую помощь получил соседний с Россией Иран. Помощь российской демократии прогрессивным силам Ирана — самый яркий до 1917 г. пример международной революционной солидарности.

Влияние революционной борьбы российского пролетариата на пробуждение Ирана можно проследить еще до начала иранского конституционного движения 1905 г. Живыми проводниками этого влияния были, как указывалось выше, иранские отходники, а также отдельные представители иранской интеллигенции, которые либо эмигрировали в Россию, либо временно жили в России, получали здесь образование и включались в работу российских революционных организаций. Некоторые русские революционеры жили в это время в Иране. В 1901 г. через Иран в Россию переправлялся журнал «Заря» и другая революционная литература. Ленинская «Искра» из Мюнхена через Берлин и Вену шла по почте небольшими посылками (по 4 кг) на Тебриз, далее перевозилась через иранскую границу и поступала в Баку, где перепечатывалась в подпольной типографии «Нина».

Выше отмечалось, что осенью 1904 г. при Бакинском комитете РСДРП возникла организация «Гуммет», которая проводила агитационно-пропагандистскую работу среди мусульман — местных и пришлых из Ирана — и приобщала их постепенно к забастовочному движению.

В первые годы революции в Иране у иранских социал-демократов не было своей типографии и им приходилось печатать нелегально и завозить из Закавказья (Баку, Батуми) прокламации и другую литературу. Иранская прогрессивная пресса в эмиграции публиковала тогда смелые обращения ко всем слоям иранского народа, ко всем патриотам Ирана с призывом бороться за свободу, брать пример с народов Европы, с французских революционеров, но особенно с России. 24 августа 1906 г. «Хабль уль-Матин» поместила статью одного из иранских авторов (проживавшего в России), который писал о русской революции: «Поистине взоры всех сознательных людей обращены в ту сторону, потому что каждый из современников читал о восстании французов ради установления справедливо-

сти, но не видел этого своими глазами. Теперь в России происходят те же события». Один из известных иранских революционеров М. Н. Малек оль-Мотекаллемин (казнен в 1908 г.), знавший В. И. Ленина, писал в 1907 г. в газете «Рух оль-Кудс»: «Ленин ведет русский народ к великой революции. Вышедшие с лозунгом: „Долой царское самодержавие!“ — миллионы рабочих, крестьян и интеллигентов требуют от палача народов Николая, чтобы он оставил Иран и дал возможность жить, как нам хочется. Ленин — самый влиятельный авторитет современной России. Он поставил перед народом России задачу сорвать цепи угнетения и деспотическое ярмо, построить новую Россию. Мы уверены в том, что скоро взойдет солнце свободы на горизонтах России».

Из Закавказья в Иран тайно переправлялось революционное оружие. Вначале его провозили иранские подданные, потом отправкой оружия занялись и жители Закавказья. В 1908 г., после обращения ЦК иранских социал-демократов с просьбой о помощи, были созданы два комитета содействия персидской революции. Комитетом содействия при Тифлисском комитете РСДРП руководил Нариман Нариманов, при Бакинском комитете РСДРП — Мешади Азизбеков. Через подпольные партийные связи и при активном участии иранцев — членов организаций иранских социал-демократов, действовавших на территории России (в Тифлисе, Баку, Порт-Петровске, Ашхабаде и других местах, возможно даже — с 1909 г. — во Владикавказе), — они организовывали нелегальную доставку в Иран оружия, боеприпасов и отправку добровольцев. В Тифлисе формированием отрядов добровольцев в Иран, доставкой оружия и патронов занимался большевик Г. М. Матиашвили (Гиго). Он сам проводил пешком до Тебриза группы добровольцев и побывал в Иране четыре раза. В Тебризе саттархановцы хорошо знали этого человека с длинными русыми усами, которого они звали «бомбист Гиго».

Мешади Азизбеков дважды был в Иране, привозя оружие, патроны и литературу. Нелегально посетив в 1908 г. в Тебризе Саттар-хана, Азизбеков сделал по возвращении в Баку доклад о положении в Тебризе. Вторично М. Азизбеков приезжал в 1910 г. в Решт.

После подавления революции в России в 1907 г. социал-демократические организации Закавказья, несмотря на преследования царской охранки, оказывали действительную помощь иранской революции, рассматривая ее как возможность нанести удар по общему врагу — царизму и по мировому империализму. Добровольцами-интернационалистами, отправлявшимися в Иран, были грузины, армяне, азербайджанцы, русские, украинцы и представители других национальностей. Среди них было много большевиков, но были также представители

меньшевизма, весьма тогда распространенного в Закавказье, и члены армянской партии «Гнчак», именовавшие себя социал-демократами. По сообщениям царских дипломатов, в Тебризе число направленных туда закавказскими социал-демократическими организациями лиц достигало 150. По словам иранского историка М. Б. Виджуеи, участника Тебризского восстания, смелые и храбрые «гурджи» * умели бросать ручные бомбы, сражались в первых рядах, увлекая за собой всех во время контратак. Российские революционеры помогли открыть в Тебризе мастерскую по изготовлению бомб. Артиллерией у Саттар-хана ведал Т. А. Гончаров («Алеша»), которого современники считали матросом с «Потемкина». Среди повстанцев он пользовался огромной популярностью. После поражения в Тебризе Гончаров переехал в Решт, где руководил строительством укреплений на Тегеранской дороге. Специально посланный царской охранкой агент в июне 1910 г. убил его выстрелом из двустолки. Похороны Т. А. Гончарова вылились во внушительную демонстрацию рештских революционеров.

Когда в Тебризе в 1908 г. скончался от ран один из бойцов, солдат-артиллерист из Батуми Чито Давахедие, также были организованы торжественные похороны. Саттар-хан дал приказ своим отрядам под красным знаменем проводить товарища в последний путь. За гробом шло около 4 тыс. человек, они пели марсельезу и другие революционные песни. С удивлением взирали на эту процессию представители иностранных держав в Тебризе.

По данным иранского автора Исмаила Амирхизи (секретаря Саттар-хана), в борьбе за дело иранского народа погибло более 50 грузин и армян, прибывших из России. Кроме них в списке жертв иранской революции значится имя только одного иностранца — американского миссионера Бескервиля, который во главе небольшого отряда принял участие в бою на стороне тебризских повстанцев и погиб в этом бою. Саттар-хан и тебризские революционеры устроили ему также торжественные похороны.

После того как в Тебриз в мае 1909 г. вступили царские войска и российские революционеры вынуждены были покинуть город, Саттар-хан и его дружинники ночью, тайно проводили их до речной переправы. Дальнейший путь добровольцев был также опасен и труден. Они обошли Тебриз с западной стороны и пошли на северо-запад, через г. Хой, где им устроили братскую встречу местные иранские революционеры во главе с губернатором социал-демократом Хайдаром Аму-

* Гурджи по-персидски значит грузин, но во время революции 1905—1911 гг. в Иране в отрядах «гурджей» были представители разных национальностей.

оглы. Затем они двинулись к русской границе, повсюду с уважением встречаемые и провожаемые крестьянами.

Одновременно с помощью Тебризскому восстанию закавказские организации РСДРП оказывали большую помощь развитию революционного движения в Гиляне. Для участия в готовившемся восстании в Реште группы боевиков-добровольцев отправлялись из Баку, ехали первую часть пути поездом, а дальше шли пешком вдоль побережья Каспийского моря до Энзели и Решта. По материалам грузинской социал-демократической газеты «Ахали схиви» (1909 г.), в ноябре — декабре 1908 г. в Реште собрались 22 боевика, в том числе 16 грузин (11 членов РСДРП и 5 беспартийных, сочувствовавших социал-демократам), трое русских (анархисты), один азербайджанец (эсер), один еврей и один немец. Боевики, приглашенные в Решт тайным комитетом местных революционеров, имели задачу помочь в подготовке восстания, которое должно было по их расчетам отвлечь хотя бы половину шахских войск, наступавших в это время на Тебриз. За три месяца с Кавказа в Решт было доставлено 17 маузеров, 43 гранаты, пуд динамита. В восстании в Реште приняли участие 29 кавказских боевиков, на которых были возложены самые ответственные задачи. По жеребьевке, так как все рвались в бой, семь человек были выделены для осуществления первого ответственного акта восстания — нападения на губернатора. Губернатор, два чиновника и охранник были застрелены в загородном дворце, после чего взрывом гранаты был дан сигнал к выступлению в городе. При взятии городской резиденции губернатора добровольцы из России также сыграли большую роль. Во время восстания двое из них погибли: гранатометчик Шалва Долидзе и студент юридического факультета Петербургского университета Бегляр, а восемь человек были ранены.

Вместе с жителями Решта и крестьянами окрестных селений закавказские революционеры принимали участие во всех боях на тегеранской дороге и в бою за Казвин. В марте 1909 г. ряды добровольцев пополнились вновь прибывшими; в их отряде было уже около 100 азербайджанцев и армян и 40 грузин. Два грузинских гранатометчика отличились в боях на улицах Тегерана, когда отряды гилянцев и бахтиар вошли в столицу.

Большую помощь в развитии международных социал-демократических связей Ирана оказал Г. К. Орджоникидзе (Серго), находившийся в Гиляне с августа 1909 г. по ноябрь 1910 г. Осуществляя связь между Парижем, где находился В. И. Ленин, и закавказскими организациями РСДРП (особенно при подготовке VI Всероссийской конференции РСДРП), Орджоникидзе в то же время оказывал помощь гилянским революционерам. Долгое время Серго жил в Реште. Туда же в феврале 1910 г. прибыл М. Азизбеков, оформившийся в каче-

стве инженера на бетонные работы в фирме «Нобель», там же был оформлен в качестве бухгалтера Серго. Серго участвовал в походе гиланских революционеров на Ардебиль, был в Астаре, Энзели. Находясь в Иране, он оказал большую помощь местным революционерам в развертывании пропаганды марксизма и в получении социал-демократической литературы из-за границы. Во время его пребывания в Реште местные революционеры начали перевод на персидский язык «Манифеста Коммунистической партии».

В марте 1910 г. в Реште был создан при активной помощи Серго Интернациональный клуб. Орджоникидзе печатал также в грузинской демократической прессе корреспонденции о событиях в Иране.

Об интересе демократической общественности России и русской эмиграции к революционным событиям в Иране свидетельствует внимание, с которым они отнеслись к информации, привезенной из Ирана В. Мгеладзе (Триа). Он прочел на эту тему 27 докладов в разных городах Закавказья, затем 11 докладов в Западной Европе. Будучи в гостях у А. М. Горького на Капри, Мгеладзе читал свой реферат «О положении дел в Персии», в котором приводились данные о вмешательстве царского правительства в дела Ирана. Ленин интересовался докладом Мгеладзе «Кавказские социал-демократы в Персидской революции» и торопил его издание в качестве приложения к докладу РСДРП на VIII конгрессе II Интернационала в Копенгагене. Ленин прочел доклад и отредактировал его. Брошюра была опубликована в Париже в 1910 г.

VIII конгресс II Интернационала, состоявшийся 28 августа — 3 сентября 1910 г., принял резолюцию «О Персии». В конце 1911 г. Ленин направил секретарю Международного социалистического бюро К. Гюйсмансу полученную ЦК РСДРП телеграмму от ЦК демократической партии Персии, в которой выражался протест против вмешательства русского царизма и английского империализма во внутренние дела Ирана. В сопроводительном письме Гюйсмансу Ленин сообщал, что телеграмма будет опубликована в газете РСДРП «Социал-демократ», и выражал надежду, что содержание ее будет сообщено всем партиям, входящим во II Интернационал.

В сентябре 1911 г. в газете «Социал-демократ» было помещено воззвание, подписанное «Центральный комитет Персидской социал-демократической партии», который от имени «молодой Персии» обращался к европейскому социалистическому пролетариату, к рабочим всего мира с призывом поднять голос в защиту свободы Ирана.

РСДРП не на словах, а на деле откликалась на эти призывы. В январе 1912 г. на VI Всероссийской конференции РСДРП, которая проходила под знаменем пролетарского ин-

тернационализма, была заклеена захватническая, насильственная политика царизма, политика удушения свободы народов. В особой резолюции был выражен протест против разбойничьих действий царизма, заключившего союз с империалистической Англией для совместного подавления революции в Иране. В резолюции было записано: «Конференция выражает свое полное сочувствие борьбе персидского народа и, в частности, борьбе персидской с.-д. партии, понесшей столько жертв в борьбе с царскими насильниками»*.

Большевистская партия на примере Ирана показала, какой должна быть действенная помощь пролетариата передовых стран национально-освободительному движению. Иранские историки наших дней с уважением пишут о героях-добровольцах, помогавших Ирану завоевать конституцию и отбивать атаки реакционных Каджаров. Память о рыцарях интернационального долга свято хранит иранский народ.

Русские революционеры отстаивали права колониальных народов на таком всемирном социалистическом форуме, каким в конце XIX — начале XX в. был II Интернационал. Линия II Интернационала в национально-колониальном вопросе не оставалась неизменной, являясь предметом острой идеологической борьбы.

Цюрихский конгресс (1893 г.) принял резолюцию протеста против агрессии Франции, блокировавшей в тот момент побережье Сиам. В резолюции о политической борьбе, принятой Лондонским конгрессом (1896 г.) и высоко оцененной Лениным, провозглашалось право наций на самоопределение и разоблачалась сущность колониальной политики: «Каков бы ни был повод для колониальной политики — будь он религиозный или лжесцивилизаторский — она по существу своему есть лишь расширение поля капиталистической эксплуатации в исключительных интересах класса капиталистов»**. Впервые как самостоятельный пункт в повестке дня колониальный вопрос был поставлен на Парижском конгрессе 1900 г. К осуждению колониализма конгресс добавил план практической работы по борьбе с ним: «Организованный пролетариат должен употреблять все средства, находящиеся в его власти, чтобы бороться с колониальным расширением буржуазии и клеймить при всяком случае и со всей энергией те несправедливости и жестокости, которые совершаются во всех частях мира... С этой целью конгресс предлагает в особенности следующие меры:

* В. И. Ленин, VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП, — Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 155.

** «История Второго Интернационала», т. I, М., 1965, стр. 271—272.

1) Исследовать колониальный вопрос различным политическим партиям везде, где для этого имеются подходящие экономические условия. 2) Способствовать образованию колониальных социалистических партий, примыкающих к организациям метрополий. Установить сношения между социалистическими партиями колоний» *.

Основным недостатком этой резолюции по сравнению с лондонской является исчезновение требования самоопределения наций.

На Амстердамском конгрессе (1904 г.) впервые выступили представители народов Азии. В центре внимания было рукопожатие представителей рабочих воевавших в то время между собой России и Японии — Г. В. Плеханова и Сэн Катаяма, избранных заместителями председателя конгресса. Горячо было встречено выступление Дадабхаи Наороджи, одного из лидеров Индийского национального конгресса; делегаты единодушно поддержали его требование предоставить Индии самоуправление.

Проблемам колониализма было уделено особое внимание на конгрессе в Штутгарте в 1907 г. Жаркие споры начались еще в комиссии по подготовке резолюции. В статье, посвященной итогам Штутгартского конгресса, Ленин писал: «В проекте резолюции появилась чудовищная фраза: „конгресс не осуждает в принципе и на все времена всякой колониальной политики, которая может при социалистическом режиме оказать цивилизаторское действие“. На деле это положение равносильно было прямому отступлению в сторону буржуазной политики и буржуазного мирозерцания... Никогда не отказывался и не отказывается социализм от защиты реформ и в колониях, но это не имеет и не должно иметь ничего общего с ослаблением нашей принципиальной позиции» **. Меньшинство комиссии (Ю. Мархлевский и др.) отказалось согласиться с мнением большинства и вынесло разногласия на пленарное заседание конгресса. В защиту резолюции большинства выступили крупные ревизионисты в международном рабочем движении — Макдональд, Бернштейн, Ван Кол, Давид. Образчиком их выступлений можно считать слова Ван Кола: «Нам предлагают привозить в Африку машины и орудия! Это — книжная теория!.. Если мы привезем машину дикарям Центральной Африки, то что же они будут делать с ней? Может быть, они будут танцевать вокруг нее.. или же причислят ее к числу своих идолов... Если мы, европейцы, прибудем туда с инструментами и машинами, то станем беззащитными жертва-

* Там же, стр. 370—371.

** В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 82.

ми туземцев. Поэтому мы должны прибывать туда с оружием в руках, даже если Каутский называет это империализмом» *.

Конгресс принял антиколониалистскую резолюцию, но лишь 127 голосами против 108, что отражало рост оппортунизма в международной социал-демократии. Большинство тех, кто голосовал против резолюции, были представителями стран-метрополий.

Делегаты бурно выразили сочувствие индийской революционерке Каме, призвавшей конгресс поддержать борьбу Индии за свободу, однако председатель конгресса Зингер отказался поставить соответствующую резолюцию на голосование под тем предлогом, что она предварительно не была представлена в президиум.

После 1907 г. основное место в международном рабочем движении заняла борьба с милитаризмом. Советский историк В. М. Турок в своей работе правильно отмечает: «Нарастающая опасность войны была связана прежде всего с колониальной экспансией: надвигалась война за передел мира. Империалистическая борьба за колонии и рост милитаризма и вооружений были неразрывно связаны. Между тем на конгрессах Интернационала проблемы борьбы против милитаризма и войны обсуждались, как правило, отдельно от вопросов колониальной политики». Лишь большевики, а также левые социалисты Италии и Голландии боролись не только с милитаризмом, но и с его причинами, в частности с колониальной политикой. Пражская конференция большевиков в 1912 г. в «Резолюции о современном моменте и задачах партии» заклеила политику колониальных захватов царизма, «направленных против ведущих революционную борьбу за свободу народов Азии (Персия, Китай)», и приняла решения «О китайской революции» и «О нападении русского правительства на Персию», явившиеся ярким выражением отношения большевиков к освободительному движению закабаленных империализмом народов.

С началом первой мировой войны руководители II Интернационала предали дело пролетариата и расстались с идеей интернациональной солидарности. Тем не менее революционное меньшинство социалистов продолжало борьбу против империализма и колониализма. В это время Ленин проделал огромную работу по сплочению интернационалистов всех стран. Его поддержали революционные социалисты во многих социал-демократических партиях.

* «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», СПб., 1907, стр. 29.

В сентябре 1915 г. международная конференция социалистов в Циммервальде обратилась к пролетариям Европы с призывом объединиться против империалистической войны, войны за колонии. В резолюции 2-й Циммервальдской, или Кинтальской, конференции об «Отношении пролетариата к вопросу о мире» также подчеркивалось: «Цель этой войны — передел прежних колониальных владений, подчинение экономически отсталых стран господству финансового капитала» *.

Борясь против империалистической бойни и отстаивая лозунг взятия власти пролетариатом, большевики-ленинцы в годы первой мировой войны оказывали тем самым помощь угнетенным империализмом нациям.

В. И. Ленин о национально-колониальном вопросе

В период первой мировой войны В. И. Ленин завершил разработку своего учения об империализме и о социалистической революции эпохи империализма. Составной частью этого учения была ленинская трактовка национально-колониального вопроса и проблемы колониальных революций.

Точный марксистский анализ особенностей нового этапа капиталистического развития Ленин дал в своей книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» ** и в других трудах, где он обосновал неизбежную, исторически близкую гибель империализма в результате развития и обострения внутренних противоречий капиталистической формации.

Вся работа Ленина пронизана центральной идеей: «Капитализм в его империалистской стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению. Производство становится общественным, но присвоение остается частным» ***.

Наряду с вызреванием материальных предпосылок для планового общественного производства вызревают социальные силы, которые должны осуществить переход от капитализма к новой формации. Переход капитализма в империализм означает усиление и обострение всех свойственных капитализму противоречий и возникновение новых, еще более сильных антагонизмов.

* «Циммервальдская и Кинтальская конференции (официальные документы)», М., 1924, стр. 46.

** В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27.

*** Там же, стр. 320—321.

В отличие от сторонников теории так называемой стагнации, т. е. представления, будто тенденция к загниванию означает приостановку развития капиталистического хозяйства, «закупорку» производительных сил, что якобы автоматически ставит капитализм на грань гибели, Ленин указывал, что в целом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде, но этот рост становится все более неравномерным, скачкообразным, конфликтным. Ленин видел основную причину неизбежной гибели империализма именно в быстром росте его противоречий: «Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала» *. Чрезвычайно обострился и национальный вопрос. Характерной чертой империализма является окончательный раздел мира — окончательный не в смысле невозможности его передела, а в том смысле, что капиталистические страны закончили захват «незанятых» земель на нашей планете. Мир оказался поделенным и, стало быть, вопрос встал о переделе уже поделенного мира, что неизбежно ведет к острым столкновениям между державами и к мировым войнам.

Характерной особенностью империализма является существование разнообразных форм экономической зависимости. Финансовый капитал способен подчинить себе и действительно подчиняет даже государства, пользующиеся полной политической независимостью. Ленин указывал на Португалию и Аргентину как на примеры финансово зависимых государств и на Китай, Персию и Турцию как на образцы полукolonий. В эпоху империализма такого рода отношения становятся всеобщей системой, отмечал Ленин, входят как часть в сумму отношений «раздела мира», превращаются в звенья операций всемирного финансового капитала.

Внеэкономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его идеология и политика усиливают стремление к колониальным захватам.

Для данного исследования особо важное значение имеет ленинская характеристика роли империализма в колониях. Колониализм, по мысли Ленина, вовсе не является лишь результатом особенно злобной политики капиталистов или отдельных группировок и правительств. Империалистические, колониальные захваты, грабеж, колониальные войны и все бесконечные преступления колонизаторов не что иное, как конкретное воплощение основных свойств капиталистической системы.

Неравномерность, скачкообразность в развитии отдельных стран безусловный закон капитализма. При избытке капита-

* Там же, стр. 422.

лов, сравнительно небольшой норме прибыли капиталисты стремятся повысить ее путем вывоза капитала в отсталые страны, где своих капиталов недостаточно, цена земли невелика, заработная плата низкая, сырье дешевое.

«Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний» *. Но не только уже открытые источники сырья имеют значение. Техника и наука развиваются с невероятной быстротой, и земли, непригодные сегодня, могут стать пригодными завтра. Отсюда стремление финансового капитала к расширению захваченной хозяйственной территории вообще.

Империализм варьирует свои методы эксплуатации в колониях в зависимости от особенностей той или иной страны. Если ему это выгодно, он может даже пойти на предоставление независимости своей колонии, ибо сила финансового капитала такова, что вполне возможна чисто экономическая аннексия слабой страны, как отмечал Ленин.

Каков объективный результат колониальной политики империализма для колоний и для метрополий?

«Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства» **. «Быстрее всего растет капитализм в колониях и в заокеанских странах» ***.

«Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всем мире» ****.

Ленин подчеркивает, следовательно, что вторжение империализма в колонии означает быстрое распространение капитализма вширь.

Между тем в советской литературе на протяжении многих лет бытовало одностороннее, противоречащее фактам утверждение, что проникновение империализма в колонии приводит лишь к консервации феодальных пережитков, задержке капиталистического развития, и на основе этих утверждений неправильно рисовались перспективы развития колоний, соот-

* Там же, стр. 380.

** Там же, стр. 394.

*** Там же, стр. 395.

**** Там же, стр. 362.

ношение борющихся против империализма сил, сами движущие силы национально-освободительного движения. Конечно, господство иностранного империализма задерживает развитие национальной экономики и, следовательно, национального капитализма, сковывает свободное развитие производительных сил на независимой, национальной основе, что не может не вести и к известной задержке изживания докапиталистических пережитков. Но империалистическое воздействие на колонии двойственно и противоречиво.

Ленин никогда не отрицал, что развивающийся капитализм использует феодальные и даже рабовладельческие формы эксплуатации для извлечения прибыли. Но вместе с тем Ленин показал, что капитализм, разрушая натуральное хозяйство, используя патриархально-родовые и феодальные пережитки, в то же время неудержимо внедряется в хозяйственную ткань докапиталистической экономики. Капитализм разлагает и разрушает ее, видоизменяет докапиталистические формы производства. Капитализм всегда и всюду ведет борьбу за уничтожение натурального хозяйства, используя политическую силу — войны, государственный налоговый пресс, дешевые, произведенные машинным путем товары. Он стремится захватить землю, леса, минеральные богатства, сырьевые ресурсы, принудить прежних независимых непосредственных производителей к труду на капиталиста, внедрить товарное хозяйство взамен натурального, отделить сельское хозяйство от домашней промышленности.

Капитализм втягивает натуральное хозяйство в товарооборот, используя, если это сулит барыши, различные формы докапиталистической социальной структуры и принудительного труда. Например, английская система так называемого косвенного управления предусматривала использование местной феодальной и племенной верхушки для управления страной, французская система, ломая ранее существовавшие порядки, сохраняла все же в своих целях те из старых политических институтов, которые были выгодны колонизаторам (каиды в странах Магриба, старосты в Гвинее, аристократические слои в странах Юго-Восточной Азии и т. п.).

Замена старых форм экономической и общественной жизни капиталистическими, разумеется, совершалась не сразу; капиталистический сектор, охватывая вначале лишь незначительную часть экономики колонизируемой страны, оставлял большинство населения в рамках так называемого традиционного хозяйства. Но с усилением капиталистического проникновения сфера традиционной экономики постепенно видоизменяется. Под старой оболочкой вырастает новое содержание. Формы воздействия империализма на экономику колоний, таким образом, в своей основе были капиталистическими. Ка-

питализм вырастает в колониях, во-первых, в виде предприятий, создаваемых империалистами, и в виде инфраструктуры, необходимой для этих предприятий. Во-вторых, капитализм получает широчайшую базу в процессе товаризации производства сырья. Миллионы мелких сельских хозяев от натуральных методов хозяйствования переходили на товарное производство, оказывались втянутыми в мировой товарооборот и мировой рынок, расширяя тем самым сферу капиталистического хозяйствования. В-третьих, под влиянием капитализма всюду, даже там, где сохранилась натуральная основа хозяйства, прежние патриархальные отношения и нормы постепенно заменялись, они прикрывали господство «чистогана».

Под влиянием империализма в известной мере ускорялось (по сравнению с прошлым периодом колониальной эксплуатации методом промышленного капитализма) вызревание капиталистических элементов в национальной экономике.

Политические и экономические факторы сильнейшим образом влияли на темпы и методы развития капиталистических отношений в колониальных странах. По политическим соображениям, как правило, принимались административные или экономические дискриминационные меры по отношению к капиталистическим элементам местного населения. Важным оружием, при помощи которого империализм подчинял, подавлял или ограничивал национальный капитализм, был все же закон стоимости, который в условиях капитализма всегда на стороне богатых и сильных.

При этом, однако, безраздельное государственно-политическое господство империализма над колонией сохраняло решающее значение во всех сферах жизни. Оно было сильнейшей экономической потенцией, направленной против национального капитализма.

Национальный капитал вступает в противоречие с империализмом не только и не столько по вопросу об отмене различных административных организаций (хотя нередко это служит поводом для протеста), сколько по вопросу о собственном политическом государстве, которое создало бы преимущества для национального капитала на собственном национальном рынке.

Переход от натурального хозяйства к денежным отношениям неизбежно усиливал в громадной степени эксплуатацию. Происходила крайне мучительная ломка старых, веками сложившихся отношений, общественных норм, обычаев, религиозных воззрений и т. п. Все это порождало острейшие противоречия нового типа и крайне обостряло противоречия, свойственные прежнему социальному строю.

В условиях пестрых, многоликих противоборствующих тенденций развивалось национально-освободительное движение

порабощенных стран. Национализм был таким же сложным, противоречивым, как и все социально-экономическое, политическое и культурное бытие народов, вынужденных перестраивать свою жизнь на новых, современных основаниях, под чужеземным, жестоким давлением, под кнутом финансового капитала, ускоренными темпами, в условиях современной «рационализированной» эксплуатации.

Таким образом, в колониальных и зависимых странах накапливался, по выражению Ленина, «горючий материал»: с одной стороны, концентрировалось отчаяние, безнадежность, апатия, а с другой — росли и организовывались силы борьбы, сознательное стремление избавиться от гнета.

Ленин дал также анализ обратного влияния колониальной политики на страны метрополии.

Вывоз капитала в колонии и зависимые страны, во-первых, означает, что капитализм вместо развития вглубь развиваетсявширь и тем самым порождает и обостряет старые противоречия в метрополиях.

Во-вторых, эпоха империализма порождает новые колониальные войны и войны империалистические между великими державами, за раздел и передел уже поделенного мира.

В-третьих, империалистическая колониальная политика приводит к систематическому развращению сознания масс в метрополиях, обострению национальных трений и национального вопроса вообще, дает пищу для всякого рода расовых теорий, шовинизма и милитаризма.

Наконец, сверхприбыли, извлекаемые из колоний, позволяют буржуазии подкармливать верхушку рабочего класса, создавая материальную основу для оппортунизма, столь губительно сказавшегося на всей европейской социал-демократии и на II Интернационале.

Именно поэтому Ленин называл вывоз капитала и колониальную политику империализма «паразитизмом в квадрате».

Ленин указывал, что империализм внес новое содержание в постановку национального вопроса. В эпоху империализма оформились три типа стран и соответственно три типа национально-освободительных движений.

В передовых капиталистических странах Западной Европы прогрессивные национальные движения в основном закончились. Некоторые из этих стран превратились в колониальные державы, угнетали другие нации. Решив национальный вопрос для себя, западноевропейская буржуазия создала гораздо более широкую и острую проблему для угнетаемых ею народов. Национальный вопрос из европейского превратился во всемирный, из национального в национально-колониальный.

Иное положение сложилось на востоке Европы (Австрия, Балканы, Россия). Из-за более медленного развития этих стран по капиталистическому пути тот процесс, который в Западной Европе завершился в XVIII — первой половине XIX в., начался в Восточной Европе лишь в XX в. Здесь также под влиянием развития капитализма возникли национальные движения, началась борьба за создание национальных государств.

В колониях, особенно в Азии, под влиянием развития капитализма и вторжения империализма началось национальное пробуждение, возникли национально-демократические движения. Пробуждение Азии и начало борьбы пролетариата Европы за власть ознаменовали новую полосу во всемирной истории.

Национальный вопрос в эпоху империализма стал необычайно сложным, болезненным. Он превратился в одну из острейших проблем современности. Из вопроса о судьбах национальностей Европы он стал вопросом мирового масштаба, затрагивающим судьбы всего человечества, в первую очередь судьбы сотен миллионов колониальных рабов империализма. Теперь речь шла не о той или иной степени автономии, а о самостоятельном государственном существовании угнетенных и поработенных народов Азии и Африки. На повестку дня выдвинулась проблема практической поддержки пролетариатом передовых стран национально-освободительной борьбы в колониях и полуколониях. Она стала составной частью вопроса о мировой социалистической революции.

Трансформация капитализма в империализм и, как внешнее выражение этого процесса, захватническая политика империалистических государств вынуждали европейскую социал-демократию определить свое отношение к империализму и к обострившемуся национально-колониальному вопросу. II Интернационал определил свою официальную позицию на Амстердамском (1904 г.) и на Штутгартском (1908 г.) конгрессах.

Позднее, в годы первой мировой войны, эти вопросы встали с еще большей остротой. Правые социал-демократические вожди и теоретики (Ван Кол, Г. Кунов, Э. Давид и др.) выступили с целой системой взглядов по этому вопросу.

Взгляды их сводились к следующему: капитализм — неизбежная стадия экономической эволюции человечества. Никакого иного пути перехода к социализму не существует. Предположение Маркса о возможности некапиталистического развития не осуществилось. Долг социал-демократии — не препятствовать, а, наоборот, всячески способствовать быстрейшему развитию капитализма, в том числе в колониях. Свободному развитию капитализма более всего соответствует форма больших, экономически развитых государств. Более того, современ-

ные развитые страны уже не могут более обходиться без сырья, продовольствия и других продуктов, поставляемых ныне колониями. Лишить их этой возможности — значит задержать развитие не только данных государств, но и всего человечества. Кроме того, малозаселенные территории мира могут понадобиться культурным народам для расселения своего избыточного населения. Таким образом, колонии необходимы для прогресса всего человечества. Стремление расширить территории и экономические возможности для высокоразвитых капиталистических государств вполне законно и оправданно. Большие культурные государства ассимилируют и амальгамируют народности — этот процесс также прогрессивен. И если при этом гибнут какие-то нежизнеспособные народности — неважно. Требование предоставить право на самоопределение каждому народу — реакционно, это мелкобуржуазная утопия, заразившая пролетариат.

Эта по существу империалистическая теория, лишь прикрытая марксистской фразеологией, фактически возобладала во II Интернационале во время первой мировой войны. Она служила правым социал-демократам идеологическим прикрытием лозунга защиты отечества и поддержки военных усилий своих правительств.

При таком представлении о ходе исторического процесса не удивительно, что правые социал-демократы пренебрежительно, с чувством расового превосходства отнеслись к отсталым народам. В строительстве социализма отсталые народы, по мнению этих теоретиков, участвовать не могут. Вопрос о том, что будет с этими народами после того, как культурные нации построят социализм, всегда обходился стороной, но предполагалось, что отсталые страны на более или менее длительное время останутся колониями... социалистического общества.

Теории правых социал-демокрагов были широко использованы империалистами для оправдания эксплуататорской колониальной политики и войны. Ленин вскрыл опасную шовинистическую сущность этих теорий. Он считал их авторов предателями дела рабочего класса, требовал немедленного разрыва с ними, разоблачения их. Он считал, что в этом вопросе наиболее выпукло проявился крах II Интернационала.

Иной вид имела получившая в начале XX в. особую известность так называемая австрийская школа по национальному вопросу. Эта школа выдвинула программу «культурной автономии». Суть этой программы состоит в том, что в основу урегулирования национального вопроса предлагалось взять «личный принцип а не территориальный», ибо «нация есть личный союз одинаково мыслящих и говорящих на одном языке».

Теоретик австрийской школы Отто Бауэр так рисовал практические пути «конституирования нации»: «Персональный принцип предполагает, что население разделится по национальностям. Но государство не может решить, кому считать себя немцем, кому чехом; каждому совершеннолетнему гражданину должно быть предоставлено право самому определить, к какой национальности он хочет принадлежать. На основе таких свободных заявлений совершеннолетних граждан должны быть заготовлены национальные кадастры, записи граждан всех национальностей... По персональному принципу, на основе национального кадастра все члены данной нации в общине, в округе, области, наконец, государстве конституируются в публично-правовую корпорацию. Задача каждой такой национальной корпорации — заботиться об удовлетворении культурных потребностей нации, строить для нее школы, библиотеки, театры, музеи, народные университеты, оказывать, где потребуется, юридическую помощь соплеменникам. А за это ей предоставляется право обложения своих членов для создания необходимых средств».

В России рьяными сторонниками этой теории стали буржуазные еврейские партии, а за ними Бунд. По мнению теоретиков Бунда (Медем и др.), панацея от всех зол состоит в культурно-национальной автономии. Они считали, что «основное зло» заключается в существовании общенациональных культурных учреждений, что именно они — источник «раздражений заболевшего органа». Эта область общественной жизни должна быть передана нациям, которые, таким образом, будут размежеваны между собой.

Ленин писал: «Основной, принципиальный грех этой программы тот, что она стремится воплотить в жизнь самый утонченный и самый абсолютный, до конца доведенный, национализм» *. В статьях, направленных против этой теории, Ленин показал, что лозунг культурно-национальной автономии — это лозунг буржуазного национализма, который развращает рабочих, наносит величайший ущерб делу свободы и пролетарской классовой борьбы.

Аргументация бундовцев в вопросе о национальной культуре, по мнению Ленина, есть бессодержательный набор слов, ибо нет «чистой» национальной культуры. «В каждой национальной культуре, — писал Ленин, — есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть

* В. И. Ленин, *Критические заметки по национальному вопросу*, — Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 131.

также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только „элементов“, а в виде *господствующей* культуры. Поэтому „национальная культура“ вообще *есть* культура помещиков, попов, буржуазии» *. Пролетариат стоит не за национальную культуру вообще, он должен из каждой национальной культуры брать только ее демократические, социалистические черты, борясь в то же время против всякой насильственной политики в национальном вопросе.

«Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие *две* политики (более того: два миросозерцания) в национальном вопросе» **, — писал Ленин.

Ленин утверждал, что законом капитализма являются две тенденции: первая — пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств; вторая — развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д. Эта вторая тенденция «составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм. Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом или неравноправием. Это несомненно. Но так же несомненно, что тот якобы марксист, который на чем свет стоит ругает марксиста иной нации за „ассимиляторство“, на деле представляет из себя просто *националистического мещанина*» ***.

Особенно необходим интернационализм в пролетарских организациях. Здесь все, что способствует разделению пролетариата по национальным перегородкам, оказывает крупную услугу буржуазии и реакции. Ленин подчеркивал опасность заражения прогрессивных революционных и особенно пролетарских партийных организаций ядом буржуазного и мелкобуржуазного национализма. Чем больше отстала страна в своем развитии, тем сильнее в ней мелкобуржуазная стихия, тем острее будет сказываться опасность национализма и шовинизма, тем серьезнее для сознательного пролетарского авангарда будет задача интернационального воспитания масс, противопоставления интернационализма националистическому и шовинистическому папору.

* Там же, стр. 120—121.

** Там же, стр. 123.

*** Там же, стр. 125.

Ленинские положения по национальному вопросу были выдвинуты при зарождении русской социал-демократии, а в развернутом виде они были сформулированы на совещании ЦК РСДРП с партийными работниками летом 1913 г. В принятой совещанием резолюции говорилось о полном равноправии всех наций и языков, введении широкой областной автономии и демократического местного самоуправления, указывалось на вредность разделения школьного дела по национальному признаку, подчеркивалась необходимость слияния рабочих всех национальностей в единых пролетарских организациях — политических, профессиональных, кооперативных, просветительских. В резолюции провозглашалось право всех угнетенных наций «на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного государства». В то же время отмечалось, что вопрос о праве наций на самоопределение «непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм» *.

Необходимо, указывал позднее Ленин, учитывать, на какой ступени стоит данная нация на пути от средневековья к буржуазной демократии. Все нации имеют право на самоопределение, но целесообразность использования этого права необходимо каждый раз рассматривать с конкретно-исторической точки зрения.

Оригинальную теорию империализма и его роли в колониях создала выдающаяся революционерка Роза Люксембург. В большой работе «Накопление капитала» она писала, что империализм является «политическим выражением процесса накопления капитала в его конкурентной борьбе за остатки некапиталистической мировой среды, на которые никто еще не наложил своей руки»; и дальше: «империализм в целом уже по всеобщему эмпирическому признанию является не чем иным, как специфическим методом накопления... его сущность состоит именно в распространении господства капитала из старых капиталистических стран на новые области и в хозяйственной и политической конкурентной борьбе стран из-за подобных областей» **. Таким образом, Люксембург в сущности солидаризировалась с теми, кто считал империализм лишь определенной политикой, а не высшей, монополистической стадией капитализма.

* В. И. Ленин, *Резолюции летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками*, — Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 59.

** Р. Люксембург, *Накопление капитала*, М., 1931, изд. 4, стр. 318, 384—385.

По ее мнению, капитал двояким образом подготавливает собственную гибель: во-первых, своим расширением за счет всех некапиталистических форм производства он подготавливает момент, когда дальнейшее расширение, а следовательно, и накопление станет невозможным; во-вторых, он в то же время настолько обостряет классовые противоречия, мировую хозяйственную и политическую анархию, что должен вызвать восстание мирового пролетариата против капиталистического господства задолго до осуществления крайнего результата экономического развития, т. е. задолго до того, когда будет достигнуто абсолютное и безраздельное господство капиталистического производства во всем мире.

Революционная установка автора находится в противоречии с ее же теоретическими положениями. Роза Люксембург по существу строит свой вывод о неизбежной гибели империализма не на основе внутренних, имманентных противоречий капитализма, а на основе отношений капитализма к внешней среде. Теория Люксембург ведет вопреки воле автора к выводу об автоматическом крахе капитализма в силу исчерпания докапиталистической среды, без которой будто бы империализм существовать не может. В этой связи теряет свое объективное обоснование сознательная борьба пролетариата. Капитализм не успел еще полностью ликвидировать некапиталистическую среду даже в сравнительно высокоразвитых странах, а на громадных просторах Азии, Африки и Латинской Америки некапиталистическая среда, особенно в сельском хозяйстве, преобладает и, следовательно, революционный прогноз Люксембург о скорой автоматической гибели капитализма был субъективным выводом пламенной революционерки, сделанным вопреки ее собственной теории. Кроме того, при ее оценке роли и значения некапиталистической среды неизбежно отрицалась необходимость искать союзников пролетариата среди докапиталистических слоев для совместной борьбы против империализма. Предвидение Люксембург не оправдалось — капитализм гибнет в результате пролетарской революции и вступившего с ней в союз освободительного движения в странах капитализма.

Каковы же были взгляды Розы Люксембург, которые Ленин, несмотря на их кажущуюся революционность, назвал «национализмом навыворот»?

Люксембург прежде всего стремилась доказать, что создание национального государства не отвечает действительным интересам пролетариата. Она высмеивала само понятие национального государства, называя его фразой «из сокровищницы трухлявого буржуазного либерализма». «Гражданское равноправие национальностей и политические учреждения, обеспечивающие национально-культурное развитие,—

такова в общем виде естественная классовая программа пролетариата, вытекающая из его классовой позиции, в отличие от национализма буржуазного», — таков несколько неожиданный, странный и весьма близкий к позиции австрийских социал-демократов и Бунда вывод, к которому пришла от своих ультрареволюционных посылок Роза Люксембург. Недаром Ленин указывал, что подобные взгляды — «псевдоним» культурно-национальной автономии.

Идеи Люксембург поддерживали Пятаков, Бухарин и некоторые другие деятели РСДРП. Пятаков писал: «В вопросах международных отношений мы не ставим себе никаких положительных задач в пределах капиталистического строя, т. е. вопросы проведения границ, таможенные вопросы, торговые договоры, разрешение международных конфликтов трибуналом и т. д. и т. п., все такие вопросы либо не могут быть разрешены с пролетарской точки зрения, либо, если и могут быть разрешены, то могут быть проведены в жизнь лишь в том случае, если власть будет в руках пролетариата».

Бухарин писал, что «в высшей степени утопично выставлять антиимпериалистические требования в область внешней политики, оставаясь на почве капиталистических отношений». «Лозунг самоопределения наций прежде всего утопичен (он не реализуем в пределах капитализма) и вреден как лозунг, сеющий иллюзии». Задача социал-демократии, по мнению Бухарина, — пропаганда индифферентизма по отношению к «отечеству», «нации».

Сейчас особенно хорошо видно, как много в таких утверждениях путаницы, положений, ныне совершенно опровергнутых жизнью, и в то же время, как левые лозунги оказываются поразительно близки к самым правым, проимпериалистическим выводам, когда дело доходит до практики и выработки тактической линии борьбы.

Ленин отмечал, что суть «смешной ошибки» Люксембург состояла в том, что, «боясь национализма буржуазии угнетенных наций, Роза Люксембург оказывается *на деле* играющей на руку черносотенному национализму великорусов!» *.

Критикуя ошибочные положения славной революционерки, Ленин и другие коммунисты всегда давали решительный отпор попыткам использовать ее имя для всяких сектантских и догматических извращений.

Ошибки левых в национально-колониальном вопросе были обстоятельно разобраны Лениным в ряде статей, из которых особенно важны статьи «О праве наций на самоопределение» (1914), «О брошюре Юниуса» (1916), «О карика-

* В. И. Ленин, *О праве наций на самоопределение*, — Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 278.

туре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916), «Итоги дискуссии о самоопределении» (1916). В них Ленин не оставил камня на камне от всей аргументации левых и одновременно развил взгляды большевиков на стратегию и тактику партии пролетариата в национально-колониальном вопросе.

Ленин всегда настаивал на исторически конкретном анализе каждой конкретной ситуации. Например, в статье «О праве наций на самоопределение» он указывал, что национализм великорусский, как и всякий национализм, переживает различные фазы, смотря по главенству тех или иных классов в буржуазной стране. Он отмечал, что национализм в Польше превращался постепенно «из шляхетского в буржуазный и затем в крестьянский», что «немецкий гнет сплотил поляков, обособил их, пробудив национализм сначала шляхты, потом буржуа, наконец крестьянской массы» *.

Таким образом, Ленин различал национализм дворянский, буржуазный и крестьянский; он обращал внимание на возможность перехода национализма одного типа в другой. Он, наконец, видел, что угнетение и национальные преследования могут ускорить сплочение народностей в нацию даже там, где капитализм еще не развился.

Необходимо, указывал Ленин, четко различать «две, коренным образом отличные, с точки зрения национальных движений, эпохи капитализма» — эпоху краха феодализма и абсолютизма, эпоху сложения буржуазно-демократического общества и государства и эпоху, «которую можно назвать кануном краха капитализма» **.

Эпоха империализма внесла много нового в постановку вопроса о национализме и интернационализме. Империализм создал всемирную систему эксплуатации и угнетения, но в то же время создал и материальные предпосылки для единого всемирного хозяйства и международного разделения труда. Он противопоставил себя громадному большинству человечества и породил возможность объединения всех антиимпериалистических сил для борьбы за построение нового общества. В эпоху господства монополистических союзов капиталистов даже повседневная, элементарная борьба рабочих требует интернационального объединения усилий пролетариата. Само сознание пролетариата в результате этой повседневной борьбы с силами монополистически организованной буржуазии становится все более интернационалистическим. Но в то же время и в силу тех же законов развития капитализма в результате усилившегося национального угнетения уси-

* Там же, стр. 319.

** Там же, стр. 264.

ливаются и националистические тенденции, захватывающие порой и значительные слои пролетариата.

Таким образом, объективно прогрессивные тенденции мирового развития, направленные на сближение народов, на интернационализацию способа производства и обмена, на развитие международного разделения труда, столкнулись с насильственными методами осуществления этого процесса, вызывающими естественное сопротивление и в то же время стремление к замыканию в свои национальные «квартиры», к автаркии, к росту национализма и национальной ограниченности.

Подлинно революционные преобразования могут быть осуществлены только в результате движения масс. Никакие «герои» не могут сделать для народных масс то, что они должны сделать сами. Но движение масс не может быть вызвано волюнтаристски, даже по самому красноречивому призыву, если массы не убедились на основе собственного опыта в необходимости и неизбежности революционных действий.

Империализм готовит материальные и социально-политические предпосылки для своего собственного уничтожения. Задача сознательного пролетариата в этих условиях состоит в том, чтобы объединить вокруг себя все силы, которые могут быть направлены против этой всемирной системы угнетения. Сам пролетариат лишь тогда становится революционным в подлинном смысле этого слова, когда он не замыкается в узких рамках борьбы за собственные требования, а становится защитником и вождем всех угнетенных и эксплуатируемых, когда он объединяет вокруг себя самые разнообразные слои, классы и группы, способные бороться против насилия и гнета.

Поскольку конкретные условия развития революционной ситуации весьма разнообразны даже в различных районах одной и той же страны, постольку должны быть чрезвычайно гибкими тактика, лозунги и методы борьбы пролетариата. Ленин издевался над теми социал-демократическими теоретиками, которые воображали, будто революцию можно сделать по учебнику Каутского; он подчеркивал, что революции в странах Азии внесут еще больше своеобразия в ход революционного процесса, чем это могли предвидеть самые пылкие революционеры.

Задача пролетарской партии состоит в том, чтобы с величайшей трезвостью анализировать обстановку, соотношение классовых сил, строго объективно учитывать всю совокупность внешних и международных факторов, знать настроения и требования масс, степень их организованности и сознательности, правильно оценивать силы противника, колебания и противоречия в его рядах и т. п.

Гибкая тактика пролетариата и его партии означает умение в каждый момент найти звено, за которое надо ухватиться, чтобы вытащить всю цепь, максимально изолировать врага, найти хотя бы временных, даже ненадежных союзников, уметь заключать временные соглашения и компромиссы, ни на минуту не забывая о конечных целях движения.

Опираясь на точный историко-экономический анализ положения колониальных стран и роли империализма в колониях, Ленин решительно опроверг взгляды деятелей II Интернационала, как правых, так и левых, будто в эпоху империализма освободительное движение в колониях является чем-то незначительным и мирным. «Но это не так,— писал Ленин.— С начала XX столетия в этом отношении произошли большие изменения, а именно: миллионы и сотни миллионов,— фактически громаднейшее большинство населения земного шара,— сейчас выступают как самостоятельные активные революционные факторы. И совершенно ясно, что в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем»*.

Национально-освободительные движения могут стать мощным союзником пролетариата в его борьбе за уничтожение империализма. Если пролетариат сумеет установить связь с этими движениями, то его союзниками станут «народности, которых сейчас рвут на части»**,— указывал Ленин.

Союз пролетариата передовых стран с народами колоний можно установить лишь в том случае, если пролетариат будет вести решительную борьбу против собственной империалистической буржуазии, когда лозунгом пролетариата будет право наций на самоопределение вплоть до отделения. Только тогда между пролетариатом передовых стран и угнетенными народами колоний могут возникнуть необходимые для союза отношения доверия и дружбы, может быть осуществлен единый фронт борьбы против империализма.

Один из левых сторонников Розы Люксембург в России — Пятаков, возражая Ленину, писал: «Пролетариата в собственном смысле нет в чистом типе колоний... Для кого же тогда выставлять «самоопределение»? Для колониальной буржуазии? Для феллахов? Для крестьян? Конечно, нет. По отношению к колониям социалистам нелепо выставлять ло-

* В. И. Ленин, *III Конгресс Коммунистического Интернационала*, — Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 38.

** В. И. Ленин, *I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов*, — Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 289.

зунги самоопределения, ибо вообще нелепо выставлять лозунги рабочей партии для стран, где нет рабочих».

Ленин высмеял эту «ужасно революционную» фразу. Пятаков не заметил, что лозунги рабочей партии выставляются не только для рабочих, эти лозунги выставляются для всего трудящегося населения, для народа, а в колониях проживает более миллиарда человек. «Но даже для тех колониальных стран, где нет рабочих, где есть только рабовладельцы и рабы и т. п., не только *не* нелепо, а *обязательно* для всякого марксиста выставлять „самоопределение“» *.

Выставляя этот лозунг, пролетариат тем самым заявляет о твердой решимости добиваться от своих империалистических правительств предоставления максимальной демократии для угнетенных народов и о готовности предоставить им полную свободу, когда он придет к власти, ибо право на самоопределение вплоть до свободного выхода из рамок данного государства есть максимальная степень демократизма. Но это вовсе не означает, что пролетариат будет настаивать на том, чтобы угнетенные нации непременно воспользовались этим правом. Более того, именно эта максимальная степень свободы выбора приведет к сближению и слиянию наций. «Если мы требуем свободы отделения для монголов, персов, египтян и *всех* без исключения угнетенных и неполноправных наций, то вовсе не потому, что *мы за отделение* их, а *только* потому, что мы за *свободное, добровольное* сближение и слияние, а не за насильственное. *Только* поэтому!» **.

Цель социализма — сближение, слияние наций, но если бы социал-демократ стал на основании этого поддерживать империалистическую, захватническую, насильственную политику своего буржуазного правительства, как это, например, делали Ван Кол, Кунов, Давид и другие, он стал бы защитником воинствующей буржуазии. Диалектика исторического процесса такова, что к слиянию наций приходится идти через предоставление каждой нации права самой определить свою судьбу. «Подобно тому, как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т. е. их свободы отделения» ***.

Эта интернациональная культура не может быть одинаковой, одноцветной. Каждая нация и народность внесет в нее

* В. И. Ленин, *О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 117.

** Там же, стр. 120.

*** В. И. Ленин, *Социалистическая революция и право наций на самоопределение (тезисы)*, — Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 256.

своеобразие, характерное, национально-особенное. Это будет многоцветная, многокрасочная культура человечества, избавившегося от эксплуатации и всех видов угнетения и насилия.

Эта диалектика действительности обуславливает и тактику пролетарской партии. Пролетариат угнетающей нации должен всячески выдвигать и отстаивать лозунг предоставления всем угнетенным нациям права на самоопределение вплоть до отделения — в этом выражается его интернационализм. В то же время пролетариат угнетенной нации может ставить вопрос об отделении лишь с учетом того, что любое демократическое требование (в том числе и самоопределения) для сознательных рабочих подчинено высшим интересам социализма. Следовательно, вопрос об отделении необходимо рассматривать с точки зрения целесообразности в свете перспективы продвижения к социализму. Если, например, ранее угнетенная нация получает право на отделение от победившего пролетариата метрополии, то пролетарии этой нации станут сторонниками собственной национальной буржуазии, если будут настаивать на отделении. Наоборот, в этом случае они обязаны стать ярыми защитниками соединения, максимального сближения с победившим пролетариатом — в этом проявится их интернационализм.

Так, действуя как будто в противоположных направлениях, пролетарии угнетающей и угнетенной нации по существу вместе выполняют свой интернациональный долг — движутся к одной цели из противоположных точек. Именно поэтому Ленин подчеркивал необходимость для русских рабочих поднять голос протеста против антисемитизма и в то же время называл националистами сторонников бундовской программы культурно-национальной автономии.

Лозунгом рабочей демократии является интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения.

Предсказать, как повернутся события, предусмотреть до деталей вероятный ход революционного процесса нельзя, ибо конкретные условия развития стран чрезвычайно разнообразны; неравномерность развития при империализме увеличилась и обострилась. Империализм — это эпоха. «Эпоха потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам»*. Само разнообразие и разнородность движений — свидетельство широты и глубины общего движения, остроты кризиса капиталистического способа производства.

* В. И. Ленин, *О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 86—87.

Именно поэтому революционная партия пролетариата, намечая свою политику и тактику, не должна забывать, что темпы, ход и условия революционного процесса могут меняться, и то, что казалось и было правильным сегодня, может оказаться ошибочным завтра. Ленин поэтому указывал, что хотя в принципе и в громадном большинстве случаев национально-освободительное движение угнетенных народов объективно прогрессивно, но могут быть случаи, когда оно может выступать и как объективно реакционная сила.

В движении к будущему слиянию наций в единое мировое общество, в борьбе с империализмом пролетариат может и должен идти на возможный блок с национальной буржуазией для достижения главной цели — свержения империалистического господства. Но требования и цели пролетариата и буржуазии не совпадают.

Для буржуазии требование равноправия равносильно на деле требованию национальной исключительности и очень часто вполне совместимо с проповедью шовинизма, разделения и отчуждения наций. Всякая буржуазия хочет получить привилегии для своей нации. Пролетариат же против всяких привилегий для любой нации.

Если для буржуазии важно добиться исключительного положения для своей нации, на этом закончить движение и ограничить далее развитие классовой борьбы, то для пролетариата важна возможность обеспечить развитие своего класса. «Поэтому пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания *права* на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать *ничего* насчет другой нации» *.

Блестящим образцом творческой полемики и пророческого предвидения возможного хода развития событий является ленинская критика взглядов Розы Люксембург на национальные войны.

В своей брошюре «Кризис социал-демократии» Люксембург писала: «В эпоху этого разнузданного империализма не может быть более никаких национальных войн. Национальные интересы служат только орудием обмана, чтобы отдать трудящиеся народные массы на службу их смертельному врагу: империализму».

Возражая ей, Ленин указывал, что она права, когда подчеркивает решающее влияние империалистической обстановки в данной войне (война 1914—1918 гг.). «Ошибкой было бы лишь преувеличение этой истины, отступление от марксистского требования быть конкретным, перенесение оценки

* В. И. Ленин, *О праве наций на самоопределение*, стр. 273—274.

данной войны на все возможные при империализме войны, забвение национальных движений *против* империализма».

И далее Ленин раскрывает различные возможные варианты войн при империализме. «Национальная война *может* превратиться в империалистскую *и обратно*» *. Пример тому — войны эпохи французской революции конца XVIII в.

«Далее,— пишет Ленин.— Не только вероятны, но *неизбежны* в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний... Продолжением национально-освободительной политики колоний *неизбежно* будут национальные войны с их стороны *против* империализма» **.

«В-третьих, даже в Европе нельзя считать национальные войны в эпоху империализма невозможными... Эта „эпоха“ нисколько не исключает национальных войн, например, со стороны маленьких (допустим, аннектированных или национально-угнетенных) государств *против* империалистских держав, как не исключает она и национальных движений в большом масштабе на востоке Европы ***.

Буквально через два года после написания этих слов мир стал свидетелем распада Австро-Венгрии и образования ряда независимых государств на Балканах и на Востоке Европы, а также национально-освободительной войны Турции против Антанты. Позднее, в период гитлеровской оккупации Европы вновь имел место подъем национально-освободительной борьбы европейских народов против фашистского гнета.

Ленин указывал также, что война малой нации против великих империалистических держав не всегда будет безнадежной. «И при условии сильного истощения „великих“ держав в данной войне или при условии победы революции в России вполне возможны национальные войны, даже победоносные. Вмешательство империалистских держав осуществимо на практике *не* при всех условиях, это с одной стороны. А с другой стороны, когда рассуждают „с кондачка“: война маленького государства против гиганта безнадежна, то на это приходится заметить, что безнадежная война есть тоже война; а затем, известные явления внутри „гигантов“ — например, начало революции — могут „безнадежную“ войну сделать очень „надежной“» ****.

Таким образом, национально-освободительные войны в эпоху империализма, по Ленину, не только возможны и вероятны, они неизбежны, прогрессивны, революционны. Для

* В. И. Ленин, *О брошюре Юниуса*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 5.

** Там же, стр. 6—7.

*** Там же, стр. 8.

**** Там же.

успеха их, разумеется, требуются определенные условия. Было бы величайшей ошибкой революционной марксистской партии игнорировать эти возможности. Пролетариат должен активно поддерживать национально-освободительные войны угнетенных народов против империализма. «Мы не можем быть против национально-освободительных войн... — писал Ленин А. М. Коллонтай. — Разве мы не были бы за Индию против Англии etc.?» *.

В национально-освободительной войне вполне возможны совместные действия «национально-угнетенного пролетариата и крестьянства *вместе* с национально-угнетенной буржуазией *против* угнетающей нации» и действия «пролетариата или сознательной его части в угнетающей нации *против* буржуазии и всех идущих за ней элементов угнетающей нации» **.

Такова диалектика революционного процесса, и, хотя она казалась догматикам противоречивой, на самом деле она выражала диалектику действительности.

Национально-освободительная война угнетенных народов не только подрывает силы империализма и укрепляет связь пролетариата с угнетенными народами, она также является великой школой борьбы, тяжелой, кровавой, но весьма поучительной школой революционного процесса, она втягивает в движение народные массы, заинтересовывает их в политике, учит выдвигать и решительно отстаивать свои требования, подготавливает условия для последующего революционного преобразования общества. Вместе с тем Ленин предостерегал против заговорщической тактики и организации неподготовленных, непродуманных, анархистских восстаний. Основываясь на международном опыте революционного движения, на указаниях Маркса и Энгельса, Ленин настойчиво подчеркивал, что с восстанием шутить нельзя, оно — крайняя форма борьбы. Чтобы восстание было успешным, необходимо учитывать революционную ситуацию, зрелость объективной обстановки и субъективную готовность масс к борьбе. Необходимо при этом опираться не только на сознательный авангард пролетариата — партию, и даже не только на передовой класс, а на широчайшие массы непролетарских трудящихся, которые не хотят, не могут жить по-старому. Необходима максимальная изоляция противника и привлечение всех, даже временных, непрочных союзников. В этом случае восстание имеет шансы на успех, в противном же случае возобладает бланкизм и авантюризм. Национально-освободительная война не является единственной возможной формой борьбы. Для ее начала

* В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 49, стр. 118.

** В. И. Ленин, *О карикатуре на марксизм...*, стр. 114.

и успешного окончания необходима совокупность многих благоприятных факторов, иначе попытка начать военную борьбу против империализма может вылиться в путч и привести к тяжелым и неоправданным жертвам. Пролетариат должен овладеть всеми формами борьбы, мирными и немирными, легальными и нелегальными. Различные другие, в том числе мирные формы национально-освободительного движения, в частности борьба за демократию, могут также стать необходимой политической школой для народных масс и подготовительным этапом для революционной вооруженной борьбы.

«Было бы коренной ошибкой думать, — отмечал Ленин, — что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию» *.

Так анализ всех сторон и особенностей империализма Лениным привел его к выводу, что империализм — не особая политика, а новейшая стадия развития капитализма, что это развитие полно глубочайших противоречий, которые постоянно генерируются во все возрастающем масштабе. Эти противоречия накаляются и усиливаются с каждым днем. Мировая обстановка, говорил Ленин, полна горючего материала, а искры сыплются со всех сторон. Мы не знаем, какая именно искра вызовет пожар, но мы должны быть готовы использовать обострение обстановки для самых решительных действий против этого изжившего себя общественного строя. Искусственное сохранение его означает сохранение гнета и реакции по всем линиям, мучения и страдания громадного большинства человечества ради интересов кучки эксплуататоров.

Ленин подчеркивал, что неравномерность есть закон развития капитализма вообще. В эпоху империализма она приобретает особо острый характер, ведет к конфликтам и войнам. Вместе с тем этот закон неизбежно приводит к выводу, что нельзя ожидать одновременного созревания революции во всех или даже нескольких странах и что, следовательно, революция может созреть в одной стране, которая стала в силу определенных причин узловым пунктом противоречий, слабым звеном империалистической цепи. Поэтому революционная партия пролетариата должна использовать сложившуюся благоприятную обстановку для смелого и решительного штурма капитализма в той стране, где она назрела.

* В. И. Ленин, *Социалистическая революция и право наций на самоопределение (тезисы)*, стр. 253.

Ленин на опыте революции 1905—1907 гг. в России утверждал далее, что эпоха империализма обусловила возможность новой расстановки классовых сил и нового типа революций, имеющих новые перспективы развития. В этих революциях движущими силами будет не буржуазия, а пролетариат в союзе с крестьянством, к власти при обеспечении определенных условий придет не буржуазия, а революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства; эти революции имеют тенденцию и возможность перерасти в пролетарские. Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазно-демократическая революция, тем вернее будет успех борьбы пролетариата с буржуазией за социализм.

При определении вопроса о союзниках пролетариата Ленин исходил из того, что империализм в своем развитии создает возможность превращения крестьянства из потенциального союзника буржуазии в потенциального союзника пролетариата. Он не оспаривал мнения Люксембург о том, что империализм ликвидирует натуральную замкнутость и ограниченность докапиталистических укладов, угнетает и расслаивает крестьянство, эксплуатирует простое товарное хозяйство. Но если Люксембург делала отсюда вывод, что этот процесс, сокращая питательную среду капитализма, сужает его базу и делает капиталистическое накопление в дальнейшем невозможным, то Ленин из того же факта делал вывод, что крестьянство в целом может стать союзником пролетариата в антиимпериалистической буржуазно-демократической революции, а беднейшее крестьянство станет союзником рабочего класса в пролетарской революции.

Отсюда вытекали и взгляды Ленина на национально-колониальный вопрос. Антиимпериалистическая революция не будет одновременным актом, в котором выступит только пролетариат против буржуазии. Пролетарская революция не может быть лишь делом пролетариата передовых стран. «Социальная революция, — писал Ленин, — не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах, и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» *.

Этот процесс займет целую историческую эпоху. Свержение мирового империализма будет осуществлено в результате движений пролетариата и многочисленных, разнообразных по форме и движущим силам выступлений других классов и слоев, угнетаемых империализмом, в том числе национально-освободительных движений. Поскольку население коло-

* В. И. Ленин, *О карикатуре на марксизм...*, стр. 112.

ниальных и зависимых стран по преимуществу крестьянское, все то, что Ленин писал о роли и революционных потенциях крестьянства, относится в определенной степени и к движениям в колониальных странах.

Взгляды Ленина не были только теоретическим предвидением. В своих выводах и расчетах он исходил из опыта русской революции 1905—1907 гг. и из анализа буржуазных и буржуазно-демократических движений на Востоке в начале XX в.

Ленинская теория империализма и ленинская тактика в национально-колониальном вопросе в самом скором времени прошли проверку в огне классовых битв национально-освободительных революций и войн. Вопросы, которые до Великой Октябрьской социалистической революции нередко казались лишь предметом теоретических споров, проблемами политической мысли, в канун и в ходе революции приобрели животрепещущий характер, стали решаться оружием. А с победой пролетариата в России они стали вопросами государственной политики, приобрели новые черты. Дальнейшее развитие получила и ленинская теория национально-колониального вопроса.

От редакционной коллегии	5
Глава 1. Борьба народов Азии и Африки против колонизаторов (XVI—XVIII вв.)	8
Социально-экономический уровень стран Востока накануне прихода европейских колонизаторов	11
Общественная мысль в странах Востока накануне колониального завоевания	26
Страны Тропической и Южной Африки на рубеже средних веков и нового времени	35
Проблема «отставания Востока»	39
Колониальная экспансия феодальных стран Европы (Португалии и Испании). Сопротивление народов Востока	44
Колониальная экспансия торгово-капиталистических стран — Голландии, Англии и феодальной Франции	60
Результаты образования колониальной системы капитализма (к началу XIX в.)	76
Глава 2. Начало национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки (феодальный этап)	80
Колониальная эксплуатация в эпоху промышленного капитализма	80
Народное восстание 1825—1830 гг. на Яве	96
Национальное восстание в Индии (1857—1859 гг.)	99
Сопротивление народов Непала, Афганистана, Алжира колониальным захватам	115
Движение бабидов в Иране	120
«Опиумные» войны и крестьянская война тайпинов в Китае	124
«Феодальный национализм» и антифеодальные идеологические течения	133
Осуждение колониальной экспансии прогрессивной европейской общественностью	141
Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса по национальному и колониальному вопросам. I Интернационал и Восток	149

Феодалный этап национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки	154
---	-----

Глава 3. От феодального к буржуазному этапу национально-освободительной борьбы	158
Национально-освободительное движение и буржуазная революция в Японии	158
Буржуазно-реформаторские и национально-освободительные движения в странах Ближнего Востока	182
Национально-освободительное движение в Индии	197
Борьба народов Юго-Восточной Азии против колонизаторов	201
Национально-освободительная борьба, буржуазно-реформаторские и буржуазно-революционные движения в странах Дальнего Востока	222
Буржуазное просветительство и формирование идеологии буржуазного национализма	254
От феодального к буржуазному этапу национально-освободительной борьбы	272
Глава 4. Освободительная борьба народов Тропической и Южной Африки в конце XIX — начале XX в.	277
Южная Африка	278
Бассейн Конго	290
Восточная Африка и Мадагаскар	298
Восточный Судан, Эфиопия и Сомали	310
Западный Судан	321
Результаты колониального раздела Африки	331
Глава 5. Начало эпохи империализма и буржуазные революции в странах Азии	335
Переход к империалистическим методам колониальной эксплуатации	335
Буржуазные революции и национально-освободительные движения в странах Азии в 1905—1913 гг.	349
Национально-освободительное движение в годы первой мировой войны	389
Помощь международного демократического и рабочего движения национально-освободительным силам	408
В. И. Ленин о национально-колониальном вопросе	426

ВЕКА НЕРАВНОЙ БОРЬБЫ

Утверждено к печати

*Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР*

Редактор О. М. Гармсен

Художник А. П. Степанова

Художественный редактор И. Р. Бескин

Технический редактор С. В. Цветкова

Корректоры Л. Л. Родичев и Г. В. Стругова

Сдано в набор 16/V 1967 г.

Подписано к печати 5/X 1967 г.

А-11946 Формат 60×90¹/₁₆ Бум. № 1

Печ. л. 28,25+2 вкл. 0,5 п. л.

Усл. п. л. 28,75. Уч.-изд. л. 29,26

Тираж 2800 экз. Изд. № 1881

Заказ № 550

Цена 2 р. 05 к.

*Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»*

Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»

Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
7	2—3 св.	—	В. И. Павлов (гл. 2 и 5, разделы по экономике); С. Н. Ростовский
207	3 сн.	Административная и налоговая система была направлена	Административные и налоговые реформы были направлены
229	7 сн.	буржуазно-помещичьими или левыми	буржуазно-помещичьими и левыми
417	21 св.	Гуршуни	Гершуни

